This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P SLAV 620.5 (1902/1)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

ЯНВАРЬ. 1902.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1902.

Δ
PSlav 620.5 (1902 / 1)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 20 195

Morse 7

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26-го января 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	**«Служащій»**. Разсказъ *С. Я. Елпатьевскаго* . . .	5— 35
2.	*** Стихотвореніе. *О. Чюминой*.	36
3.	**Гоголь**. Изъ посмертныхъ бумагъ. *Г. З. Елисеева*.	37— 71
4.	**Антонина**. Разсказъ *Элизы Ожешко*. Переводъ съ польскаго Е. Немировской	72— 96
5.	**Значеніе свѣта въ современной медицинѣ**. *В. Гомолицкаго*.	97—116
6.	**Идетъ-ли?—Негостепріимное село.—Два врага.—Первый болгаринъ, который...—Сценка на соборной площади**. Разсказы *Ив. Вазова*. Переводъ съ болгарскаго И. К.	117— 144
7.	**Вечеринка**. Разсказъ *А. А. Вербицкой*.	145—202
8.	**Средь мукъ и стенаній на свѣтъ**... Стихотвореніе. *П. Я*.	203
9.	**«Смотри впередъ»**! Стихотвореніе *А. Ольгинскаго* .	203
10.	**Я распахнулъ окно**... Стихотвореніе *А. Лукьянова* .	204
11.	**Основные моменты въ оцѣнкѣ современнаго городского управленія**. *Гр. Шрейдера*	1—[illegible]
12.	**Что читаетъ французская провинція?** *С. Ан—скаго*	23—[illegible]
13.	**Новыя книги:**	

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій.—С. Я. Надсонъ. Недопѣтыя пѣсни.—Г. Галина. Стихотворенія.—Федоръ Фальковскій. Ложь! Веселые звуки. Счастье наше.—А. Е. Заринъ. Лѣто. Петербургская повѣсть.—Н. Н. Сергіевскій. Антонъ Калюжный.—В. Н. Крачковскій. Жизнь и смерть.—Б. Дубровская. Изъ жизни сѣренькихъ людей.—Д. Зеленинъ. Международный языкъ науки и культурныхъ сношеній.—Картины изъ жизни животныхъ. Н. П. Вагнера.—Грантъ Алленъ. Въ тайникахъ природы.—Фюстель-де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи.—Арнольдъ Бергеръ. Культурныя задачи реформаціи.—В. В. Корсаковъ. Пекинскія событія.—К. К. Доводчиковъ. Что имѣемъ не храним, по-

(См. на оборотѣ).

СТРАН.

терявши, плачемъ. — Санитарное состояніе Оренбургской губерніи Д-ра М. М. Кенигсберга.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . . 48—76

14. **Книга о языкѣ Гоголя.** (I. Мандельштамъ. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ 1902). *А. Г. Горнфельда* . . . . . 76— 90

15. **Литература и жизнь.** О повѣстяхъ и разсказахъ гг. Ѳ. Потѣхина, Ивана Щеглова, Н. Тимковскаго, Алексѣя Плетнева, кн. Барятинскаго, Евгенія Чирикова, М. Горькаго, Антона Чехова.—Два слова о воспоминаніяхъ М. А. Антоновича о Добролюбовѣ. *Н. К. Михайловскаго* . . . . . 90—114

16. **Изъ Англіи.** *Діонео* . . . . . 114—141

17. **Наша текущая жизнь.** Процессъ оскудѣнія литературы и причины его.—Журнальныя мелочи: „Русская Мысль“, „Міръ Божій“, „Вѣстникъ Европы“ за декабрь. *В. Г. Подарскаго* . . . . . 142—177

18. **Политика.** Неопредѣленность политическаго положенія.—Толки о тройственномъ союзѣ и гипотезы о новыхъ комбинаціяхъ.—Текущія событія: Венесуэла и Колумбія, Ковейтъ и Багдадъ, французское народоисчисленіе 1901 г. *С. Н. Южакова* 178—191

19. **Хроника внутренней жизни.** I. По поводу прошлаго года.—Нѣкоторые итоги его земской сессіи. — II. Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ земскихъ собраніяхъ.—III. Оригинальный юбилей.— IV. Административныя мѣры по охранѣ порядка.— Административныя распоряженія относительно печати. Правительственное сообщеніе. *В. А. Мякотина* . . . . . 192—223

20. **Съѣздъ учителей земскихъ школъ московскаго уѣзднаго земства.** *В. Кирьякова* . . . . . 224—256

21. **Объявленія** . . . . . 257—260

Принимается подписка на 1902 годъ

(X-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой. . . . . 9 р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . . 8 р.
За границу . . . . . 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается ***разсрочка:***

при подпискѣ . . . . 5 р.	или	при подпискѣ . . . . 3 р.
и къ 1-му іюля. . . . 4 р.		къ 1-му апрѣля. . . . 3 р.
		и къ 1-му іюля . . . 3 р.

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Книжные магазины, **библіотеки, земскіе склады и потребительныя общества,** доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ ***безъ доставки*** (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ) допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Подписка въ разсрочку **отъ книжныхъ магазиновъ, библіотекъ, земскихъ складовъ и потребительныхъ обществъ** не принимается.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО», подъ редакціей **Н. К. Михайловскаго** и **В. Г. Короленко.** Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб. Часть 2-я. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. *Третье* изд. Ц. 1 р. 25 к.
— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.
— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.
— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое.* Цѣна 1 р. 50 к.
— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р. 50 к.
— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изд. *четвертое.* Ц. 1 р.
— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изд. *восьмое.* Ц. 75 к.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. Ц. 2 руб.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. *Т. I.* (*Изданіе второе*): Въ преддверіи. Шелаевскій рудникъ.—*Т. II*: Съ товарищами. Кобылка въ пути. Среди сопокъ. Эпилогъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.
— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.
— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *четвертое.* Ц. 1. руб. Томъ II. Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства“**, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *въ* **С.-Петербургѣ**—*контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*
въ **Москвѣ**—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Шесть томовъ соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма: 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника. I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона. чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

„СЛУЖАЩІЙ“.

(Разсказъ).

I.

— „Услужающій“...—вотъ наше настоящее имя!—Злобный огонекъ блеснулъ въ сѣрыхъ свѣтлыхъ глазахъ моего собесѣдника.

— Вы думаете,—*онъ* только труда отъ меня хочетъ, головы? Какъ же не такъ!.. Будь ты услужающій... И чувствую... „Жалованье плачу, понимать долженъ, чувствовать“... Все дѣлай и не перечь, съ праздниками поздравь, выборы въ думу пойдутъ,—шаръ за него клади!..

— Я вамъ разскажу,—сердито продолжалъ Ножичкинъ,—за что я отъ Митрогова вылетѣлъ... Дебоширъ онъ отчаянный и, какъ напьется, сейчасъ въ публичный домъ и непремѣнно драку устроитъ. Сколько ужъ били его—и стульями, и бутылками по головѣ, и съ лѣстницы спускали—все неймется. Ну такъ вотъ... Всегда поддужнаго бралъ съ собой, чтобы хозяина берегъ, за дебоши расплачивался, ну и компанію дѣлилъ,—тутъ ужъ и пей и все продѣлывай... Герасимъ Ѳедоровичъ въ этой должности состоялъ,—должно быть знаете, главный довѣренный. Не молодой ужъ, дочери въ гимназіи кончаютъ, а ѣздилъ, потому—услужающій человѣкъ. Какъ-то захворалъ онъ и указалъ на меня,—крѣпкій, молъ, человѣкъ, всегда въ разумѣ. А мнѣ любопытно было,—ужъ очень много слышалъ я о похожденіяхъ Митрогова,—я и поѣхалъ. Словно звѣрь онъ, пьяный,—чѣмъ-то не угодилъ я ему, онъ и полѣзъ съ кулаками. Ну, я за горло и подмялъ подъ себя...

— Вы думаете, за это разсчиталъ?—прервалъ онъ себя.—Ни слова на другой день. А за то, что въ слѣдующій разъ не поѣхалъ...

— А Герасимъ-то Ѳедорычъ и по сейчасъ ѣздитъ!—фыркнулъ изъ угла совсѣмъ иной голосъ.—Честное слово... Третьяго

дня ѣздили... Что тамъ было!..—Торопливо, словно боясь, что его не выслушаютъ, говорилъ безусый и безбородый юноша съ румянцемъ на щекахъ. Онъ весь сіялъ,—и тѣмъ, что только что изъ мальчиковъ сдѣлался приказчикомъ, и своимъ новымъ съ иголочки костюмчикомъ, и тѣмъ, что сидѣлъ со взрослыми и слушалъ умные разговоры. Всѣ звали его „Алеша", я познакомился съ нимъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда онъ довѣрилъ мнѣ свою тайну,—стихотвореніе, написанное въ подражаніе Кольцову, гдѣ говорилось про тучу и лѣсъ и тоску-печаль.

— Честное слово, Константинъ Николаевичъ!

— Знаю, Алеша. И будетъ ѣздить...

Ножичкинъ попалъ на свою любимую или, вѣрнѣе, больную тему объ отношеніяхъ хозяевъ и служащихъ.

— *Онъ* и нанимаетъ... и теперь еще, а раньше все такъ,—безъ опредѣленнаго жалованья. „По усердію глядя... Награжу"... Понимаете, не жалованье платитъ, а „награждаетъ". Вотъ я вамъ разскажу случай одинъ,—и не очень давно былъ. Служилъ у Воронина—тоже главнымъ довѣреннымъ—Митрофанъ Саввичъ и тоже, какъ Герасимъ Ѳедоровичъ, съ мальчишекъ. Милліонные обороты дѣлалъ, все дѣло велъ, а жалованья не получалъ. Нужно будетъ домишко ремонтировать,—къ хозяину. „Вотъ,—скажетъ,—крыша течетъ"—дастъ. Дочку просватаетъ, приданое срядить надо — наградитъ. Разъ—при мнѣ было, съ полгода я у нихъ въ конторѣ занимался,—приходитъ Митрофанъ Саввичъ—„десять рублей, говоритъ, позвольте"... „Зачѣмъ?" Показываетъ сапоги. „Вотъ, говоритъ, обносился,—новые надо". Посмотрѣлъ хозяинъ. „Ну, говоритъ, намъ съ тобой не танцы танцовать. По базару-то и въ этихъ ладно,—вотъ тебѣ, трешня, подкинь подметки"... И разговаривать не сталъ.

— Такъ вотъ какой случай выпалъ! Какъ-то захворалъ Митрофанъ Саввичъ,—старикъ ужъ былъ—завязалъ въ платочекъ свой носовой клѣтчатый пятьдесятъ тысячъ изъ кассы, да и пошелъ домой... Думалъ, помирать будетъ, а не померъ. Ну, и при милліонахъ пятьдесятъ тысячъ все-же—деньги. Узналъ хозяинъ, что въ кассѣ нехватайка, а сколько—Богъ вѣсть, можетъ не одна сотня тысячъ. Книгъ-то путныхъ не велось, больше на память, да на записочки. Призываетъ Митрофана Саввича, когда тотъ выздровѣлъ.

— „Взялъ деньги?"

— „Отчислилъ, Прохоръ Лукичъ... За службу, дѣтямъ на прожитокъ"... Самъ въ ноги.

— „Сколько?"

— „Пятьдесятъ"...

— „Вѣрно?"...

— „Вѣрно“...

Схватилъ его хозяинъ за сѣдую бороду, таскалъ, таскалъ по полу, а потомъ поднимаетъ.

— „Ну, говоритъ, поцѣлуемся... Я-бы тебя, дуракъ, и самъ наградилъ“...

И поцѣловались. Объ деньгахъ, конечно, ни слова. И до самой смерти Митрофанъ Саввичъ главнымъ довѣреннымъ служилъ...

Мнѣ очень нравились разсказы Ножичкина, но еще больше интересовалъ самъ разсказчикъ. Я тогда только что присматривался къ нему и съ любопытствомъ прислушивался къ сердитому, язвительному голосу.

— Рабочему лучше... Онъ знаетъ свои уроки,—отработалъ, получилъ полтинникъ и знать никого не хочетъ. А съ насъ душу требуютъ, всего человѣка... А кто виноватъ? Мы-же сами... Халуйства много, крѣпостное право не выѣлось— „вы наши отцы, мы ваши дѣти“. Хамы... Вѣдь вотъ Герасима Ѳедоровича взять... Ну кабы воръ,—около Митрогова можно поживиться,—а то вѣдь честной человѣкъ, однимъ жалованьемъ и живетъ. А любитъ, видите-ли... Съ мальчишекъ. И дѣло любитъ, и хозяевъ любитъ, и дѣтей ихъ любитъ... собаку хозяйскую любитъ. Подъ уголовщину было попалъ, когда Митроговъ обанкрутился и векселя какіе-то заставилъ подписать. Помните у Щедрина,—Ножичкинъ былъ большой поклонникъ Салтыкова и Глѣба Успенскаго и любилъ цитировать ихъ въ разговорѣ,—про статскаго совѣтника, который начальство слишкомъ возлюбилъ и очухался только когда его въ ступѣ истолкли, да толкомъ по башкѣ долбонули. А мы и теперь не очухались, хотя и по башкѣ долбятъ.

Вступили въ разговоръ другіе собесѣдники и много удивительныхъ разсказовъ наслушался я въ тотъ вечеръ о хозяевахъ и о служащихъ.

Мы зашли въ трактирчикъ послѣ засѣданія нашего Общества Взаимопомощи Вольнонаемныхъ Служащихъ. Кромѣ меня и Алеши, было еще нѣсколько служащихъ изъ магазиновъ и конторъ. Я недавно попалъ въ „Общество“ и съ большимъ интересомъ присматривался и прислушивался. Тонъ задавалъ Ножичкинъ, къ его словамъ внимательно прислушивались, обращались къ нему съ вопросами.

Въ особенности Алеша, видимо, восхищался имъ и подражалъ ему,—носилъ такой же галстухъ и такой же высокій, подпиравшій шею крахмальный воротничекъ. Онъ все время смотрѣлъ въ ротъ Ножичкину и, когда тотъ сердился и сдвигалъ брови, Алеша морщилъ лобъ, что выходило очень потѣшно на юномъ дѣвичьемъ лицѣ, остававшемся такимъже сіяющимъ и по дѣтски ласковымъ.

Молчалъ самый старый изъ насъ, высокій съ сумрачнымъ лицомъ и унылыми усами бухгалтеръ изъ частнаго банка, и только въ передней, одѣваясь, проговорилъ съ угрюмой насмѣшкой:

— Какъ мы съ тобой, Алеша, хозяевъ-то отдѣлали, теперь они тише воды, ниже травы будутъ... Эхъ, други, други... Мелемъ, мелемъ... Погоди, Константинъ, — упрыгаешься...—обратился онъ къ Ножичкину.

— По землѣ ползать не стану. Услужающимъ не буду...

Я невольно оглянулся на Ножичкина. Онъ стоялъ въ дверяхъ, освѣщенный лампой, высокій, сухой и словно ощетинившійся, со своими жесткими рыжими усами и остриженной ершомъ головой. Сѣрые глаза смотрѣли спокойно и насмѣшливо.

— Честное слово, Степанъ Николаевичъ... Я хотѣлъ сказать... Вотъ ей Богу... Честное слово...—Лицо Алеши было красное, большіе глаза блестѣли, но онъ такъ и не сказалъ того, что хотѣлъ подтвердить честнымъ словомъ. Мы вышли на улицу.

II.

Въ первый разъ я встрѣтилъ Ножичкина въ томъ же обществѣ взаимопомощи вольнонаемныхъ служащихъ, куда я не задолго предъ тѣмъ поступилъ членомъ и докторомъ и гдѣ принимали участіе приказчики, конторщики, пароходные капитаны и машинисты и всякаго рода служащіе на частной службѣ люди.

Помню, Ножичкинъ мнѣ не понравился. Было годичное общее собраніе. Предсѣдательствовалъ тотъ самый Герасимъ Ѳедоровичъ, довѣренный купца Митрогова,—полный, благообразный господинъ съ большой сѣдѣющей бородой, въ длиннополомъ темносинемъ сюртукѣ, остриженный по старинному въ кружокъ и съ стариннымъ же чернымъ галстухомъ на шеѣ. Въ то время онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ героемъ дня, за нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ отпразднованъ юбилей его пятидесятилѣтней службы въ одной и той же фирмѣ—торжественный юбилей, въ которомъ участвовали хозяева и служащіе,—съ обѣдомъ, рѣчами, адресами и подношеніями. Годичное общее собраніе нашего общества хотѣло почтить его, какъ юбиляра и старѣйшаго члена, состоявшаго въ обществѣ съ его основанія.

На очереди стоялъ вопросъ о баллотировкѣ новыхъ членовъ и, между, прочимъ о принятіи кандидата, достигшаго предѣльнаго по уставу возраста—40 лѣтъ.

— Оно, конечно, господа,—на Михаила Архангела ему сорокъ лѣтъ стукнуло, только вѣдь человѣка и пожалѣть нужно. Свой братъ, служащій...—съ мягкими манерами, пѣвучимъ, благожелательнымъ теноркомъ говорилъ предсѣдатель. Въ силѣ еще мужикъ, только вотъ ноги простужены. А насчетъ ежели устава,—такъ вѣдь мы же его составляли...

Послышались вялыя возраженія, говорить, видимо, стѣснялись. Члены правленія и передніе ряды, гдѣ сидѣли болѣе солидные люди, молчали и только изъ заднихъ рядовъ изрѣдка слышались робкіе молодые голоса.

— Параграфъ устава говоритъ ясно и опредѣленно,—сорокалѣтнихъ принимать нельзя,—о чемъ тутъ разговаривать?—раздался рѣзкій, сухой голосъ изъ заднихъ рядовъ.

— Что же,—вѣдь мы здѣсь промежду себя... Наше дѣло, семейное...—настаивалъ предсѣдатель.—Говорю, пожалѣть надо,—нашъ братъ, служащій... Пятеро ребятъ...

— Такъ вотъ вы и кормите ихъ, если ужъ очень жалко... отозвался тотъ же сухой, рѣжущій уши голосъ.

— Тутъ, милостивый государь, дѣло общественное,—обиженнымъ тономъ отвѣтилъ предсѣдатель.—И совсѣмъ это ни къ чему,—я тамъ, или что другое...

Предсѣдателя поддержали, раздались недовольные голоса.

— Можно бы и поскромнѣе, безъ озорства...—ни къ кому не обращаясь, замѣтилъ членъ правленія.—Тутъ постарше есть, поопытнѣе...

— Вотъ то-то и оно, господа, что дѣло общественное, а не семейное, какъ обмолвился Герасимъ Ѳеодоровичъ...—Изъ заднихъ рядовъ поднялся и вышелъ впередъ высокій сухой человѣкъ съ остриженной ершомъ головой, жесткими рыжими усами и бородкой клинушкомъ,—одѣтый модно и корректно. Онъ видимо привыкъ говорить и рѣзко выдѣлялся изъ окружающихъ своей свободной манерой держаться.

— Наше общество называется обществомъ взаимопомощи... Такъ? Какая же мнѣ отъ него сорокалѣтняго помощь? Тутъ, господа, ариѳметика-то простая—заговорилъ онъ увѣреннымъ голосомъ, полуоборотясь къ заднимъ рядамъ и оглядывая толпу свѣтлыми сѣрыми глазами.

— Я вотъ съ двадцати лѣтъ взносы плачу и умирать еще не собираюсь. Есть, которые и по двадцати пяти лѣтъ платятъ,—а онъ, простуженный-то, поступитъ въ 40 лѣтъ членомъ, пять лѣтъ будетъ взносы платить, а потомъ вотъ этихъ пятерыхъ-то дѣтей и оставитъ на мою шею,—выдавай имъ пенсію... Вѣдь мы, господа, собрались сюда не филантропіей заниматься. Кому охота—пусть, а я не желаю...

Поднялся шумъ. Осмѣлились и горячо заговорили тѣ робкіе молодые голоса, которые раздавались изъ заднихъ ря-

довъ. Предсѣдатель долго звонилъ въ колокольчикъ и снова заговорилъ ласковымъ пѣвучимъ теноркомъ:

— Дозвольте обратить ваше вниманіе, господа... Михаилъ Лукьянычъ — солидный человѣкъ, вѣсъ имѣетъ. Извѣстно вамъ, сколько у нихъ въ компаніи-то служащихъ,—за нимъ и другіе пойдутъ... Говорить-то все можно! Которые пришли на готовенькое... А мы вотъ общество устраивали,—знаемъ. За полы тащить приводилось... Бывало, только смѣялись надъ нами... А теперь вотъ хорошимъ людямъ отказываемъ.

— Это справедливо...—поддержалъ тотъ же членъ правленія.—Былъ въ конторѣ разговоръ, — поступитъ Михаилъ Лукьянычъ, и другіе за нимъ. Что же? Не въ примѣръ прочимъ...

Протестующій человѣкъ все стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, ощетинившійся и колючій, и все говорилъ своимъ сухимъ, вызывающимъ голосомъ:

— Именно, Герасимъ Ѳедоровичъ... Эти хорошіе-то люди и смѣялись надъ нашимъ обществомъ... А какъ почуяли, что у насъ въ кассѣ сто тысячъ капитала, что можно на грошъ пятаковъ купить,—такъ и полѣзли. И никого за полы тащить не нужно,—больше приходить будутъ, когда узнаютъ, что чѣмъ моложе, тѣмъ легче пройти въ члены... А молодые-то и нужны.

Онъ началъ подробно обсуждать уставъ и доказывать, что предѣльный возрастъ нужно еще повысить и старше 35 лѣтъ въ члены не принимать; очевидно, онъ былъ хорошо знакомъ съ дѣлами „Общества“, цитировалъ уставы другихъ аналогичныхъ „Обществъ“, ссылался на практику страховыхъ обществъ.

— Опять, господа, повторяю... продолжалъ онъ,—не филантропія должна быть у насъ, а взаимопомощь. Вѣдь мы, служащіе, въ большинствѣ случаевъ люди безъ диплома и безъ пенсіи... Всякую минуту хозяинъ можетъ выбросить меня, какъ выталкиваютъ изъ конуры охрипшую собаку,—и мнѣ нужно, чтобы я зналъ куда идти, и чтобы я шелъ сюда не за милостыней, не за снисхожденіемъ, а въ силу своего права, чтобы я могъ не просить, а требовать...

Ножичкина поддержалъ длинный сумрачный бухгалтеръ изъ банка. Онъ указалъ, что количество пенсій и единовременныхъ пособій растетъ и будетъ расти, доказывалъ, что не слѣдуетъ увлекаться настоящимъ цвѣтущимъ положеніемъ дѣлъ, что въ будущемъ возможенъ провалъ, и присоединился къ мнѣнію Ножичкина о необходимости установить предѣльный возрастъ въ 35 лѣтъ. Въ заключеніе онъ предложилъ избрать коммиссію для пересмотра устава и выясненія дѣлъ общества.

Тѣмъ не менѣе на баллотировкѣ сорокалѣтній кандидатъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ прошелъ въ члены. Было, впрочемъ, принято и предложеніе бухгалтера и въ коммиссію попали и онъ, и Ножичкинъ.

Вторымъ вопросомъ было ходатайство незадолго предъ тѣмъ учредившагося въ нашемъ городѣ общества вспомоществованія учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И опять неловкое молчаніе и рѣзко прозвучавшій въ тишинѣ голосъ:

— Отказать!..

— Неловко будто...—замѣтилъ было предсѣдатель, но его прервалъ Ножичкинъ.

— Не наше блюдо... У насъ многіе члены еще въ уѣздное училище за дѣтей платить не могутъ, въ гимназіи всего пять стипендій, сколько лѣтъ о вечернихъ классахъ толкуемъ—устроить не можемъ,—какой намъ университетъ! Да вѣдь въ университетъ-то не отъ груди поступаютъ. Въ нашихъ гимназіяхъ ихъ маринуютъ до того возраста, когда заграницей университетъ кончаютъ,—пробьется дѣльный-то человѣкъ!..

— Обидятся Валеріанъ-то Алексѣевичъ, предсѣдатель ихній... Въ лавку заходилъ, — поддержите, говоритъ. И къ намъ расположенъ, пожертвованія собиралъ...—снова заговорилъ было предсѣдатель, но сразу поднялся шумъ и огромнымъ большинствомъ ходатайство было отклонено.

Затѣмъ слушался солидно и разносторонне составленный докладъ библіотечной коммиссіи, прочитанный Ножичкинымъ. Докладъ былъ принятъ почти единогласно и на выписку книгъ была назначена значительная сумма, за то вопросъ о читальнѣ,—о газетахъ и журналахъ, которые должны быть выписаны, возбудилъ большія пренія.

— Все равно вѣдь не посѣщаютъ...—лѣниво замѣтилъ членъ правленія.—Два года читальня открыта у насъ—рѣдко кто заглянетъ.

— Еще бы!—отозвался знакомый конторщикъ пароходной компаніи.—Вы назначили такіе часы, когда правленію удобно, а служащіе заняты... Не удивительно!

— Да и что читать-то?—вступился Ножичкинъ.—Какіе мы газеты и журналы выписывали? Либо мертвыхъ съ погоста таскаютъ, либо жулики всякіе обманомъ публики занимаются, науськиваютъ на кого-нибудь... Гдѣ намъ самимъ разбираться во всемъ, что на свѣтѣ дѣлается? Значитъ, намъ газету честную нужно, чтобы вранья не было, жульниченья, настоящую литературу, а не какое-нибудь мракобѣсіе...

Споровъ о газетахъ и журналахъ было много, но, повидимому, къ мнѣніямъ Ножичкина въ этой области прислу-

шивались съ большимъ вниманіемъ и, за небольшими исключеніями, его списокъ былъ принятъ.

Я вышелъ съ смѣшаннымъ ощущеніемъ. Съ одной стороны, я не могъ не признать резонности многихъ разсужденій Ножичкина,—а его списокъ книгъ и злыя характеристики органовъ печати удивили меня; а съ другой—звенѣлъ въ ушахъ этотъ рѣзкій, раздражавшій меня голосъ и эти слишкомъ рѣшительныя, казавшіяся мнѣ такими нетерпимыми, реплики. Не могъ я уяснить себѣ и его положеніе въ „Обществѣ"—былъ-ли онъ представителемъ болѣе или менѣе замѣтной группы, или говорилъ на свой страхъ и свою отвѣтственность.

III.

Скоро мнѣ снова пришлось столкнуться съ Ножичкинымъ и при томъ почти при такой-же обстановкѣ,—на годичномъ собраніи торгово-промышленнаго клуба.

Когда-то въ нашемъ городѣ процвѣталъ „дворянскій клубъ", потомъ возникъ „купеческій клубъ", дворянскій закрылся и уцѣлѣвшіе пассажиры разбитаго корабля перебрались на палубу купеческаго клуба.

Въ послѣднее время открылся торгово-промышленный клубъ. Тамъ было огромное число членовъ,—въ немъ сосредоточилась вся средняя часть городского населенія,—мелкіе чиновники, учителя, второразрядные купцы, юристы, не выросшіе изъ „помощниковъ", доктора, неуспѣвшіе обзавестись собственными лошадьми и сдѣлаться членами купеческаго клуба, а главную основу составляли все тѣ-же служащіе, какъ и въ „обществѣ взаимопомощи"—конторщики, приказчики, страховые агенты и всякій служилый людъ.

Нѣсколько сотъ членовъ собралось въ огромномъ, низкомъ, закоптѣломъ залѣ клуба. Долго читался отчетъ старшинъ и докладъ ревизіонной коммиссіи, въ залѣ было жарко и душно. Ряды цифръ ничего не говорили мнѣ и я долго бродилъ по пустымъ заламъ клуба, пока поднявшійся шумъ не привлекъ моего вниманія. Докладъ былъ конченъ. Изъ дальняго конца зала доносился рѣзкій, сухой голосъ, какъ-то слышный во всѣхъ углахъ. Изъ-за длинныхъ рядовъ стульевъ, биткомъ набившихъ огромный залъ, мнѣ не видно было говорившаго, но я сразу узналъ Ножичкина. Съ цифрами въ рукахъ, язвительно подчеркивая отдѣльныя мѣста, онъ нападалъ на дѣятельность клуба, на отчетъ старшинъ, скомканный и путанный, на докладъ ревизіонной коммиссіи, не провѣрившей оправдательныхъ документовъ, не коснувшейся общей жизни клуба.

Его поддерживалъ высокій старикъ съ сѣдой бородой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, какъ всѣ называли его въ клубѣ,—секретарь губернской земской управы, одинъ изъ самыхъ старыхъ членовъ клуба, не разъ выбиравшійся въ старшины, Ѳедоръ Ѳедоровичъ указывалъ, что не смотря на неоднократно выраженныя общими собраніями пожеланія, клубъ попрежнему живетъ азартной игрой въ карты и неприличнаго характера маскарадами, и убѣждалъ собраніе, что нужно найти другіе источники дохода и измѣнить характеръ клуба.

За старшинъ вступился предсѣдатель собранія, видный въ городѣ чиновникъ,—полный, бѣлотѣлый, съ пушистыми бѣлокурыми баками и унизанными перстнями пальцами. По знакомствамъ и своему общественному положенію онъ примыкалъ къ бывшему дворянскому и теперь купеческому клубу, но ему нравилась та почетная роль, которую онъ игралъ въ нашелъ клубѣ, при томъ онъ очень любилъ тѣ маскарады, о которыхъ говорилъ Павелъ Павловичъ; а многимъ членамъ клуба льстило, что въ ихъ средѣ числится членомъ такой видный въ городѣ человѣкъ; они находили даже, что это поднимаетъ значеніе клуба, и часто выбирали его предсѣдателемъ общихъ собраній.

— Мы и послушались васъ, многоуважаемый Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—благосклоннымъ баритономъ говорилъ онъ,—устроили семейные вечера, на которыхъ вы настаивали въ прошломъ году... И вышелъ одинъ убытокъ,—оркестръ игралъ въ пустомъ залѣ...

— Еще-бы!..—отозвался Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Господа старшины устроили семейные вечера съ легкими дѣвицами... Конечно, никто не поведетъ на нихъ свою семью!..

Въ залѣ послышался смѣхъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ старшинъ,—владѣлецъ лѣсныхъ складовъ,—толстый человѣкъ съ одышкой, съ цѣпочкой и въ брюкахъ на выпускъ, обидѣлся и съ краснымъ потнымъ лицомъ обратился къ собранію.

— Г. Ножичкинъ вотъ насчетъ отчета корилъ... Всякому видать, что мы сдѣлали,—гостиную новую справили, ремонтъ полный... Опять же насчетъ занавѣси,—смотрѣть стыдно. А у насъ представленія, съ концертами кто пріѣзжаетъ,—обѣгаютъ... Ежели этакъ будутъ оскорблять, ежели всякій—подчеркнулъ онъ—придетъ и будетъ насъ въ копѣйкахъ учитывать,—такъ это и служить нельзя, уйти только и больше ничего...

Онъ оглянулъ остальныхъ старшинъ и, отдуваясь, сѣлъ. Шумно раздвигая стулья и протискиваясь черезъ толпу, къ самому столу подошелъ Ножичкинъ и съ перекосившимся отъ злобы лицомъ заговорилъ.

— Какъ вы смѣете оскорбляться? Кто вы такой? Выбранный нами старшина, обязанный всякому изъ насъ,—слышители—*всякому*—давать отчетъ въ каждой копѣйкѣ, истраченной вами... Мы имѣемъ право оскорбляться! Клочки цифръ, которые вы представили,—это отвѣтъ? А потомъ, вы исполнили порученія прошлогодняго собранія? О семейныхъ вечерахъ мы уже слышали... А почему изъ двухъ тысячъ, ассигнованныхъ въ прошломъ году на пополненіе библіотеки, вы истратили на книги только четыреста рублей, а остальное пошло на самый этотъ занавѣсъ, да на новую гостиную? Кто уполномочилъ васъ? А что сдѣлалось съ внесеннымъ тоже годъ назадъ предложеніемъ многихъ членовъ устроить при клубѣ общеобразовательные курсы?

Я залюбовался Ножичкинымъ,—ярко освѣщенный, онъ стоялъ предъ столомъ, дрожащій отъ негодованія, съ вызывающимъ лицомъ и блестящими сѣрыми глазами.

Поднялся невообразимый шумъ. Земскій агрономъ, провизоръ изъ аптеки, помощникъ пароходнаго капитана, сотрудникъ мѣстной газеты,—которыхъ я немного зналъ—и еще нѣсколько человѣкъ яростно нападали на правленіе и разъясняли собранію, въ какомъ печальномъ состояніи находится библіотека и какъ быстро растетъ спросъ на книги. На шумъ собрались разбредшіеся было по билліарднымъ и карточнымъ комнатамъ другіе члены. Центромъ всѣхъ споровъ сдѣлалось измѣненіе характера клуба, часть стояла за старую систему,—за танцовальные вечера и маскарады, часть за курсы и лекціи. Среди шума правленіе заявило собранію, что оно частнымъ образомъ спрашивало мнѣніе многихъ давнихъ членовъ клуба, и всѣ они осудили затѣю группы новыхъ, при этомъ оно намекнуло, что имѣетъ тоже частныя свѣдѣнія, что курсы все равно не разрѣшатъ. Предсѣдатель снова попробовалъ вступиться за правленіе.

— Какіе курсы!—съ утомленной и презрительной улыбкой, словно отмахиваясь отъ надоѣвшаго всѣмъ вопроса, говорилъ онъ.—Вы сами знаете, господа, члены нашего клуба—все народъ дѣловой, трудящійся... За день-то по канцеляріямъ, да по конторамъ, по лавкамъ, человѣкъ намается,—вечеромъ ему отдохнуть нужно,—какое-нибудь, такъ сказать, эстетическое удовольствіе,—музыка, спектакль, а не астрономію, да политическую экономію изучать... Не пойдетъ, господа, это дѣло...—меланхолически закончилъ онъ.—Да и загадятъ все,—полы, колонны...

— Разный отдыхъ бываетъ...—уклончиво отвѣтилъ Ножичкинъ.—Только вы объ этомъ не безпокойтесь, Александръ Львовичъ, пойдутъ люди... И не только пойдутъ, а окупятъ все,—и клубъ и лекторовъ, и полы и колонны...

Сторонниковъ общеобразовательныхъ курсовъ оказалось очень много,—между ними даже вышелъ споръ. Агрономъ разъяснялъ собранію, что курсы можно устроить съ малыми затратами, что между членами клуба есть учителя гимназіи и много людей съ высшимъ образованіемъ, и что нѣкоторые изъ нихъ согласились читать и даже предлагаютъ свой трудъ безплатно. Противъ этого и возсталъ Ножичкинъ.

— Я, господа, человѣкъ коммерческій... Даромъ-то только въ потолокъ плюютъ... Они вѣдь, учителя-то, берутъ за свои уроки, и мы будемъ платить... И такъ нужно платить, чтобы наши уроки были имъ интереснѣе частныхъ уроковъ... Тогда не то, что кто пожелаетъ, а кого мы пожелаемъ... На коммерческую ногу,—вонъ какъ въ театрѣ. И гастролеровъ приглашать будемъ, изъ столицъ. Поѣдутъ и профессора, поѣдутъ и литераторы,—не больно у насъ ихъ деньгами-то обсыпаютъ... А онъ одну лекцію въ пяти городахъ прочитать можетъ, смотришь, новый заработокъ будетъ...

Снова разгорѣлся споръ между партіей реформы клуба и сторонниками стараго порядка. Спорили, въ сущности, двѣ небольшія кучки, масса стояла инертная и молчаливая, но, очевидно, всѣ были очень заинтересованы,—къ моему удивленія, опустѣли буфетъ и билліардная и карточные столы. Давно уже стулья были отодвинуты и публика густой толпой окружила столъ, за которымъ сидѣли предсѣдатель собранія и старшины. Толпа мѣнялась, люди приходили и уходили, только модно одѣтый человѣкъ съ рыжими усами и щеткой остриженной большой головой все время стоялъ у стола и принималъ горячее участіе въ спорахъ.

И странное дѣло! Въ собраніи было много интеллигентныхъ людей, говорившихъ и литературнѣе, и умнѣе, но ничей голосъ не былъ такъ слышенъ въ душной, полной людьми комнатѣ, не звучалъ такъ рѣзко и опредѣленно, никто не будилъ такъ страсти и не расшевеливалъ инертныхъ людей...

Результатъ засѣданія вышелъ неопредѣленный. Старое правленіе было забаллотировано, но изъ оппозиціи только одинъ Павелъ Павловичъ попалъ въ старшины, остальные были избраны изъ старой партіи. За то была организована особая коммиссія съ широкими правами, на которую собраніе возложило завѣдываніе библіотекой и организацію общеобразовательныхъ курсовъ и въ которую попали и Ножичкинъ, и земскій агрономъ, и провизоръ, и помощникъ капитана, и нѣсколько интеллигентныхъ лицъ, которымъ принадлежала иниціатива дѣла.

Какъ-то не клеилось мое знакомство съ Ножичкинымъ, не смотря на то, что мы довольно часто встрѣчались и въ клубѣ, и въ обществѣ взаимопомощи. Всегда настороженный,

съ той подчеркнутой корректностью костюма и манеръ, которая обратила на себя мое вниманіе въ первый разъ,—онъ охотно говорилъ о дѣлахъ общества и клуба, мы вступали въ споры по литературнымъ и общественнымъ вопросамъ, но дальше этого наше знакомство не шло и онъ попрежнему оставался для меня загадкой, застегнутымъ на всѣ пуговицы человѣкомъ.

Не встрѣчалъ я его въ семьяхъ городской интеллигенціи, не встрѣчалъ и у купцовъ,—повидимому, онъ держался особнякомъ.

IV.

Ближе пришлось мнѣ познакомиться съ Ножичкинымъ, когда заболѣлъ брюшнымъ тифомъ его сынъ, гимназистъ второго класса.

Помню, я вошелъ въ небольшую квартиру въ Зарѣченской слободкѣ, гдѣ ютилось бѣдное населеніе: столяры, торговцы съ лотковъ, мелкіе чиновники, отставные офицеры. Одна комната побольше служила спальней и дѣтской, другая — столовая, куда я распорядился перенести больного, третья—маленькая съ самодѣльными полками, занятыми книгами, съ портретами русскихъ писателей на стѣнахъ и поставленнымъ на козла большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ счетами, конторскими книгами, какими-то журналами.

Квартира удивила меня не тѣмъ, что въ ней было, а тѣмъ, чего не было и что я постоянно встрѣчалъ въ подобныхъ квартирахъ „служащихъ“. Не было „гостиной“ съ диваномъ, круглымъ столомъ и коврикомъ, не было горки съ серебряными ложками и мельхіоровыми подстаканниками, гардеробовъ съ платьями и шубами, обитыхъ жестью сундуковъ, олеографій Нивы на стѣнахъ.

Въ первое время лѣченія я не встрѣчался съ Ножичкинымъ и видалъ только жену его. Маленькая черненькая женщина съ глубоко посаженными глазками, словно мышка, безшумно скользила изъ комнаты въ комнату, отъ больного въ кухню — указать прислуживавшей у печки дѣвочкѣ-подростку, изъ кухни въ дѣтскую помочь сидѣвшей за ариѳметическими задачами маленькой дочкѣ, и снова къ больному—дать лѣкарство, измѣрять температуру,—молчаливая, всегда съ однимъ и тѣмъ-же застывшимъ лицомъ, казалось, равнодушнымъ къ тому, что происходило кругомъ. Съ этимъ лицомъ она выслушивала мои наставленія и только изрѣдка, въ случаѣ рѣзкаго ухудшенія, обмѣнивалась короткими фразами.

— Хуже, докторъ?

— Хуже.

— Боитесь за нынѣшнюю ночь?

— Ну хоть не за нынѣшнюю...

— Не откажите, въ случаѣ нужды.

А тифъ у мальчика оказался особенно жестокій, затянувшійся на 4 мѣсяца, со всѣмъ тѣмъ разнообразіемъ осложненій, какое даетъ только брюшной тифъ,—съ кишечными кровотеченіями, съ мозговыми и легочными осложненіями, съ пролежнями, сведеніемъ конечностей и прочее,—одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда и мѣсяцъ, и два, уходя отъ больного, не знаешь, найдешь-ли его живымъ на другое утро.

Однажды, когда положеніе больного было особенно опасно, я счелъ нужнымъ предупредить, что не могу ручаться за предстоящія сутки. Худенькая женщина пристальнѣе обыкновеннаго взглянула на меня, передвинула кожаный поясъ, стягивавшій ея кофточку, и тихо выговорила:

— Очень плохо, докторъ?

— Очень.

Она присѣла на кровать сына, медленно провела рукой по волосамъ, мелькомъ взглянула на обтянутое, съ ввалившимися полузакрытыми глазами, лицо мальчика и также спокойно, только еще тише выговорила:

— Что же дѣлать, докторъ?

Я предложилъ консиліумъ.

— Какъ знаете, докторъ... Мы вѣримъ въ васъ.

Прошли страшныя сутки, потянулись другія и третьи, такія-же страшныя, а она оставалась все такая же молчаливая и замкнутая, повидимому, спокойная, съ упорнымъ, напряженнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, всегда въ одномъ и томъ-же настроеніи, словно въ домѣ не происходило ничего особеннаго; и все такъ же, какъ всегда, безшумно скользила мелкими частыми шажками изъ комнаты въ комнату, дѣлая свое хозяйское дѣло,—смотрѣла за кухней, слѣдила за уроками дѣвочки. Только лицо становилось блѣднѣе, да глубже западали черные глаза. Повидимому, она не спала по цѣлымъ ночамъ,—во всякомъ случаѣ не раздѣвалась: мнѣ нѣсколько разъ приходилось бывать ночью, когда мальчикъ собирался умирать, и всегда я находилъ ее въ той-же кофточкѣ, перетянутой кожанымъ поясомъ, въ которой она ходила днемъ, и съ тѣми-же зачесанными назадъ волосами, очевидно, не видавшими подушки.

Только разъ она измѣнила себѣ. Я хорошо помню эту сцену. Дѣло было въ началѣ четвертаго мѣсяца, когда грозные симптомы исчезли и благопріятный исходъ достаточно выяснился. Казалось, все время я волновался больше ея и

съ чувствомъ огромнаго облегченія могъ, наконецъ, сказать ей:

— Ну теперь, Анна Григорьевна, можно успокоиться. Если не случится чего-нибудь совсѣмъ экстреннаго... Думаю,—мальчикъ внѣ опасности...

Въ этотъ день она была блѣднѣе обыкновеннаго. Ножичкина не было въ городѣ, послѣднія ночи она ни на минуту не оставляла сына. Мнѣ показалось, что она равнодушно выслушала извѣстіе, только лицо стало еще блѣднѣе и глаза сдѣлались шире. Машинально, моимъ тономъ оно повторила:

— Внѣ опасности...

Я долго разсказывалъ, какъ беречь ребенка, чего нужно бояться, говорилъ о температурѣ, о питаніи и съ удивленіемъ смотрѣлъ на мою собесѣдницу. Она мѣрно покачивала головой въ тактъ моимъ словамъ и странно улыбалась. Лицо ея осунулось, глаза сдѣлались мутные,—очевидно, она не понимала того, что я говорилъ ей.

— Вамъ записать, быть можетъ?

Она качнула головой и, все также странно улыбаясь, медленно откинулась на подушку дивана. Я бросился было поддержать ее, но она съ усиліемъ подняла тяжелыя вѣки и хриплымъ голосомъ выговорила:

— Ничего, докторъ, ничего... Я все слышу. Жидкая пища... Внѣ опасности...

Она замолчала и осталась неподвижна, только закрытыя вѣки вздрагивали. Я громко позвалъ ее, выслушалъ сердце и хотѣлъ было приводить въ чувство, но губы ея слегка шевельнулись, чуть слышно выговорила она—„внѣ“... и начала глубоко и ровно дышать,—она заснула.

Въ первое время я рѣдко видѣлъ Ножичкина. Онъ былъ безъ мѣста и часто уѣзжалъ изъ города по какимъ-то дѣламъ, если же бывалъ дома, то сидѣлъ дни и ночи за сдѣльной работой, которую ему удавалось доставать и которая состояла главнымъ образомъ въ разборкѣ торговыхъ книгъ и составленіи годичныхъ бухгалтерскихъ отчетовъ,—Ножичкинъ считался однимъ изъ лучшихъ бухгалтеровъ въ городѣ. Рецепты приходилось мнѣ писать въ его комнатѣ, я съ любопытствомъ присматривался къ его письменному столу и всегда находилъ тамъ что-нибудь новое и неожиданное. То попадались мнѣ уставы какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ обществъ, номеръ торгово-промышленной газеты, всеподданѣйшій отчетъ министра финансовъ, газетныя вырѣзки о потребительныхъ и ссудо-сберегательныхъ обществахъ. Розыскивая чистую бумагу, я какъ-то вытащилъ изъ подъ вороха газетъ чью-то французскую книгу по бухгалтеріи и выписанныя твердымъ убористымъ почеркомъ французскія

слова,—очевидно въ тоже время Ножичкинъ учился французскому языку. Попадались и книжки журналовъ, но въ особенности часто я находилъ раскрытыя книги Успенскаго и Салтыкова съ загнутыми углами страницъ, съ подчеркнутыми строчками, съ замѣтками на поляхъ. Очевидно, и Салтыковъ, и Успенскій были любимыми писателями Ножичкина,—много литературныхъ лицъ висѣло у него на стѣнѣ, но только два кабинетныхъ портрета Салтыкова и Успенскаго стояли въ самодѣльныхъ дубовыхъ рамкахъ на письменномъ столѣ.

И долго Ножичкинъ былъ такой же застегнутый, настороженный, какимъ я видалъ его въ обществѣ взаимопощи и въ клубѣ. Мы говорили о брюшномъ тифѣ, о питаніи мальчика, о существующихъ и возможныхъ осложненіяхъ и ни о чемъ постороннемъ.

И у обоихъ—и у мужа, и у жены—не смотря на ту щепетильную деликатность и безусловное довѣріе, которыя я привыкъ встрѣчать только въ очень интеллигентныхъ семьяхъ, чувствовалось что-то настороженное, замкнутое, словно желаніе отгородить себя, положить границу между собой и мной.

Совершенно неумышленно я самъ увеличивалъ разстояніе между нами. Я зналъ, что Ножичкинъ безъ мѣста, видѣлъ убогую обстановку, отсутствіе настоящей прислуги. Ѣздить мнѣ приходилось ежедневно, а иногда и два раза въ день. Какъ-то разъ, когда жена Ножичкина отдавала мнѣ деньги за сдѣланные визиты, я имѣлъ неосторожность сказать ей, что они могутъ мнѣ не платить, что я буду ѣздить даромъ, что они разсчитаются со мной, когда поправятся ихъ дѣла и проч., и проч.

— Намъ очень жаль, докторъ, что мы не можемъ платить вамъ больше рубля...—Она холодно смотрѣла на меня своими черными глазами и говорила сухимъ дѣловымъ тономъ,—я понимаю, вамъ далеко ѣздить и мы иногда ночью посылаемъ за вами... Ну что-же! Мы...

Я поспѣшилъ увѣрить, что совсѣмъ не думалъ отказываться отъ больного, и подъ упорнымъ взглядомъ моей собесѣдницы путался все болѣе и болѣе и, чтобы выдти изъ неловкаго положенія, обратился къ Ножичкину, вошедшему на нашъ разговоръ изъ своей комнаты.

— Я хотѣлъ объяснить, Константинъ Николаичъ, вашей женѣ, что я могу получать за визиты изъ кассы нашего общества...

Вышло еще хуже. Лицо Ножичкина сдѣлалось злое и угрюмое и, видимо сдерживая себя, онъ отвѣтилъ:

— Я знаю не хуже васъ, господинъ докторъ, уставъ нашего общества... и если бы находимъ нужнымъ...

Мнѣ пришлось долго извиняться и искренно увѣрять мужа и жену, что я не хотѣлъ ихъ оскорблять... Они, повидимому, удовлетворились моими объясненіями, но на нѣкоторое время наши отношенія сдѣлалась еще болѣе сдержанны. Анна Григорьевна начала сама заговаривать о консиліумѣ и время отъ времени предлагать вопросы:

— Быть можетъ, перемѣнить вино, докторъ, взять дороже? Я слышала въ бутылочный бульонъ прибавляютъ рябчиковъ?..

И мнѣ постоянно приходилось слѣдить за собой, чтобы какъ-нибудь не задѣть этого настороженнаго самолюбія, не проявить въ чемъ-нибудь непрошеннаго участія. Для меня было ясно, что именно этого участія они и не желали, отъ него, этого чужого участія, такъ ревниво и берегли свою интимную жизнь.

И на всей семьѣ лежала печать чего-то обособленнаго, отгороженнаго, ревниво берегущаго свою неприкосновенность отъ постороннихъ людей. Казалось, эта дисциплина и выдержка распространилась и на дѣтей. Поражалъ меня больной мальчикъ. Удивительно похожій на мать, такой же черненькій, маленькій, худенькій, съ такими же частыми и мелкими, какъ у мышки, зубами и упорнымъ взглядомъ темныхъ глазъ, онъ молча, безъ стоновъ и жалобъ, вылежалъ четыре мѣсяца тяжкой болѣзни и жестокихъ болей.

— Ну какъ, Витя, дѣла?

Если онъ былъ въ сознаніи, онъ останавливалъ на мнѣ свои мутные глаза и блѣдными запекшимися губами тихо выговаривалъ:

— Лучше...

— Голова болитъ?

— Н—немножко...

— А животъ?

— Тоже.—Онъ молчитъ и строго смотритъ на меня.

Также уклоняется отъ разговоровъ и такими же строгими глазами смотритъ на меня девятилѣтняя дѣвочка, высокая и сильная для своихъ лѣтъ,—съ сѣрыми свѣтлыми глазами, какъ у отца, и бѣлокурыми волосами, сбѣгающими на высокій, бѣлый лобъ.

А дѣла семьи шли все хуже и хуже. Очевидно, Ножичкинъ не находилъ себѣ мѣста и случайная работа давала мало. Правда, онъ являлся въ квартиру одѣтый, какъ всегда, модно и корректно—и такъ странно выглядѣлъ на фонѣ убогой обстановки,—но я видѣлъ, какъ одни глаза тревожно обращались съ нѣмымъ вопросомъ—„нѣтъ“? и другіе отвѣчали—„нѣтъ“... Исчезла изъ кухни прислуживавшая дѣвочка-подростокъ и вмѣсто нея чистила картофель и стояла

у печки девятилѣтняя дочка, съ тѣмъ-же дѣловымъ, серьезнымъ лицомъ, съ какимъ она сидѣла раньше надъ своими ариѳметическими задачами...

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ разговора, окончательно уяснившаго мнѣ положеніе дѣлъ въ семьѣ. Какъ-то разъ я засидѣлся. Раздался звонокъ, въ полуотворенную дверь передней я увидѣлъ стараго почталіона, который доставлялъ мнѣ корреспонденцію и котораго я давно зналъ и изрѣдка полѣчивалъ.

Онъ передалъ Аннѣ Григорьевнѣ газеты и письма и, что-то доставая изъ кармана, торопливо, полушопотомъ говорилъ:

— Только четыре съ полтиной дали... Дамскіе, говорятъ, и цилиндръ,—кабы анкерные...—Только узенькая перегородка отдѣляла меня отъ передней и я слышалъ каждое слово.

— Нѣтъ ужъ, Аннушка, не взойду... Холодный я, Витеньку простужу... Да и некогда мнѣ,—бѣжать надо...—Онъ заговорилъ еще тише.—Потолковала-бы ты съ Константинъ-то Николаевичемъ... Митрячевъ сейчасъ взялъ-бы... Самъ сказывалъ,—пусть, говоритъ, придетъ. Что ему, Аннушка, поклониться-то? Голова-то не отвалится. А сама подумай,—двѣсти цѣлковыхъ въ мѣсяцъ...

Я не слыхалъ, что отвѣтила Анна Григорьевна, только лицо ея сдѣлалось скучное и усталое, когда она вернулась въ комнату и какъ-то безпомощно опустилась на кровать сына. Снова раздался звонокъ, она встрепенулась и, поправляя волосы, словно отмахиваясь отъ чего-то надоѣдливаго, пошла отпирать дверь. Мнѣ снова пришлось слышать разговоръ въ передней.

— Все тоже...—отвѣтилъ мужской голосъ.—У Митрячева растрата,—тридцать тысячъ, и что и какъ,—никому неизвѣстно... Герасимъ Ѳедоровичъ на биржѣ встрѣтился,—заговаривалъ...

— Отецъ твой сейчасъ былъ...—отозвался женскій голосъ.—Тоже...

— Поклонись?..—со смѣхомъ спросилъ мужской голосъ.

— Поклонись...—также весело отвѣтилъ женскій.

Быть можетъ, я ослышался, но мнѣ показалось, что въ передней поцѣловались. Раньше я никакихъ проявленій нѣжности между супругами не замѣчалъ.

— Проживемъ, Ася?

— Проживемъ, Костя...

И они вошли—рука въ рукѣ, плечо къ плечу, спокойные и веселые, съ ясными лицами и глаза ихъ не видѣли меня... Снова потянулись тревожные дни, безсонныя ночи. Являлся послѣ долгихъ поисковъ Ножичкинъ, попрежнему мужъ и

жена обмѣнивались взглядами, говорившими: „нѣтъ“, „нѣтъ“, и садились около меня и говорили о температурѣ больного мальчика, о его питаніи, о возможныхъ осложненіяхъ; только объ одномъ не говорили—о трудномъ настоящемъ, о темномъ будущемъ...

V.

Какъ-то около этого времени ко мнѣ зашелъ старый почтальонъ и, отдавая корреспонденцію, извиняющимся тономъ выговорилъ:

— Полѣчиться-бы мнѣ, господинъ докторъ... Давно собираюсь. Порченый я человѣкъ, простуженный...

Я пригласилъ его въ кабинетъ. Стараго почтальона зналъ весь городъ. Больше сорока лѣтъ бродилъ онъ съ своей сумкой по улицамъ города всегда въ одномъ и томъ-же костюмѣ, съ красными, вѣчно слезящимися глазами, съ однимъ и тѣмъ же, повидимому, не мѣнявшимся морщинистымъ лицомъ, запеченнымъ солнцемъ, застуженнымъ морозами.

Такъ и стоялъ онъ предо мной въ моемъ кабинетѣ, полусогнувшись, съ подавшимися впередъ плечами, словно загнанная почтовая лошадь, которая и въ стойлѣ стоитъ съ вытянутой шеей, подавшимися впередъ лопатками и опущеннымъ задомъ.

Лѣчить его было очень мудрено, такъ какъ онъ весь оказался „порченый“. Не въ порядкѣ были легкія, не въ порядкѣ артеріи, подозрительны почки. При томъ онъ потребовалъ, чтобы я лѣчилъ его на ходу.

— Отдохнуть-бы вамъ, дѣдушка,—сказалъ я ему послѣ осмотра.—То-то и дѣло, что простуженный вы человѣкъ... И года ваши не малые. Дѣти-то вѣдь устроены...

— Да это что говорить, — благодареніе Господу! И почитаютъ... Лиза вотъ все зоветъ, меньшая,—учительница она у меня, въ Подгорномъ. Константинъ Николаевичъ вотъ тоже...

Старикъ звалъ сына по имени и отчеству и, повидимому, немного побаивался его.

— И Аннушка... Добрѣйшей души, — пріютитъ. Только вотъ что еще, господинъ докторъ...—Онъ засмѣялся.—Генералъ тутъ одинъ, отставной—кавалеріей командовалъ—не совѣтуетъ. Какъ, говоритъ, слѣзъ съ коня, такъ и старикъ сталъ. И ты, говоритъ, въ отставку выйдешь,—умрешь скорѣе. Всю жизнь работалъ, господинъ докторъ, а теперь къ дѣтямъ на шею!

Онъ оглянулъ свою тощую фигуру и согнутыя ноги и снова улыбнулся.

— Буду ужъ бродить, господинъ докторъ, пока кони мои носятъ...

Старый почтальонъ кончилъ свою разноску. Я насилу уговорилъ его присѣсть и отдохнуть.

— Ну, какъ Константинъ Николаевичъ поживаетъ?—перевелъ я разговоръ.—При мѣстѣ теперь...

— Оно, положимъ, при мѣстѣ... — старикъ сокрушенно махнулъ рукой.—Скружилъ меня, Константинъ Николаичъ! Характерный, непокорный,—все по своему. Слышали, какой скандалъ на обѣдѣ-то устроилъ?

Я ничего не слыхалъ.

— Какъ-же! Обѣдъ у нихъ какой-то былъ, въ обществѣ... Мануфактурщика, Луку Петровича, знаете? Выпилъ онъ и говоритъ въ концѣ, вродѣ какъ рѣчь. Много, говоритъ, васъ, приказчиковъ черезъ мои руки прошло. Не тотъ, говоритъ, настоящій приказчикъ, который честнóй, а который, значитъ, и хозяину дивидентъ даетъ, и себя не забываетъ. Извѣстно изъ расположенія говорилъ... А мой-то и накинулся.—Вы что, говоритъ,—въ острогъ пришли? воровскимъ наукамъ учить?.. И пошелъ честить. А за нимъ и другіе,—много теперь такихъ развелось.

— И какіе теперь люди пошли, господинъ докторъ, ума не приложу!—вздохнулъ огорченно старикъ.—Мы-то какъ жили бывало! Одному поклонишься, другому поклонишься, съ праздникомъ поздравишь,—глядишь, тотъ рубликъ, другой—рубликъ, а третій у нужныхъ людей похлопочетъ. Вотъ такъ и Костю-то въ ту пору въ уѣздное училище опредѣлилъ... И жили, господинъ докторъ... Семеро у меня дѣтей-то,—всѣхъ вспоилъ, вскормилъ, въ люди вывелъ. Кабы не характеръ его, давно человѣкъ былъ-бы—всѣ говорятъ! А то гордыня обуяла, знать никого не хочу...

Это была, очевидно, давняя наболѣвшая тема и старый почталіонъ радъ былъ выложить мнѣ свое горе.

— Сами видѣли, господинъ докторъ, какъ бились, а нѣтъ чтобы поклониться! форсъ все... И Аннушку взять. Другая бы жена уговаривала мужа, а она еще подзуживаетъ...

Мнѣ очень хотѣлось узнать про Анну Григорьевну.

— Изъ нашего же званія, изъ бѣднаго, нужды вотъ какъ нахлебалась, — а вотъ поди-ты!.. Отца-то я зналъ, письмоводителемъ въ полицейскомъ правленіи служилъ. Померъ—гимназію она кончала—только сестренку да братишку маленькаго на шею Анн Григорьевнѣ оставилъ—вотъ и наслѣдство все. Что го ить—обоихъ на ноги поставила, сестру въ фельдшерицы о едѣлила, братъ по наукамъ не пошелъ—въ фотографіи теперь работаетъ. По урочишкамъ бѣгала,

работала вродѣ насъ, грѣшныхъ... Бывало, звонимъ вмѣстѣ у подъѣзда, пошутишь:

— Что, говорю,—Анна Григорьевна, я—газеты, а вы—науку по дешевымъ цѣнамъ разносите.

— А вечеромъ, глядишь, у другого подъѣзда вмѣстѣ звонимъ. Что говорить! добрѣйшей души... Лизу-то, дочку-то, она же въ учительницы приготовила и меня старика привѣчаетъ. Только, говорю, другая-то жена склоняла бы, а она юбченку продастъ, часишки заложитъ. Слова не скажетъ. Подстать Константину-то...

Старикъ долго молчалъ.

— Въ дѣдушку Константинъ-то, въ батюшку моего покойнаго. Пономаремъ былъ... Тоже характерный былъ человѣкъ... Бывало выпьетъ лишку, раскассируетъ всю домашнюю имперію, какъ Батый какой,—кто въ сарай, кто на погребицу, а самъ раздѣнется до естественнаго вида, ляжетъ подъ яблоню и пойдетъ всѣхъ костить, нехорошія слова покойникъ любилъ. Батюшку ругаетъ, благочиннаго, станового, барина... Сколько разъ подъ началомъ былъ... И все, бывало, Костю учитъ,—у него жилъ маленькимъ-то...

— Никому, Костька, спуску не давай... Лупи всю сволочь по мордѣ!..

— Теперь-то при мѣстѣ,—закончилъ старый почталіонъ,—а гдѣ завтра будутъ, Богъ вѣсть! Нахлебаются еще горя-то...

Старый почталіонъ ошибся,—дѣла Ножичкина очень скоро наладились. Мѣсто получилъ онъ отчасти благодаря мнѣ. Мнѣ удалось найти ему временную работу у знакомаго присяжнаго повѣреннаго, бывшаго тогда предсѣдателемъ большого сложнаго конкурса. Дѣло было мудреное и запутанное и заключалось въ грандіозномъ мошенничествѣ, устроенномъ мѣстными крупными людьми на счетъ „нѣдръ“ земли, на которыя такъ падка была одно время русская публика. Тамъ было все, что полагается: и анализы, и эксперты, и грандіозныя сооруженія, и электрическое освѣщеніе, и широковѣщательныя рекламы и, конечно, акціи на биржахъ; только въ нѣдрахъ-то оказалась пустышка и оказалась какъ разъ къ тому времени, когда мѣстные люди успѣли спустить свои акціи. Дѣло вели тонкіе люди и задача Ножичкина была сложная и тонкая,—нужно было разобраться въ удивительной бухгалтеріи, оставленной конкурсу, разыскать имущество, неизвѣстно куда сгинувшее, вообще найти рачительно спрятанные концы. Ножичкинъ три мѣсяца работалъ день и ночь и блестяще „облупилъ яичко“, какъ выразился восхищенный присяжный повѣренный. Онъ же рекомендовалъ Ножичкина въ мѣстное агентство огромнаго коммерческаго предпріятія, въ которомъ самъ состоялъ юрисъ-консультомъ. Дѣла Но-

жичкина шли блестяще и мнѣ же пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ его назначенія на мѣсто завѣдующаго этимъ агентствомъ.

Я былъ знакомъ съ однимъ изъ директоровъ, время отъ времени пріѣзжавшимъ изъ Петербурга въ нашъ городъ для наблюденія за дѣлами агентства. Изрѣдка директоръ присылалъ за мной посмотрѣть его печонку и обыкновенно, послѣ осмотра, мы вмѣстѣ завтракали въ шикарномъ номерѣ гостиницы, гдѣ онъ всегда останавливался.

Великолѣпный господинъ, пухлый, бѣлый и сдобный, съ малой растительностью на головѣ и холеными сѣдыми баками, какъ всегда, разсказывалъ мнѣ за первымъ блюдомъ о неаполитанскихъ короляхъ, отъ которыхъ происходитъ его родъ, за вторымъ—о ваннахъ въ Киссингенѣ, куда онъ ѣздитъ каждое лѣто, только что началъ за ликеромъ разсказывать о всякихъ „nouveautés“ въ „Folies bergères“, откуда онъ только что возвратился, какъ его лакей, всюду сопровождавшій его, принесъ ему на блюдѣ визитную карточку.

— Ножичкинъ! C'est ça... Проси подождать...—онъ протянулъ мнѣ карточку и засмѣялся:—Ножичкинъ!

Онъ кончилъ разсказъ и въ томъ же благосклонномъ расположеніи духа, попыхивая доброй сигарой, вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ дожидался его Ножичкинъ.

— Пожалуйста... мнѣ два слова,—бросилъ онъ мнѣ, уходя и оставляя дверь открытой.

Я не различалъ сначала, что говорилъ директоръ, онъ тянулъ „э-э-э...“ какъ-то въ носъ, совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какъ онъ разговаривалъ со мной.

— Слышалъ много лестного... э-э-э. Пріятно, молодой человѣкъ... э-э-э.

Мнѣ виденъ былъ только большой лысый затылокъ, но и онъ сіялъ благосклонностью, а отъ Ножичкина виднѣлась одна нога и та была сердитая.

— Будемъ рады. Условія вы знаете... Э-э-э. Три тысячи и наградныя. Правленіе умѣетъ цѣнить трудъ...

До меня доносились отдѣльныя фразы Ножичкина. Я не видѣлъ его лица, но зналъ, что оно жесткое и угрюмое.

— Я писалъ въ правленіе... И участіе въ прибыляхъ ставлю непремѣннымъ условіемъ...—говорилъ знакомый рѣзкій вспыхивающій голосъ. Потомъ я услышалъ такой-же рѣзкій, вызывающій смѣхъ:—Видите, Павелъ Павловичъ, я желаю самъ себя цѣнить и предпочитаю самому себя награждать.

Кресло предъ письменнымъ столомъ тяжело двинулось и благосклонный лысый затылокъ покрылся крупными каплями пота. Нога Ножичкина мирно лежала на другой ногѣ.

— Вы заводите новый порядокъ. Сомнѣваюсь, милостивый государь, чтобы правленіе...

— Тогда и разговаривать нечего...—Двѣ ноги, одѣтыя въ модныя и корректныя брюки, стояли прямо и непоколебимо.— Тутъ, Павелъ Павловичъ, дѣло простое, коммерческое... Товаръ и купецъ... Купить,—продать... Только я предупреждаю васъ, что у меня и другіе купцы есть...

Павелъ Павловичъ вышелъ ко мнѣ, отдуваясь, съ озабоченнымъ лицомъ.

— Не угодно-ли? Ножичкинъ... Диктуетъ условія... И какой тонъ! онъ задумчиво потиралъ лобъ.

— А смѣлый планъ предложилъ...

Дѣло уладилось. Тогда шла ломка тарифовъ и пошлинъ, намѣчались новые желѣзнодорожные пути,—„смѣлый“ планъ Ножичкина былъ новый курсъ, широкій проектъ новой постановки дѣла, сообразно новымъ условіямъ, превосходно изученнымъ Ножичкинымъ...

Павелъ Павловичъ большого значенія въ правленіи не имѣлъ,—его держали въ обществѣ за великолѣпныя бакенбарды и за родство съ неаполитанскими королями,—правленіе приняло всѣ условія Ножичкина и назначило его завѣдующимъ агентствомъ,—съ необычно широкими полномочіями.

И съ Павломъ Павловичемъ Ножичкинъ сдѣлался пріятелемъ и мы не разъ устраивали веселые завтраки.

— Умѣетъ одѣваться! И держится...—съ уваженіемъ говорилъ Павелъ Павловичъ.—А дѣло какъ поставилъ!

И Ножичкинъ хвалилъ своего директора.

— Пріятели... Отличный человѣкъ—покойничекъ!

— Какой покойничекъ?..—удивился я.

— Да такъ я ихъ называю: Давно-бы ему, бѣднягѣ, подъ камешкомъ лежать; съ неаполитанскими королями,—а онъ все бродитъ...

И тутъ вспомнилъ Салтыкова.

— А что изо рта пахнетъ „Московскими Вѣдомостями“, какъ говоритъ Щедринъ,—такъ, быть можетъ, маменька его маленькаго ушибла...

VI.

До пріѣзда въ большой и шумный губернскій городъ N я мало зналъ тотъ слой городского населенія, который разумѣется подъ общимъ названіемъ: „служащіе“. Со студенческихъ временъ у меня остался въ памяти старый классическій типъ приказчика изъ, покойной памяти, Ножевой ли-

ніи,—того лакированнаго по высшей модѣ приказчика „съ капулемъ“, съ помадой Мусатова, съ удивительными галстухами, носившимися, повидимому, только въ Ножевой линіи, который довольствовался „Письмовниками“ и „Пѣсенниками“ и зазвонистыми повѣстями, фабриковавшимися въ сосѣдней Никольской улицѣ, гулялъ въ зеленыхъ перчаткахъ по воскресеньямъ въ Сокольникахъ, а вечеромъ напивался до положенія ризъ въ укромномъ отъ хозяйскаго глаза трактирчикѣ, съ машиной,—и до клубовъ и обществъ не поднимался и библіотекъ и союзовъ не заводилъ. А рядомъ стоялъ другой приказчикъ „по сѣрому“,—„оптовый“ приказчикъ, „лабазный“ приказчикъ, въ поддевкѣ, въ сапогахъ бураками, съ благообразной бородой и русскимъ проборомъ въ волосахъ, придерживавшійся „старинки“,—въ большинствѣ случаевъ изъ крестьянъ, приходившійся „сродственникомъ“ хозяину, изъ одной деревни, „съ своей стороны“. И тѣ, и другіе науками и искусствами не занимались и проходили одну и ту-же школу,—поступали въ лавку мальчишками, бѣгали съ чайниками за кипяткомъ и за полштофомъ для старшихъ приказчиковъ, а потомъ входили въ года и достигали „капуля“ и зеленыхъ перчатокъ, или маленькаго домика въ маленькой уличкѣ...

И, собственно говоря, „служащаго“ не было, а былъ „приказчикъ“. Былъ „бакалейный“, былъ „мануфактурный“, „лабазный“ приказчикъ; былъ приказчикъ „по счетной части“, „по лѣсному дѣлу“, „по конторскимъ дѣламъ“.

Правда, мнѣ пришлось долго работать на востокѣ, на окраинахъ и довольно близко познакомиться тамъ съ служилымъ людомъ, но совершенно особый, гораздо болѣе культурный и интеллигентный складъ тѣхъ приказчиковъ и служащихъ я объяснялъ себѣ оригинальными условіями тамошней жизни вообще и нѣкоторыми случайными вліяніями. Съ настоящимъ русскимъ приказчикомъ и служащимъ я возобновилъ знакомство только по пріѣздѣ въ губернскій городъ *N*, въ которомъ мнѣ приходилось живать во времена моей юности.

За двадцать—двадцать пять лѣтъ много воды утекло, и особенно измѣнился средній слой городского населенія. Явился служащій. Осложнившаяся торгово-промышленная жизнь,—всѣ эти новыя, родившіяся въ мое отсутствіе коммерческія и техническія предпріятія, фабрики и заводы, банки, конторы, агенства, пароходныя и желѣзнодорожныя общества, также усложнившіяся и расширившіяся земское и городское дѣло,—все это вызвало къ жизни новаго человѣка, потребовало огромную массу служащаго люда,—того, который не требовался прежней жизнью; помимо увеличившагося учи-

тельскаго и медицинскаго персонала,—выросла армія новыхъ „служащихъ“,—явились бухгалтеры, конторщики, агрономы, статистики, явился многообразный техникъ,—въ особенности тотъ, не получившій спеціальнаго образованія „техническій“ человѣкъ, котораго такъ удачно одинъ мой знакомый назвалъ „полумеханикомъ“.

Я встрѣтилъ на Камѣ молодцоватаго капитана, великолѣпно командовавшаго: „Трави“... „Отдай чалку“,—когда-то бывшаго студентомъ 4-го курса медицинской академіи; я видѣлъ мѣрявшаго кучи камня „техническаго человѣка“ по „шоссейному вѣдомству“—бывшаго филолога, когда-то напечатавшаго въ спеціальномъ нѣмецкомъ журналѣ изслѣдованіе по санскритскому языку; я близко зналъ напряженно слѣдившаго за успѣхами химіи, не могшаго говорить безъ волненія о каждомъ новомъ открытіи чиновника провинціальной казенной палаты, когда-то бывшаго приватъ-доцентомъ и уже начинавшаго читать лекціи химіи,—философа-химика, поэта-химика...

Я много встрѣчалъ, много видѣлъ и зналъ этихъ не использовавшихъ жизнь и не использованныхъ жизнью людей, зналъ людей, не использованныхъ исторіей, много зналъ этихъ непредусмотрѣнныхъ комбинацій въ той непредусмотрѣнной комбинаціи, которая называется русской жизнью...

Я, кажется, знаю, откуда пришелъ этотъ всякаго рода служащій. Утлая ладья русскаго просвѣщенія не всегда довозитъ пассажировъ до намѣченной пристани и часто ссаживаетъ на перепутьи и въ не предусмотрѣнныхъ мѣстахъ, на пустынныхъ берегахъ, на дикихъ островахъ. Въ частности, въ былое время, когда въ газетахъ появлялись сообщенія о томъ процентѣ учащихся, который достигаетъ аттестата зрѣлости, меня всегда интересовалъ вопросъ,—куда дѣвается и какъ используется жизнью тотъ—другой процентъ...

Мнѣ показалось, что я нашелъ, наконецъ, этотъ „процентъ“, нашелъ этого, не успѣвшаго сдѣлаться „механикомъ“ и оставшагося „полумеханикомъ“ человѣка, — нашелъ его за толстыми конторскими книгами, за стойкой мануфактурнаго магазина, въ капитанской рубкѣ парохода, у котловъ завода, подъ форменной фуражкой начальника станціи. Мнѣ показалось даже, что дла меня освѣтились многія явленія русской жизни, остававшіяся темными тамъ, гдѣ я раньше служилъ, что я открылъ, кто потребляетъ эту все растущую массу книгъ, появляющихся на рынкѣ, кто читатель этихъ размножившихся провинціальныхъ газетъ, которыя всетаки существуютъ, для кого въ самые дальніе углы несутся цѣлые вагоны „приложеній“,—сочиненій русскихъ писателей...

Мнѣ думается, я нашелъ этого новаго читателя. Я пересталъ удивляться тѣмъ книгамъ и журналамъ, которые брали молодые приказчики и служащіе въ библіотекѣ нашего общества и торгово-промышленнаго клуба, пересталъ удивляться росту библіотекъ и читаленъ и книжныхъ магазиновъ, огромному наплыву публики на всякія публичныя лекціи, курсы,— пересталъ удивляться всему, что было такъ удивительно для меня, хорошо помнившаго, что было какихъ-нибудь двадцать пять—тридцать лѣтъ назадъ...

Тонъ задавали еще тѣ стараго тона приказчики и служащіе, проходившіе старинную школу,—почтительные и покорные люди, жавшіеся къ сторонкѣ, больше всего боявшіеся произвести шумъ; но въ этой смирной и терпѣливой толпѣ появились другіе люди, менѣе терпѣливые, менѣе покорные,— люди, производившіе шумъ, и въ тѣ старинные осѣвшіе слои городского населенія,—купцовъ, мѣщанъ, чиновниковъ,—вдвинулся новый, все растущій слой „служащихъ“,—людей съ другой индивидуальностью, съ новой оригинальной физіономіей.

И голоса этихъ новыхъ людей звучали все громче и увѣреннѣе, не признавали авторитета старшихъ, требовали отчетовъ и признанія своихъ правъ и все больше измѣняли физіономію общества и клуба. И дѣти тѣхъ старыхъ приказчиковъ—и сыновья, и дочери шли къ этимъ новымъ голосамъ, потянулись къ книгѣ, къ образованію. И не хотѣли жить по старому...

И всѣхъ больше интересовалъ меня Ножичкинъ. Тамъ были люди съ высшимъ образованіемъ, были люди разностороннѣе и умнѣе его, но ничей голосъ не звучалъ такъ рѣзко и страстно, ничьи слова не будили такъ людей, никто не имѣлъ такого вліянія на подростающую молодежь приказчиковъ и служащихъ.—Быть можетъ это объясняется тѣмъ, что онъ былъ „свой“, „ихъ“, прошелъ ту-же школу,— онъ окончилъ только уѣздное училище и тотчасъ же поступилъ въ контору Митрячева мальчикомъ „по счетной части“,— и тѣмъ не менѣе такъ не походилъ на то, что видѣли кругомъ себя тѣ молодые приказчики и служащіе. Онъ самъ добылъ свое образованіе, самъ выбралъ изъ русской литературы Глѣба Успенскаго и Салтыкова, самъ сдѣлалъ свою исторію, выработалъ программу жизни, самъ добылъ истину.

У него была истина, — маленькая, узенькая истина, но строго обдуманная, математически-ясная, провѣренная жизнью, вѣра въ себя, въ свою силу, въ свое человѣческое право, въ свое будущее. Оттуда выходила его злость человѣка, котораго оскорбляли, его гордость, ревнивое обереганіе своей личности и отъ оскорбленій, и отъ непрошенной помощи, незванаго участія, его непоколебимая увѣренность въ томъ, что

онъ говорилъ и дѣлалъ. Съ точки зрѣнія его истины все было такъ ясно и просто,—нужно только неуклонно защищать свою личность, не поступаться правами, нужно вооружаться знаніями, развивать свою силу,—имѣть волю хотѣть, имѣть силу мочь. Силы отдѣльнаго человѣка удесятеряются въ обществѣ,—нужно имъ, людямъ труда, людямъ безъ диплома и безъ капитала, соединяться въ общества, чтобы съ удесятеренной энергіей защищать свою личность, развивать свои силы, увеличивать свои знанія. Все остальное онъ отметалъ,—или проходилъ мимо, или ненавидѣлъ, какъ все то, что онъ называлъ старымъ русскимъ хамствомъ, или презиралъ, какъ то, что онъ называлъ на своемъ языкѣ „мистикой“ и „филантропіей“.

И какъ всякій человѣкъ, самъ добывшій свою истину, Ножичкинъ неудержимо распространялъ ее и неуклонно проводилъ въ жизнь и въ своихъ рѣчахъ въ нашемъ обществѣ, и въ клубѣ, и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Служащіе въ его агентствѣ жаловались, что онъ хотя платитъ жалованье, какъ нигдѣ, и также заинтересовалъ ихъ участіемъ въ прибыляхъ, но за то и заставляетъ работать, какъ нигдѣ,—какъ работалъ самъ, не признавалъ людской слабости и былъ суровъ и требователенъ. И бѣднаго Алешу,—тяготѣвшаго къ стихамъ и къ романамъ, гдѣ говорится про любовь,—заставлялъ учиться бухгалтеріи и читать серьезныя книги и только дозволялъ Салтыкова и Глѣба Успенскаго.

И—во всякомъ человѣкѣ есть ошибка—въ то-же время увлекался Беллями.

VII.

Время шло. Мы старились, молодежь росла. Мой паціентъ, сынъ Ножичкина, успѣлъ уже окончить гимназію и доучивался—образованіе не задалось ему въ Россіи—за границей въ какомъ-то электро-техническомъ институтѣ. Та маленькая бѣлокурая дѣвочка оканчивала гимназію и мечтала о медицинскихъ курсахъ, кое-кто изъ дѣтей старыхъ приказчиковъ, которыхъ я зналъ подростками и лѣчилъ отъ коклюшей и скарлатинъ, успѣли болѣе или менѣе неудачно коснуться образованія и засѣдали съ нами въ томъ-же обществѣ взаимопомощи. Все больше росло количество служащихъ въ городѣ и сильнѣй измѣнялся составъ его. Понемногу измѣнялся и городъ. Возникла новая газета, однимъ книжнымъ магазиномъ стало больше, на моихъ глазахъ возникло нѣсколько новыхъ обществъ и учрежденій профессіональнаго образовательнаго характера,—учредилось „общество попеченія объ учащихся въ начальныхъ училищахъ“ „общество взаимопо-

мощи учащихъ“, явились „лѣтнія колоніи для дѣтей“, „литературно-художественный кружокъ“. Туда входили интеллигенція и купцы, и земскіе и думскіе люди, и все тѣ же служащіе разныхъ профессій, разныхъ положеній.

Ножичкинъ участвовалъ почти во всѣхъ обществахъ просвѣтительнаго характера, но центръ тяжести его дѣятельности попрежнему сосредоточивался въ обществахъ и учрежденіяхъ, имѣвшихъ то или другое значеніе для служащихъ. Онъ давно уже состоитъ членомъ правленія нашего общества взаимопомощи и добился устройства вечернихъ курсовъ для молодыхъ приказчиковъ и служащихъ, гдѣ самъ преподаетъ бухгалтерію. Въ клубѣ шла все та же борьба двухъ почти равныхъ партій, но Ножичкина уже два раза выбирали старшиной, клубная библіотека считается теперь одной изъ лучшихъ въ городѣ, съ блестящимъ успѣхомъ состоялись лекціи,—были и гастролеры изъ столицъ, о которыхъ говорилъ тогда на общемъ собраніи Ножичкинъ.

Въ большой свѣтлой квартирѣ Ножичкина дышалось легче, чѣмъ въ двухъ комнатахъ въ Зарѣченской слободкѣ. Ожила и Анна Григорьевна. Она попрежнему, какъ мышь, безшумно двигалась по дому, незамѣтно дѣлая свое хозяйское дѣло, создавая тепло и уютъ своимъ близкимъ. Какъ-то тянуло къ ней людей. Къ ней шла дочь съ своими молодыми думами и запросами, къ ней шелъ мужъ съ своими безчисленными дѣлами, и я, только войдя въ ихъ интимную жизнь—они давно „допустили“ меня къ себѣ—понялъ, чѣмъ была она для Ножичкина. Какъ-то такъ случилось, что народившійся „родительскій кружокъ“ собирался именно у нея, какъ-то такъ выходило, что самые милые вечера N-ской молодежи устраивались именно у нея.

А Ножичкинъ праздновалъ медовый мѣсяцъ своей силы, своей проснувшейся личности. Личный успѣхъ—онъ много зарабатывалъ и давно сдѣлался замѣтнымъ человѣкомъ въ городѣ—пьянилъ его и все больше подтверждалъ его истину, дѣлалъ его все увѣреннѣе и рѣшительнѣе.

Я помню послѣдній вечеръ, проведенный мной у Ножичкина предъ моимъ отъѣздомъ изъ N.

Одно изъ крупныхъ провинціальныхъ обществъ взаимопомощи служащихъ возбудило вопросъ объ устройствѣ всероссійскаго съѣзда представителей аналогичныхъ обществъ. Члены нашего общества были очень заинтересованы удачей этого перваго съѣзда, и общее собраніе, послѣ долгихъ разговоровъ, намѣтило рядъ вопросовъ, которые оно желало поставить на обсужденіе предстоящаго съѣзда, и выбрало организаціонный комитетъ, въ который, въ числѣ прочихъ, попали Ножичкинъ и я, и сумрачный бухгалтеръ. Послѣ

одного изъ засѣданій комитета, очень бурнаго, гдѣ сражались все тѣ-же умѣренныя и неумѣренныя партіи, мы отправились втроемъ къ Ножичкину. По дорогѣ мы встрѣтили и захватили съ собой Алешу и сотрудника мѣстной газеты, давно сдружившихся. Алеша возмужалъ, состоитъ, по рекомендаціи Ножичкина, управляющимъ крупной транспортной конторой и уже нѣсколько лѣтъ женатъ на сестрѣ Ножичкина, той самой Лизѣ, учительницѣ изъ Подгорнаго. Стиховъ онъ больше не пишетъ, но попрежнему имѣетъ къ литературѣ большое пристрастіе и время отъ времени помѣщаетъ въ мѣстной газетѣ обличительныя корреспонденціи и маленькіе разсказы. Онъ попрежнему влюбленъ въ Ножичкина и подражаетъ ему въ костюмѣ и манерахъ, хотя вьющіеся волосы никакъ не хотятъ стоять торчмя, и, не смотря на усы, лицо остается попрежнему ласковымъ и нѣжно-дѣвичьимъ.

Ножичкинъ былъ въ приподнятомъ настроеніи, возбужденный и говорилъ намъ о томъ, о чемъ не успѣлъ выговориться тамъ, въ засѣданіи комитета. Онъ говорилъ по поводу предстоявшаго съѣзда, объ организаціи всероссійскаго союза общества взаимопомощи, о возможности взаимнаго страхованія, о третейскомъ судѣ между хозяевами и служащими. И все разгорались мечты Ножичкина...

— Холуи эти не понимаютъ,—говорилъ онъ, когда мы, усѣлись въ его кабинетѣ,—какой мы переживаемъ моментъ. Намъ только этого и не доставало, организаціи... Разъ мы организуемся, не мы будемъ зависѣть отъ хозяевъ, а они отъ насъ.

— Ты, Николаичъ, на поворотахъ полегче,—засмѣялся бухгалтеръ.—Неровенъ часъ, носикъ зашибемъ... Осади!..

— Ладно, ладно, — коротко бросилъ ему Ножичкинъ. — Нужно понимать, что такое Россія... Здѣсь это съ птичьяго дуазо, какъ говорилъ фельдшеръ у Успенскаго, кажется, что у насъ настоящая торговля и промышленность... Помнишь у того-же Успенскаго, какъ въ банковскомъ сундукѣ ревизія нашла только бумажку съ надписью, взамѣнъ денегъ, да двойчатку-орѣхъ, на счастье... Вотъ тебѣ торговая бухгалтерія, вотъ тебѣ коммерческій разсчетъ. Ты вотъ скажи, есть у насъ солидныя торговыя фирмы?

— Говорю, Николаичъ,—осади,—смѣялся бухгалтеръ.—Волосъ у тебя сѣдой объявился.

— Нѣтъ, ты скажи, есть у насъ настоящія торговыя фирмы,—вотъ какъ за границей, по шести-семи-сотъ лѣтъ существуютъ, отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ поколѣніе?..

Онъ не дожидался отвѣта и снова продолжалъ.

— У насъ, за сто-то лѣтъ дворянство фирмѣ даютъ... Да и посчитай-ка, сколько у насъ и столѣтнихъ-то фирмъ? Главное, нужно помнить, что у насъ—Россія, никому не указъ...

У насъ вѣдь какъ фирмы-то начинаются? Дѣдушка Митрячева отъ фальшивыхъ бумажекъ пошелъ, Вороновъ—изъ нашего же брата, служащимъ—хозяина слабоумнаго обчистилъ, отецъ Луки Петровича банщикомъ былъ, проѣзжаго купца обработалъ... А то и просто изъ лѣсочка вышли, съ большой дорожки... Что говорить! Есть и геніи, прямо геніи,—умомъ, да характеромъ состояніе сдѣлали... Дѣло-то не въ томъ... Геній ли онъ, или разбойникъ, а большой человѣкъ составитъ состояніе, заведетъ огромное дѣло, сынъ еще изрѣдка продолжаетъ, а внукъ, много правнукъ, непремѣнно въ трубу пуститъ. Потому—это Россія, никому не указъ... Правда?

— Ну-ну, гони, гони,—поощрилъ его бухгалтеръ.

— Ты вотъ что скажи мнѣ,—горячился Ножичкинъ,—гдѣ наши-то старинныя купеческія фамиліи,—Засѣкины, Дергачевы, Иволгины? Кто въ богадѣльнѣ, кто въ сумасшедшемъ домѣ, а послѣдній Иволгинъ и по сейчасъ въ босой командѣ... Да что у насъ! Поразспроси-ка ты въ Москвѣ, въ Петербургѣ, по Волгѣ проѣзжай.. Гдѣ они, старинныя-то фирмы, что гремѣли на всю Россію какихъ-нибудь... гдѣ ужъ сто!.. пятьдесятъ лѣтъ назадъ? Старикъ мнѣ одинъ, купецъ московскій, пересчитывать сталъ,—словно моръ прошелъ, какъ кресты на кладбищѣ.

Меня заинтересовала постановка вопроса, и я спросилъ Ножичкина, чѣмъ онъ объясняетъ это явленіе. Къ моему удивленію, рѣшительный и не сомнѣвающійся Ножичкинъ остановился и задумался.

— Ей Богу, не знаю... Думаю... Россія,—больше ничего. Конечно, у нихъ традиціи, тамъ сынъ фабриканта, за границей-то, самъ всю школу чуть не съ мастера проходитъ, да въ десять глазъ смотритъ: не открытъ ли гдѣ новый винтикъ въ машинѣ? А у насъ онъ въ Яру образованіе кончаетъ, только все это не то.

— Скажите—неожиданно обратился онъ ко мнѣ—есть на какомъ-нибудь языкѣ выраженіе „казна-матушка“?

Я затруднился отвѣтить.

— А у насъ, вотъ, есть... Я еще маленькимъ помню, все, бывало, слышишь: „на казну поставляетъ“... Одинъ около тюрьмы пропитывается, другой обмундировываетъ, третій дрова въ казну сдаетъ, четвертый казенные подряды беретъ... И дальше, и выше все тоже. Теперь, вотъ, промышленность пошла... Грандіозно!.. Перспективы!.. Техническій прогрессъ!.. передразнилъ онъ.—Мнѣ-то очки не вотрутъ!.. Все та-же казна... Она и родила, она и соской кормитъ. Вонъ у насъ дворянское землевладѣніе сколько вѣковъ существовало,—кажется, можно бы на ноги стать, а... вынули соску—какъ вѣтромъ все и вымело... И промышленность тоже... Отвори

заграницу, только пыль пойдетъ отъ нашей промышленности.

— Знаете,—оживленно заговорилъ онъ,—въ чемъ, я думаю, главное наше зло? Все намъ дано, а не взято нами... Дано, дадено... Землей дадено, рудниками, крѣпостными, дадено пошлинами, субсидіями, казенными заказами, а не взято иннціативой, энергіей, образованіемъ, дѣйствительнымъ техническимъ прогрессомъ... Вотъ и вышло, что у насъ только одна традиція и имѣется,—казна! Исторія, что-ли, у насъ ужъ такая, что все мы дѣлали скопомъ, міромъ, а не отдѣльными личностями,—и государство устраивали...

— Все это ладно,—прервалъ его бухгалтеръ.—Ты вотъ разскажи, какой такой сейчасъ моментъ и какъ это мы хозяевъ въ рукахъ держать будемъ?

— Да хоть-бы тѣмъ однимъ, что все дѣло-то торговое въ Россіи мы ведемъ... И традиціи только у насъ однихъ и имѣются,—традиціи людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе вытягивавшихъ изъ себя жилы. Умный-то хозяинъ скоро пойметъ, что ему выгодно заинтересовать служащихъ въ дѣлѣ.

Въ кабинетъ подали чай и вошли Анна Григорьевна и Лиза. Разговоръ на нѣсколько минутъ оборвался, но скептическій бухгалтеръ не унимался. Онъ постукивалъ пальцемъ по крышкѣ часовъ и, улыбаясь изъ-подъ длинныхъ, унылыхъ усовъ, говорилъ:

— Видишь, Николаичъ, часики-то? Тикъ-такъ, а мы вотъ въ банкѣ скрипъ-скрипъ... Изотрутся колесики—новые вставятъ. Такъ-то, другъ...

Ножичкина не легко было остановить насмѣшками.

— То-то и дѣло, что мы люди, а не колесики... И еслибы мы пожелали быть людьми...

Я давно уже былъ пріятелемъ съ Анной Григорьевной, мы сидѣли въ уголку, мирно бесѣдуя о Родительскомъ кружкѣ и о новомъ пожертвованіи на лѣтнія колоніи для учащихся. Къ намъ присоединился сотрудникъ газеты и началъ разспрашивать Анну Григорьевну объ ея дѣлахъ и скоро ушелъ съ ней въ столовую. Я полуслушалъ споръ Ножичкина съ бухгалтеромъ и только рѣзкій вопросъ бухгалтера заставилъ меня прислушаться.

— Ну, Николаичъ, а рабочіе?

— Какіе рабочіе? Это тѣ, что у меня въ агентствѣ полы подметаютъ, да печки топятъ?

— Ты зубы-то не заговаривай... Ну вотъ фабрикантъ насъ служащихъ въ долю принялъ, хозяевами сдѣлалъ... А рабочій?

Должно быть разговоръ на эту тему не разъ поднимался между Ножичкинымъ и бухгалтеромъ. Ножичкинъ насторожился и ощетинился.

— Онъ мнѣ не товарищъ... Всякъ самъ за себя... Хлопочи, добивайся... Я тебѣ сколько говорилъ,—не богадѣльню мы строимъ и не воспитательный домъ.

— Намъ не по дорогѣ... Такъ, Николаичъ?—Сумрачный бухгалтеръ улыбнулся.

— Ну да, не по дорогѣ... вдругъ разсердился Ножичкинъ. Я ему дороги не заступаю... Иди, встрѣтимся,—милости просимъ. Только я не благотворитель, не филантропъ...

Бухгалтеръ откинулся въ глубь дивана и молчалъ. За его смѣхомъ и вѣчнымъ скептицизмомъ лежало что-то надломленное и печальное. Онъ глубоко затянулся папиросой и, ни къ кому не обращаясь, тихо выговорилъ:

— Одна дорожка торная...

— А можетъ и правъ ты по своему...—снова заговорилъ онъ. Бросимъ... Вотъ намъ Алеша чудеса въ рѣшетѣ покажетъ... Ну, Алеша, скоро вы Россію завоюете?

Сумрачное лицо бухгалтера сдѣлалось мягкимъ и ласковымъ. А Алеша сидѣлъ блѣдный и расширившимися, жалостными глазами смотрѣлъ то на бухгалтера, то на Ножичкина. Онъ не охотно заговорилъ о своемъ дѣлѣ, но скоро оживился. Я зналъ это дѣло. Группа служащихъ задумала устроить крупное коммерческое предпріятіе, которое охватило-бы широкіе районы и гдѣ служащіе, внесшіе сторублевый пай, являлись бы хозяевами дѣла. Я зналъ, что шла оживленная подписка, пріѣзжали делегаты изъ другихъ городовъ, происходили совѣщанія и было уже собрано нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, и хотя не слишкомъ вѣрилъ въ успѣхъ предпріятія, но былъ заинтересованъ, какъ и другіе, необычайной смѣлостью проекта и широкой постановкой дѣла.

Ножичкинъ подавалъ одобрительныя реплики и видимо торжествовалъ,—я зналъ, что и онъ принималъ косвенное участіе въ предпріятіи. Заинтересовался, очевидно, и унылый бухгалтеръ и хотя съ тѣмъ-же скептицизмомъ, но съ очевиднымъ вниманіемъ разспрашивалъ Алешу объ основныхъ положеніяхъ общества и о технической сторонѣ дѣла . . .

. . . . . .

Мы возвращались вдвоемъ съ Алешей. Онъ попрежнему любилъ звѣзды и высокое небо поднимало его. Онъ говорилъ мнѣ о сумрачной исторіи сумрачнаго бухгалтера, говорилъ о своемъ дѣлѣ, которое наполняло его душу, о сомнѣніяхъ и надеждахъ, говорилъ о томъ, какъ хорошо было-бы, если-бы всѣ маленькія людскія дороги вели на одинъ торный широкій путь подъ свѣтлымъ, высокимъ небомъ...

С. Елпатьевскій.

---

* * *

Тамъ, въ прошедшемъ—блескъ разсвѣта,
Полдня знойнаго лучи;
Настоящее согрѣто
Блѣднымъ пламенемъ свѣчи.

—

Позади остались гдѣ-то
Къ прежнимъ радостямъ ключи;
Лишь мечты о царствѣ свѣта —
Все, какъ прежде, горячи.

—

Кругозоръ свѣтлѣй и шире,
Проникаетъ глубже взглядъ,
Но рѣдѣетъ въ этомъ мірѣ
Дорогихъ и близкихъ рядъ.

—

Въ звукахъ рѣзкихъ и докучныхъ,
Раздающихся вокругъ,
Слышу меньше струнъ созвучныхъ,
Отвѣчаетъ рѣже другъ.

—

Рано листья облетѣли,
И въ безмолвіи ночномъ
Заунывный стонъ мятели
Раздается за окномъ.

—

И пока не глянутъ въ очи
Утра новаго лучи —
Ты гори во мракѣ ночи,
Огонекъ моей свѣчи!

О. Чюмина.

ГОГОЛЬ *).

22 октября 1833 года, когда Гоголю было 23 года, онъ въ письмѣ къ матери, предлагая ей совѣты о воспитаніи своей младшей сестры, проситъ болѣе всего „внушить ей правила религіи—это фундаментъ всего. Говорите ей, что Богъ все видитъ, все знаетъ, что она ни дѣлаетъ. Говорите ей поболѣе о будущей жизни; опишите ей всѣми возможными и нравящимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя муки ждутъ грѣшныхъ. Нужно сильно потрясти дѣтскія чувства и тогда они на долго сохраняютъ все прекрасное. Я испыталъ это на себѣ. Я очень хорошо помню какъ меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребили все усиліе воспитать меня какъ можно лучше.—Я помню, я ничего сильно не чувствовалъ. Я на все глядѣлъ, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, исключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я глядѣлъ безстрастными глазами. Я ходилъ въ церковъ потому, что мнѣ приказывали, или носили меня. Я ничего не видѣлъ кромѣ ризъ, попа и дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ—я живо какъ теперь помню этотъ случай—я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело впослѣдствіи во

*) Въ бумагахъ покойнаго Г. Э. Елисеева, предоставленныхъ имъ въ распоряженіе Н. К. Михайловскаго, сохранилась неоконченная статья о Гоголѣ, которую мы и предлагаемъ вниманію читателя. Мы думаемъ, что, не смотря на свою оборванность, она представляетъ извѣстный интересъ. Письма Гоголя, на которыхъ она главнымъ образомъ основана, нынѣ изданы въ гораздо болѣе полномъ видѣ въ четырехъ томахъ г. Марксомъ подъ редакціей г. Шенрока. «Русское Богатство» еще къ нимъ вернется.

Ред.

мнѣ самыя великія мысли.—Я вижу яснѣе и лучше многое, чѣмъ другіе. Въ немногіе годы я много узналъ особенно по этой части. Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, а между тѣмъ не дѣлаютъ ничего. Хотѣлъ бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ".

Изъ этихъ словъ видно, что религіозное настроеніе въ Гоголѣ существовало съ самаго дѣтства. Но оно въ теченіе его литературной дѣятельности долго ни въ чемъ рѣзко не обнаруживалось ни въ его жизни, ни въ письмахъ, ни въ сочиненіяхъ. Аксаковъ (С. Т.) говоритъ, что первый толчекъ къ его сильному возбужденію данъ былъ смертью Пушкина. Смерть Пушкина произвела сильное впечатлѣніе на Гоголя. Вотъ что по поводу ея писалъ онъ къ Плетневу отъ 16-го марта 1833 года изъ Рима:

„Что мѣсяцъ, что недѣля, то новыя утраты, но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все мое наслажденіе, все высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое,—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе... Я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ.—Невыразимая тоска!"

Авторъ „Записокъ о жизни Гоголя", откуда мы заимствуемъ это письмо, замѣчаетъ: „Гоголь лишился въ Пушкинѣ совѣтника, сильнаго помощника въ исполненіи литературныхъ предпріятій. Мы знаемъ изъ „Переписки съ друзьями", что первыя главы „Мертвыхъ душъ" читаны были уже Пушкину, а въ „Авторской исповѣди" говорится даже, что сюжетъ „Ревизора", „Мертвыхъ душъ" были даны Гоголю Пушкинымъ. Слѣдовательно, можно предполагать не безъ основанія, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана его комедіи и поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одни за другими такія созданія, какъ „Тарасъ Бульба", „Ревизоръ" и первая часть „Мертвыхъ душъ", вмѣстѣ съ другими менѣе замѣчательными пьесами, и посмотрите, что дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина. Пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который указалъ бы ему прямой путь поэтической дѣятельности, словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую же рѣзкую грань, какъ и переѣздъ изъ

Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина, Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ".

Со всѣмъ этимъ можно согласиться. Но чтобы со времени смерти Пушкина, Гоголь немедленно сдѣлался боленъ и духомъ и тѣломъ, какъ говоритъ Аксаковъ, и потомъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно, и что смерть Пушкина была одною изъ причинъ всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою съ направленіемъ отшельника, не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ, это ни изъ чего не видно. Во все время пребыванія за границею—съ мая 1836 года по 27 сентября 1839 года, и во время пребыванія своего съ этого времени въ Москвѣ, вплоть до новаго выѣзда за границу 18 мая 1840, Гоголь года не былъ ни особенно тяжко боленъ и въ своемъ поведеніи и обращеніи съ другими былъ такимъ же, какъ и всегда, письма его за это время были веселыя и шутливыя,—однимъ словомъ, ни въ чемъ не видно было сильнаго пробужденія религіознаго направленія. Авторъ записокъ приводитъ одинъ только фактъ, гдѣ замѣтно высказалось религіозное чувство Гоголя,—это приглашеніе Гоголемъ извѣстнаго миссіонера-архимандрита Макарія на уроки къ своимъ сестрамъ, которыхъ Гоголь взялъ изъ патріотическаго института, гдѣ онѣ учились, и помѣстилъ въ Москвѣ. Гоголь пишетъ своему другу и товарищу отъ 29 декабря 1839 года, между прочимъ, что онъ былъ въ Петербургѣ, взялъ оттуда сестеръ и хочетъ ихъ поселить въ Москвѣ, и продолжаетъ: „къ счастью моему, сюда пріѣхалъ архимандритъ Макарій, мужъ извѣстный своей святою жизнью, рѣдкими добродѣтелями и пламенною ревностію къ вѣрѣ. Я просилъ его, и онъ такъ добръ, что, не смотря на неимѣнье времени и кучу дѣлъ, пріѣзжаетъ къ намъ и поучаетъ сестеръ моихъ великимъ истинамъ христіанскимъ. Я самъ по нѣсколькимъ часамъ останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышалъ я, чтобы пастырь такъ глубоко, съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою мудростью и простотою говорилъ". Но фактъ приглашенія Гоголемъ къ своимъ сестрамъ на уроки архимандрита Макарія, какъ и вниманіе къ этимъ урокамъ самого Гоголя, одни не могутъ служить доказательствомъ начавшагося уже въ это время сильнаго религіознаго возбужденія, когда во всемъ остальномъ онъ оставался, по свидѣтельству Аксакова, такимъ, какимъ былъ и прежде. Изъ Москвы въ концѣ октября онъ съ семействомъ Аксакова отправился въ Петербургъ, чтобы взять тамъ двухъ сестеръ своихъ изъ Патріотическаго института. Въ продолженіе дороги въ Петербургъ онъ былъ очень веселъ и заставлялъ хохотать своихъ спутниковъ. Въ концѣ декабря съ тѣмъ же семействомъ и двумя своими сестрами онъ возвратился въ Москву. Здѣсь,—разсказываетъ Аксаковъ,—Гоголь началъ читать у насъ

„Мертвыя души“ и въ разное время прочелъ шесть главъ. Читалъ также отрывки изъ комедіи „Тяжба“ и начало итальянской повѣсти „Анунціата“, которая была передѣлана въ статью „Римъ“. Кромѣ того, въ эту же поѣздку въ бытность въ Петербургѣ, Гоголь говорилъ Аксакову, что кромѣ труда, завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, т. е. „Мертвыхъ Душъ“, у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой все готово, даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ,—что это его давнишнее любимое дитя,—что онъ считаетъ, что эта пьеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу“.

18-го мая 1840 г. Гоголь отправился изъ Москвы въ Римъ, съ обѣщаніемъ непремѣнно воротиться черезъ годъ. Осенью въ Римѣ Гоголь захворалъ и съ нимъ произошло, кромѣ того, что-то чудное, по его выраженію, что произвело въ немъ, въ его настроеніи, коренной переворотъ. Первое увѣдомленіе о перенесенной болѣзни Гоголь послалъ П. А. Плетневу отъ 20 октября 1840 г., однако въ этомъ письмѣ ни слова не говорится о томъ, что случилось съ нимъ что-то чудное, и самое письмо не отличается ничѣмъ отъ прежнихъ писемъ. Гоголь разсказываетъ только о своей болѣзни, объясняя ее тѣмъ, что онъ, „обрадовавшись своимъ проснувшимся силамъ, почуя просыпающееся вдохновеніе, которое давно уже спало въ немъ, перешелъ черезъ край, и за напряженіе не во время, когда нужно было отдохновеніе, заплатилъ страшно. Не хочу вамъ говорить и разсказывать, продолжаетъ Гоголь, какъ была опасна болѣзнь моя. Геморроидъ мнѣ бросился на грудь, и нервическое раздраженіе, котораго я въ жизнь никогда не зналъ, произошло во мнѣ такое, что я не могъ ни лежать, ни сидѣть, ни стоять. Уже медики махнули было рукой“,—но Гоголь велѣлъ положить себя въ дорожную коляску, проѣздилъ три дня и нѣсколько поправился. „Но,—продолжаетъ онъ,—я самъ не знаю, вышелъ ли я еще совершенно изъ опасности. Малѣйшее какое-нибудь движеніе, незначущее усиліе, и со мною дѣлается не знаю что. Страшно, просто страшно! Я боюсь. А какъ было хорошо началось дѣло! Я началъ такую вещь, какой, вѣрно, у меня до сихъ поръ не бывало,—и теперь изъ подъ самыхъ облаковъ, да въ грязь!“

Письмо къ Аксакову отъ 28-го декабря 1840 года, также съ увѣдомленіемъ о болѣзни, но совершенно въ другомъ тонѣ, нисколько не похожемъ на прежнія письма Гоголя; въ немъ звучитъ торжественный тонъ высокаго религіознаго настроенія, а письмо имѣетъ цѣлью не столько сообщить свѣдѣнія о перенесенной болѣзни, сколько передать то чудесное, что совершилось и продолжаетъ совершаться въ Гоголѣ; письмо это находится по тону и содержанію въ связи съ слѣдующими двумя письмами къ

тому же Аксакову—письмомъ отъ 5-го марта 1841 года и другимъ письмомъ вслѣдъ за этимъ. Религіозная экзальтація Гоголя, выражающаяся въ письмѣ отъ 28-го декабря, идетъ все crescendo въ этихъ письмахъ. Передадимъ здѣсь ихъ подрядъ.

Первое письмо Гоголь начинаетъ извиненіемъ, что не отвѣчалъ долго Аксакову, потому что былъ боленъ и не хотѣлъ огорчать его извѣстіемъ о своей болѣзни. „Теперь,—продолжаетъ онъ,—я пишу вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога. Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни! Вы въ вашемъ письмѣ сказали, что вѣрите въ то, что мы увидимся опять. Какъ угодно будетъ всевышней силѣ! Можетъ быть, это желаніе, желаніе сердецъ нашихъ, сильное обоюдно, исполнится. По крайней мѣрѣ, обстоятельства идутъ какъ будто къ тому". Далѣе Гоголь говоритъ, что, кажется, онъ не получитъ мѣста, о которомъ для него хлопотали. „Другое,—продолжаетъ онъ,—обстоятельство, которое можетъ дать надежду на возвратъ мой—мои занятія. Я приготовляю теперь къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ". Перемѣняю, перечищаю, много перерабатываю вовсе и вижу, что печатаніе ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ, дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, не многіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя невинныя, скромныя главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени, но теперь я, слава Богу, чувствую даже по временамъ свѣжесть, мнѣ очень нужную". Далѣе, сказавъ о пользѣ для него холоднаго лѣченія водою и о пользѣ дороги, онъ продолжаетъ: „въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ (т. е. въ Москву), котораго значенія я даже не понималъ въ началѣ, заключается много, много для меня. Многое, что казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда-либо принимать близко къ сердцу...

„Да, другъ мой, я глубоко счастливъ,—говорилъ Гоголь въ письмѣ отъ 5-го марта,—не смотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять не много увеличилось. Я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда и не выдумать ему такого сюжета. О, если бы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего; больше ничего мнѣ не нужно. Теперь мнѣ нужны необходимо дорога и путешествіе, оно одно, какъ я уже говорилъ, возстановитъ меня—

теперь я вашъ: Москва моя родина. Въ началѣ осени я прижму васъ къ моей русской груди. Все было дивно и мудро расположено внѣшнею волею—мой пріѣздъ въ Москву и мое нынѣшнее путешествіе въ Римъ, все было благо. Никому ничего не говорите ни о томъ, что я буду къ вамъ, ни о томъ, что я тружусь, словомъ: ничего. Но я чувствую какую-то робость возвращаться одному. Мнѣ тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мнѣ нужно спокойствіе и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души; теперь меня нужно беречь и лелѣять". Далѣе Гоголь проситъ, чтобы за нимъ пріѣхали Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ, и Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ. „Меня,—продолжаетъ Гоголь,—теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ. Они сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собою глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище. Стало быть, ее нужно беречь".

Вслѣдъ за этимъ, въ письмѣ къ Аксакову, Гоголь высказываетъ желаніе отложить печатаніе „Ревизора", съ приложеніями, которыя онъ только отослалъ къ нему, или, по крайней мѣрѣ, выпустить его въ свѣтъ до осени. „По крайней мѣрѣ,—говоритъ Гоголь,—такъ говоритъ благоразуміе и опытность. Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святого труда своего для меня уже бѣда.—Трудъ мой великъ, подвигъ мой спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго".

Едва ли существовалъ когда-нибудь авторъ, который имѣлъ бы такое колоссально великое мнѣніе о предпринятой имъ работѣ, какое высказываетъ Гоголь. Онъ находится въ искренней и несокрушимой увѣренности, что разъ предположенная имъ работа осуществится, будетъ осчастливлена вся Россія. Гоголь и не смотритъ на свою работу, какъ на собственную: „подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка, никогда не выдумать ему такого сюжета". Эта работа—вдохновеніе Божіе. Гоголь смотритъ на себя не болѣе, какъ на глиняную вазу, въ которую Богу угодно было ниспослать это вдохновеніе, и которую надобно всячески беречь до того времени, пока она успѣетъ передать свѣту заключающееся въ ней. Какъ дошелъ Гоголь до такого ясновѣдѣнія въ себѣ божественнаго вдохновенія, до сознанія въ себѣ нѣкоторымъ образомъ посланничества свыше? Какимъ-нибудь видѣніемъ, бывшимъ ему, или процессомъ собственныхъ своихъ мыслей? Судя по тому, что въ письмѣ къ Аксакову, отъ 28 декабря, вслѣдъ за извѣстіемъ, что только благодаря чудной силѣ Бога онъ воскрешенъ отъ болѣзни, отъ которой не думалъ встать, онъ помѣщаетъ извѣстіе о томъ, что „много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни, да и жизни",—можно, пожалуй, подумать, что было что-нибудь внѣшнее въ самой жизни, что дало

толчокъ къ новому строю всей жизни. Но Аксаковъ объясняетъ это проще. „Должно повѣрить, что много чуднаго совершилось съ Гоголемъ,—говоритъ онъ,—потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ, Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа все же лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка, преобладаніе религіознаго направленія, достигшаго впослѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже несовмѣстимо съ тѣлеснымъ организмомъ человѣка. Я не спрашивалъ Гоголя въ подробности, что съ нимъ случилось, частію изъ деликатности, частію не желая насиловать его природной скрытности, а частію потому, что боялся дотрогиваться до такихъ предметовъ и явленій, о которыхъ одно воспоминаніе могло его разстроить. Слова самого Гоголя въ этомъ письмѣ утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что онъ началъ писать „Мертвыя Души“, какъ любопытный и забавный анекдотъ,—что только впослѣдствіи онъ узналъ, говоря его словами, „на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести не значущій сюжетъ“,—что впослѣдствіи мало-помалу составилось это колоссальное созданіе, наполнившееся болѣзненными явленіями нашей общественной жизни, что впослѣдствіи онъ почувствовалъ необходимость исхода изъ этого страшнаго сборища человѣческихъ уродовъ, необходимость примиренія“.

Можно было бы согласиться съ Аксаковымъ, что Гоголь до новаго строя въ своемъ направленіи дошелъ процессомъ собственной своей мысли, хотя и не тѣмъ, который предполагаетъ Аксаковъ. Ни на своего „Ревизова“, ни на „Мертвыя души“ Гоголь никогда не могъ смотрѣть, какъ на любопытные и забавные анекдоты, уже потому, что мысли ихъ даны были ему Пушкинымъ; онъ давалъ имъ очень серьезное значеніе и, напротивъ, возмущался тѣми, которые не хотѣли видѣть сквозь смѣхъ его твореній невидимыхъ слезъ; затѣмъ, онъ никакъ не имѣлъ намѣренія въ „Мертвыхъ душахъ“ представить сборище уродовъ, напротивъ, въ самой основѣ этого творенія предполагалась за уродами свѣтлая сторона, которая имѣлась въ виду съ самого начала и высказывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ первомъ томѣ „Мертвыхъ душъ“. Стало быть, примиреніе имѣлось въ виду въ самомъ планѣ „Мертвыхъ душъ“. Но возможенъ былъ другой процессъ собственной мысли, который могъ породить въ Гоголѣ потребность новаго строя жизни. Тѣмъ болѣе, что есть основаніе предположить, что Гоголь былъ, повидимому, такого убѣжденія, что всѣ умственные дары, которые даны человѣку отъ природы, онъ разрабатываетъ самъ, посредствомъ труда, и можетъ этимъ только неутомимымъ трудомъ докопаться до всего, что въ немъ

есть цѣннаго. Вотъ что пишетъ онъ старшей сестрѣ своей Аннѣ, въ письмѣ, писанномъ почти въ это же самое время, въ мартѣ или апрѣлѣ 1841 года:

„Твои чувства, временами тобою ощущаемыя, довольно вѣрны, милая сестра Анна, что тебѣ кажется, будто *ты здѣсь мимоѣздомъ*, это такъ. Мы всѣ здѣсь мимоѣздомъ, и всѣ долго не пробудемъ. Но дѣло въ томъ, что мы здѣсь мимоѣздомъ не по своенравному случаю, не для какого-нибудь пустяка. У Бога нѣтъ пустяковъ. Мы присланы сюда съ тѣмъ, чтобы исполнить порученіе, на насъ возложенное Пославшимъ, безъ чего не можемъ получить ни награды, ни правъ на будущую жизнь. Только на слова твои, что *тебѣ не хочется даже выкладываться*, замѣчу, что это даже не въ твоей волѣ. И хотѣлъ бы выложить все изъ дорожнаго своего экипажа, но какъ это сдѣлать, когда и самъ не знаешь, что въ тебѣ положено и гдѣ. Несчастія, скорби, потрясенья и удары всякаго рода, вотъ что иногда заставляетъ выступить изъ насъ то, что дремлетъ въ душевномъ хранилищѣ нашемъ. На нихъ, какъ на оселкѣ, мы пробуемся, испытываемся, обнаруживаемъ себѣ самихъ себя и, наконецъ, узнаемъ, что лежитъ въ насъ. Но блаженъ тотъ, кто, не дожидаясь скорбей и испытаній, исполняетъ просто заповѣдь, данную Богомъ по изгнанію изъ рая: въ трудѣ и потѣ снѣсть хлѣбъ свой. Его отъ многаго спасетъ эта заповѣдь. Его силы укрѣпляются, его способности развиваются. Дѣятельность покажетъ ему, что дѣйствительно лежитъ въ немъ: ибо токмо на дѣлѣ можетъ узнать человѣкъ свои дѣйствительныя силы. Безъ него и мысли о себѣ самомъ мечтательны и ошибочны. Воображеніе же такъ любитъ задѣвать насъ... Что тебѣ жаль самой себя, это также понятно, какъ и желаніе быть счастливой. Мы всѣ должны хотѣть этого. Счастье отъ насъ. Насъ Богъ зоветъ къ счастью ежеминутно, но мы сами счастье отталкиваемъ. Вотъ мой совѣтъ. Молись Ему о томъ, чтобы Онъ далъ тебѣ совѣтъ. Онъ милосердъ. Онъ сказалъ: „толцыте и отверзется вамъ“.

Но спрашиваемъ: путь труда единственный ли путь для ототкрытія всѣхъ хранящихся въ душѣ человѣка сокровищъ, и всякій-ли можетъ исключительно этимъ путемъ надѣяться обрѣсти все, что въ немъ положено. Повидимому, и при самомъ трудѣ Гоголь для молящихся находитъ не невозможнымъ содѣйствіе и высшей силы. А кромѣ того, неизвѣстно, какъ представлялъ себѣ Гоголь дѣйствія Божества въ нравственномъ порядкѣ міра; думалъ-ли онъ, что душа человѣческая, даже при помощи Божьей, можетъ только разрабатывать въ себѣ то, что въ ней было уже положено отъ рожденія, или нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, избранныя души удостоиваются внѣшнихъ, не въ нихъ положенныхъ, не изъ нихъ взятыхъ, а прямо отъ Бога исходящихъ божественныхъ откровеній. Мы думаемъ, что именно послѣдняго

взгляда держался Гоголь и былъ твердо увѣренъ, что чудное твореніе, предносившееся теперь его уму, было прямое божественное откровеніе. Это онъ прямо говоритъ словами, что „подобныя внушенія не происходятъ отъ человѣка, что человѣкъ никогда не выдумаетъ такого сюжета.“ Это же самое даетъ онъ понять, называя себя вазой, имѣющей цѣну потому только, что въ нее положено не принадлежащее ей сокровище. Въ письмѣ къ Данилевскому, писанному въ то же почти время (7 августа 1841 г.), онъ изображаетъ себя въ видѣ посланника Божья, котораго слово властно для всѣхъ, котораго никто не можетъ не послушаться; упрекая своего друга за то, что онъ до сихъ поръ безцѣльно таскается по свѣту, ни къ чему себя не пристроилъ, онъ совѣтуетъ,—нѣтъ, не совѣтуетъ, а требуетъ, чтобы онъ немедленно поселился въ своей деревнѣ Семеренькахъ:

„Оглянись вокругъ себя и протри глаза: все лучшее, что ни есть, все вокругъ тебя, какъ оно находится вездѣ вокругъ человѣка и какъ только одинъ мудрый узнаетъ это, и часто слишкомъ поздно. Неужели до сихъ поръ не видишь ты, во сколько разъ дѣйствія въ Семеренькахъ можетъ быть выше всякой должностной и ничтожно видной жизни со всѣми удобствами, блестящими комфортами и проч., и проч.—даже жизни, невозмутимо праздно протекшей въ пресмыканіяхъ по великолѣпнымъ парижскимъ кафе! Неужели до сихъ поръ ни разу не пришло тебѣ въ умъ, что у тебя цѣлая область въ управленіи, что здѣсь, имѣя одну только крупицу, ничтожную крупицу, и сколько-нибудь занявшись, можно произвесть много для себя внѣшняго и еще болѣе для себя внутренняго? И неужели до сихъ поръ страшатъ тебя дѣтски повторяемыя мысли насчетъ мелюзги, ничтожности занятій, неспособности приспособить, примѣнить, завести что-нибудь хорошее и проч., и проч... все, что повторяется безпрестанно людьми, кидающимися съ жаромъ за хозяйство, за улучшеніями и перемѣнами и при томъ плохо видящими въ чемъ дѣло? Но слушай: теперь ты долженъ слушать моихъ словъ; вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы то ни было не слушаться моего слова! Оставь на время все, все, что ни шевелитъ иногда въ праздныя минуты мысли, какъ бы ни заманчиво и ни пріятно оно шевелило ихъ. Покорись и займись годъ, одинъ только годъ своей деревней. Не заводи, не совершенствуй, даже не поддерживай, а войди во все—слѣдуй за мужиками, за приказчикомъ, за работниками, за плутнями, за ходомъ дѣлъ, хотя бы только для того, чтобы увидѣть и узнать, что все въ неисправимомъ безпорядкѣ, одинъ годъ! и этотъ годъ будетъ вѣчно памятенъ въ твоей жизни. Клянусь, съ него начнется заря твоего счастья. Итакъ, безропотно и безпрекословно исполни сію мою просьбу. Не для себя одного,—ты сдѣлаешь для меня великую, великую пользу. Не спрашивай, въ чемъ именно заключается эта просьба и польза;

тебѣ не узнать ея, но когда придетъ время, возблагодаришь ты Провидѣніе, давшее тебѣ возможность оказать мнѣ услугу. Ибо первое благо въ жизни есть возможность оказать услугу. И это первая услуга, которую я требую отъ тебя не ради чего-либо: ты самъ знаешь, что я ничего не сдѣлалъ для тебя, но ради любви моей къ тебѣ, которая много-много можетъ сдѣлать. О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово.—Прощай! шлю тебѣ братскій поцѣлуй и молю Бога, да снидетъ вмѣстѣ съ нимъ на тебя хоть часть той свѣжести, которой объемлется нынѣ душа моя, восторжествовавшая надъ болѣзнями моего хвораго тѣла.—Ничего не пишу тебѣ о римскихъ происшествіяхъ, о которыхъ ты спрашиваешь. Я уже ничего не вижу передъ собою, и во взорѣ моемъ нѣтъ животворящей внимательности новичка. Все, что мнѣ нужно было, я забралъ и заключилъ въ себѣ, въ глубину души моей. Тамъ Римъ, какъ святыня, какъ свидѣтель чудныхъ явленій, совершившихся надо мною, пребываетъ вѣченъ, и какъ путешественникъ, который уложилъ уже всѣ свои вещи въ чемоданъ и усталый, но спокойный, ожидаетъ только у подъѣзда кареты, понесущей его въ далекій, вѣрный, желанный путь, такъ я, претерпѣвъ урочное время своихъ испытаній, изготовленъ внутреннею и внѣшнею отъ міра жизнью, покойно, неторопливо на пути, начертанному свыше, готовъ идти, укрѣпленный и мыслью, и духомъ".

Въ этомъ письмѣ Гоголь говоритъ со своимъ другомъ, какъ посланный свыше пророкъ. Онъ не только убѣжденъ въ непреложной истинѣ того, что говоритъ, но смотритъ на все имъ сказанное, какъ на заповѣданное свыше, и подобно древнимъ угрожаетъ неминуемымъ бѣдствіемъ за неисполненіе его глаголовъ. Такъ не могъ бы говорить человѣкъ, не удостовѣрившійся какимъ-нибудь несомнѣннымъ, по крайней мѣрѣ, для него лично, знаменіемъ въ непреложной истинѣ его словъ.

Болѣзненное разстройство Гоголя сопровождалось очень нерѣдко такими нервными состояніями, въ которыхъ самое незначущее случайное обстоятельство могло быть принято имъ за выраженіе высшей воли. Въ письмѣ къ одной изъ своихъ ученицъ изъ Москвы, въ бытность свою здѣсь въ 1844 году въ мартѣ, Гоголь пишетъ о своей болѣзни: „я былъ боленъ, очень боленъ, и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими страшными припадками, какихъ со мною еще никогда небыло; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетѣвшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа чело-

вѣка, а всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потомъ слѣдовалъ обморокъ, наконецъ, совершенно сомнамбулическое состояніе". Въ такихъ состояніяхъ возможны были видѣнія, которыя могли быть приняты и перетолкованы Гоголемъ за знаменія свыше. Но и не допуская никакихъ галлюцинацій чисто болѣзненнаго состоянія, можно, при той сильной религіозности, какую имѣлъ Гоголь съ дѣтства, предположить, что онъ въ своемъ высшемъ посланичествѣ убѣдился иллюзіей своей вѣры въ непосредственное познаніе воли Божьей, которое, чрезъ молитву, онъ признавалъ возможнымъ для всѣхъ людей, въ особенности для поэтовъ. Вотъ какъ онъ объясняетъ это въ письмѣ къ Языкову отъ 4-го марта 1843 года:

„Отъ тебя не такъ далеко время писанья и работы. Остается испросить вдохновенья. Какъ это сдѣлать? Нужно послать изъ души нашей къ Нему стремленіе. Чего не поищешь, того не найдешь,—говоритъ пословица. Стремленіе есть молитва. Молитва не есть словесное дѣло; она должна быть отъ всѣхъ силъ души и всѣми силами души; безъ того она не возьметъ. Молитва есть восторгъ. Если она дошла до степени восторга, то она уже проситъ о томъ, чего Богъ хочетъ, а не о томъ, чего мы хотимъ. Какъ узнать хотѣніе Божье? Для этого нужно взглянуть разумными очами на себя и изслѣдовать себя: какія способности, данныя намъ отъ рожденія, выше и благороднѣе другихъ, тѣми способностями мы должны работать преимущественно и въ сей работѣ заключено хотѣніе Бога; иначе онѣ не были-бы намъ даны. Итакъ, прося о пробужденіи ихъ, мы будемъ просить о томъ, что согласно съ Его волею. Стало быть, молитва наша прямо будетъ услышана. Но нужно, чтобы молитва эта была отъ всѣхъ силъ души нашей. Если такое напряженіе, хотя по двѣ минуты въ день, соблюсти въ продолженіе одной или двухъ недѣль, то увидишь слѣдствіе непремѣнно. Къ концу этого времени въ молитвѣ окажутся прибавленія. Вотъ какія произойдутъ чудеса. Въ первый день нѣтъ еще ни одной мысли въ головѣ твоей: ты просишь просто вдохновенія. На другой или на третій день, ты будешь говорить просто: дай произвести мнѣ въ *такомъ то* духѣ. Потомъ на четвертый или на пятый съ *такою-то* силою. Потомъ окажутся въ душѣ вопросы: какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія, и къ чему могутъ послужить? И за вопросомъ въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ, и къ концу какой-нибудь другой недѣли увидишь, что уже все составилось, что нужно: предметъ и значеніе его, сила и глубокій внутренній смыслъ, словомъ все, стоитъ только взять въ руки перо и писать. Но повторяю вновь: молитва должна быть отъ всѣхъ силъ души. Естествоиспытатели скажутъ, что это не мудрено, что посто-

янное напряженіе можетъ возбудить силы человѣка, но пусть будетъ по ихнему, пусть это произошло именно отъ того, что одна нерва толкнула другую, какъ оно, впрочемъ, и справедливо, но когда дойдешь, наконецъ, до результата, то увидишь ясно, какъ и въ силу чего это возникло. А извѣстно, что теоріи тѣ только не ложны, которыя возникли изъ опыта. Для меня удивительнѣе всего то, что тѣ именно люди, которые признаютъ Бога только въ порядкѣ и гармоніи вселенной и отвергаютъ всякія внезапныя чудеса, хотятъ непремѣнно, чтобы тутъ совершилось чудо, чтобы Богъ вошелъ вдругъ въ нашу душу, какъ въ комнату, отворивши тѣлесною рукою дверь и произнесши слово во все услышанье всѣмъ."

Изъ этого подробнаго наставленія о томъ, какъ всякій человѣкъ, посредствомъ усердной молитвы, можетъ достигнуть божественнаго откровенія или внушенія, мы имѣемъ основаніе предполагать, что наставленіе это добыто Гоголемъ изъ собственнаго опыта, что не какимъ-нибудь откровеніемъ, а именно этимъ совершалось *то чудное въ мысляхъ и въ жизни*, о которомъ онъ писалъ Аксакову (отъ 28 декабря 1840 года). Недаромъ, передавая Языкову примѣту святыхъ молчальниковъ, что приходъ Бога въ душу узнается по почувствованному вдругъ умиленію и сладкимъ слезамъ, безпричиннымъ слезамъ, но которыхъ изъяснить не могутъ слова, Гоголь прибавляетъ, что хотя это возможно лишь для людей совершенно праведныхъ, но есть, однако же, такіе избранники, которыхъ Богъ возлюбилъ отъ дѣтства для благихъ, великихъ своихъ намѣреній и посѣщаетъ невидимо, доказательствомъ чего служитъ внезапно находящій на нихъ восторгъ и ихнія слезы. Свидѣтельство это такого рода, что во всякую минуту жизни надъ нимъ задумаешься. Это самое именно происходило съ Гоголемъ, когда онъ писалъ свои письма отъ 28-го декабря 1840 года и отъ 5-го марта 1841 г. Такъ припомнимъ послѣднее письмо: „Я глубоко счастливъ не смотря на болѣзнь... я силенъ и знаю дивныя минуты... Сознаніе чудное творится и совершается въ душѣ моей и благодарственными слезами не разъ теперь полны глаза мои... здѣсь явно видна святая воля; подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета".

Итакъ, Гоголь смотрѣлъ на себя какъ на Божьяго избранника, котораго Богъ возлюбилъ съ дѣтства, чтобы совершить чрезъ него внесеніе истиннаго свѣта въ Россію, черезъ это чудное созданіе, которое творилось и совершалось въ его душѣ. Созданіе это было „Мертвыя души". Такъ какъ оно могло осуществиться въ этомъ внушенномъ свыше идеалѣ, въ какомъ предносилось уму Гоголя, только по мѣрѣ нравственнаго очищенія своей души и приближенія ея къ идеалу христіанской чистоты, то Гоголя непрестанно должны были колебать сомнѣнія прежде

всего и болѣе всего на счетъ его нравственной чистоты: такъ ли хорошо очистилъ онъ свою душу, чтобы былъ достоинъ продолжать свою работу; настолько ли онъ ясно понимаетъ божественное внушеніе и настолько ли умѣло прилагаетъ его къ русскому обществу, какъ это предносится въ находящемся въ душѣ его идеалѣ?

Въ своей „Авторской исповѣди“ Гоголь говоритъ о себѣ, что съ того времени, какъ онъ сталъ задумываться о своемъ будущемъ, а это началось очень рано, въ то время, когда его сверстники думали только объ играхъ,—мысль о писательствѣ никогда не приходила, хотя онъ всегда мечталъ, что онъ пріобрѣтетъ извѣстность. Первые опыты сочинительства, которые онъ дѣлалъ въ послѣдніе годы пребыванія своего въ школѣ, были всѣ въ лирическомъ, серьезномъ родѣ. Ни онъ самъ, ни другіе, не подозрѣвали задатковъ сатирическаго и комическаго таланта, хотя съ раннихъ лѣтъ примѣчали въ его сужденіяхъ о людяхъ умѣнье подмѣтить и представить такія черты, которыя ускользали отъ вниманія другихъ. Это было не простое передразниваніе, а способность угадать, что будетъ говорить и дѣлать человѣкъ въ тѣхъ и другихъ случаяхъ, съ удержаніемъ его характерныхъ особенностей, какъ въ мысляхъ, такъ и въ рѣчахъ; эту способность угадывать образъ и складъ мыслей и рѣчей въ тѣхъ или другихъ положеніяхъ Гоголь до писательства упражнялъ лично для собственнаго развлеченія. „На меня находили,—говоритъ онъ,—припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила можетъ быть отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлечь себя самого, я придумывалъ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самое смѣшное положеніе, вовсе незаботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому выйдетъ отъ этого какая польза“... Вотъ почему въ первыхъ своихъ произведеніяхъ явился писателемъ веселымъ, который заставлялъ всѣхъ смѣяться также безотчетно и беззаботно, какъ смѣялся самъ. „Можетъ быть, съ лѣтами,—говоритъ онъ,—прошла бы его тоска и ему не оказалось бы надобности развлекать себя, тогда началось бы и его писательство“. Но Пушкинъ заставилъ его взглянуть на эту способность серьезно. „Онъ уже давно склонялъ меня,—говоритъ Гоголь,—приняться за большое сочиненіе, но одинъ разъ, когда я прочелъ ему одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однако-жъ, поразило его больше всего прежде мною читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ“! Вслѣдъ за этимъ онъ началъ представлять мнѣ мое слабое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить жизнь мою рано, привелъ мнѣ въ примѣръ Серван-

теса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за „Донкихота“, никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и въ заключеніе всего отдалъ мнѣ собственный сюжетъ, изъ котораго онъ самъ хотѣлъ сдѣлать что-то въ родѣ поэмы и котораго онъ бы, по его словамъ, не отдалъ никому другому (мысль „Ревизора“ принадлежитъ также ему). На этотъ разъ я и самъ уже задумался серьезно,—тѣмъ болѣе, что стали приближаться такіе годы, когда самъ собою приходитъ запросъ всякому поступку: зачѣмъ и для чего дѣлаешь? Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ своихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что, дѣйствительно, достойно осмѣянья всеобщаго. Въ „Ревизорѣ“ я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще не появлялся во мнѣ въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что не могу уже быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами; послѣ „Ревизора“ я почувствовалъ болѣе, нежели когда-либо прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Пушкинъ находилъ, что сюжетъ „Мертвыхъ душъ“ хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ“. Гоголь принялся за работу, не составивъ предварительнаго плана, въ надеждѣ, что смѣшной проектъ, которымъ занятъ Чичиковъ, самъ собою наведетъ на множество разнородныхъ лицъ и характеровъ и представитъ множество смѣшныхъ явленій, которыя надобно будетъ только перемѣшивать съ трогательными сценами. Но на первыхъ же порахъ Гоголь долженъ былъ бросить такую безцѣльную работу. На каждомъ шагу являлся вопросъ: къ чему это? Отчего, для чего говорить о такихъ-то явленіяхъ? Изображать такой-то характеръ? Вмѣсто любви къ работѣ, Гоголь почувствовалъ къ ней что-то въ родѣ отвращенія: „все у меня,—говоритъ онъ,—выходитъ натянуто, насильственно и даже то, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печально“. Оказалось, безъ предварительнаго плана писать невозможно. Надобно было создать сначала планъ для „Мертвыхъ душъ“. Обдумывая внимательно этотъ предметъ, Гоголь поставилъ, наконецъ, себѣ задачею изобразить въ „Мертвыхъ душахъ“ нравственную природу русскаго, выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской

природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низшія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены... „Словомъ, хотѣлось, чтобы по прочтеніи моего сочиненія предсталъ какъ бы невольно весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ, также преимущественно передъ всѣми другими народами.

„Я думалъ, что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго также у меня былъ большой запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если ихъ нашелъ даже въ себѣ самомъ. Но я почувствовалъ въ то же время, что все это возможно будетъ мнѣ сдѣлать въ томъ только случаѣ, когда узнаю очень хорошо самъ, что, дѣйствительно, въ нашей природѣ есть достоинство и что въ ней, дѣйствительно, есть недостатки“.

Это заставило Гоголя заняться сначала изслѣдованіемъ человѣка и души человѣческой вообще. „Я оставилъ,—говоритъ онъ,—на время все современное; я обратилъ вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ, наблюдателей за природой человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимали, и на этой дорогѣ не чувствительно, почти самъ не знаю какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не восходилъ на ту высоту познанья душевнаго, на которой стоялъ онъ... Я не успокоился до тѣхъ поръ, покуда не разрѣшились мнѣ нѣкоторые собственные мои вопросы относительно меня самого, и только когда нашелъ удовлетвореніе въ нѣкоторыхъ главныхъ вопросахъ, могъ приступить вновь къ моему сочиненію, первая часть котораго еще понынѣ составляетъ загадку, потому что заключаетъ въ себѣ нѣкоторую часть переходнаго состоянія моей собственной души, тогда какъ еще не вполнѣ отдѣлилось во мнѣ то, чему слѣдовало отдѣлиться“.

Послѣ того, какъ было покончено изслѣдованіе человѣка и души человѣческой вообще, Гоголь приступилъ къ изученію Россіи.

Первую часть „Мертвыхъ душъ“, которая имѣла цѣль изобразить преимущественно низкія стороны русской природы, Гоголю писать было легко потому, что самый существенный матеріалъ, необходимый для разработки характеровъ разнообразныхъ персонажей, выведенныхъ въ этой части, доставлялъ онъ самъ, его собственная личность. Отвѣчая одному изъ своихъ друзей на вопросъ: отчего герои „Мертвыхъ душъ“, будучи далеки отъ

того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей, будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему близки душѣ, точно какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное?—Гоголь говоритъ: „герои мои близки душѣ, потому что они изъ души: всѣ мои послѣднія сочиненія—исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣли себѣ себя самого, какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся эта мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ главное мое свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей.

„Это свойство съ большой силою выступило въ „Мертвыхъ душахъ“ и герои въ нихъ вовсе не злодѣи; прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или перевести духъ бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей моей книги, кажется, какъ бы только вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на свѣтъ Божій. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я вывелъ картинныхъ изверговъ; но пошлости не простили мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, чѣмъ всѣ его пороки и недостатки... Итакъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство; но достоинство это не развилось бы въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединялось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.

„Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы выдавался виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность: но за то, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и при томъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, и нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не знаю какъ возблагодарить Его, было *желаніе быть лучшимъ*. Я никогда не любилъ моихъ дурныхъ качествъ“.

Далѣе Гоголь говоритъ, что откройся ему всѣ дурныя качества,

которыя онъ имѣлъ, вдругъ разомъ, онъ бы повѣсился, но они стали открываться передъ нимъ постепенно, мало-по-малу, и по мѣрѣ того, какъ они начали открываться, у него чуднымъ внушеніемъ свыше усиливалось желаніе избавиться отъ нихъ. Наконецъ, ему пришла счастливая мысль передавать ихъ своимъ героямъ. „Съ этихъ поръ,—говоритъ Гоголь,—я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего вначалѣ, для меня самого, онъ бы точно содрогнулся. Довольно сказать тебѣ только, что когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ душъ“ въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе и, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже! какъ грустна (но, вѣрнѣе, гнусна) наша Россія!“. Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это каррикатура и моя собственная выдумка. Тутъ-то я увидѣлъ, что значитъ дѣло взятое изъ души и душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ ему быть представлена тьма и пугающее *отсутствіе свѣта*. Съ этихъ поръ я сталъ уже думать только о томъ, какъ бы смягчить то тяжелое впечатлѣніе, которое могли произвести „Мертвыя души“. Я увидѣлъ, что многія изъ гадостей не стоятъ злобы: лучше показать всю ничтожность ихъ, которая должна быть навѣки ихъ удѣломъ. При томъ мнѣ хотѣлось попробовать, что скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его поподчуешь его же собственною пошлостью. Вслѣдствіе давно уже принятаго плана „Мертвыхъ душъ“ для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди ничуть, однако жъ, не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты съ тѣхъ, которые считаютъ себя лучше другихъ, разумѣется, только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты. Тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты моихъ пріятелей, есть и твои. Я тебѣ это покажу послѣ, когда будетъ тебѣ нужно; до времени это моя тайна“.

Въ заключеніе письма Гоголь говоритъ своему другу, что теперь будетъ понятно, почему онъ, Гоголь, не выставлялъ читателю явленій утѣшительныхъ и не выбралъ въ своихъ героевъ добродѣтельныхъ людей. „Ихъ въ головѣ не выдумаешь, пока не станешь самъ хоть сколько-нибудь на нихъ походить; пока не добу-

дешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и какъ земля отъ неба будетъ далеко отъ правды. Выдумывать кошмаровъ я также не выдумывалъ; кошмары эти давили мою собственную душу: что было въ душѣ, то изъ нея и вышло".

Письмо это помѣчено 1843-мъ годомъ, мѣсяца не означено. Слѣдовательно, писано спустя два года или около того послѣ письма къ Аксакову отъ 28 декабря 1840 года, въ которомъ онъ разсказываетъ о томъ чудномъ внушеніи, которое онъ получилъ свыше. Заключеніе письма ясно говоритъ, что Гоголь въ это время не считалъ себя настолько нравственно очищеннымъ, чтобы могъ исполнять работу, которой требуетъ второй томъ „Мертвыхъ душъ". Онъ только начинаетъ или продолжаетъ работу надъ своею душою, согласно тому божественному внушенію, которое получилъ. Какія средства и пути предписывались ему этимъ внушеніемъ для своего нравственнаго очищенія, и вообще для пріобрѣтенія свѣдѣній, которыя нужны ему для самой работы надъ вторымъ томомъ, мы можемъ сдѣлать объ этомъ нѣкоторыя соображенія по его перепискѣ за это время, что и постараемся исполнить впослѣдствіи, а теперь будемъ продолжать повѣствованіе, такъ сказать, о внѣшнемъ ходѣ работы.

Въ письмѣ отъ 6-го октября 1843 г. Гоголь пишетъ о ходѣ своей работы слѣдующее: „Чѣмъ болѣе торопишь себя, тѣмъ менѣе подвигается дѣло. Да и трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ. Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отчего можетъ умереть съ голоду художникъ, тогда какъ кажется, что онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ даже изъ близкихъ мнѣ людей говоритъ: „ну, что бы могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, если бы захотѣлъ! ну, издавай онъ всякій годъ по такому тому, какъ „Мертвыя души",—онъ могъ бы себѣ доставить двадцать тысячъ годового дохода". А того никто не разсмотритъ, что этотъ томъ со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, стоитъ почти пятилѣтней работы; стало быть, можетъ назваться вполнѣ выработаннымъ потомъ и кровью. Я знаю, что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣе; но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого, и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій. Признайтесь: не показался-ли я вамъ страннымъ въ наше послѣднее свиданіе, не откровеннымъ и не общительнымъ, словомъ: страннымъ? Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ. Захлопотанный собою, занятый мыслію объ одномъ себѣ,

о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми слѣдовало вознестись — иначе какъ разъ очутишься въ ихъ власти — занятый всѣмъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ; это принадлежность безмятежной души. А моей душѣ еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, что не хотѣлъ бы говорить, но потому молчу, что не умѣю говорить и не нашелъ бы словъ даже, какъ разсказать то, что захотѣлъ бы разсказать. Но я заговорился, кажется... Впрочемъ, это слово изъ моей душевной исповѣди. А душевная исповѣдь должна быть доступна всегда сердцу близкаго намъ друга".

Чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ съ большимъ усердіемъ работаетъ Гоголь надъ своимъ христіанскимъ воспитаніемъ. Въ 184* году одной близкой къ нему дамѣ онъ пишетъ:

„О себѣ самомъ относительно моего душевнаго внутренняго состоянія не говорилъ я ни съ кѣмъ. Никто изъ нихъ (литературныхъ друзей) меня не зналъ. По моимъ литературнымъ разговорамъ всякій былъ увѣренъ, что меня занимаетъ только литература и что все прочее ровно не существуетъ для меня на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Россію, произошла во мнѣ великая перемѣна. Душа заняла меня всего, и я увидѣлъ ясно, что безъ устремленія души моей къ ея лучшему совершенству, не въ силахъ я былъ двинуться ни одной моей способностью, ни одной стороной моего ума во благо и въ пользу моимъ собратьямъ; а безъ этого воспитанія душевнаго, всякій трудъ мой будетъ временно блестящій, но суетенъ въ существѣ своемъ. Какъ Богъ довелъ меня до этого, какъ воспитывалась незримо для всѣхъ душа моя, это извѣстно вполнѣ Богу, объ этомъ не разскажешь; для этого потребовались бы томы, а эти томы все бы не сказали всего. Скажу только, что милосердіе Божіе помогло мнѣ въ стремленіи моемъ и что теперь, какимъ я ни есть, хотя вижу ясно неизмѣримую бездну, отдѣляющую меня отъ совершенства, но вмѣстѣ вижу, что я далеко отъ того, какимъ былъ прежде" (28).

Въ другомъ письмѣ, писанномъ немного ранѣе этого, именно 3-го ноября 1844 года, онъ такъ объясняетъ свое отношеніе къ писательству:

„Какъ умный человѣкъ, онъ (Самаринъ) правъ тѣмъ, что взглянулъ на меня со стороны артиста, но онъ пропустилъ не бездѣлицу: онъ пропустилъ ту высшую любовь, которая гораздо выше всякихъ артистовъ и талантовъ, и можетъ быть равно доступна какъ умнѣйшему, такъ и простѣйшему человѣку. Онъ не можетъ также знать того, что я давно уже гляжу на человѣка не какъ артистъ, но милосердіе Бога помогло мнѣ глядѣть на него иначе: я гляжу на него, какъ на брата и это чувство въ нѣсколько разъ небеснѣе и лучше. Ремесло артиста мнѣ при-

годилось теперь только въ помощь; имъ мнѣ только доведется доказать на дѣлѣ мою любовь, о чемъ молю Бога безпрестанно и о чемъ прошу васъ также помолиться".

Съ своей новой точки зрѣнія христіанина, Гоголь хотя и не отрицалъ прежнихъ своихъ произведеній, но и не давалъ имъ особенной цѣны, въ особенности не признавалъ ихъ значенія въ дѣлѣ развитія его душевнаго состоянія. Въ отвѣтъ на письмо своей пріятельницы А. О. Смирновой, которая писала ему, что у нихъ долго шли разсужденія и споры о томъ, какая у него душа, хохлацкая или русская, онъ пишетъ отъ 24-го декабря 1844 года: „Я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіанину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіаниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой. Ясный знакъ, что онѣ должны наполнить одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ не похожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, сліявшись воедино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ. На сочиненіяхъ же моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ. Онѣ всѣ писаны давно, во времена глупой молодости, пользуются пока незаслуженными похвалами и даже не совсѣмъ заслуженными порицаніями, и въ нихъ видѣнъ покамѣстъ писатель, еще не утвердившійся ни на чемъ твердомъ. Въ нихъ точно есть коегдѣ хвостики душевнаго моего состоянія тогдашняго, но безъ моего собственнаго признанія ихъ никто и не замѣтитъ, и не увидитъ"

Изъ письма, писаннаго черезъ три мѣсяца послѣ этого, именно отъ 2-го апрѣля 1845 г., къ тому же лицу, видно, что работа Гоголя идетъ плохо, что онъ ею недоволенъ; потомъ, вѣроятно, на приглашеніе пріѣхать въ Россію, онъ пишетъ: „пріѣздъ мой мнѣ былъ бы не въ радость. Одинъ упрекъ только себѣ видѣлъ бы я во всемъ, какъ человѣкъ, посланный за дѣломъ и возвратившійся съ пустыми руками,—которому стыдно даже и заговорить, стыдно лицо показать".

Въ новомъ письмѣ тому же лицу черезъ два мѣсяца отъ 25-го іюня 1845 г. мы видимъ Гоголя въ полномъ разочарованіи, недовольнымъ собою, всѣми своими сочиненіями и въ особенности „Мертвыми душами":

„Вы коснулись „Мертвыхъ душъ" и просите меня не сердиться за правду, говоря, что исполнились сожалѣніемъ къ тому, надъ чѣмъ прежде смѣялись. Другъ мой, я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ „Мертвыхъ душъ"; но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ

автора, принимая за каррикатуру, за насмѣшку надъ губерніями, также какъ прежде были несправедливы, хваливши. Вовсе не губерніи, и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ „Мертвыхъ Душъ". Это покамѣстъ еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась), раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу было угодно продлить мою жизнь и благословить мой трудъ. Повторяю вамъ вновь, что это тайна, и ключъ отъ нея покамѣстъ въ душѣ у одного только автора. Многое, многое даже изъ того, что, повидимому, было обращено ко мнѣ самому, было принято вовсе въ другомъ слыслѣ. Была у меня точно гордость, но не моимъ *настоящимъ*, не тѣми свойствами, которыми владѣлъ я, гордость *будущимъ* шевелилась въ груди,—тѣмъ, что представлялось мнѣ впереди. Счастливымъ открытіемъ,—которымъ угодно было вслѣдствіе Божіей милости озарить мою душу,—открытіемъ, что можно быть далеко лучше того, чѣмъ есть человѣкъ, что есть средства и для любви... Но не кстати я заговорилъ о томъ, чего еще нѣтъ. Повѣрьте, что я хорошо знаю, что я слишкомъ дрянь, и всегда чувствовалъ болѣе или менѣе, что въ настоящемъ состояніи моемъ я дрянь и все дрянь, что ни дѣлается мною, кромѣ того, что Богу угодно было внушить мнѣ сдѣлать, да и то, сдѣлано было мною далеко не такъ, какъ слѣдуетъ".

Весь 1845 г. Гоголь болѣлъ. Лѣченіе холодною водою немного поправило его, но на болѣзнь онъ продолжалъ жаловаться и въ началѣ 1846 года. Въ письмѣ Плетневу, отъ 18-го ноября 1845 г. онъ пишетъ:

„Посылаю тебѣ свидѣтельство о моемъ существованіи на свѣтѣ. Существованіе мое точно было въ продолженіе нѣкотораго времени въ сомнительномъ состояніи. Я едва было не откланялся; но Богъ милостивъ: я вновь почти оправился, хотя осталась слабость и какая-то странная зябкость, какой я не чувствовалъ доселѣ... скажу тебѣ только, что много, много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна во вѣки воля пославшаго мнѣ скорби и все то, что мы обыкновенно пріемлемъ за непріятности и несчастья. Безъ нихъ не воспиталась бы душа моя, какъ слѣдуетъ для труда моего; мертво и холодно было бы все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ сама *правда*".

Въ другомъ письмѣ, отъ 12-го февраля 1846 г. къ тому же Плетневу, онъ пишетъ: „Тяжки и тяжки мнѣ были послѣднія времена, и весь минувшій годъ былъ такъ тяжелъ, что я дивлюсь, какъ вынесъ его. Болѣзненное состояніе до такой степени (въ концѣ прошедшаго и даже въ началѣ нынѣшняго) было невыносимо, что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченіе. А между тѣмъ,

Богъ такъ былъ милостивъ ко мнѣ въ это время, какъ никогда дотолѣ. Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была болѣзнь тѣлесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла ко мнѣ приближаться. И тѣ душевныя страданія, которыхъ я доселѣ испытывалъ много и много, замолкнули вовсе, и среди страданій тѣлесныхъ выработались въ моемъ умѣ...(?) такъ что во время дороги и предстоящаго путешествія я примусь съ божьимъ благословеніемъ писать, потому что духъ мой становится въ такое время свѣжимъ и расположеннымъ къ дѣлу. О, какъ премудръ въ Своихъ дѣлахъ Управляющій нами! Когда я разскажу тебѣ потомъ всю чудную судьбу мою и внутреннюю жизнь мою (когда мы встрѣтимся у родного очага) и всю открою тебѣ душу, все ты поймешь тогда до единаго во мнѣ движенія и не будешь изумляться ничему тому, что теперь такъ тебя останавливаетъ и изумляетъ во мнѣ... Скажу тебѣ, что не дѣла литературы и не слава занимали меня въ то время, какъ ты думалъ, что она только и составляетъ жизнь мою. Ты принялъ платье за то тѣло, которое должно было облекать платье. *Душа* и дѣло душевное меня занимало и трудную задачу нужно было разрѣшить, передъ пользою которой ничтожны были тѣ пользы, которыя ты мнѣ поставилъ на видъ. Богу угодно было послать мнѣ страданія тѣлесныя и душевныя и всякія горькія и трудныя минуты, и всякія недоразумѣнія тѣхъ людей, которыхъ любила душа моя, а все на то, чтобы разрѣшилась во мнѣ та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во вѣки. Вотъ все, что могу тебѣ сказать впередъ: остальное все договоритъ тебѣ мое твореніе, если угодно будетъ святой волѣ ускорить его".

Мы останавливаемся съ большимъ вниманіемъ на перепискѣ Гоголя въ 1845 году. Годъ этотъ былъ замѣчательный въ жизни Гоголя: въ этомъ году онъ въ *первый* разъ предалъ сожженію написанный имъ второй томъ „Мертвыхъ душъ". Принято обыкновенно думать, что Гоголь совершилъ это въ ненормальномъ состояніи своихъ умственныхъ способностей, что онъ находился въ это время въ такомъ же мрачномъ настроеніи, въ какомъ былъ и въ свои предсмертные часы, когда „Мертвыя души" подверглись такому же ауто-да-фе во второй разъ. Но и при вторичномъ сожженіи „Мертвыхъ душъ" предшествовавшее ему мрачное состояніе, если и было дѣйствительное, то было непродолжительное: въ три часа ночи Гоголь сжегъ „Мертвыя души", а на другой день онъ съ раскаяніемъ объявилъ объ этомъ графу Т—му, жалѣлъ, что у него не взяли бумагъ, когда онъ отдавалъ ихъ на храненіе тому же графу Т—му, и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію злого духа и съ того именно времени впалъ въ мрачное уныніе, въ которомъ находился до самой смерти. Въ

1845 году мы не видимъ ничего подобнаго. Онъ былъ очень боленъ и переносилъ сильныя тѣлесныя страданія.

Лѣченіе холодною водою, хотя не уничтожило болѣзни, но значительно ослабило ее, и Гоголь хотя и жалуется на свои страданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что какой-нибудь боли душевной, душевнаго угнетенія не чувствуетъ никакого, что даже обычная прежде хандра къ нему не прикасалась. Итакъ, не мрачное настроеніе духа, вслѣдствіе болей физическихъ, было причиною перваго сожженія „Мертвыхъ душъ". Судя по тому, что онъ пишетъ Плетневу, обѣщая ему разсказать подробно судьбу свою и внутреннюю жизнь, изъ чего Плетневъ пойметъ всѣ движенія и не будетъ ничему удивляться, надобно полагать, что съ Гоголемъ произошло то же самое, что въ декабрѣ 1840 года, когда посѣтило его, какъ онъ объяснялъ въ письмѣ къ Аксакову, божественное озареніе. При постоянномъ стремленіи къ нравственному усовершенствованію, при непрерывной работѣ надъ собою въ этомъ направленіи, работѣ, соединенной всегда съ молитвою, Гоголю могло представляться въ видѣ озаренія свыше, что написанное не соотвѣтствуетъ поставленной задачѣ „Мертвыхъ душъ", служить „душѣ и душевному дѣлу" читателей, что тутъ для этой цѣли не сдѣлано того-то, опущено то-то. И вотъ, слѣдуя этому представленію, принятому за внушеніе свыше, онъ сжигаетъ написанное. И это дѣйствіе не только не повергаетъ его въ уныніе, а приводитъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ восторгъ. Когда вѣсть о сожженіи второго тома дошла до Россіи, то, вѣроятно, многіе обратились къ Гоголю съ вопросами: какъ, зачѣмъ, почему—совершилось такое чудовищное для нихъ, почитателей Гоголя, дѣло?—Вотъ какъ отвѣчаетъ онъ одному изъ такихъ вопрошателей, въ 1846 году, въ своей „Перепискѣ съ друзьями".

„Зачѣмъ сжегъ второй томъ „Мертвыхъ душъ", что такъ было нужно. *Не живетъ аще не умретъ*, говоритъ апостолъ. Нужно прежде умереть для того, чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилѣтній трудъ, произведенный съ такими болѣзненными напряженіями, гдѣ каждая строка давалась потрясеніемъ, гдѣ было много такого, что составляло мои лучшія помышленія и занимало мою душу. Но все было сожжено, и при томъ въ ту минуту, когда, видя передъ собою смерть, мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хотя что-нибудь обо мнѣ лучше напоминающее. Благодарю Бога, что далъ мнѣ силу это сдѣлать. Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги, ея содержаніе вдругъ воскресло въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ, подобно фениксу изъ костра, и я вдругъ увидѣлъ, въ какомъ еще безпорядкѣ было то, что я считалъ уже порядочнымъ и стройнымъ. Появленіе второго тома въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, произвело бы скорѣе вредъ, нежели пользу. Нужно принимать въ

соображеніе не наслажденіе какихъ-нибудь любителей искусствъ и литературы, но всѣхъ читателей, для которыхъ писались „Мертвыя души“. Вывести нѣсколько прекрасныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, ни къ чему не поведетъ. Оно возбудитъ только пустую гордость, хвастовство. Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не въ мѣру русскими доблестями и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ на показъ и сказать Европѣ: „Смотрите, нѣмцы! мы лучше васъ“! Это хвастовство губитель всего!.. Нѣтъ, бываетъ время, когда нельзя бываетъ устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому онъ и сожженъ. Не судите обо мнѣ и не выводите своихъ заключеній: вы ошибетесь, подобно тѣмъ изъ моихъ пріятелей, которые, создавши изъ меня свой собственный идеалъ писателя, сообразно собственному образу мыслей о писателѣ, начали было отъ меня требовать, чтобы я отвѣчалъ ими же созданному идеалу. Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе; дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое *душа и прочное дѣло жизни.* А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно. Мнѣ не зачѣмъ торопиться, пусть ихъ торопятся другіе. Жгу, когда нужно жечь, и, вѣрно, поступаю какъ нужно, потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему“.

По мѣрѣ того, какъ Гоголь все далѣе и далѣе шелъ по пути нравственнаго усовершенствованія, ему стало представляться недостаточнымъ ограничиться изображеніемъ однихъ только лучшихъ и дурныхъ качествъ русской природы, оставивъ читателя безъ руководства, какъ разрабатывать въ себѣ лучшія качества. Уже въ письмѣ къ Языкову, писанномъ въ 1844 г., Гоголь говоритъ о третьемъ томѣ „Мертвыхъ душъ“. Предлагая Языкову разныя темы для его лирическихъ обличеній, Гоголь совѣтуетъ ему сдѣлать сильное лирическое воззваніе къ людямъ, не брегущимъ о душѣ своей, не брегущимъ до того, что она почти совсѣмъ потерялась у нихъ, превратилась въ плоть. „Завопи воплемъ, говоритъ онъ, и выставь такому человѣку вѣдьму—старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза, предъ которою желѣзо есть милосердіе, которая ни крохи чувства не отдаетъ назадъ и обратно. О, если бъ ты могъ сказать имъ то, что долженъ ска-

зать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома „Мертвыхъ душъ“. Долженъ-ли былъ этотъ томъ быть послѣднимъ, т. е. по прежнему плану содержать лучшія качества русской природы, или быть только продолженіемъ второго тома и показывать всѣмъ дороги и пути къ высшему и прекрасному, какъ это намѣчено въ вышеприведенномъ нами письмѣ, т. е. восполнить то главное, что мало и слабо было развито въ сожженномъ второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“, за что тѣ и подверглись сожженію,—однако жъ такого обѣщаннаго Гоголемъ показанія для всякихъ путей и дорогъ къ высокому и прекрасному въ отдѣланной формѣ „Мертвыхъ душъ“ не явилось. Такимъ показаніемъ дорогъ и путей къ высокому и прекрасному, по намѣренію Гоголя, должна была служить вскорѣ изданная имъ книга: „Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Книга эта была приподнятіемъ завѣсы съ душевнаго дѣла Гоголя, раскрытіемъ для публики нѣкоторыхъ изъ тѣхъ душевныхъ дѣйствій и подвиговъ, которые онъ считалъ необходимымъ для своего нравственнаго усовершенствованія. Но раскрытіе это не было полнымъ, какъ показываетъ уже самое заглавіе книги, и не предполагалось быть. Въ предисловіи къ книгѣ Гоголь говоритъ, что изъ своихъ послѣднихъ писемъ, которыя ему удалось получить назадъ, выбралъ только то, что относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество,—исключивъ при этомъ все то, что могло получить смыслъ только послѣ его смерти, такъ и то, что могло имѣть значеніе только для немногихъ. Между тѣмъ для пониманія душевнаго дѣла Гоголя и его самого нужны были именно, можетъ быть, тѣ письма, которыя были писаны для немногихъ; можетъ быть только при помощи ихъ и могъ быть найденъ ключъ хотя къ нѣкоторому разумѣнію Гоголя. Изданное же безъ всякого поясненія собраніе разнородныхъ писемъ, большею частью самаго ординарнаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ поражавшихъ мѣстами странными воззрѣніями, не совмѣщавшимися съ тѣмъ понятіемъ, какое имѣли всѣ о личности Гоголя, собраніе это произвело въ русской публикѣ всеобщее недоумѣніе и разочарованіе.

Прежде, однако жъ, чѣмъ начать рѣчь объ этомъ, постараемся выяснить внутреннее душевное дѣло Гоголя, характеръ тѣхъ дѣйствій и подвиговъ, которые онъ считалъ необходимымъ совершить послѣ того, какъ извѣстнымъ божественнымъ внушеніемъ удостовѣрился въ возложенной на него свыше миссіи совершить трудъ, долженствующій пролить на всю Россію особенный свѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ планъ, какъ его исполнить и какъ нравственно воспитать свою душу, чтобы удостоиться привести его въ исполненіе.

Съ того времени, какъ Гоголь сталъ воспитывать свою душу, т. е. впалъ въ преобладающее религіозное настроеніе, онъ съ одной стороны возбудилъ такое же настроеніе во многихъ

своихъ близкихъ знакомыхъ, съ другой, естественно сблизился съ многими новыми лицами такого же настроенія, которыя прежде или вовсе не были съ нимъ знакомы, или не были къ нему до тѣхъ поръ близки. Изъ всѣхъ этихъ лицъ около него образовалось особое общество людей, воспитывающихъ свои души. Это общество не было регламентировано, не имѣло никакихъ особыхъ уставовъ и правилъ, но оно внутренно сознавалось принадлежащими къ нему, какъ христіанское братство, какъ братство людей, рѣшившихся воспитывать свою душу. Въ письмѣ своемъ А. О. С—ой отъ 24-го октября 1844 года, разсказывая о томъ, что многіе изъ его знакомыхъ „подозрѣваютъ его въ двуличности или какой-то Макіавелевой штукѣ“ и точно боятся его, онъ пишетъ, что это сначала сердило его и онъ желалъ оправдаться, хоть оправдываться было не въ чемъ, такъ какъ никакихъ обвиненій не высказывалось, что теперь онъ предоставилъ все это времени и, бывши въ Москвѣ и Петербургѣ, избѣгалъ всякихъ объясненій, чѣмъ скорѣе отталкивалъ, чѣмъ привлекалъ пріятелей. „Мнѣ,—продолжаетъ Гоголь,—нуженъ былъ душевный монастырь. Вамъ это теперь понятно, потому что мы сошлись съ вами вслѣдствіе взаимной душевной нужды и помощи, и потому имѣли случай, хотя съ нѣкоторыхъ сторонъ, узнать другъ друга; но они этого не могли понять. Изъ нихъ, вы сами знаете, никто не воспитывается; стало быть всякій поступокъ они могли перетолковать по своему“. Въ письмѣ 1845 г. г-жѣ NN., говоря о недоразумѣніяхъ по отношенію къ нему литературныхъ пріятелей, Гоголь пишетъ: „всего этого, что произошло со мною (со времени его душевнаго воспитанія), не могли узнать мои литературные пріятели. Въ продолженіе странствованія, моего внутренняго душевнаго воспитанія, я сходился и встрѣчался съ другими родственнѣе и ближе потому, что уже душа слышала душу, а потому и знакомство завязывалось прочнѣе прежняго. Доказательство этого вы можете видѣть на себѣ. Вы были знакомы со мной прежде и въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ; но какая разница между тѣмъ знакомствомъ и знакомствомъ въ Ниццѣ! не кажется-ли вамъ самимъ, что мы другъ друга какъ будто только узнали? Въ послѣднее время у меня произошли такія знакомства, что съ одного другого разговора уже обоимъ казалось, какъ будто вѣкъ знали другъ друга... Христосъ не повелѣвалъ намъ быть друзьями, но повелѣвалъ быть братьями. Да и можно-ли сравнить гордое дружество, подчиненное законамъ, которые начертываетъ самъ человѣкъ, съ тѣмъ небеснымъ братствомъ, котораго законы начертаны на небесахъ? Тѣ, которыхъ души загорѣлись такою любовью, сходятся сами между собою, ничего не требуя другъ отъ друга, никакихъ не произнося клятвъ и увѣреній, чувствуя, что связь такая уже вѣчная, что разсердиться они не могутъ, потому что все простится и трудно бы имъ было

выдумать чѣмъ оскорбить другого. Есть много достойныхъ людей, которые думаютъ, что они христіане, но они христіане только *въ мысляхъ, но не въ жизни и не въ дѣлѣ*: они не внесли еще Христа въ самое сердце своей жизни, во всѣ дѣйствія свои и поступки. Есть также и такіе, которые потому только считаютъ себя христіанами, что отыскали въ евангельскихъ истинахъ кое-что такое, что показалось имъ подкрѣпляющимъ любимыя ихъ идеи. А потому вы испробуйте сами NN. (одного литератора), заговорите съ нимъ о такихъ пунктахъ, на которыхъ узнается какъ далеко ушелъ человѣкъ въ христіанствѣ, испробуйте его мнѣніе о другихъ христіанахъ: отзывается-ли онъ о нихъ, какъ христіанинъ; и если, по словамъ вашимъ, онъ имѣетъ *въ васъ такую же нужду, какъ вы во мнѣ*, то сдѣлайте для него то, что предписываетъ вамъ истинная братская любовь, уврачуйте что найдете въ болѣзненномъ состояніи; умягчите съ небесною кротостью что зачерствѣло; не показывайте (моихъ писемъ) ни ему, никому".

Итакъ, люди, съ которыми теперь сближался и среди которыхъ онъ мало-по-малу сдѣлался центромъ, были люди христіански воспитывающіе свою душу, чѣмъ они и отличали себя отъ другихъ, иногда во всѣхъ отношеніяхъ достойныхъ, но не заботившихся о христіанскомъ воспитаніи своей души.

Въ чемъ состояло это воспитаніе?

Первое условіе, необходимое для этого воспитанія, была постоянная молитва за себя и за всѣхъ, неукоснительное обращеніе къ Богу при всякомъ начинаніи, при всякомъ затрудненіи, при всякомъ дѣлѣ, съ испрошеніемъ его благословенія и помощи. Молитвѣ Гоголь придавалъ самое важное значеніе въ жизни. Съ нѣкоторыми лицами благочестивыми онъ велъ переписку, которая вся почти состояла въ просьбѣ молитвъ за него и въ благодарности за эти молитвы. Въ собственной усиленной молитвѣ съ устремленіемъ всѣхъ силъ своихъ къ Богу онъ видѣлъ надежный путь для непосредственнаго сближенія, для полученія откровеній. Мы видѣли уже изъ письма его къ Языкову, какъ можно получить черезъ молитву свыше божественныя внушенія даже въ литературной работѣ. Онъ не сомнѣвался, что черезъ усердную молитву можно получить даръ для исцѣленія больныхъ. Ѳ. В. Чижовъ, его товарищъ по службѣ въ университетѣ, жившій съ нимъ въ 1843 году въ Римѣ, разсказываетъ о немъ, между прочимъ, такой случай, въ доказательство тогдашняго сильнаго религіознаго напряженія въ Гоголѣ: „Въ то время одна дама, съ которой я былъ очень друженъ, сдѣлалась сильно больна. Я посѣщалъ ее иногда нѣсколько разъ въ день и обыкновенно приносилъ извѣстіе о ней. Гоголь зналъ ее только по наслышкѣ. Однажды, когда я опасался, чтобы у ней не было антонова огня въ ногѣ, Гоголь просилъ меня зайти къ нему. Я захожу, и онъ послѣ коротень-

каго разговора спрашиваетъ: „Была ли она у святителя Митрофана?—Я отвѣчаю: „не знаю“.—Если не была, скажите ей, чтобы она дала обѣтъ помолиться у его гроба. Сегодня за нее здѣсь сильно молился одинъ человѣкъ, и передайте ей его убѣжденіе, что она будетъ здорова. Только пожалуйста не говорите, что это отъ меня“. По моимъ соображеніямъ,—прибавляетъ Чижовъ,—это былъ самъ Гоголь, потому что изъ всѣхъ знакомыхъ больной, тогда былъ въ Римѣ, кромѣ меня, еще одинъ только Р—нъ, человѣкъ весьма добрый, благородный, но, кажется, не изъ молящихся. Онъ полюбилъ эту даму, но всетаки не до такой степени, чтобы за нее усердно молиться“.

Но молитва должна обнаруживаться не въ словахъ только, а въ дѣлахъ. „Молитва святое дѣло,—пишетъ Гоголь матери,—но помните, что она ничтожна, если не сопровождена святыми дѣлами. Молитву дѣлъ, а не молитву словъ требуетъ отъ насъ Іисусъ. Не думайте, чтобы вы были бѣдны для того, чтобы помогать другимъ. Для этого не можетъ быть бѣденъ человѣкъ. Не богатствомъ, не деньгами мы можемъ помогать другимъ, но гораздо болѣе мы можемъ помогать сердечнымъ участіемъ, душевнымъ словомъ, воздвигни, ободряя, падшій духъ“.

Сообразно такому взгляду на молитву, вся жизнь воспитывающихъ душу должна была быть какъ бы продолженіемъ молитвы, выражаться въ постоянной любви другъ къ другу и попеченіи другъ о другѣ. Въ обыкновенномъ ходѣ жизни старались просвѣтить другъ друга въ истинахъ христіанскихъ. А. О. С—ва разсказываетъ, что во время пребыванія Гоголя въ Ниццѣ въ 1843 г. онъ почти каждый день обѣдалъ у нея, и послѣ обѣда сейчасъ вытаскивалъ изъ кармана тетрадь выписокъ изъ святыхъ отцовъ и читалъ, но не Илліаду уже, какъ прежде. Иногда читалъ сочиненія Марка Аврелія и съ умиленіемъ говорилъ: „божусь Богомъ, что ему не достаетъ только быть христіаниномъ“. Въ то время на нее иногда находила непонятная тоска. Гоголь списалъ собственноручно 14 псалмовъ и заставлялъ ее учить ихъ наизусть. Послѣ обѣда онъ спрашивалъ у нея урокъ, какъ спрашиваютъ у дѣтей, и лишь только она хоть немножко заикалась на словѣ, онъ говорилъ: „не твердо“, и отсрочивалъ урокъ до другого дня. Затѣмъ, если въ средѣ воспитывающихъ душу что-нибудь случалось особенное, что выходило изъ порядка обыкновенной жизни—не ладилось что-нибудь въ дѣлахъ, находило недоумѣніе и сомнѣніе, какъ поступить въ такомъ или другомъ случаѣ, возникало недовѣріе къ своимъ силамъ,—тогда или по его просьбѣ или даже безъ просьбы ему приходили на помощь его товарищи и помогали своими совѣтами и наставленіями. Писемъ по такимъ случаямъ много помѣщено Гоголемъ въ „избранныхъ мѣстахъ переписки“. Но гораздо важнѣе и интереснѣе тѣ письма, которыхъ нѣтъ тамъ, которыя вызваны были нуждами чисто душев-

ными—невѣріемъ и отчаяніемъ въ своемъ спасеніи, уныніемъ и т. д., и т. д. Успокоить такого рода страждущихъ, утѣшить, ободрить, влить надежду и упованіе, Гоголь былъ великій мастеръ...

Въ письмѣ къ Шевыреву, напечатанномъ въ „Избранныхъ мѣстахъ" подъ заглавіемъ: „Совѣты", Гоголь объ этой своей дѣятельности по даванію совѣтовъ говоритъ слѣдующее:

„Уча другихъ, также учишься. Посреди моего болѣзненнаго и труднаго бремени, къ которому присоединились еще и тяжелыя страданія душевныя, я долженъ былъ вести такую дѣятельную переписку, какой никогда у меня не было дотолѣ. Какъ нарочно, почти со всѣми близкими душѣ моей случились въ это время внутреннія событія и потрясенія. Все какимъ-то инстинктомъ обращалось ко мнѣ, требуя помощи и совѣта. Тутъ только узналъ я близкое родство человѣческихъ душъ между собою. Стоитъ только хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ понятны, и почти знаешь, что нужно сказать имъ. Этого мало, самый умъ проясняется: дотолѣ скрытыя положенія и поприща людей становятся тебѣ извѣстны, и дѣлается видно, что кому изъ нихъ потребно. Въ послѣднее время мнѣ случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не сумѣлъ дать прежде. А между тѣмъ я ничуть не умнѣе никого. Я знаю людей, которые въ нѣсколько разъ умнѣе и образованнѣе меня и могли бы дать совѣты въ нѣсколько разъ полезнѣйшіе моихъ, но они такъ не дѣлаютъ и даже не знаютъ, какъ это сдѣлать. Великъ Богъ, насъ умудряющій! И чѣмъ же умудряющій? Тѣмъ самымъ горемъ, отъ котораго мы бѣжимъ и хотимъ скрыться. Страданіями и горемъ опредѣлено намъ добывать крупицы мудрости, не пріобрѣтаемой въ книгахъ. Но кто уже пріобрѣлъ одну изъ этихъ крупицъ, тотъ уже не имѣетъ правъ скрывать ее отъ другихъ. Она не твоя, но Божье достояніе. Богъ ее выработалъ въ тебѣ: всѣ же дары Божьи даются намъ затѣмъ, чтобы мы служили ими собратьямъ нашимъ. Онъ повелѣлъ, чтобы ежеминутно учили мы другъ друга. Итакъ, не останавливайся, учи и давай совѣты". Далѣе Гоголь говоритъ, что каждое наставленіе и совѣтъ, который даешь другимъ, его-то въ тоже время обращай и къ себѣ, имѣй всегда въ предметѣ себя прежде другихъ.

Причину, по которой очень многіе стали обращаться къ нему за совѣтами, Гоголь видѣлъ въ своихъ страданіяхъ. Но причина, почему всѣ стали обращаться къ нему за совѣтами, конечно, была не эта, а та общая симпатія и извѣстность, которую онъ пріобрѣлъ своими сочиненіями, для стоявшихъ близко къ нему его симпатическая личность, для всѣхъ же вообще, пользовавшихся его совѣтами, то искусство понимать человѣческую душу въ томъ или другомъ ея состояніи и дѣйствовать на нее тѣмъ или другимъ, смотря, что требуется для нея этимъ состояніемъ. Въ

письмѣ своемъ 1847 года Плетневу, который остерегалъ его не предаваться довѣрчиво людямъ и не полагаться на всякія слова и обѣщанья, Гоголь отвѣчаетъ, что напрасно онъ представляетъ его прыткимъ, самолюбивымъ юношей, котораго можно усладить похвалами и всякими вѣжливыми обхожденіями со стороны значительныхъ людей, что онъ не обольщался словами человѣка даже и тогда, когда менѣе зналъ свѣтъ и былъ далеко невоспитаннѣе теперешняго. „Драгоцѣнный даръ слышать душу человѣка,—говоритъ Гоголь,—мнѣ уже былъ издавна дарованъ Богомъ, и въ неразвитомъ моемъ состояніи онъ уже руководилъ меня въ разговорахъ съ людьми и передо мной сами собой отдѣлялись звуки истинные отъ звуковъ фальшивыхъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ“.

Вотъ этимъ великимъ даромъ—слышать душу человѣка, примѣчать, что производитъ въ ней дисгармонію, и умѣньемъ тронуть такія въ ней струны, которыя бы уничтожили въ ней эту дисгармонію и привели ее въ спокойное и даже радостное состояніе, Гоголь и пріобрѣлъ себѣ популярность въ качествѣ совѣтодателя. Въ мастерствѣ примѣняться къ данному состоянію человѣка и говорить или писать такъ, какъ требовало это состояніе, Гоголь, говорятъ, не имѣлъ себѣ равнаго.

Въ 1844 году на С. Т. Аксакова, человѣка въ то время уже очень почтенныхъ лѣтъ, неизвѣстно отчего напала страшная хандра, какъ можно судить по письму Гоголя. Ему стало представляться, что онъ не мало жизни провелъ въ бездѣйствіи и праздности, что дѣлалъ много дѣлъ недостойныхъ, что ему необходимо перемѣниться и начать новую жизнь. Все это онъ откровенно, какъ видно изъ письма Гоголя, объяснилъ послѣднему. И вотъ что Гоголь написалъ ему отъ 16 мая 1844 года въ отвѣтъ.

„Я получилъ ваше милое и откровенное письмо. Прочитавъ его, я мысленно васъ обнялъ и поцѣловалъ, и потомъ засмѣялся... Все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего, какъ дѣло нашего общаго пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, именно Чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья. Изъ чего вы вообразили, что вамъ нужно пробуждаться или повести другую жизнь? Ваша жизнь слава Богу такъ безукоризненна, прекрасна и благородна, какъ дай Богъ всѣмъ подобную... Одинъ упрекъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать въ излишествѣ страстнаго увлеченія во всемъ: какъ въ самой дружеской привязанности и сношеніяхъ вашихъ, такъ и во всемъ благородномъ и прекрасномъ, что ни исходитъ отъ васъ. Итакъ, глядите твердо впередъ и не смущайтесь тѣмъ, если въ жизни вашей есть пустые и бездѣйственные годы. Отдохновеніе намъ нужно. Такіе годы бываютъ въ жизни всѣхъ людей, хотя бы они были самые святые. А если вы отыскиваете въ себѣ какія-нибудь гадости, то этимъ слѣдуетъ не то, что смущаться, а благодарить

Бога за то, что они въ насъ есть. Не будь въ насъ этихъ гадостей, мы бы занеслись Богъ знаетъ какъ, и гордость наша заставила бы насъ надѣлать множество гадостей, несравненно важнѣйшихъ... Итакъ, ваше волненіе есть просто дѣло чорта. Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ, точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ, раскричится. Стоитъ только немножко струсить и податься назадъ—тутъ-то онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступить на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана, а въ самомъ-то дѣлѣ онъ *чортъ знаетъ что.* Пословица не бываетъ даромъ, а пословица говоритъ: *хвалился чортъ всѣмъ міромъ завладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти.* Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ, а потомъ подойдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя ли какъ нибудь привести въ уныніе, шепчетъ: *смотри какъ у тебя много мерзостей—пробуждайся,* когда не зачѣмъ и пробуждаться, потому что не спишь, а просто не видишь его одного. Словомъ: пугать, надувать, приводить въ уныніе это его дѣло. Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающій, пугающійся, словомъ: невѣрующій въ его небесную любовь и милость: вотъ и все. Вамъ слѣдовало бы просто не глядя на него выполнить буквально предписанье (читать книгу, подаренную Гоголемъ съ совѣтомъ читать), руководствуясь только тѣмъ, что дареному коню въ зубы не глядятъ. Вы бы, можетъ быть, нашли только подтвержденіе тому, чему вы вѣруете и въ васъ есть, и тогда становилось бы все яснѣе и утвердительнѣе на своихъ мѣстахъ, воцаривъ чрезъ то строгій порядокъ въ самую душу".

Совсѣмъ въ другомъ тонѣ другое, писанное въ слѣдующемъ году, по случаю полученнаго отъ Аксакова горестнаго извѣстія, что онъ потерялъ глазъ и опасается за другой. Вмѣсто жалости и соболѣзнованія письмо принимаетъ тонъ жесткій и даже суровый, имѣетъ видъ упрека за недовѣріе къ благости Божьей. Издатель „Записокъ", приводя его, замѣчаетъ, что въ немъ утѣшенія Гоголя холодны, „въ которыхъ, повидимому, мало участвовало сердце".

Но когда подумаешь, то становится понятнымъ, почему Гоголь принимаетъ здѣсь тонъ, нисколько не похожій на тонъ предыдущаго письма. Тамъ скорбь Аксакова происходила отъ пустой хандры, нагнанной собственнымъ измышленіемъ. А потому легко было прогнать эту хандру, обративъ все дѣло въ шутку юмористическимъ изображеніемъ бѣса, который старается смутить добрыхъ людей, указавъ при этомъ на несомнѣнныя достоинства Аксикова и на то, что безъ недостатковъ нѣтъ человѣка въ семъ мірѣ. Здѣсь представлялось горе не выдуманное, а слишкомъ ре-

альное, и притомъ большое, какъ потеря глазъ. Сожалѣніемъ и соболѣзнованіемъ можно было только увеличить тоску и уныніе, въ которомъ и безъ того находился человѣкъ, испытывающій подобное бѣдствіе. Надобно открыть другіе, высшіе горизонты и на нихъ устремить мысль страждущаго. И вотъ почему письмо получаетъ, повидимому, такой холодный видъ, идущій якобы не отъ сердца.

„И вы больны, и я боленъ,—пишетъ Гоголь.—Покоримся же тому, кто лучше насъ знаетъ что намъ нужно и что для насъ лучше, и помолимся Ему о томъ, чтобы помогъ намъ умѣть покориться Ему. Вспомнимъ только одно, что въ Его власти *все* и *все Ему возможно*. Возможно все отнять у насъ, что мы считаемъ лучшимъ, а въ награду за то дать намъ лучшее всего того, чѣмъ мы дотолѣ владѣли. Отнимая мудрость земную, даетъ Онъ мудрость небесную, отнимая зрѣніе чувственное, даетъ зрѣніе *духовное*, съ которымъ видимъ тѣ вещи, предъ которыми пыль всѣ вещи земныя; отнимая *временную*, ничтожную жизнь, даетъ намъ жизнь *вѣчную*, которая передъ временной тоже, что *все* передъ *ничто*. Вотъ что мы должны ежеминутно говорить другъ другу. Мы, еще доселѣ не привыкнувшіе къ вѣчному закону дѣйствій, который совершается для всѣхъ непреложно въ мірѣ, и желающіе для себя непрерывныхъ исключеній, мы, малодушные, способны позабывать на всякомъ шагу то, что должны вѣчно помнить; наконецъ, мы, неимѣющіе даже благородства духа ввѣриться Тому, кто стоитъ того, чтобы на него положиться. Простому человѣку мы ввѣряемся, который даже намъ не показалъ и знаковъ, достаточныхъ для довѣрія, а Тому, кто насъ окружилъ вѣчными свидѣтельствами любви своей, Тому только не вѣримъ, взвѣшивая подозрительно всякое Его слово. Вотъ что мы должны говорить ежеминутно другъ другу, о чемъ я вамъ теперь напоминаю, о чемъ вы мнѣ напоминайте“.

Однимъ изъ главныхъ душевныхъ подвиговъ Гоголя была его непрестанная забота о всѣхъ воспитывающихъ душу, также и вообще о всѣхъ тѣхъ, кто обращался къ нему за совѣтомъ; какъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ житейскихъ, онъ немедленно спѣшилъ съ помощью, которая оказывалась нужною, пособіемъ или наставленіемъ или указаніемъ пути, совѣтомъ, такъ особенное вниманіе оказывалъ къ потребностямъ душевнаго дѣла, какъ скоро такія въ комъ нибудь представлялись. Онъ считалъ наивысшимъ долгомъ христіанской любви просвѣтить и направить на путь истины заблудшагося, успокоить сомнѣнія и поддержать колеблющагося, ободрить унывающаго, умиротворить раздраженіе волнующагося, смягчить и облегчить душевныя боли скорбящаго. Приступая къ каждому изъ такихъ дѣлъ, онъ предварительно молился Богу, прося его о томъ, чтобы онъ помогъ ему оказать требуемую помощь въ такомъ видѣ, чтобы отъ этого

дѣйствительно вышла польза для души больной, а не причинилось еще большее для нея безпокойство. Въ 1845 году вышелъ съ Гоголемъ такой случай. Одна дама изъ круга близкихъ къ нему лицъ, узнавъ изъ письма Гоголя, писаннаго къ другому лицу, что Гоголь поручаетъ этому лицу деньги съ изданныхъ тогда его сочиненій откладывать для поддержки являющихся молодыхъ талантовъ, остановила это распоряженіе впредь до новаго увѣдомленія Гоголя—остановила потому, какъ писала она, что у Гоголя есть своя семья, мать и сестры, которыя требуютъ помощи, что, кромѣ того, нельзя же и самому Гоголю сидѣть голодомъ, да что, наконецъ, и жертвовать пока еще нечѣмъ. Распоряженіемъ г-жи NN. Гоголь остался очень недоволенъ, отвѣчалъ ей предлиннымъ письмомъ, въ которомъ доказывалъ необходимость сдѣланнаго имъ пожертвованія и что его никакимъ образомъ не должно было останавливать, въ заключеніе же письма писалъ слѣдующее: „Сужденія ваши, кромѣ того, что невпопадъ, — они лишены силы сердечнаго убѣжденія; въ нихъ отсутствіе того, что можетъ тронуть душу. Прежде, нежели писать, помолитесь Богу, чтобы онъ вамъ далъ слово убѣжденія, взгляните также на самихъ себя; имѣйте для этого на столѣ духовное зеркало, т. е. какую-нибудь духовную книгу, въ которую можетъ смотрѣться душа ваша. Всѣ мы вообще слишкомъ привыкли къ рѣзкости и мало глядимъ на себя въ то время, когда дѣлаемъ другому упреки. Очень чувствую, что и я говорю вамъ въ этомъ письмѣ, можетъ быть, слишкомъ дерзко и самоувѣренно. Такова природа человѣческая, повсюду перельетъ и все доведетъ до излишества; даже защищая самое святое дѣло, она покажетъ въ своихъ словахъ увлеченіе человѣческое, стало быть, низкое и не достойное предмета. Добрый мой другъ, будемъ смиренны въ упрекахъ относительно другихъ, но не относительно насъ съ вами. Мы люди свои“. Изъ этихъ словъ видно, что, кромѣ молитвы, передъ тѣмъ, какъ обращаться къ кому съ совѣтомъ или упрекомъ по душевному, онъ находитъ, чтобъ подающій посмотрѣлъ прежде всего на самого себя. Это та же самая мысль, которую онъ, какъ мы видѣли, выражаетъ и въ статьѣ „Совѣты“, напечатанной въ „Избранныхъ мѣстахъ“. Каждое письмо, которое онъ писалъ къ другимъ по душевному дѣлу, было вмѣстѣ съ тѣмъ поводомъ взглянуть въ свою душу, посмотрѣть, не закралось-ли и въ нее, что заслуживало бы также упрека или также наставленія, какіе находилъ сдѣлать другому. Понятно послѣ этого, почему Гоголь такъ высоко смотрѣлъ на свою переписку и почему считалъ полезнымъ выдать свои письма въ свѣтъ, въ твердой увѣренности, что они послужатъ тѣмъ показателемъ путей къ высокому и прекрасному, которое онъ находилъ нужнымъ дать обществу прежде, чѣмъ въ „Мертвыхъ душахъ“ будутъ выведены и показаны лучшія свойства русской природы.

А можетъ быть это было только подготовительнымъ матеріаломъ или правильнѣе сказать, что по надеждамъ Гоголя должно было вызвать этотъ матеріалъ, когда читающіе его книгу и не согласные съ нею будутъ писать и выкладывать правду обо всемъ.

Въ предисловіи къ „Перепискѣ", Гоголь говоритъ, что онъ издаетъ эту книгу потому, что онъ хилъ и чувствуетъ, что долго не проживетъ, а теперь отправляется въ отдаленное путешествіе, во время котораго все можетъ случиться, потому издаетъ эту книгу въ искупленіе безплодности прежде имъ напечатанныхъ сочиненій, такъ какъ въ издаваемыхъ письмахъ, по признанію тѣхъ, къ кому они были писаны, находится болѣе нужнаго человѣку, чѣмъ въ его прежнихъ сочиненіяхъ. Такое заявленіе Гоголя о безплодности всѣхъ его прежнихъ сочиненій съ перваго взгляда можетъ представиться страннымъ, такъ какъ въ это самое время, когда Гоголь писалъ такое предисловіе, онъ заботился объ изданіи своихъ прежнихъ сочиненій. Но надобно имѣть въ виду, что здѣсь сочиненія разсматриваются чисто съ христіанской точки въ значеніи ихъ для душевнаго дѣла и въ этомъ только отношеніи сравниваются съ издаваемою теперь перепискою, письма которой, по оцѣнкѣ тѣхъ, воспитывающихъ свою душу людей, къ которымъ они писаны, содержатъ болѣе нужнаго для христіанина, чѣмъ прежнія сочиненія.

Въ дополненіе къ этому собственному заявленію Гоголя, мы должны принять слѣдующія обстоятельства.

Гоголь говоритъ о себѣ, что онъ въ молодые годы никогда не думалъ быть писателемъ, мечтою его была всегда государственная служба, и онъ, даже послѣ первыхъ блестящихъ опытовъ на литературномъ поприщѣ, утвердился здѣсь навсегда не прежде, какъ окончательно убѣдившись, что на писательской можно служить также государству, какъ и на прямой службѣ. Въ такомъ убѣжденіи онъ принялся за писаніе „Мертвыхъ душъ" и такъ смотрѣлъ все время ихъ писанія за границей на себя, какъ на состоящаго въ дѣйствительной государственной службѣ. Вотъ почему, когда первый томъ „Мертвыхъ душъ" былъ конченъ, публика, принявшая его съ восторгомъ, съ нетерпѣніемъ ожидала второго, а второй томъ Гоголю, вслѣдствіе совершившагося въ немъ переворота, не давался. Онъ сильно тяготился этою своею неисправностію по службѣ и писалъ, какъ мы знаемъ, А. С—вой, что ему стыдно ѣхать въ Россію, какъ человѣку, котораго послали за дѣломъ, и который теперь долженъ пріѣхать съ пустыми руками. Послѣ сожженія второго тома въ 1845 г., эта мысль должна была давить его еще болѣе; теперь нельзя было даже самому себѣ сколько-нибудь приблизительно опредѣлить, когда онъ будетъ въ состояніи не то, что кончить свою книгу, а даже прочно начать такъ, чтобы она подходила къ уровню его новыхъ идеаловъ. Надобно было необходимо пред-

ставить публикѣ такое, изъ чего бы видно было, что онъ не сидитъ даромъ, и что было бы для нея если не болѣе, то ничуть не менѣе полезно „Мертвыхъ душъ“, въ новомъ предносящемся въ его мысляхъ видѣ. Такимъ именно подаркомъ для публики представлялось ему изданіе „Переписки съ друзьями“.

Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство. Въ то время, когда Гоголя посѣтило озареніе свыше, произведшее въ немъ такой огромный внутренній переворотъ, онъ въ благодарность Богу за это озареніе далъ, вѣроятно, обѣтъ совершить путешествіе въ Іерусалимъ, поклониться святому гробу. Такъ мы предполагаемъ, потому что по пріѣздѣ изъ-за границы въ Москву, гдѣ прежде онъ намѣревался пробыть долго, вскорѣ здѣсь разнесся слухъ, что Гоголь собирается ѣхать за границу; Аксаковы сначала не повѣрили этому, но потомъ спросили самого Гоголя, „правда-ли это“, Гоголь отвѣчалъ неопредѣленно: „можетъ быть“. Вскорѣ, однако-жъ, сказалъ рѣшительно, что ѣдетъ и не можетъ здѣсь оставаться долѣе, потому что не можетъ писать и что такое положеніе разрушаетъ его здоровье. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объявленія,—продолжаетъ Аксаковъ,—часовъ въ 7 послѣ обѣда, вдругъ вошелъ къ намъ Гоголь съ образомъ Спасителя, съ сіяющимъ и просвѣтленнымъ лицомъ и сказалъ: „Я все ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ, но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ, Иннокентій благословилъ меня и теперь я могу объявить, куда ѣду: я ѣду къ Гробу Господню“. Гоголь провожалъ преосвященнаго Иннокентія и этотъ на прощаніе благословилъ его образомъ. Гоголь увидалъ въ этомъ указаніе свыше. Одна пожилая женщина, любимая и уважаемая Гоголемъ, сказала ему, что она будетъ ожидать отъ него описанія святыхъ мѣстъ. Гоголь отвѣтилъ: „Можетъ быть и опишу вамъ ихъ, но для этого мнѣ надобно очиститься и быть готову“.

Какъ путешествіе въ Европу было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ въ нашемъ культурномъ обществѣ, такъ, напротивъ, путешествіе въ Іерусалимъ, со временъ Петра, между образованными людьми нашего общества встрѣчается, какъ рѣдкое явленіе. Натурально, что намѣреніе такого вполнѣ свѣтскаго писателя, котораго сочиненія никакъ не давали основанія предполагать въ немъ глубоко-религіознаго человѣка, ѣхать въ Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню, удивило и изумило всѣхъ. Даже ближайшіе друзья Гоголя, какъ Аксаковы, знавшіе о совершившемся въ немъ внутреннемъ переворотѣ и усилившемся въ немъ религіозномъ настроеніи, всетаки не могли объяснить себѣ, какіе именно мотивы располагаютъ его, человѣка больного, предпринять столь трудное и отдаленное путешествіе. Интересно письмо, въ которомъ, между прочимъ, на этотъ вопросъ отвѣчаетъ Гоголь Аксакову...

Г. З. Елисеевъ.

АНТОНИНА.

Разсказъ Элизы Ожешко.

Переводъ съ польскаго **Е. Немировской.**

— Если бы у меня было двѣнадцать дочерей, я бы ихъ всѣхъ сдѣлала профессорами! Да, всѣ, до единой были бы профессорами, хотя бы меня за это люди бичевали, распинали, бросали въ меня каменьями. Да! двѣнадцать дочерей и двѣнадцать кафедръ! Таковы были всегда мои завѣтныя желанія. О! Я показала бы тогда міру, что женщины могутъ сдѣлать и на что онѣ способны! Я была бы тогда счастлива, такъ какъ дѣти вознаградили бы меня за все, что... я сама испытала.

И, дѣйствительно, глядя на нее, легко можно было повѣрить, что она многое испытала въ своей жизни.

Это была женщина лѣтъ тридцати, слишкомъ худая, костлявая, державшаяся всегда прямо, съ энергичными движеніями длинныхъ рукъ,—голубыя жилки которыхъ, просвѣчивая сквозь тонкую кожу, показывали высокую степень физическаго напряженія,—съ быстрой и бодрой походкой.

Въ профиль она казалась еще довольно молодой, такъ какъ тонкія черты лица ея были довольно правильны, но en face худыя щеки, лобъ, покрытый мелкими морщинами, и все лицо, желтое, безкровное, показывали преждевременное увяданіе. Когда она приходила въ волненіе, что случалось довольно часто, тонкія блѣдныя губы ея нервно дрожали, а каріе, глубокіе глаза горѣли огнемъ.

Одѣвалась она всегда одинаково: черное платье, плотно облегавшее станъ и обрисовывавшее ея сухую, ровную фигуру, и чистый бѣлый воротничекъ и манжеты. Никогда никакой мишуры, никакихъ украшеній, за исключеніемъ кусочка чернаго кружева, которымъ она прикрывала свои волосы, нѣкогда черные, теперь уже слегка посѣдѣвшіе и начесанные двумя гладкими полосами на высокій лобъ. Такая прическа

придавала лбу форму довольно правильнаго треугольника и сильнѣе оттѣняла блескъ огненныхъ глазъ.

— Да, двѣнадцать дочерей и двѣнадцать кафедръ, и никто мнѣ не выбьетъ этого изъ головы! Я даже не понимаю, какъ вы, господа, не можете со мною согласиться? Что же? Вы говорите, что женщины, какъ птицы,—не сѣютъ и не жнутъ, а, однако, живутъ. Благодарю! Хорошее утѣшеніе! Не жать и не сѣять! Когда я смотрю на этихъ не жнущихъ и не сѣющихъ, мною овладѣваетъ такая злоба, что я готова собственноручно толкать ихъ къ труду. Да, кулакомъ погнала бы, потому что вѣдь это бездѣльницы, куклы, пьявки, тунеядки, высасывающія соки съ древа человѣчества! О, если бы я имѣла дочерей, я никогда не позволила бы имъ ничего подобнаго, никогда, никогда! Пусть бы лучше онѣ умерли маленькими. Таковы мои убѣжденія и бичуйте меня, распинайте, рѣжьте, а ужъ я не отступлюсь отъ своихъ убѣжденій!

Не только распинать, бичевать и рѣзать, но даже противорѣчить никто ей и не думалъ.

Происходило это въ маленькой, низенькой комнаткѣ, подъ самой крышей высокаго городского дома. Антонина сидѣла на старомъ убогомъ диванчикѣ передъ круглымъ столикомъ, на которомъ горѣла стеариновая свѣча въ желѣзномъ подсвѣчникѣ и стояли три стакана съ чаемъ. У противоположной стѣны стояла кроватка съ жесткой, снѣжной бѣлизны постелью, далѣе комодикъ, полный тетрадокъ и книжекъ въ старыхъ, истрепанныхъ переплетахъ, затѣмъ два или три старыхъ желтыхъ стула, табуретъ, покрытый полинялымъ ситцемъ, самоваръ, кипѣвшій на полу передъ открытый печью, на стѣнахъ нѣсколько картинокъ историческаго содержанія, вырѣзанныхъ изъ иллюстрированныхъ газетъ и приколотыхъ булавками къ обоямъ, усѣяннымъ полевыми цвѣтами. У одного изъ оконъ нѣсколько зеленыхъ растеній въ горшкахъ и клѣтка съ канарейкой.

Комнатка эта была необыкновенно чиста. Обои съ полевыми цвѣтами, вазоны, птичка въ клѣткѣ и узенькая кровать съ постелью снѣжной бѣлизны, все это придавало ей характеръ наивности, на фонѣ которой странно выдѣлялась одѣтая въ черное, суровая и сухая фигура ея хозяйки.

Я смотрѣла на нее съ любопытствомъ и сочувствіемъ. Ни двѣнадцать дочерей съ двѣнадцатью кафедрами, ни „древо человѣчества“, ни удары кулакомъ объ столъ не отталкивали меня... Я знала ее давно.

— Однако,—начала я неомѣло—вы сами никогда и нигдѣ не занимали профессорской кафедры, а кто можетъ сказать, что вы не сѣете и не жнете...

Она быстро и подозрительно посмотрѣла на меня какъ

бы силясь убѣдиться, нѣтъ ли злой ироніи въ моихъ словахъ, но затѣмъ печально кивнула головой и сдѣлала безнадежный жестъ рукою.

— О!—сказала она—какой же мой посѣвъ и жатва! Господи, прости меня!

Она сложила свои худыя, длинныя руки и заговорила гораздо тише, чѣмъ прежде.

— Правда, весною исполнилось двадцать одинъ годъ, какъ я учительствую. Ради жалованья, только ради жалованья я сдѣлалась учительницей. Ни одного дня я праздно не шаталась по свѣту. Отца уже не было на свѣтѣ, больная мать жила у родственниковъ. Поэтому, просто только ради жалованья... въ чужой домъ! Ну и что же? Въ теченіе семнадцати лѣтъ изъ дома въ домъ... а четыре года, съ тѣхъ поръ, какъ поселилась здѣсь, когда окончательно убѣдилась, что всѣ стѣны на свѣтѣ холодны и всѣ сердца чужды... Ну, да стѣны и сердца своимъ чередомъ, а своимъ путемъ... глупость! Я такъ гожусь въ учительницы, какъ волъ годится возить карету. Развѣ я не знаю, что такое свѣтъ знаній и какъ мнѣ далеко до него. О, міръ знаній! Кто о чемъ, а я только о немъ и мечтала. Летѣла къ нему, стремилась, но не было средствъ и времени... голодъ моральный, вотъ и все. О, если бы у меня были дочери...

Все это она говорила очень спокойно, съ опущенными внизъ глазами. Очевидно, она не привыкла къ сердечнымъ изліяніямъ и немного стыдилась, что такъ долго говорила о себѣ. Вдругъ она замѣтила, что стаканы, стоявшіе передъ гостями, уже пусты. Она быстро встала съ диванчика и, схвативъ стаканы, побѣжала къ самовару. Я хотѣла замѣнить ее у самовара, такъ какъ онъ стоялъ на полу, а я знала, что ей было трудно нагибаться, такъ какъ она страдала ревматизмомъ. Мои добрыя намѣренія были очень энергично отклонены.

— О·нѣтъ, о нѣтъ!—воскликнула она.—Мнѣ такъ пріятно служить вамъ въ моей квартиркѣ! У меня рѣдко бываютъ гости, почти никогда. Иногда развѣ кто-нибудь изъ дѣвочекъ, молодыхъ моихъ товарокъ, забѣжитъ ко мнѣ на минутку, но и то рѣдко, потому что у нихъ, у бѣдныхъ, времени мало, вотъ онѣ и предпочитаютъ повидаться съ молодежью. Я ни на кого не претендую. У каждаго свое дѣло, и свое знакомство. А сильная дружба и привязанность между чужими, это только въ повѣстяхъ... Вотъ, у кого есть хорошія дочери... о! дочери...

Она, весело улыбаясь, поставила на столъ стаканы съ чаемъ, старательно нарѣзала и положила на тарелку хлѣбъ.

— Такъ мнѣ пріятно принимать васъ въ своей квартирѣ...

и при томъ,—тотчасъ прибавила она,—я все дѣлаю сама въ моемъ маленькомъ хозяйствѣ для того, чтобы убѣдить людей, что женщина, которая живетъ самостоятельно и стремится къ знанію, можетъ не быть слабой и въ практической жизни.

„Самостоятельность женщины“ и „свѣтъ знанія“ всегда приводили ее въ волненіе, сколько разъ она о нихъ ни говорила. И теперь широкимъ, энергичнымъ движеніемъ указала она намъ на стѣны своей комнаты и на предметы, наполнявшіе ее.

— А что!—говорила она,—чистота, порядокъ и хотя бѣдно, но даже съ маленькой претензіей на изящество. Обои съ макомъ и васильками я сама выбрала въ магазинѣ, когда поселилась здѣсь. И цвѣты есть, и канарейка, и картинки, хоть плохенькія... Вотъ, пусть придутъ и увидятъ, что женщина, которая сама должна зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и боготворитъ науку, не всегда грязна и нечесана.

— О комъ вы говорите?—спросила я.

— Вотъ! Развѣ вы не знаете? О ненавистникахъ женщинъ, тиранахъ, о тѣхъ, которые отказываютъ женщинамъ въ правѣ учиться, быть самостоятельными, о тѣхъ, которые готовы взвалить на насъ Богъ знаетъ что, лишь только кто нибудь изъ насъ пальцемъ двинетъ, не испросивъ у нихъ согласія. О, если бы у меня были дочери!..

Я замѣтила ей, что въ своихъ мечтахъ она немного одностороння: сразу двѣнадцать женщинъ, занимающихъ профессорскія кафедры. Вѣдь существуютъ и другія отрасли труда.

— Ну, ну!—прервала она.—Вѣдь это только такъ говорится. Понятно, существуютъ. Но вотъ откуда это взялось...—Она весело засмѣялась:

— Вамъ хорошо извѣстно, что я въ своей жизни никакихъ сношеній съ учеными не имѣла. Всю свою молодость я провела въ домахъ помѣщиковъ, а наши помѣщики... извѣстно... Разъ только во всю мою жизнь случилось мнѣ встрѣтиться съ профессоромъ университета. Мнѣ было уже тогда подъ тридцать. Знаете ли, я чуть-чуть не упала передъ нимъ на колѣни. Мужъ науки! Всѣ тогда смѣялись надо мною, говорили, что между ними бываютъ и такіе, и сякіе. А мнѣ-то что до этого? Жрецъ науки, и кончено. Тогда, глядя на этого человѣка, я думала: если бы я была на его мѣстѣ! Даже голова кружилась отъ этой мысли. Куда мнѣ, ничтожному червяку, мечтать о такомъ счастьѣ. Но потомъ мнѣ пришло въ голову, что если бы у меня были дочери... и съ того времени, какъ только я подумаю о дочери, искренно любящей свою мать, здоровой, счастливой, прекрасной дѣвушкѣ, я вижу ее профессоромъ на кафедрѣ. Такъ-то иногда человѣкъ утоляетъ разными фантазіями свой моральный голодъ.

Иногда я чувствую вокругъ своей шеи руки этой воображаемой дѣвушки, а иногда вижу ее и слышу, какъ она говоритъ съ кафедры.

Начала она смѣясь, а когда кончила, слезы блестѣли у нея на глазахъ. Какъ всѣ люди, у которыхъ не было никого близкаго, кто бы замѣчалъ и старался осушить ихъ слезы, она не любила ихъ показывать. Она немного покраснѣла и побѣжала къ окну, чтобы показать мнѣ расцвѣтшую пеларгонію.

Въ то время, какъ мы разсматривали пеларгонію, дверь на лѣстницу тихо открылась, и въ комнату вошла десятилѣтняя дѣвочка, въ длинномъ, почти до земли, изорванномъ платьѣ, съ льняными волосами, зачесанными на затылокъ и совершенно открывавшими полное розовое личико съ парой блестящихъ голубыхъ глазъ. Вошла и, увидѣвъ незнакомыя лица, сконфузилась и остановилась у двери, прижавшись къ стѣнѣ. Вслѣдъ за нею, быстрѣе и смѣлѣе вбѣжалъ мальчикъ немного старше ея, босой, растрепанный, въ курточкѣ, изъ которой онъ уже давно выросъ, а за нимъ высунулся еще ребенокъ, неизвѣстно уже какого пола, такъ какъ былъ въ одной грубой рубашкѣ. Онъ былъ много моложе и держалъ въ рукахъ кусокъ чернаго хлѣба.

— Что это за гости?—спросила я.

Антонина немного смѣшалась.

— А—начала она,—это дѣти дворника этого дома... очень бѣднаго человѣка и при томъ пьяницы...

— Вѣроятно, ваши ученики?

— Ученики. Дѣвочка очень послушная и способная, мальчикъ тоже способный, но...

— И эта малютка тоже учится?

— Нѣтъ, приходитъ, когда вздумается, и прислушивается къ нашимъ занятіямъ. Это—прибавила она—вольнослушатель въ моемъ университетѣ.

Университетъ ни на минуту не выходилъ у нея изъ головы.

— Сколько же у васъ уроковъ въ городѣ?—спросила я.

— Восемь.

— Съ этими дѣтьми, значитъ, девять?

— Понятно. Восемь и одинъ—девять!

Когда я и моя спутница прощались съ Антониной, дѣти уже совершенно освоились и были, какъ у себя дома. Дѣвочка, ставъ на пальцы, тащила съ комода азбуку и тетрадку, мальчикъ чистилъ аспидную доску, а малютка взлѣзла на табуретъ и, поднявъ голову и раскрывъ ротъ, любовалась пеларгоніей. Каково же было наше удивленіе, когда мы встрѣтили на лѣстницѣ еще одного бѣдно одѣтаго ребенка, шедшаго наверхъ, и еще одного, и еще...

— Куда вы всѣ идете?—спросила я одного изъ дѣтей.

— Къ паннѣ Антонинѣ!—отвѣтилъ мнѣ мальчуганъ, который, какъ я потомъ узнала, мылъ полы и разносилъ купленный товаръ въ одномъ изъ магазиновъ.

— А сколько же ваши родители платятъ паннѣ Антонинѣ за то, что она васъ учитъ?

— У насъ нѣтъ родителей—крикнулъ мальчикъ, шагая сразу черезъ три ступеньки.

Итакъ, любовь Антонины къ „свѣту знанія" не была платонической.

Я познакомилась съ нею, когда она была еще молода, ей было тогда не больше двадцати четырехъ лѣтъ, но она уже начинала увядать и становилось худой и костлявой. Она еще носила тогда свѣтлыя платья, а черные волосы зачесывала съ претензіей на моду. Это преждевременное увяданіе сопровождалось, однако, свѣжестью чувствъ, доходившею до экзальтаціи и наивности. Она занимала тогда мѣсто учительницы уже въ третьемъ по счету домѣ и въ третій разъ была во власти заблужденія, будто она, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, надолго останется членомъ семейства, среди котораго жила. Въ дѣйствительности же это семейство, состоявшее изъ лицъ „хорошо воспитанныхъ и порядочныхъ", и не думало причислять ее къ своимъ членамъ. Съ нею обходились хорошо просто изъ любезности, держали ее потому, что не видѣли надобности отказывать, но при этомъ втихомолку смѣялись надъ чрезмѣрной ея чувствительностью, надъ ея патетическими тирадами, надъ локонами, которые она взбивала высоко надъ лбомъ, и надъ ночными бдѣніями за чтеніемъ книгъ. Надъ учительницей смѣялись такъ тихо и осторожно, что она этого никогда не замѣчала. Но за то она всегда замѣчала всякую любезность, каждое болѣе теплое пожатіе руки или доброе слово. Въ ея глазахъ это было выраженіемъ горячаго чувства. Подъ ихъ вліяніемъ она таяла отъ благодарности; она съ жаромъ и необыкновеннымъ усердіемъ готова была услужить каждому, кто только нуждался въ ея услугахъ. Ученицамъ своимъ она отдавалась и тѣломъ, и душою. Интересно было видѣть, какъ ради нихъ она героически боролась съ врожденною ей живостью и вспыльчивостью, а также и съ недостатками своего образованія.

Пансіонъ, въ которомъ она почерпнула всѣ свои знанія, былъ очень плохенькій, поэтому вначалѣ Антонина могла занять мѣсто учительницы только при маленькихъ дѣтяхъ, требовавшихъ первоначальнаго образованія. Однако въ томъ домѣ, гдѣ она жила, когда я ее узнала, она ужъ занимала мѣсто учительницы при старшихъ дѣтяхъ. Успѣхъ

этотъ пришелъ не самъ собою; чтобы добиться его, она не мало ночей просиживала надъ разными грамматиками, исторіями, географіями и ариѳметиками. Правда, еще требовалась, и даже очень часто, музыка, но въ этой отрасли знаній Антонина никакими усиліями не могла достигнуть успѣха. У нея не было слуха и, кромѣ того, не смотря на то, что руки ея были красивы и нѣжны, пальцы ея ударяли всегда по двумъ клавишамъ сразу. Поэтому отъ музыки она должна была совсѣмъ отказаться. За то, когда ее кто нибудь спрашивалъ, почему у нея по цѣлымъ ночамъ горитъ въ комнатѣ огонь, она гордо поднимала голову и съ жаромъ отвѣчала: „я учусь". Ученіе было ея гордостью, страстью, завѣтнымъ желаніемъ ея юности. Шло оно у нея иногда страннымъ путемъ: такъ, напримѣръ, для изученія французскаго языка она переводила длинныя повѣсти и учила на память длинныя статьи, чтобы пріобрѣсти болѣе обширныя знанія о свѣтѣ и людяхъ; нѣсколько мѣсяцевъ мучилась надъ огромной книгой о военной стратегіи. Это нѣсколько странное направленіе ея изученій было слѣдствіемъ простого случая: хозяйка дома любила читать французскія повѣсти, а хозяинъ былъ отставной военный. Поэтому повѣсти Сю, Дюма, Жоржъ-Зандъ и стратегію она нашла, какъ кладъ, въ старой домашней библіотекѣ... Другихъ книгъ въ домѣ не было, а сама она не могла ихъ пріобрѣтать: жалованье она получала небольшое и три четверти изъ него отсылала больной матери. За остальныя деньги она дѣлала себѣ дешевыя платья, всегда, впрочемъ, стараясь, чтобы въ ихъ покроѣ и цвѣтѣ было что либо поэтическое... Это стремленіе къ поэзіи въ одеждѣ, какъ и взбиваніе локоновъ, указывало, что въ эту пору своей жизни Антонина, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ стремленій, имѣла еще одно: она навѣрное иногда мечтала о любви, хотѣла любить, быть любимой и выйти замужъ.

Однако, можно съ увѣренностью сказать, что этого рода желанія и мечты стояли у нея на второмъ планѣ. Главнымъ образомъ она заботилась о томъ, чтобы сдѣлаться членомъ той семьи, въ которой жила, и затѣмъ—учиться. Она была вполнѣ увѣрена, что уже достигла перваго, а къ достиженію второго была близка, какъ вдругъ ее, какъ громомъ, поразило открытіе, что цѣлыхъ два года она жила въ совершенномъ заблужденіи и что, когда пришло время ея ученицѣ учиться музыкѣ, она должна была оставить домъ. Какъ? Значитъ, эта семья, наружно выказывая ей любовь и уваженіе, считала ее всетаки чужою!.. Значитъ, ее не любили и отправляли просто по минованіи надобности...

Это была уже третья подобная неожиданность и, не смотря

на это, она произвела на нее такое же сильное впечатлѣніе, какъ и первая. Она забыла даже о самообразованіи... Цѣлыхъ двѣ недѣли заливалась она слезами, во всѣхъ уединенныхъ уголкахъ дома и сада заламывала въ отчаяніи руки и, прощаясь, цѣловала деревья, мебель; дѣтей брала на руки, душила ихъ въ своихъ объятіяхъ и шептала имъ самыя нѣжныя слова. Наконецъ, когда она съ опухшимъ отъ слезъ лицомъ, измученная, почти больная, сѣла въ экипажъ, выѣхала за ворота красиваго деревенскаго дома и окаменѣвшимъ взглядомъ посмотрѣла на широкія поля и осеннее небо, ей показалось, что весь міръ превратился въ одну глухую, безграничную, холодную пустыню.

Въ четвертомъ домѣ пробыла она дольше, чѣмъ въ третьемъ, даже необыкновенно долго, цѣлыхъ три года, благодаря своимъ успѣхамъ въ самообразованіи, которое уже давало ей возможность учить молоденькихъ дѣвушекъ, а главнымъ образомъ благодаря одной старушкѣ, бабушкѣ хозяйки дома, любимицей, слугой и жертвой которой она сдѣлалась. Не обманываясь больше въ чувствахъ хозяина и хозяйки дома, людей гордыхъ и холодныхъ, не сумѣвъ привязать къ себѣ дѣтей, не злыхъ по натурѣ, но плохо воспитанныхъ, она прильнула къ старушкѣ. Она идеализировала ее. Въ сущности же, эта восьмидесятилѣтняя особа, если и имѣла когда нибудь признаки ума и сердца, то давно окончательно ихъ утратила и представляла собою слабые безформенные остатки тѣла, оживляемые едва замѣтными остатками души. Однако ея дѣтскіе капризы, ея эгоистическія требованія и безсмысленная болтовня являлись въ глазахъ Антонины величественною и грустною старостью. Важно было то, что она напоминала ей ея любимую бабушку, утраченную въ дѣтствѣ, да, кромѣ того, у нея были прекрасные длинные и густые волосы, бѣлые, какъ снѣгъ, съ серебрянымъ отливомъ. Антонина цѣлые часы проводила, стоя на колѣняхъ или сидя на низенькомъ табуретѣ у кресла или у кровати старушки, развлекала ее, разсказывая повѣсти Сю и Жоржъ-Зандъ, подавала ей супъ, варила травы, ухаживала за нею, когда она была больна, и возила ея кресло по тѣнистымъ аллеямъ сада. Взамѣнъ всего этого старушка позволяла ей называть себя бабушкой и иногда называла ее уменьшительнымъ именемъ „Антося“. Это доставляло учительницѣ громадное удовольствіе.

Постепенно всю тяжесть „величественной старости“ возложили на нее. Она увидѣла въ этомъ признакъ довѣрія и уваженія, и это вызывало въ ней чувство привязанности и благодарности къ людямъ, которые смотрѣли на нее свысока. Другое обстоятельство, которое дѣлало ее счастливой

въ этомъ домѣ, была возможность учиться дальше, читая нѣмецкихъ философовъ, большимъ поклонникомъ которыхъ былъ хозяинъ дома. И вотъ, въ свободное время, когда ни старушка, ни дѣти не нуждались въ ней, она зачитывалась нѣмецкими философами.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока она поняла, что ничего въ нихъ не понимаетъ и что весь ея тяжелый трудъ не принесъ ей никакой пользы. Въ другое время это открытіе опечалило бы ее, теперь же она и не думала о потерѣ силъ и времени, такъ какъ дорогая ей старушка быстро приближалась къ той минутѣ, когда „величіе старости" склоняется передъ „грозной смертью". Она умерла.

Передъ смертью она собралась съ послѣдними силами и угасающимъ взоромъ искала среди присутствующихъ Антонину. Когда та, понявъ ея взглядъ, стала на колѣни у ея кровати, старуха въ знакъ благословенія положила ей на голову свою изсохшую, костенѣющую руку. Антонина всегда съ большимъ волненіемъ вспоминала объ этой минутѣ, считая ее однимъ изъ прекраснѣйшихъ своихъ воспоминаній. За то однимъ изъ самыхъ непріятныхъ воспоминаній было—шелковое платье и золотая брошь, подаренныя ей хозяйкою дома въ награду за привязанность къ бабушкѣ (которыхъ она, понятно, не приняла), и заявленіе, что передъ лѣтними вакаціями она должна оставить ихъ домъ. Антонина покорилась, на этотъ разъ безъ слезъ, безъ ломанія рукъ и цѣлованія стѣнъ и мебели. Возможно, что она и сама уѣхала бы изъ этого дома, гдѣ, послѣ утраты старушки и разочарованія въ нѣмецкой философіи, ее ничто уже не привлекало.

Проѣзжая мимо кладбища, она велѣла возницѣ остановиться, посидѣла нѣсколько минутъ на травѣ у могилы старушки и со слезами на глазахъ вернулась къ экипажу.

Она принадлежала къ числу тѣхъ натуръ, которыя сильно заботятся о возможномъ совершенствѣ во всемъ, что бы онѣ ни дѣлали. Она никогда не могла понять, какъ это можно что либо дѣлать какъ-нибудь. Она вставала съ постели очень рано, съ энергіей боевого коня, рвущагося въ бой; рука ея машинально протягивалась къ часамъ. Прошло уже не мало лѣтъ, какъ она учительствовала, однако, къ урокамъ своимъ съ ученицами она всегда приступала съ внутреннимъ волненіемъ, которое можно было замѣтить по выраженію ея горѣвшихъ глазъ, хотя она и старалась скрыть его. Волненіе это только росло съ годами. Она говорила обыкновенно съ нѣкоторой высокопарностью: „учительствовать значитъ священнодѣйствовать" и съ видомъ жрицы и жаромъ апостола переплетала уроки языковъ, географіи и ариѳметики длинными разсказами о трудѣ, милосердіи, братствѣ, о великомъ значе-

ніи науки и тому подобныхъ прекрасныхъ и возвышенныхъ предметахъ.

Нельзя сказать, чтобы эти уроки отвѣчали задачамъ разумной педагогики, хотя въ нихъ и говорилось о прекрасныхъ и возвышенныхъ предметахъ. Помимо желанія и воли Антонины, въ нихъ появлялись выраженія и мысли, бывшія какъ бы эхомъ чтенія французскихъ романовъ и изученія нѣмецкой философіи. При этомъ одушевленная горячая рѣчь сопровождалась такимъ выраженіемъ лица и такими движеніями, которыя нерѣдко вызывали у маленькихъ слушательницъ насмѣшливыя улыбки. Были и такія дѣти, которыя слушали ее очень внимательно, не понимая ни слова; встрѣчались и такія, которыя кое-что понимали и временами поступали согласно ея ученію. Эти послѣднія доставляли Антонинѣ большую радость, но это случалось рѣдко. Разъ, впрочемъ, вскорѣ послѣ разлуки со своей старушкой, Антонина встрѣтила идеальную ученицу, о какой она давно мечтала и въ возможности существованія которой начинала уже сомнѣваться. Дѣвочка была очень понятливая, живая, воспріимчивая, она не только прекрасно училась грамматикѣ, географіи, исторіи и ариѳметикѣ, но также оказывала большую склонность къ тому, что Антонина называла „философіей науки". Она слушала длинныя рѣчи о братствѣ, милосердіи, трудѣ, наукѣ и т. д., не только съ большимъ вниманіемъ, но даже съ жадностью; она не только быстро усваивала основной ихъ смыслъ, но, воспламеняясь огнемъ, горѣвшимъ въ груди учительницы, ревностно старалась проводить ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ въ свою дѣтскую жизнь.

Такъ, однажды, встрѣтивъ на улицѣ бѣднаго ребенка, она сняла свою изящную обувь и отдала ему. Прислугѣ запретила называть себя „барышней" и каждую минуту готова была цѣловаться съ нею. До поздней ночи просиживала надъ книгами, что не особенно хорошо отзывалось на ея здоровьи, но Антонину это приводило въ неописанный восторгъ, такъ какъ, съ большимъ трудомъ одолѣвъ стратегію и нѣмецкую философію, она едва слышала о существованіи дѣтской гигіены. Наконецъ, она такъ-же пренебрегала элементарными потребностями собственнаго организма. Духъ былъ для нея выше всего.

— Это будетъ прекрасная, чистая, возвышенная душа— говаривала всегда учительница о необыкновенномъ ребенкѣ, далеко не избалованномъ матерью, красивой молоденькой вдовой, любившей веселиться. Дѣвочка страстно привязалась къ учительницѣ.

Цѣлыхъ два года онѣ не разлучались ни на минуту. Блѣдный, худенькій, нервный ребенокъ заслонилъ передъ

Антониной весь міръ. Кромѣ него она не видѣла никого и ничего. Она перестала обращать вниманіе на свой костюмъ и прическу, перестала завивать волосы; взамѣнъ этого „образованіе“ пріобрѣло въ ея глазахъ еще болѣе важное значеніе. Знать столько, чтобы быть въ состояніи довести до конца образованіе своей любимой дѣвочки, сдѣлалось ея самымъ дорогимъ, самымъ высшимъ желаніемъ. Довести ее до порога жизни и семьи, сопутствовать ей въ свѣтѣ, а потомъ навсегда войти членомъ въ ея семью, склонить голову на ея груди, въ ея домѣ, а можетъ быть еще няньчить ея дѣтей, учить ихъ,—казалось Антонинѣ верхомъ блаженства.

Изъ ея сердца и головы не изгладилось еще слово „навсегда“. Музыка не представляла въ этотъ разъ препятствія. ее преподавалъ кто-то другой. Что же касается другихъ наукъ, о! Антонина вѣрила въ свои силы. Просиживая долгія ночи надъ столомъ, заваленнымъ разными руководствами и теоріями, она училась съ такимъ рвеніемъ, что желтизна лица и худоба тѣла выступали все рѣзче и рѣзче.

Становясь болѣе серьезной и даже суровой въ своихъ костюмахъ и въ своемъ обращеніи съ людьми,—съ ребенкомъ она молодѣла и оживала. Въ памяти ея начали воскресать чудныя сказки и исторіи, которыми она развлекала и учила одновременно. Сама не зная какимъ образомъ, она научилась бѣгать и смѣяться, а уроки переплетать весельемъ и шумными играми. Позже она никакъ не могла понять, откуда у нея брались силы, чтобы, какъ перышко, поднимать двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, чтобы крѣпче прижать ее къ своей груди. Время бѣжало такъ быстро, что сумерки, которые они проводили, обнявшись, незамѣтно смѣнялись разсвѣтомъ Прижимаясь другъ къ другу, учительница и ученица одновременно съ одинаковой увѣренностью говорили себѣ: „мы никогда не разстанемся другъ съ другомъ“.

Однажды кто-то изъ вліятельныхъ родственниковъ дѣвочки замѣтилъ ея матери, что такая учительница, какъ Антонина, не можетъ закончить образованіе богатой дѣвочки, которой предназначено блистать въ свѣтѣ, что ей нужны болѣе обширныя и болѣе основательныя знанія. Правда, родственникъ былъ совершенно правъ. Съ этимъ согласилась и прекрасная, веселая вдовушка тѣмъ легче и охотнѣе, что помѣщеніе въ пансіонъ подростающей дочери могло на нѣсколько лѣтъ продлить молодость матери.

Поэтому рѣшено было отдать дѣвочку въ пансіонъ. За двѣ недѣли до этого учительница должна была оставить домъ.

Въ чудное лѣтнее утро, выйдя на крыльцо въ дорожномъ платьѣ, она не замѣчала ни красоты неба, ни людей. Она

не плакала; только руки ея дрожали, губы запеклись, а на желтыхъ щекахъ появились темно-красныя пятна. Дрожащими руками еще разъ обняла она свою ученицу, которая шептала ей что-то на ухо. Она, должно-быть, говорила ей, что никогда ее не забудетъ и, какъ только вернется изъ пансіона... Антонина, повидимому, повѣрила ея словамъ, она улыбнулась, немного утѣшенная. Она сѣла въ экипажъ и уѣхала.

Вскорѣ послѣ этого въ жизни ея случилось необыкновенное событіе: ей встрѣтился женихъ, и она отказала ему. Это былъ еще не старый, богатый, деревенскій помѣщикъ, почтенный, но очень ограниченный человѣкъ. Для нея это была блестящая партія, послѣдняя возможность выйти замужъ, обезпечить себѣ спокойную и болѣе счастливую во многихъ отношеніяхъ будущность. Она сознавала это и долго боролась и колебалась; наконецъ, когда пришло время дать рѣшительный отвѣтъ, она отказала. Всѣ считали ее чуть не безумною, и сама она потомъ не разъ говорила, что, „судя съ точки зрѣнія свѣта, она сдѣлала большую глупость, но"—прибавляла она тотчасъ же—„я не могла поступить иначе. Это былъ человѣкъ добрый, честный, но ни о наукѣ, ни о какихъ-либо идеалахъ и вопросахъ онъ буквально не имѣлъ понятія. Выйти замужъ безъ привязанности, безъ общности взглядовъ и убѣжденій значило бы съ моей стороны навсегда отречься отъ всего этого и превратиться въ паразита. Я не могла".

Люди, которые знали ее въ ранней молодости, догадывались, что она была влюблена когда-то. Предметомъ ея любви былъ братъ или кузенъ хозяйки дома, гдѣ она жила. Это была только догадка, такъ какъ сама она никому объ этомъ не говорила. Нѣсколько разъ ее заставали на мѣстѣ преступленія, когда она разсматривала карточку какого-то мужчины, которую быстро прятала на дно шкатулки... Это и дало поводъ къ подобнымъ предположеніямъ. Можетъ быть воспоминанія объ испытанныхъ нѣкогда волненіяхъ, надеждахъ и страданіяхъ много способствовали тому, что на тридцать первомъ году своей жизни она отказала жениху.

Немного позже она испытала нравственныя потрясенія другого рода. Первый разъ въ своей жизни она попала въ домъ, хозяева котораго были высокообразованные люди, какъ и посѣщавшіе ихъ гости. Тамъ-то впервые поняла она, что такое наука и какимъ путемъ обыкновенно должно идти образованіе. Изъ разговоровъ, какіе велись вокругъ нея, и изъ книгъ, какими былъ наполненъ этотъ домъ, узнала она́, что многіе годы она дѣлала Богъ вѣсть что, воображая, что учится. Она, дѣйствительно, что-то дѣлала, непомѣрно трудилась, но, какъ потомъ говорила: „это было такъ похоже на образованіе, какъ кулакъ похожъ на носъ". Сдѣлавъ та-

кое открытіе, она заломила руки и залилась слезами; однако, она плакала не долго. Прежде всего у нея не было на это времени, такъ какъ она занималась съ тремя дѣтьми, а затѣмъ ей пришло въ голову, что ей всего тридцать два года. Что жъ? Это еще не старость. Она попросила хозяина дома руководить ею, а образованную хозяйку помочь ей и начала учиться съ азбуки. Ей умѣло и охотно помогали, сама она погрузилась въ науку съ наивной горячностью молоденькой дѣвочки. Она уже начинала шире и яснѣе понимать „свѣтъ ученія", когда родители ея учениковъ неожиданно продали деревню и задумали выѣхать въ городъ. Состояніе ихъ немного пошатнулось, и они рѣшили, что въ городѣ образованіе дѣтей будетъ стоить дешевле. Учительница выѣхала нѣсколько раньше.

Она вышла изъ своей комнаты вся въ черномъ, холодная, застывшая. Если бы кто-нибудь увидалъ ее тогда впервые, онъ навѣрное предположилъ бы, что эта женщина была сильно кѣмъ-то разсержена. Лобъ ея былъ изрѣзанъ морщинами, огненные глаза смотрѣли сурово, походка и движенія были торопливы, порывисты. Однако, съ хозяевами дома она простилась съ большимъ уваженіемъ, дѣтей сердечно обняла, молча сѣла въ экипажъ и уѣхала.

Съ тѣхъ поръ ея наружность и обращеніе съ людьми постепенно приняли такой характеръ, который не могъ расположить къ ней постороннихъ. Она и не ждала отъ нихъ ничего для себя. Она сказала себѣ, что „всѣ стѣны на свѣтѣ холодны и всѣ сердца чужды" и что „сильныя привязанности между чужими другъ другу... это только въ повѣстяхъ". Сказавъ себѣ это, она изъ радужнаго міра иллюзій, въ которомъ пребывала всю свою молодость, перешла въ міръ горькаго недовѣрія и подозрѣній. Недовѣріе и подозрѣніе читались въ ея выразительныхъ глазахъ даже и тогда, когда кто-нибудь обращался къ ней съ ласковымъ или дружелюбнымъ словомъ. На каждое изъявленіе симпатіи смотрѣла она такъ, будто хотѣла отгадать—не смѣются ли надъ нею, не иронизируютъ ли.

„Людская пріязнь,—говорила она,—это вѣтеръ, налетитъ и снова улетитъ. Кто бы вздумалъ въ мои годы ожидать отъ нея чего либо, тому я сказала бы, что онъ старый ребенокъ". Проникнутая этимъ вѣчнымъ сомнѣніемъ, она совершенно отшатнулась отъ людей, которые, съ своей стороны, и не думали привлекать ее къ себѣ. Какъ съ одной, такъ и съ другой стороны это было вещью простой и обыкновенной. Изъ этого вытекало, что Антонина въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ часто мѣняла мѣста. Теперь у нея уже были свои вкусы и требованія. Въ одномъ

домѣ ей было слишкомъ шумно, въ другомъ слишкомъ тихо, тамъ холодно, а тамъ жарко. Такъ, напримѣръ, занимаясь и живя въ комнатѣ, плохо отапливаемой зимою, она нажила себѣ ревматизмъ, сначала легкій, но очень докучливый и непріятный. Если бы это случилось прежде, она перенесла бы эту болѣзнь терпѣливо и молча, а за одно сердечное слово, за дружескую улыбку она согласилась бы, чтобы ее надѣлили и чахоткой, но теперь взаимныя отношенія хозяевъ дома и учительницы опредѣлились иначе. Она обидѣлась за такое пренебреженіе къ ея удобствамъ и здоровью и попросила экипажъ и лошадей. Она тутъ же сказала себѣ: „довольно слоняться по чужимъ угламъ". Ею овладѣло страстное, непобѣдимое желаніе имѣть свой уголъ. Она уже давно лишилась матери, для которой работала въ молодости. Теперь она была совершенно одинока и сама отвѣчала за себя. Она пріѣхала въ городъ, наняла комнатку подъ самой крышей трехъэтажнаго дома, устроила ее не столько по своему вкусу, сколько согласно своимъ убѣжденіямъ, и, поддерживаемая кое-какими связями, начала давать уроки въ домахъ.

Поселясь въ своей комнаткѣ, она говорила: „я испытываю такое чувство, какъ будто я вернулась послѣ семнадцатилѣтняго путешествія. Я начала путешествовать молоденькой дѣвушкой, мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ. И что же"?..

Она умолкла и задумалась. Она не привыкла къ изліяніямъ и вѣроятно сама себѣ задавала вопросъ, что растеряла она въ этомъ путешествіи и что у нея осталось.

Былъ зимній, немного морозный и вѣтренный день. Сильный вихрь срывалъ съ крышъ и съ земли снѣгъ и крутилъ его въ воздухѣ. Съ шумомъ, крикомъ и стонами носились по улицамъ города волны бѣлой пыли. Все было бѣло и мутно. На крышахъ домовъ и на сухихъ вѣтвяхъ деревьевъ каркали вороны, по срединѣ улицы временами съ глухимъ звономъ колокольчика пролеталъ экипажъ, на тротуарахъ почти никого не было видно. Двери магазиновъ были плотно прикрыты отъ вѣтра и снѣга, ворота домовъ также были заперты.

Оглушенная ревомъ и шумомъ вихря, ослѣпленная снѣгомъ, я, однако, издали замѣтила двигавшуюся впереди меня и прорѣзывавшую снѣжную пыль, черную длинную линію. Черезъ минуту я узнала въ ней женскую фигуру. Въ узенькой шубкѣ и съ поднятымъ по щиколотки платьемъ, съ руками, засунутыми въ рукава шубки, тонкая, высокая женщина шла быстро и ровно, какъ бы не замѣчая ни вихря, ни носившейся въ воздухѣ снѣжной пыли. Сзади вѣтеръ бѣшено

крутилъ концы ея черной вуали, а она ни на минуту не остановилась, не уменьшила шагу.

Догоняя ее, я позвала:

— Панна Антонина!

Она остановилась, какъ вкопанная, оглянулась, но въ ту же минуту, когда она хотѣла протянуть мнѣ руку, чтобы поздороваться со мною, она зашаталась и схватилась рукою за фонарный столбъ, какъ человѣкъ, готовый упасть. Она была очень блѣдна, губы полуоткрыты, она задыхалась.

— Это ничего, ничего—начала она, стараясь улыбнуться.— Вы меня испугали, окликнувъ такъ неожиданно. Я задумалась...

— Вы не испугались, но вы сильно устали. Въ такую погоду...

— Кто? Я устала? Какъ же! Я еще и не въ такую погоду хожу! Женщина, которая трудится, должна быть сильна.

Осуществляя эту теорію на практикѣ, она выпрямилась и выступила впередъ. Удивительное дѣло! Она снова шла быстро, ровно, съ головою, поднятою кверху. И снова вѣтеръ крутилъ и трепалъ концы ея вуали.

— Куда вы идете?

— Какъ это куда? Понятно на урокъ.

— На первый?

— А который же часъ?

— Кажется, двѣнадцать.

— Кажется...—колко повторила она. — Что за ужасная женская привычка никогда не знать, который часъ. Поэтому-то у женщинъ и идетъ все Богъ знаетъ какъ, а мужчины презираютъ и помыкаютъ ими...

Что въ эту минуту само небо помыкало нами, это было вѣрно. Вихрь отбросилъ меня на нѣсколько шаговъ отъ моей пріятельницы подъ самую стѣну дома, а ее такъ дергалъ во всѣ стороны, что она вотъ-вотъ готова была упасть на колѣни. Чтобы удержать равновѣсіе, она распростерла руки, повернулась нѣсколько разъ на одномъ мѣстѣ и снова стала твердо на ноги.

— Проклятый ураганъ—пробормотала она—я опоздаю на урокъ.

— Это у васъ первый урокъ сегодня?—повторила я вопросъ.

— Ахъ! Какъ можно спрашивать такія вещи? Вѣдь вы сами сказали, что уже двѣнадцать. Что же я—паразитъ, что ли, что буду до двѣнадцати часовъ сидѣть, сложа руки. Я съ восьми часовъ хожу по городу. Иду на четвертый урокъ.

— Откуда же и куда вы идете?

Она шла изъ отдаленнаго конца города въ другой. На

половинѣ дороги я простилась съ нею и уже входила въ ворота дома, когда она вернулась и взяла меня за руку.

— Навѣстите меня сегодня или завтра... мнѣ такъ пріятно видѣть у себя старыхъ знакомыхъ... Только до семи часовъ, потому что въ восемь я уже открываю свой университетъ.

Говоря это, она крѣпко пожимала мнѣ руку. Сквозь замерзшую вуаль черные глаза ея смотрѣли горячо и грустно.

На улицѣ ея общество бывало иногда не совсѣмъ удобно. Въ грубой обуви и въ калошахъ, шлепая по грязи или въ ужасную гололедицу выступая такимъ ровнымъ и увѣреннымъ шагомъ, точно по гладкому граниту, она быстро и внимательно смотрѣла вокругъ себя и громко и энергично дѣлала замѣчанія насчетъ всего видѣннаго. Часто нарядныя женщины, встрѣчаясь съ нею, явно показывали ей свое неодобреніе и гнѣвъ. Она на минуту останавливалась, смотрѣла имъ вслѣдъ и, энергично жестикулируя, называла ихъ куклами, пьявками, паразитами. Глаза ея тогда горѣли, какъ два уголька, брови сдвигались и придавали лицу грозное выраженіе.

Знакомымъ она говорила прямо въ глаза, что о нихъ думала. Матерямъ своихъ ученицъ, слишкомъ заботившимся о томъ, чтобы ихъ дочери походили на модныя картинки, она говорила:

— Стыдитесь, стыдитесь! Вы хотите изъ вашихъ дочерей сдѣлать паразитовъ и присоединиться къ тѣмъ, которые губятъ въ самомъ зародышѣ женскую эмансипацію! Поздравляю васъ, но не завидую. Имѣть на своей совѣсти тормазъ человѣческаго прогресса, чудная вещь!

Когда съ нею спорили относительно „женской эмансипаціи“, она увлекалась и между многими аргументами неизмѣнно повторяла:

— Двѣнадцать дочерей и двѣнадцать кафедръ, и никто не выбьетъ мнѣ этого изъ головы!

Никто ей также не могъ выбить изъ головы, что всѣ ученики городскихъ школъ, безъ исключенія пола, были самымъ лучшимъ украшеніемъ и надеждой человѣчества, а также предметомъ, пробуждающимъ въ добромъ сердцѣ нѣжныя чувства.

При видѣ толпы этихъ маленькихъ существъ, выбѣгавшихъ изъ стѣнъ школы на улицу, взоръ ея прояснялся, лицо принимало необыкновенно мягкое выраженіе. Среди этихъ маленькихъ людей у нея, повидимому, было много друзей, такъ какъ дѣти привѣтствовали ее улыбками и поклонами, нѣкоторые даже покрывали поцѣлуями ея руку. Чаще всего это были блѣдныя и печальныя личики.

Они, какъ видно, благодарили ее за что-то. Но за что? Мнѣ никогда не удалось узнать объ этомъ.

Каждый день, утромъ, убравъ свою комнатку и осмотрѣвъ цвѣты и канарейку, она говорила себѣ: теперь въ дорогу!—и выходила въ городъ. Маршировка эта, однако, отнимала у нея силы. Все съ большимъ и большимъ трудомъ взбиралась она на верхніе этажи. Она старалась скрывать это, но ей это не удавалось.

— Развѣ я такъ стара?—говорила она смѣясь, и брови ея невольно сдвигались отъ боли.

Она дѣйствительно не была стара, ей не было еще сорока лѣтъ. Но разъ, въ сумерки, она призналась мнѣ, что ревматизмъ, нажитый ею въ послѣднемъ домѣ, въ которомъ она учительствовала, все чаще и сильнѣе ее мучитъ. Признаніе свое она сдѣлала такъ тихо, какъ будто этимъ давала мнѣ понять, что это глубокая, только мнѣ довѣренная тайна.

— Эта комнатка—прибавила она—очень миленькая, но въ сильные морозы она холодна, а весною сыра. Перемѣнить же квартиру... трудно, невозможно.

Я догадывалась, что невозможность заключалась отчасти въ причинахъ экономическихъ, отчасти въ ея чувствительной натурѣ. Болѣе здоровое и болѣе дорогое помѣщеніе было, по всей вѣроятности, ей не по карману, да, кромѣ того, она лишилась бы своихъ любимыхъ обоевъ съ полевыми цвѣтами и той радости, какую доставляла ей благодарность дѣтей, падавшая, какъ жемчугъ, къ ея забрызганнымъ грязью ногамъ.

Я хотѣла поговорить съ нею о ея болѣзни и что-нибудь посовѣтовать, но она, быстро перемѣнивъ разговоръ, начала говорить о разныхъ романистахъ, поэтахъ, философахъ, а также о разныхъ вопросахъ и идеяхъ. Имена, цифры, цитаты градомъ сыпались изъ ея устъ. Сидя, съ патетически вытянутыми впередъ руками, на низенькомъ табуретѣ, передъ пламенемъ топившейся печи, она декламировала отрывокъ изъ какой-то поэмы, прерывая свою декламацію, чтобы подуть въ стоявшій на полу самоваръ. А такъ какъ въ поэмѣ упоминалось о Наполеонѣ I, то она, окончивъ декламацію, завела рѣчь о военной стратегіи. Я рѣшилась прервать этотъ ученый разговоръ вопросомъ: сколько она можетъ имѣть дохода отъ уроковъ? Она нахмурилась и съ минуту ничего не отвѣчала. Она очень не любила, когда ее разспрашивали, всегда подозрѣвала въ этомъ какое-нибудь недоброе намѣреніе. На этотъ разъ, однако, изъ гостепріимства или вѣжливости, а можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ сѣрыхъ сумерекъ, освѣщенныхъ розовымъ блескомъ пламени, она мягко отвѣтила:

— Что жъ? Сначала мнѣ было и совѣмъ недурно. Теперь немного хуже, такъ какъ конкурренція большая.

— Конкурренція?

— Да. Здѣсь насъ, дающихъ уроки, много. Кромѣ того, дѣвочки, окончившія гимназію, знаютъ больше меня и учатъ лучше, вотъ имъ и достаются лучшіе уроки.

Больше знаютъ? Господи! Она вѣдь такъ много и долго училась и имѣла такія необыкновенныя познанія!

— Когда-то у меня было ежедневно по восьми уроковъ,— сказала она,—теперь только пять, и очень боюсь... что въ будущемъ году станетъ еще меньше.

Больше она объ этомъ ничего не сказала, но добрыхъ пять минутъ сидѣла на табуретѣ, молчаливая и задумчивая.

Фигура ея вырисовывалась въ тѣни, какъ длинная, тонкая черная линія. Худыя длинныя руки бѣлѣли на черномъ платьѣ, лицо она немного наклонила впередъ, ближе къ огню, который отражался дрожащими искорками въ ея глазахъ, устремленныхъ въ пространство. Ея задумчивость, граничившая со столбнякомъ, и впервые съ тѣхъ поръ, какъ я ее знала, сказанное слово „боюсь“ наводили на размышленіе. Скоро, однако, она быстро встала, зажгла свѣчу и начала приготовлять чай. При этомъ она снова много говорила о возвышенныхъ и ученыхъ предметахъ. Черезъ часъ ея комнатка наполнилась убогой дѣтворой.

Я попросила разрѣшенія остаться. Урокъ продолжался два часа, въ теченіе которыхъ комнатка ея была похожа на настоящую вечернюю школу съ хоровымъ и отдѣльнымъ чтеніемъ азбуки, съ писаніемъ буквъ и цифръ на тетрадкахъ и аспидныхъ доскахъ, съ тыканьемъ пальцемъ въ разныя мѣста карты, висѣвшей на стѣнѣ, съ наказаніями на „колѣни“ и „въ уголъ“, съ записываніемъ дурныхъ и хорошихъ отмѣтокъ и т. п. Все это закончилось разсказомъ прекрасной сказки, сочиненной самой учительницей, въ которой были—поэзія, мораль и различныя свѣдѣнія о широкомъ мірѣ. Дѣти, сидя въ различныхъ позахъ на полу, слушали съ большимъ вниманіемъ, что можно было видѣть по широко открытымъ глазамъ и губамъ. Антонина, сидя среди нихъ на своемъ табуретѣ, разсказывала свою сказку съ большимъ увлеченіемъ съ соотвѣтствующей мимикой и декламаціей. Послѣ сказки она роздала всѣмъ ученицамъ по куску чернаго хлѣба, часть котораго и сама учительница начала ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

Затѣмъ въ комнаткѣ снова сдѣлалось пусто и тихо. Огонь въ печи погасъ. Было часовъ около десяти.

При свѣтѣ одной свѣчи лицо Антонины казалось очень утомленнымъ, даже глаза ея угасли, и фигура сгорбилась.

Она безпомощно опустила руки на платье, покрытое крошками чернаго хлѣба. Когда я, простившись съ нею, собралась уходить, она потушила свѣчу и зажгла маленькую лампочку, висѣвшую въ углу комнатки.

— Я позволяю себѣ эту роскошь,—сказала она,—не люблю темноты, а по ночамъ я часто не сплю.

Кто же отгадаетъ и разскажетъ, о чемъ она думала, что чувствовала, когда, лежа въ долгія зимнія ночи на твердой узкой постели, водила безсознательными глазами по потолку и стѣнамъ, на которыхъ колеблющіяся тѣни отъ мебели меланхолически соединялись и снова расходились съ полосами блѣднаго свѣта?

По разнымъ причинамъ я потомъ не видѣла ее года три, а когда, наконецъ, спросила о ней дворника того дома, подъ крышей котораго я видѣла ее въ послѣдній разъ, онъ отвѣтилъ мнѣ, что она уже давно не живетъ тамъ. Я вынуждена была довольно долго разспрашивать и разыскивать, пока, наконецъ, узнала, гдѣ она находилась.

Войдя въ корридоръ госпиталя, узкій, длинный, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, стѣнами и блестящимъ, какъ зеркало, поломъ, я спросила объ Антонинѣ у проходившаго мимо слуги. Онъ указалъ мнѣ на одну изъ многисленныхъ дверей, которыя шли по обѣ стороны длиннаго корридора. Я вошла.

Снова передо мною комнатка, но безъ обоевъ съ полевыми цвѣтами; не было въ ней также ни картинъ, ни канарейки, ни цвѣтущей пеларгоніи. Черные прутья желѣзной кровати сухими линіями рисовались на бѣлыхъ, какъ снѣгъ, стѣнахъ, такихъ высокихъ, что нужно было высоко поднять голову, чтобы увидать потолокъ. За большимъ окномъ со свернутой вверху желтой шторой, въ густой осенней мглѣ медленно качались голыя верхушки тополей, росшихъ въ больничномъ саду. Противъ окна была высокая, блестящая, какъ зеркало, дверь, возлѣ кровати желѣзный столикъ, у противоположной стѣны столъ и два желѣзныхъ стула.

Чисто здѣсь было, голо, грустно и страшно тоскливо. Въ теплой и свѣжей атмосферѣ носился острый запахъ лѣкарства, и невольно чувствовался какой-то холодъ.

На желѣзной кровати съ высокою черною спинкою, на бѣлой, какъ снѣгъ, постели, подъ желтымъ больничнымъ одѣяломъ лежала Антонина. Сильно посѣдѣвшіе волосы были теперь всѣ зачесаны вверхъ и совершенно открывали высокій выпуклый лобъ. При сильно похудѣвшемъ лицѣ лобъ этотъ казался огромнымъ. Онъ весь былъ изрѣзанъ множествомъ пересѣкавшихся въ различномъ направленіи морщинъ. Ввалившіеся глаза напоминали зеркало, покрытое паромъ. Узкая линія

блѣдныхъ, плотно сжатыхъ губъ выражала молчаливое страданіе. Бѣлизна подушки сильнѣе оттѣняла желтое, восковое лицо; наоборотъ, нѣжныя руки съ сѣтью голубыхъ жилокъ казались необыкновенно бѣлыми на желтомъ фонѣ одѣяла.

Она не сразу узнала меня. Во-первыхъ, зрѣніе ея ослабѣло, а во-вторыхъ, она не ожидала, чтобы кто-нибудь пришелъ навѣстить ее. Она съ улыбкою протянула мнѣ руку и, стараясь быть гостепріимной, хотѣла приподняться, чтобы сѣсть, но не могла. Она была очень слаба и дышала громко, тяжело и прерывисто. Лежа въ постели, она объяснила мнѣ, что находится здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ. Ея болѣзнь мучила ее долгіе годы и, наконецъ, сломила. Ревматизмъ перешелъ на легкія вѣроятно потому, что она много ходила по холоду и сырости, а на урокахъ вынуждена была много говорить. Наконецъ, въ послѣднее время у нея все меньше и меньше было уроковъ. Она должна была взять болѣе дешевую квартиру, которая была еще болѣе сыра и холодна, чѣмъ прежняя. Мѣсяца два лежала больная у себя на квартирѣ, но потомъ... лѣченіе стоило очень дорого и ухода правильнаго не было... Что жъ! Здѣсь, въ больницѣ, очень хорошо. Тутъ хорошіе доктора, внимательные, уходъ хорошій, и все есть, что нужно. При этомъ добрые люди похлопотали, чтобы она могла лежать не въ общей палатѣ, а въ отдѣльной. Они, правда, платятъ за это, но что же дѣлать! Она вынуждена принять эту жертву и очень благодарна за нее.

Все это она говорила тихо, медленно и съ улыбкой. Потомъ, отдохнувъ нѣсколько минутъ, прибавила:

— Такъ-то бываетъ на свѣтѣ! Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и духа; у него не однѣ духовныя слабости, но также и тѣлесныя. Хорошо бы умирать тотчасъ же, какъ только начнутъ страдать тѣло или духъ.. Такъ нѣтъ же! Пока явится смерть, нужно все испытать... Такова горькая дѣйствительность.

Отдохнувъ немного, она начала разспрашивать, что слышно на свѣтѣ? Что пишутъ въ газетахъ? Какія вышли новыя книги? Состоялась ли уже конференція въ англійскомъ парламентѣ о допущеніи женщинъ къ голосованію и т. п.

Отвѣты на всѣ вопросы она выслушивала почти съ жадностью. Нѣсколько разъ глаза ея загорались попрежнему, и сердечная, даже веселая улыбка показывалась на губахъ. Затѣмъ она вздохнула и устремила взоръ на колыхавшіяся за окномъ верхушки тополей.

— Да, да!—прошептала она.—Міръ идетъ своимъ путемъ, хотя люди, какъ мухи, исчезаютъ съ этого пути... Хотѣлось бы мнѣ очень посмотрѣть на все это... Могла бы... вѣдь я еще не очень стара...

Ей было тогда около сорока лѣтъ, слѣдовательно она не была уже молода, но, однако, я видала женщинъ ея лѣтъ, танцовавшихъ на балахъ, а также и такихъ, которыя качали внуковъ на своихъ сильныхъ рукахъ. Въ этотъ день она уже не въ силахъ была больше ни говорить, ни слушать. Послѣ получасового разговора желтыя вѣки ея безсильно опустились на угасшіе зрачки, руки и губы сжались отъ страшныхъ усилій воли сдержать стонъ.

Въ другой разъ, входя въ палату, я застала больную въ полусидячемъ положеніи на кровати, съ маленькой открытой шкатулкой на колѣняхъ. Она такъ задумалась, разсматривая предметы, находившіеся въ шкатулкѣ, что не сразу замѣтила мое присутствіе. Услыхавъ мое привѣтствіе, она подняла голову и медленно, не спѣша, заперла шкатулку. Въ этотъ день она была немного крѣпче, какое-то лѣкарство принесло ей облегченіе. Четверть часа спустя, послѣ разговора о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, она произнесла съ улыбкой:

— Я вижу, что вы то и дѣло посматриваете на мою шкатулку... Вамъ навѣрное хочется знать, что въ ней есть... Можетъ быть, вы даже думаете... вотъ хитрая баба! Накопила себѣ полную шкатулку денегъ, и теперь, лежа на больничной постели, считаетъ ихъ отъ скуки и, можетъ быть, отрѣзываетъ купоны отъ билетовъ...

Говоря это, она такъ усердно смѣялась, что даже сильно закашлялась и нѣсколько минутъ лежала, не двигаясь, съ закрытыми глазами, громко дыша. Затѣмъ она подняла тяжелыя вѣки и затуманеннымъ взоромъ долго смотрѣла на меня. Она уже больше не смѣялась и даже не улыбалась. Медленно и такъ тихо, что я едва могла ее слышать, она заговорила:

— Я съ удовольствіемъ покажу вамъ, что у меня хранится въ шкатулкѣ. Тамъ нѣтъ драгоцѣнностей, нѣтъ ничего особеннаго... только мои воспоминанія.

Она открыла шкатулку, наполненную какими-то предметами, завернутыми въ бумагу. Развернувъ одинъ свертокъ и показывая мнѣ большой дубовый листъ, высохшій до того, что онъ разсыпался въ порошокъ, она сказала:

— Сорвала его съ дерева, уѣзжая отъ Скерскихъ... помните?.. Изъ того дома, гдѣ мнѣ было такъ хорошо, гдѣ я всѣхъ, всѣхъ такъ сильно любила. Подъ этимъ деревомъ я обыкновенно сидѣла, бывало, лѣтомъ съ моими ученицами, съ работой, съ книжкой... хорошо мнѣ тогда было... Я думала, что пробуду тамъ долго, долго... Можетъ быть и навсегда тамъ останусь. Когда нужно было уѣзжать, я цѣловала мое дорогое дерево и взяла этотъ листъ съ собою на память объ

этомъ домѣ. Я называю его всегда листомъ вѣры, такъ какъ я вѣрила тогда въ сердца людей, въ привязанность, въ вѣрность... Ахъ! какъ вѣрила!..

Она снова старательно завернула въ бумагу остатки или, лучше сказать, прахъ „листка вѣры“ и медленно развернула другую бумагу.

— А это, вотъ видите, клочокъ волосъ моей бабуни... той старушки, утѣшеніемъ которой я была въ послѣдніе годы ея жизни и которая въ минуту смерти съ такимъ чувствомъ меня благословила... Бѣдная, дорогая старушка! Она всегда называла меня Антосей.

Но вотъ дрожащіе пальцы ея натолкнулись въ шкатулкѣ на какой-то предметъ. Она нѣсколько минутъ колебалась, не рѣшаясь показать его. Слабый, едва замѣтный румянецъ выступилъ на ея лицѣ. Наконецъ, въ пальцахъ ея оказалась фотографическая карточка. Подавая ее мнѣ, она шепнула:

— Это онъ!

Затѣмъ тотчасъ же опустила глаза и долго ничего не говорила.

Поблекшая, полустертая карточка представляла лицо молодого мужчины, которое нельзя было назвать ни красивымъ, ни некрасивымъ; оно было настолько невыразительно, что о немъ ничего нельзя было сказать. Въ то время, какъ я разсматривала карточку, Антонина, не поднимая глазъ, прошептала:

— Видите ли, у каждаго человѣка въ прошломъ есть какая-нибудь поэма. Была она и у меня. Это было только мгновеніе... искра или роза пролетѣла на моемъ пути. Что-то такое помнится... какія-то лѣтнія утра въ прекрасномъ саду, какіе-то осенніе вечера у камина... Мнѣ кажется, что онъ меня искренно любилъ... А можетъ быть и нѣтъ! Не знаю... Минуло! И какъ же давно это было... давно!

— Вы его потомъ встрѣчали?

— Никогда. Чаще всего случалось такъ, что я уже потомъ никогда не встрѣчала людей, съ которыми разставалась. И ее тоже не видала...

Тутъ она подала мнѣ тетрадку, исписанную дѣтской рукой. Это была тетрадка ея дорогой ученицы.

— Какой это былъ ребенокъ!—воскликнула она и, увлекшись, она сѣла на кровати.— Это была геніальная дѣвочка! Какъ она все понимала, какимъ стилемъ писала! Возвышенныя чувства уже наполняли это дѣтское сердце!

Она сложила руки, глаза ея горѣли.

— О, если бы мнѣ кто нибудь сказалъ, если бы могъ кто-нибудь сказать, что мое ученіе оставило прочные слѣды въ душѣ этого ребенка, что сѣмя, которое я посѣяла, свѣтъ не

затопталъ и не разсѣялъ на всѣ четыре стороны... если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что изъ нея вышла женщина умная, честная... я умерла бы, благословляя того, кто влилъ бы въ мою душу каплю этого бальзама!

Она упала на подушки, измученная, обезсиленная, съ высоко-поднимавшеюся отъ волненія грудью.

— Она никогда потомъ не писала вамъ?

Антонина очень тихо прошептала:

— Никогда. Обѣщала писать и, когда выростетъ, вызвать меня къ себѣ, но... она была тогда еще дитя... забыла.

Было въ этой шкатулкѣ еще нѣсколько предметовъ, старательно хранимыхъ: большая тетрадь съ замѣтками и выписками изъ разныхъ книгъ, длинный перечень заглавій прочитанныхъ книгъ, а также именъ авторовъ. Словомъ, слѣды и памятники долголѣтняго усерднаго самообразованія.

Лежа навзничь, съ закрытыми отъ усталости глазами, Антонина отыскала въ шкатулкѣ еще одинъ свертокъ, и, когда развернула его, я увидала маленькій кусочекъ и нѣсколько крошекъ чернаго хлѣба.

— Это изъ моей комнатки... той, въ которой вы бывали. Я дѣлилась тамъ съ бѣдными дѣтьми чернымъ хлѣбомъ моихъ знаній и моихъ достатковъ... Мѣняя квартиру, я взяла его на память.

Въ теченіе многихъ дней потомъ я заставала Антонину, погруженную въ разсматриваніе содержимаго этой шкатулки. Чѣмъ болѣе она слабѣла, чѣмъ болѣе страдала, тѣмъ чаще и внимательнѣе смотрѣла она на предметы, завернутые въ бумагу. Она ужъ перестала разспрашивать, что дѣлается на свѣтѣ. Часто, какъ мнѣ казалось, она забывала о моемъ присутствіи. Сидя у большого окна съ работой, я по-долгу присматривалась къ ней, какъ она, склонившись надъ шкатулкой, держала въ своихъ исхудалыхъ пальцахъ остатки дубоваго листа, прядь сѣдыхъ волосъ или поблекшую карточку и, вперивъ въ нихъ свой взоръ, что-то шептала запекшимися губами, какъ будто вела съ ними тайный, временами нѣжный, а временами полный горечи и гнѣва разговоръ.

Какъ-то разъ, глядя долго на одну изъ тетрадокъ, она быстро подняла голову и, попрежнему сжимая кулакъ, воскликнула:

— Если бы мнѣ кто-нибудь объяснилъ, зачѣмъ я изучала эту стратегію и нѣмецкую философію! Сѣдѣть начала... истинно говорю вамъ, сѣдѣть начала надъ этой стратегіей и философіей.

Я невольно улыбнулась. Она это замѣтила и гнѣвно покачала головой.

— Вы смѣетесь,—проговорила она, — извините, но здѣсь

нѣтъ ничего смѣшного. Когда кто нибудь полюбитъ свѣтъ знаній и стремится къ нему, но не знаетъ къ нему прямого пути, идетъ ощупью... людямъ, конечно, это смѣшно, но тѣмъ, которые разбиваютъ себѣ лбы о стѣны, совсѣмъ не весело... Ого! Если бы я во второй разъ родилась на свѣтъ, или, если-бы у меня были дочери...

Въ другой разъ, послѣ того, какъ она цѣлый часъ разсматривала свою шкатулку, она подняла на меня спокойный взоръ, полный довѣрія и просьбы.

— Дорогая моя,—сказала она, — если я умру отъ этой болѣзни, будьте такъ добры, сожгите все, что здѣсь находится... Зачѣмъ этому валяться на заднемъ дворѣ госпиталя?

Лежа навзничь, она медленно слѣдила мутнымъ взоромъ за качавшимися въ осенней мглѣ верхушками тополей... Затѣмъ она добавила:

— Въ огонь и кончено!.. Сгоритъ все это, и слѣда отъ меня не останется на этой землѣ...

Тутъ, какъ бы потрясенная звукомъ собственныхъ словъ, она быстро задвигалась. Опершись локтемъ на подушку, она приподнялась и, быстро и тяжело дыша, воскликнула:

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ, никакого, никакого слѣда не останется?

Въ глазахъ ея, которые вдругъ зажглись, читалось безпокойство, почти отчаяніе. Этотъ вопросъ мучилъ ее потомъ нѣсколько дней подрядъ.

— Если ничего, ничего не останется... тогда зачѣмъ было?.. какой смыслъ?..

Затѣмъ, успокоившись, она прибавила въ раздумьи:

— А, можетъ быть, что-нибудь и останется... можетъ быть, въ тѣхъ маленькихъ головкахъ и сердцахъ осталось хоть кое что изъ моего ученія. Я всѣми силами хотѣла... старалась... да, наконецъ, хотя бы и то, что я научила ихъ писать и читать...

Такъ, мучаясь и тутъ же успокаиваясь, слабѣла она все больше и больше. Нижняя часть лица ея дѣлалась все меньше и меньше, а лобъ казался отъ этого все огромнѣе и выпуклѣе. Черезъ нѣсколько дней она перестала уже заботиться о чемъ бы то ни было. Она почти совсѣмъ перестала разговаривать и лежала неподвижно, изрѣдка только развертывала какую-нибудь бумажку и угасающимъ или возбужденнымъ горячешнымъ взглядомъ смотрѣла на находившійся въ ней предметъ. Я какъ-то спросила ее, — сильно ли она страдаетъ? Она отвѣтила съ оттѣнкомъ прежняго пафоса:

— Темныя ночи объ этомъ знаютъ, но онѣ никому не разскажутъ.

Черезъ минуту она прошептала,—обращаясь къ самой себѣ:

— Если бы у меня была дочь...

Я начала ей говорить, что всетаки она среди людей...

— Да, да!—подхватила она,—конечно! Люди всегда дѣлали мнѣ больше добра, чѣмъ зла. Вотъ и теперь, когда я заболѣла, привезли меня сюда въ покойномъ экипажѣ, наняли отдѣльную палату, даже вначалѣ иногда навѣщали... потомъ перестали навѣщать, такъ какъ у каждаго свое дѣло, знакомства... Я очень благодарна за все... но сильныя, глубокія привязанности между чужими другъ другу людьми... это только въ повѣстяхъ встрѣчается.

Однажды я нашла ее настолько ослабѣвшей, что ей уже трудно было дышать лежа. Ей подложили подъ спину столько подушекъ, что она могла сидѣть.

На колѣняхъ у нея стояла открытая шкатулка. Когда я сѣла у кровати, она, не поворачивая головы, очень медленно перевела свой взоръ на меня.

— Знаете,—шепнула она,—я снова испытываю такое чувство, какъ будто возвращаюсь изъ дальняго, дальняго путешествія... Двадцать шесть лѣтъ я пропутешествовала и ни одного дня не слонялась по свѣту безъ дѣла... И что же?..

Она снова не окончила, но дрожащія руки ея, походившія на руки скелета, распростершись надъ открытой шкатулкой, казалось, спрашивали: что она растеряла и что у нея осталось къ концу этого путешествія?..

* * *

Мнѣ часто грезится, что гдѣ-то въ невидимомъ духовномъ мірѣ человѣческихъ дѣяній существуетъ огромное, неизмѣримое пространство тумана и мглы, въ которомъ живутъ души, жизнь которыхъ въ нашемъ мірѣ вначалѣ представляла чудный бутонъ, а затѣмъ распустилась измятымъ, истерзаннымъ цвѣткомъ.

Бѣдная, измученная, невознагражденная душа! Лети и ты въ это воображаемое мною пространство! Можетъ быть, когда-нибудь изъ него возникнетъ новый, лучшій міръ...

Значеніе свѣта въ современной медицинѣ.

I.

Дѣйствіе свѣта на растенія, микроорганизмы и животныхъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію вышеозначенной темы, позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе въ область физики, что значительно облегчитъ пониманіе послѣдующаго.

Солнечный свѣтъ—свѣтъ сложный; при пропусканіи луча черезъ стеклянную призму онъ разлагается на рядъ болѣе простыхъ цвѣтныхъ лучей, называемыхъ лучами спектра и расположенныхъ всегда въ опредѣленномъ порядкѣ (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый). Происходитъ это явленіе вслѣдствіе неодинаковой преломляемости цвѣтныхъ лучей.

Кромѣ всѣмъ извѣстнаго теплового дѣйствія, солнечные лучи обладаютъ еще и химическимъ (почернѣніе фотографической пластинки подъ вліяніемъ свѣта, разложеніе нѣкоторыхъ сложныхъ химическихъ тѣлъ и т. д.), при чемъ послѣднее присуще главнымъ образомъ одной опредѣленной части спектра, именно фіолетовой, точно такъ же какъ тепловой эффектъ—красной. Еще болѣе интенсивнымъ химическимъ дѣйствіемъ обладаютъ ultra-фіолетовые, а тепловымъ infra-красные лучи, расположенные по крайнимъ концамъ спектра и не ощутимые глазомъ. Такимъ образомъ весь спектръ можно раздѣлить на три части: тепловую (infra-красные и красные лучи), свѣтовую (желтые и зеленые) и химическую (фіолетовые и ultra-фіолетовые). Конечно, переходъ одной энергіи въ другую точно также, какъ цвѣтъ въ спектрѣ, происходитъ постепенно. Ближе всего къ солнечному свѣту подходитъ свѣтъ вольтовой дуги, а по количеству химическихъ лучей послѣдній превосходитъ даже первый. Что же касается свѣта газоваго и керосиноваго пламени, то химическое дѣйствіе ихъ незначительно. Впрочемъ, и самъ солнечный свѣтъ въ интенсивности своихъ лучей далеко неодинаковъ, такъ, напримѣръ, на югѣ или въ мѣст-

ностяхъ, расположенныхъ высоко надъ уровнемъ моря, онъ обладаетъ болѣе сильнымъ химическимъ дѣйствіемъ, чѣмъ на сѣверѣ и въ равнинахъ. Большое значеніе для поглощенія тѣхъ или иныхъ лучей имѣетъ также среда, подвергающаяся дѣйствію свѣта. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ одни тѣла пропускаютъ въ себя очень глубоко химическіе лучи, другія—задерживая свѣтовые лучи, отлично пропускаютъ тепловые; стекло, напримѣръ, задерживаетъ въ себѣ при прохожденіи черезъ него свѣта очень большую часть ultra-фіолетовыхъ, слѣдовательно, химически-дѣятельныхъ лучей; растворъ квасцовъ —infra-красныхъ и красныхъ—тепловыхъ лучей и т. д.

Въ нижеслѣдующемъ я не могу обойти молчаніемъ рядъ интересныхъ наблюденій и опытовъ надъ вліяніемъ свѣта на органическій міръ, что и послужило исходнымъ пунктомъ для разработки дѣйствія его на здоровый и больной организмъ человѣка.

Для того, чтобы убѣдиться въ громадномъ значеніи свѣта на растительный міръ, достаточно сравнить флору сѣвера и тропиковъ. Что здѣсь температурѣ принадлежитъ далеко не единственная роль, видно уже изъ того, что большинство тропическихъ растеній погибаетъ, будучи выращиваемо при той-же температурѣ, но за отсутствіемъ свѣта. Въ темнотѣ способны развиваться только низкоорганизованные, лишенные хлорофиля, грибы. Развитіе же зеленой части растенія, главной составной частью которой и является хлорофиль, не можетъ происходить безъ доступа свѣта. Огородники хорошо знакомы съ этимъ явленіемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда они находятъ нужнымъ придать овощамъ, какъ напримѣръ: салату, цикорію, индивію, сельдерею и т. д., свѣжій, молодой видъ—они лишаютъ ихъ доступа свѣта. Всѣмъ также хорошо извѣстно явленіе геліотропизма, т. е. обращенія растенія по направленію къ солнечнымъ лучамъ, что ведетъ къ искривленію растенія, если допустить свѣтъ падать только съ одной какой-нибудь стороны. Ботаники прослѣдили вліяніе различныхъ цвѣтовъ спектра на растеніе, при чемъ оказалось, что въ красномъ свѣтѣ растеніе развивается очень хорошо, а въ голубомъ, напротивъ, очень медленно. И не только ростъ растенія, но и его ароматъ и окраска стоятъ въ зависимости отъ той или иной цвѣтовой части спектра; такъ, напримѣръ, красная часть его является особенно необходимой для развитія эфирныхъ маселъ, обусловливающихъ ароматъ цвѣтка, желтая—способствуетъ разложенію угольной кислоты въ хлорофиллѣ и т. д.

Приблизительно сходнымъ съ дѣйствіемъ солнечнаго свѣта является свѣтъ вольтовой дуги.

Съ другой стороны, чрезмѣрное освѣщеніе растенія, напримѣръ, концентрированнымъ свѣтомъ даже при исключеніи теплового эффекта (съ помощью особыхъ аппаратовъ, о чемъ будетъ изложено подробнѣе ниже), или безпрерывное освѣщеніе въ те-

ченіе всѣхъ сутокъ—днемъ солнечнымъ свѣтомъ, а ночью вольтовой дугой,—ведетъ къ увяданію растенія. Что касается до дѣйствія свѣта на бактерій, т. е. тѣхъ микроскопическихъ существъ, которыя стоятъ почти на границѣ животнаго и растительнаго царства и которымъ въ настоящее время приписывается такая громадная роль въ дѣлѣ развитія заразныхъ болѣзней,—то всѣми въ настоящее время признано, что свѣтъ задерживаетъ ихъ развитіе, а при достаточной интенсивности и продолжительности, даже убиваетъ ихъ, дѣйствуя, такимъ образомъ, часто сильнѣе холода, водяныхъ паровъ и цѣлаго ряда обеззараживающихъ веществъ. Отсюда уже намъ является понятнымъ значеніе свѣта въ лѣченіи болѣзней. Въ 1877 г. Downes & Buut первые доказали, что разсѣянный дневной свѣтъ задерживаетъ ростъ бактерій, а солнечный, непосредственно на нихъ дѣйствующій, убиваетъ ихъ. Хмелевскимъ было констатировано аналогичное дѣйствіе электрическаго свѣта. По наблюденію Kitasato, бациллы сибирской язвы погибали черезъ 3—4 часа непосредственнаго дѣйствія на нихъ солнечнаго свѣта, приблизительно то-же было доказано Koch'омъ для чахоточныхъ палочекъ, Гейслеромъ для тифозныхъ, дифтеритныхъ и др.

Попытки Esmarch'а въ 1894 г. дезинфецировать солнечнымъ свѣтомъ различный больничный матеріалъ, приходившій въ соприкосновеніе съ заразными больными, не удались только въ томъ смыслѣ, что дезинфецировались части, только непосредственно подвергавшіяся дѣйствію лучей, бактеріи же, находившіяся въ глубинѣ матеріала и защищенныя, такимъ образомъ, отъ свѣта, оставались въ живыхъ. Sonderegger утверждаетъ, что испаренія понтинскихъ болотъ особенно опасны ночью, когда солнце не проявляетъ своего дезинфецирующаго дѣйствія. Bouchner нашелъ, что вода, которая содержала до 100,000 зародышей кишечной палочки (bacillus colicommunis) въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ, черезъ часъ дѣйствія на нее солнечнаго свѣта уже не содержала ни одного.

Знаменитый берлинскій гигіенистъ Rubner говоритъ: „въ малярійныхъ мѣстностяхъ наиболѣе опасными являются тѣ мѣста дома, которыя недоступны непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей".

И здѣсь точно такъ же, какъ и на растенія, дѣйствіе лучей различныхъ частей спектра разнится въ производимомъ имъ эффектѣ. Свѣтъ очищаетъ атмосферу, убивая встрѣчающихся ему на пути бактерій и способствуетъ болѣе сильному окисленію органическихъ веществъ. Годневъ замѣтилъ, что въ мясѣ, находящемся на свѣту, скорѣе развиваются черви, чѣмъ въ темнотѣ.

Пропуская свѣтъ черезъ разноцвѣтныя стекла или растворы нѣкоторыхъ химическихъ веществъ, поглощающихъ или пропускающихъ тѣ или иные лучи, нашли, что, напримѣръ, красные и

желтые лучи оставались безъ особеннаго дѣйствія на искусственныя разводки бактерій, зеленые—задерживали ихъ развитіе, а фіолетовые и ultra-фіолетовые убивали ихъ.

Гейслеръ на разводкахъ бактерій брюшного тифа убѣдился, что ростъ ихъ постепенно ослаблялся по мѣрѣ перехода отъ красныхъ лучей спектра къ фіолетовымъ. Итальянскими бактеріологами доказано въ послѣднее время, что вмѣстѣ съ задержкой бактерій въ ростѣ идетъ параллельное ослабленіе ихъ вирулентности, ихъ живучести. Животный организмъ, вступая въ борьбу съ бактеріями, подвергшимися дѣйствію свѣта, легче одерживаетъ надъ ними побѣду, чѣмъ надъ предварительно неослабленными. Опыты надъ холерой, туберкулезомъ и столбнякомъ дали аналогичные результаты въ этомъ отношеніи. Віе въ 1897 г. пришелъ къ тѣмъ же результатамъ въ своихъ опытахъ надъ дѣйствіемъ концентрированнаго (до 6,000 норм. свѣчей) электрическаго свѣта. Даже на глубинѣ 1—2 метровъ находящіяся въ водѣ культуры бактерій гибли подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта, откуда мы заключаемъ о громадной роли солнца въ дѣлѣ ассенизаціи рѣкъ, не говоря уже про судьбу тѣхъ микроорганизмовъ, которые тамъ и здѣсь непосредственно попадаютъ подъ лучи его.

Работы цѣлаго ряда авторовъ, производившихъ свои изслѣдованія надъ разнообразными представителями животнаго царства, показываютъ единогласно прежде всего усиленіе общаго обмѣна веществъ на основаніи усиленнаго пріема кислорода и выдѣленія угольной кислоты. Еще классическими опытами Moleschott'а въ 1855 г. установлено, что лягушки на свѣту выдѣляютъ на $^1/_{12}$—$^1/_4$ болѣе угольной кислоты, чѣмъ тѣ-же лягушки въ темнотѣ при той же температурѣ; при этомъ же было констатировано усиленіе мускульной и нервной энергіи. Что свѣтъ вліяетъ на организмъ не только черезъ органъ зрѣнія, но и черезъ внѣшніе покровы, показываютъ опыты надъ животными, которыя, будучи тѣмъ или инымъ путемъ лишены глазъ, на свѣту всегда выдѣляли больше углекислоты, чѣмъ въ темнотѣ; то же самое происходитъ и съ животными, которыя, какъ, напр., дождевые черви, устрицы и др., совсѣмъ ихъ не имѣютъ. Кожа, какъ показали опыты надъ вырѣзанными и отдѣленными отъ нервной системы кусочками, испытываетъ подъ вліяніемъ свѣта, даже когда выключены тепловые лучи, усиленный обмѣнъ веществъ. Животныя днемъ на свѣту испытываютъ бо́льшую потерю въ вѣсѣ, почему и ѣдятъ больше, чѣмъ въ темнотѣ при такихъ же условіяхъ, что указываетъ на усиливающееся потребленіе организма, съ другой стороны выражающееся въ увеличенномъ выдѣленіи азота и мочи. Летучія мыши во время зимней спячки начинаютъ выдѣлять дыханіемъ значительно больше угольной кислоты, если ихъ освѣтить, даже въ томъ случаѣ, когда онѣ не пробуждаются отъ сна. Интересенъ и поучителенъ опытъ Heine, который замѣтилъ, что раки, по-

крытые непрозрачнымъ для свѣта лакомъ, погибали; покрытые же прозрачнымъ—оставались въ живыхъ.

Съ другой стороны, пребываніе въ темнотѣ способствуетъ замедленію обмѣна веществъ, образованію и отложенію жира. Сельскіе хозяева знаютъ хорошо, насколько находящіяся въ темнотѣ животныя быстрѣе толстѣютъ и прибываютъ въ вѣсѣ по сравненію съ находящимися на свѣту. Правда, если отсутствіе свѣта съ другой стороны, соединено съ физическимъ трудомъ, то мы этого явленія не замѣчаемъ, какъ это видно, напр., на лошадяхъ, работающихъ подъ землею въ угольныхъ копяхъ и десятками лѣтъ не видящихъ свѣта. Не лишено интереса вліяніе свѣта, на развитіе тѣхъ или иныхъ представителей животнаго царства. Безъ свѣта головастики, напр., хотя и могутъ достигнуть своего полнаго развитія и даже превратиться въ лягушекъ, но это превращеніе сильно замедляется и въ темнотѣ многіе головастики упорно сохраняютъ свою первоначальную форму (Эдварсъ, Гиггинботомъ). Если перерѣзать у нѣсколькихъ лягушекъ нервъ, приводящій въ движеніе заднюю ногу, и затѣмъ часть этихъ лягушекъ подвергать дневному свѣту, другую же часть оставлять въ темной комнатѣ, то легко убѣдиться въ томъ, что у лягушекъ, пользовавшихся дневнымъ свѣтомъ, движеніе въ оперированной ногѣ возстановляется гораздо раньше, чѣмъ у оставленныхъ въ темнотѣ. Если, дальше, у извѣстнаго числа рыбокъ отрѣзать часть верхней или нижней половины хвоста и потомъ нѣкоторое количество этихъ рыбокъ держать въ свѣтлой комнатѣ, а другихъ оставлять въ темнотѣ, то оказывается, что у первыхъ отрѣзанная часть хвоста вырастаетъ почти вдвое скорѣе, чѣмъ у послѣднихъ (Годневъ). Наконецъ, раны, наносимыя различнымъ животнымъ, подъ вліяніемъ свѣта зарубцовываются гораздо скорѣе, чѣмъ въ темнотѣ. Рога, ногти, волосы лѣтомъ растутъ быстрѣе, чѣмъ зимой. Такимъ образомъ свѣтъ не только способствуетъ нормальному физическому развитію и росту животныхъ, но и содѣйствуетъ болѣе быстрому возстановленію тканей искусственно разрушенныхъ; темнота-же, наоборотъ, задерживаетъ развитіе и замедляетъ возстановленіе разрушенныхъ тканей. И здѣсь тѣ или иные виды лучей не остаются одинаковыми по производимому ими эффекту: химически-дѣйствующіе лучи спектра заставляютъ головастиковъ двигаться гораздо оживленнѣе, а по изслѣдованіямъ Lubbock муравьи реагируютъ даже на неощутимые человѣческимъ глазомъ ultra-фіолетовые лучи; не имѣющіе органовъ зрѣнія дождевые черви всегда стараются помѣститься въ красныхъ лучахъ спектра. Интересно измѣненіе въ цвѣтѣ внѣшнихъ покрововъ нѣкоторыхъ животныхъ, напр., чернильной рыбы, хамелеона, лягушекъ подъ вліяніемъ измѣненія интенсивности свѣта. Bert, покрывъ заднюю половину хамелеона синимъ, а переднюю краснымъ стекломъ и выставивъ его подъ лучи солнца, увидѣлъ, что передняя поло-

вина его быстро сдѣлалась темно-зеленою, а задняя осталась безъ перемѣны. Красящее вещество, заключающееся въ спеціальномъ слоѣ кожи, можетъ подъ вліяніемъ сокращенія клѣточекъ этого слоя или особыхъ спеціальныхъ маленькихъ мышцъ измѣнять цвѣтъ животнаго отъ бѣлаго до чернаго со всѣмъ рядомъ промежуточныхъ переходныхъ оттѣнковъ; такъ, если, напр., хамелеона, продержаннаго нѣкоторое время въ темнотѣ, постепенно начать подвергать все болѣе и болѣе интенсивному дѣйствію свѣта, то видно какъ его покровы мало-по-малу принимаютъ все болѣе темный цвѣтъ. Красящее вещество это, извѣстное подъ именемъ пигмента, бываетъ всегда лѣтомъ и на югѣ выражено сильнѣе, чѣмъ зимой и на сѣверѣ. Насколько хорошо кожный пигментъ предохраняетъ организмъ отъ проникновенія въ него лучей, видно изъ остроумнаго опыта Бубнова, который, растянувъ кусочекъ кожи лягушки на свѣточувствительной бумагѣ, убѣдился, что почернѣніе бумаги появилось только на мѣстахъ отсутствія пигмента. Лучшее же доказательство значенія пигмента представляетъ то обстоятельство, что солнечный ожогъ кожи можетъ происходить почти исключительно только на мѣстѣ, гдѣ послѣдняя его лишена. Образуется пигментъ изъ крови, въ которой, по наблюденію Bang'a, подъ вліяніемъ сильнаго свѣта, часть кровяныхъ шариковъ распадается на мелкія частички, служащія матеріаломъ, изъ котораго образуется красящее вещество. Pichard сообщаетъ, что мыши, послѣ продолжительнаго пребыванія въ темнотѣ, производятъ бѣлое потомство. Кондратьевъ въ своей диссертаціи (1880 г.) указываетъ, что животныя съ искусственнымъ зараженіемъ крови замѣтно лучше переносили заболѣваніе подъ вліяніемъ бѣлаго и фіолетоваго свѣта, между тѣмъ какъ темнота, красный и зеленый свѣтъ значительно ухудшали процессъ. Въ этомъ трудѣ уже отчасти лежитъ фундаментъ для работъ Finsen'a о бактереубивающемъ свойствѣ химическихъ лучей и значеніи его для практики.

II.

Дѣйствіе свѣта на человѣка.

Изъ вышеизложеннаго можно себѣ до нѣкоторой степени составить представленіе уже и о значеніи свѣта для человѣка. Какъ и свѣжій воздухъ, онъ является необходимымъ условіемъ для правильнаго развитія ребенка, и всѣмъ извѣстно, что отсутствіе этихъ факторовъ и является одной изъ главныхъ причинъ проявленія цѣлаго ряда заболѣваній, изъ которыхъ назовемъ хоть рахитъ, золотушку, малокровіе, въ свою очередь являющихся почвой для еще болѣе тяжелыхъ формъ болѣзни. Не менѣе необходимъ онъ и для взрослаго.

Свѣтъ дѣйствуетъ на организмъ отчасти посредственно черезъ органъ зрѣнія, отчасти непосредственно—на внѣшніе покровы.

Въ то время какъ въ первомъ случаѣ свѣтовыя раздраженія сложнымъ путемъ мозговой дѣятельности обусловливаютъ повышеніе функцій кровеобращенія, дыханія и обмѣна веществъ, во второмъ—возбуждаются нервныя окончанія, заложенныя въ кожѣ, и рефлекторно, независимо отъ нашей воли, переносятъ свое возбужденіе на процессы ассимиляціи и дезассимиляціи. Тѣсная же зависимость между кожей и внутренними органами извѣстна намъ изъ другихъ областей клинической медицины, напр., водолѣченія, а путемъ опытовъ цѣлаго ряда изслѣдователей (Moleschott, v. Voit, v. Platen и др.) установленъ повышенный обмѣнъ веществъ подъ вліяніемъ дѣйствія свѣта. У человѣка неодѣтаго, поверхность тѣла котораго, слѣдовательно, болѣе доступна дѣйствію свѣтовыхъ лучей, обмѣнъ веществъ идетъ быстрѣе, чѣмъ у одѣтаго. Съ другой стороны, при дѣйствіи прямого солнечнаго свѣта констатированъ былъ болѣе энергичный обмѣнъ веществъ, чѣмъ въ разсѣянномъ дневномъ свѣтѣ. Ростъ дѣтей значительно замедляется во время бѣдныхъ солнечнымъ свѣтомъ зимнихъ дней. Этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, отчасти объясняется кретинизмъ и прочая физическая недоразвитость, такъ часто наблюдаемая среди жителей темныхъ, низко расположенныхъ горныхъ долинъ. Изслѣдованія Uffelmann'a и Demme'a показали, что средняя температура тѣла дѣтей, воспитывающихся въ темнотѣ, приблизительно на 0,5° С ниже пользующихся свѣтлыми помѣщеніями. А какова разница въ общемъ видѣ однолѣтокъ дѣтей, живущихъ въ деревнѣ, и воспитанниковъ нашихъ подваловъ, углекопа съ его зеленовато-сѣрой кожей и крестьянина хлѣбопашца! Старые люди съ пониженной жизненной энергію, малокровные, выздоравливающіе отъ тяжелыхъ изнурительныхъ болѣзней, вообще всѣ, страдающіе упадкомъ питанія, съ особенной жадностью тянутся къ свѣту и теплу. Недостатокъ въ свѣтѣ является, по мнѣнію цѣлаго ряда авторовъ, какъ, напр., Rubner'a, Grawitz'a, Zimmermann'a, одной изъ главныхъ причинъ происхожденія хлороза и анеміи. Замѣчено, что ростъ волосъ и ногтей усиливается днемъ и лѣтомъ по сравненію съ ночью и зимой.

Лица, лѣчившіяся отъ волчанки по способу Финзена (о чемъ будетъ ниже), могли замѣтить, что ростъ волосъ на мѣстахъ, подвергаемыхъ интенсивному дѣйствію свѣта, значительно усиливался. То-же самое могъ замѣтить на своихъ рукахъ и служащій персоналъ лѣчебницы Финзена, гдѣ эти части тѣла особенно часто освѣщались концентрированнымъ свѣтомъ. На основаніи этого наблюденія основано лѣченіе нѣкоторыхъ формъ плѣшивости. Не лишено значенія въ общей суммѣ всѣхъ производимыхъ свѣтомъ благопріятныхъ явленій вліяніе его на психику. Всѣмъ извѣстенъ веселый характеръ и подвижность, впечатлительность и легкая

возбудимость жителей юга. Часто видно насколько сильно нѣкоторыя впечатлительныя натуры реагируютъ своимъ настроеніемъ на ясное или заволокнутое тучами небо, что въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно выражается общею вялостью, пониженной работоспособностью, удрученнымъ состояніемъ духа, смѣняющимися противоположными чувствами въ яркій солнечный день. Всякій часто самъ на себѣ испытывалъ животворящее дѣйствіе солнечнаго луча, выходя изъ темнаго помѣщенія на освѣщенное солнцемъ, или когда лучъ свѣта прорывался, наконецъ, между облаками, что вѣроятно зависитъ отъ внезапнаго раздраженія нервныхъ окончаній въ глазѣ химическими лучами, передающагося центральной нервной системѣ. Гумпердинкъ на вопросъ, въ какое время онъ лучше всего можетъ композировать, отвѣтилъ: „громадное вліяніе имѣетъ на меня солнце, и я всегда выбираю свою рабочую комнату на югъ или востокъ“.

Ничше пишетъ своей сестрѣ: „Самымъ отвратительнымъ образомъ дѣйствуетъ на меня, какъ и въ послѣднюю зиму, исключительно скверная погода; при обложенномъ облаками небѣ, я, буквально, чувствую себя другимъ человѣкомъ, становясь сварливымъ и злымъ не только по отношенію къ себѣ, но также и по отношенію къ другимъ. Заратустра I и II—дѣтища свѣта и яснаго неба“. Интересно наблюденіе Weber'а духовной стороны жизни человѣка при недостаткѣ свѣта: „Тѣ изъ насъ, — говоритъ онъ,— кому приходится работать въ мѣстностяхъ, гдѣ солнце по цѣлымъ мѣсяцамъ закрыто туманомъ и облаками и рѣдко только свѣтитъ полнымъ свѣтомъ, чаще-же какъ-бы черезъ вуаль, имѣли случай наблюдать на пришельцахъ изъ другихъ мѣстностей различныя степени душевнаго угнетенія, потерю энергіи и аппетита, разстройство пищеваренія, мутность мочи, тоску по родинѣ—явленія, которыя, смотря по погодѣ и занятію, продолжаются изъ года въ годъ, разнообразясь въ своемъ проявленіи и дѣлая невозможнымъ акклиматизацію. Опытный наблюдатель можетъ здѣсь убѣдиться, что недостатокъ въ солнечномъ свѣтѣ играетъ большую роль въ этомъ состояніи, особенно когда, какъ это часто бываетъ, 1—3 свѣтлыя солнечныя недѣли значительно уменьшаютъ интенсивность всѣхъ явленій или даже даютъ возможность имъ совсѣмъ исчезнуть, чтобы опять вернуть ихъ при перемѣнѣ погоды“.

Во время длинной полярной ночи у путешественниковъ и даже жителей крайняго сѣвера наблюдалось душевное угнетеніе и умственная вялость. Nicolas сообщаетъ, что во время полярной экспедиціи, гдѣ ночь тянулась 142 сутокъ, кожа его и его товарищей приняла сѣровато-блѣдный цвѣтъ, быстро исчезнувшій при появленіи солнца. Лишеніе человѣка свѣта на болѣе продолжительное время часто вело къ душевнымъ болѣзнямъ, что наблюдалось въ тюрьмахъ и между слѣпыми.

Дѣйствіе солнечнаго свѣта на кожу человѣка, продолжающееся

болѣе или менѣе долгое время, выражается въ измѣненіи ея цвѣта, загарѣ, зависящемъ отъ образованія изъ крови красящаго вещества пигмента который иногда образуется равномѣрно на всей поверхности, подвергаемой лучамъ, иногда же пятнами, островками, такъ называемыми веснушками, особенно сильно появляющимися у рыжеволосыхъ, менѣе у бѣлокурыхъ. Какъ и у животныхъ, значеніе пигмента сводится здѣсь къ защитѣ отъ слишкомъ сильнаго дѣйствія химическихъ (фіолетовыхъ) лучей. Чѣмъ ближе къ экватору мы приближаемся, тѣмъ темнѣе становится окраска, переходя, наконецъ, въ совершенно черную у негровъ, вслѣдствіе усиливающейся потребности организма охранить себя отъ слишкомъ яркаго свѣта. Рѣзкую противоположность представляетъ сѣровато-блѣдная кожа жителей сѣвера людей, работающихъ въ отсутствіи свѣта, напр. углекоповъ; да и многія другія профессіи, даже интеллигентныя, напр. чиновники, обязанные сидѣть чуть не весь день въ полутемныхъ канцеляріяхъ, не отличаются здоровымъ цвѣтомъ внѣшнихъ покрововъ. Конечно, здѣсь играютъ нѣкоторую роль еще и другіе моменты. Всѣмъ хорошо извѣстна рѣзкая граница въ цвѣтѣ между покрытой и непокрытой одеждой частями кожи у людей, работающихъ на свѣжемъ воздухѣ, какъ, напр., земледѣльцевъ, матросовъ и т. д. При интенсивномъ дѣйствіи солнца, особенно на непривычную къ солнечному свѣту кожу, легко происходятъ измѣненія ея, неправильно называемыя солнечной ожогой; неправильно же потому, что причиной, ее вызывающей, являются не тепловые, а извѣстные уже намъ химическіе лучи, что и доказано было экспериментально Widmark'омъ и Homs'омъ, рука котораго, подвергнутая прямому дѣйствію солнечнаго свѣта, сильно болѣла и покрылась пузырями, въ то время какъ рука негра при тѣхъ же условіяхъ не показала какихъ-либо измѣненій. Между тѣмъ, какъ обыкновенные тепловые лучи обусловливаютъ очень быстрое появленіе красноты, въ большинствѣ случаевъ и быстро исчезающее и не оставляющее послѣ себя какихъ либо измѣненій, при „ожогѣ" солнцемъ покраснѣніе кожи наблюдается только послѣ нѣсколькихъ часовъ, болѣзненно при дотрогиваньи и исчезаетъ очень медленно при явленіяхъ шелушенія и развитія пигментаціи; иногда дѣло можетъ дойти даже до образованія пузырей.

Какъ близки лучи вольтовой дуги по своему составу съ солнечными, такъ-же близки они и по производимому на кожу дѣйствію. Рабочіе, находившіеся продолжительное время подъ вліяніемъ свѣта вольтовой дуги, получали измѣненія кожи, аналогичныя съ измѣненіями, происходящими отъ солнечныхъ лучей, въ то время, какъ рабочіе, находившіеся подъ вліяніемъ очень высокихъ температуръ, напр., на сталелитейныхъ, стеклянныхъ и др. заводахъ, измѣненій кожи не представляли. Точно также „ожоги", получаемые въ глетчерахъ, ледникахъ полярныхъ мѣстностей и на вершинахъ покрытыхъ снѣгомъ горъ, объясняются дѣйствіемъ

отраженныхъ отъ льда и снѣга солнечныхъ лучей; при этомъ замѣчено, что болѣе пигментированныя лица рѣже подвергались ожогамъ. Рейхъ, напр., сообщаетъ, что всѣ 70 рабочихъ, занимавшихся на снѣжной вершинѣ Гудаура, заболѣли глазами отъ сильнаго отраженнаго свѣта.

Особенная же интенсивность дѣйствія лучей въ означенныхъ мѣстностяхъ объясняется, отчасти, болѣе короткимъ путемъ, проходимымъ лучемъ, и вслѣдствіе этого не такимъ сильнымъ поглощеніемъ атмосферой и другими средами химическихъ лучей, а отчасти сильнымъ отраженіемъ отъ снѣговой поверхности особенно ultra-фіолетовыхъ лучей.

Въ противоположность же фіолетовымъ лучамъ тепловые задерживаются атмосферой значительно слабѣе. Чѣмъ чище воздухъ, когда химическіе лучи менѣе всего теряютъ при прохожденіи черезъ атмосферу, какъ, напр., на мѣстностяхъ, расположенныхъ высоко надъ уровнемъ моря, въ особенности при свѣже-выпавшемъ снѣгѣ, тѣмъ и сильнѣе будетъ дѣйствіе химическихъ лучей солнца. Теряютъ свою интенсивность химическіе лучи также при прохожденіи черезъ нѣкоторые химическіе растворы, напр., хинина, черезъ темныя матеріи и нѣкоторыя цвѣтныя, напр., красныя и зеленыя. Жители острова Фиджи и Марокко, отправляясь на рыбную ловлю и другія занятія, сопряженныя съ пребываніемъ подъ лучами солнца, закрашиваютъ свое тѣло въ черный цвѣтъ и такимъ образомъ предохраняютъ свою кожу отъ воспаленій. Еще болѣе удобнымъ является отложеніе пигмента, о чемъ уже было сказано выше. Если-же темные цвѣта и привлекаютъ тепло къ кожѣ, то кожа легко освобождается отъ излишняго перегрѣванія путемъ потоотдѣленія, такъ какъ потъ, испаряясь, производитъ охлажденіе.

Насколько свѣтъ глубоко проникаетъ въ ткани, даетъ намъ понятіе повседневный опытъ ощущенія перехода свѣта въ темноту при закрытыхъ глазахъ, нѣкоторая прозрачность пальцевъ, когда ихъ держатъ передъ сильнымъ источникомъ свѣта. Введеніе электрической лампы въ полость желудка даетъ намъ возможность составить нѣкоторое представленіе о границахъ этого органа; взятая въ ротъ электрическая лампочка пропускаетъ свѣтъ черезъ кости верхней челюсти и ея полости, что служитъ для распознаванія нѣкоторыхъ болѣзненныхъ состояній послѣдней. Что кровь сильно поглощаетъ свѣтъ, показываетъ слѣдующій опытъ Finsen'a: черезъ ушную раковину, зажатую между двумя стеклянными пластинками, чтобы выдавить находящуюся тамъ кровь, пропускался свѣтъ, а на другой сторонѣ раковины помѣщалась свѣточувствительная фотографическая пластинка, которая въ такомъ случаѣ чернѣла и, наоборотъ, оставалась безъ измѣненія, если свѣтъ проходилъ черезъ несдавленную пластинками раковину.

Подобные же опыты были поставлены Onimus'омъ съ ладонью. Ляписъ, по опытамъ Годнева, заключенный въ стеклянныя трубочки и положенный подъ кожу животныхъ, чернѣлъ вслѣдствіе проходимости кожи для лучей. Еще болѣе интересные опыты произвелъ Kime. Къ обнаженной спинѣ здороваго субъекта онъ плотно привязывалъ чернымъ платкомъ фотографическую свѣточувствительную пластинку, а между нею и кожей помѣщалъ еще стеклянную съ нарисованнымъ на ней ландшафтомъ. Вся процедура продѣлывалась въ темной комнатѣ и принимались предосторожности, чтобы свѣтъ раньше времени не испортилъ пластинку. Послѣ этого на грудь субъекта помощью вогнутаго зеркала, концентрирующаго лучи, направлялся солнечный свѣтъ, и послѣ 15 минутнаго дѣйствія его на фотографической пластинкѣ вполнѣ отчетливо вырисовывался помѣщенный передъ нею рисунокъ. Такимъ образомъ, свѣтъ здѣсь, пройдя черезъ толщу всей грудной клѣтки съ находящимися въ ней костями, мышцами, органами, кровью и т. д., имѣлъ всетаки достаточно энергіи, чтобы произвести измѣненія на свѣточувствительной пластинкѣ. Подобнаго рода опыты, продѣланные и надъ другими частями тѣла, также показали ихъ проходимость для свѣта, при чемъ выяснилось, что легче всего свѣтъ проходитъ черезъ кости, затѣмъ черезъ мышцы и труднѣе всего черезъ кожу. На основаніи этихъ опытовъ авторъ началъ примѣнять концентрированный свѣтъ къ лѣченію чахотки легкихъ, подвергая обнаженную грудь больныхъ два раза въ день освѣщенію упомянутымъ образомъ, въ надеждѣ на бактереубивающую силу лучей и, по его словамъ, имѣлъ успѣхъ. Количество гемоглобина, главной составной части крови (нѣсколько соотвѣтствующаго по своему значенію хлорофиллю въ растительномъ царствѣ), стоитъ въ зависимости отъ свѣта. Развитіе хлороза у дѣвушекъ нѣкоторыми авторами ставится отчасти въ зависимость отъ недостаточнаго пользованія свѣтомъ. Женщины на дальнемъ сѣверѣ живущихъ племенъ на время поступленія длинныхъ, бѣдныхъ свѣтомъ полярныхъ ночей теряютъ способность менструировать. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, замѣчается и вредное дѣйствіе свѣта. Лица, подвергавшіяся продолжительное время непосредственному дѣйствію лучей, заболѣвали воспаленіемъ той или иной части глаза, кожи, мозговыхъ оболочекъ, что вело къ душевнымъ болѣзнямъ. Это было извѣстно еще и древнимъ: Галилей, говорятъ, ослѣпъ, наблюдая солнечныя пятна. Часто наблюдается воспаленіе глазъ у лицъ, завѣдывающихъ регулировкою вольтовой дуги. Оспа протекаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ (Piorry, Barlow, Finsen и др.), въ присутствіи свѣта тяжелѣе.

III.

Лѣченіе свѣтомъ. Солнечныя ванны.

Еще Гиппократъ настаивалъ, чтобы помѣщенія для больныхъ были возможно свѣтлы и просторны. Ежедневный врачебный опытъ подтверждаетъ громадное значеніе свѣта для больныхъ и выздоравливающихъ отъ перенесенныхъ тяжелыхъ болѣзней. Гигіеной въ настоящее время выработанъ цѣлый рядъ указаній, относящихся къ постройкѣ какъ отдѣльныхъ помѣщеній, такъ и цѣлыхъ селеній, имѣющихъ цѣлью наиболѣе выгодную эксплоатацію свѣта. Тотъ же Гиппократъ перечисляетъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ состояній, при которыхъ, по его мнѣнію, лѣченіе свѣтомъ приноситъ пользу. Древніе греки и римляне устраивали на крышѣ своихъ домовъ такъ называемые solarium'ы, гдѣ они голыми, подъ непосредственными лучами солнца, проводили часть своего времени, о чемъ намъ передаетъ Плиній младшій (62—114 по Р. Хр.). Галенъ еще въ 2 вѣкѣ по Р. Хр. считалъ климатическое лѣченіе лучшимъ средствомъ для борьбы съ чахоткою. Oribasius (лейбъ-медикъ Юліана) уже практиковалъ тотъ методъ леченія, который теперь, къ сожалѣнію, лишь медленно завоевываетъ себѣ права гражданства — солнечныя или песочныя, нагрѣтыя солнцемъ ванны съ послѣдующимъ примѣненіемъ водолѣчебныхъ процедуръ. Арабскій врачъ и философъ Avicenna еще 900 лѣтъ тому назадъ училъ, что люди, работающіе на свѣжемъ воздухѣ подъ лучами солнца, являются застрахованными отъ цѣлаго ряда заболѣваній—истина, еще до сихъ поръ не проникшая достаточно глубоко въ сознаніе людей даже часто интеллигентныхъ. Жители Суматры до сихъ поръ употребляютъ солнечный свѣтъ какъ потогонное.

Простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остроуменъ раціональный совѣтъ Hufeland'а лечить свѣтомъ болѣзни, развившіяся подъ вліяніемъ недостатка въ свѣтѣ, какъ, напр., золотуха. Emmet (1879) и Снегиревъ видѣли хорошее дѣйствіе солнечныхъ ваннъ при болѣзняхъ матки и ея придатковъ. Сильный толчокъ лѣченію свѣтомъ далъ одинъ швейцарскій знахарь Rikli, устроившій спеціальное лѣчебное заведеніе въ Швейцаріи, въ одной изъ наиболѣе живописныхъ мѣстностей своей родины. Въ настоящее время солнечныя ванны примѣняются главнымъ образомъ при болѣзняхъ обмѣна веществъ, а также цѣломъ рядѣ другихъ, какъ, напр., ожирѣніе, подагра, хроническій ревматизмъ, хлорозъ, малокровіе, невралгія, особенно сѣдалищная, золотуха, позднія формы сифилиса, кожныя болѣзни, неразсосавшіеся эксудаты и др. Разумѣется, назначеніе должно производиться врачемъ и процедура, особенно пер-

вые разы, подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Температура тѣла сплошь и рядомъ во время подобныхъ процедуръ поднимается до 39—40° С и даже выше, кожа краснѣетъ (позднѣе пигментируется), является обильное потоотдѣленіе, пульсъ учащается и дѣлается напряженнѣе,—все это явленія, которыя далеко не безразличны для человѣка со слабымъ сердцемъ, перерожденными кровеносными сосудами, стариковъ и т. д. Нѣкоторыя лица настолько чувствительны къ свѣту, что часто уже въ началѣ сеанса наступаетъ головокруженіе, головная боль, обморочное состояніе, безсонница, явленіе разслабленія, или, напротивъ, возбужденія, воспаленіе кожи, о чемъ уже было говорено, и т. д. Такимъ лицамъ солнечныя ванны могутъ быть даже противопоказаны или при примѣненіи ихъ надо соблюдать рядъ предосторожностей, какъ, напр., постепенное пріученіе непродолжительными сеансами, завертываніе въ простыни и т. д. Продолжительность ванны въ среднемъ отъ $^1/_4$ до 1 часа съ большими колебаніями въ ту и другую сторону, что зависитъ отъ организаціи паціента, интенсивности свѣта въ данное время года и часа, влажности воздуха, мѣстоположенія, привычки къ лѣченію и т. д. Въ продолженіе сеанса или послѣ ванны паціентъ обыкновенно охлаждается водою тѣмъ или инымъ способомъ и, если это потребуется, то вторично согрѣвается, дѣлая легкія гимнастическія упражненія или опять, уже одѣвшись, подвергаясь на короткое время лучамъ солнца. Какъ послѣ всякой другой потогонной ванны, общее самочувствіе значительно повышается, чувствуется общее поднятіе силъ, бодрость, усиленіе аппетита, кажется, что какъ-то молодѣешь...

Дѣйствіе солнечной ванны сводится къ усиленію нормальной дѣятельности кожи—потоотдѣленію, вмѣстѣ съ чѣмъ выдѣляются изъ организма бактеріи, органическія кислоты, вредныя для него, и др. вещества; обмѣнъ веществъ ускоряется, количество тканевой жидкости уменьшается, кожа улучшается въ своемъ питаніи и освобождается отъ находящихся на ней лишнихъ постороннихъ примѣсей, какъ, напр., грязь, остатки кожицы, осадковъ, солей, чѣмъ доставляется возможность кожѣ опять начать правильно функціонировать. Сюда нужно еще прибавить все то, что сказано было о значеніи свѣта для нервной системы, о вліяніи свѣта на бактерій и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, когда внѣшняя температура не позволяетъ быть на открытомъ воздухѣ, устраиваютъ крытыя стеклянныя галлереи, нѣчто въ родѣ фотографическихъ atelier, гдѣ отопленіе компенсируетъ внѣшній холодъ.

IV.

Воздушныя ванны. (Luftbad).

Этотъ методъ физическаго лѣченія состоитъ въ томъ, что больной ежедневно нѣкоторое время проводитъ въ легкомъ купальномъ костюмѣ на свѣжемъ воздухѣ, въ разсѣянномъ свѣтѣ, постепенно пріучаясь переносить настолько низкія температуры, что даже является возможнымъ продолжать лѣченіе зимой подъ падающимъ снѣгомъ. Температура, впрочемъ, должна всегда быть нѣсколькими градусами выше 0. Разумѣется, подобное пріученіе организма къ перемѣнамъ и капризамъ погоды, колеблющейся между еле переносимой жарой и нѣсколькими градусами тепла, съ вѣтромъ и снѣгомъ, происходитъ осторожно и постепенно. Начинаютъ, обыкновенно, лѣченіе въ комнатѣ, при обычной температурѣ, которая постепенно понижается въ послѣдующіе дни, пока не явится возможность, наконецъ, ввести паціента въ спеціально для того устроенную общую воздушную ванну, которая представляетъ изъ себя обыкновенно болѣе или менѣе живописный кусочекъ парка или лѣса величиною около $^1/_2$—1 десятины, обнесенный сплошнымъ непроницаемымъ для глаза высокимъ заборомъ изъ досокъ или парусины. Обычно устраиваются 3 отдѣльныхъ ванны: для женщинъ, для мужчинъ и для дѣтей. Чтобы избѣжать излишняго охлажденія и покрыть расходъ теплоты, въ прохладное время въ этой „ваннѣ“ для разнообразія рекомендуемаго усиленнаго хожденія, бѣга и т. д., поставлены гимнастическіе аппараты и подвижныя игры. Для бо́льшаго же удобства публики разставлена различнаго рода и фасона мебель, развѣшены гамаки, иногда устраивается холодный душъ для освѣженія въ лѣтнее жаркое время. Тому, кто входитъ въ воздушную ванну въ первый разъ, она представляется обыкновенно очень комичною: масса голыхъ тѣлъ всевозможныхъ величинъ въ различнѣйшихъ положеніяхъ: одни крутятся на какой-нибудь трапеціи, другія мирно разговариваютъ, качаясь въ гамакѣ, третій читаетъ газету, нимало не стѣсняясь, закинувъ по англійски ноги выше головы, четвертый пыхтитъ, стоя подъ холоднымъ душемъ и т. д. Благодаря своему нѣжному дѣйствію, воздушная ванна въ хорошій лѣтній день продолжается по нѣсколько часовъ, чередуясь съ другими методами лѣченія. Разбираясь въ дѣйствіи воздушной ванны на организмъ, мы, кромѣ дѣйствія разсѣяннаго свѣта, сталкиваемся еще съ вопросомъ о непосредственномъ дѣйствіи атмосфернаго воздуха на организмъ. Подъ вліяніемъ этихъ факторовъ, а также отсутствія одежды, въ большинствѣ случаевъ тормозящей правильныя функціи кожи, дѣятельность послѣдней вы-

ступаетъ во всей ея полнотѣ: кровь усиленно притекаетъ и придаетъ ей болѣе здоровый и упругій видъ, потоотдѣленіе и кожное дыханіе совершается безпрепятственно, чувство осязанія, по наблюденію Великаго, подъ вліяніемъ свѣта дѣлается тоньше. Пріученіе сосудовъ кожи быстро реагировать (расширяться или сужаться) на измѣненія температуры, представляемыя ей окружающей атмосферой, закаливаетъ организмъ и предохраняетъ его отъ простуды, что такъ важно для лицъ, наклонныхъ къ ревматическимъ и катарральнымъ заболѣваніямъ. Потеря тепла происходитъ преимущественно болѣе равномѣрнымъ для организма путемъ—излученіемъ; теплопотеря же путемъ прикосновенія—теплопроведеніе, напр. одежды, въ интересующемъ насъ случаѣ путь далеко не столь равномѣрный и стоящій въ зависимости отъ случайности, отъ большей или меньшей теплопроводности данной части одежды, ея влажности и т. д. Путемъ охлажденія организма повышается разложеніе жира, почему воздушныя ванны и были предложены для лѣченія тучности. Застой крови и недостаточно энергичная ея циркуляція во внутреннихъ органахъ устраняется здѣсь путемъ привлеченія ея къ кожѣ.

Дѣятельность почекъ значительно облегчается вслѣдствіе усилившагося потоотдѣленія. Дыханіе, кровеобращеніе, пищевареніе, мочеотдѣленіе и проч. функціи отчасти путемъ рефлекторнаго раздраженія со стороны кожи болѣе или менѣе холоднымъ воздухомъ, отчасти вслѣдствіе усиленной потери воды организмомъ путемъ испаренія, а также движенія на воздухѣ—дѣлаются болѣе энергичными. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ здѣсь усиленіе функціи и повышеніе обмѣна веществъ не одной только кожи, но вообще всего организма. Нѣкоторые народы, находящіеся на низкой степени культуры, еще до насъ инстинктивно поняли и оцѣнили значеніе воздушныхъ ваннъ. Нансенъ, во время своего путешествія по Гренландіи видѣвшій, какъ эскимосы въ своихъ согрѣтыхъ рыбьимъ жиромъ палаткахъ снимали съ себя свою тяжелую, изъ звѣриныхъ шкуръ состоящую, одежду и оставались нѣкоторое время нагими, даетъ намъ въ этомъ отношеніи интересный матеріалъ. Не могу отказать себѣ привести дословно это описаніе Нансена: „Первое, что привлекло мое вниманіе, это была масса голыхъ тѣлъ, которыя сидѣли, лежали, стояли кругомъ въ палаткѣ. Всѣ они носили „nätit“, нѣчто вродѣ купальныхъ панталонъ, но онъ такъ малъ, что для непривычнаго глаза былъ почти совсѣмъ не замѣтенъ. Состоитъ онъ изъ узкой ленты вокругъ поясницы, которая у женщинъ сходитъ почти на нѣтъ. О ложномъ стыдѣ здѣсь не было и помину и непринужденность въ ихъ обращеніи другъ съ другомъ была нѣсколько странна для насъ, привыкшихъ къ европейскимъ нравамъ. Нѣкоторые изъ насъ покраснѣли, когда увидѣли, какъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и парней, одновременно войдя съ нами въ палатку

(которая предназначается для 4-хъ—5-ти семействъ), нисколько не стѣсняясь, раздѣлись, надѣли nätit и заняли мѣста вокругъ огня. Оригинальное зрѣлище представилось намъ, когда одна молодая мать, снявъ съ себя платье, подползла на своемъ ложѣ къ своему ребенку, лежащему также совершенно нагимъ, и, наклонившись надъ нимъ на всѣхъ четырехъ, стала давать грудь. Эта сцена была такъ трогательно-естественна, такъ материнскинѣжна, что на всякаго зрителя, который не былъ пропитанъ условными европейскими правилами приличія, должна была произвести глубокое впечатлѣніе. Пробывъ нѣкоторое время въ такомъ положеніи и, повидимому, нѣсколько озябнувъ, она растянула надъ собой и ребенкомъ нѣчто вродѣ одѣяла изъ тюленьей шкуры". Язычники-эскимосы по опыту, преданію или инстинкту знаютъ, что кожа, какъ выдѣлительный органъ, подъ непроницаемой одеждой изъ шкуръ не можетъ правильно функціонировать, почему и стараются компенсировать этотъ недостатокъ временнымъ пребываніемъ нагими въ теплыхъ палаткахъ. Одной изъ причинъ вымиранія отъ чахотки жителей западной части Гренландіи, состоящей теперь подъ владычествомъ датчанъ, Нансенъ считаетъ то обстоятельство, что вмѣстѣ съ проникновеніемъ европейскихъ обычаевъ исчезли воздушныя ванны и жители теперь живутъ въ каменныхъ домахъ или, вѣрнѣе, въ пещерахъ. Употребляемая нами одежда, хотя, правда, и не похожа на звѣриныя шкуры, однако, въ вышеуказанномъ смыслѣ не очень-то далеко ушла отъ нихъ. Плохо проницаемая для воздуха матерія, крахмальныя рубашки, лощеныя, пропитанныя клейстеромъ подкладки являются, какъ и звѣриныя шкуры, плохо проницаемыми для воздуха, слѣдствіемъ чего является неравномѣрная дѣятельность кожи, излишняя ея изнѣженность и легкая предрасположенность ко всякаго рода заболѣваніямъ, особенно простуднаго характера.

V.

Лѣченіе электрическимъ свѣтомъ.

Лѣченіе электрическимъ свѣтомъ примѣняется въ видѣ процедуръ, дѣйствующихъ на весь организмъ (общее лѣченіе) и въ видѣ процедуръ, имѣющихъ цѣлью воздѣйствовать на одну какую-нибудь больную часть организма (мѣстное лѣченіе). Къ первому принадлежатъ электрическія свѣтовыя ванны, введенныя въ практику американскимъ врачемъ Kellog'омъ. Состоятъ онѣ изъ большого восьмиграннаго деревяннаго ящика, внутреннія стѣнки котораго выложены зеркаломъ или бѣлыми фаянсовыми плитками, или даже оклеены бѣлой глазированной бумагой, а вдоль по ребрамъ ящика помѣщены обыкновенныя электрическія лампочки, число которыхъ въ среднемъ достигаетъ 50, со свѣтомъ въ 800

норм. свѣчей. Паціентъ сидитъ въ ваннѣ на стулѣ, покрытомъ простыней, голова же помѣщается внѣ ящика. Интенсивность освѣщенія регулируется или при помощи реостата, или при помощи выключенія или включенія бо̀льшаго или меньшаго количества лампъ, при помощи которыхъ температура можетъ быть поднята до 70° С. Изслѣдованіе больного, цѣлый рядъ предосторожностей предшествуетъ процедурѣ. Назначается этотъ родъ ваннъ при всѣхъ тѣхъ же заболѣваніяхъ, при которыхъ назначаются потогонныя ванны, напр., простудныхъ болѣзняхъ, ревматизмѣ, бронхитахъ, болѣзни почекъ, невральгіяхъ, отравленіяхъ металлами, подагрѣ, гдѣ желательно вызвать болѣе энергичный обмѣнъ веществъ, ожирѣніи и т. д. Кромѣ того, какъ всѣмъ потогоннымъ ваннамъ, электрической свѣтовой приписывается, вообще, профилактическая роль, т. е. свойство предупреждать, отклонять заболѣванія.

Цѣлый рядъ заболѣваній съ другой стороны, какъ, напр., легкихъ, сердца, кровеносныхъ сосудовъ и другіе, не позволяетъ пользоваться этимъ методомъ лѣченія или только подъ строгимъ наблюденіемъ врача. Дѣйствіе свѣтовой ванны состоитъ въ томъ, что она вслѣдствіе сильнаго излученія и скопленія теплоты, а вѣроятно, и непосредственнаго раздраженія кожныхъ нервовъ свѣтомъ, производитъ потоотдѣленіе. Въ то время какъ въ обыкновенныхъ паровыхъ и суховоздушныхъ ваннахъ теплота сообщается тѣлу путемъ проведенія, соприкосновенія, здѣсь сообщается она путемъ излученія, усиливающагося еще отраженіемъ отъ блестящихъ поверхностей. Kellog полагаетъ, что теплота послѣдняго рода глубже проникаетъ въ ткани организма и сильнѣе раздражаетъ окончанія кожныхъ нервовъ и потовыя железы. Сравнительно низкія температуры, напр. +20° С., т. е. обыкновенная комнатная температура, при которыхъ часто уже наблюдается потоотдѣленіе, подтверждаютъ, повидимому, это наблюденіе. Время пребыванія въ ваннѣ, температура, самочувствіе—все это крайне индивидуально. Нѣкоторые предпочитаютъ обыкновенныя, паровыя ванны.

Больной потоотдѣленіемъ за одну ванну можетъ потерять въ продолженіе какихъ-нибудь 15 минутъ отъ $^1/_2$ до 2 фунтовъ. Конечно, бываютъ заболѣванія, гдѣ, не смотря на всѣ усилія, никакими средствами невозможно вызвать потъ. О прочихъ побочныхъ явленіяхъ, какъ-то учащеніи пульса и дыханія, увеличеніи кровяного давленія, мы здѣсь говорить не будемъ. Примѣненіе нѣкоторыми авторами вольтовой дуги въ этихъ ваннахъ, однако, не могло имѣть мѣста, такъ какъ воспаленіе кожи, происходившее при этомъ, мѣшало общему дѣйствію, и чтобы избѣжать этого, въ Копенгагенѣ, напр., устроены особыя наглухо-разгороженныя другъ отъ друга кабинки, радіобразно сходящіяся узкими концами къ центру, гдѣ помѣщена сильная вольтова дуга. Паціентъ, надѣвъ

черныя очки для защиты глазъ отъ чрезмѣрно-яркаго свѣта, прогуливается по этому пространству, поворачивая къ источнику попеременно всю поверхность своего тѣла, благодаря чему она освѣщается равномѣрно и кожа не страдаетъ; получается, слѣдовательно, нѣкоторое подражаніе естественной свѣто-воздушной ваннѣ, до извѣстной степени могущей замѣнить ея отсутствіе въ дурную погоду. Однако, лица съ болѣе чувствительной кожей не могутъ выносить этотъ свѣтъ и легко получаютъ воспаленіе кожи.

Что касается мѣстнаго лѣченія свѣтомъ, то честь его примѣненія въ наиболѣе усовершенствованномъ видѣ принадлежитъ копенгагенскому ученому Finsen'у, который основывалъ дѣйствіе его на бактереубивающемъ свойствѣ свѣта, какъ это мы видѣли изъ опытовъ Гейслера, Buchner'а и др. Аппаратъ Finsen'а состоитъ изъ трубы, въ которую заключенъ рядъ чечевицъ, имѣющихъ цѣлью, концентрируя падающій на нихъ свѣтъ, передавать его на извѣстный какой-нибудь небольшой участокъ кожи, подвергаемый лѣченію. Для того, чтобы парализовать дѣйствіе тепловыхъ лучей, которые не позволяютъ продолжительное время направлять свѣтъ на одно и то же мѣсто и такимъ образомъ не даютъ возможности химическимъ лучамъ произвести необходимую имъ работу, Finsen укрѣпляетъ съ помощью повязки на мѣстѣ, подвергаемомъ лѣченію, особый компрессорій, состоящій изъ двухъ линзъ, соединенныхъ другъ съ другомъ металломъ, но такъ, что между ними находится пространство, наполненное водою, которая, сообщаясь съ водопроводомъ постоянно мѣняется и такимъ образомъ охлаждаетъ освѣщенное мѣсто. Кромѣ того инструментъ этотъ имѣетъ цѣлью еще, сдавливая кожу, вытѣснять находящуюся подъ нимъ кровь, которая, какъ мы знаемъ, поглощаетъ химическіе лучи и, слѣдовательно, парализовала бы ихъ дѣйствіе. Въ виду измѣненія направленія лучей и непостоянства солнечной энергіи, которая, напр., въ октябрѣ приблизительно въ 6 разъ слабѣе, чѣмъ въ іюлѣ, зависитъ отъ облачности неба и т. д., нашли болѣе удобнымъ пользоваться преимущественно свѣтомъ отъ сильной вольтовой дуги (около 40,000 нормальныхъ свѣчей), дающей равномѣрный свѣтъ, независимый отъ состоянія атмосферы, да къ тому же еще болѣе богатый химическими лучами, чѣмъ солнечный.

Концентрированный солнечный свѣтъ дѣйствуетъ приблизительно въ 15 разъ болѣе бактереубивающимъ образомъ, чѣмъ обыкновенный. Въ виду дороговизны электрической энергіи, которой тратится на дугу очень много, что выходитъ очень дорого, нашли возможнымъ безъ ущерба для дѣла ставить около одного и того же источника свѣта четыре аппарата, такъ что одновременно могутъ пользоваться 4 больныхъ. Минину, даже не прибѣгая къ такимъ сложнымъ аппаратамъ, а съ помощью 2-хъ обыкновенныхъ электрическихъ лампочекъ по 50 свѣчей каждая, уда-

валось успѣшно бороться съ болями разнаго рода плевритовъ и достигать хорошихъ результатовъ и при нѣкоторыхъ другихъ формахъ. Муриновымъ и многими другими русскими авторами описаны тѣ или иные удачные результаты свѣтолѣченія, но говорить о нихъ я здѣсь пока не буду, такъ какъ они еще не вышли изъ рамокъ отдѣльныхъ единичныхъ случаевъ.

Что касается заболѣваній, которыя могутъ пользоваться методами лѣченія Finsen'a, то на первомъ планѣ, на основаніи его же работъ о бактереубивающемъ свойствѣ концентрированнаго свѣта, должна быть поставлена волчанка (lupus vulgaris). Нѣкоторые авторы (Lahmann, Ziegelroth и др.) пробовали еще до Finsen'a лѣчить это заболѣваніе свѣтомъ, но недостаточная интенсивность его не могла дать результатовъ. Finsen'у принадлежитъ заслуга примѣненія концентрированнаго свѣта. Лѣченіе это совершенно безболѣзненно, но за то требуетъ много терпѣнія со стороны паціента и врача, такъ какъ продолжается мѣсяцами (въ среднемъ около 4-хъ) при ежедневномъ сеансѣ отъ $^1/_2$ до 1 часа. Кромѣ волчанки, съ успѣхомъ пользуются еще нѣкоторыя болѣзни кожи, какъ, напр., хроническія экземы, нѣкоторые виды плѣшивости и т. д. Правда, нѣкоторые авторы находятъ опыты Finsen'a, какъ, напр., почернѣніе свѣточувствительной бумаги при прохожденіи лучей черезъ ушную мочку, гибель бактерій въ искусственныхъ разводкахъ подъ вліяніемъ непосредственно падающаго концентрированнаго свѣта, мало доказательными, такъ какъ при проникновеніи свѣта черезъ мертвую кожу, какъ показали опыты, интенсивность его ослабляется и онъ не убиваетъ, но только ослабляетъ жизнеспособность бациллъ, на основаніи чего была выдвинута теорія о происхожденіи воспаленія, слѣдствіемъ котораго является выздоровленіе. Каково-бы ни было объясненіе, но фактъ говоритъ самъ за себя и тысячи больныхъ исцѣлились уже этимъ способомъ. Послѣдняя теорія отчасти находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что нѣкоторыя не паразитарныя заболѣванія также вылѣчиваются этимъ способомъ.

VI.

Лѣченіе цвѣтными лучами.

Выше мы видѣли, что различныя части спектра далеко не одинаково относятся къ химическимъ веществамъ, напр., бромистому и хлористому серебру, растительному и животному міру. Чтобы привести примѣръ, вспомнимъ опытъ Moleschott'a надъ лягушками, которыя, находясь въ синемъ и фіолетовомъ свѣтѣ, выдѣляли больше угольной кислоты, чѣмъ когда онѣ находились подъ вліяніемъ краснаго свѣта. Что касается дѣйствія различныхъ цвѣтовъ на человѣческій организмъ, то еще Гёте

въ своемъ ученіи о цвѣтахъ говоритъ, что „наблюденіе учитъ насъ, что отдѣльные цвѣта вызываютъ различное настроеніе духа“. Въ общемъ синій и фіолетовый цвѣтъ, какъ это было замѣчено на сонамбулахъ, дѣйствуютъ успокаивающе, другіе же цвѣта, особенно красный и желтый, раздражающе. Нѣкоторые авторы увѣряютъ, что болѣзненно-раздражительныя лица успокаиваются въ голубоватомъ или зеленоватомъ свѣтѣ. На здороваго красный цвѣтъ дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ, синіе же оттѣнки производятъ холодное, неуютное впечатлѣніе. De Parville экспериментально доказалъ, что красный конецъ спектра возбуждаетъ, раздражаетъ нервы, а противоположный съ зеленымъ, синимъ и фіолетовымъ цвѣтами—ихъ успокаиваетъ. Цѣлымъ рядомъ авторовъ (Ponza, Taquet и т. д.) были примѣнены результаты предыдущихъ опытовъ къ пользованію душевно-больныхъ и описано благопріятное дѣйствіе краснаго цвѣта на меланхоликовъ и синяго на одержимыхъ маніакальными приступами. Этотъ способъ лѣченія въ ходу, главнымъ образомъ, въ Англіи и Италіи. О лѣченіи оспы, скарлатины, кори и экземы краснымъ свѣтомъ пока еще нельзя выразиться вполнѣ опредѣленно. Интересенъ опытъ Bouchard'a, произведенный имъ надъ кожей одного мальчика съ очень чувствительной кожей: когда онъ покрывалъ небольшой участокъ кожи синей бумагой, то при непосредственномъ паденіи солнечныхъ лучей, подъ послѣдней образовывалась ограниченная краснота съ легкимъ воспаленіемъ, и ничего подобнаго не происходило, если при тѣхъ-же условіяхъ, вмѣсто синей бумаги, находилась красная, что опять-таки стоитъ въ связи съ химическимъ дѣйствіемъ синихъ лучей. Надо сознаться, что эта область еще далеко не разработана и имѣетъ еще свою будущность. Слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о рентгеновскихъ лучахъ, оставивъ въ сторонѣ значеніе ихъ, какъ метода діагностическаго, т. е. помогающаго намъ дѣлать иногда удивительно-точное распознаваніе относительно сущности процесса, его мѣста и т. д. Примѣненіе ихъ съ лѣчебной цѣлью не нашло пока, по крайней мѣрѣ, особенно много поклонниковъ. Дѣйствіе X-лучей въ этомъ отношеніи до нѣкоторой степени сходно съ дѣйствіемъ концентрированныхъ лучей Finsen'овскаго аппарата, отличаясь отъ нихъ болѣе грубымъ, рѣзкимъ дѣйствіемъ и легко, при несоблюденіи малѣйшихъ предосторожностей, производитъ воспаленія кожи.

Д-ръ В. Гомолицкій.

РАЗСКАЗЫ ИВ. ВАЗОВА.

Переводъ съ болгарскаго *И. К.*

Идетъ-ли?..

Какой густой, тяжелый туманъ нависъ въ эту осень надъ Вѣтреномъ. Мокро, сыро; мелкій дождь льетъ, не переставая; небо обратилось въ холодный туманный покровъ, нависшій надъ низенькими избушками села. А на залитой грязью улицѣ—шумъ, крикъ, суета. Фаэтоны, съ запряженными въ нихъ непріученными лошадьми, тяжелыя воловьи телѣги, нагруженныя разными военными припасами, крестьяне-ямщики, деревенскій скотъ—все это въ страшномъ безпорядкѣ толпится на улицѣ между двумя корчмами. А въ этой сутолокѣ съ трудомъ пробирается отрядъ новобранцевъ: одни изъ нихъ одѣты въ солдатскія шинели; другіе—въ сельскіе тулупы шерстью наружу или въ самодѣльные „ямурлуки"; у всѣхъ черезъ грудь длинныя ленты изъ патроновъ, на плечахъ—ружья, украшенныя зелеными вѣтками... Холодно, грязь по колѣно, а они себѣ поютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Веселые ребята!..

У дверей одной корчмы толпится кучка офицеровъ, проѣзжающихъ и мѣстныхъ крестьянъ. Всѣ они съ любопытствомъ смотрятъ на промокшихъ насквозь молодцовъ.

А передъ среднею корчмою собралась густая толпа женщинъ, дѣвушекъ и дѣтишекъ, растрепанныхъ, грязныхъ, покраснѣвшихъ отъ холода. Это—провожающіе. Они въ послѣдній разъ провожаютъ вѣтренскихъ новобранцевъ, которые идутъ теперь въ Харманлійское депо, чтобы оттуда отправиться въ Софію, а затѣмъ—и на поле битвы.

— А вотъ и Григорьевъ сынъ! Здравствуй, Цвѣтко!

— Смотри, смотри, Рангелъ проходитъ!

— А! Иванъ! Вотъ мать твоя ждетъ!..

И цвѣты переходятъ изъ рукъ въ руки, и слезы текутъ

по щекамъ, и слова прерываются отъ рыданій... А отрядъ идетъ и идетъ...

— Мама, вотъ братъ идетъ!—кричитъ вдругъ стоящая въ толпѣ краснощекая дѣвочка-подростокъ.

— Братецъ, братецъ Стоянъ!—подхватываетъ этотъ крикъ восьмилѣтній мальчуганъ возлѣ дѣвочки и протягиваетъ свои рученки къ идущимъ мимо солдатамъ.

— Сыночекъ мой, сыночекъ! — стонетъ сама старуха—мать.

Черноглазый, плотный, здоровый молодецъ выскакиваетъ изъ строя, наскоро цѣлуетъ материнскую руку, чмокаетъ въ лобъ сестру и братишку, прикрѣпляетъ къ груди цвѣтокъ, который подаетъ ему одна теряющаяся въ толпѣ дѣвушка, и бросается въ догонку за ушедшими впередъ товарищами.

— Спаси тебя Богъ, сыночекъ,—креститъ его вслѣдъ мать.

— Стоянъ!..—кричитъ заплаканная дѣвочка.

Но ихъ голоса теряются въ безпорядочномъ шумѣ. Силуэтъ Стояна теряется въ рядахъ солдатъ, а немного погодя и весь отрядъ исчезаетъ въ туманѣ.

Мать долго еще смотритъ впередъ, хотя ничего тамъ и не видитъ.

Дѣвочка закрываетъ лицо передникомъ и утираетъ слезы...

Когда мать Стояна вернулась къ себѣ домой, она отворила свой старый заслужонный сундукъ, сняла сверху рубахи и разное платье, вынула съ самаго дна завѣтную восковую свѣчку, прилѣпила ее передъ образомъ и начала читать молитвы...

А въ это самое время подъ Драгоманомъ раздавались раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Было 4-е ноября 1885 года.

* * *

Въ эту ночь бабѣ Цѣнѣ приснился странный сонъ: она видѣла большое облако, а въ этомъ облакѣ шло войско; и ея Стоянъ былъ среди этого войска Святая Богородица! Какіе ужасы! Облако волнуется; небо трещитъ; земля трясется,—такая шла битва!.. Стоянъ вдругъ исчезъ въ облакѣ, потерялся; его не видно болѣе... Она проснулась. Въ избѣ было темно. Только вѣтеръ жалобно вылъ за окошкомъ. Такъ вотъ какая бываетъ битва! Господи, Іисусе Христе, помилуй насъ! Святая Богородица защити и спаси Стояна!..

Она такъ и не заснула больше до самаго утра.

— Дядя Петръ, что значитъ видѣть во снѣ облако? — спросила она рано утромъ сосѣда.

— Два есть облака, Цѣна: одно—къ дождю, другое—къ погодѣ. Ты какое видѣла?

Она разсказала ему свой сонъ. Дѣдъ Петръ задумался. Онъ что-то не помнилъ, чтобы въ сонникѣ говорилось о та-

комъ облакѣ, какое привидѣлось Цѣнѣ. Но взглянувъ на испуганное лицо старухи, съ трепетомъ ожидавшей его отвѣта, онъ сказалъ ободрительно:

— Не безпокойся, Цѣна, сонъ хорошій. Твое облако—къ добру. Получишь письмо отъ Стояна.

Лицо старухи просвѣтлѣло.

А черезъ шесть дней ей, дѣйствительно, передали письмо отъ Стояна. Передалъ его одинъ доброволецъ, Стояновъ пріятель, который конвоировалъ сербскихъ плѣнныхъ. Цѣна побѣжала къ попу съ просьбою прочитать ей письмо Стояна.

Вотъ что писалъ сынъ:

— „Пишу тебѣ, мама, это письмо, что я живъ и здоровъ, и что мы побили сербовъ. Слава, да здравствуетъ Болгарія! Я здоровъ и Рангелъ Стойновъ здоровъ, и дядинъ Димитрій тоже здоровъ и посылаетъ поклонъ своей матери. Сербы стрѣляютъ все залпами, какъ попало, но страхъ какъ боятся нашего ура. Возьми у Цвѣтановыхъ мой новый ремень, который я забылъ у нихъ, а то попортятъ еще дѣтишки. Завтра вступаемъ въ Драгоманскій проходъ, а когда вернусь, принесу Кинѣ изъ Ниша подарокъ; а тебѣ посылаю одинъ франкъ, а Радулчо научу, какъ свистятъ гранаты. Кланяюсь тебѣ низко. Твой покорный сынъ Стоянъ Добровъ.

„Кланяюсь еще и дѣду Петру. Хотѣлъ было послать ему сербское ружье, да не знаю, какъ. Бьютъ далеко, но не вѣрно. Будь здорова, мама, и передай поклонъ Стоянкѣ“.

Обрадовалось старое Цѣнино сердце, и она побѣжала подѣлиться добрыми вѣстями къ Стоянковымъ. Но больше всѣхъ, кажется, радовался маленькій Радулчо, мечтая о новой свирѣли, на которой обѣщалъ научить его играть старшій братъ по возвращеніи домой.

Только что вышла Цѣна на улицу, какъ на глаза ей попалась опять кучка плѣнныхъ, за которыми шелъ болгарскій солдатъ. Въ первый моментъ ей даже показалось, что это былъ ея Стоянъ: такъ похожъ онъ былъ на него. Но нѣтъ, это былъ не онъ. Она подошла поближе, думая разспросить о сынѣ, но ея вниманіе отвлекли плѣнные, которыхъ она увидѣла въ первый разъ.

— Господи Боже,—проговорила она, взглянувъ на нихъ повнимательнѣе,—такъ вотъ какіе эти сербы!.. Совсѣмъ хорошіе люди!.. Вѣдь и у нихъ есть матери... Что онѣ думаютъ теперь?.. Погодите, ребятушки, погодите малость!

И она бросилась къ себѣ въ избу, вынесла оттуда бутылку водки и поспѣшила къ плѣннымъ, намѣреваясь угостить ихъ. Конвойный солдатъ добродушно усмѣхнулся и скомандовалъ: стой!

— Спасибо, спасибо,—признательно говорили ей усталые

сербы, съ наслажденіемъ пропуская въ себя по глотку благодатной влаги.

— И на мою долю оставь глотнуть,—крикнулъ ей весело болгарскій солдатъ.—Спасибо, бабушка. За твое здоровье,—прибавилъ онъ, опоражнивая бутылку.

— Такіе же христіане, какъ и мы...—удивлялась баба Цѣна, глядя вслѣдъ плѣнникамъ,—и изъ-за чего только дерутся!..

* * *

Было заключено перемиріе.

Приближалось Рождество, и солдаты начали расходиться по домамъ, въ отпускъ. Вернулись нѣкоторые и изъ вѣтренцевъ. Только Стояна не было: и самого его не было, и никто ничего о немъ не зналъ. Задумалась баба Цѣна; начала безпокоиться; дурныя предчувствія ночами все чаще и настойчивѣе стали осаждать ее... Дни проходятъ за днями; при малѣйшемъ стукѣ она озирается на дверь, думая, не онъ ли?.. Пришелъ и Рангелъ Стойновъ; вотъ и Динковскій Петръ явился; вотъ и братья Стаматовы пришли, а Стояна все нѣтъ, какъ нѣтъ. Разспрашиваетъ ихъ Цѣна: ничего не знаютъ. Сначала встрѣчались съ Стояномъ, слыхали о немъ; потомъ потеряли его изъ виду. Болѣзненно сжимается ея материнское сердце; какъ потерянная, бродитъ она по избѣ и думаетъ о своемъ Стоянѣ.

— Мама, пришелъ дядинъ Димитрій!—кричитъ, врываясь въ избу, ея дочь, Кина.

Цѣна поднимается и спѣшитъ къ Димитрію.

— Съ приходомъ, Димитрій! А гдѣ же Стоянъ мой?

Но и Димитрій ничего не знаетъ... Можетъ быть его послали въ Видинъ, или еще куда нибудь,—прибавляетъ Димитрій, жалѣючи старуху,—можетъ быть онъ другою дорогою идетъ,—бормочетъ онъ, путаясь и смущаясь.

— Господи, Господи!—тяжко вздыхаетъ мать,—гдѣ же пропало мое дитятко!..

И она идетъ къ Стоянковымъ, смутно надѣясь, что можетъ быть тамъ знаютъ что-нибудь, что можетъ быть Стоянка встрѣтитъ ее у двери и весело скажетъ, что Стоянъ кланяется и обѣщаетъ быть къ Рождеству домой. Но Стоянка не говоритъ ей ничего подобнаго. У нея у самой глаза полны слезъ...

* * *

Все село на ногахъ. Встрѣчаютъ первый полкъ, возвращающійся съ войны. На срединѣ улицы, какъ разъ противъ Цѣниной избы, вбили два столба и сверху соединили ихъ выгнутою въ дугу палкою. Съ горъ принесли пахучихъ сосновыхъ вѣтокъ и обвили ими сверху до низу деревянный остовъ. Наверхъ прибили надпись, нарочно для этого слу-

чая заказанную въ городѣ: „привѣтъ вамъ, храбрые воины!“ Все это изукрасили множествомъ національныхъ трехцвѣтныхъ флаговъ, и, такимъ образомъ, получилась тріумфальная арка.

Пришелъ и ушелъ дальше побѣдоносный полкъ.

— Можетъ быть, онъ идетъ сзади,—думала, провожая солдатъ, баба Цѣна.—Можетъ быть, онъ хочетъ придти домой, какъ разъ къ сочельнику?.. Что жъ такое, что еще не пришелъ? Вотъ и другіе солдаты идутъ по одиночкѣ... Впереди еще много времени; придетъ еще... Онъ знаетъ, какъ ждутъ его здѣсь!..

Такъ утѣшаетъ себя бѣдная мать.

* * *

Рано утромъ наканунѣ сочельника баба Цѣна пошла въ церковь. Она размѣняла франкъ, присланный ей Стояномъ, накупила восковыхъ свѣчей и поставила ихъ передъ всѣми иконами у алтаря. Сдѣлавъ это, она вернулась домой, успокоенная, съ прояснившимся лицомъ.

— Есть еще время—говорила она про себя—завтра сочельникъ!.. Святая Богородица, верни мнѣ моего ангела... Іисусе Христе, смилуйся надо мною...

Прибѣжала Кина и сообщила, что пришли еще нѣкоторые солдаты.

Баба Цѣна разсердилась.

— Что ты мнѣ все про другихъ, да про другихъ кричишь! Иди встрѣчать брата, какъ всѣ дѣлаютъ, а не вертись тутъ безъ дѣла!—крикнула она на дочь.

— Мама, и я пойду съ Киною,—попросился Радулчо.

И дѣти вышли изъ избы и направились по покрытой снѣгомъ улицѣ къ выѣзду изъ деревни, къ шоссе.

А баба Цѣна осталась дома, чтобы приготовить встрѣчу.

Холодный вѣтеръ дуетъ съ горъ. Вершины, склоны, вся равнина—все побѣлѣло отъ снѣга. Небо низко нависло надъ землею. Черные вороны летаютъ надъ дорогою, или сидятъ возлѣ на голыхъ вершинахъ деревьевъ. Тамъ и сямъ на поднимающемся къ Ихтиманскимъ горамъ шоссе виднѣются группы, вышедшія на встрѣчу ожидаемымъ солдатамъ, которые продолжаютъ возвращаться изъ похода то по одиночкѣ, то вмѣстѣ съ своими частями... Кина и Радулчо обгоняютъ одну группу за другою и идутъ все дальше и дальше. Они хотятъ раньше всѣхъ увидѣть и встрѣтить Стояна. О, они сразу узнаютъ его, хотя густые хлопья падающаго снѣга и слѣпятъ имъ глаза!

Дорога идетъ въ гору и теряется за подъемомъ. Впереди не видно ничего. Кина и Радулчо поднимаются до самаго верха, гдѣ вѣтеръ становится еще сильнѣе и холоднѣе. Двое

солдатъ показываются изъ-за поворота дороги. Они съ ногъ до головы покрыты снѣгомъ.

— Не идетъ ли за вами другое войско?—спрашиваетъ ихъ Кина.

— Не знаемъ, дѣвушка. А вы кого поджидаете?

— Братца,—отвѣчаетъ Радулчо.

Усталые солдаты идутъ дальше и скоро исчезаютъ изъ виду.

Кина продолжаетъ напряженно вглядываться въ даль. Ей холодно, Радулчо тоже дрожитъ всѣмъ тѣломъ, но они не уходятъ. Они должны дождаться брата; иначе мама будетъ сердиться или плакать, если они вернутся домой безъ Стояна.

Но вотъ вдали показался фаэтонъ, въ которомъ сидѣли двое закутавшихся въ теплыя шубы путниковъ. Когда экипажъ приблизился къ нимъ, Кина вышла на средину дороги и остановила лошадей.

— Господинъ, не идетъ ли оттуда войско?—спросила она.

— Не знаю, голубушка,—отвѣтилъ ей одинъ изъ путниковъ, опуская немного воротникъ шубы и удивленно глядя на посинѣвшее отъ мороза лицо дѣвочки.

И экипажъ покатилъ дальше.

Дѣти опять остались одни. Они все ждутъ. Часы проходятъ за часами. Горный вѣтеръ все крѣпнетъ, обжигаетъ имъ лица; снѣгъ засыпаетъ ихъ, но они остаются на своемъ посту. Они продолжаютъ смотрѣть вдаль, каждую минуту ожидая, что вотъ-вотъ изъ-за поворота на дорогѣ появится что-нибудь живое.

Наконецъ, что-то показалось, и сердце Кины забилось трепетомъ ожиданія. Изъ-за поворота выѣхалъ кавалерійскій отрядъ и скоро былъ возлѣ дѣтей. Сколько солдатъ! Навѣрно, и Стоянъ тутъ! Но отрядъ проѣхалъ мимо, стуча копытами лошадей. Кина замахала рукою и остановила двухъ офицеровъ, ѣхавшихъ позади.

— Господинъ капитанъ, не идетъ ли за вами братецъ?—спросила она ихъ съ полными слезъ глазами.

— А кто твой братъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Стоянъ! Нашъ Стоянъ!—вмѣшался Радулчо, не допуская, чтобы кто-нибудь не зналъ „ихъ Стояна“.

— Какой Стоянъ?—спросилъ, недоумѣвая, офицеръ.

— Нашъ Стоянъ... изъ Вѣтрена,—проговорила убѣдительно Кина.

Офицеръ обмѣнялся нѣсколькими словами съ товарищемъ и затѣмъ участливо спросилъ:

— Вашъ братъ кавалеристъ?

— Да, да,—отвѣчала дѣвочка, не понявшая вопроса.

— Нѣтъ его съ нами, дѣвушка!—сказалъ офицеръ.

— Ступайте домой, а то еще замерзнете тутъ,—прибавилъ другой.

И офицеры тронули коней, догоняя свой эскадронъ.

Кина заплакала. Радулчо послѣдовалъ ея примѣру. Ихъ руки и ноги окоченѣли; лица посинѣли. На всемъ протяженіи шоссе до самаго села не видно было никого болѣе. Всѣ уже разошлись по домамъ, потому что приближалась ночь и вѣтеръ становился все холоднѣе и крѣпче. Только далеко, далеко чернѣлъ еще кавалерійскій отрядъ, да отъ времени до времени до слуха дѣтей доносились отрывочные звуки веселой солдатской пѣсни. Кина и Радулчо рѣшились, наконецъ, вернуться домой.

Ночь наступала. Дѣти шли, запрятавъ за пазуху замерзшія руки, и думали о матери, которая ждала ихъ дома.

У самой околицы ихъ обогналъ запряженный тройкою экипажъ.

— Господинъ, идетъ ли еще войско?

Но экипажъ быстро пронесся мимо, и брошенный вопросъ остался безъ отвѣта.

А снѣжный вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Онъ шелъ съ запада, съ поля битвы, гдѣ въ виноградникахъ возлѣ Пирота лежалъ засыпанный снѣгомъ трупъ Стояна...

Негостепріимное село.

Одинъ русскій—назовемъ его хотя бы Матвѣевымъ,—давно уже живущій въ Софіи и даже состоящій на службѣ, страстный велосипедистъ, быстро катилъ на своей машинѣ по гладкому и прямому, какъ струна, шоссе, которое пролегало по софійской равнинѣ.

Желтая пыль, поднимаемая колесами велосипеда, окутывала ѣздока и, какъ гонимый вѣтромъ смерчъ, двигалась вмѣстѣ съ нимъ вдоль дороги.

Матвѣевъ проѣхалъ уже 15 верстъ по невыносимой жарѣ и проѣхалъ ихъ очень быстро. Выѣхавъ какъ разъ въ обѣденное время, онъ очень скоро усталъ и запыхался. Голодъ и мучительная жажда заставляли его еще сильнѣе чувствовать усталость и нетерпѣливое желаніе поскорѣе добраться до перваго села, въ которомъ можно бы было отдохнуть и закусить.

Солнце немилосердно жарило съ безоблачнаго лѣтняго неба. Кругомъ виднѣлись лишь пожелтѣвшіе склоны холмовъ, запыленные луга и засохшія пахоти, подавлявшія своимъ

однообразіемъ. Ни одинъ звукъ не оживлялъ безмолвія утомительно-однообразнаго, безлѣснаго поля. Только ящерицы мелькали у края дороги, испуганныя шумомъ велосипеда.

Въ тяжеломъ, подернутомъ дымкою, воздухѣ неясно вырисовывались на горизонтѣ изломанныя очертанія горнаго хребта,—такія же безцвѣтныя и безжизненныя подъ палящими лучами солнца. Они, казалось, убѣгали куда-то въ туманную даль. Туда же убѣгало и виднѣвшееся вдали село, на которое устремлялись жадные взоры Матвѣева. Какъ это часто бываетъ съ нетерпѣливыми путниками въ ровной степи, дорога казалась ему безконечною, и намѣченная цѣль, вмѣсто того, чтобы приближаться, удалялась, какъ обманчивый миражъ...

Но вотъ и село. Съ великимъ облегченіемъ остановился Матвѣевъ передъ первою корчмою, стоявшею на деревенской площади. Онъ приставилъ свой велосипедъ къ облупившейся известковой стѣнѣ корчмы и, повернувшись къ стоявшему у ея порога „шопу“ *), хотѣлъ попросить у него воды.

Въ эту минуту на дорогѣ показался всадникъ, въ гетрахъ и въ спортсменской шапкѣ, который быстро галлопировалъ по направленію къ Софіи.

Матвѣевъ узналъ въ немъ одного пріятеля, чиновника при одномъ изъ иностранныхъ консульствъ въ Софіи, и поздоровался съ нимъ по-нѣмецки.

— Африканская жара!—сказалъ всадникъ, останавливаясь и утирая съ лица потъ. Потомъ, оглядѣвшись вокругъ и указывая на пустую площадь, окруженную плетнями и жалкими избами, прибавилъ:

— Африканское село!

— Да, африканская страна!..—продолжалъ онъ игриво. закуривая сигару. — Готовъ держать пари, что этотъ милый народецъ и черезъ тысячу лѣтъ не цивилизуется. Не правда-ли!.. Люблю я встрѣчаться съ здѣшними крестьянами, знаете ли почему? Потому что эти встрѣчи напоминаютъ мнѣ по ассоціаціи идей волковъ и дикихъ кабановъ, на которыхъ я охотился въ горахъ внутренней Бразиліи... О, тамъ прекрасная охота, любезнѣйшій... Здѣсь, увы, только перепела и есть!.. Взгляните-ка на этого усатаго субъекта въ дверяхъ! Барнумъ дорого бы далъ, чтобы пріобрѣсти его въ свой звѣринецъ... Народецъ!.. Говорю вамъ: тысячи лѣтъ ему мало... Да, да, дорогой мой, надо признаться, что вы, русскіе, сдѣлали вели-

---

*) «Шопами» называютъ жителей софійской котловины, отличающихся и по этнографическому типу, и по характеру отъ остальнаго, чисто болгарскаго населенія. *И. К.*

чайшую глупость въ исторіи, освободивъ эту страну... До свиданья!

Всадникъ сдѣлалъ прощальный жестъ и исчезъ.

Матвѣевъ снова повернулся къ хозяину корчмы.

— Ну что же? дай мнѣ холодной воды!

Хотя онъ и жилъ давно уже въ Болгаріи, по-болгарски говорилъ онъ плохо. Такъ какъ въ Софіи почти всѣ понимаютъ по русски, ему не было ни нужды, ни охоты учиться мѣстному языку. Этимъ, между прочимъ, объясняется тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ труднѣе всего усваиваютъ болгарскій языкъ именно русскіе.

Корчмарь, здоровый краснорожій шопъ съ хитрыми глазами и съ длинными—до ушей—усами, даже не пошевелился, какъ будто не слыхалъ окрика. Видно, чужеземная физіономія путника съ его длинною рыжею бородою и грубый, малопонятный языкъ, на которомъ послѣдній къ нему обратился, произвели на него слишкомъ неблагопріятное впечатлѣніе. А можетъ быть его возмутилъ и пренебрежительно-наглый взглядъ проѣхавшаго всадника.

Между тѣмъ Матвѣевъ усѣлся на треножной скамейкѣ подъ тѣнью стрѣхи и, вытирая потъ съ лица, ожидалъ воды.

Прождавъ напрасно, онъ снова повернулся къ двери и крайне удивился тому, что увидѣлъ: корчмарь, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ, опершись небрежно о косякъ и почесывая открытую волосатую грудь.

— Дай же воды!—крикнулъ онъ нетерпѣливо.

Этотъ рѣзкій окрикъ окончательно погубилъ его въ мнѣніи корчмаря, который, не спѣша, откашлялся и лаконически отвѣтилъ:

— Нѣтъ у меня воды!

— Нѣтъ воды?—спросилъ изумленно русскій.

— Нѣтъ!

— А въ селѣ есть вода?

— И въ селѣ нѣтъ.

— Какъ такъ?..—Матвѣевъ разсердился...—Ты врешь!..

— Что?

— Нѣтъ въ селѣ фонтана?..

Шопъ не понялъ, о какомъ „фонтанѣ“ спрашивалъ его путникъ.

— Кто тебя пойметъ, что ты тамъ болтаешь!—проговорилъ онъ пренебрежительно, отворачиваясь отъ собесѣдника и входя къ себѣ въ корчму.

Матвѣева взорвало, но онъ удержался и рѣшилъ дѣйствовать добромъ на упрямаго непривѣтливаго шопа.

— Пожалуйста... заплачу...—сказалъ онъ, подходя къ двери.

— Пожалуйста?.. Поздно... нѣтъ воды, да и все тутъ—перебилъ его корчмарь, приступая къ уборкѣ полокъ, на которыхъ были уставлены стаканы и рюмки.

Въ это время къ корчмѣ подошло нѣсколько крестьянъ, привлеченныхъ видомъ велосипеда, бывшаго еще новинкою въ этихъ мѣстахъ. Корчмарь началъ съ ними о чемъ-то шептаться. Очевидно, онъ объяснялъ имъ, что за человѣкъ былъ заѣхавшій къ нему путникъ. Они одобрительно кивали головами, видимо, вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что онъ говорилъ имъ.

Возмущенный до глубины души, русскій спросилъ у нихъ, откуда они берутъ воду для питья и указалъ имъ при этомъ на ближній колодезь.

— Изъ этого колодца мы скотъ поимъ; вода въ немъ не годится для людей, господинъ, не хорошая вода,—отвѣчали ему.

— Откуда же люди у васъ пьютъ?

— Мы беремъ воду во-о-нъ оттуда... изъ источника возлѣ того кургана — и крестьяне указали ему по направленію къ голому одинокому холму, виднѣвшемуся въ степи не ближе, чѣмъ въ пяти километрахъ отъ деревни.—Твоя милость скоро слетаетъ туда на своемъ дьявольскомъ конѣ,—прибавили они насмѣшливо, указывая на велосипедъ.

Матвѣевъ пришелъ въ ужасъ: ѣхать за водою куда-то за пять километровъ, когда жажда мучила его тутъ, на мѣстѣ! И какъ это возможно, чтобы въ селѣ не было воды!.. Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько монетъ и попросилъ, чтобы ему принесли воды изъ какой-нибудь избы. Но ему отвѣтили, что теперь нигдѣ не найдешь воды. Ничего не оставалось, какъ утолить жажду виномъ.

— Кончилось вино, нѣтъ...—отвѣчалъ и на это корчмарь.

Матвѣевъ рѣшилъ удовольствоваться закускою.

— Яица есть?

— Нѣтъ.

— А сыръ?

— И сыру нѣтъ.

— А цыплята?

— Нѣтъ и цыплятъ!

— А это что же?—сказалъ Матвѣелъ, указывая на куръ, бродившихъ по площади.

— Эти больны; не годятся для ѣды,—отвѣтилъ корчмарь.

— Дай хоть хлѣба!

— Богъ дастъ!

— Какъ?

— Нѣтъ у насъ хлѣба.

Это становилось ужасно. Матвѣевъ чувствовалъ себя въ

этомъ селѣ, какъ путешественникъ въ безплодной пустынѣ, умирающій отъ голода и жажды. И горькое, обидное чувство охватило его.

— И мы проливали свою кровь за этотъ народъ!—сказалъ онъ съ озлобленіемъ.—Пожалуй, правъ былъ сейчасъ фонъ-Шпигель... И онъ повторилъ про себя нѣмецкую фразу, только что услышанную имъ отъ ускакавшаго всадника: „Sie haben die gröste Dumheit in der Geschichte gemacht!“

Однако, надо было на что-нибудь рѣшиться. Надо было или ѣхать къ таинственному кургану, на который ему указали крестьяне, или вернуться назадъ, къ степному ручью, встрѣченному имъ на пути. А крестьяне кучкою стояли невдалекѣ, поглядывая на путника и шушукаясь между собою на его счетъ. Матвѣевъ взглянулъ на нихъ и прочелъ на ихъ лицахъ нескрываемую злорадную насмѣшку.

Это переполнило чашу его терпѣнія. Онъ вспыхнулъ и громко выругался,—русскою руганью, которая завоевала право гражданства среди болгарскихъ крестьянъ со времени русско-турецкой войны.

И странная вещь! вмѣсто того, чтобы разсердиться или обидѣться, крестьяне сразу повеселѣли, измѣнились въ обращеніи и подошли поближе.

Корчмарь, который былъ въ то же время и кметомъ села, заговорилъ первый.

— Твоя милость откуда родомъ, какого народа?..

— Русскій я,—отвѣчалъ мрачно Матвѣевъ.

Корчмарь взялъ его за руку и, крѣпко ее пожимая, проговорилъ:

— Что же ты не сказалъ намъ раньше, что ты русскій?.. Только напрасно ввелъ насъ въ грѣхъ!..

И крестьяне одинъ за другимъ начали радушно пожимать ему руку, говоря, что по виду и по нѣмецкому разговору съ проѣзжимъ всадникомъ они приняли его за „шваба“—такъ называютъ шопы всѣхъ неславянскихъ подданныхъ Франца Іосифа.

— Ну, ну, довольно!—сказалъ, наконецъ, корчмарь,—пожалуйте, господинъ, закусить. Все для васъ найдемъ, и холодную водичку, и вино, и хлѣбъ, и цыпленка... И подумать, что не изругай ты насъ, такъ и не догадались бы мы, что ты нашъ, православный... Темный народъ, что говорить!..

И желанный отнынѣ гость былъ съ торжествомъ введенъ въ прохладную корчму.

* * *

Приблизительно тогда, когда происходило описанное событіе, Стамбуловъ, всемогущій повелитель Болгаріи, говорилъ корреспонденту Kölnische Zeitung:

Я на пятьдесятъ лѣтъ освободилъ Болгарію отъ русскаго вліянія.

Видно, плохой былъ психологъ покойный Стамбуловъ...

Два врага.

Они, дѣйствительно, страшно враждовали между собою. При встрѣчахъ они бросали другъ на друга кровожадные взоры. Будь они не людьми, а звѣрями, они давно бы вцѣпились другъ въ друга. Но они были людьми, а людская злоба только кипитъ въ груди и сверкаетъ въ очахъ. Это дѣлаетъ ее еще болѣе ужасною.

Но сегодня, при встрѣчѣ въ Цапарчевомъ кабакѣ, они въ первый разъ схватились и дошли чуть не до ножей.

— Вотъ я выпущу изъ тебя кровь, изъ проклятаго!—грозился взбѣшенный Ламбо, лѣсной сторожъ, человѣкъ жестокій и съ очень темнымъ прошлымъ.

— Разобью твою змѣиную башку!—рычалъ въ отвѣтъ ему Перванъ Лазаровъ.

Ламбо заскрежеталъ зубами, звѣрски посмотрѣлъ на своего противника и вышелъ. Больше его и не видали: онъ ушелъ въ горы.

Много болтали въ деревнѣ объ этой смертельной враждѣ. Одни говорили, что причиною ея была любовь: Ламбо любилъ Найду Гечову, но Перванъ отбилъ ее у него и взялъ себѣ въ жены... Другіе думали, что причина должна была быть другая. Третьи просто жалѣли Первана.

— Перванъ молодецъ изъ молодцовъ, что говорить, а все-таки напрасно онъ поссорился съ Ламбо. Ламбо—македонецъ; его лучше не трогать—укуситъ.

И это было похоже на правду. Скоро въ деревнѣ узнали, что Ламбо бродитъ въ горахъ съ разбойничьею шайкою и ищетъ случая убить Первана. Два раза онъ даже стрѣлялъ въ него изъ засады на Бачковскомъ шоссе. Но Перванъ и самъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Онъ собралъ дружину и послѣ долгаго преслѣдованія загналъ шайку въ тѣсное ущелье неподалеку отъ Хвойны. Произошло сраженіе, результаты котораго были слѣдующіе: двое изъ разбойниковъ ускользнули, а трое попали въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Ламбо, раненый въ плечо. Девять мѣсяцевъ просидѣлъ онъ въ Пловдивской тюрьмѣ, въ ожиданіи суда. Прокуроръ называлъ это „предварительнымъ заключеніемъ". Но когда обвинительный актъ былъ готовъ, и дѣло дошло

до суда, Ламбо въ тюрьмѣ не оказалось. Вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по заключенію онъ прорылъ подкопъ подъ тюремною стѣною, выбрался ночью черезъ него къ рѣкѣ и исчезъ безслѣдно.

Положеніе Первана стало съ тѣхъ поръ очень тяжело. Вездѣ онъ долженъ былъ ожидать выстрѣла изъ засады. Мстительная физіономія разбойника мерещилась ему на всякомъ шагу, выглядывала изъ-за каждаго куста въ полѣ.

Прошелъ годъ, другой, но, славу Богу, ничего съ Перваномъ за это время не случилось. Да и Ламбо какъ въ воду канулъ. Только въ 1885 году прошелъ какъ-то по деревнѣ темный слухъ, что Ламбо живетъ въ Сербіи и даже предсѣдательствуетъ тамъ на какомъ-то „македонскомъ" митингѣ. А нѣкоторое время спустя стало извѣстно, что Ламбо палъ гдѣ-то въ горахъ подъ турецкими пулями, во время преслѣдованія и уничтоженія повстанскаго отряда Токмачева.

Деревенскій мудрецъ, дѣдъ Таско, задумался, когда ему сообщили объ этомъ, и потомъ сказалъ:

— Ну что же, царство ему небесное... Что искалъ онъ, то и нашелъ... Говорилъ я вамъ, ребята, что кровь не вода,— всегда скажется.

Перванъ могъ теперь успокоиться.

* * *

Въ томъ же году король Миланъ объявилъ намъ братоубійственную войну.

Всѣ помнятъ еще это время. Быстро наступалъ непріятель къ Софіи, но еще быстрѣе отступалъ онъ потомъ назадъ. Чудо слѣдовало за чудомъ. Весь міръ былъ охваченъ удивленіемъ, когда услышалъ подъ Сливницею желѣзное ура болгарскаго солдата; когда увидѣлъ, какъ дралось и побѣждало наше молодое, неопытное войско, безъ хлѣба, безъ патроновъ, безъ резервовъ сзади, безъ полководца впереди.

. . . . . .

14-го ноября передовая колонна побѣдоносной болгарской арміи, съ развернутыми знаменами и подъ аккомпаниментъ народнаго гимна „Шуми Марица", перешла сербскую границу и построилась въ боевой порядокъ въ двухъ километрахъ отъ Пирота.

* * *

Подъ вечеръ, къ концу разыгравшагося тамъ боя, во время котораго сербскіе батареи съ „Келъ-Таша" и съ „Черна Чука" засыпали гранатами наши войска, эскадронъ ротмистра. И очутился гдѣ-то въ сторонѣ отъ Пирота. Канонада почти прекратилась, но шальныя бомбы еще летали отъ времени до времени. Двѣ изъ такихъ послѣднихъ бомбъ упали

какъ разъ передъ эскадрономъ. Одна изъ нихъ разорвалась, и облако дыма закрыло на мгновенье всадниковъ. Испуганныя лошади бросились въ сторону, и эскадронъ поспѣшилъ укрыться отъ непріятельскаго огня въ ближайшей рытвинѣ. Ротмистръ приказалъ осмотрѣться: всѣ ли цѣлы?

Солдаты осмотрѣлись: одного не доставало.

— Кого?

— Первана Лазарова, ефрейтора.

Красивое лицо офицера нахмурилось.

— Убило его гранатою, ваше благородіе,—доложилъ одинъ изъ солдатъ,—я видѣлъ, какъ онъ упалъ съ коня.

Въ этотъ же моментъ къ эскадрону подскакалъ разгоряченный конь безъ всадника, съ свернутымъ на сторону сѣдломъ. Тяжело дыша и испуганно поводя окровавленнымъ ухомъ, онъ остановился передъ эскадрономъ.

— Король!—закричали солдаты.

Это былъ конь Первана —Не могло быть болѣе сомнѣнія, что несчастный ефрейторъ убитъ.

Пушечные выстрѣлы, между тѣмъ, прекратились.

— Поищите его и, если найдете, снесите на перевязочный пунктъ,—приказалъ ротмистръ, обращаясь къ двумъ изъ своихъ солдатъ. Сказалъ онъ это больше для очистки совѣсти, такъ какъ не сомнѣвался, что ефрейтора нѣтъ болѣе въ живыхъ.

Эскадронъ двинулся въ путь и скоро потерялся въ вечернихъ сумеркахъ.

Минутою позже никто изъ товарищей убитаго ефрейтора не думалъ болѣе о Перванѣ. О Перванѣ забыли, потому что его не было на лицо.

Такъ бываетъ всегда на войнѣ.

* * *

А Перванъ лежалъ тамъ, гдѣ упалъ съ коня. Никто не искалъ его... Вѣроятно, посланные за нимъ солдаты потеряли направленіе... А между тѣмъ, граната его не тронула. Взрывъ только сбросилъ его съ коня. Падая, онъ ударился головою о землю и потерялъ сознаніе...

Между тѣмъ, наступала тихая звѣздная ночь. Мѣсяцъ поднялся надъ Руйскими горами и облилъ поле битвы своими блѣдными лучами. Тамъ и сямъ по склонамъ горъ и на равнинѣ между ними заблистали лагерные огни обоихъ непріятелей. А на полѣ битвы, въ окрестныхъ виноградникахъ и на холмахъ валялись окровавленные трупы сотенъ человѣческихъ существъ,—вчера еще братьевъ, а сегодня—кровожадныхъ, озвѣрѣвшихъ враговъ. Рядомъ лежатъ они, убитые и истерзанные, на холодной землѣ, подъ холоднымъ пологомъ ночи, не зная даже, зачѣмъ ихъ пригнали сюда на убой и

кому была нужна ихъ смерть. О нихъ уже забыли, никто о нихъ не думаетъ, и менѣе всего тѣ, которые привели ихъ сюда, на это пиршество смерти.

А Перванъ все лежалъ безъ движенія. Слабое мозговое сотрясеніе бросило его въ состояніе полусознательнаго бреда. Ему грезились какія-то страшныя картины, какіе-то грозные образы, которые давили ему грудь и наполняли ужасомъ его душу. Между прочимъ, ему грезилось, что его смертельный врагъ, Ламбо, стоитъ надъ нимъ съ всклокоченною бородою, съ налитыми кровью глазами и замахивается на него ножомъ. Перванъ хочетъ отбить ножъ, но его рука не поднимается; хочетъ крикнуть, позвать на помощь, но ни малѣйшій звукъ не вырывается изъ его устъ. А ножъ все надъ нимъ, все грозитъ вонзиться ему въ сердце. Ламбо смотритъ на него своими кровавыми глазами и начинаетъ вонзать въ него свой ножъ. Холодная сталь проникаетъ ему въ тѣло и причиняетъ ему ужасныя, невообразимыя страданія... А Ламбо стоитъ надъ нимъ и смѣется...

Вдругъ страшная молнія, сопровождаемая громовымъ ударомъ, ярко блеснула надъ Пиротомъ. Громадный огненный столбъ озарилъ своимъ свѣтомъ окрестныя поля, горы и небо.

То сербы взорвали на воздухъ свою Пиротскую крѣпость.

Этотъ ослѣпительный свѣтъ разбудилъ Первана. Онъ открылъ глаза. Черезъ нѣсколько секундъ все кругомъ опять потемнѣло. Перванъ началъ приходить съ себя. Первою его мыслью было радостное сознаніе, что всѣ эти ужасы онъ видѣлъ во снѣ... Ночной холодъ оживилъ его. Онъ попробовалъ встать, и это ему удалось безъ труда. Никакой сильной боли нигдѣ онъ не чувствовалъ. Онъ понялъ, что не былъ раненъ. Онъ оглядѣлся вокругъ: прямо противъ него темнѣли горные склоны, усѣянные тамъ и сямъ огненными точками,—это были огни сербскаго лагеря. Перванъ сообразилъ, что болгарскій лагерь долженъ находиться внизу, и тронулся въ путь, стараясь идти на востокъ. Онъ шелъ довольно долго по виноградникамъ и кустамъ, ничего не различая въ окутывавшемъ его со всѣхъ сторонъ густомъ мракѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ увидѣлъ, что забрелъ не туда, куда надо: вокругъ него были какіе-то плетни и заборы. Онъ остановился и началъ соображать. Очевидно, онъ попалъ въ самый Пиротъ.

— Ну что-же,—сказалъ онъ себѣ,—тѣмъ лучше! Вѣдь Пиротъ теперь нашъ...

И онъ смѣло пошелъ дальше.

Однако, онъ ошибался. Въ это время Пиротъ не былъ ни нашъ, ни сербскій. Въ самомъ началѣ боя въ него проникъ,

правда, по слѣдамъ отступавшихъ сербовъ одинъ нашъ отрядъ, но онъ не задержался тамъ. Къ вечеру онъ очистилъ городъ, боясь какой-нибудь засады. Большая часть города оставалась еще въ рукахъ сербовъ.

И на бѣду Первана онъ вошелъ въ городъ какъ разъ съ того конца, которымъ владѣли еще сербы.

Пусты и темны были пиротскія улицы; только собачій лай нарушалъ царившее въ нихъ грозное молчаніе. Было ясно, что городъ покинутъ жителями, или что все, что еще было въ немъ живого, притаилось въ далекихъ углахъ. Однако, отъ времени до времени до слуха Первана доносились звуки ломаемыхъ дверей и разбиваемыхъ оконъ. Кое-гдѣ въ окнахъ показывался — и тотчасъ же исчезалъ — трепетный свѣтъ свѣчи...

Перванъ началъ чувствовать нѣкоторое безпокойство. Въ самомъ дѣлѣ, могла ли бы царить здѣсь такая пустота, если бы Пиротъ былъ, дѣйствительно, взятъ?.. Онъ началъ подумывать о томъ, чтобы вернуться по добру по здорову назадъ... Вдругъ, гдѣ-то далеко за городомъ загремѣли пушечные выстрѣлы...

— Это еще что? Ночная атака?—подумалъ ефрейторъ.

Въ этотъ же моментъ вблизи послышались быстрые шаги: кучка солдатъ съ ружьями на плечахъ показалась на улицѣ. Они говорили между собою по-сербски... У Первана даже во рту пересохло. Его положеніе было отчаянное... Что было дѣлать? Бѣжать?—но пули его все равно догонятъ! Сопротивляться?—очевидно невозможно! Сдаться?—позорно!.. Онъ быстро прижался къ стѣнѣ и остался неподвиженъ.

Сербскіе солдаты шли прямо на него. Увидѣвъ человѣка, прятавшагося въ тѣни, они остановилось.

— Кто тутъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Сливница! — громко и сурово проговорилъ Перванъ и затѣмъ, не ожидая отвѣта, крикнулъ, обернувшись назадъ:

— Ребята, бѣгомъ, впередъ!

И съ этими словами онъ смѣло бросился на сербовъ, крича имъ:

— Сдавайтесь!

Нѣсколько ружей упали на землю.

— Впередъ!—скомандовалъ Перванъ, не давая одуматься одураченнымъ сербамъ и указывая имъ улицу передъ собою.

Перванъ, вѣроятно, припомнилъ—и повторилъ—разсказы о дерзкихъ подвигахъ русскихъ казаковъ во время русско-турецкой войны.

И, дѣйствительно, этотъ отчаянный маневръ, почти всегда удающійся съ деморализованнымъ непріятелемъ, спасъ его.

Когда захваченные имъ въ плѣнъ сербы повернули въ

указанную имъ улицу, самъ онъ бросился въ другую, противоположную, думая, что она выведетъ его въ поле.

Онъ ошибся. Эта улица вела, напротивъ, въ городъ. Когда Перванъ увидѣлъ это, ворочаться было уже поздно. Перванъ рѣшилъ идти впередъ, куда глаза глядятъ.

— Что будетъ, то будетъ!—пробормоталъ онъ про себя.

Результатъ не заставилъ себя ждать. При поворотѣ въ въ одну изъ улицъ, какъ разъ на углу, на которомъ стоялъ зажженный фонарь, его настигли два сербскихъ всадника.

При слабомъ мерцаніи фонаря они увидѣли передъ собою человѣка въ болгарскомъ мундирѣ и сразу признали его за непріятельскаго солдата.

— Болгаринъ!—закричалъ одинъ изъ нихъ.

— Ахъ, чтобъ его!..—выругался другой, и оба бросились за Перваномъ.

О повтореніи маневра, удавшагося только что съ пѣхотинцами, нечего было и думать. Единственнымъ спасеніемъ было бѣгство, и Перванъ бросился бѣжать. Всадники скакали за нимъ съ обнаженными саблями. Онъ бѣжалъ по какой-то узкой и темной улочкѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ поскользнулся и упалъ въ какую-то липкую лужу... Онъ подумалъ, что это кровь, и мурашки пробѣжали по его тѣлу... Но это была не кровь,—это было только вино, выпущенное изъ разбитой бочки... Перванъ тотчасъ же вскочилъ и побѣжалъ дальше. Но паденіе задержало его, и гнавшіеся за нимъ всадники были теперь у него совсѣмъ на шеѣ. Одинъ изъ нихъ замахнулся саблею и зацѣпилъ ея концомъ по плечу Первана. Перванъ выронилъ ружье и, отскочивъ въ сторону, успѣлъ уклониться отъ второго удара. Онъ продолжалъ бѣжать, стараясь держаться поближе къ стѣнамъ домовъ, гдѣ тѣнь и нависшія надъ улицею широкія стрѣхи скрывали его отъ преслѣдователей. Но еще нѣсколько шаговъ, и улица переходила въ широкую площадь, гдѣ гибель Первана была неизбѣжна. Къ тому же онъ чувствовалъ себя изнеможеннымъ отъ усталости и потери крови. Печальный конецъ казался при такихъ условіяхъ неизбѣжнымъ. Но случайность спасла Первана. Онъ наткнулся на бѣгу на какую-то дверь; дверь отворилась; онъ вбѣжалъ черезъ нее и очутился въ какой-то лавкѣ, гдѣ и упалъ, полуживой, на полъ.

Преслѣдователи этого не замѣтили и проскакали мимо.

* * *

Перванъ не могъ двинуться съ мѣста. Потеря крови, усталость и перенесенныя волненія обезсилили его до такой степени, что онъ снова потерялъ на нѣкоторое время сознаніе. Но молодость взяла свое. Черезъ короткій промежутокъ вре-

мени сознаніе къ нему вернулось. Гдѣ онъ былъ? Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать. Онъ началъ ощупывать рукою окружающіе предметы и догадался, что находится въ какой-то лавкѣ... Рукавъ его былъ весь мокрый отъ вытекшей изъ раны крови... Дверь лавки оставалась открытою настежь; изъ нея въ комнату врывалась холодная воздушная струя.

Прошло нѣсколько минутъ.... Вдругъ на порогѣ показалась высокая человѣческая фигура.

Она ввалилась въ лавку, хлопнула за собою дверь и заперла ее ключемъ, проворчала по-сербски какое-то грубое ругательство и бросила что-то тяжелое на полъ. Потомъ она чиркнула спичкою и зажгла стѣнную лампочку. Свѣтъ позволилъ Первану оглядѣться. Онъ увидѣлъ, что, дѣйствительно, попалъ въ жалкую мелочную лавчонку и принесенныя только что вещи были, вѣроятно, добыты изъ такой-же, но разграбленной лавки. Вошедшій—по всей вѣроятности хозяинъ—стоялъ спиною, такъ что Перванъ не могъ сначала видѣть его лица. Видно было только, что это здоровый, сильный мужчина. Но вотъ онъ повернулся лицомъ къ свѣту, и Перванъ съ ужасомъ узналъ въ немъ македонца Ламбо. Въ тотъ же мигъ и Ламбо узналъ своего ночного гостя. Свирѣпая ярость вдругъ искривила его лицо.. Итакъ, слухъ о его смерти былъ, значитъ, ложенъ!..

— Что, узналъ, небось? — проговорилъ онъ съ налитыми кровью глазами.

— Да,—прошепталъ ефрейторъ.

— Попался, проклятая собака!—прорычалъ Ламбо, вытаскивая изъ кармана револьверъ.

— Убей меня!—сказалъ Перванъ.

Но разбойникъ не спѣшилъ съ развязкою. Прежде чѣмъ убить врага, онъ хотѣлъ его помучить.

— Небось, не пожалѣю... Два съ половиною года поджидалъ я тебя... Наконецъ, дождался...—глухо проговорилъ македонецъ.

Перванъ ничего не отвѣчалъ; смертельная слабость охватила все его существо. Все вертѣлось у него передъ глазами, но ни сознаніе, ни энергія его не покидали.

Македонецъ, между тѣмъ, увидѣлъ у Первана висѣвшую подъ шинелью часовую цѣпочку. Машинально, по привычкѣ, онъ дернулъ за нее и вытащилъ часы, которые положилъ къ себѣ въ карманъ. Это движеніе опять заставило Первана открыть глаза.

— Ты что же не просишь пощады?... Проси, сказалъ вѣдь я тебѣ, что убью... Давно поклялся не пощадить тебя, проговорилъ Ламбо, откладывая въ сторону револьверъ и вытаскивая вмѣсто него ножъ.

— Былъ во власти худшихъ разбойниковъ, чѣмъ ты, и то не просилъ пощады. Убей меня...—прошепталъ едва слышно Перванъ и закрылъ глаза, чтобы не видѣть своего убійцы.

Онъ сознавалъ, что смерть неизбѣжна. И въ этотъ предсмертный мигъ его мысль перенеслась черезъ Руйскія горы, черезъ Витошу, черезъ долину Марицы и Родопы и остановилась въ родной Чирвенской долинѣ... Онъ увидѣлъ родной домъ, образъ дорогой матери, свою Найду, своего маленькаго Стояна... Въ мигъ перенесся онъ туда мысленно и въ мигъ же вернулся назадъ, въ лавку своего смертельнаго врага.

Онъ снова открылъ глаза и снова увидѣлъ передъ собою македонца съ ножомъ въ рукѣ. Борода его попрежнему была всклокочена; глаза попрежнему, казалось, горѣли зловѣщимъ огнемъ.

— Ты былъ подъ Сливницею?—внезапно спросилъ онъ.

— Былъ.

На лбу македонца показались крупныя капли пота. Что-то особенное происходило въ его темной душѣ. Странная улыбка освѣтила его озвѣрѣвшее лицо.

Его глаза заблистали, но не отъ свѣта лампы, который отражался въ нихъ. Въ нихъ показались слезы!.. Кто можетъ сказать, что вызвало ихъ? Проснулся ли человѣкъ? Болгарское ли чувство заговорило въ немъ? Или ему просто стало стыдно передъ этимъ беззащитнымъ и безстрашнымъ въ своей беззащитности врагомъ?..

— Гдѣ ты раненъ?—спросилъ онъ.

Перванъ показалъ ему на свое лѣвое плечо.

— Вставай, пойдемъ на верхъ; посмотрю твою рану... Ляжешь спать на моей постели... Гостемъ моимъ будешь эту ночь...

И Ламбо поднялъ Первана, взялъ его подъ мышки и осторожно повелъ по крутой лѣстницѣ на верхъ.

Разбойникъ и герой исчезли въ темнотѣ.

А тамъ, за городомъ трещали и гремѣли ружейные выстрѣлы.

* * *

Дѣйствительно, въ эту ночь на нашемъ лѣвомъ крылѣ кипѣлъ ожесточенный бой. Болгарскія войска съ отчаянною смѣлостью штурмовали сербскія укрѣпленія на „Черной Чукѣ“, которыя отвѣчали намъ огненнымъ дождемъ. Два приступа были отбиты, но третій сломилъ сопротивленіе сербовъ, и Черная Чука была взята.

На разсвѣтѣ бой возобновился и продолжался до тѣхъ поръ, пока разстроенные окончательно сербы не начали от-

ступать по Нишскому шоссе, оставивъ побѣдителю и Пиротъ, и своихъ убитыхъ.

Надо сказать правду: въ битвахъ подъ Пиротомъ сербскіе солдаты дрались мужественно и только послѣ отчаяннаго сопротивленія отступали пядь за пядью. Видно, девятидневный непрерывный бой съ болгарами, которые показывали имъ постоянные примѣры отчаянной храбрости, закалили ихъ духъ. А можетъ быть ихній поздній героизмъ былъ и плодомъ отчаянія...

Но болгарскій натискъ напоминалъ собою неудержимый могучій потокъ. Отпущенный при Сливницѣ, онъ сорвалъ удерживавшіе плотины у Драгомана и Цариброда и теперь несся по Нишавской долинѣ, все валя и ломая на своемъ кровавомъ пути.

Увы, этотъ натискъ оставилъ за собою глубокую, страшную бездну, которая раздѣляетъ теперь одинъ отъ другого два братскіе народа.

* * *

На слѣдующій день въ полдень вступалъ въ покоренный Пиротъ и ротмистръ И. съ своимъ эскадрономъ. Проѣзжая по одной узкой улочкѣ, ротмистръ увидѣлъ неожиданное, поразившее его зрѣлище. У дверей одной лавчонки стоялъ Перванъ Лазаровъ и дѣлалъ ему честь. Возлѣ Первана стоялъ Ламбо.

— А, Перванъ! Такъ ты живъ, значитъ! Молодчина!—воскликнулъ, весело улыбаясь, ротмистръ.

— Простите, ваше благородіе, былъ въ гостяхъ вотъ у стараго пріятеля,—проговорилъ Перванъ, указывая на Ламбо.

— Точно такъ, ваше благородіе,—подтвердилъ Ламбо.

Ротмистръ недовѣрчиво усмѣхнулся и сказалъ:

— Ну ладно, ладно!.. Садись на „Короля“,—онъ давно уже скучаетъ по тебѣ.

„Король“ узналъ своего хозяина. Онъ уже не скучалъ, а прыгалъ отъ удовольствія. Перванъ вскочилъ на него и снова обернулся къ Ламбо:

— Ламбо, помнишь ли дѣда Таско?

— Какъ же! Ѣлъ у него за столомъ нѣсколько разъ.

— А знаешь, что постоянно любилъ онъ повторять?—что „кровь не вода: всегда скажется“... Ну, прощай!..

Онъ снялъ шапку, низко поклонился и, ударивъ коня шпорою, поскакалъ вслѣдъ за эскадрономъ.

Первый болгаринъ, который...

Всѣ мыслящіе люди съ безпокойствомъ слѣдятъ у насъ за развитіемъ одного общественнаго зла, опасныя послѣдствія котораго очевидны для всякаго, но противъ котораго никто еще не открылъ дѣйствительнаго лѣкарства.

Это—паническій ужасъ передъ трудомъ!

Наша жизнь, со времени освобожденія, такъ сложилась, что, вмѣсто его искорененія, создавала лишь все болѣе и болѣе благопріятныя условія для его развитія. Семья, училище, казарма, политическія партіи, все дѣлаетъ изъ нашей молодежи претендентовъ на государственную службу, изощряетъ въ этомъ направленіи умы и аппетиты. Широкое поле физическаго, полезнаго, независимаго труда презирается и является достояніемъ тѣхъ, кто чувствуетъ себя у насъ чужимъ, кто не родился подъ болгарскимъ небомъ... Стремленіе къ „легкой жизни" съ помощью службы насаждается у насъ еще въ дѣтскія души. Чадолюбивый отецъ приходитъ въ ужасъ отъ одной мысли, что его сынъ можетъ сдѣлаться земледѣльцемъ или ремесленникомъ, или торговцемъ, и прилагаетъ всѣ усилія, приноситъ всевозможныя жертвы для того, чтобы сдѣлать изъ него чиновника. У насъ каждый день кто-нибудь бросаетъ плугъ, закрываетъ мастерскую или лавку. Все молодое и способное рвется къ службѣ. Страна теряетъ здоровыя руки, здоровые умы, здоровыя силы, увеличивая на ихъ счетъ число претендентовъ на казенный пирогъ.

Политико-экономы могутъ считать это явленіе совершенно естественнымъ въ странѣ, зажившей новою политическою жизнью, но для меня оно остается трудною и опасною проблемою...

Вотъ почему я былъ искренно обрадованъ, когда разъ встрѣтился съ молодымъ, развитымъ и энергичнымъ болгариномъ, который...

Но буду разсказывать по порядку.

Возвращаясь однимъ праздничнымъ вечеромъ съ прогулки за городомъ, я зашелъ передохнуть въ табачную лавочку, расположенную на Царьградскомъ бульварѣ, прямо противъ дворцовыхъ воротъ.

Зрѣлище, которое представляетъ отсюда бульваръ, чрезвычайно любопытно для тѣхъ, кто любитъ наблюдать.

Толпы модно одѣтыхъ кавалеровъ и расфранченныхъ дамъ проходятъ мимо табачной лавки по широкому тротуару, направляясь въ загородный садъ, или возвращаясь изъ него.

Этотъ кусокъ тротуара является настоящимъ Босфоромъ, черезъ который протекаютъ суетныя волны болгарской столичной жизни. Тутъ встрѣчаются, останавливаются, привѣтствуютъ другъ друга представители высшаго класса софійскаго общества, представители моды и роскоши, выходящіе сюда для того, чтобы себя показать и людей посмотрѣть. Наблюдая этотъ людской потокъ, незнающій человѣкъ могъ бы подумать, что наша Софія—счастливое Эльдорадо, купающееся въ роскоши и богатствѣ, блистающее великолѣпіемъ и красотой. Какое горькое разочарованіе ожидаетъ его за этими декораціями, въ скрываемой отъ постороннихъ глазъ дѣйствительности, представляющей собою мутное море нищеты, разврата, позора и лѣни...

Увлеченный созерцаніемъ этой картины столичной суеты, я не сразу замѣтилъ присутствіе въ табачной лавкѣ какого-то незнакомаго господина, который живо бесѣдовалъ съ хозяиномъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, бѣлокурый, одѣтый въ скромный, но хорошо сшитый, костюмъ. Въ его лицѣ не было ничего особенно яркаго или выразительнаго; оно было даже, что называется, незначительно.

Мое вниманіе скоро было привлечено къ ихъ разговору, который велся очень оживленно. Молодой человѣкъ говорилъ о предметѣ, который, видимо, чрезвычайно занималъ его. Я вслушался, и вотъ что мнѣ удалось понять изъ его словъ.

Молодой человѣкъ жаловался на преслѣдованія, жертвою которыхъ онъ былъ со стороны какого-то австрійскаго еврея, хозяина единственной въ столицѣ мастерской военныхъ сѣделъ и конской сбруи. Онъ хотѣлъ открыть такую же мастерскую и съ этой цѣлью въ теченіе девяти мѣсяцевъ изучалъ сѣдельное ремесло въ одной изъ образцовыхъ берлинскихъ мастерскихъ этого рода. Но сѣдларь-еврей оказался вліятельнымъ членомъ въ мѣстномъ кожевенномъ цѣхѣ. Опасаясь конкурренціи, онъ пустилъ въ ходъ всяческія интриги и добился того, что подъ какимъ-то предлогомъ только что открытая мастерская молодого сѣдларя была закрыта.

Молодой человѣкъ былъ огорченъ и возмущенъ этою несправедливостью. Онъ имѣлъ выправленное по всей формѣ свидѣтельство мастера и былъ увѣренъ, что не посрамилъ бы ни себя, ни своихъ учителей. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ возможности доказать это на дѣлѣ, ибо не зналъ, къ кому обратиться за помощью и защитой.

Эта простая исторія столько-же заинтересовала меня, сколько и поразила. Какъ? Молодой, развитой и, очевидно, не ли-

шенный образованія болгаринъ рѣшается потратить столько труда и усилій, чтобы сдѣлаться простымъ ремесленникомъ, вмѣсто того, чтобы добиваться служебной карьеры, т. е. того, что считается у насъ самымъ естественнымъ, приличнымъ и завиднымъ поприщемъ? И не только не отказывается отъ своей завѣтной цѣли, когда наталкивается на первыхъ же шагахъ на такую неудачу, но тѣмъ съ большею энергіей и настойчивостью стремится къ ней?.. Что за странный молодой человѣкъ! Изъ какого тѣста онъ вылѣпленъ? Съ какой другой планеты упалъ онъ?

Въ своемъ изумленіи я не хотѣлъ допустить, чтобы онъ выбралъ карьеру ремесленника, не испробовавъ предварительно—конечно, съ отрицательнымъ результатомъ—всѣхъ способовъ сдѣлаться чиновникомъ. Желая провѣрить основательность своей догадки, я обратился къ нему съ прямымъ вопросомъ.

— Но почему-же вы не попытались раньше найти себѣ какую-нибудь подходящую службу?—спросилъ я его съ скрытою ироніею.

Молодой человѣкъ поднялъ на меня свои живые глаза.

— Я былъ чиновникомъ, милостивый государь, благодарствую...

Онъ произнесъ эти слова съ какою-то усмѣшкою, значеніе которой осталось для меня неяснымъ.

— А, такъ вы, значитъ, служили?—переспросилъ я, внутренно поздравляя себя съ такимъ тонкимъ пониманіемъ національной болгарской психологіи.

— Четыре года.

— Гдѣ?

— Въ военномъ министерствѣ. Служилъ въ хозяйственномъ департаментѣ.

— Что-же, васъ уволили?

— Нѣтъ, я самъ ушелъ.

— Странно!

— Почему странно? Я предпочелъ ремесло...

— Еще страннѣе!

— Я убѣдился, что съ чиновничествомъ далеко не уйдешь: на 250 франковъ въ мѣсяцъ особенно не разгуляешься! Служи я въ министерствѣ хоть десять лѣтъ, бо́льшаго все равно не получилъ бы... не говоря уже о томъ, что постоянно жилъ бы подъ страхомъ потерять мѣсто. Вѣдь вы знаете, какъ не вѣрна у насъ служебная карьера! Не правда-ли?

Молодой человѣкъ положительно выросталъ въ моихъ глазахъ. Слушая его невѣроятныя рѣчи, я начиналъ видѣть

въ его глазахъ отраженіе какой-то благородной энергіи. Даже лицо его показалось мнѣ теперь пріятнымъ и красивымъ.

— А почему вы выбрали именно сѣдельное ремесло?

— Я же вамъ сказалъ, что служилъ въ хозяйственномъ департаментѣ военнаго министерства. Тамъ я и понялъ, какъ выгодно должно быть это ремесло у насъ въ Софіи, благодаря заказамъ и покупкамъ нашихъ кавалерійскихъ офицеровъ. Вѣдь у насъ только одна мастерская во всемъ городѣ, а работы здѣсь хватитъ на три, если не больше... Вотъ я и рѣшилъ поѣхать на скопленныя деньги въ Берлинъ учиться... Пусть другіе служатъ, если хотятъ... Многіе офицеры изъ знакомыхъ обѣщали быть моими кліентами... Только бы работать, только бы работать!

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ.

А молодой человѣкъ снова обратился къ хозяину и продолжалъ горячо говорить ему:

— Но я не сдамся, нѣтъ... Экая бѣда, что не къ кому мнѣ обратиться, кто бы заступился за меня въ ремесленномъ управленіи. Сѣдельное ремесло не какая-нибудь монополія. Имѣю и я право зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба: я—болгарскій подданный!..

Уваженіе мое къ этому молодому болгарину все росло. Я видѣлъ въ немъ присутствіе столь рѣдкой у насъ душевной энергіи. Въ его лицѣ я въ первый разъ встрѣчалъ человѣка, который вступалъ въ жизнь съ довѣріемъ къ своимъ собственнымъ силамъ, съ стремленіемъ при помощи физическаго труда добиться независимаго существованія. Я съ истиннымъ удовольствіемъ наблюдалъ за энергичною жестикуляціею и всматривался въ живое и симпатичное теперь лицо перваго болгарскаго юноши, который не хотѣлъ оставаться чиновникомъ, который самъ перемѣнилъ службу на работу, который былъ настолько свободенъ отъ предразсудковъ и ложнаго стыда, господствующихъ среди нашей молодежи. Онъ завоевалъ мои симпатіи. Я рѣшилъ въ душѣ принять участіе въ его дѣлѣ и поговорить съ людьми, отъ которыхъ зависѣла его участь. Эта мысль мнѣ улыбалась. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не помочь такому человѣку, какъ не поспособствовать успѣху этого благороднаго опыта, наткнувшагося на завистливое недоброжелательство какого-то иностранца?..

Въ это время молодой человѣкъ показывалъ хозяину лавки свое берлинское свидѣтельство и прочитывалъ ему изъ него нѣкоторыя нѣмецкія фразы.

— Вы хорошо знаете нѣмецкій языкъ?—спросилъ его я.

— Порядочно... столько, сколько мнѣ нужно въ моемъ дѣлѣ,—отвѣчалъ онъ.

— Вы откуда родомъ?

— Я здѣшній, родился въ Софіи.

— Живы-ли ваши родители?

— Умерли.

— И вы совсѣмъ одинъ?

— Да... — и послѣ короткой паузы онъ прибавилъ, немного покраснѣвъ:

— Недѣлю тому назадъ я обручился.

— И какъ разъ въ такое время случилась съ вами эта непріятность?.. Надѣюсь, впрочемъ, что это дѣло уладится. Я буду искренно радъ...

— Благодарю васъ.

— А гдѣ вы научились нѣмецкому языку?

— Здѣсь.

— Практически?

— И практически, и въ школѣ.

— Въ гимназіи, значитъ?

— Нѣтъ, въ еврейскомъ училищѣ.

Я изумился. Я никакъ не ожидалъ этого.

Онъ, съ своей стороны, удивился моему изумленію.

— Да вѣдь я еврей,—сказалъ онъ.

Сценка на Соборной площади.

Я перебирался на другую квартиру... Этого, надѣюсь, будетъ совершенно достаточно, чтобы читателю стало ясно, почему я убѣжалъ въ этотъ день изъ дому...

Я безцѣльно бродилъ по новымъ софійскимъ улицамъ и незамѣтно для самого себя очутился, въ концѣ концовъ, на Соборной площади. Тутъ, не подалеку отъ колокольни, собралась толпа народа, тѣснившаяся вокругъ кого-то или чего-то. Любопытство также прилипчиво, какъ зѣвота или политика: я тоже подошелъ къ толпѣ и съ помощью локтей скоро пробрался въ ея середину. Что бы вы думали, я увидѣлъ тамъ? Человѣка, попавшаго подъ фаэтонъ? или случай скоропостижной смерти? или еще какое-нибудь изъ подобныхъ зрѣлищъ, имѣющихъ незавидную привилегію будить людское любопытство?

Нѣтъ, я увидѣлъ тамъ женщину, бѣжавшую изъ своего дома.

Женщина была крестьянка. Она сидѣла на землѣ... Молодая, миловидная, съ потупленными глазами, въ живописномъ нарядѣ мѣстныхъ шопскихъ женщинъ, она сидѣла, повидимому, безучастная ко всему окружавшему.

Возлѣ нея стоялъ высокій и русый парень, ея мужъ. Я тщетно старался прочитать на его лицѣ тѣ потрясающія чувства, которыя онъ долженъ былъ испытывать. На немъ ясно видно было лишь какое-то смущеніе.

Любопытная толпа состояла изъ мужчинъ и женщинъ, но характеръ зрѣлища выдвигалъ на первый планъ женщинъ. Онѣ стояли ближе къ центральной группѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ увѣщевали бѣглянку вернуться добромъ къ мужу. Но молодая баба продолжала сидѣть, упорно глядя въ землю, и не отвѣчала ни однимъ словомъ... Къ женскимъ голосамъ присоединялись отъ времени до времени и мужскіе, но самъ мужъ молчалъ. Баба все молчала. Наконецъ, она подняла на мгновеніе свои черные глаза и проговорила, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности:

— Не пойду; убейте меня, но не пойду!..

Эти слова вызвали въ толпѣ смѣшанный шумъ голосовъ, въ которомъ большинство было на сторонѣ мужа... Вдругъ толпа раздалась и на сценѣ появился городовой. Онъ грубо дернулъ бабу за руку и приказалъ ей встать и идти съ мужемъ.

— Убейте меня, не пойду, — крикнула рѣшительно баба.

Эти ли слова, тонъ ли, которымъ они были произнесены, появленіе ли власти въ лицѣ грубаго городового, но симпатіи толпы сразу перемѣстились. Теперь она была за жену.

— Не хочетъ идти съ нимъ, не любитъ значитъ!.. Тутъ силою все равно не поможешь!—говорила одна изъ присутствовавшихъ.

— Несчастная! Не сладко, видно, жилось ей, коли побѣгла!—говорила другая.

— Господи, Господи, срамъ-то, срамъ-то какой!—послышался полный отчаянія голосъ...

Сначала мнѣ было показалось, что эти слова произнесъ мужъ. Но нѣтъ: ихъ произнесъ стоявшій тутъ же старый попъ, какъ оказалось, отецъ бабы.

Городовой еще разъ рванулъ бабу за руку. Она наполовину поднялась, но потомъ опять повалилась на землю.

— Какое варварство!—съ негодованіемъ воскликнулъ стоявшій въ толпѣ высокій студентъ мѣстной Высшей школы.

— Да развѣ можно такъ толкаться? Не любитъ—ничего не подѣлаешь!—энергично проговорила толстая чешка—вѣроятно, кухарка—которая держала въ рукѣ громадную корзину, до верху наполненную мясомъ и дичью.

Представитель власти бросилъ на обладательницу громадной корзины полуугрожающій, полупренебрежительный взглядъ и, не удостоивъ ее отвѣтомъ, позвалъ на помощь

мужа и еще нѣсколькихъ ближайшихъ мужчинъ. Они схватили бабу за руки и за ноги и подняли ее съ земли. Несчастная дѣлала отчаянныя, но тщетныя усилія вырваться. При видѣ подъѣхавшаго фаэтона она удвоила усилія и полнымъ отчаянія голосомъ закричала:

— Не хочу, не хочу!..

Эта отвратительная сцена возмутила всѣхъ. Со всѣхъ сторонъ послышались протесты и негодующіе крики. Возмущеніе достигло своего апогея, когда мужъ, перешедшій внезапно въ состояніе свирѣпаго бѣшенства, нанесъ нѣсколько ударовъ кулакомъ по лицу своей жертвы.

— Безобразіе, безобразіе!—закричалъ студентъ, бросаясь къ городовому съ сжатыми кулаками. Это движеніе увлекло за собою всѣхъ. Теперь въ толпѣ нельзя было найти ни одного человѣка, который не былъ бы на сторонѣ бѣглянки. Столкновеніе между возмущенною человѣческою совѣстью и законнымъ правомъ казалось неминуемымъ. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до этого, баба очутилась въ фаэтонѣ, вмѣстѣ съ мужемъ и съ блюстителемъ порядка. Фаэтонъ тронулся, и толпа остановилась, понимая, что дѣло кончилось, что порядокъ окончательно восторжествовалъ. Но неравная борьба въ фаэтонѣ тотчасъ же возобновилась: баба вырвалась, выпрямилась и сдѣлала движеніе, чтобы броситься изъ экипажа. Но это было ея послѣднее усиліе. Черезъ мгновеніе она опять исчезла на днѣ экипажа, подъ дождемъ сыпавшихся на нее кулачныхъ ударовъ. Фаэтонъ поѣхалъ быстрѣе и повернулъ въ одну изъ улицъ. На днѣ его лежала баба, ноги у которой торчали наружу; а на бабѣ сидѣли, навалившись на нее всею тяжестью, городовой и мужъ, закрывавшій ей ротъ своею ладонью.

Толпа провожала взорами фаэтонъ, пока онъ не скрылся въ боковой улицѣ, и затѣмъ начала расходиться.

Составлявшія толпу женщины продолжали обмѣниваться впечатлѣніями по поводу только что видѣннаго.

— И что это за жизнь теперь у нихъ будетъ!—сказала одна изъ нихъ.

— Извѣстно, какая!.. Такая же, какъ и до сихъ поръ была!—отвѣчала другая.

— А что, крѣпко онъ ее билъ?

— Еще бы не билъ! Такъ билъ, что...

— Ну, да и она тоже хороша,—вмѣшалась новая собесѣдница,—получила, что заслужила; только и всего...

Всѣ обернулись къ ней.

— Не слыхали, развѣ, что ея отецъ тутъ говорилъ,—продолжала она.—Безстыдница!.. И она прибавила шопотомъ

нѣкоторыя подробности, которыя нѣсколько охладили симпатіи публики къ героинѣ только что разыгравшейся сцены.

— Ну, въ такомъ случаѣ и жалѣть ее нечего,—сказала сурово одна изъ женщинъ.

— Да вѣдь все равно силою любить не заставишь,—возразила другая.

— Ничего, ничего... Такую и поучить не грѣхъ—отвѣчала третья.

— Да что толку-то? Все одно ненавидитъ она его!

— Ненавидитъ! Да онъ-то ее любитъ, какъ сумасшедшій!..

Я ушелъ, не дождавшись конца завязавшагося разговора. Но долго еще въ моей головѣ неотступно стоялъ образъ невѣрной жены, которую градомъ кулаковъ заставляли возлюбить своего мужа; образъ мужа, покинутаго и обезчещеннаго но тѣмъ страстнѣе и крѣпче привязаннаго къ женѣ своей; образъ городового, который въ качествѣ орудія закона охранялъ право сильнаго. Всѣ эти элементы картины—простые, потому что ежедневно повторяющіеся на нашихъ глазахъ,—становились въ своей совокупности сложными, загадочными и трагическими, обращались въ мрачную и неразрѣшимую загадку...

Заворачивая въ улицу, я обернулся назадъ: группа женщинъ еще продолжала оживленно разговаривать. Ихъ, вѣроятно, занимала та же загадка, тотъ же страшный вопросъ, который встрѣчаемъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ, который не разрѣшила до сихъ поръ никакая философія, который никогда не разрѣшатъ никакія политическія и соціальные перевороты..! Гдѣ же тайна этой фатальной дисгармоніи между двумя половинами человѣческаго рода? Въ условіяхъ жизни скрывается ли она, или въ исторіи человѣчества, или въ капризномъ, какъ волны, человѣческомъ сердцѣ?

Да, страшный это вопросъ...

ВЕЧЕРИНКА.

(Разсказъ).

I.

Петръ Николаевичъ всталъ съ лѣвой ноги, по выраженію Софьи Сергѣевны, и вышелъ къ утреннему чаю желтый и суровый. Прежде, этакъ лѣтъ десять назадъ, Софья Сергѣевна отъ одного взгляда на брюзжащую мину супруга пришла бы въ негодованіе, но теперь она хладнокровно спросила его, слегка цѣдя сквозь зубы, альтовымъ голосомъ:

— Мяса хочешь?

Прежде онъ обыкновенно отвѣчалъ: „не хочу"... Его катарральный желудокъ не переносилъ этихъ утреннихъ бутербродовъ, которые такъ любила его жена.

На этотъ разъ ротъ Петра Николаевича скривился въ ядовитую улыбку:

— Тринадцатый годъ изо дня въ день слышу этотъ неизмѣнный вопросъ... И неизмѣнно отвѣчаю „нѣтъ"... Сколько еще лѣтъ впереди вы намѣрены меня угощать холодной говядиной по утрамъ?

Софья Сергѣевна чуть-чуть покраснѣла. Но ссориться ей не хотѣлось. У нея были „планы"...

— Чудакъ!.. О немъ же заботятся, а онъ злится...

— Хороши заботы!.—фыркнулъ Петръ Николаевичъ.—За тринадцать лѣтъ почти не изучить моихъ привычекъ... Это равнодушіе, сударыня, полное игнорированіе моей личности, да-съ...

— Не свои слова говоришь...—процѣдила Софья Сергѣевна, хладнокровно прожевывая бутербродъ.

Онъ не слыхалъ, къ счастью... Съ засверкавшими глазами онъ продолжалъ:

— Не далеко примѣра искать... это что-съ?

Онъ щелкнулъ сухимъ длиннымъ пальцемъ по облѣзлой, залитой саломъ клеенкѣ, которая замѣняла чайную скатерть.

— Это грязь, мерзость... трактиръ... Прошу изъ года въ годъ... не могу допроситься... Подумаешь, бѣлья нѣтъ...

— А прачка?..—зычнымъ раскатомъ пронесся голосъ Софьи Сергѣевны.—Ты сосчитай, сколько на прачку идетъ... Развѣ напасешься бѣлья съ этими поросятами?

Она кивнула на присмирѣвшихъ дѣтей, изъ которыхъ двое уже облили молокомъ клеенку.

— Э, да что говорить, развѣ съ тобой столкуешь... Вотъ вчера весь день отравила нафталиномъ... Голова болѣла весь день... Двѣнадцать лѣтъ твержу, что не выношу этого запаха проклятаго... Нѣтъ таки... Упряма, какъ чортъ... Задыхаешься каждую зиму...

— А чѣмъ отъ моли спасаться?.. Ты научилъ бы... Чѣ-ѣмъ?..

— Все равно... моль все подъѣла... Съ такимъ неряшествомъ, какъ у.насъ...

— Нѣтъ, ты просто рехнулся... Какая тебя муха укусила нынче, Петръ Николаевичъ?

— Не муха, а семья, матушка... Вотъ вы гдѣ у меня сидите...

Онъ хлопнулъ себя по затылку. У Софьи Сергѣевны задрожали губы, но она сдержалась. Онъ тоже поспѣшилъ спрятаться за газету. Глаза его прыгали по строкамъ, ничего не видя. Ему уже было стыдно передъ дѣтьми за этотъ взрывъ раздраженія... Но наученный долгимъ опытомъ, онъ подозрительно отнесся къ кротости супруги. Это грозило разговорами о деньгахъ.

Онъ не ошибся. Улучивъ минуту, когда жена пошла въ спальню, онъ наскоро надѣвалъ пропахшую нафталиномъ шубу, мечтая незамѣтно улизнуть. Но Софья Сергѣевна застала его въ тотъ моментъ, когда онъ влѣзъ въ ботики. Она всплеснула руками.

— Въ котелкѣ!.. въ этакую вьюгу... Ты съ ума сошелъ, Петръ?.. Я тебѣ зимнюю шапку нарочно достала...

— Сама носи ее, сдѣлай одолженіе... И такъ ужъ задушила нафталиномъ... Благодари Бога, что я въ драповомъ пальто не выхожу изъ-за твоего упрямства дурацкаго...

— Простудишься... насморкъ схатишь... вѣдь ужъ зима на дворѣ...

— Вините себя, сударыня... никого, какъ себя...

Онъ уже выходилъ. Она поймала его за рукавъ старенькой енотки.

— Pierre...—ласковыми низкими нотами заговорила она, любовно глядя на него своими красивыми сѣрыми глазами.— Pierre, мнѣ нужны деньги...

Онъ безпомощно заморгалъ.

— Деньги... Какія деньги?.. Откуда?..

— Ахъ, Боже мой, ты забылъ, что у насъ въ четвергъ журъ-фиксъ?..

— Вотъ тоже... Есть у меня время о такомъ вздорѣ думать...—вспылилъ Петръ Николаевичъ.—Твои затѣи... не мои... Я тебѣ далъ деньги всѣ сполна двадцатаго... Какого еще рожна...

— То двадцатое, а нынче первое... Самъ знаешь... жалованье прислугѣ... туда-сюда по лавкамъ отдашь, пустяки остаются. Дай хоть пятьдесятъ рублей... Не могу же я твоихъ инженеровъ битками накормить...

Онъ вырвалъ свой рукавъ и сталъ спускаться по лѣстницѣ.

— Петръ, оглохъ ты или рехнулся?...—крикнула Софья Сергѣевна, подождавъ секунду.

Тяжелые ботики Иванова стучали по каменнымъ ступенькамъ. Фигура его уже исчезла изъ вида.

Она ждала. На щекахъ ея выступили розовыя пятна.

— Вотъ подожди... Украду изъ банка и принесу тебѣ... Больше мнѣ взять негдѣ, чтобъ васъ содержать прилично...— донесся до нея снизу задыхавшійся отъ бѣшенства голосъ.

Дверь гулко хлопнула.

Софья Сергѣевна пожала пышными плечами и вошла въ квартиру. Что деньги будутъ, она не сомнѣвалась. Вопросъ въ томъ, сколько онъ ей дастъ на этотъ разъ? За послѣднее время (Господь его знаетъ отчего) Петръ Николаевичъ все чаще вставалъ съ лѣвой ноги и брюзжалъ, отравляя жизнь себѣ и женѣ. И какъ ни была флегматична Софья Сергѣевна, семейныя размолвки стали учащаться, обостряя отношенія супруговъ. Конечно, они мирились потомъ, но въ душѣ у обоихъ оставался осадокъ горечи.

„Утомляется... Тоже вѣдь не машина“, оправдывала мужа про себя Софья Сергѣевна. Она цѣнила, что мужъ не измѣняетъ ей, не кутитъ, не пьянствуетъ, какъ другіе.

„Идеальный батракъ“...—язвила сестра Анна, сама много выстрадавшая отъ донъ-жуанства красиваго мужа.

Какъ бы то ни было, на лицо былъ фактъ, что самолюбіе Софьи Сергѣевны порядочно-таки притупилось за тринадцать лѣтъ супружества. Случись такая сценка въ первые годы, вскорѣ послѣ того, какъ она—стройненькая, бѣленькая гувернанточка, уставъ мыкаться по чужимъ домамъ, радостно вышла за безумно влюбленнаго Петра Николаевича,—о, она показала бы ему!.. И не разъ она устраивила супругу великолѣпную истерику... Ей это даже нравилось... Она ничего не имѣла противъ этихъ встрясокъ, разнообразившихъ жизнь...

Бѣда была въ томъ, что страсть Петра Николаевича что-то ужъ очень скоро испарилась. Черезъ какихъ нибудь два года она исчезла безслѣдно... Ее смѣнила глубокая при-

вязанность къ дѣтямъ. Жену онъ тоже сильно любилъ, но характеръ его портился. Явилась требовательность, раздражительность. Даже ласковость исчезла. Они рѣдко разговаривали по душѣ, а потомъ ужъ ни о чемъ интимномъ не говорили, ограничиваясь одними мелочами домашняго обихода... Дрова вышли... У Сережи животикъ болитъ, доктора надо... Пора Надѣ на шубку новую дать... Мясо вздорожало безбожно. У Евтихьевыхъ опять скандалъ... она кухарку обсчитала... та мировому подаетъ...

Но ужъ тутъ Петръ Николаевичъ обрывалъ краснорѣчіе Софьи Сергѣевны... онъ не любилъ, чтобы „судачили"...

И когда разъ она, по старой памяти, вздумала впасть въ истерику, онъ живо отучилъ ее, сбѣжавъ къ брату на двое сутокъ. Въ этихъ случаяхъ — теперь, когда прошла его страсть,—онъ былъ непреклоненъ. Его не останавливали ни ночное время, ни вьюга, ни тридцатиградусный морозъ.

„Характерецъ",—сквозь зубы говорила Софья Сергѣевна.

А Петръ Николаевичъ отвѣчалъ ей,—эдакъ лѣтъ шесть послѣ свадьбы:

— Нѣтъ ужъ, сударыня,—я вамъ даю комфортъ, удобства всякія, сытую жизнь... Отъ васъ требую одного: покоя...

Софья Сергѣевна никогда не спрашивала себя, есть ли у мужа деньги, когда въ хозяйствѣ оказывался изъянъ...

Она входила въ гостиную, гдѣ онъ работалъ поздно вечеромъ за письменнымъ столомъ, и клала передъ нимъ счета изъ магазина полотенъ и бѣлья.

— Это что еще?..—спрашивалъ онъ испуганно.

— У дѣтей простыни развалились... Надо наволочки и изъ столоваго кое-что... Завтра пришлютъ за деньгами...

— Восемьдесятъ рублей?.. Да что ты, мать? Откуда я ихъ возьму?..

— Вотъ чудакъ-то!—Она пожимала круглыми плечами.— Говорю: простыни развалились, полотенецъ нѣтъ... Опять чайныя...

— Да какъ же это такъ вдругъ сразу развалилось все?

— Ахъ... ну что ты понимаешь, Pierre? Не могу же я за каждой мелочью отдѣльно таскаться въ магазинъ... Лучше en gros... Скидку дѣлаютъ...

— Чорта съ два „ангро"...—мгновенно раздражался Петръ Николаевичъ.—Хороша скидка! Ты бы еще на сто рублей счетъ представила... Что мнѣ ихъ тебѣ—родить, что ли, эти деньги? Откуда я ихъ возьму?..

— Безъ наволочекъ тоже нельзя,—упрямо твердила свое Софья Сергѣевна, отлично зная, что стоитъ на твердой почвѣ, и что деньги будутъ.

— Слава Богу, развязались съ бѣльемъ,—говорилъ Ива-

новъ на другой день, отсчитывая деньги.—Прошу меня теперь лѣтъ пять, по крайности, не безпокоить...

„Дуракъ,—думала, улыбаясь, Софья Сергѣевна. — Точно дѣти не растутъ? Пять лѣтъ,—шутка сказать“...

Проходилъ мѣсяцъ и опять новый счетъ.

— Это что такое?

— Пять паръ башмаковъ... Приказчикъ ждетъ изъ магазина. У дѣтей обуви нѣтъ...

Хуже всего было весной или осенью. Сразу требовалось пять или шесть паръ калошъ, затѣмъ ботиковъ.

— Да вѣдь позволь... кажется, недавно?...

— Въ сентябрѣ, — подсказвалала Софья Сергѣевна, — а теперь мартъ... у дѣтей ноги растутъ, или нѣтъ? Какъ ты полагаешь?

Конечно, онъ соглашался, что растутъ. Что-жъ тутъ спорить? И такъ до безконечности.

Всего страшнѣе счета были отъ Мюра, переходя за сотню. Тамъ фигурировали осеннія и весеннія пальто мальчикамъ, бурнусы дѣвочкамъ, муфточки, капоры, фланелевые штанишки, гетры, рукавички...

У Петра Николаевича въ глазахъ темнѣло.

— Ты меня безъ ножа рѣжешь, Софья Сергѣевна... Побойся Бога... Гдѣ я тебѣ такую сумму возьму?

— Я, Петръ, не виновата... Я ихъ пальто не ѣмъ, ихъ башмаками не закусываю...—иронизировала она, вспоминая Щедрина.—Нечего, значитъ, меня и попрекать... Твои дѣти, не чужіе... Любишь кататься, люби и саночки возить,—флегматично изрекала она.

— Да вѣдь катались-то мы оба, а плачусь я одинъ,—озлобленно кричалъ Ивановъ.—Въ толкъ не возьму, какъ же у другихъ людей, побѣднѣе?.. Всѣ развѣ въ магазинѣ готоваго платья одѣваются? Какъ же Ельниковы?.. Анна сама все дѣлаетъ... Почему же ты?..

Софья Сергѣевна вставала и величественно присѣдала передъ мужемъ, склоняясь въ реверансѣ съ той же граціей, какъ и двадцать лѣтъ назадъ передъ попечителемъ института.

— Мегсі, Петръ Николаевичъ!.. У твоей Анны дѣти ходятъ, какъ нищіе... Ну, а я своихъ въ такихъ отрепьяхъ на бульваръ не выведу... Они у меня въ гости ѣздятъ, на елку въ порядочные дома... Да самое лучшее, отошлемъ все назадъ, въ магазинъ... Пусть до лѣта сидятъ въ комнатахъ, безъ воздуха... За то будетъ экономія...

И она уплывала изъ комнаты, высоко неся голову и раздувая красивыя ноздри.

— Ну, прощай наградныя!—съ отчаяніемъ думалъ Петръ

Николаевичъ, мечтавшій сшить себѣ новый сюртукъ, такъ какъ старый его весь лоснился и побѣлѣлъ по швамъ.— Теперь и къ матери въ Псковъ съѣздить не придется...

„Что за обуза семья,—говорилъ онъ себѣ въ эти минуты.— Какой дьяволъ толкаетъ насъ въ эту западню?..“

Но если Петръ Николаевичъ отчитывалъ свою Софью Сергѣевну наединѣ, то никому, даже сестрѣ Аннѣ, которую онъ любилъ больше всей родни, онъ изъ самолюбія не позволилъ бы заикнуться о ней... Она его жена, и довольно... Его жена—святая женщина...

— Всѣ буржуи такъ разсуждаютъ,—возражала сестра Анна.—У нихъ всегда жены святыя... Почему не любить человѣка со всѣми его недостатками?.. Зачѣмъ дюжинную женщину тащить за уши на пьедесталъ? Послушать васъ, мужей, мы только и окружены святыми женщинами и образцовыми воспитательницами... А жизнь доказываетъ другое... Нравственный и умственный уровень молодежи все понижается... Кто же виноватъ?.. Не одна школа... виновата и семья... Вотъ эти ваши святыя женщины... И—прости меня, Петръ...—Твоя Софья Сергѣевна—прудоновская женщина, не больше... Знаешь? есть такой сортъ женщинъ,—рыхлыхъ, бѣлыхъ, сдобныхъ... Однимъ словомъ, перинное счастье... Кичиться тутъ, право, нечѣмъ...

Сама она была такая желтая, худенькая, измученная, состарившаяся преждевременно среди нужды и самотоверженныхъ заботъ о семьѣ,—была такая несчастная въ бракѣ,— что у Петра Николаевича языкъ не поворачивался обругать ее за эту желчную выходку, или удрать, схвативъ въ охапку шапку, какъ онъ это продѣлывалъ раньше со старухой матерью.

— И наплевать!..—гремѣлъ Петръ Николаевичъ, возбужденно бѣгая передъ сестрой.—Мнѣ не нужно другой... А всетаки Софья хорошая баба... Здорова, весела, хозяйка... На наряды не тратится, поклонниковъ не заводитъ, дѣтьми не тяготится...

— Все это отрицательныя добродѣтели, Петръ... Ты назови что-нибудь положительное... Ну, напримѣръ, скажи, чѣмъ она интересуется?

— Ну такъ что жъ?.. Она тоже смолоду читала, стремилась, работала и все такое... На все время... Все лучше, чѣмъ жена, которая по курсамъ и урокамъ шляется... а дѣти горбатыя отъ недосмотра...

— Да вѣдь и ваши на нянькахъ... да еще русскихъ нянькахъ... Дѣло—случая...

— Пусть... Ея глазъ въ домѣ нуженъ... При хозяйкѣ все иначе идетъ... Тѣ же няньки—шелковыя...

— Словомъ, ты доволенъ?..—усмѣхалась Анна.

— А, конечно, доволенъ... Языкъ у нея длинный?.. Вѣрно... Но у кого этого нѣтъ?.. И мужчины судачатъ не хуже бабъ... А что она сама не зарабатываетъ,—и незачѣмъ... И своего—семейнаго дѣла—по горло... Что это за семья, наконецъ, гдѣ мужъ не кормилецъ и не глава?

— Это власть рубля,—только...—смѣялась Анна.—Не даромъ вы за нее держитесь...

Петръ Николаевичъ и смолоду относился скептически къ женскому вопросу, а когда съ годами кругомъ развелось столько дамъ—учительницъ, врачей, чиновниковъ, писательницъ и даже... драматурговъ... (Ты, Господи, видишь, чего только нѣтъ!)—и когда его Софья Сергѣевна неожиданно оказалась въ числѣ отсталыхъ,—Петръ Николаевичъ не только по своей консервативной натурѣ, но уже прямо изъ самолюбія сталъ ярымъ противникомъ женской независимости. Онъ желчно радовался всякой выходкѣ графа Толстого противъ высшаго женскаго образованія и какъ бы прятался за его авторитетъ. Китти Левина—семьянинка и хозяйка—вотъ его идеалъ женщины.

И если случалось Петру Николаевичу такъ вдругъ ополчиться на жену и упрекнуть ее подъ горячую руку въ дармоѣдствѣ,—онъ скоро сознавалъ, что просто сорвалъ на ней сердце, и ему было совѣстно. Онъ старался помириться, заигрывалъ съ надувшейся Софьей Сергѣевной, съ видомъ побитой собаки, жалко и виновато виляющей хвостомъ передъ хмурымъ челомъ хозяина... Вотъ когда Софья Сергѣевна подымала голову и чувствовала свою силу...

Но выходило какъ-то такъ, что послѣ тринадцати лѣтъ, увѣряя сестру въ своемъ счастіи и благополучіи,—Петръ Николаевичъ въ глубинѣ души всетаки оказывался ярымъ противникомъ брака... Было тутъ что-то, съ чѣмъ онъ не могъ помириться, чего не могъ простить кому-то... Хуже всего, что вѣдь и виноватаго-то не находилось, а обида была на лицо... Та вопіющая соціальная несправедливость, которую такъ оригинально освѣтилъ Глѣбъ Успенскій... Дѣйствительно: онъ, какъ корень, ушелъ подъ землю... Изъ цвѣтущаго человѣка сталъ какой-то жердью за десять лѣтъ брака, волосы и зубы стали падать, весь организмъ захирѣлъ и расшатался... Совсѣмъ какъ тѣ старыя пьянино, что таскаютъ по дачамъ годами. Съ виду будто цѣлы, а педаль гудитъ, клавиши щелкаютъ, молоточки сломались, гдѣ мыши изгрызли замшу, гдѣ моль поѣла фланель... Музыкальные инвалиды...

Такъ и онъ... Вкуса къ жизни уже нѣтъ. Еще лѣтъ десять—и онъ будетъ клячей. Кто подыметъ дѣтей на ноги? У него наврядъ ли хватитъ силъ дотянуть эту лямку... Вотъ

онъ бѣжитъ еще сейчасъ, подгоняемый бичомъ безпощадной жизни, подбодряя себя, напрягая всѣ силы,—но устаетъ и теперь... а старыя клячи не бѣгутъ, какъ бы ни свисталъ надъ ними кнутъ. Онѣ только помахиваютъ хвостомъ да укоризненно трясутъ головою...

Лучшіе годы ушли на борьбу за право имѣть семью. Теперь одна мечта—дотянуть до пенсіи. А придетъ этотъ желанный день, и онъ будетъ уже руиной—безъ запросовъ и стремленій. И за границу не потянетъ, при первыхъ лучахъ весны, когда грѣетъ солнце, такъ возбуждающе чирикаютъ воробьи' такъ звонко бѣгутъ ручьи кругомъ... Какой приливъ силъ и любви къ жизни чувствовалъ онъ всегда весною лѣтъ десять назадъ!.. И на Кавказъ уже не зачѣмъ будетъ ѣхать, и міръ Божій перестанетъ манить къ себѣ его усталую, замученную чиновничью душу...

А жена цвѣтетъ, жирѣетъ, какъ пулярка...

— Не женитесь,—говорилъ онъ часто въ семейномъ кругу своимъ молодымъ братьямъ, которыхъ самъ поднялъ на ноги и которымъ замѣнялъ отца.—Если хотите сохранить въ себѣ здоровье, вкусъ къ жизни, человѣческое достоинство... порядочность, наконецъ... Семья все сожретъ и оставитъ отъ вашего нравственнаго „я“ одинъ остовъ...

„Дуракъ“,—снисходительно бросала Софья Сергѣевна, если случалась тутъ.

А братья, глядя на высохшую, геморроидальную фигуру Петра Николаича, думали про себя, что онъ представляетъ не только нравственный, но и физическій остовъ.

II.

Какъ и слѣдовало ожидать, Петръ Николаевичъ принесъ къ обѣду пятьдесятъ рублей, и послѣ тарелки щей, на этотъ разъ особенно вкусныхъ, благодаря личнымъ хлопотамъ хозяйки на кухнѣ, и послѣ битковъ съ лукомъ, мастерски поджаренныхъ въ сметанѣ (любимыя блюда Петра Николаевича)—онъ мягко сказалъ женѣ:

— Нельзя ли только поаккуратнѣе, Соничка? Ей Богу, больше достать не откуда... хоть разорвись...

— Ну, конечно, Pierre... Спасибо... Само собой, что буду экономить...

На другой же день, проводивъ Петра Николаевича на службу, Софья Сергѣевна поѣхала на Кузнецкій мостъ и въ Охотный рядъ. Это былъ канунъ журъ-фикса, каждый часъ былъ дорогъ. Журъ-фиксъ былъ вродѣ генеральнаго сраженія, исходъ котораго зависѣлъ отъ случайностей и непредвидѣн-

ныхъ мелочей, вродѣ разрозненнаго сервиза, неудавшагося соуса, забытой деликатессы изъ царства закусокъ... Надо было все взвѣсить, предусмотрѣть, предугадать, наконецъ, и выступить передъ гостьями—врагами во всеоружіи съ девизомъ: иль на щитѣ, иль со щитомъ... Мудрено ли, что даже хладнокровная Софья Сергѣевна нервничала съ утра, дала подзатыльника вертѣвшимся подъ рукой дѣтямъ, сорвала сердце на прислугѣ и схватилась за високъ... Лицо ея, молодое, румяное и красивое, казалось теперь, послѣ плохо проведенной ночи, изжелта блѣднымъ и слегка припухшимъ. Но уже сѣвъ на извозчика, она ощутила подъемъ нервовъ, какъ всегда передъ покупками.

— На Кузнецкій,—сказала она мягкими альтовыми нотами и почувствовала опять, какъ хорошо жить на свѣтѣ.

Минутъ черезъ пятнадцать ѣзды по свѣже-выпавшему снѣгу, Софья Сергѣевна очутилась въ знакомой сторонѣ: Кузнецкій, Неглинная, Петровка, пассажъ и Мюръ и Мерилизъ...

Родныя мѣста... Это было поистинѣ бабье царство... Сколько денегъ оставлено за манящими витринами этихъ роскошныхъ магазиновъ! Сколько мечты, безпокойной и красивой женской мечты развѣяно тутъ, предъ плѣнительной выставкой этихъ переливчатыхъ, сверкающихъ матерій, кружевъ, лентъ, всѣхъ этихъ пустячковъ, наполняющихъ жизнь женщины такими свѣтлыми, невинными радостями!.. Софья Сергѣевна умиленно вздохнула, и ея большіе глаза стали влажными отъ воспоминаній. На этихъ улицахъ прошла вся ея жизнь, ея лучшія минуты... Она видѣла себя институткой, на лѣтнихъ вакаціяхъ, бѣгущей въ пассажъ поглядѣть на окна магазиновъ и постоять предъ ними полчаса въ сладкомъ забвеньи, въ духъ захватывающемъ желаньи... Она видѣла себя стройной и юной, уже гувернанткой, бѣгущей сюда же на послѣдніе трудовые гроши купить галстучекъ, или кружевное fichu, или газовый шарфъ, пустякъ, который давалъ тусклой жизни такую красоту... Она никогда не измѣняла своей привязанности къ роднымъ мѣстамъ... Живя то на Палихѣ, то у Земляного Вала, гдѣ-нибудь у чорта на рогахъ, какъ деликатно выражался Петръ Николаевичъ, въ далекіе и счастливые первые годы ихъ супружества,—Софья Сергѣевна чувствовала себя всегда чужой, всегда равнодушной къ окраинѣ и стремилась душой на Петровку, каждый камень, каждый домъ которой былъ ей знакомъ и дорогъ...

Сани остановились у посуднаго магазина Кузнецова.

— Подожди,—кинула извозчику Софья Сергѣевна.

У нея была очень величественная осанка. „Королева“ говорили о ней мужчины.—„Королева“ шептали женщины.

Когда барыни съ такими осанками входятъ въ магазинъ,

приказчики стремительно бросаются навстрѣчу. У Софьи Сергѣевны былъ къ тому же талантъ покупать на пятьдесятъ копѣекъ съ такимъ апломбомъ, какъ будто она забирала на десять рублей. Но въ этомъ магазинѣ ее помнили, какъ хорошую покупательницу вообще, и потому удвоили вниманіе.

— Мнѣ надо вазочку для варенья...—процѣдила она сквозь зубы.—Какую-нибудь изящную... поновѣе фасономъ...

„Ничего больше не возьму“,—твердо рѣшила она про себя, помня обѣщаніе экономить.

Приказчикъ, молодой и женолюбивый, съ огромнымъ фальшивымъ изумрудомъ въ галстухѣ, опрометью кинулся къ полкѣ и выгрузилъ передъ красивой дамой, по крайней мѣрѣ, дюжины двѣ вазочекъ.

Волоокая Софья Сергѣевна подняла взоръ кверху, и онъ заискрился. Боже мой, какъ она любила посуду!.. Если бъ не было стыдно, она готова была бы часами сидѣть тутъ и любоваться этими изящными рисунками по фарфору и фаянсу, этимъ хрусталемъ. Вдругъ она вспомнила, что у нихъ разрознены рюмки... Ольга разбила штуки три на прошломъ журъ-фиксѣ... Стакановъ можетъ не хватить, если опять будутъ играть на три стола...

Приказчикъ читалъ въ ея душѣ и съ улыбкой подавалъ ей воздушные, хрупкіе, какъ дѣвичья мечта, стаканы съ тонкимъ узорчатымъ ободкомъ...

— Заверните...—прошептала она съ такимъ выраженіемъ, какъ другая сказала бы: „поцѣлуйте“...

— Сколько-съ?..—въ тонъ прошепталъ и приказчикъ близко наклоняясь и заглядывая ей въ глаза, какъ заговорщикъ.

— Дюжину...

— Мало-съ... Меньше двухъ нельзя...

Она съ блуждающей улыбкой кивнула головой.

Приказчикъ махнулъ мальчику и стаканы исчезли съ прилавка.

Къ стаканамъ были поданы такія же тонкія блюдца... Рюмки долго занимали воображеніе Софьи Сергѣевны. Все казалось ей недостаточно стильнымъ и оригинальнымъ...

„Довольно... Довольно...“ кричалъ внутри голосъ благоразумія.

А приказчикъ, какъ бѣсъ-искуситель, уже выдвигалъ новую батарею рюмокъ, узенькихъ, стройныхъ, длинныхъ, какъ талія англійскихъ миссъ.

— Отберите...—разнѣженнымъ звукомъ сорвалось у молодой женщины.—Двѣ дюжины...

— Три-съ,—рѣшительно молвилъ приказчикъ.

Ей было стыдно торговаться. Эта любезность обязывала.

Кажется все?.. Вдругъ она ахнула. Боже мой! Гдѣ же ея голова? А блюдца-то къ варенью? У нея вѣдь ужасъ что за блюдца... Она была больна и поручила купить Аннѣ Ельниковой... И та ее наградила... За то, говоритъ, прочны... Дѣйствительно... Ей вспомнились блюдца въ домѣ инженерши Анны Денисовны. Со стыда сгоримъ при ней за эдакія блюдца...

Вмигъ прилавокъ засверкалъ хрусталемъ.

Но угодить на Софью Сергѣевну было нелегко. Она перерыла весь магазинъ, пока не нашла такихъ, какъ у Анны Денисовны... Точь въ точь... Ну что за прелесть!

Она благодарными, нѣжными глазами глядѣла на приказчика... А онъ уже предлагалъ масленку, такую оригинальную... И молочникъ необыкновенной красоты...

У нихъ давно уже подаютъ къ чаю такой безобразный кувшинъ, съ отбитой ручкой...

— Заверните...—благосклонно сказала она.

А на прилавкѣ уже стояли тарелочки для закуски... совсѣмъ простенькія, бѣлыя, съ вѣткой лиловой сирени... Одно изящество... Меньше двухъ дюжинъ купить нельзя... У нихъ давно разрозненъ сервизъ...

— Сударыня, взгляните... послѣдняя новость...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я больше не могу!..—крикнула она, вдругъ опомнившись...—Я ничего не возьму.

— Вы только взгляните-съ... Потому что у васъ есть вкусъ... Вы умѣете цѣнить такія вещи... Сервизъ чайный... Послѣдняя новинка...

И свирѣпо скосивъ глаза на зеленаго и худого зазѣвавшагося мальчика, приказчикъ прорычалъ ему:

— Въ лѣвомъ углу, вторая полка... № 58... Живо...

Софья Сергѣевна твердо рѣшила только взглянуть... Но когда передъ ней появились тонкія, бѣлыя, какъ снѣгъ, чашечки, напоминавшія тюльпанъ, съ широкимъ блѣдно-зеленымъ ободкомъ, она почувствовала, какъ таетъ ея благоразуміе.

Боже мой! Какая красота!.. И только двѣнадцать рублей?.. Это прямо задаромъ... А у нихъ-то сервизъ... Когда покупали?.. Дай Богъ памяти. Да лѣтъ пять никакъ?.. Надменное лицо Анны Денисовны всплыло передъ ней...

— Заверните...

Подали счетъ въ тридцать рублей...

— На домъ прикажете прислать?..—бархатными нотами спрашивалъ приказчикъ раскраснѣвшуюся, смущенную Софью Сергѣевну.

— Нѣтъ, благодарю васъ... Я заѣду сама...

„Конечно, это было не совсѣмъ осторожно“, думала Софья

Сергѣевна, направляясь въ Охотный рядъ.—Мужъ просилъ поэкономить... Ужъ очень они зарвались этотъ годъ съ журъфиксами, поддерживая связи... Да и прошлый годъ вдвоемъ съ мужемъ проиграли около пятисотъ рублей въ винтъ... По всѣмъ лавкамъ задолжали... Но вѣдь что будешь дѣлать?.. Безъ хрусталя тоже нельзя... особенно когда къ себѣ зовешь людей... А безъ связей развѣ найдешь мѣсто? Развѣ сдѣлаешь карьеру? Лишь бы вотъ завтра не проиграться Пьеру, тогда какъ-нибудь, авось, дотянутъ до жалованья... У няньки призанять можно десяточку... Эти инженеры меньше какъ по двадцатой играть не станутъ... мелькали мысли вразбродъ. Но у знакомой лавки всѣ сомнѣнія улетучились.

Дастъ Богъ, обойдется... рѣшила Софья Сергѣевна, вылѣзая изъ саней.

III.

Она вернулась къ обѣду съ тремя кульками и ящикомъ посуды, уставшая и слегка раздраженная, заплативъ цѣлый рубль продрогшему извозчику. Но тотъ былъ недоволенъ и просилъ накинуть хоть гривенникъ.

— Ты съ ума сошелъ?.. — грозно спросила его Софья Сергѣевна и сверкнула красивыми глазами.

— Никакъ нѣтъ, сударыня... Въ шесть мѣстовъ заѣзжали... Нешто вы рядились?

— За восемь гривенъ рядилась, даю рубль... Вотъ народъ!..

— Замерзъ весь... Хоть скотинку пожалѣйте, сударыня... Не жрамши сидимъ... сами знаете, время какое?..

— Ахъ, отстань пожалуйста... Это просто безсовѣстно! Ольга, берите кульки! Да осторожнѣе вотъ этотъ ящикъ... здѣсь посуда...

Какъ на грѣхъ подоспѣлъ Петръ Николаевичъ.

— Что тутъ такое?..—спросилъ онъ, переводя глаза съ красиваго, молодого лица жены на рябую, завѣтренную физіономію извозчика.

А тотъ ужъ тащилъ какъ-то сзади напередъ свою шапку и начиналъ сызнова свою канитель.

— Почитай два часа ѣздили... Рядились въ Охотный, а потомъ на Кузнецкомъ часъ дожидался... Пожалѣйте, баринъ, скотинку...

Петръ Николаевичъ весь сморщился, словно уксусу хлебнулъ, пошарилъ въ портмоне и, запахнувъ шубу, развѣвавшуюся на вѣтру, сунулъ извозчику серебряную монету.

— Что это, Петръ... Ты никакъ рехнулся?

— Дай тебѣ Богъ здоровья...

Извозчикъ выхватилъ кнутъ, ударилъ заморенную лошаденку, съ запавшими потными боками, и санки скрылись изъ переулка.

— Охота разговаривать изъ-за пятиалтыннаго,—брезгливо замѣтилъ Петръ Николаевичъ, подымаясь по лѣстницѣ казенной квартиры.

— Нѣтъ, это просто возмутительно... Ты только развращаешь ихъ такими подачками... И потомъ—это никакихъ денегъ не хватитъ. Я дала двадцать копѣекъ сверхъ уговора... а онъ еще... Хорошъ хозяинъ...—твердила она, раздѣваясь въ передней.

— Ну да ладно... Будетъ... Авось не обѣднѣемъ..

— Ты всегда, всегда на смѣхъ...

Въ ея голосѣ слышалась дрожь.

— Да будетъ тебѣ, Софья Сергѣевна!—прикрикнулъ Ивановъ.—Испортъ еще весь вечеръ мнѣ изъ-за пятиалтыннаго... Вотъ бабы-то!.. Считай, что нищему подала... для спасенія души... Не тотъ же онъ нищій?.. Тьфу... кончится тѣмъ, что сбѣгу на весь вечеръ...

— Я нищимъ такихъ денегъ не раздаю... — язвительно возразила она.—У насъ пять человѣкъ дѣтей...

— Ольга!.. Шубу!..—загремѣлъ Петръ Николаевичъ, бросаясь въ переднюю.

Вышелъ маленькій скандальчикъ, но кончилось всетаки миромъ. Софья Сергѣевна во-время повисла на рукавѣ у мужа и не дала ему уйти.

Тѣмъ не менѣе воспоминаніе о пятиалтынномъ сосало ее до вечера, придавая колоритъ раздражительности ея обыкновенно флегматичному тону.

Но вечеромъ, наканунѣ торжественнаго дня, Софья Сергѣевна пріобрѣла опять душевное равновѣсіе.

Передъ отходомъ ко сну, сидя на двухспальной кровати въ теплой вязаной юбкѣ и широчайшей бѣлоснѣжной кофтѣ она совѣщалась съ кухаркой, подъ какимъ соусомъ подавать севрюжину; но Софьѣ Сергѣевнѣ очень хотѣлось вовлечь въ этотъ интересный, важный разговоръ и мужа.

Петръ Николаичъ, схватившись за щеку, терзаемый зубной болью, нервно шагалъ по амфиладѣ комнатъ и съ нетерпѣньемъ ждалъ, когда, наконецъ, ему дадутъ лечь въ постель. Ему почему-то казалось, что стоитъ ему лечь (и непремѣнно среди тишины),—стóитъ согрѣть дергавшую щеку, какъ мгновенно прекратится эта мучительная боль.

— Я думаю, что слѣдуетъ сдѣлать соусъ провансаль... Pierre... А?.. Какъ ты полагаешь?

— М-м...—доносилось изъ кухни неопредѣленное мычанье.

— И знаешь почему?.. Анна Денисовна... вѣдь она себя за образцовую хозяйку выдаетъ... Такъ она спорила со мной на той недѣлѣ, что дома ни за какія деньги настоящаго провансаля не получишь...

— Какъ, матушка барыня, не получить?.. Коли ежели хорошая кухарка, да все въ плипорціи...

— Нѣтъ... Она стоитъ на своемъ, что никакая кухарка,— хоть будь она разбѣлая,—не сдѣлаетъ провансаля... А по книжкѣ и подавно... Вотъ я и рѣшила ей завтра носъ утереть,—вдругъ повысила Софья Сергѣевна свое жирное контральто. — То-то сконфузится... то-то озлится... Слышишь Пьеръ?..

— Мм...

— Значитъ такъ, Агафьюшка... Индѣйку съ яблоками, севрюжину съ провансалемъ... Съ утра намочишь селедки и все приготовь для гарнира... Я сама уберу... И соусъ завтра сама буду дѣлать...

— Съ шкаперцемъ?—меланхолически спросила Агафья, стоя въ дверяхъ, съ сложенными на животѣ руками и склоненной на лѣвый бокъ головой.

— Да, съ капорцами и оливками... Я ужъ ихъ купила... Помнишь, Пьеръ, какой соусъ я дѣлала къ твоимъ именинамъ?.. Пальчики всѣ гости облизали... Еще тогда тетушка твоя...

Вдругъ на порогѣ гостиной вытянулась длинная, сухая фигура Петра Николаевича. Округлившіеся глаза его прыгали отъ злобы.

— Да провалитесь вы... со всѣми вашими тетушками и провансалями!.. — яростно закричалъ онъ и судорожно затрясъ сжатыми кулаками.—Дайте хоть на минуту покоя!.. Я повѣситься готовъ...

Изліянія замерли на устахъ Софьи Сергѣевны. Она сдѣлала кухаркѣ таинственный знакъ, и та исчезла беззвучно, захвативъ мимоходомъ шерстяную юбку хозяйки и бариновы штиблеты.

Петръ Николаевичъ моментально раздѣлся, сбросилъ войлочныя туфли „шептуны“ и юркнулъ подъ одѣяло. Наложивъ на ухо „думку“ жены, онъ старался забыться. Но дрожь пронимала его все сильнѣе.

Софья Сергѣевна не спѣша раздѣлась и съ наслажденіемъ растянулась своимъ холенымъ большимъ тѣломъ на чистомъ бѣльѣ, пахнувшемъ фіалкой. Спать на одной кровати можно было только на боку, а потому Софья Сергѣевна повернулась къ мужу спиной.

Нервный окрикъ супруга нисколько не раздражилъ ее. Она была слишкомъ благодушно настроена предстоящими

хозяйственными хлопотами и будущимъ посрамленіемъ Анны Денисовны.

Софья Сергѣевна тоже имѣла слабость считать себя образцовой хозяйкой. Она не только высоко ставила свои обязанности по кулинарной части,—она дѣлала изъ нихъ нѣчто вродѣ культа. Въ дни супружескихъ размолвокъ Петръ Николаевичъ всегда упрекалъ ее за мотовство и неумѣнье экономить. Софья Сергѣевна считала это высшимъ для себя оскорбленіемъ.

— Гдѣ ты видалъ лучшую хозяйку, Петръ?.. Гдѣ?..— спрашивала она.

— Это всякая сумѣетъ... двѣсти почти рублей на столъ тратитъ,—иронизировалъ Ивановъ.—Нѣтъ, ты вотъ умудрись на сто прокормить семью, да чтобы вкусно было... а то ишь ты... Одному мяснику по книжкѣ всякій разъ сотенную отсчитывай... Ростбифы чуть-ли не каждый день уплетаютъ... Хорошо умѣнье!.. Это всякая сумѣетъ...—такъ говорилъ Петръ Николаевичъ въ дни ссоръ.

Въ дни перемирія у той же Софьи Сергѣевны оказывались на лицо всѣ таланты. Петръ Николаевичъ умѣлъ не только внушить всѣмъ роднымъ и знакомымъ, и самой женѣ, что она образцовая хозяйка, идеальная жена и мать, словомъ—совершенство домашняго обихода,—но (что всего удивительнѣе) самъ искренно начиналъ въ это вѣрить.

Жалобный, полусдавленный стонъ прервалъ на минуту радужныя мечты Софьи Сергѣевны.

— Бѣдняга... Какъ простудился... Мудрено-ли? Въ такую отвратительную погоду котелокъ надѣть вмѣсто шапки... Говорила—сухой горчицы въ носки и принять хины... Нѣтъ таки... Упрямъ, какъ оселъ, этотъ Петръ... Самъ виноватъ.. А теперь не спи...

Когда Софья Сергѣевна была въ хорошемъ настроеніи, она называла мужа Pierre'омъ. Проигравъ въ клубѣ рублей пятнадцать (она была страстная винтерка), она подходила къ мужу, ударяла его ласково вѣеромъ по плечу и нѣжными контральтовыми нотами говорила:

— Pierre... уплати...

Стоило супружескому барометру опуститься, какъ Pierre обращался мгновенно въ Петра. Когда же Софья Сергѣевна говорила мужу „Петръ Николаевичъ",—всѣ въ домѣ, начиная съ дѣтей и кончая поднянькой,— четырнадцатилѣтней Фроськой,—знали, что барометръ показываетъ бурю...

IV.

Въ день журъ-фикса Софья Сергѣевна, съ засученными рукавами, въ щегольскомъ фартучкѣ изъ парусины, кокетливо обнимавшемъ ея роскошный бюстъ, съ пылающими щеками и вѣющими прядями, которыя выбились изъ ея пышной темно-каштановой косы,—летала, не смотря на свою тучность,—изъ кухни въ кладовую, оттуда въ столовую. А за нею по пятамъ, неотступно—какъ тѣни,—носились пятеро здоровыхъ ребятъ. Оно застревали въ дверяхъ, давили другъ другу ноги; озлобленно сверкая глазами, молча показывали другъ другу кулаки и прыскали со смѣху; обмѣнивались таинственными знаками и условными словечками, урывали тамъ морковку, тутъ яблочко, выпрашивали у матери и у кухарки разныя подачки...

Дѣти были посвящены въ тайну сюрприза, который мама готовила еще лѣтомъ нарочно для гостей. Этотъ сюрпризъ заключался въ необыкновенномъ, диковиномъ вареньи, банка котораго красовалась на нижней полкѣ буфета. Вечеромъ ее должны были распечатать впервые. И для него-то именно покупалась вазочка „новость"...

Обѣдали наскоро и рано, кое-какъ и кое-чѣмъ. Въ третьемъ часу знаменитый провансаль былъ уже готовъ, оба новые сервиза—чайный и столовый—перемыты, бѣлье и ножи новые вынуты, варенье наложено въ вазочки (кромѣ того, которое Софья Сергѣевна рѣшила выложить въ послѣднюю минуту)... Столы вычищены, свѣчи вставлены, сухарница полна воздушными стружками, отъ которыхъ ребята приходили въ восторгъ... Было дѣло... Его хватило на всѣхъ,—и на няньку, и на подняньку, и на кухарку, и на горничную. Та въ четвертомъ часу еще вытирала послѣдніе подоконники и собиралась въ спальной почистить отдушникъ. Всѣ сбились съ ногъ, за то квартира Ивановыхъ блестѣла и сіяла такъ, какъ у другихъ людей блеститъ подъ Рождество, да подъ Пасху. Съ Анной Денисовной надо было ухо держать востро. Она надѣнетъ пенснэ, да всѣ карнизы оглядитъ, нѣтъ ли гдѣ паутины... Да цвѣты на окнакъ перетрогаетъ... И бѣда если пыль увидитъ!.. Такъ и брякнетъ сейчасъ при всѣхъ, чтобы показать какая у нея самой въ домѣ чистота!..

Дѣйствительно у нея домъ свой, какъ игрушка, комнаты словно бонбоньерки... Еще бы!.. Богачка, дѣтей нѣтъ... Цѣлый день бродитъ по дому и носовымъ платкомъ съ бездѣлушекъ китайскихъ на этажеркахъ пыль стряхиваетъ...

„Всю жизнь наполнила пылью“, смѣется надъ ней сестра Анна.

— Кажется, все?..—съ тревогой спрашивала вслухъ Софья Сергѣевна, обходя квартиру въ пятомъ часу и зорко щурясь на всѣ углы.—Право, кажется, все?..

Въ гостиной она сняла съ фикуса желтѣвшій листъ и пронзительно оглядѣла его блестящіе, твердые, словно лакомъ покрытые, листы. Чисто... Буквально не къ чему придраться!.. Она шумно передохнула и стала отстегивать кокетливый фартучекъ, весь пропахшій запахомъ плиты.

Отяжелѣвшей поступью усталаго человѣка направилась она въ спальню. Но въ столовой у буфета остановилась невольно, чтобы полюбоваться новымъ хрусталемъ... Ну, что за красота!..

Въ пять часовъ измученная Софья Сергѣевна прилегла на кушетку, чтобы дать отдыхъ ноющимъ ногамъ и поясницѣ Вдругъ раздался оглушительнный звонокъ.

Тамъ звонить могъ только хозяинъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Ольга!.. Агафья!.. Да что же приборъ?..—опомнилась Софья Сергѣевна.

За этой сутолкой она совсѣмъ забыла о Пьерѣ.

Измученный (онъ умудрялся служить въ трехъ учрежденіяхъ), съ портфелемъ работы на домъ, иззябшій, съ распухшей щекой, Петръ Николаевичъ сумрачно оглядѣлъ пустой столъ и сконфуженную фигуру жены.

Оказалось, что Агафья забыла поставить въ печь остатки супа и вчерашняго жаркаго.

Софья Сергѣевна налила мужу водки...

— Сейчасъ таганъ разводитъ,—доложила горничная, подавъ на закуску сморщенный, какъ кожа старухи, невкусный соленый огурецъ.

Петръ Николаевичъ выпилъ рюмку и схватился за щеку.

— Раньше-то не могли о мужѣ вспомнить?...— язвительно кинулъ онъ женѣ и забѣгалъ по комнатѣ, кривясь отъ боли...— Кажется, не безызвѣстно вамъ, что я голоденъ, какъ... собака?.. Завтраками вѣдь нигдѣ не кормятъ...

— Ахъ, пожалуста, не ворчи!.. Я сама съ ногъ сбилась съ гостями...

— Гости!.. Гости!..—вдругъ закричалъ Петръ Николаевичъ, останавливаясь на мѣстѣ разомъ и какъ-то дрыгнувъ ногами.—На какого они мнѣ чорта, ваши гости?.. Кто ихъ звалъ?.. Двѣ ночи не сплю... Работа на домъ спѣшная... Опять выспаться не дадутъ... Удовольствіе имѣть семейку... эту прорву... Ухлопываешь въ нее здоровье, силы, весь заработокъ... А о тебѣ даже заботы нѣтъ ни у кого...

Его голосъ задрожалъ.

Но это было ужъ слишкомъ.

— Да ты спроси... и... ѣла ли я сама съ утра хоть что нибудь?—заголосила Софья Сергѣевна, вставая и выпрямляя свой пышный станъ.—Весь день на ногахъ мыкаюсь... какъ оглашенная... Гости-то вѣдь твои... Твои инженеры... Они тебя за уши тянутъ... Подумаешь, я только для своего удовольствія эти „фиксы“ завела... Да провались они совсѣмъ!.. Да развѣ я жаловалась когда-нибудь на усталость?.. На эту собачью жизнь?..

— Твоя жизнь собачья?..

Петръ Николаевичъ остановился посреди комнаты и всей своей тощей и высокой фигурой изобразилъ какъ-будто восклицательный знакъ.

— А ты скажешь,—сладкая?...

Софья Сергѣевна сѣла опять, и лицо ея отразило твердое намѣреніе защищаться до послѣдней капли крови... Надоѣли ей ужъ эти сцены и упреки въ дармоѣдствѣ за послѣдніе четыре года!.. Будетъ!.. Нельзя же все объяснять неврастеніей, переутомленьемъ и т. д. Петръ распустился... больше ничего!.. И она, наконецъ, требуетъ къ себѣ уваженія и деликатности.

— Ты бы въ мою шкуру влѣзла...—говорилъ Петръ Николаевичъ.—Съ девяти до пяти... а когда и до восьми на службѣ... на голодное брюхо... да и во всякую погодку... да непріятности съ начальствомъ... да оскорбленія всякія и придирки глотай... Изъ-за васъ, все изъ-за васъ, сударыня!.. Былъ бы одинокъ, плюнулъ и ушелъ... одна голова не бѣдна... А теперь батракъ вашъ до могилы... А вы еще смѣете жаловаться, сидя въ теплѣ, да и въ холѣ?.. съ кофіями, да сластями... Вы вотъ спать завалитесь, а я до двухъ-трехъ сиди за работой, а въ девять пожалуйте на службу... Опять... Колесо проклятое... завертѣло... не вырваться!..

Его желчное, еще красивое, но совсѣмъ больное лицо все дрожало отъ возбужденія. Губы тряслись.

Почва вдругъ заколебалась подъ ногами Софьи Сергѣевны. Ей стало жаль мужа.

— Петръ... да какъ же другія жены?..—начала она неувѣренно.

— А наплеваать мнѣ на другихъ!..—загремѣлъ Петръ Николаевичъ.—Я на васъ, сударыня, женился... вамъ закрѣпостился... Такъ вы бы... хотя бъ изъ деликатности не лѣзли въ споръ... слово за слово... Вѣдь вы что безъ меня?.. Нуль... Во всѣхъ смыслахъ нуль... Безъ единицы нуль...—злорадно выкрикивалъ онъ, радуясь пришедшему на умъ сравненью...— Помру я завтра, вы на улицѣ... съ ребятами... вы отбросъ... обуза обществу... Вамъ бы помнить объ этомъ ежедневно...

да беречь содержателя своего... батрака законнаго... А гдѣ ваша забота?.. Съѣли вы меня!.. живьемъ... Вотъ ужъ именно коровы египетскія... Тучныя коровы... пришли и сожрали мужей...

Этой несправедливости Софья Сергѣевна не могла перенести молча... Господи!.. Всему есть мѣра... Губы ея задрожали отъ обиды...

— Да позволь,—начала она сдержанно.—Не волнуйся Тебя послушать со стороны, я только и барствую... Да кѣмъ же домъ держится, скажи, пожалуйста?.. Чья тутъ забота о всѣхъ васъ?..—спрашивала она, разводя большими, бѣлыми и выхоленными руками.

Но Петръ Николаевичъ желчно смѣялся, стоя посреди столовой и раскачиваясь на каблукахъ.

— Дѣйствительно, большая забота!.. Четыре прислуги... Домашняя портниха... Самой дочери платьице сшить некогда... Для Сергѣя репетиторъ, для Нади приходящая гувернантка... Подумаешь, сама въ институтѣ не кончила?.. Чортъ васъ знаетъ, чему васъ тамъ учатъ!.. И за все плати, на всѣхъ разрывайся... А за это даже пообѣдать не дадутъ!..—кричалъ онъ, трагически потрясая худой рукой.—Одну только и знаю порядочную женщину—сестру Анну... Вамъ всѣмъ—бабью—живой укоръ.

Софья Сергѣевна вскочила и глаза ея засверкали. Онѣ съ золовкой терпѣть не могли другъ друга. Одного имени ея было довольно, чтобъ поднять цѣлую бурю въ незлобливой душѣ Софьи Сергѣевны.

— Такъ вамъ хотѣлось бы, чтобъ и я, какъ Анна Николаевна, одна съ ребятами,—и за кормилицу, и за няньку, и за гувернантку, и за репетитора?.. Благодарю покорно!.. Это не жизнь, хомутъ какой-то!.. Ужъ она въ гробъ глядитъ... А мнѣ и недолго свалиться... съ моими нервами... и почками... Вамъ, конечно, отъ меня отдѣлаться пріятно, — съ дрожью въ голосѣ неожиданно заключила Софья Сергѣевна,—и ей стало жаль себя, какъ всегда, когда она вспоминала о своихъ почкахъ...

— Если-бъ вы всѣ такъ помогали мужьямъ,—не слушая, кричалъ Петръ Николаевичъ,—да зарабатывали, какъ Анна,—мы бы не умирали въ цвѣтѣ лѣтъ отъ истощенья...

— Позволь... Да что же она зарабатываетъ?

— А вотъ ты, матушка, сосчитай, — чего мнѣ стоитъ содержать домашній штатъ?.. Вотъ и узнаешь, что зарабатываетъ Анна.

Софья Сергѣевна, отворивъ дверцу буфета, безцѣльно переставляла новыя рюмки. Руки ея чуть дрожали — и хру-

сталь звенѣлъ, сталкиваясь со стаканами, такъ слабо и пріятно.

— Ужъ святая!.. Что говорить! — соглашалась она, зловѣще раздувая ноздри.—Отъ хорошей жизни, да отъ добродѣтели моща стала!.. Жаль только, что отъ такихъ мощей мужья бѣгаютъ на сторону... да развлекаются съ кухарками.

Петръ Николаевичъ бѣшено стукнулъ кулакомъ по столу.

— Помолчи, Софья Сергѣевна!..

— Только вы забываете одно, Петръ Николаичъ... Кабы Ельниковъ зарабатывалъ съ ваше, и Анна завела бы себѣ штатъ... Будьте покойны!..

— Кушать, баринъ, подала... — заявила горничная, ставя на столъ дымящуюся тарелку.

— Да ты, глупая голова, сообрази, кто изъ насъ бѣднѣе? Онъ-ли, получая цѣликомъ въ домъ свои семьдесятъ пять рублей, или я, получая триста и раздавая въ разныя руки, да по книжкамъ чуть не четыреста?.. Съ дефицитомъ каждый мѣсяцъ!

— Полагаю...

— Да что полагать-то?

— Кушать, баринъ, подано, — напомнила Ольга, опять просовываясь въ дверь, за которой она стояла, ожидая конца перебранки, съ лукавой усмѣшкой на миловидномъ лицѣ.

— Ельниковы никому не должны ни рубля... По одежкѣ протягиваютъ ножки... А мы?.. Женились въ долгъ... плодились въ долгъ... ребятъ крестили въ долгъ и хоронили ихъ въ долгъ. И сейчасъ не вылѣзаемъ изъ долговъ, что ни дальше, то больше... И ноги протянемъ тоже въ долгъ... Двадцатаго роспишешься въ полученіи жалованья, а къ первому впередъ забираешь...

— За то Ельниковы живутъ по-свински.

— А мы?.. Въ свое удовольствіе?.. Я-то, по крайней мѣрѣ? Вотъ я второй мѣсяцъ сапогъ не соберусь купить... Зябну въ штиблетахъ... зубы застудилъ... Скажите, какое удовольствіе!..

— А въ карты сколько просадилъ?

— А ты сколько?.. Мнѣ вѣдь одна радость въ жизни осталась... Только за картами и живу... И поворачивается у тебя языкъ меня подсчитывать?.. Когда я работаю, какъ битюгъ...

— Баринъ!.. кушать пожалуйте!.. Опять все остынетъ...— отчаянно выкрикнула Ольга, снова появляясь въ дверяхъ. „Вотъ грѣхи-то... право“...

Супруги оглянулись на горничную и язвительныя слова остановились, не слетѣвъ съ ихъ губъ.

V.

Петръ Николаевичъ сѣлъ обѣдать.

Софья Сергѣевна ушла въ спальню, взволнованная, съ пятнами на лицѣ. Пора было одѣваться, но она объ этомъ позабыла. Она безцѣльно и безсознательно брала въ руки разныя вещицы съ туалетнаго стола, перекладывала ихъ съ мѣста на мѣсто, подносила къ глазамъ, разсматривая какъ бы ихъ рисунокъ или отдѣлку, словно видѣла въ первый разъ.

Вѣки ея жгло что-то, и она безпрестанно моргала.

— Это что за подошва?.. — донесся изъ столовой сердитый голосъ Иванова. — Вѣдь это послѣдніе зубы сломаешь... Не могли вы развѣ не засушить мяса?.. Позовите кухарку...

— Вчерашній, баринъ, — оправдывалась прибѣжавшая Агафья.—Нонѣ не готовили, потому—гости вечеромъ... И то разорвамшись съ утра... У самой маковой росинки во рту не было...

Хозяинъ пробурчалъ что-то въ салфетку, очевидно нелестное, по адресу гостей. Онъ безпомощно тыкалъ вилкой въ остывшее невкусное мясо, пахнувшее саломъ. Агафья была уже у двери, когда онъ вдругъ вполголоса взмолился:

— Такъ нѣтъ-ли тамъ чего-нибудь, Агафьюшка... Вы мнѣ кусочекъ подали бы изъ того, что къ вечеру...

— Рази индѣйки ножку, али крылышко зажарить?..

— Ну да... ну да... кусочекъ маленькій...

Кухарка задумалась на минуту... Она любила добраго барина.

Но Софья Сергѣевна уже летѣла въ столовую, съ разстегнутымъ лифомъ, полная рѣшимости полководца, спасти часть арміи и отразить врага съ тыла.

— Ты въ своемъ умѣ, Петръ?.. Какъ же это я ощипанную индѣйку на столъ подамъ?.. Вѣдь ее на столѣ при всѣхъ я рѣзать буду... Я за нее три съ полтиной отдала. — И севрюжина у меня цѣльная будетъ, въ блюдѣ... Это совсѣмъ невозможно!.. Не хочешь-ли колбасы съ языкомъ?..—смягчилась было она.

Но Ивановъ уже вскочилъ и сорвалъ салфетку.

— Къ чорту!.. Къ чорту!.. Съ колбасой... съ гостями!.. — загремѣлъ онъ.—Провалитесь ко всѣмъ дьяволамъ!.. Въ тартарары провалитесь... Въ трактиръ пойду обѣдать... Напьюсь, какъ сапожникъ...

Его губы тряслись. Глаза прыгали отъ бѣшенства.

Онъ вбѣжалъ въ гостиную, потомъ въ кабинетъ и машинально остановился у письменнаго стола.

Вдругъ глаза его расширились и сверкнули. Такъ и есть!.. Подъ счетами бумаги лежатъ спутанныя и даже... помятыя?.. Ну, скажите, ради Бога!.. И рейсфедера нѣтъ... Недаромъ онъ смущалъ Сережку... Сколько разъ онъ выговаривалъ дѣтямъ... просилъ жену!... Грозилъ ребятъ выдрать...

Его точно прорвало:

— Сергѣй!.. Надежда!..—заревѣлъ онъ не своимъ голосомъ.—Кто взялъ перо?.. Опять бумаги таскали?.. Опять на столѣ возились?.. Идите сюда, мерзавцы!.. Говорите, кто бралъ? Сознавайтесь!.. Сколько разъ... Я вамъ говорилъ... не трогать?.. Говорилъ я вамъ, что... шкуру съ васъ спущу?

Онъ былъ страшенъ. Отъ сердцебіенія онъ помертвѣлъ какъ-то въ лицѣ и задыхался... Хотя онъ въ жизни не тронулъ дѣтей пальцемъ, они его побаивались. Дрожа, они стояли передъ нимъ, — старшіе впереди, маленькіе сзади... А двухлѣтній любимецъ Миша съ любопытствомъ, открывъ пухлый ротикъ, воззрился безстрашно въ это бѣшеное, незнакомое сейчасъ лицо.

Онъ подходилъ медленно къ дѣтямъ, съ сжатыми кулаками, съ исказившимся лицомъ, а они, плача, отступали отъ дверей.

Софья Сергѣевна уже безъ лифа, съ спускающейся съ плечъ рубашкой, какъ бомба, упала въ комнату и заслонила дѣтей своимъ большимъ, красивымъ тѣломъ.

— Я имъ давала перо... Я и на столѣ позволяла возиться... Бей меня!.. Если это тебѣ непремѣнно нужно... Бей! Бей!..— задорно твердила она.

— Дурища ты этакая!..—захрипѣлъ Петръ Николаевичъ, въ безсильной злобѣ подпрыгивая передъ женой.—Вѣдь эти бумаги — твой хлѣбъ!.. Вѣдь меня со службы турнутъ... за неисправность... Вѣдь мнѣ... ночь теперь всю сидѣть за ними, списывать... Видишь?.. Это что?.. Это что?.. Все смято, захватано... Сколько разъ я просилъ доглядѣть... не давать?.. Вѣдь это... неуваженіе ко мнѣ... Это... это... чортъ знаетъ что!.. Своего угла нѣтъ во всемъ домѣ... И спрятаться отъ этихъ дьяволятъ никуда нельзя... О-о!..—Онъ схватился за волосы и рванулъ ихъ такъ, что искры посыпались изъ глазъ.—Нѣтъ! Силъ моихъ нѣтъ больше!.. Прощайте, Софья Сергѣевна!.. Только вы меня и видѣли!.. Сидите съ своими гостями!.. Обнимайтесь съ ними!.. Наслаждайтесь!.. А ужъ я сбѣгу на улицу... Чортъ съ вами, со всѣми!..

Онъ скрылся въ передней и черезъ минуту за нимъ хлопнула входная дверь.

Дѣти плакали. У Софьи Сергѣевны дрожали губы. Къ несчастью, и выплакаться-то было нельзя. Журъ-фиксъ... Начало седьмого. Въ семь начнутъ съѣзжаться.

Съ видомъ жертвы она одѣвалась. Но, съ свойственнымъ человѣку стремленіемъ сорвать зло и найти виноватаго, она кликнула няньку вытереть подъ носиками у дѣтей, умыть и пріодѣть ихъ, съ помощью Фроськи — кстати задала обоимъ головомойку. Почему за дѣтьми не глядятъ?.. На кухнѣ — вѣчные гости и чаепитіе... Она этого дольше не потерпитъ... Нельзя получать восемь рублей самой и все валить на Фроську... Надо-жъ совѣсть имѣть!

Нянька, избалованная и жадная на подачки, дерзко возражала, что отказывается глядѣть за „охальникомъ“ Сережей...

— Вы ужъ ему губернантку наймите... А моихъ силъ нѣтъ!.. Шутка сказать!.. Одиннадцать лѣтъ мальченкѣ...

— Не ваше дѣло... Вы меня не смѣете учить...

— Онъ чуть что, въ морду норовитъ... А станешь говорить: „папенькѣ пожалуюсь“... „жалуйся“... кричитъ... Извѣстно маменька—заступница...

— Ступай вонъ!..—довольно сдержанно замѣтила хозяйка, во время вспомнивъ, что она задолжала нянькѣ, безъ вѣдома мужа, около сорока рублей. Нянька вышла, хлопнувъ дверью, и долго ворчала на кухнѣ и бушевала въ дѣтской, грозя потребовать разсчета. На это Сережа показывалъ ей языкъ и потихоньку говорилъ неприличныя слова, подслушанныя на кухнѣ и на бульварѣ...

На душѣ у Софьи Сергѣевны сосало. Гдѣ-то теперь Петръ? Бѣшеный онъ, правда, но отходчивъ... Авось вернется къ семи!.. Наконецъ, она вышла въ столовую, гдѣ подъ яркимъ свѣтомъ висячей лампы, на ослѣпительно-чистой, дорогой скатерти, на убранномъ къ чаю столѣ красовался сервизъ... новый сервизъ!..

Сердце Софьи Сергѣевны расширилось отъ прилива радости. Она опять почувствовала настроеніе полководца, который передъ генеральнымъ сраженіемъ дѣлаетъ смотръ всѣмъ частямъ...' Ну-съ, Анна Денисовна!.. Теперь держитесь!..

VI.

Звонокъ раздавался за звонкомъ.

Мужчины входили, отирая мокрые усы и пофыркивая.

— Ну, погодка!..—раздавались восклицанія.

Передняя и гостиная были полны холода.

— А гдѣ же хозяинъ?..—спрашивали всѣ.

— Задержали въ правленіи... сейчасъ вернется... — неизмѣнно отвѣчала хозяйка.

— До сихъ поръ еще въ правленіи?.. Вотъ такъ фунтъ!..

Все это скользило помимо сознанія Софьи Сергѣевны. Душа ея была охвачена воинственнымъ жаромъ, какъ всегда въ дни „фиксовъ,"—настроеніе было самое повышенное.

Она сіяла, предсѣдательствуя за огромнымъ, но красивымъ никелированнымъ самоваромъ, бросая сверкающіе взгляды на нѣжный хрусталь, переливавшій подъ огнемъ всѣми цвѣтами, на кузнецовскую вазочку съ вареньемъ-„сюрпризомъ"...

— Какъ жаль бѣднаго Петра Николаича!... искренно шепнула Михайлова,—подруга Ивановой по институту.—Неужели нельзя меньше работать?.. Вѣдь онъ надорвется...

— Еще что придумай!.. У всѣхъ такъ, Оля...

— Отчего онъ въ Крымъ не поѣхалъ осенью?.. Вѣдь, кажется, собирался?..

— Куда тутъ уѣдешь отъ трехъ должностей?.. Да и на какіе капиталы?.. хладнокровно возразила Софья Сергѣевна, разливая чай.—Тебѣ съ сахаромъ?

— Безъ... Merci, душечка!..

— Мы ѣздили на дачу въ Листвянахъ... Петръ по субботамъ пріѣзжалъ и праздники проводилъ съ нами.

— Знаю, да... Онъ за лѣто—говорилъ—еще больше устаетъ... Въ Москвѣ такая гадость!..

— А туда далеко... Что дѣлать, милая! Дѣтямъ нуженъ воздухъ... Тетя, передайте, пожалуйста, стаканы на тотъ конецъ стола..

— Развѣ нельзя было бы поближе?.. робко спросила Михайлова,—чтобъ и онъ жилъ на дачѣ?

— Нельзя... Ближе тридцати-сорока верстъ отъ Москвы нельзя жить... Все заражено... Доктора говорятъ... Да онъ и самъ такъ устаетъ, что его въ будни калачомъ не заманишь изъ Москвы... Вѣдь Листвяны—не рукой подать... Онъ какъ-то поѣздилъ, да и скаялся... Тутъ столуется у знакомыхъ однихъ... Это удобнѣе...

Михайлова тихонько вздохнула и кинула влюбленный взглядъ на своего мужа, красиваго, но болѣзненнаго, съ женственнымъ типомъ лица. Онъ получалъ только пятьдесятъ рублей въ конторѣ. Остальныя полтораста, нужныя для жизни, она зарабатывала сама переводами и уроками музыки. Но она не жаловалась... О нѣтъ!.. Она безумно любила мужа... Онъ такой безвольный, бѣдняжка!.. Такой неврастеникъ... Все лѣчится, такъ боится жизни и ея страданій... У него въ семьѣ — все ипохондрики... Михайлова привыкла скрывать собственную усталость и умалчивать о переживаемыхъ не-

пріятностяхъ; привыкла думать за двухъ, страдать за двухъ, бороться одной, отстраняя отъ мужа мелочи жизни, украдкой отирая слезы, когда вспоминались ей ея мертвыя малютки, рожденныя измученной матерью и захирѣвшія среди нужды. На преждевременно увядшемъ, но и сейчасъ миловидномъ личикѣ Михайловой лежала тѣнь неизгладимой печали. И это былъ ея отдыхъ. Тяжело было всегда ломать себя, дѣлать при мужѣ веселое лицо, находить бодрыя нотки въ голосѣ... Михайлова никогда не забывала, что мужъ ея когда-то имѣлъ богатую, влюбленную невѣсту, могъ жить безпечно,—но самъ выбралъ ее,—безприданницу... Она считала, что обязана работать, вѣдь довѣрялъ же онъ ея энергіи и талантамъ, начиная эту страшную трудовую жизнь!..

Міросозерцаніе Софьи Сергѣевны было ей чуждо.

— А развѣ нельзя какъ-нибудь иначе?..—тихо спрашивала она, подъ шумокъ разговоровъ, звеня ложечкой въ своей чашкѣ.—Три должности!.. Это ужасно...

— А какъ же иначе, милая? у насъ дѣти... Не надо было жениться... а теперь поздно разсуждать!.. Не всѣ такіе лежебоки, какъ твой Павликъ...

Михайлова вспыхнула и укоризненно поглядѣла на хозяйку. Въ такія минуты она ее ненавидѣла и давала себѣ слово никогда сюда не ходить...

Петръ Николаевичъ подымался по лѣстницѣ и на площадкѣ увидѣлъ звонившаго Ельникова, мужа его сестры Анны.

Они вошли вмѣстѣ.

— Ну что, какъ сестра?... Я все не выберусь...

— Да что?.. За греческій засѣла...

— Да ну? Неужели учится?

— Ей-Богу...

Ельниковъ у зеркала расправилъ свою густую бороду и маленькой гребеночкой пригладилъ роскошную, волнистую шевелюру.

— Вѣдь Миша въ третій перешелъ, а тамъ греческій... На латыни-то она вотъ какъ насобачилась!.. А теперь зубритъ день и ночь...

Петръ Николаевичъ, вѣшая шубу, выразительно покачалъ головой.

— Святая женщина!.. Что говорить!..— какъ-то вкусно причмокнувъ и дѣлая серьезную мину, заявилъ Ельниковъ и, выпрямивъ статную фигуру, замоталъ головой и поправилъ чуть съѣхавшій галстухъ. Глаза его, увидавшіе въ гостиной оборки женскихъ юбокъ, какъ-то особенно сузились и блеснули.

— „Скотина“,—подумалъ Петръ Николаевичъ, враждебно косяся на эту сильную грудь и широкія плечи.—„Нужны

тебѣ святыя!.. Небось сейчасъ вотъ этими самыми пухлыми, красными губами цѣловалъ какую-нибудь швейку съ бульвара... Не брезгливъ, голубчикъ...“

Хозяина встрѣтили радостными восклицаніями. Мужчины усадили его на другой конецъ стола.

— Я тебѣ съ ромомъ налью, Петръ Николаевичъ, — сказала ему жена.

Софья Сергѣевна была единственной женщиной, за которой Ельниковъ не ухаживалъ. Онъ не прощалъ ей враждебности къ его женѣ, которую онъ всетаки любилъ по-своему. Поздоровались они холодно и Софья Сергѣевна только изъ вѣжливости спросила, съ чуть замѣтной ироніей:

— Ну что Анна? Какъ?

— Да ничего, благодарю васъ!.. Кланяться просила,—тоже изъ вѣжливости добавилъ Ельниковъ, съ утра не видавшій свою Анну.

У Иванова былъ такой убитый и болѣзненный видъ, онъ былъ такой жалкій, — что Михайлова не удержалась и съ участіемъ спросила его:

— Что съ вами?.. Петръ Николаевичъ, на васъ лица нѣтъ?..

— Знобитъ что-то,—криво улыбнулся онъ.—Это право пустяки, милая Ольга Павловна.

— Инфлюенца?..

— Нѣтъ, просто флюсъ...

— Ну, смотрите!..

Она отошла сумрачная и что-то шепнула хозяйкѣ.

Та поблѣднѣла и нахмурилась.

— Тьфу!.. Тьфу!.. Этакія глупости говоришь... Еще накличь бѣду..

— Я бы на твоемъ мѣстѣ разогнала гостей, да послала бы за докторомъ.

Софья Сергѣевна съ безпокойствомъ и любовью поглядѣла на мужа.

Дѣйствительно, видъ скверный... Но вѣдь упрямство— ослиное!.. Сознается тогда, когда въ сущности останется за попомъ только посылать... У нихъ всегда такъ... Чувство досады взяло перевѣсъ надъ нѣжностью.

Кто-то зазвонилъ и въ ту же минуту Сережа и Надя вбѣжали съ взволнованными лицами.

— Анна Денисовна пріѣхала!..—громкимъ полушопотомъ объявили они матери.

Софья Сергѣевна бросила разливать чай, выпрямилась и пошла въ переднюю.

Этой чести она никому не оказывала.

— Ишь, какъ на заднихъ лапкахъ пляшетъ!..—съехидни-

чала Евтихьева, пожилая супруга одного чиновника, наклоняясь къ плечу сосѣдки.

— Нельзя же!..—усмѣхнулась та.—Вѣть третье-то мѣсто Ивановъ черезъ мужа Анны Денисовны получилъ... Надо цѣнить!

Ивановъ въ передней уже снималъ съ гостьи цѣнную чернобурую ротонду. Анна Денисовна, гремя шелковымъ платьемъ, заняла за столомъ почетное мѣсто. При ея входѣ, всѣ какъ будто умолкли, словно смутились,—такова сила кармана,—и поклонились ей почтительно, хотя всѣ терпѣть ее не могли за ея ограниченность и надменность.

Это была большая и красивая женщина, которую портили черные замѣтные усы и излишняя краснота въ лицѣ.

Она была очень скупа, практична и сама управляла двумя домами, которые ей подарилъ мужъ, благоговѣвшій передъ нею. Въ сущности, она была очень недалека и совершенно неразвита. Но почему-то ее всѣ считали за умную женщину. Богатство и наглость импонировали всѣмъ. Снисходительнымъ кивкомъ поздоровалась она съ присутствующими, никому не подавая руки. Многія изъ дамъ еще сохранили на лицѣ дѣланно-умильную улыбку, которая при этой невѣжливости постепенно таяла, превращаясь въ растерянно жалкую гримасу и, наконецъ, въ озабоченно-злую мину. Всѣ усердно занялись своими чашками и сухарницей, между тѣмъ какъ Анна Денисовна дерзко щурилась на дамъ, дѣлая видъ, что встрѣчаетъ ихъ въ первый разъ.

Она находила втайнѣ такое поведеніе верхомъ свѣтскаго шика.

Мужъ ея, инженеръ Халчевъ, чсловѣкъ неглупый, практичный и съ большими связями, казался много добродушнѣе своей жены. Въ дѣйствительности, это былъ ловкій и беззастѣнчивый дѣлецъ,—такой же громадный, тучный и красный, какъ жена его, съ жирнымъ лицомъ, толстыми вѣками, хитрыми глазами и короткими, какъ бы обрубленными пальцами.

Лошадей они по скупости не держали и ѣздили въ гости на двухъ извозчикахъ, такъ какъ вдвоемъ вѣсили около пятнадцати пудовъ и рядомъ не усѣлись бы...

Дѣтей у нихъ не было. Оба они страстно любили винтъ, любили покушать и любили копить. Въ театры они не ѣздили и ничего не читали.

Всѣ были въ сборѣ.

Хозяинъ въ гостиной разставлялъ три стола, готовилъ подсвѣчники, мѣлки и карты, когда раздался еще звонокъ,—нервный, рѣзкій, на весь домъ.

— Ахъ, Боже мой!..—нервно сказала Анна Денисовна и

томно зажала уши, оттопыривая мизинцы.—Руки ея были унизаны кольцами. Украшенія и драгоцѣнности вообще она любила, какъ дикарка.

— Это навѣрное Семенова, — виновато улыбаясь пояснила хозяйка.—Ей все некогда... Она звонитъ-то, словно на пожаръ спѣшитъ... Чудная...

— Такая необразованность!..

— Помилуйте,—вступилась Михайлова.—Я никого не встрѣчала образованнѣе Семеновой... даже между мужчинами...

Но Халчева только скользнула по ней взглядомъ и обернулась къ хозяйкѣ.

— Отчего вы не велите подвязать колокольчикъ, Софья Сергѣевна?.. У меня въ домахъ все электрическіе... Это такъ удобно...

— А что ваши нервы, Анна Денисовна?..—умильно спросила тетушка.

Инженерша величественно поглядѣла на старушку и кивнула ей однѣми бровями. Всѣ знали слабость инженерши считать себя болѣзненной и сырой женщиной. Она днями валялась на кушеткѣ и жаловалась на мигрени. Быть здоровой казалось ей неаристократичнымъ.

Въ гостиной уже звучалъ раскатистый смѣхъ этой вѣчно-бодрой и веселой Семеновой.

Она вошла въ столовую, подставила щеку хозяйкѣ и, здороваясь съ гостями, энергично трясла всѣмъ руки.

Это была дѣвушка лѣтъ сорока, некрасивая, худощавая, необыкновенно подвижная и нервная. Одѣта она была, пожалуй, даже по послѣдней модѣ, но съ расчитанной эксцентричностью. Лифъ ея платья походилъ на фракъ, съ бѣлымъ пикейнымъ жилетомъ, крахмальнымъ воротничкомъ, манжетами и мужскимъ чернымъ галстухомъ. На головѣ, съ греческимъ узломъ темныхъ волосъ, была круглая, войлочная, совсѣмъ мужская шапка. Но все это было безукоризненно,—чисто и изящно.

Аннѣ Денисовнѣ она только кивнула головой, и та отвѣтила ей умышленно небрежно. Всѣмъ стало смѣшно.

Обоюдная антипатія этихъ обѣихъ женщинъ ни для кого не была тайной.

Семенова сѣла рядомъ съ Михайловой.

— Неужели вы только сейчасъ изъ конторы? — удивилась та.

— А, конечно!.. Какъ всегда, съ девяти до семи. Только и успѣла пообѣдать...

— Даромъ двухъ тысячъ платить не будутъ,—вставила Евтихьева, которая сама во всю жизнь не заработала рубля

но не могла простить Семеновой ея заработка, дѣйствительно рѣдкаго для женщины.

— Ахъ, хозяюшка милая!.. Дай чаю поскорѣе... Пересохло въ горлѣ,—сказала Семенова громко, потомъ нагнулась къ Софьѣ Сергѣевнѣ, и глаза ея весело блеснули въ сторону Халчевыхъ.

— Двѣ каріатиды налицо!.. Стало быть журъ-фиксъ въ полномъ ходу, и все какъ надо быть?..

— Почему каріатиды?..

Софья Сергѣевна чуть-чуть нахмурилась. Она не любила, чтобъ вышучивали ея пріемы.

Семенова служила бухгалтеромъ и иностраннымъ корреспондентомъ при одномъ крупномъ торговомъ домѣ. Жила она съ братомъ-учителемъ, тоже холостякомъ, каждый годъ брала двухмѣсячный отпускъ и ѣздила за границу, чаще всего въ Норвегію. Она въ подлинникѣ прочла Лефлеръ, и Альгрэна, и Стриндберга, и Іонаса Ли. Ибсенъ былъ ея настольной книгой. Теперь она изучала испанскій языкъ, находя въ этомъ источникъ неувядаемыхъ наслажденій. Европу она знала, какъ у насъ немногія знаютъ Россію.

За политикой она слѣдила съ волненіемъ и страстностью, и свои политическія убѣжденія отстаивала краснорѣчиво и пылко. На интересной лекціи, на ученомъ засѣданіи всегда можно было встрѣтить ея сухую, но изящную фигурку, ея насмѣшливое лицо съ длиннымъ носомъ и полными жизни глазами. Интересовалась она всѣми явленіями общественной жизни, но относилась къ нимъ неизмѣнно, какъ двадцать лѣтъ назадъ, когда сама была на курсахъ и подносила адресъ Некрасову.

Москву она не любила. Это Азія,—говорила она,—здѣсь даже оперы порядочной нѣтъ... Но, любя страстно музыку, она не пропускала ни одного симфоническаго собранія.

Когда-то у нея были женихи, но она по принципу не вышла замужъ, слишкомъ дорожа своей независимостью. У нея не было увлеченій. Она смѣялась зло и безпощадно надъ „неотразимостью“ мужчинъ и надъ „женственностью“ прекраснаго пола. Мужчины уважали Семенову, хотя за спиной подсмѣивались надъ „безполымъ существомъ“, какъ она себя величала... Дамы же всѣ поголовно, за рѣдкими исключеніями, ненавидѣли Семенову за ея умственное превосходство и за безапеляціонный тонъ, которымъ она изрекала свои афоризмы. Она, дѣйствительно, имѣла слабость считать свои мнѣнія непогрѣшимыми. Языкъ у Семеновой былъ бабій и она любила поговорить. Выражалась она книжно, память имѣла изумительную и свою рѣчь пересыпала цитатами. Увидавъ человѣка въ первый разъ и желая его „разгля-

дѣть", либо совратить въ свою вѣру, она накидывалась на него, тормошила, вовлекая въ интересный споръ, сама лѣзла на стѣну, доказывая ему его заблужденія и собственную свою правоту и часто доводила собесѣдника до отчаянія.

— Ну, задала баню!..—говорилъ онъ знакомымъ, отирая вспотѣвшее лицо.—Что за фигура? Батюшки мои! Откуда она взялась?

И въ другой разъ, увидавъ издали кончикъ длиннаго сухого носа Семеновой, онъ спѣшилъ куда-нибудь скрыться.

Съ Софьей Сергѣевной Семенова была дружна, еще съ дѣтства. Потомъ, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, онѣ встрѣтились, живя въ одномъ и томъ же переулкѣ. А съ тѣхъ поръ, какъ Лизавета Антоновна самоотверженно отходила ребятъ Софьи Сергѣевны отъ дифтерита, рискуя собственной жизнью, и оказала имъ много услугъ—Ивановы въ ней души не чаяли и прощали ей всѣ ея безтактности.

VII.

Хозяйка разливала чай.

— Варенье, господа!.. Кому варенья?.. Здѣсь пять сортовъ...

У Нади и Сережи, торчавшихъ за стуломъ матери, запрыгали глазенки.

„Вотъ онъ сюрпризъ-то!.."

Торжественная минута настала.

Сердце Софьи Сергѣевны громко застучало подъ тугимъ корсетомъ. Она спряталась за самоваръ, но лицо ея, покрывшееся пятнами, выдало ея волненіе.

Кто-то изъ дамъ попробовалъ изъ кузнецовской вазочки и ахнулъ.

— Что это за прелесть! Софья Сергѣевна! Что это за роскошь?.. Ахъ!.. Я ничего не разберу.

— Отгадайте,—сдавленнымъ голосомъ молвила хозяйка.

У дѣтей щечки такъ и пылали.

— Позвольте мнѣ, пожалуйста,—строго сказала Анна Денисовна, съ неудовольствіемъ замѣтившая, что блюдечки у нихъ теперь одинаковыя.

— Обезьяна!—съ досадой подумала она.

Двѣ руки протянулись съ разныхъ сторонъ, чтобъ передать инженершѣ вазочку.

— И мнѣ позвольте!..

— И мнѣ...

Всѣ тянулись къ новой вазочкѣ, съ новыми блюдечками въ рукахъ.

Дѣти, красныя какъ піоны, подталкивали другъ друга локтями.

— Дѣйствительно, что-то необыкновенное,—величественно согласилась Анна Денисовна.

Всѣ жевали ягоды, смаковали, блуждая глазами, съ неопредѣленной улыбкой на лицахъ.

Увлеклись и мужчины.

— Съ виду какъ будто крыжовникъ, — глубокомысленно началъ Халчевъ.

— А внутри апельсинная корка!..—крикнулъ Сережа, не утерпѣвъ.

И вдругъ, сконфузившись, но все же чувствуя необыкновенное облегченіе, онъ присѣлъ за стуломъ матери на корточкахъ.

— Н-ну, матушка!.. Удивила ты міръ!..—засмѣялась тетушка.—Ужъ на что я лакомка, а отродясь такой диковинки не ѣдала...

Анна Денисовна начала сердиться и багровѣть.

А Семенова хохотала, взявшись рукой за лѣвый бокъ и качаясь на своемъ стулѣ.

— Чему вы?..—невольно разсмѣялась и Михайлова, глядя на нее.

— Охъ, уморила!.. Геркулесъ-то... Геркулесъ...Ха!.. Ха!..Ха!..

— Что такое?

У всѣхъ лица раздвигались въ улыбку. Одна инженерша была мрачна и неподвижна, какъ надгробное изваяніе.

Семенова вынула батистовый платокъ и вытерла углы влажныхъ глазъ.

— Исполать тебѣ, Софья Сергѣевна,—воскликнула она и хлопнула хозяйку по рукѣ.—Ты Геркулеса посрамила...

— Какого Геркулеса?— сердито крикнула Евтихьева съ другого конца стола...

— А помните, сколько ему работы царь Авгій задалъ?

— Царь?.. Отродясь о такомъ не слыхала...—сознавалась чиновница, вспомнившая въ эту минуту о рекламѣ новой крупы (Геркулесъ).

— О, Господи!.. Ха!.. Ха!.. Помните? конюшни вычистить? Онѣ у него были запущены.

— По московски?—подмигнулъ Ельниковъ, остановившійся въ дверяхъ.

Семенова обернулась и махнула на него рукой.

— Ну, съ конюшнями-то онъ справился, а передъ твоимъ подвигомъ, Софья Сергѣевна, спасовалъ бы. Сколько фунтовъ-то?

— Четыре, побѣдно заявила Софья Сергѣевна, перегибаясь изъ-за самовара. Лицо ея теперь пылало.

Семенова отмахнулась и опять залилась смѣхомъ, откидывась на спинку стула.

— Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, какая это работа!—говорила хозяйка черезъ столъ съ Евтихьевой, минуя Анну Денисовну.—Каждую ягодку вычистить... потомъ ее цедрой апельсинной начинить... Вы понимаете?

— Что говорить!... Ну-ка, еще позвольте...

— И все сама... Довѣрить вѣдь никому нельзя... Какая же это будетъ чистота? А тутъ каждую ягоду своими руками... Цѣлую недѣлю работала... измучилась... Вѣрите-ли?.. Всю спину разломило.. Позвольте ваше блюдце!..

— Мученица ты моя!—залилась опять Семенова.—Какой же у тебя сладкій подвигъ!..

Она обернулась къ Михайловой, которой давно симпатизировала.

— Нѣтъ, энергіи-то сколько, Ольга Павловна!

— И досуга!—тихонько улыбаясь, подсказала та.

— Вотъ именно! Голубушка Ольга Павловна! Хоть бы у насъ съ вами разъ въ году столько досуга нашлось, чтобъ фунтикъ ягодъ вычистить... Какъ это было бы пріятно!..

— Чудная!.. Да вѣдь это лѣтомъ, небось, было!..—напомнила хозяйка.

— А по твоему, конторы лѣтомъ закрыты?

— И у меня лѣтомъ уроки... (И слава Богу, что есть. По крайней мѣрѣ дѣти на дачѣ) — подумала Михайлова. — А если бъ и былъ досугъ,—начала она вслухъ.

— Она бы за книгу схватилась,—докончилъ за жену Михайловъ.—Все жалуется, что читать некогда.

— Я-то бы ужъ, конечно, и лѣтомъ на такой подвигъ не пошла,—пошутила Семенова.—Стоитъ жизнь убивать на такой вздоръ?

Софья Сергѣевна обидѣлась. Ее унижали передъ Анной Денисовной.

— И вотъ на что уходятъ силы, лучшія силы женщинъ,—напыщенно изрекъ Ельниковъ и прыснулъ въ бороду.

Хозяйка кинула на него сверкающій взглядъ и обернулась къ Семеновой.

— Ты, Лизавета Антоновна, кажется воображаешь, что одно твое конторское дѣло важно и трудно? А семья, это пустяки?.. Попробовала бы ты быть на моемъ мѣстѣ!

— Оборони меня, Боже!—отшутилась Семенова.

— День деньской на ногахъ,—кипятилась Софья Сергѣевна, усиливая свое контральто, чтобы покрыть голоса мужчинъ, споривших съ Ивановымъ о чемъ-то,—управляться съ дѣтьми, съ такой оравой прислуги.

— Съ такой оравой гостей,—вставила подъ шумокъ Семенова.

— Обо всемъ думать... о всѣхъ заботиться... чтобы всѣ сыты были, одѣты, обуты... Чтобы чистота... Развѣ на прислугу можно полагаться? Вотъ я прихварывала недавно... недѣли двѣ цвѣтовъ не глядѣла... Такъ ихъ такъ запустили!.. Пришлось каждый листикъ вычищать самой... Два дня, не разгибаясь, за ними сидѣла.

— О, Господи!.. Ну, скажи... Стоитъ-ли жизнь убивать на такія мелочи?

— Какъ, Лиза, мелочи?.. И это мелочи?.. И цвѣты, и варенье? Ничего, значитъ, не нужно?

— Ей-Богу, не пойму никогда, зачѣмъ загромождать себѣ жизнь такимъ безцѣльнымъ, а главное скучнымъ „дѣломъ"? Коли такая возня съ цвѣтами, не держи ихъ!..

— А варенье-то кто же за насъ будетъ варить!..—не стерпѣла Анна Денисовна.

Всѣ оглянулись на нее. Отъ гнѣва она была пунцовая.

— Или вы забыли, что въ лавкѣ оно стоитъ полтинникъ фунтъ?.. А намъ обходится въ двадцать три, двадцать пять копѣекъ?..

— Это мнѣ рѣшительно все равно... Я сладкаго не ѣмъ и нахожу, что прожить безъ варенья легко...

— Вамъ легко!—загремѣла инженерша.—Зачѣмъ же вы навязываете всѣмъ ваши вкусы? Если я не могу пить чай безъ варенья?

— Ну, такъ и не жалуйтесь на судьбу!.. Я вотъ люблю за границу ѣздить и не жалуюсь, что для этого приходится въ конторѣ сидѣть чуть не полсутокъ...

— Вы не замужемъ и не знаете, что значитъ вести домъ,— надменно напомнила Анна Денисовна.

— Даже два... Но если это такъ трудно и непріятно, почему вы управляющаго не возьмете?.. Навѣрно лучше васъ дѣло велъ бы... Вникалъ бы въ интересы жильцовъ... Вонъ они жалуются, что вы ремонта никакого не производите... А вы у лишняго бѣдняка кусокъ хлѣба не отымали бы...

Анна Денисовна такъ растерялась, что заморгала вѣками, задохнулась и нѣсколько разъ беззвучно открыла и закрыла ротъ, какъ это дѣлаетъ рыба, вынутая изъ воды.

— Какова нахалка!—сказала она, наконецъ, сосѣдкѣ довольно громко.

Софья Сергѣевна, возбужденная присутствіемъ мужа при такомъ щекотливомъ спорѣ и вдохновенная воспоминаніемъ объ его упрекахъ, совсѣмъ позабыла въ эту минуту, что становится союзницей Анны Денисовны противъ этой зубастой, милой Лизаветы...

— Я такъ увѣрена,—вмѣшалась она, безцѣльно вытирая расшитымъ полотенцемъ совсѣмъ чистую чашку,—что если-бы тебя запречь въ эту семейную лямку и наполнить твою жизнь возней съ дѣтьми и дрязгами съ прислугой, то ты сбѣжала бы черезъ мѣсяцъ въ свою контору... потому что твое дѣло легче!

— Что и говорить!—подхватила Евтихьева.—Одна пустяковина, больше ничего!..

— И безспорно легче!.. Но вѣдь я потому и замужъ не вышла... А вотъ на васъ всѣхъ я дивлюсь... Вѣдь вы отлично на матеряхъ и сестрахъ... на всѣхъ кругомъ видѣли эту... лямку. Чего-же вы для себя ждали?.. Кто гналъ васъ замужъ?

— Остаться Христовой невѣстой?.. Вѣковушей?.. Покорно васъ благодаримъ!—грубо усмѣхнулась инженерша.

Михайлова изумлено поглядѣла на нее.

— Ну—дамы! казалось, говорило ея кроткое лицо.—Что за дикость нравовъ въ нашемъ обществѣ!.. Въ глаза высказывать такія вещи?.. А навѣрно Анна Денисовна тоже гдѣ-нибудь да воспитывалась...

Семенова, однако, не обидѣлась. Либо она очень презирала Халчеву, либо вообще привыкла къ грубостямъ дамъ.

— Вотъ я себя превосходно чувствую въ положеніи Христовой невѣсты,—подхватила она вполнѣ невозмутимо.—Что вы тутъ видите постыднаго, Анна Денисовна?.. Прошло это время.

— Какъ это прошло? Никто замужъ, что-ли, не выходитъ?

— Несравненно меньшій процентъ выходитъ, чѣмъ тридцать лѣтъ назадъ...

— Молодежь поумнѣла,—вмѣшался Петръ Николаевичъ.

— Просто жизнь осложнилась... Полноте!..—Семенова махнула на хозяина рукой.—Ничего не поумнѣла... Самый выдающійся радикальный дѣятель всетаки, если покопаться въ его душѣ,—окажется буржуа... Его идеалъ—своя жена, свой домикъ, дѣточки, дачка своя, куры да коровки и т. д... И стоитъ ему только опериться и стать на ноги, какъ ужъ онъ спѣшитъ осуществить этотъ мѣщанскій идеалъ... Нѣтъ!.. Просто жизнь стала дорога, борьба за блага жизни слишкомъ интенсивна... Семья становится не по карману прихотью...

— Ты хочешь сказать—необходимостью?..—внушительно поправила Софья Сергѣевна.

— Вздоръ какой!..—разсмѣялась Семенова, межъ тѣмъ, какъ пальцы ея нервно мяли какую-то розовую стружку изъ тѣста.

— Да развѣ ты, женщина?..—улыбнулась Софья Сергѣевна.—Ты чиновникъ...

— Пусть! Чиновникъ, машина въ теченіе дня... согласна...— продолжала Семенова, въ рукахъ которой стружка уже утратила всякую форму.—Я вѣдь всегда говорила, что природа ошиблась, создавъ меня женщиной... Но видите ли, господа... Отработавъ извѣстное количество часовъ, я прихожу домой, отдохнуть... И никто не смѣетъ мѣшать моему покою... Хочу я развлечься, выѣхать; все къ моимъ услугамъ... Я не завишу ни отъ больного ребенка, ни отъ грубой прислуги, ни отъ супружескихъ капризовъ. А главное, главное, я не завишу ни отъ чьего кармана... Все заработала сама и никому отчета!..

— Что правда, то правда,—вмѣшалась Евтихьева и протянула хозяйкѣ свою чашку.—Безъ сахара, пожалуйста... Нонче всѣ прислуги пьяницы... И что только терпишь отъ нихъ!.. Повѣрите, чуть не каждый день безъ обѣда сидимъ...

— А зачѣмъ же вы всѣ такія барыни?.. И ставите себя въ такую зависимость отъ прислуги?... Вотъ за границей этого нѣтъ... Почему не научиться всему?.. И не дѣлать самой при надобности?..

— Я лѣтомъ прогнала кухарку и цѣлую недѣлю готовила сама...—объявила побѣдно хозяйка.

— Хорошо вамъ Богъ далъ здоровья, — гнѣвно воскликнула инженерша.—И вообще это издали такъ легко, кажется... А каково это у плиты стоять съ мигренями?

— Анна Денисовна... Это отъ досуга и сидячей жизни... Могу васъ завѣрить... Знаете, чѣмъ вылѣчился одинъ мой знакомый докторъ отъ мигреней?.. Онъ самъ каждый день дрова кололъ...

Инженерша задохнулась отъ гнѣва. Если бы людскіе взоры могли испепелять, то бѣдной Семеновой пришлось бы плохо. Но въ эту роковую минуту Петръ Николаевичъ подскочилъ къ Аннѣ Денисовнѣ и предложилъ калачикомъ руку.

— Пожалуйте карту вынимать!.. Не задерживайте...

Мужчины наскоро вытирали усы, кланялись хозяйкѣ и спѣшили къ столамъ, гдѣ уже горѣли свѣчи.

— Смотри ты у меня!.. Не вздумай по сороковой садиться!.. — шепнула Евтихьева мужу, которому выдавала деньги на винтъ. Всѣ знали, что дома за проигрышъ жена его пилитъ по недѣлямъ.

VIII.

Въ столовой остались однѣ дамы.

— Что ни говори, жизнь семейная имѣетъ свои хорошія стороны,—начала Софья Сергѣевна, подвигая къ себѣ пустые стаканы.

Семенова, задумавшаяся на секунду и проглотившая совсѣмъ остывшій чай,—теперь подняла голову.

— А именно? Быть всегда „чужой“, зависѣть отъ цвѣтовъ, варенья, прислуги, отъ дѣтей, мужа, гостей, наконецъ?.. Представь! Мужъ любитъ свиныя котлеты, а ты ихъ въ ротъ не берешь?.. Или ты любишь телятину, а у него желудокъ ея не варитъ?.. Что-жъ? Два обѣда готовить? Или сидѣть впроголодь?

— Вотъ еще!.. Два обѣда!..—возмутилась Евтихьева.— Развѣ это возможно?

— Положимъ, это все мелочи!..

— Да, позвольте, изъ чего, какъ не изъ мелочей, состоитъ вся наша семейная жизнь? Да и во всемъ такъ... Мужъ спитъ послѣ обѣда... А вамъ хочется на роялѣ играть! Вы не можете спать при огнѣ, а онъ любитъ на сонъ грядущій въ постели почитать?.. Онъ во снѣ храпитъ, а у васъ отъ этого безсонница?.. И такъ во всемъ... Значитъ, нужны двѣ спальни?.. Положимъ, по моему—непремѣнно двѣ...

Софья Сергѣевна замахала руками.

— Ахъ, Лиза, ты совсѣмъ не отъ міра сего!.. Только богатые люди могутъ позволять себѣ такія прихоти...

— Ахъ, право, это такіе пустяки,—начала было Михайлова мирнымъ тономъ.

— Ну нѣтъ, господа!.. Какіе пустяки!.. Привычка—вторая натура... Это не даромъ сказано... А у каждаго изъ насъ есть свои... Приходится, стало быть, во избѣжаніе ссоръ, всегда уступать мужу?..

— Почему же мы должны уступать?.. крикнула Анна Денисовна изъ гостиной.

Всѣ разсмѣялись.

— Анна Денисовна... Три безъ козыря...—отчаянно воскликнулъ хозяинъ, опасавшійся новой схватки.

— Да, вы правы, Анна Денисовна!.. Уступать не зачѣмъ.

— Когда любишь, это такъ легко,—задумчиво сказала Михайлова.

Семенова пожала плечами.

— Ну кому какъ!.. Я такъ представить себѣ не могу, какъ соглашаются люди, не потерявъ разсудка, добровольно лѣзть въ такое положеніе, гдѣ ты неминуемо становишься либо деспотомъ, либо рабомъ. Въ бракѣ, какіе бы хорошіе люди ни сошлись, одна сторона всегда поневолѣ должна нести жертвы и постепенно обезличиваться... Чья индивидуальность сильнѣе, тотъ и торжествуетъ...

— И даже не такъ, — вмѣшалась старушка-тетушка. — Просто кто эгоистичнѣе и грубѣе, тотъ и верховодитъ...

— Это правда...—зазвучало глубокое контральто хозяйки, болѣзненно вспомнившей несправедливыя нападки мужа.

Вдругъ изъ гостиной донеслась неожиданная реплика Петра Николаевича.

— А такъ какъ женщина всегда неделикатна и эгоистична—по своей натурѣ и по недостатку развитія...

— Вашъ ходъ,—внушительно напоминала инженерша.

Софья Сергѣевна гремѣла перемытой посудой, ставя ее на подносъ.

— Хорошо, что вы замужъ не вышли, барышня,—сказала Евтихьева, враждебно щурясь на худенькое лицо Семеновой.—Плохо досталось бы вашему мужу!..

— Бѣда!..—расхохоталась та.—Я и представить себѣ не могу, что я стала бы съ нимъ дѣлать. Изъ конторы вернусь, пообѣдаю, а тамъ ужъ и въ театръ спѣшить надо, либо на засѣданіе... А онъ причемъ?.. Ха!.. ха!.. Онъ спать заляжетъ, а я за работу сяду, либо читать... Я вѣдь до четырехъ иногда читаю... и сплю страшно мало... Намъ и говорить-то нѣкогда было бы!.. На что мнѣ мужъ? Полноте!..—Она подвинула свою чашку къ хозяйкѣ.—Нѣтъ ли еще чайку, голубчикъ?..

— Ты забываешь, Лиза, что тебѣ замужемъ не пришлось бы уже работать весь день,—напомнила Софья Сергѣевна, вѣшая черезъ плечо сырое полотенце и беря въ руки подносъ съ посудой.

Семенова даже вскочила.

— То есть, какъ это не нужно?..

Хозяйка, улыбаясь, проплыла своей величавой поступью къ буфету...

— Очень просто, Лиза... Мужъ обязанъ заработать...

Она уставила подносъ на выдвинутую доску и съ любовью бережно начала убирать на полки новый сервизъ.

— А я?..

Семенова ударила себя въ грудь рукою. Глаза ея сверкнули и голосъ дрогнулъ.

— А ты сиди дома и веди хозяйство...

— Да!.. торжествующе подхватила Евтихьева,—дома сидите!..

— Чтобъ я ему на шею сѣла? Чтобъ у него на извозчиковъ, на башмаки... на марки... на нищихъ деньги просила?

— У всѣхъ такъ, милая!..

— Ни-ни... ни... ни... ни!..

Семенова зажала уши и затрясла головой. Вся ея нервная фигура трепетала отъ страстнаго волненья.

— Хоть убейте меня... не пойму!.. Не согласна я въ та-

кое рабство попадать... Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Это унизительно... позорно... Наконецъ, это даже недостойно, нечестно...

— Что-о?..

Евтихьева глаза выкатила.

Софья Сергѣевна раздражительно поправила сползавшее съ плеча чайное полотенце.

— Когда есть образованіе, здоровье... досугъ? По какому праву сѣсть на шею кому бы то ни было?.. Быть паразитомъ?.. Видѣть, какъ бьется любимый человѣкъ, хирѣетъ, теряетъ здоровье, наконецъ?.. О, какая несправедливость!.. Какая слѣпая жестокость!..

Михайлова, вся просіявъ, протянула руку Семеновой.

— О, какъ я васъ понимаю, Лизавета Антоновна!

Та крѣпко пожала руку молодой женщины, но поглядѣла на нее удивленно, словно спросонья. Она была такъ полна собственными мыслями, что не умѣла проникнуться чужимъ настроеніемъ.

Софья Сергѣевна презрительно скривила губы.

— Ну!.. Понесла опять свою ерунду о женскомъ вопросѣ.

— Это ужъ не женскій, выходитъ, а мужской вопросъ,— съехидничалъ Ельниковъ.—Четыре черви... Пассъ...

— Пассъ...

— Вотъ подожди, Лизавета Антоновна, какъ старость придетъ... ужъ недалеко это время... И останешься ты одинокая и никому ненужная, съ ревматизмами, печеночными коликами и тому подобными удовольствіями. Въ клинику умирать пріѣдешь... По крайности,—продолжала Софья Сергѣевна, гремя у буфета дессертными ножами и тарелочками,— мы, замужнія, можемъ сказать про себя, что жили... хорошо ли, плохо ли, да жили... любили, радовались на дѣтей...

— Хоронили ихъ,—подсказала Семенова.

Блѣдное личико Михайловой дрогнуло отъ неожиданной боли воспоминаній.

— Пусть и страдали даже,—согласилась хозяйка, возвращаясь къ столу, и съ усиліемъ поставила передъ гостями хрустальную вазу съ фруктами.—Всетаки мы знали и тѣни, и свѣтъ, и изнанку, и казовую сторону жизни... А вы что?.. Въ конторѣ костяшками простучали до старости?.. Эдакая сладость, подумаешь!..

Всѣ потянулись за фруктами, кромѣ Семеновой, которая слушала жадно и напряженно, какъ будто защищала дѣло въ судѣ.

— А какая сладость плодить дѣтей?.. И за это страдать?.. Платить за это здоровьемъ... зачастую жизнью? И все это за столъ, квартиру... и за право жить безъ труда...

— Не нами началось, не нами и кончится, — изрекла Евтихьева, поѣдая съ аппетитомъ холодный виноградъ...

— Волковъ бояться, Лиза, въ лѣсъ не ходить...

— Въ толкъ не возьму, зачѣмъ вы туда ходите?..—крикнула Семенова и вдругъ разсмѣялась.

Софья Сергѣевна понесла вазу въ гостиную къ винтерамъ и реплики подать не успѣла.

— А какъ же по вашему поступать, когда полюбишь?..— спросила Михайлова, придвигаясь и кладя локти на столъ. Ея маленькія ушки разгорѣлись отъ волненія. На щекахъ выступилъ слабый румянецъ.—Вы, Лизавета Антоновна, разсуждаете такъ, какъ будто совсѣмъ нѣтъ любви, разрушающей всѣ эти гордыя теоріи и мудрые планы.

— Ахъ, какой вздоръ!

— Что вздоръ?.. Любовь?..

— Ну ужъ это вы рисуетесь... Полноте!.. досадливо замѣтила тетушка, два раза бывшая замужемъ и уходившая отъ обоихъ мужей къ поклонникамъ.

Семенова знала напередъ, какой эффектъ произведетъ ея фраза и поглядывала на всѣхъ съ саркастической усмѣшкой.

Софья Сергѣевна вернулась и сѣла чистить мандаринъ.

— Ну ужъ тутъ вы ее не переговорите,—усмѣхнулась она.—Любовь—это тоже ея конекъ...

— Вѣдь не можете же вы отрицать любовь, даже если сами ее не испытали?.. страстно настаивала Михайлова.

— Да, я ея не испытала...

— Ты—нравственный уродъ, Лизочка... Это давно рѣшено... На тебѣ мандаринъ!.. Кушай!..

— И вовсе не уродъ... Почему непремѣнно уродъ?.. Развѣ я одна такая?.. Развѣ мало холостяковъ, никогда не переживавшихъ этой горячки?.. Этого безумія?.. Наконецъ, господа, что называть любовью?..

— Эта становится интереснымъ,—сказалъ Ельниковъ изъ гостиной и настрожился весь, какъ военная лошадь, услыхавшая музыку.

— А вы всетаки сбросьте бубну-то,—напомнилъ ему партнеръ.

— Я признаю любовь, какъ одну изъ потребностей жизни,—начала Семенова.

— Высшую...

— Главную,—крикнула тетушка и ударила кулачкомъ по столу.

— О нѣтъ!.. Такъ какъ безъ нея обходится подавляющій процентъ дѣвушекъ... А попробуйте-ка обойтись безъ пищи и воздуха!..

— Только эти иллюзіи придаютъ жизни красоту и цѣнность!—печально замѣтила Михайлова.

— Нѣтъ, Ольга Павловна,—сознаніе своей свободы и силы имѣетъ не меньшую красоту!.. Вся бѣда въ нашемъ романтическомъ воспитаніи... Отчего для мужчины любовь всегда на второмъ планѣ?.. На первомъ дѣло его, служеніе идеѣ... карьера?.. А у женщинъ — въ любви все... Измѣнили ей, охладѣли къ ней, бросили—и жизнь разбита... И наступаетъ банкротство... И сколько милліоновъ женскихъ жизней, сколько силъ приносится въ жертву этому Молоху!.. Не обидно ли это?.. Не возмутительно ли?

— Такъ было и будетъ всегда, Лиза...

Семенова такъ и подскочила.

— Кто-жъ это тебѣ сказалъ?.. Или ты думаешь, что жизнь что-то неподвижное и незыблемое?.. Слава Богу! Идеалы изнашиваются, какъ платье... идеи умираютъ, какъ люди... Три тысячи лѣтъ назадъ этой легенды о вѣчной и романтической любви не было и въ поминѣ... А черезъ сто лѣтъ ея опять не будетъ...

— Чего же вы теперь такъ, pardon, раскудахтались?..

— Нахлынетъ новая волна... и смоетъ безслѣдно все, чѣмъ вы жили... И пусть будетъ такъ!.. И да здравствуетъ будущее безъ иллюзій...

— Ха!.. Ха!..—заливалась хозяйка, откинувшись въ креслѣ и безцеремонно заложивъ ногу на ногу. Вотъ она всегда такъ... Слыхали вы ее?..

— Богъ ее знаетъ, какъ завралась...—сердито проворчала Евтихьева и смолкла, жуя яблоко.

— Да...—блѣдно и какъ-то болѣзненно улыбнулась Михайлова.—Вспоминается сказка Гаршина, помните?..

— „То, чего не было“?—подхватила Семенова, сверкнувъ глазами.

— Да... Такъ и кажется, слушая васъ, что надвинется какая-то стихія въ лицѣ Антона-кучера... и раздавитъ всѣхъ насъ съ нашимъ крохотнымъ счастьемъ, которое досталось намъ такъ дорого... Такая чудная сказка... И такой трагическій финалъ...

— И раздавитъ... Ха!.. Ха!.. Навѣрное... И смоетъ безслѣдно... А въ первую голову тебя, Софья Сергѣевна — и васъ...

— Меня?!.—Евтихьева замахала руками.—Будетъ вамъ глупости-то врать!.. Кажется, я никого не трогаю?

Она захватила пару яблоковъ и уплыла въ гостиную. Надо было поглядѣть, какъ играетъ мужъ и удержать его за фалду, коли зарывается...

Семенова хохотала, взявшись за бока и раскачиваясь на каблукахъ всѣмъ туловищемъ.

— Ха!.. Ха!.. Вотъ Гаршинская улитка-то! Мнѣ былъ бы лопухъ, а его довольно... Вотъ я четыре дня ползу, а онъ все еще не кончается... А за этимъ лопухомъ есть еще лопухъ... а въ томъ лопухѣ навѣрно сидитъ еще улитка... Вотъ вамъ и все.. Ха!.. Ха!. Ха!..

Михайлова тихонько улыбалась. Улыбалась и хозяйка... Ахъ, милая, зубастая Лизавета! Сколько въ ней бодрости!..

А Семенова продолжала, чуть не плача отъ смѣха, цитировать Гаршина.

— И прыгать никуда не нужно... Все это выдумки и пустяки... Ха!.. Ха!.. Ну не геніально ли это подмѣчено?.. Сиди себѣ да ѣшь листъ, на которомъ сидишь... Охъ, батюшки! Уморила!.. Уползла улитка.. оскорбилась, никакъ? Ну ужъ типикъ!..

Она въ изнеможеньи упала на стулъ и опять вытерла влажные глаза.

— Вотъ хохотушка-то... Ѣшь мандаринъ!.. Какъ у тебя въ горлѣ не пересохнетъ отъ болтовни?

— Ахъ, люблю поболтать,—созналась Семенова.—Въ конторѣ день деньской молчишь, а тутъ точно тебя прорветъ... И надо признаться, люблю въ чужія дѣла носъ совать, благо онъ у меня длинный... Недаромъ меня за-границей одна нѣмка Naseveiss называла... А можетъ быть, и ты на меня обидѣлась, Софья Сергѣевна?—вдругъ встрепенулась Семенова.

Софья Сергѣевна добродушно махнула рукой.

— Что на тебя обижаться?.. Вѣдь это ты не серьезно, надѣюсь?

— Ахъ, серьезно, голубчикъ! Ты стоишь на очереди, такъ сказать, и обречена на вымираніе... Постой... Дай мнѣ кончить... Возьми-ка литературу... Сколько вымерло на Руси типовъ?.. Гоголевскіе, Тургеневскіе... Всѣ эти Коробочки... Плюшкины... Чертопхановы... Лизы, кончающія монастыремъ... Пройдетъ еще лѣтъ пятьдесятъ, и такія „барыни“, какъ ты, тоже будутъ анахронизмомъ... Люди XX-го столѣтія будутъ читать о нашихъ укладкахъ и дивиться, на какихъ бахчахъ такіе фрукты росли?.. Сытыя, обезпеченныя... за четыре стѣны замуровавшіяся отъ общества... ко всему глухія и слѣпыя... какъ кроты!..

— Что такое?..—вскинулась Софья Сергѣевна и грозно сдвинула темныя, какъ бархатъ, брови.—Ты опять, кажется, завралась, Лизаветушка?..

— Не хотите-ли вы этимъ сказать, что будущее принадлежитъ такимъ, какъ я?..—съ горечью подхватила Михайлова.

Семенова живо обернулась къ ней, и глаза ея вспыхнули, какъ угольки.

— Именно... Такимъ, какъ вы...

— О не дай Богъ!..—горестно воскликнула Михайлова.— А дѣтей?..

— Да... ты о нихъ забываешь...

— А вы забываете о жизни, которая усложняется? Она жестока, безпощадна, она не считается съ вашими чувствованіями, она требуетъ громадной затраты энергіи... Вы забываете о борьбѣ за существованіе, которая становится все напряженнѣе... Вотъ твой мужъ, Соня, въ трехъ мѣстахъ служитъ.. И то не хватаетъ средствъ... Жизнь дорожаетъ, а жалованье не прибавляется... и конкурренція всетаки громадная...

— Ужасно!..—болѣзненно вырвалось у Михайловой.

— А почему вы, Ольга Павловна, ушли на заработокъ? Потому что вашъ мужъ не въ силахъ прокормить одинъ всю семью?..

— Еще-бы!..

— Вотъ вамъ законъ необходимости!.. Ходъ жизни вытѣсняетъ Софью Сергѣевну и на ея мѣсто ставитъ Ольгу Павловну... И черезъ полвѣка отъ Софьи Сергѣевны останется одно воспоминаніе...

— Послушай... Ты говоришь возмутительныя вещи...

Софья Сергѣевна начинала сердиться.

— Можешь возмущаться .. Но это фатально, душа моя...

— Я считаю себя печальнымъ исключеніемъ, и мою семейную жизнь уродствомъ... — печально усмѣхнулась Михайлова.

— Нѣтъ... Это только ассимиляція... Тотъ законъ, по которому лягушка принимаетъ цвѣтъ травы, а червякъ поразительно похожъ на сухую вѣточку... это борьба за жизнь, только приспособленіе... словомъ то, Софья Сергѣевна, чего у тебя нѣтъ...

— Но есть у моей кухарки?

— Вотъ именно... что есть у твоей кухарки... у горничной, у крестьянки, уходящей на промыселъ или фабрику. Тамъ это давно... Но теперь это теченіе захватываетъ и новые слои... и нашу буржуазію...

— Радуешься ты чему-же?.. Скажи, пожалуйста!..

Онѣ страстно заспорили, перескакивая съ предмета на предметъ, коснулись и воспитанія. Сыпались цитаты, ссылки на Руссо, на утопистовъ...

— Ты проповѣдуешь эгоизмъ... — кричала Софья Сергѣевна.

— Нѣтъ! Это вы—жрицы его, буржуазныя дамы... разсад-

ники мѣщанскихъ стремленьицъ, мелкихъ чувствъ и посредственностей...

— У тебя умъ за разумъ зашелъ. Надо-же такъ зарапортоваться!..

— Это ужасно, если это такъ...—вмѣшалась Михайлова.— Дѣти-то чѣмъ же виноваты?

— Нѣтъ виноватыхъ, говорю вамъ... Жизнь виновата... Современное человѣчество представляется мнѣ облеченнымъ въ Тришкинъ кафтанъ, который трещитъ по всѣмъ швамъ, потому-что Тришка его переросъ...

Онѣ всѣ втроемъ кричали разомъ.

— Господа!.. Этакъ нельзя...—раздраженно протестовалъ Михайловъ.—Мы сами себя не слышимъ...

— Что вы сказали?.. Я ничего не разберу... Чего у васъ пять?..—сердито переспрашивала Анна Денисовна.

— Затворите двери, господа!..

Тетушка встала и на цыпочкахъ пошла къ дверямъ.

— Ахъ, Боже мой... Что за отчаянная дѣвица!..—сокрушенно вздохнула Евтихьева, глядѣвшая одновременно въ карты мужа и въ карты сосѣда.

— Король-дѣвка!.. убѣжденно повторилъ Ельниковъ, нервно дернулъ себя за бороду и выкатилъ глаза на партнера.

— Нѣтъ ничего выше материнской любви!.. гремѣлъ черезъ запертыя двери голосъ хозяйки.—Назови ты что-нибудь болѣе святое...

— Пику клади...—шепнула подъ шумокъ Евтихьева мужу, который разыгрывалъ малый шлемъ.

IX.

Вечеръ былъ въ разгарѣ. Жара доходила до двадцати слишкомъ градусовъ. Въ гостиной дымъ ходилъ сизыми волнами и свѣчи, казалось, горѣли тускло. Лица игроковъ раскраснѣлись и вспотѣли. За Анну Денисовну было страшно. Такъ и думалось, что ее хватитъ ударъ. Блѣденъ былъ только одинъ Ивановъ. Онъ все поеживался отъ озноба, который прохватывалъ его все сильнѣе. Въ головѣ его стоялъ туманъ. Онъ проигралъ что-то очень много, около двадцати рублей, и досада на ненужность этой утраты и всего этого вечера проникала его все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ яснѣе сознавалъ неотразимость болѣзни, захватившей въ свою власть его надломленный организмъ.

„Тифъ, что-ли?“—проносилось въ его головѣ между двумя ходами.—„Вѣдь этакъ и умереть недолго“... И страхъ за дѣтей, и жалость къ женѣ тоскливо сжимали ему сердце. Вспом-

нилось ему, какъ онъ обидѣлъ ее нынче, какъ бѣшено кричалъ на дѣтей... Ихъ испуганныя личики всплыли передъ нимъ...

— Мерзость какая!..—сказалъ онъ вслухъ.

— Да кто же виноватъ?..—завопилъ Михайловъ... Вѣдь я же съ начала игры ренонсъ открылъ въ бубнахъ... А вы дуете въ трефы?.. Вѣрная игра проиграна...—сердился онъ, какъ и всегда, впрочемъ, бывшій въ проигрышѣ.

Софья Сергѣевна вошла на минуту въ гостиную и испугалась мертвенной блѣдности мужа.

— Тебѣ нездоровится?..—шепнула она и ласково положила ему руку на плечо.

Онъ виновато посмотрѣлъ ей въ глаза и на секунду задержалъ ея руку, прикрывъ ее своей горячей, сухой ладонью.

Это было тайное примиреніе супруговъ и оба почувствовали облегченіе.

— Нынче вашъ мужъ лапти плететъ,—капризнымъ тономъ балованнаго ребенка пожаловался Михайловъ.

Софья Сергѣевна сощурилась на запись и еле сдержала восклицаніе. Но, не желая омрачать ни мужу, ни себѣ этой минуты, она добродушно засмѣялась и потрепала Петра Николаевича по рукѣ.

— Хозяинъ обязанъ быть въ проигрышѣ... Вотъ вы сядьте съ Анной Денисовной.. Отыграетесь навѣрно... Ишь какъ ей везетъ!..

— Ей всегда везетъ,—недовольно пробурчалъ Михайловъ и, разобравъ только что сданную игру, бросилъ карты на столъ съ безнадежнымъ жестомъ.

— Пассъ!..—произнесъ онъ уныло, съ такимъ выраженіемъ и лицомъ, точно намѣревался сказать: „Не стоитъ жить, господа“...

Изъ кухни, не смотря на тщательно запертыя двери, проникалъ запахъ жарившейся индѣйки. Всѣ остальныя хлопоты по ужину были уже закончены. Горничная накрывала на столъ подъ присмотромъ самой хозяйки. Софья Сергѣевна не довѣряла шустрой Ольгѣ уставить новый хрусталь. Того гляди, опять грохнетъ рюмку!.. А у нихъ такія чудныя тоненькія ножки!.. Да и разстановка тарелокъ съ закусками требовала тоже большихъ соображеній. Анна Денисовна, напримѣръ, любитъ закусывать зернистой икрой и сардинками, а запаха селедки и омаровъ не выноситъ. Мужъ ея любитъ преимущественно селедку, да еще съ рѣпчатымъ лукомъ... Значитъ надо ихъ разсадить подальше другъ отъ друга. Михайловъ обожаетъ омары, но для его желудка это ядъ, и Ольга Павловна за этими ужинами ни жива, ни мертва,

такъ и слѣдитъ за каждымъ кускомъ, который направляется въ ротъ возлюбленнаго Павлика. Надо поставить омары и семгу на другой конецъ стола и закрыть ихъ бутылками пива и вина. А Михайловыхъ посадить рядомъ, поближе, ну хоть къ невинной икрѣ, или къ той же селедкѣ...

Сдвинувъ темныя брови, она ходила глубокомысленно вокругъ стола, отдавая горничной короткія приказанія.

Наконецъ, все было готово. Слава Богу!.. Можно вздохнуть полчасика, пока игра не кончилась!.. Вотъ только достать изъ комода новыя салфетки... Прислуга не умѣетъ уложить ихъ эдакимъ особеннымъ манеромъ, чтобы онѣ на тарелкѣ напоминали ухо датскаго дога, круглое, твердое, чуть приподнятое.

Въ спальной, куда она вошла, отдуваясь и вытирая потъ, выступавшій поминутно, какъ бисеръ, на лбу и верхней губѣ,—было сравнительно прохладно и дышалось легко.

Михайлова и Семенева сидѣли одна у туалетнаго стола, другая рядомъ съ швейной машинкой. Михайлова перебирала листья какого-то затрепаннаго иллюстрированнаго журнала, она была такъ поглощена разговоромъ, что даже не замѣтила хозяйки.

— Что же вы предлагаете взамѣнъ?..—спрашивала она, съ тревогой глядя въ лицо Семеновой.—Вѣдь нельзя же истребить въ людяхъ потребности любить, сходиться?..

— А онѣ все о томъ же?.. Какъ это имъ не надоѣло?..— подумала Софья Сергѣевна и загремѣла ключами.

Ящикъ выдвинулся. Пахнуло фіалкой отъ атласныхъ подушечекъ, незамѣтно пріютившихся въ грудахъ бѣлья...

Сколько его тутъ было!.. Бѣлье, какъ и посуда, сдѣлалось страстью Софьи Сергѣевны по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ прежней нужды.

— Шесть... восемь... десять... двѣнадцать...—отсчитывала она, наслаждаясь видомъ и прикосновеніемъ къ этимъ твердымъ глянцевитымъ салфеткамъ, съ огромной монограммой и дорогимъ рисункомъ... Какъ у Анны Денисовны...

— Шестнадцать... восемнадцать... двадцать... двадцать двѣ... Хватило... Слава Богу!..

— Ольга!..—позвала хозяйка, пріотворяя дверь.—Возьмите бѣлье!..

Онѣ обѣ двинулись въ столовую, осторожно неся душистыя салфетки.

— А дѣти?..—тоскливо прозвучалъ въ догонку имъ старый припѣвъ.

— Она, однако, только объ одномъ и говоритъ... подумала невольно Софья Сергѣевна—и какъ-то сразу ей стало ясно,

что въ жизни этой хрупкой, но мужественной женщины есть скрытая драма.

— Когда-нибудь человѣчество разрѣшитъ и эту задачу къ всеобщему благу, повѣрьте...—долетали смутно отдѣльныя фразы.

— А пока-то?.. Пока?..—плачущимъ голосомъ говорила Михайлова. — Неужели васъ не возмущаетъ эта жестокость?

— Ахъ, Боже мой!..—донесся въ столовую страстный голосъ Семеновой и вызвалъ улыбку на румяныя губы хозяйки.— Вы вдаль глядите!.. Вдаль... въ перспективу... Нельзя въ такихъ вопросахъ подъ ноги смотрѣть, да на мѣстѣ топтаться!..

Софья Сергѣевна вернулась, приказавъ горничной опорожнить на ломберныхъ столахъ пепельницы, полныя окурковъ.

— И откройте фортку въ столовой... Только не забудьте притворить двери въ дѣтскую... Слышите, Ольга?

Софья Сергѣевна упала на кушетку и съ наслажденіемъ вытянула ноги. Пятки у нея такъ и ныли.

Семенова мелкими шагами бѣгала по комнатѣ и нервно потирала руки. Галстухъ ея слегка сбился на сторону. Волосы на вискахъ вспотѣли и растрепались. Михайлова съ угнетеннымъ видомъ шелестила листами журнала.

— Никакъ молчите?.. Вотъ чудеса-то!.. — усмѣхнулась хозяйка.

Михайлова подняла голову и блѣдно улыбнулась.

Семенова остановилась передъ хозяйкой и добродушная насмѣшка засверкала на ея подвижномъ лицѣ.

— Что, великомученица Софья... Притомилась?.. Разлеглась?.. тяжела, видно, шапка Мономаха?

— Тяжела ли, нѣтъ ли, — а только это жизнь... А книги твои—бредни...

— У тебя-то жизнь?.. Пыль, соръ, суета суетъ...

— Съ людьми живемъ. А какъ же по-твоему связи поддерживать?

— То-есть какъ это связи?.. Съ кѣмъ?.. Для чего? Откуда?.. На какой почвѣ возникаетъ эта связь? На зеленомъ столѣ, что-ли?

Софья Сергѣевна нахмурилась.

— А Халчевы?..—повысила она голосъ.

Она подвинула себѣ подъ локоть старую атласную подушку, оперлась на нее и съ вызовомъ посмотрѣла на подругу.

— Ты думаешь, Лиза, такіе люди намъ не нужны?

— Это Анна Денисовна-то?.. Эта іоркширская свинья усовершенствованной породы?

— Тише, Лиза!.. Ты съ ума сошла!..

Хозяйка испуганно оглянулась на дверь.

Михайлова, тихо улыбаясь, притворила ее и сѣла опять на мѣсто.

— Чего же ты отъ нея ждешь?.. Сочувствія?.. Помощи?.. Дружбы?.. Случись что съ твоимъ мужемъ завтра, ты думаешь, такіе друзья выручатъ тебя изъ бѣды?

Софья Сергѣевна была суевѣрна. Она чуть-чуть поблѣднѣла и тихонько поплевала налѣво—(отъ глаза)...

— Ну будетъ тебѣ каркать!.. Терпѣть не могу!..

— Да ужъ очень досадно!.. Пять человѣкъ дѣтей... а въ одинъ вечеръ швыряютъ такую уйму денегъ... Подумаешь, богачи, рентьеры!.. И кому удовольствіе?

— Аннѣ Денисовнѣ, — упрямо заявила хозяйка, теребя облѣзлую кисть подушки.

— Ну да!.. Уйдетъ и тебя же осудитъ, что тянешься за ней изъ послѣдняго... Ты думаешь, она тебѣ это варенье простила? Сдѣлай одолженье, запомнитъ...

— Н-ну?.. — мечтательно улыбнулась Софья Сергѣевна, вспоминая гнѣвное и оскорбленное лицо инженерши.

— Кого, значитъ, ты тѣшила этимъ журъ-фиксомъ?.. Свое собственное... самолюбіе?

Глаза Софьи Сергѣевны весело блеснули.

— Ну ужъ договаривай!.. Мѣщанское?

— А, конечно, мѣщанское... Утерла носъ Халчевой,—говоря высокимъ слогомъ... Это называется „поддерживать связи“...

— Барыня... а барыня... пожалуйте на минутку, — таинственно зашептала горничная, пріотворяя дверь.

Ужасъ вдругъ отразился въ чертахъ хозяйки.

„Разбили что-нибудь... подгорѣла индѣйка... кошка соусъ опрокинула“...

— Что такое?..—упавшимъ голосомъ спросила она, быстро свѣсила ноги и кинулась къ дверямъ.

— Я насчетъ маринаду... Какъ его, значитъ, разложить?..

— О, Господи!.. Можно ли такъ пугать?..

Онѣ скрылись на кухню.

Когда она минутъ черезъ пять вернулась, Семенова, заложивъ руки за спину, стояла передъ Михайловой и, высоко поднявъ брови, глядѣла внизъ на нее безъ обычнаго сарказма, съ добротой. А Михайлова, нервно теребя и надрывая углы журнала, говорила съ дрожью въ голосѣ, съ опущенной головой:

— Развѣ у меня есть семейная жизнь? Я—не мать дѣтямъ... Когда я ихъ вижу? Я и мужу-то почти чужая теперь... Весь день на урокахъ... И передѣлать тутъ ничего нельзя!.. За то теперь у дѣтей свѣтлая, сухая квартира, сытный столъ, бонна... лѣтомъ дача... Я знаю, что они не погибнутъ, какъ

тѣ... отъ сырости и недостатка питанья... Моя первая дѣвочка... Господи!.. Могу ли я это забыть?.. У меня молока не было... а на кормилицу средствъ не хватало... Павликъ сорокъ рублей получалъ... только... Какъ она мучилась воспаленьемъ кишокъ, моя крошка!.. Бывало Павликъ... схватится за голову и.. зарыдаетъ... какъ мальчикъ... „Оля... Оля"...—скажетъ... „зачѣмъ мы только встрѣтились"!..

Михайлова сильно поблѣднѣла и закрыла рукой глаза. Журналъ тихо соскользнулъ съ ея колѣнъ.

— Такъ... такъ... — шептала Семенова, высоко поднявъ брови и сострадательно глядя на эту маленькую женщину, которую не могла не уважать.—Все это такъ... все это неизбѣжно...

— Не плачь, Оля,—ласково промолвила хозяйка и глубоко вздохнула.

— Господа... ради Бога... извините... Это отъ усталости...

Вышла тяжелая пауза.

— Да, ничего нѣтъ страшнѣе нужды...—задумчиво согласилась Семенова.

— А всетаки лучше бросить половину уроковъ,—начала Софья Сергѣевна. — Вдругъ безъ тебя нянька уронитъ дѣвочку!.. И она горбатая выйдетъ!.. Или, представь, пожаръ!..

— Ну, милая, такъ нельзя,—вспыхнула Семенова.—„Если, да если"!.. Развѣ при тебѣ нянька не можетъ уронить ребенка?.. И пожаръ при тебѣ можетъ случиться... А ты вмѣсто дѣтей вынесешь вотъ эту подушку, либо чернильницу!.. Ты-то развѣ никогда изъ дома не выходишь?

Софья Сергѣевна покраснѣла при такомъ неожиданномъ оборотѣ разговора. Ей вспомнилось, что она рѣдкій день не ходитъ въ гости или въ лавки днемъ, а вечерами—пять дней изъ семи винтитъ въ клубѣ, либо въ гостяхъ...

— Такъ не могу же я, какъ Анна Ельникова, въ гости, или въ театръ ходить съ цѣлой оравой дѣтей!..—Въ голосѣ хозяйки послышалось раздраженье. — Вотъ Евтихьева на дняхъ разсказывала... Позвали Анну куда-то въ гости... къ Петровымъ, кажется!.. А она явилась со всѣмъ выводкомъ... „Мнѣ, говоритъ, ихъ не на кого оставить... Куда я, туда и они"... Скажите на милость, развѣ это не рисовка?.. Наконецъ, это неделикатно... и смѣшно... Ихъ пятеро... Изволь всѣхъ накормить!..

— Нѣтъ!.. Отчего-же? — вступилась Михайлова.—Это послѣдовательно... Анна Николаевна даже съѣсть себѣ чего-нибудь такого не позволитъ, чего нельзя ея дѣтямъ... Ахъ, чудная, идеальная женщина!—съ восторгомъ воскликнула она, и блѣдныя щеки ея вспыхнули опять.

— Несчастная женщина,—возразила Семенова.—Жалкая

фанатичка!.. Какъ надо отупѣть отъ такого существованія. Какъ далеко уйти отъ жизни!.. Охладѣть къ обществу!.. Квинтъ-эссенція эгоизма...

— Помилуйте,—Михайлова всплеснула руками.—Да вѣдь ея жизнь—подвигъ... Сплошное самоотверженіе...

— Куропатки,—холодно докончила Семенова.—Ахъ!.. Право, эти семейные подвиги меня ничуть не трогаютъ!.. Думаете-ли вы, что образцовая мать не шарахнется въ ужасѣ, когда въ кухню къ ней войдетъ другая мать-нищая, съ больнымъ и грязнымъ ребенкомъ на рукахъ?.. Что она, пойметъ эту мать? Не крикнетъ ей: „не смѣй ходить въ кухню!... Еще заразу занесешь...“ Или вы полагаете, что она не отправитъ въ воспитательный домъ подкидыша, найденнаго на крыльцѣ ея квартиры?.. Ахъ, эти чадолюбивыя маменьки!.. Не изъ ихъ ли дѣточекъ выходятъ карьеристы, шелопаи, люди съ похвальной умѣренностью запросовъ, съ душевнымъ убожествомъ? Жаль, право, что нѣтъ такой статистики, которая наглядно показала бы, сколько физическаго и нравственнаго увѣчья наносятъ эти маменки своимъ дѣтямъ!..

— Анна Николаевна—такой развитой человѣкъ... Не забывайте, она была на курсахъ... Она мнѣ какъ-то разъ говорила, что слѣдитъ за каждой мыслью ребенка...

Семенова залилась смѣхомъ.

— Будетъ вамъ!.. Кто услѣдитъ за чужой мыслью?.. Ха! Ха!.. А ребятъ-то пятеро!.. Вотъ тутъ и услѣди...

— Чепуха!—злорадно усмѣхнулась Софья Сергѣевна.

— Наконецъ, это возмутительное насиліе надъ дѣтской душой... Вести ихъ на помочахъ, угнетать контролемъ... Кончится тѣмъ, что она ихъ обезличитъ...

— Охъ, она такой деспотъ!—вставила опять хозяйка.—А дѣти ростутъ эгоисты, требовательны до невозможности... Прямо кусокъ готовы вырвать у нея изо рта... особенно старшая дѣвчонка... А сынъ—лѣнтяй... На второй годъ остался въ первомъ классѣ... Одинъ Миша у нихъ—ничего себѣ...

— Вотъ видите!.. Нѣтъ, Ольга Павловна!.. Для воспитательницы мало образованія и подготовки... Призваніе нужно, талантъ... Помните, Руссо сказалъ: чтобъ воспитать человѣка, надо быть больше, чѣмъ человѣкомъ...

— Но вѣдь вы берете частный случай,—напомнила Михайлова.

— Нѣтъ... Позвольте... Почему у насъ не родятся музыкантами, ни адвокатами, ни портными, ни поварами?.. Для всего учиться нужно... А родятся прямо воспитательницами. Чудеса!.. Ни развитія, ни даже элементарнаго знакомства съ физикой, химіей, физіологіей, психологіей, педагогикой, ни черта, что называется!.. А такъ—прямо, какъ Минерва изъ

головы Юпитера,—выходятъ образцовыми матерями... Ха! Ха! И надъ лягушкой-то умѣючи нужно опыты дѣлать... Вотъ люди, которые ополчаются на вивисекцію, считая ее безполезною жестокостью... А тутъ ежедневные эксперименты надъ человѣческой душой. Да развѣ это не возмутительно?.. Не пора-ли покончить съ этими заблужденіями?.. Mesdames!.. Вы къ вашей плитѣ подходите съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ душѣ вашего ребенка... къ этой таинственной душѣ, ключа къ которой не нашла еще современная наука...

— Положимъ, я никогда не заявляла, что я образцовая мать,—обидчиво начала Софья Сергѣевна.

— Полно! — Семенова выразительно махнула на нее рукой.—Вы всѣ себя такими считаете... Вамъ это мужья внушаютъ... Потому что ихъ мужская самовлюбленность и тщеславіе не могутъ допустить, чтобъ ихъ жены,—женщины, ихъ выбравшія и т. д.—были посредственностями... Нѣтъ ума и талантовъ?.. Пусть!.. За то всѣ добродѣтели на лицо!..

— Значитъ, по вашему, самое лучшее—отстраниться?

— Да... это, пожалуй, честнѣе...

— Бросьте спорить, Ольга Павловна!.. все равно не столкуетесь съ нею...

— Нѣтъ, мнѣ интересно, что же Лизавета Антоновна предлагаетъ взамѣнъ?

— Софья Сергѣевна... Мы кончили,—сказалъ хозяинъ, отворяя дверь.

Софья Сергѣевна вскочила горошкомъ, чего никакъ нельзя было ожидать отъ ея комплекціи,—и такъ стремительно ринулась въ кухню, что не дослушала, когда, наконецъ, по мнѣнію Семеновой наступитъ золотой вѣкъ.

X.

Эффектъ провансаля вышелъ необычайный. Анна Денисовна не сдавалась на клятвы хозяйки, что этотъ соусъ она дѣлала сама.

— Вы мнѣ скажите только, въ какомъ ресторанѣ заказывали и сколько заплатили повару?..—злобно настаивала она.

Призвали въ свидѣтели и кухарку, и горничную, и Фроську. Та́, закрывъ ротъ фартукомъ, хихикала и, глядя исподлобья на инженершу, твердила:

— Съ мѣста не сойти, коли вру!.. Сами барыня дѣлали!..

Дамы улыбались, довольныя посрамленіемъ инженерши, и подбивали хозяйку вызвать еще свидѣтелей.

Анна Денисовна отъ волненія была фіолетовая. Она съ презрѣніемъ отвернулась отъ „свидѣтелей“, показала спину

дамамъ и объявила, что повѣритъ только тогда, когда Софья Сергѣевна приготовитъ ей провансаль въ ея собственной Халчевской столовой. Это выходило прямо-таки грубо. Но Софья Сергѣевна была такъ опьянена своимъ торжествомъ, что пропустила это мимо ушей.

— Съ удовольствіемъ, Анна Денисовна!..—сочнымъ звукомъ сказала она.

— Ай-да барыня!..—слышалось со всѣхъ сторонъ.—Вотъ такъ хозяйка у васъ, Петръ Николаевичъ!..

— Ублажаютъ васъ соусами, небось?..

— И счастливчикъ вы, батенька!.. А вотъ моя и говядины толкомъ купить не умѣетъ...

Софья Сергѣевна сіяла, какъ именинница. А Петръ Николаевичъ, блѣдный и постарѣвшій какъ-то сразу, кривился нервно, стараясь улыбаться и быть любезнымъ...

— Скорѣй бы уходили!.. Скорѣй бы конецъ!..—думалъ онъ, чувствуя, что изнемогаетъ.

Наконецъ, дверь хлопнула за послѣднимъ гостемъ.

Алчная нянька, переругиваясь съ Ольгой изъ-за „чаевъ", повѣсила на пустую вѣшалку господскія шубы, спрятанныя на время въ дѣтской...

Послѣдніе огни погасли... Комнаты опустѣли. Домъ уснулъ

Пробило четыре.

Софья Сергѣевна проснулась.

Сухія, горячія руки разметавшагося мужа задѣли ее по лицу и заставили испуганно приподняться. Сидя въ темнотѣ, съ заплетенной на ночь косой, въ одной рубашкѣ и кофтѣ, обхвативъ руками колѣни, она теперь съ ужасомъ вслушивалась въ стоны и отрывистый бредъ больного.

Горячія руки словно жгли ее. Отъ всего худого тѣла, распростертаго безпомощно подлѣ, на сбившейся простынѣ, такъ и шелъ жаръ, томившій Петра Николаевича.

„Инфлуенца, что-ли?.. Доктора?.. Или подождать до утра?.. А что если это тифъ?.. Если"...

Зубы ея застучали.

Она встала, надѣла юбку и зажгла свѣчу. Одну минуту ей хотѣлось разбудить Ольгу и послать ее за докторомъ. Но за какимъ?.. Петръ Николаевичъ никогда не лѣчился... Да и не хворалъ никогда... только хирѣлъ...

Ну приведетъ Ольга какого-нибудь заспаннаго неуча... Заплати ему красненькую... А онъ ничего не разберетъ, съ видомъ дельфійскаго оракула пропишетъ салицилу на двугривенный, глубокомысленно промычитъ... А еще, пожалуй, обругается...—Что, скажетъ, вы раньше думали?.. До пяти утра?.. Гдѣ вы были?.. Что отвѣтить?.. Гости сидѣли... Не за-

мѣтили за гостями... Надо было кормить ужиномъ, провансалемъ удивить міръ...

Софья Сергѣевна хрустнула пальцами и безпомощно сѣла на кушетку. Она совсѣмъ растерялась.

Или подождать до семи?.. до разсвѣта?..

Пробило пять. А она все сидѣла, свѣсивъ остывшія ноги, кутаясь въ теплую шаль и чего-то выжидая... На нее напало странное душевное оцѣпенѣніе. Передъ ней всплывало фіолетовое лицо Анны Денисовны, глупая ухмыляющаяся рожица Фроськи...

„Носъ утереть Аннѣ Денисовнѣ"—словно крикнулъ ей въ уши голосъ Семеновой... Да, глупо какъ!.. Семьдесятъ пять рублей брошено въ одинъ вечеръ... Ее же теперь осуждаютъ за безумныя траты... А вотъ сейчасъ гдѣ взять, если что серьезное?.. Аптека, докторъ... какъ вода плывутъ деньги въ такое время... Боже мой!.. Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?..

Жгучее чувство жалости, раскаянія и стыда все росло, разъ проснувшись. И какъ это часто бываетъ въ жизни,—теперь, когда она почувствовала себя одинокой, безпомощной и несчастной,—въ виду неожиданно грянувшей бѣды,—она съ удивленіемъ припоминала всѣ свои заблужденія, видѣла тщету и мелочность своихъ стремленій... При свѣтѣ вспыхнувшей совѣсти она читала эту повѣсть жизни своей за послѣднія десять лѣтъ—и ей становилось жутко... Сквозь туманъ сознанія мерцали какіе-то выводы,—грустные, тревожные... Вѣдь не того хотѣла она когда-то въ дѣвушкахъ... И въ Петрѣ Николаевичѣ—говорила Анна еще—искорка горѣла, когда онъ университетъ кончалъ... Какъ же это теперь такъ—вдругъ ничего... изъ стараго?.. Куда ушло? Когда?..

Мысли путались.

Мысли опять бѣжали назадъ... казалось, къ недалекому прошлому... И вспоминался ей молодой Петръ Николаевичъ,—румяный, здоровый, съ блескомъ въ глазахъ, съ громкимъ смѣхомъ... Сколько лѣтъ его смѣха не слышно!..

И носъ у него былъ даже словно другой, круглый... не заостренный, какъ теперь... А она сама—тоненькая, бѣленькая!..

У нея задрожали губы.

„Тучныя египетскія коровы"... вдругъ прозвенѣлъ слезой бѣшенства голосъ мужа... Вся картина утренней ссоры по ассоціаціи всплыла въ памяти.—„Пришли и сожрали мужей"... Господи!.. да неужели такъ?.. Неужели изъ-за меня?.. Но вѣдь дѣти же... Для нихъ вѣдь все...—шептала она, цѣпляясь за эту мысль, чтобъ оправдать себя передъ кѣмъ-то, кто въ этой ночной тишинѣ обвинялъ ее за скомканную жизнь мужа.

Она не замѣтила, какъ задремала, уронивъ на грудь голову.

Вдругъ ее словно толкнули.

Въ столовой пробило половину шестого. Свѣча трещала на столѣ. Изъ-за перегородки слышалось тяжелое, короткое дыханіе, какъ бы свистъ, вырывавшійся изъ легкихъ.

Вдругъ больной захрипѣлъ и закашлялъ. Она вскочила и бросилась за перегородку.

— Петя... Воды хочешь?..

Она нагнулась. Ей пахнуло въ лицо жаромъ и испорченнымъ дыханьемъ. Онъ стоналъ, не приходя въ себя, и бормоталъ что-то... Она разслышала что-то болѣзненное... Анна Денисовна... сдача... Сережкѣ скажи... подъ № 53 бумага переписать... пятнадцать копѣекъ...

„Пять червей"!..—вдругъ крикнулъ онъ и сѣлъ на постели, вперивъ мутный взоръ въ ситцевую ширму.

— Петя...—робко позвала жена.

Онъ засмѣялся, забормоталъ еще быстрѣе, закашлялся, охнулъ и голова его опять упала въ подушки.

Она сѣла въ ногахъ и тихонько заплакала.

Онъ и простудился-то вчера... Нынче пришелъ больной, голодный... А какъ она его встрѣтила?.. Ѣсть не дала!.. А на кухнѣ чего-чего только не было—для чужихъ?.. А вотъ они всѣ ушли, бросили... она одна... И никому дѣла... А онъ побѣжалъ во вьюгу... Можетъ быть, тамъ-то и простудился?.. Ну, конечно... Господи! Господи!.. Да кто же могъ это думать?..

Она опять не замѣтила, какъ забылась, прислонясь къ рѣзной деревянной спинкѣ кровати. Она была слишкомъ здорова и уравновѣшанна, чтобъ бороться съ мощной потребностью покоя, послѣ такого утомительнаго дня. Она все вздрагивала во снѣ, мычала, стараясь проснуться, чувствуя, что спать нельзя,—но это было выше ея силъ.

Семьдесятъ пять рублей!..—словно крикнулъ кто ей въ уши.

Она испуганно вскинулась. Онъ—что ли—это сказалъ? Или ей приснилось?

Она протирала глаза. Часы басисто и меланхолично били шесть... А передъ ней опять замелькало усатое лицо инженерши, новое, пестрое блюдо съ провансалемъ... запись на углу стола мѣлкомъ... Двадцать пять рублей... и проѣдено, да выпито столько же... А сервизъ?.. Ахъ!..—Сердце больно кольнуло.—А шуба-то шуба-то, у Петра!.. Вѣтромъ подбитая... Какъ женился—одна... вытерлась... Все не соберутъ денегъ на новую... Его оттого и прохватило... А въ домѣ-то—лѣзли воспоминанія,—въ домѣ-то сколько дыръ!..

Въ комнатѣ остыло. Видно было, что морозъ крѣпчалъ. Въ трубѣ тихо завывала умиравшая мятель.

— Это ты, Соня...—вдругъ спросилъ Петръ Николаевичъ и поднялъ руку.—Который часъ?

— Петечка... Что съ тобой?..

— Плохо, мать; совсѣмъ плохо... Словно уплываю куда-то, силъ нѣтъ... кружится...

Она всплеснула руками и кинулась будить Ольгу. Сонъ соскочилъ съ нея разомъ. Отъ этихъ простыхъ смиренныхъ словъ „совсѣмъ плохо"—ее всю кинуло въ дрожь.

Заспавшаяся Ольга долго не понимала, чего отъ нея хотятъ.

Заперевъ за ней дверь, хозяйка вернулась въ спальню. Она стояла передъ кроватью, поводя плечомъ и натягивая спавшій теплый платокъ, съ тупымъ, растеряннымъ выраженіемъ въ остановившихся зрачкахъ.

— Сережка.. это ты, негодяй?..—вдругъ шутливо спросилъ Ивановъ.

— Я, Петечка... Я...—сказала Софья Сергѣевна,—и губы ея дрогнули по-дѣтски... Ивановъ бормоталъ что-то, улыбаясь и глядя помимо лица жены. Она съ рѣшимостью натянула платокъ на остывшее плечо и пошла въ гостиную, чтобъ зажечь лампу. Докторъ могъ придти каждую минуту.

Комната носила слѣды ушедшихъ людей. Въ пепельницахъ валялись окурки, корки отъ апельсиновъ. Кресла словно дремали вокругъ раскрытыхъ столовъ, среди тишины и тьмы. Надо было одѣться. Наскоро умываясь и застегивая бумазейную блузу, Софья Сергѣевна строила планы, какъ измѣнить жизнь, чтобы Петръ не надрывался за работой... Эдакъ, дѣйствительно, протянуть не долго!.. Надо сократить расходы. И раньше—помнится—приходили ей въ голову эти благія намѣренія,—но жизнь властно устраняла всѣ сомнѣнія, и по инерціи продолжалось суетливое, полное мелочей и ненужностей существованіе...

„Нѣтъ!.. Теперь грѣшно раздумывать", — говорила она себѣ, расчесывая косу и стараясь побороть жуткое предчувствіе, подымавшееся словно призракъ изъ тайниковъ ея души,—уродливый, блѣдный призракъ, съ оскалившейся мертвой головой. — Надо дѣйствовать... По новому жить... Но съ чего начать эту ломку?.. Вотъ вопросъ... Съ чего?..

Весь домъ еще спалъ. Въ дѣтской Софья Сергѣевна погасила коптившій ночникъ — эдакая неряха нянька!.. не можетъ фитиля обрѣзать,—поглядѣла на спавшихъ дѣтей, прикрыла одѣяломъ голыя ножки своего любимца,—маленькаго,—и вдругъ спазмъ сдавилъ ей горло.

Она ушла въ гостиную и разрыдалась.

„Сироты... несчастныя сироты"... Вотъ какая мысль пронзила ее, пока она стояла въ дѣтской, и призракъ несчастья, который она гнала отъ себя, вдругъ взвился передъ ней.— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. — въ суевѣрномъ ужасѣ шептала она, ста-

раясь думать о другомъ... объ обѣдѣ... о сапожкахъ Вити, которые нынче принесутъ... — Чья вотъ это рука?.. Какая запись огромная... — Она наклонилась надъ сукномъ, стараясь понять полустершіяся цифры...

„А какой онъ будетъ длинный-длинный... на нашемъ столѣ... На обѣденномъ?.. Ну да, на которомъ вчера ѣли провансаль... Надо будетъ доску лишнюю вставить... Мертвецы всегда вытягиваются“...

„Ахъ, что я!.. Тьфу!.. Тьфу“!..

Она зажмурилась и перекрестилась торопливо и виновато... Но фантазія работала... вызывала передъ ней потрясающую обстановку смерти, похоронъ... лиловый гробъ... Нѣтъ, лучше бѣлый... Испуганныя личики дѣтей въ траурѣ... А у нея-то какъ на грѣхъ — ни одного чернаго платья. Какъ на грѣхъ! Тьфу!.. Тьфу!.. Господи!.. Да что же это я?.. Словно нарочно!

Она вскочила и прошлась, передвинула въ безпорядкѣ разбросанные стулья и опять опустилась въ кресло, у окна. Затаивъ дыханье, задерживая слезы, она глядѣла передъ собой широко открытыми глазами, — и опять видѣла панихиду, лицо мужа въ гробу... такое худое... съ обострившимися чертами... слышала заунывный напѣвъ: „со святыми упокой“... Слезы брызнули изъ ея глазъ.

А вотъ эта минута на кладбищѣ... когда стучитъ земля по деревянной крышкѣ! А эта минута, когда она вернется сюда... вотъ въ эту гостиную, по этой лѣстницѣ...

— Господи... Господи!.. — пролепетала она, тоскливо озираясь, не въ силахъ справиться съ мыслями...

Вотъ она вдова... Конченъ раздирающій душу обрядъ... Всѣ ушли... даже Лиза... Настала ночь... Она одна вонъ тамъ... въ спальнѣ... А тотъ, кто всю жизнь работалъ для нея, не покладая рукъ... этотъ „идеальный батракъ“ (вспомнилась и больно кольнула ядовитая фраза Анны Ельниковой) — онъ — трупъ, зарытый землей... а она — одна... состарившаяся, опустившаяся, никому ненужная, немилая... Одна...

Она плакала, положивъ голову на столикъ. Ей было жаль себя, жаль мужа... Слезы перешли въ рыданія...

Вдругъ у нея захватило дыханіе и слезы остановились. Не одна... Въ томъ-то и ужасъ весь, что не одна... А пятеро дѣтей?.. Пять ртовъ, которые требуютъ пищи?.. А воспитать? Въ люди вывести?.. Какъ?.. Одной, безъ чужой помощи?.. Чѣмъ же она заработаетъ?.. Это смѣшно... Она все перезабыла, что и знала... Наука, какъ и жизнь, ушла впередъ... Поди-ка, догони!.. Да и что достанешь уроками?..

Краска стыда залила ей лицо, когда она вспомнила, какъ

на-дняхъ хладнокровно предлагала барышнѣ пятнадцать рублей за полдня ежедневныхъ занятій... какъ платила двѣнадцать рублей студенту. И барышня согласилась... хотя кончила съ медалью... Но плата сбита до-нельзя... Всѣ это говорятъ... Чѣмъ же жить тогда?.. Вѣдь это на улицѣ съ дѣтьми остаться... Ремеслу что-ли научиться?.. Какому?.. Да и легко сказать — трудиться!.. Лѣтъ пятнадцать назадъ, въ гувернанткахъ, — трудъ опостылѣлъ и когда Петръ Николаевичъ сдѣлалъ ей предложеніе, — первой мыслью было: ну, слава Богу!.. Отдохну... Вотъ и отдохнула!.. Разжирѣла, разлѣнилась... Сколько привычекъ!..

— А дѣти-то чѣмъ виноваты?.. — съ новымъ приливомъ отчаянія спросила она себя. — И что же это за ужасъ, что со смертью отца семья выбрасывается на улицу?.. Боже мой!.. Да развѣ я думала объ этомъ, выходя замужъ?.. Она оглядывалась растерянно кругомъ, среди этого внезапнаго крушенія всего, чѣмъ она жила, чѣмъ была сильна...

Хоть бы докторъ скорѣй!.. Хоть бы разсвѣтъ!..

Лампа гасла на столѣ и слабо булькала. А въ окно крался разсвѣтъ... И какъ эти первые, призрачные лучи зарождающагося дня входили въ комнату, робко борясь съ тьмой, но постепенно поглощая ее, такъ въ измученную душу этой женщины тихо входила надежда, жажда покоя и забвенья.

„Можетъ быть, обойдется?.. Пустяки“?..

Въ кухнѣ стукнуло что-то. Внизу, гдѣ-то далеко, въ чужой квартирѣ гулко хлопнула дверь. Домъ просыпался. Замершая на время жизнь давала себя знать какими-то смутными звуками, таинственнымъ, неяснымъ шорохомъ. А въ ушахъ, словно тревожный призывъ набата, звучалъ голосъ Семеновой:—„черезъ пятьдесятъ лѣтъ такія барыни, какъ ты, будутъ уже анахронизмомъ“...

Она вспоминала... и ей такъ ясно представились ея давно забытыя ощущенія ранней юности... Вставать до разсвѣта, вотъ въ такой мглѣ, дрожа отъ холода... бѣжать подъ дождемъ или въ мятель на урокъ... трепетать за завтрашній день, когда случай можетъ отнять даже этотъ жалкій заработокъ... Нервное напряженіе, зубныя боли, вынужденныя улыбки, унизительныя просьбы... О, жутко!.. жутко... Стоитъ ли жить?

Она вскочила.

„Что это“?

Она ясно разслышала кашель мужа... такое особенное, „сознательное“ откашливаніе. Она кинулась въ спальню и у двери услыхала, какъ Петръ Николаевичъ чиркаетъ спичкой, зажигая папиросу.

— Ну что, Pierre... какъ?..—трепетнымъ отъ радости голосомъ спросила она.

Онъ страшно осунулся, но глядѣлъ сознательно.

— Да ничего... ночью было скверно, кажется... Навѣрно инфлуенца... Дай-ко рубашку перемѣнить!..

— Неужели вспотѣлъ?

— Весь мокрый... Что это ты поднялась такъ рано?

— Слава Богу... слава Богу!—нѣжно и радостно лепетала Софья Сергѣевна, наклоняясь надъ комодомъ.

Въ передней раздался звонокъ доктора.

Съ недѣлю Ивановъ прожилъ, какъ именинникъ, встрѣчая дома небывалую заботу и комфортъ, видя давно забытую ласку. Сначала онъ сердился на доктора, запрещавшаго выходить на службу, и на жену, спрятавшую его шубу и ботики (въ сундукъ, подъ замокъ),—кричалъ, что уйдетъ и такъ, что его выгонятъ отовсюду... Наконецъ, смирился и лежалъ покорно на кушеткѣ, въ старенькомъ халатѣ и шлепанцахъ, съ книгой, среди полной тишины. Жена ходила на цыпочкахъ и шикала на дѣтей. Ему покупали рябчиковъ и мармеладу. Даже стирку—которой онъ не выносилъ,—отмѣнили и все бѣлье отдали прачкѣ.

— А хорошо иногда поболѣть,—говорилъ онъ женѣ, кротко улыбаясь.

А она, вся какая-то затихшая, важная, матерински любящая, съ безконечнымъ вязанымъ одѣяломъ въ рукахъ (она вязала его шесть лѣтъ) сидѣла подлѣ, двигалась безшумно, и все обдумывала, какъ начать жизнь по новому, какіе расходы сократить?.. Какъ облегчить бѣдному Pierr'у его „батрацкую долю“?

Съ Лизой надо поговорить... съ мужемъ посовѣтоваться... растерянно думала она, не зная, за что собственно взяться, съ какого конца начинать.

— Пустое, мать!..—какъ-то безнадежно заявилъ мужъ, когда она съ таинственнымъ, значительнымъ выраженіемъ въ глазахъ, посвятила его въ свои планы,—и даже рукой махнулъ.

— Ну вотъ, Петръ, выдумалъ!.. Почему это пустое?..—обидѣлась она, полная самыхъ благихъ стремленій.

Но... прошла недѣля, прошла инфлуэнца... страхи забылись, память объ этой жуткой ночи поблѣднѣла и жизнь пошла опять по старой колеѣ...

А Петръ Николаевичъ, какъ это ни странно, любилъ вспоминать объ этой ночи,—о той минутѣ, когда онъ очнулся вдругъ, увидалъ эту зажженную свѣчу... разслыхалъ необыч-

ные шаги жены въ гостиной и подумалъ, что умираетъ... Какое это было странное и важное чувство, непохожее ни на что!.. Такое холодное и чистое... Жена плакала, но это казалось мелкимъ... Ну что жъ?.. Ну что жъ?..—говорилъ онъ себѣ—и она умретъ когда-нибудь... Всѣ умремъ... И совсѣмъ не страшно... Надо только понять... и примириться... Смерть—это покой... Какъ хочется поспать!..

Вотъ эта именно жажда покоя, это радостное ощущеніе его близости,—вотъ что было хорошо и необыкновенно... Не думать о кредиторахъ, о начальствѣ, о дѣтскихъ докторахъ... не мучиться заботой гдѣ перехватить деньжонокъ на дачу... Все забыть, словомъ, все...—и только лежать и спать, спать—безъ грезъ и пробужденья...

Петръ Николаевичъ думалъ, что когда-нибудь придетъ его часъ... Но сумѣетъ ли онъ встрѣтить тогда смерть, какъ друга?.. Сумѣетъ ли смириться, побѣдить животный страхъ и быть готовымъ—какъ въ ту ночь?

Пожалуй, бояться будешь?..

Ахъ, жаль, жаль!..

Онъ вспомнилъ странное чувство, съ которымъ разъ какъ-то провожалъ глазами покойника въ гробу, на улицѣ.

— Вотъ этотъ избралъ благую долю,—казалось, говорилъ его взглядъ.—Ему ничего не страшно...

Неужели онъ завидовалъ?

Кажется, да...

А. Вербицкая.

---

* * *

Средь мукъ и стенаній на свѣтъ
Живая живыхъ обрѣтаетъ
Въ грозѣ испытаній поэтъ,
Даръ пѣсенъ въ себѣ открываетъ,—
Тѣхъ пѣсенъ, что ледъ разбиваютъ сердецъ.
Страданье—искусный, умѣлый кузнецъ.

Подъ небомъ холоднымъ, чужимъ,
Во мракѣ бездомныхъ скитаній,
Въ разлукѣ со всѣмъ дорогимъ,
Въ крушеніи всѣхъ упованій,—
Въ дни черные бѣдъ познается боецъ:
Изгнанье—искусный, умѣлый кузнецъ.

Но славы достоинъ лишь тотъ,
Кто, гордый своей правотою,
На вѣрную гибель идетъ
Съ спокойной и ясной душою.
Прекрасенъ и проченъ героя вѣнецъ:
Ты, смерть,—для безсмертья кующій кузнецъ!

П. Я.

„Смотри впередъ!“

Завидѣвъ дымъ вечерняго тумана,
Заслышавъ плескъ вдругъ потемнѣвшихъ водъ,
Морякъ кричитъ въ пустынѣ океана:
„Смотри впередъ!“
Въ свинцовый плащъ одѣлась даль морская,
И хмурится, весь въ тучахъ, небосводъ
И притаилось море, глазъ лаская,—
Смотри впередъ!
Бушуетъ мощный вѣтеръ на просторѣ,
Вздымая волны, бѣшено реветъ
И бьется въ мукахъ стонущее море—
Смотри впередъ!
О, этотъ кличъ, надеждою манящій,
Въ дни мукъ и слезъ въ сердцахъ пусть не умретъ!
Пусть и тогда раздастся зовъ бодрящій:
„Смотри впередъ!“

А. Ольгинскій.

---

* * *

Я распахнулъ окно... Еще стояла тѣнь—
Угрюмой ночи слѣдъ—надъ сонною землею,
Но въ тишинѣ небесъ рождался чудный день,—
Весенній, яркій свѣтъ забрежжилъ предо мною.

Украшена вѣнцомъ изъ золотыхъ лучей,
Къ намъ быстро шла Заря съ величіемъ царицы...
Проснулся влажный садъ, затрепеталъ ручей,
И въ небѣ голубомъ запѣли громко птицы.

Но дивная Заря погасла за холмомъ,
Блеснулъ послѣдній лучъ сіянья золотого,
И хмурый, мрачный день насъ обступилъ кругомъ,
Поникъ печально садъ, замолкли птицы снова.

Какъ одинокая и грустная струна,
Еще звенитъ ручей, про жизнь напоминая,
Но жизни нѣтъ... Опять настало царство сна,
И, кажется, вокругъ все та же ночь нѣмая.

О, зашуми, мой садъ,—ты солнцемъ былъ согрѣтъ!
И хоры вольныхъ птицъ, и ты, ручей свободный,
Всѣ пойте гимнъ Веснѣ, кто видѣлъ яркій свѣтъ:
Вернется солнце къ намъ, разсѣетъ мракъ холодный!

А. Лукьяновъ.

Основные моменты въ оцѣнкѣ современнаго городского управленія.

Со времени введенія въ дѣйствіе городового положенія 1892 года не прошло еще полныхъ десяти лѣтъ, а мы стоимъ уже наканунѣ новой городской реформы, — третьей, менѣе чѣмъ за 35 лѣтъ!.. Въ этомъ, впрочемъ, нельзя видѣть ничего неожиданнаго; въ дѣйствительности, потребность въ новой реформѣ почувствовалась немедленно же вслѣдъ за реформой 11 іюня 1892 года, и потребность эта становилась все болѣе глубокой, настоятельной и ощутительной, по мѣрѣ того какъ на опытѣ все рельефнѣе обнаруживались многообразные недостатки муниципальнаго строя, введеннаго на смѣну городового положенія 1870 года. Уже спустя неполныхъ три года по введеніи въ дѣйствіе положенія 1892 года, мы указывали на страницахъ „Русскаго Богатства" на цѣлый рядъ практическихъ неудобствъ и несообразностей, къ которымъ привели нѣкоторые его принципіальные дефекты *). Тогда, однако, накопилось еще слишкомъ мало матеріала, чтобы можно было идти дальше указаній на нѣкоторыя болѣе или менѣе существенныя частности. Времени прошло тогда еще слишкомъ немного, чтобы всѣ стороны новаго муниципальнаго строя успѣли обнаружиться съ одинаковой яркостью. Къ тому же, какъ ни рѣзко разнился этотъ новый строй отъ прежняго, не представлялось физической возможности сразу и окончательно порвать со старымъ. Двадцать два года работавшій въ опредѣленномъ направленіи муниципальный механизмъ продолжалъ еще нѣкоторое время по инерціи двигаться въ томъ же направленіи, хотя и въ замедленномъ темпѣ и съ уклоненіями въ сторону. Первые городскіе выборы по новому положенію не дали и по существу не могли дать замѣтнаго обновленія муниципальнаго личнаго состава, среди котораго, поэтому, доминирующее положеніе, какъ мы тогда же указали, заняли „муниципаль-

*) «Муниципальные этюды» въ ноябрьской книгѣ «Русск. Богатства» 1896 г.

ные старожилы", съ которыми въ новый строй вошли старыя традиціи. Наконецъ, даже администрація, благодаря обманчивому внѣшнему сходству между старымъ и новымъ городовымъ положеніемъ, не успѣла еще хорошенько разобраться и опредѣлиться въ своей новой позиціи по отношенію къ городскому управленію; даже еще въ 1897 году, напримѣръ, встрѣчались въ оффиціальныхъ бумагахъ ссылки на статьи городового положенія 1870 года, при чемъ обязанности городского управленія трактовались съ точки зрѣнія этихъ статей. Словомъ, въ полной мѣрѣ дѣйствующимъ городовое положеніе 1892 года можно считать только съ 1897—1898 гг., послѣ того, какъ, во 1) вторые городскіе выборы обновили муниципальный составъ въ духѣ, болѣе соотвѣтствующемъ новому курсу, во 2) четырехлѣтній опытъ въ достаточной мѣрѣ выяснилъ, какое огромное практическое различіе заключается въ несущественныхъ, казалось бы, редакціонныхъ различіяхъ въ общемъ какъ будто бы вполнѣ тождественныхъ статей прежняго и нынѣ дѣйствующаго городового положенія. Въ настоящее время, по истеченіи второго четырехлѣтія, накопился уже, конечно, огромный матеріалъ, позволяющій произвести генеральный смотръ городовому положенію 11 іюня 1892 года, въ смыслѣ детальнаго выясненія всѣхъ его принципіальныхъ основаній и обусловленныхъ ими практическихъ результатовъ. Но такой генеральный смотръ не можетъ быть предметомъ журнальной статьи, а потребовалъ бы отдѣльной и довольно объемистой книги. Наша цѣль, поэтому, только установить тѣ моменты, на основѣ которыхъ можетъ быть произведена всесторонняя принципіальная и практическая оцѣнка современнаго городского общественнаго управленія. Мы имѣемъ въ виду въ предѣлахъ возможнаго дать рядъ критеріевъ и руководящихъ началъ, которые помогли бы читателю самому разобраться въ дѣятельности современнаго городского общественнаго управленія, уяснивъ себѣ, что въ этой дѣятельности *отъ учрежденій* и что—*отъ людей*, что и почему слѣдуетъ ставить въ счетъ этому управленію и чего и почему ему ставить въ счетъ не слѣдуетъ. Уяснивъ же себѣ это, не трудно уже будетъ по достоинству оцѣнить тѣ или другіе изъ выдвигаемыхъ нынѣ проектовъ городской реформы.

I.

Основныя начала городового положенія 1870 года.

Тѣ моменты, установить которые мы поставили себѣ задачей, рельефнѣе всего обнаруживаются изъ сопоставленія нѣкоторыхъ сторонъ нынѣ дѣйствующаго муниципальнаго строя съ прежнимъ. Поэтому намъ придется прежде всего на нѣкоторое время обратиться къ городовому положенію 1870 года.

Кто поинтересовался когда-либо, хотя бы только бѣгло, просмотрѣть извѣстные пятитомные „Матеріалы, относящіеся до новаго общественнаго устройства въ городахъ Имперіи“, тому уже на первыхъ страницахъ должны были броситься въ глаза основанія, на которыхъ была предположена, а затѣмъ и осуществлена городская реформа 1870 года. Мы находимъ ихъ уже въ „Программѣ для составленія соображеній относительно улучшенія общественнаго управленія въ городахъ“. Городское населеніе разсматривается тутъ, какъ органическое цѣлое: „Городскіе обыватели,—гласитъ „Программа“,—вслѣдствіе совмѣстнаго жительства, естественно связываясь между собою многими общими интересами, составляютъ изъ себя одно цѣлое—*общество*“ *). Цѣль реформы—та же, какая, по мнѣнію составителей „Программы“, была поставлена „Городовой грамотѣ“ 21 апрѣля 1785 года, именно: „поставить городскія *общества* въ состояніе удовлетворять своимъ общественнымъ нуждамъ“, даровавъ имъ „право *самимъ* завѣдывать *своими* общественными дѣлами, посредствомъ *выборныхъ отъ общества* лицъ“ **). Отсюда вытекала самостоятельность городского управленія, которую не было основанія ограничивать, разъ это общество вѣдало своими дѣлами; ограниченіе могло обусловливаться только требованіями правопорядка, т. е., предѣлами *законности* дѣйствій этого управленія. Отсюда же понятно и то, почему въ разныхъ мѣстахъ „Матеріаловъ“ по разнымъ случаямъ составителями отмѣненнаго городового положенія 1870 года такъ часто и усиленно подчеркивается то обстоятельство, что новое общественное устройство въ городахъ открываетъ доступъ къ участію въ городскомъ управленіи „*всему* городскому населенію“. Эта основная идея прежняго городового положенія, наиболѣе ясно выражена въ „Программѣ“ въ слѣдующихъ строкахъ: „Для того, чтобы всякое общественное дѣло было рѣшаемо, по возможности, справедливо и безобидно для каждаго члена общества, необходимо участіе въ рѣшеніи такихъ дѣлъ *всѣхъ заинтересованныхъ* въ нихъ членовъ, если не прямое, то хотя косвенное“ ***).

Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ эта основная идея получила существенное ограниченіе, благодаря суженію самаго понятія заинтересованности. „Нѣтъ сомнѣнія,—говорится въ „Проектѣ представленія мин. вн. дѣлъ объ устройствѣ городск. общ. управл.“ (составл. въ 1864 году) и дословно повторяется затѣмъ въ „Объяснительной запискѣ къ проекту полож. о городск. общ. управл.“,—нѣтъ сомнѣнія, что *всѣ* жители города заинтересованы въ его благоустройствѣ: для всѣхъ ихъ важно, напр., чтобы городъ былъ хорошо вымощенъ, чтобы онъ былъ достаточно освѣщенъ, чтобы

*) «Матеріалы», т. I, стр. 10.
**) Ib., стр. 14—15.
***) Ib., стр. 15.

въ немъ содержалась исправно пожарная часть и т. д.". Но сейчасъ же затѣмъ дѣлается оговорка, что „одно пользованіе подобными удобствами благоустроенной городской жизни не можетъ еще служить основаніемъ для права участія въ общественномъ управленіи и что для сего необходимы, сверхъ того, еще *особыя* условія". Какія это „особыя условія"—выясняется тутъ же: „Такъ какъ городское благоустройство можетъ поддерживаться и развиваться лишь съ помощью матеріальныхъ средствъ и такъ какъ средства сіи составляются преимущественно изъ уплачиваемыхъ мѣстными жителями повинностей съ владѣемыхъ ими въ городѣ имуществъ, а также съ производимыхъ тамъ торговъ и промысловъ, то съ полною основательностью (?) можно признать, что только жители, владѣющіе въ городѣ недвижимыми имуществами и уплачивающіе въ городскую кассу опредѣленные сборы съ торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ (а потому заинтересованные не только наравнѣ съ прочими обывателями города въ общемъ его благоустройствѣ, но также ближайшимъ образомъ и въ правильномъ распредѣленіи и соотвѣтственномъ употребленіи уплачиваемыхъ ими повинностей), и должны пользоваться правомъ участія въ общественномъ управленіи"; ибо,—поясняется далѣе,—„назначеніе сего управленія и состоитъ собственно въ томъ, чтобы путемъ матеріальныхъ средствъ, находящихся въ его распоряженіи, содѣйствовать поддержанію и развитію городского благоустройства" *). Эти одностороннія соображенія, не смотря на встрѣченныя ими вполнѣ основательныя возраженія, тѣмъ не менѣе легли въ основаніе городового положенія 1870 года, которымъ, поэтому, избирательное право, какъ активное, такъ и пассивное, предоставлено было каждому городскому обывателю, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, разъ только онъ удовлетворялъ слѣдующимъ условіямъ: былъ русскимъ подданнымъ, имѣлъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и владѣлъ въ предѣлахъ города какой-нибудь недвижимой собственностью, *подлежавшей* оцѣночному сбору (хотя бы послѣдній фактически, по малоцѣнности имущества, не взимался или даже совсѣмъ думой не былъ установленъ **), или же уплачивалъ въ пользу города сборъ со свидѣтельствъ: купеческаго, промысловаго на мелочной торгъ, приказчичьяго перваго разряда или же съ билета на содержаніе промышленнаго заведенія.

Такимъ образомъ, каждый, кто владѣлъ хотя крошечнымъ домикомъ, кто въ качествѣ торговца или ремесленника платилъ въ пользу города $1^1/_2$—2 рубля, пользовался правомъ не только избирать, но и самому быть избираемымъ въ гласные. Наряду

*) «Матеріалы» т. I, стр. 204 и т. II, стр. 50.

**) Установленіе оцѣночнаго сбора по старому город. полож., въ противоположность нынѣшнему, не было обязательно.

съ этимъ, однако, благодаря установленному, хотя и не высокому, имущественному цензу, оказывалась лишенной избирательныхъ правъ сложная и разнородная группа квартиронанимателей, т.-е. всѣ не владѣвшіе недвижимостью люди либеральныхъ профессій, рентьеры, живущіе на доходы отъ капиталовъ, разнаго рода пенсіонеры, чернорабочіе, живущіе поденною платою, наконецъ, самые мелкіе торговцы и ремесленники, грошовыя предпріятія которыхъ, по правиламъ полож. о пошлин., не требовали выборки какихъ-либо торговыхъ или промысловыхъ документовъ. Эта разнородная группа обывателей была заинтересована въ городскомъ благоустройствѣ не менѣе, если не болѣе остальныхъ, располагавшихъ имущественнымъ цензомъ, и потому устраненіе ея отъ участія въ городскомъ управленіи приходится отнести къ числу крупныхъ недостатковъ прежняго городового положенія. Но значеніе этого недостатка въ весьма значительной мѣрѣ ослаблялось тѣмъ, что сколько-нибудь значительною группа квартиронанимателей могла быть тогда только въ еще весьма не многихъ крупныхъ городскихъ центрахъ; во всѣхъ же остальныхъ, особенно въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ (а такихъ и теперь еще подавляющее большинство),—эта разношерстная группа не могла быть ни особенно замѣтной, ни сколько-нибудь значительной. Въ такихъ небольшихъ городахъ, гдѣ почти каждый,—будь то торговецъ, ремесленникъ или чиновникъ—живетъ въ своемъ собственномъ домишкѣ, гдѣ даже обыватель, перебивающійся поденною платой, часто имѣетъ собственную избушку, хатенку, наконецъ, хотя бы только землянку,—въ такихъ городахъ группа „бездомовыхъ“ или квартиронанимателей, лишенная избирательныхъ правъ, по своей малочисленности совершенно терялась въ общей массѣ городского населенія, по тому или другому основанію пользовавшагося избирательными правами. Слѣдовательно, въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, небольшихъ провинціальныхъ городовъ (а такихъ, повторяемъ, подавляющее большинство), приходится признать, что первоначальный основной принципъ городового положенія 1870 года былъ осуществленъ въ довольно полной мѣрѣ и къ участію въ дѣлахъ городского управленія призвано было если не „все городское населеніе“, то во всякомъ случаѣ его подавляющее большинство. При этомъ, однако, обязательно помнить, что не всѣ общественные и экономическіе слои этого населенія имѣли возможность проявить такое участіе въ равной мѣрѣ. Для производства выборовъ, какъ извѣстно, всѣ избиратели дѣлились на три разряда. Съ этой цѣлью они вносились въ избирательскій списокъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, по убывающимъ степенямъ вносимаго каждымъ сбора въ пользу города. Изъ стоящихъ во главѣ списка, слѣдовательно, вносящихъ высшіе размѣры (оклады) сборовъ, отдѣлялось въ томъ же послѣдовательномъ нисходящемъ порядкѣ извѣстное количество избирателей, по

такому разсчету, чтобы сумма уплачиваемыхъ ими всѣми въ совокупности сборовъ равнялась одной трети общей суммы городскихъ сборовъ. Это и былъ первый разрядъ. Иначе, если общая сумма городскихъ сборовъ, уплачиваемыхъ всѣми обывателями, равнялась, положимъ, 60,000 р., а стоявшіе во главѣ списка 30 плательщиковъ уплачивали въ сложности 20.000 руб., то эти 30 человѣкъ и образовывали первый разрядъ. Ко второму причислялись непосредственно въ послѣдовательномъ нисходящемъ порядкѣ слѣдовавшіе за ними по списку избиратели, уплачивавшіе вторую треть общей суммы сборовъ; наконецъ, всѣ остальные до конца списка, уплачивавшіе остальную треть, составляли третій разрядъ. Естественно, что при такомъ дѣленіи въ первомъ разрядѣ рѣдко насчитывалось даже нѣсколько десятковъ избирателей, представлявшихъ собою исключительно домовладѣльческія и капиталистическія сливки населенія. Въ прямую противоположность этому, въ третьемъ разрядѣ избиратели насчитывались тысячами, представляя собою основную массу городского населенія, всю его домовладѣльческую, торговую и ремесленную мелкоту. Тѣмъ не менѣе, не смотря на такую рѣзкую разницу въ численномъ составѣ разрядовъ, каждый изъ нихъ избиралъ одинаковое съ другими число гласныхъ, именно, одну треть думскаго состава. Въ думѣ, слѣдовательно, тысячи городского населенія располагали такимъ же количествомъ голосовъ, какимъ располагали въ ней десятки крупныхъ домовладѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ перваго разряда, или сотни обывателей второго разряда. Такое неравномѣрное, почти обратно пропорціональное представительство, конечно, нельзя отнести къ числу достоинствъ прежняго городового положенія; наоборотъ, оно должно было быть признано и дѣйствительно въ свое время признавалось самымъ крупнымъ его недостаткомъ. Но въ такомъ случаѣ, при наличныхъ условіяхъ, тѣмъ обязательнѣе напомнить о тѣхъ мотивахъ, которыми руководствовались составители прежняго положенія, создавая именно такую организацію городского представительства. Эти мотивы особенно интересны, потому что они даютъ возможность надлежащимъ образомъ оттѣнить наиболѣе существенный пунктъ различія между городовымъ положеніемъ 1892 года и положеніемъ 1870 года.

II.

Основанія и цѣли трехразрядной выборной системы.

Въ первомъ журналѣ (засѣд. 14 янв. 1870 г.) высочайше утвержденной коммиссіи по пересмотру проектовъ положенія о городскомъ общественномъ управленіи и устава о городскомъ хозяйствѣ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующую мотиви-

ровку трехразряднаго дѣленія избирателей: „Такъ какъ уплачиваемыя городскими жителями повинности весьма неравномѣрны, и жители, уплачивающіе низшій размѣръ повинностей, составляютъ значительное большинство, то оказалось необходимымъ принять мѣры къ *соразмѣрному*, по отношенію къ отбываемымъ повинностямъ, распредѣленію между городскимъ населеніемъ избирательнаго права, дабы завѣдываніе городскими дѣлами не сосредоточивалось *попрежнему* въ рукахъ низшихъ слоевъ населенія, ко вреду городского благоустройства и въ несоотвѣтствіи проектируемымъ по городскому управленію и хозяйству преобразованіямъ". Въ этихъ видахъ и предположено было „въ каждомъ городѣ учредить *три* избирательныхъ собранія для городскихъ выборовъ съ предоставленіемъ каждому... выбора *одной трети* гласныхъ" („Матер.", т. III, стр. 48 и повтор. на стр. 106). Но такое предположеніе, какъ видно изъ второго журнала той же коммиссіи, встрѣтило энергичныя возраженія, между прочимъ, со стороны одного изъ экспертовъ, бывшаго вознесенскаго городского головы Гарелина, поддержаннаго петербургскимъ головою Погребовымъ и, частью, гласнымъ Лихачевымъ. Возраженія эти сводились къ тому, что „подчиненіе вообще городскихъ избирателей какимъ-либо цензовымъ условіямъ не соотвѣтствовало бы ни духу времени, ни историческому складу русскаго народа" и что поразрядное дѣленіе, хотя бы не по сословіямъ, а по капиталамъ, должно неизбѣжно повести къ „кастической обособленности и враждѣ", къ борьбѣ „голытьбы съ людьми лучшими". Г. Гарелинъ ссылался при этомъ и на то, что „русскій народъ вездѣ и во всѣ времена рѣшалъ свои общественныя дѣла міромъ", „громадой", при чемъ „хотя на дѣлѣ и существуетъ экономическая зависимость бѣдняковъ отъ капиталистовъ и, вслѣдствіе сего, преобладаніе послѣднихъ надъ первыми, но подобныя отношенія и той и другой сторонъ представляются совершенно естественными, какъ дѣло необходимости" (стр. 216). Точка зрѣнія г. Гарелина не встрѣтила, однако, сочувствія ни со стороны большинства экспертовъ, ни со стороны всѣхъ членовъ коммиссіи, высказавшихся за поразрядное дѣленіе избирателей. Они опирались въ этомъ случаѣ на столѣтній опытъ существованія городского управленія въ прежнемъ дореформенномъ видѣ, доказавшій, что при системѣ выборовъ посредствомъ городского схода не представляется никакой возможности ни ввести порядокъ въ выборы, съ внѣшней ихъ стороны, ни организовать правильныхъ собраній „съ устраненіемъ въ семъ случаѣ *произвола вліятельныхъ* и не всегда дѣйствующихъ въ интересахъ общества лицъ, руководящихъ сходомъ". Именно этотъ печальный опытъ прошлаго и привелъ большинство экспертовъ и членовъ коммиссіи къ сознанію, что устраненіе недостатковъ прежней выборной системы (сходомъ) возможно только посред-

ствомъ установленія такихъ основаній для организаціи выборовъ, которыя самымъ точнымъ и опредѣленнымъ образомъ „упрочивали право *каждаго* на участіе въ избраніи представителей города, *дабы всего меньше оставалось мѣста произволу и вліятельности отдѣльныхъ лицъ въ собственныхъ ихъ интересахъ*“ (стр. 218). Такія основанія коммиссія усмотрѣла въ поразрядномъ дѣленіи избирателей, въ отдѣленіи сильныхъ отъ слабыхъ путемъ уединенія каждой группы интересовъ въ особой самостоятельной избирательной куріи. Но затѣмъ возникла новая опасность. Такъ какъ разрядъ мелкихъ избирателей, естественно, долженъ былъ быть наиболѣе многочисленнымъ, то при условіи выбора каждымъ разрядомъ такого числа представителей, которое соотвѣтствовало бы количеству избирателей даннаго разряда, перевѣсъ долженъ былъ неизбѣжно оказаться на сторонѣ мелкихъ интересовъ, которые грозили, такимъ образомъ, совершенно поглотить интересы болѣе крупные. Иначе — если прежде, какъ мы видѣли, шла рѣчь объ охранѣ самостоятельности большинства отъ вреднаго вліянія экономически сильнаго меньшинства, то теперь предстояло еще позаботиться объ охранѣ меньшинства отъ поглощенія его большинствомъ. Средство для этого коммиссія и усмотрѣла въ томъ началѣ, въ силу котораго „степень участія каждаго изъ отдѣльныхъ лицъ въ городскомъ общественномъ представительствѣ должна строго соразмѣряться съ количествомъ уплачиваемыхъ ими въ городскую кассу сборовъ и налоговъ“. Развивая это начало „съ надлежащей послѣдовательностью“, коммиссія пришла къ заключенію, что право соразмѣрнаго участія городскихъ жителей въ выборахъ могло бы считаться упроченнымъ только тогда, когда „лица, обложенныя высшими налогами, имѣли бы большее (сравнительно съ количествомъ ихъ) число представителей изъ среды себя; лица же, несущія меньше тягостей по городу, давали бы отъ себя меньшее число и представителей“ (стр. 219). Коммиссія ссылалась при этомъ на западно-европейскую—собственно прусскую—организацію муниципальнаго устройства, въ основаніе которой положена та же трехразрядная система и съ тою же цѣлью, именно, чтобы „съ одной стороны устранить безпорядки, происходящіе въ многочисленныхъ собраніяхъ, съ другой — не допустить преобладанія большинства надъ меньшинствомъ, неизбѣжнаго при совокупной подачѣ голосовъ всѣми избирателями“ (стр. 220). Правда, съ этой точки зрѣнія, казалось бы, достаточно было раздѣлить избирателей только на два разряда, но такимъ путемъ цѣль всетаки не была бы достигнута, ибо, какъ пояснилъ экспертъ, череповецкій городской голова Милютинъ, система выборовъ должна быть организована такимъ образомъ, чтобы при *трехъ* избирательныхъ разрядахъ, второй разрядъ, „*заключающій въ себѣ собственниковъ средней руки*“, такъ сказать, *балансиро-*

валъ между высшимъ и низшимъ, первымъ и третьимъ, „уравновѣшивая собою вліяніе того и другого и *не давая преобладанія высшему*, наиболѣе состоятельному разряду надъ низшимъ“ (стр. 221). Мы такъ подробно остановились на этихъ, большинству читателей едва-ли извѣстныхъ, мотивахъ *) именно потому, что они наилучшимъ образомъ выясняютъ цѣли, къ достиженію которыхъ стремился законодатель установленіемъ прежней избирательной системы. Ясно, что этой системой не только не имѣлось въ виду принести мелкіе интересы въ жертву крупнымъ, но, наоборотъ (насколько удачно—вопросъ другой), по возможности уравновѣсить представительство тѣхъ и другихъ, предоставить имъ одинаковыя средства защиты, „не давая, — какъ выразился г. Милютинъ, — преобладанія высшему, наиболѣе состоятельному разряду надъ низшимъ“ и въ то же время ограждая меньшинство отъ поглощенія его большинствомъ, неизбѣжнаго при совмѣстной подачѣ голосовъ всѣми избирателями. Правда, въ дѣйствительности, на практикѣ эти цѣли не были достигнуты; въ дѣйствительности трехразрядная система привела къ тому, что интересы мелкаго обывателя оказались въ полномъ почти пренебреженіи, по той, главнымъ образомъ, причинѣ, что второй разрядъ не балансировалъ, какъ предполагалъ г. Милютинъ, а обыкновенно примыкалъ къ первому разряду и такимъ образомъ оказывалось двое противъ одного. Однако, эта бѣда была бы легко поправима: стоило только нѣсколько усилить представительство третьяго разряда, или ослабить представительство первыхъ двухъ — и тогда то равновѣсіе, къ которому стремился законодатель, было бы возстановлено (конечно, только теоретически); для насъ, впрочемъ, въ данномъ случаѣ не столько важны практическіе результаты прежней избирательной системы, сколько именно это стремленіе ея къ равновѣсію, это признаніе ею равноправности крупныхъ и мелкихъ интересовъ. Ничего подобнаго мы не найдемъ въ дѣйствующемъ городовомъ положеніи 1892 года, которое стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія и преслѣдуетъ совершенно иныя цѣли.

III

Основныя начала городового положенія 1892 г.

Если городская реформа 1870 г., имѣла задачей „поставить городскія общества въ состояніе удовлетворять своимъ общественнымъ нуждамъ“, то цѣль городовой реформы 1892 г. лежала совершенно въ иной области, ничего общаго съ „общественными

*) Въ статьяхъ покойнаго проф. И. И. Дитятина («Къ исторіи городового полож. 1870 г.» и «Наше городское самоуправленіе») отмѣчены только нѣкоторые изъ нихъ.

нуждами“ „городскихъ обществъ“ не имѣющей: городовое положеніе 1892 г. явилось только органической частью той законодательной трилогіи (положенія: о земскихъ участковыхъ начальникахъ 1889 г., земское 1890 г. и городовое 1892 г.), задачею которой была перестройка всего нашего мѣстнаго управленія въ интересахъ установленія „твердой власти“ на мѣсто общественной самодѣятельности. Въ строгомъ согласіи съ такой задачей, изъ городового положенія 1892 года безслѣдно исчезаетъ „городское общество“, на мѣстѣ котораго водворяется „городское населеніе“ въ качествѣ административной территоріальной единицы. Разъ нѣтъ общества, то некому и самоуправляться: на мѣсто самоуправленія, къ которому, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, стремилось прежнее городовое положеніе, ставится, если не чисто бюрократическая, то смѣшанная система управленія „городскимъ населеніемъ“—черезъ выборныхъ, но коронныхъ, на государственной службѣ состоящихъ чиновниковъ, въ которыхъ, какъ мы увидимъ, превращена управская коллегія. И выборное начало соотвѣтственно суживается: вѣдь дѣло выбора чиновниковъ, являющееся по существу, при условіи утвержденія ихъ администраціей, только *рекомендаціей*, можетъ быть выполнено и небольшимъ числомъ наиболѣе „солидныхъ“ обывателей. Прежній принципъ участія въ городскомъ представительствѣ *всего* населенія, хотя бы только имущественно заинтересованнаго, теперь теряетъ всякую почву, и дѣйствующее городовое положеніе довольствуется самымъ незначительнымъ кругомъ избирателей. Оно знаетъ только двѣ категоріи ихъ: 1) владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, *обложенныхъ* (а не *подлежащихъ* обложенію, какъ было прежде) оцѣночнымъ въ пользу города сборомъ, при условіи оцѣнки ихъ не ниже извѣстнаго, довольно высокаго minimum'а, и 2) владѣльцевъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, выбирающихъ купеческія свидѣтельства: въ столицахъ—первой, а въ прочихъ городахъ первой и второй гильдіи. Какъ сказалось такое рѣзкое измѣненіе избирательнаго ценза на числѣ избирателей — легко судить по слѣдующимъ примѣрамъ: въ Петербургѣ было болѣе 21 тыс. избирателей, теперь ихъ менѣе 8.000; въ Москвѣ было болѣе 20 тыс., теперь ихъ немного болѣе 7 тыс.; въ Кіевѣ было 4.157, теперь 2.710, въ Харьковѣ было 6.890, теперь 2.291; въ Нахичевани на-Дону по списку 1888 г. числилось избирателей 1.443, а по списку 1896 г.—510 и по списку 1897 года—587. Если принять во вниманіе, что съ 1888 года населеніе Нахичевани, благодаря сильной иммиграціи и быстрому заселенію окраинъ, возросло почти на 35 проц., то окажется, что съ введеніемъ новаго городового положенія количество избирателей уменьшилось здѣсь почти въ четыре раза. Затѣмъ въ Ростовѣ на-Дону по списку 1887 г. значилось избирателей 5.383, по спискамъ же 1893 г. только 788, и 1897 года—1.224, т. е. принимая

во вниманіе такой-же приростъ населенія, въ 7 или 8 разъ менѣе. Само собою разумѣется, что еще болѣе сократилось число избирателей въ городахъ, для которыхъ установленъ еще болѣе высокій избирательный цензъ (который, по дѣйствующему городовому положенію, не вездѣ одинаковъ) и гдѣ въ то же время оцѣнка недвижимыхъ имуществъ менѣе высока, а особенно въ городахъ черты еврейской осѣдлости, гдѣ лишена избирательныхъ правъ значительная часть населенія, даже располагающаго избирательнымъ цензомъ: здѣсь число избирателей опустилось даже до $^1/_{10}$ прежняго числа *).

Такое уменьшеніе числа обывателей, обладающихъ правомъ участвовать въ выборахъ, не имѣло бы еще такого важнаго значенія, если бы оно коснулось одинаково всѣхъ разрядовъ, всѣхъ классовъ населенія, всѣхъ его экономическихъ слоевъ. Но городовое положеніе 1892 г. совсѣмъ не имѣетъ въ виду такого равномѣрнаго сокращенія. Оно именно и задается цѣлью допустить къ избирательнымъ урнамъ только экономически наиболѣе сильныхъ обывателей, наиболѣе обезпеченный классъ городского населенія. Оно достигаетъ сокращенія путемъ такого повышенія избирательнаго ценза, что, напр., въ Кіевѣ лишены избирательныхъ правъ изъ 7.371 домовладѣльцевъ 5.151, въ Ростовѣ на-Дону около 6.000 домовладѣльцевъ изъ слишкомъ 7.000 и т. д., при чемъ сюда еще нужно прибавить тысячи лишенныхъ избирательныхъ правъ торговцевъ и промышленниковъ, не выбирающихъ требуемыхъ городовымъ положеніемъ гильдейскихъ свидѣтельствъ или замѣнившихъ ихъ нынѣ торговыхъ и промысловыхъ документовъ. Вообще же отъ участія въ городскомъ управленіи оказался устраненнымъ весь прежній третій и частью второй разрядъ; вся основная масса городского населенія осталась за флагомъ, и городскія судьбы оказались переданными въ руки того самаго экономически сильнаго, состоятельнаго меньшинства, отъ вреднаго, своекорыстнаго вліянія и преобладанія котораго прежнее городовое положеніе, какъ мы видѣли, такъ тщательно старалось оградить интересы большинства городского населенія. Отсюда не вытекаетъ, впрочемъ, что новое городовое положеніе совсѣмъ пренебрегаетъ этими интересами, считаетъ ихъ недостойными охраны и защиты. Законодатель не могъ не предвидѣть той серьезной опасности, которая неизбѣжно вытекала изъ предоставленія хотя бы весьма ограниченной муниципальной власти привилегированному меньшинству, при отсутствіи противовѣса со стороны большинства, лишеннаго права представительства; но, въ согласіи съ недовѣріемъ къ общественной самодѣятельности, онъ предпочелъ

*) Въ Кишиневѣ, напр., было прежде избирателей 4.062, а теперь только 495, въ Екатеринославѣ прежде, при 50 тыс. населеніи до 3.000, а теперь при 121 тыс. только 783.

этотъ противовѣсъ, соотвѣтственно съ задачей установленія „твердой власти“, замѣнить противовѣсомъ администраціи, усиленіемъ ея надзора и установленіемъ опеки. Если прежде, когда дума, хотя бы только въ теоріи, представляла собою *все городское общество*, нельзя было себѣ, по крайней мѣрѣ логически, представить, чтобы постановленія ея нарушали интересы мѣстнаго населенія, т. е., чтобы населеніе это дѣйствовало во вредъ самому себѣ,—то такое предположеніе весьма возможно теперь, когда дума представляетъ собою только привиллегированное меньшинство. Такимъ образомъ, кромѣ принципіальнаго, явилось еще практическое основаніе, чтобы на мѣсто прежней „самостоятельности“ городской думы предоставить администраціи не только надзоръ за законностью думскихъ постановленій, какъ было прежде, но и надзоръ за правильностью ихъ по существу, за тѣмъ, чтобы они не нарушали интересовъ мѣстнаго населенія. Однако, опытъ перваго же четырехлѣтія воочію показалъ, что самый тщательный административный надзоръ не въ силахъ замѣнить самодѣятельности заинтересованныхъ сторонъ, поставленныхъ въ нормальныя условія борьбы за свои интересы и нужды. Опытъ доказалъ, что одна только административная опека, при отсутствіи представительства со стороны массы городского населенія, не только не приводитъ къ желанной цѣли, но даже нерѣдко ставитъ эту массу населенія въ гораздо болѣе беззащитное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ она находилась раньше, даже при слабомъ представительствѣ третьяго разряда. Не нужно забывать, что городское хозяйство складывается изъ такой массы мелочей, за которой не возможно услѣдить даже при самомъ тщательномъ надзорѣ,—къ тому же сводящемся по существу къ чисто бумажной процедурѣ, какъ это неизбѣжно и неотвратимо бываетъ при всякой доведенной до крайности регламентаціи. Тутъ дѣлается поблажка какому-нибудь крупному тузу, тамъ усиленно облагается, что такъ часто бываетъ, какой-нибудь мелкій промыселъ,—издали, со стороны услѣдить за этимъ нѣтъ никакой возможности. Наконецъ, какъ мы указывали уже въ другомъ мѣстѣ, очень часто только находясь у самаго муниципальнаго дѣла, въ самомъ его круговоротѣ, только превосходно зная всѣ детали, всѣ особенныя мѣстныя условія, даже всѣ существующія въ данномъ городѣ личныя связи и отношенія,—только зная все это, можно судить о тѣхъ дѣйствительныхъ мотивахъ, которыми вызывается извѣстная муниципальная мѣра, и о тѣхъ дѣйствительныхъ выгодахъ или невыгодахъ, которыя извлечетъ изъ нея мѣстное населеніе или извѣстная его группа. Издали, со стороны, при отсутствіи детальнаго знакомства съ мѣстными условіями, иная по существу безусловно вредная мѣра можетъ показаться благой и полезной, и наоборотъ. Затѣмъ, если допустить даже такую маловѣроятную вещь, что за 200—300 верстъ, въ губернскомъ го-

родѣ всѣ мѣстныя условія подчиненнаго ему уѣзднаго города такъ же хорошо и детально извѣстны, какъ и самимъ мѣстнымъ уѣзднымъ людямъ и, слѣдовательно, ничто не можетъ укрыться отъ надзора и опеки губернской администраціи, то и въ такомъ случаѣ за ними, какъ доказалъ опытъ, можно признать только отрицательное значеніе. Если допустить даже, что, благодаря административной опекѣ и вмѣшательству, населенію удается иногда избавиться отъ какой-нибудь явно вредной мѣры (въ дѣйствительности такіе случаи почти неизвѣстны), то во всякомъ случаѣ, какъ бы превосходно административный надзоръ ни былъ организованъ, онъ не располагаетъ и не можетъ располагать такими средствами, которыя въ силахъ были бы побудить муниципаловъ *къ активной* дѣятельности на пользу населенія, особенно если эта польза въ чемъ-нибудь противорѣчитъ интересамъ правящаго меньшинства. Наоборотъ, безсильная создать что-нибудь положительное, безсильная вдохнуть духъ иниціативы тамъ, гдѣ его нѣтъ, начальственная опека часто погашаетъ этотъ духъ тамъ, гдѣ онъ есть, создавая разслабляющую привычку вѣчно ходить на помочахъ.

Въ свое время подробно разсказанная въ „Русскомъ Богатствѣ“ исторія выкупа тифлисскимъ городскимъ управленіемъ конножелѣзныхъ дорогъ,—самое блестящее доказательство, сколь несовмѣстима энергичная муниципальная иниціатива съ принципомъ и практикой административнаго надзора за *правильностью* думскихъ постановленій. Вообще, въ итогѣ восьмилѣтней практики, нужно признать, что возложенная на администрацію и часто прямо физически непосильная ей задача наблюденія не только за законностью, но и за правильностью дѣйствій городского управленія разрѣшилась тѣмъ, что въ концѣ концовъ оказались въ проигрышѣ и правильность, и законность...

Необычайный ростъ городскихъ налоговъ при все усиливающейся неравномѣрности распредѣленія ихъ между плательщиками—явленіе нынѣ весьма нерѣдкое; значительное увеличеніе расходовъ на содержаніе городского общественнаго управленія, обусловливаемое, во 1-хъ, усиленіемъ канцеляризма, во 2-хъ, небывалымъ увеличеніемъ окладовъ и умноженіемъ городскихъ синекуръ—явленіе еще болѣе частое; чрезвычайное увеличеніе расходовъ обязательныхъ при соотвѣтственномъ, во вредъ населенію, сокращеніи расходовъ необязательныхъ, на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ мѣстныхъ нуждъ,—явленіе совсѣмъ обыденное; игнорированье интересовъ массы городского населенія во имя выгодъ небольшого правящаго меньшинства—едва-ли не повсюду и во всемъ; безусловно вредная для интересовъ населенія система эксплоатаціи оброчныхъ статей, имѣющихъ общественное значеніе — на каждомъ шагу; наконецъ, все возрастающая въ послѣдніе годы концессіонная вакханалія,—такова картина совре-

меннаго городскаго хозяйства, громогласно свидѣтельствующая о значительномъ ослабленіи правильности и цѣлесообразности дѣйствій городского управленія. И такое ослабленіе неизбѣжно уже въ силу ослабленія законности этихъ дѣйствій... Въ другомъ мѣстѣ *) мы довольно подробно выяснили, какъ плохо обстоитъ дѣло въ этомъ отношеніи. Мы констатировали, напр., почти повсемѣстно наличность въ городскихъ росписяхъ, находящихся подъ сугубымъ надзоромъ администраціи и недѣйствительныхъ безъ ея санкціи, незаконныхъ доходовъ и незаконныхъ расходовъ, взимаемыхъ и производимыхъ въ несомнѣнный вредъ интересамъ населенія. Мало того, мы констатировали документально случаи незаконныхъ дѣйствій городского управленія, обусловленнныхъ прямыми запросами мѣстной администраціи, при чемъ послѣдняя руководствовалась въ этихъ случаяхъ своеобразной и характерной точкой зрѣнія, съ которой законность отступаетъ на задній планъ передъ требованіемъ правильности въ смыслѣ соотвѣтствія общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, — какъ мѣстная провинціальная администрація понимаетъ эти пользы и нужды. Что понимаетъ она ихъ не всегда и не вполнѣ правильно, это доказывается цѣлымъ рядомъ послѣдовавшихъ по такимъ именно случаямъ распоряженій и разъясненій высшихъ правительственныхъ учрежденій, но сути дѣла это, конечно, нисколько не измѣняетъ. И несомнѣнно, что уже одна возможность практическаго проведенія въ нашу муниципальную жизнь отмѣченной точки зрѣнія на взаимное отношеніе правильности и законности лучше многого другого характеризуетъ муниципальный строй, созданный положеніемъ 11 іюня 1892 года...

IV.

Современныя думы и управы.

Въ соотвѣтствіи съ указанными основными началами дѣйствующаго городового положенія, понятно, должно было произойти радикальное измѣненіе и въ составѣ, порядкѣ дѣйствій и взаимномъ положеніи органовъ городского управленія. Составъ городскихъ думъ подвергся значительному сокращенію, до того, что въ настоящее время многія думы поставлены въ крайне затруднительное положеніе при выборахъ своихъ подготовительныхъ и исполнительныхъ органовъ. Значеніе такого сокращенія думскаго состава сдѣлается особенно понятнымъ, если принять въ соображеніе, что въ то же время городское хозяйство, благодаря росту и развитію городовъ, расширилось и усложнилось, требуя для своего руководства и управленія большаго ко-

*) «Изъ муниципальной практики» въ № 6 «Народн. Хоз.» за 1900 г.

личества и большей разнородности муниципальныхъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ число думскихъ засѣданій ограничено minimum'омъ въ четыре и maximum'омъ въ 24 въ годъ, при чемъ росписаніе засѣданій дѣлается на годъ впередъ. Отступленія отъ росписанія не допускаются. Правда, ст. 66 предусматриваетъ еще чрезвычайныя собранія, но ихъ значеніе уменьшается тѣмъ, что нынѣ гласные лишены одного весьма существеннаго права. Согласно ст. 56 стараго городового положенія созывъ думы былъ обязателенъ въ случаѣ требованія о томъ, заявленнаго $^1/_5$ всѣхъ гласныхъ. Теперь же такое требованіе, заявленное даже всѣми гласными in corpore, не имѣетъ никакой силы, ибо, въ строгомъ согласіи съ началомъ опеки и принципомъ недовѣрія къ общественной самодѣятельности, нынѣ гласные лишены права иниціативы въ дѣлѣ созыва думскихъ собраній. И какія бы экстраординарныя обстоятельства ни потребовали, по мнѣнію гласныхъ, созванія чрезвычайнаго собранія, послѣднее не состоится, если управа не пожелаетъ испросить на этотъ созывъ надлежащаго разрѣшенія, или если въ такомъ разрѣшеніи администраціей будетъ отказано. И то, и другое въ теченіе истекшихъ 8—9 лѣтъ бывало неоднократно и при томъ именно въ такихъ случаяхъ, когда желаніе гласныхъ было обусловлено весьма почтеннымъ стремленіемъ оградить городскія управленія или городское населеніе. За то, наоборотъ, извѣстны случаи созыва управами, или по собственной иниціативѣ, или по прямому распоряженію администраціи, чрезвычайныхъ собраній для разрѣшенія вопросовъ совсѣмъ не чрезвычайныхъ, при чемъ, благодаря случайному составу собраній, въ виду неожиданности созыва, достигались такія рѣшенія ихъ, какихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы добиться при нормальномъ составѣ, въ очередномъ собраніи... Затѣмъ, какъ извѣстно, по прежнему городовому положенію только немногія изъ думскихъ постановленій нуждались въ утвержденіи ихъ правительственной властью; теперь-же въ такомъ утвержденіи нуждаются всѣ сколько-нибудь существенныя постановленія, что чрезвычайно тормозитъ дѣятельность городского управленія, по обыкновенію, особенно тяжело отзываясь на мелкомъ, маленькомъ обывателѣ-просителѣ. Но не менѣе тяжело должно было отозваться на немъ и то, что дѣйствующее городовое положеніе, въ противоположность прежнему, разсматриваетъ городское управленіе, въ отношеніи имущественныхъ сдѣлокъ и договорныхъ отношеній, какъ *казенное управленіе*, правилами котораго оно и должно руководиться. Отсюда, напр., слѣдовала подсудность даже грошовыхъ городскихъ исковъ окружному суду *), что крайне затрудняло взысканіе мелкихъ платежей и недоимокъ по городскимъ оброчнымъ статьямъ. Же-

*) До новаго закона конца 1900 года.

стоко, однако, ошибся бы тотъ, кто заключилъ-бы, что мелкіе городскіе оброкосодержатели почувствовали себя вольготнѣе, такъ какъ сдѣлалось труднѣе и хлопотливѣе взысканіе съ нихъ. Наоборотъ, именно эта усилившаяся затруднительность взысканія до крайности ухудшила положеніе мелкихъ оброкосодержателей, всѣхъ этихъ базарныхъ торговцевъ и торговокъ и т. п.; ибо во избѣжаніе хлопотливой судебной волокиты, городскія управленія волей-неволей пришли къ необходимости измѣнить систему сдачи оброчныхъ статей; одни требуютъ теперь всю условленную оброчную плату за весь арендный срокъ впередъ, другія совсѣмъ отказались имѣть дѣло съ мелкими оброкосодержателями, предпочитая имъ крупныхъ, представляющихъ большія гарантіи въ отношеніи исправнаго поступленія платежей.

Словомъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мелкія городскія оброчныя статьи сдѣлались наименѣе доступными тѣмъ именно мелкимъ торговцамъ и промышленникамъ, которымъ онѣ прежде всего нужны. Это значитъ, что соотвѣтственное системѣ опеки и попечительства превращеніе городского управленія въ казенное управленіе особенно больно отозвалось именно на мелкомъ обывателѣ, на маленькомъ третье-разрядномъ человѣчкѣ... Что касается, затѣмъ, перемѣны во взаимномъ положеніи органовъ городского управленія, то необходимо вспомнить, что по городовому положенію 1870 года городская дума была дѣйствительно распорядительнымъ, надзирающимъ и контролирующимъ органомъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи такое сильное средство, какъ право преданія суду строптивыхъ или нерадивыхъ исполнителей. Въ свою очередь, городская управа была тогда дѣйствительно подчиненнымъ исполнительнымъ органомъ думы, обладавшимъ такой долей самостоятельности, какая существенно необходима для всякаго раціонально организованнаго исполнительнаго органа. Совсѣмъ не то въ настоящее время. *Номинально* дума и теперь— распорядительный, надзирающій и контролирующій органъ, но только номинально. Интересы „твердой власти“ и цѣли опеки требовали установленія возможности для администраціи прямого и непосредственнаго воздѣйствія на муниципальное дѣло не столько въ стадіи распорядительной, сколько и главнѣйшимъ образомъ въ стадіи исполнительной. Необходимо было поэтому перенести центръ тяжести городского управленія изъ органа распорядительнаго въ органъ исполнительный, изъ думы въ управу, поставивъ послѣднюю въ соотвѣтствующія отношенія къ администраціи. Согласно ст. 95 дѣйствующаго положенія „на управу возлагается непосредственное завѣдываніе дѣлами городского управленія по правиламъ сего положенія, а *также* согласно постановленіямъ думы“. На первый взглядъ эта редакція не особенно рѣзко отличается отъ соотвѣтственной статьи 72 прежняго гор. полож., но не трудно убѣдиться, что современная городская

управа является уже далеко не тѣмъ исполнительнымъ органомъ думы, какимъ почти исключительно была прежняя управа. Достаточно того, что самое главное и основное, именно все выборное дѣло вѣдается въ настоящее время городскою управою совершенно независимо отъ думы, безъ ея вѣдома и контроля. Городская дума можетъ только составить *предположенія* о раздѣленіи города на избирательные участки; затѣмъ, составленіе и исправленіе избирательныхъ списковъ, разсмотрѣніе жалобъ на неправильное ихъ составленіе, опредѣленіе порядка опубликованія ихъ, назначеніе времени для производства выборовъ и т. д.— все это предоставлено теперь исключительно городской управѣ, дѣйствія которой въ данномъ случаѣ контролируются и санкціонируются не думою, а губернскою администраціей. Даже въ кругѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ думѣ, современная городская управа имѣетъ возможность дѣйствовать и распоряжаться помимо ея воли и согласія. Эта (подрывающая въ корнѣ значеніе думы) возможность открывается статьею 89 гор. полож., допускающей въ случаѣ несостоявшихся думскихъ засѣданій исполненіе предположеній и докладовъ управы непосредственно съ разрѣшенія администраціи, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и принятія ихъ думою, слѣдовательно, не только безъ ея вѣдома, но даже, быть можетъ, вопреки ея волѣ. Наконецъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда управа должна дѣйствовать „*также* согласно постановленіямъ думы", надлежащее исполненіе этихъ постановленій ничѣмъ серьезно не гарантировано. Прежде всего воля думы въ настоящее время для управы не законъ уже потому, что думскія постановленія сами нуждаются въ одобреніи и утвержденіи администраціи, а получивъ ея санкцію, становятся уже для управы волею администраціи, а не думы. Затѣмъ у думы нѣтъ самаго главнаго, что единственно могло бы обезпечить дѣйствительность той распорядительной, надзирающей и контролирующей власти, которая формально и нынѣ ей предоставлена,—именно: нѣтъ права преданія суду строптивыхъ или нерадивыхъ исполнителей. Современная управа, какъ извѣстно, состоитъ изъ лицъ, числящихся на государственной службѣ, и такимъ образомъ по существу представляетъ собою ничто иное, какъ коллегію выборныхъ чиновниковъ; и странно было-бы, конечно, если бы преданіе суду чиновниковъ зависѣло отъ такого нечиновнаго *частнаго* собранія, какимъ является дума. Послѣдней, поэтому, предоставлено только право „возбужденія дѣлъ объ отвѣтственности", т. е. право ходатайствовать о преданіи суду, но это—jus nudum, осуществить которое дума, какъ это уже показалъ опытъ, часто при всемъ своемъ желаніи не имѣетъ фактической возможности. Съ другой стороны, такъ какъ дѣло идетъ о городскихъ *чиновникахъ*, то въ рукахъ губернской администраціи естественно оказалось право не только преданія ихъ суду, но и наложенія на

нихъ взысканій въ порядкѣ дисциплинарномъ,—въ порядкѣ, котораго совершенно не знало прежнее городское положеніе, не допускавшее для должностныхъ лицъ городского общественнаго управленія иной отвѣтственности, кромѣ судебной. И были уже неоднократные случаи, наглядно показавшіе, что современный личный составъ городскихъ управъ не гарантированъ отъ дисциплинарныхъ взысканій, часто именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ въ своихъ дѣйствіяхъ добросовѣстно выполняетъ предначертанія думы, точно слѣдуя ея указаніямъ въ строгомъ согласіи съ городскими интересами... Словомъ, девятилѣтній опытъ въ достаточной мѣрѣ уяснилъ управцамъ, что имъ во всѣхъ смыслахъ удобнѣе и выгоднѣе быть противъ городской думы, чѣмъ за нее... Страхъ невыбора мало можетъ помочь дѣлу, такъ какъ онъ компенсируется гораздо болѣе основательнымъ страхомъ *неутвержденія*, благодаря чему часто приходится выбирать въ управу лицъ, думѣ совершенно нежелательныхъ, но единственно имѣющихъ шансы быть утвержденными...

V.

Личный составъ и компетенція.

Изъ всего сказаннаго, очевидно, слѣдуетъ, что при оцѣнкѣ современнаго городского общественнаго управленія должно строго различать и особо считаться съ двумя моментами: 1) съ даннымъ личнымъ его составомъ и 2) съ данной его компетенціей, понимая подъ ней кругъ вѣдомства, предѣлы власти и обусловленный ими порядокъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что это моменты, съ которыми приходится считаться во всякомъ учрежденіи, но въ томъ и курьезная, и печальная сторона переживаемаго момента, что приходится настойчиво повторять трюизмы, какъ нѣчто новое, усиленно разъяснять то, что, казалось бы, очевидно и само собою разумѣется,—особенно, когда дѣло заходитъ о городскомъ управленіи. Съ поразительной рельефностью обнаружилось это въ толкахъ печати по поводу поставленнаго на очередь вопроса о городской реформѣ. Въ этихъ толкахъ почти все было сведено къ личному составу, объ условіяхъ же и порядкѣ его дѣйствій какъ будто было совершенно забыто. Естественно, что уже въ силу этого первому придано совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительности значеніе. Тѣмъ обязательнѣе установить, каково истинное значеніе личнаго состава въ дѣйствующей муниципальной системѣ, точно опредѣливъ предѣлы и характеръ его вліянія на ходъ и направленіе нашей муниципальной жизни.

Ни отъ кого нельзя требовать больше того, что онъ можетъ дать, и справедливость требуетъ признать, что современные муниципалы даютъ именно столько, сколько могутъ дать. Мы знаемъ,

что нынѣшніе гласные принадлежатъ къ наиболѣе состоятельнымъ классамъ населенія. Мы приводили уже въ „Русскомъ Богатствѣ“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ свидѣтельствующія объ этомъ данныя относительно Москвы, Ростова на-Дону и Нахичевани на-Дону; о томъ же свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи новѣйшія данныя о результатахъ послѣднихъ выборовъ (1901 г.) въ Одессѣ, Севастополѣ и Костромѣ. Вездѣ крупнѣйшіе домовладѣльцы получили въ думахъ въ нѣсколько разъ (въ Одессѣ даже въ 10 разъ) больше мѣстъ, чѣмъ они вправѣ были разсчитывать по своей численности сравнительно съ болѣе мелкими избирателями. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что современные муниципалы, творя волю пославшихъ ихъ избирателей, главнымъ образомъ направляютъ свои усилія и прилагаютъ свои заботы, во всемъ, въ чемъ это представляется возможнымъ, во имя интересовъ состоятельнѣйшихъ классовъ населенія. Правда, они дѣлаютъ это пока еще далеко не съ той настойчивостью и послѣдовательностью, съ какой дѣлали бы, если бы располагали болѣе высокимъ интеллектуальнымъ уровнемъ и болѣе яснымъ классовымъ сознаніемъ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно находится еще въ зародышевомъ состояніи и, пожалуй, пока правильнѣе было бы говорить не о классовомъ сознаніи большинства нашихъ городскихъ дѣятелей, а только о классовомъ инстинктѣ *). При такихъ условіяхъ, если можно и должно требовать отъ городскихъ управленій, чтобы они удѣляли большую долю своего вниманія также интересамъ и нуждамъ массы городского населенія, всетаки было бы наивно ожидать, что требованіе будетъ исполнено, что многіе изъ гласныхъ откажутся, во имя какого-то отвлеченнаго общественнаго блага, отъ своихъ классовыхъ выгодъ, не говоря уже о выгодахъ личныхъ, разъ достиженію таковыхъ наличными условіями открытъ широкій просторъ **). Было бы психологически невѣроятно допустить, что многіе гласные по собственному почину и доброй волѣ откажутся отъ принципа— своя рубашка ближе къ тѣлу. Безспорно, это принципъ антиобщественный, но пока *учрежденія* не представляютъ собою мертвыхъ, механически дѣйствующихъ автоматовъ, а состоятъ изъ живыхъ людей со всѣми ихъ слабостями и недостатками, до тѣхъ поръ проявленіе этого принципа неизбѣжно будетъ имѣть мѣсто по стольку, по скольку это допускаютъ строй и организація

*) Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что у насъ часто и вполнѣ ошибочно насчетъ классовой политики городскихъ управленій ставятся такія явленія, которыя въ дѣйствительности вызываются естественнымъ ходомъ развитія городского хозяйства: таково, напр., постепенное распространеніе нѣкоторыхъ условій внѣшняго благоустройства отъ городского центра къ периферіи и т. п.

**) Достаточно указать, что по дѣйствующему городовому положенію гласный не можетъ быть устраненъ отъ участія въ голосованіи по дѣлу, въ которомъ самъ же является просителемъ и вообще матеріально заинтересованъ.

учрежденій. Затѣмъ, если допустить даже, что современные муниципалы—что въ дѣйствительности совсѣмъ не рѣдкость,—сумѣли бы отрѣшиться отъ тѣхъ своихъ своекорыстныхъ классовыхъ стремленій, которыхъ такъ боялись составители прежняго городового положенія, и пожелали бы послужить на пользу общую, то какъ они умудрились бы это сдѣлать? Какъ сытый не разумѣетъ голоднаго, точно также и представители состоятельныхъ классовъ едва ли въ состояніи должнымъ образомъ уразумѣть чуждыя и подъ часъ прямо недоступныя ихъ пониманію нужды массы населенія. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могу я заботиться о томъ, что мнѣ чуждо и непонятно? Какъ могу я узнать, что болитъ у этого человѣка, когда онъ не можетъ мнѣ сказать объ этомъ, потому что *лишенъ голоса?* И мы знаемъ уже, что законодатель предвидѣлъ это и заранѣе считался съ неудобствами даннаго состава; мы знаемъ, что онъ не только не возлагалъ на этотъ составъ особенныхъ надеждъ въ смыслѣ положительной дѣятельности на пользу населенія, но, наоборотъ, предвидѣлъ возможность дѣятельности прямо вредной для населенія, оберегать которое онъ и возложилъ на обязанность администраціи. Вотъ почему, если въ дѣятельности современныхъ муниципалитетовъ наблюдается нерѣдко почти полное игнорированіе интересовъ и нуждъ большинства городского населенія, а довольно часто даже кое-что прямо вредное этимъ интересамъ, то на данный личный муниципальный составъ должна падать только *часть* отвѣтственности за это, и при томъ часть далеко не бо́льшая...

Уже изъ только что сказаннаго явствуетъ, въ какой мѣрѣ болѣе значительная доля вниманія при оцѣнкѣ современнаго городского управленія должна быть удѣлена второму моменту—компетенціи городского управленія и установленному въ органической связи съ нею порядку его дѣйствій. Не нужно упускать изъ виду, какъ мы это указывали уже выше, что самый данный муниципальный составъ, или вѣрнѣе, создавшая его избирательная система явилась слѣдствіемъ данной его компетенціи, слѣдствіемъ того круга вѣдомства и тѣхъ предѣловъ власти, какія предрѣшено было предоставить городскому управленію. Не менѣе очевиднымъ сдѣлается преимущественное значеніе второго момента въ томъ случаѣ, если мы сообразимъ, что какой бы ни былъ муниципальный составъ, какими бы широкими планами ни задавался онъ, къ какимъ бы благимъ цѣлямъ онъ ни стремился,—изъ всѣхъ его стремленій и усилій ничего не выйдетъ, разъ тому не благопріятствуетъ его компетенція, разъ условія и порядокъ дѣйствій ставятъ ему непреодолимыя препоны. Неблагопріятное, отрицательное вліяніе этого момента неизбѣжно сказалось бы даже при такомъ составѣ, въ которомъ наиболѣе полно представлено было бы все населеніе со всѣми его нуждами, болями и печалями. Тѣмъ сильнѣе, конечно, сказывается неблагопріятное вліяніе при

составѣ менѣе удовлетворительномъ. Когда самый, напр., предустановленный закономъ порядокъ дѣйствій городского управленія, обусловливаетъ чрезвычайную медлительность и тягучесть его дѣлопроизводства, то что удивительнаго, если къ предустановленной волокитѣ современные муниципалы прибавляютъ еще кое-что и отъ себя? Чаще всего эта добавочная, необязательная волокита является неизбѣжнымъ результатомъ того психологическаго закона, въ силу котораго *обязательная ежедневная практика превращается въ привычку*,—а привычка вторая натура. Къ тому же опытъ перваго же 4-лѣтія далъ нѣсколько случаевъ дисциплинарнаго взысканія за излишнюю поспѣшность и торопливость. Поэтому вполнѣ согласно съ природой человѣка, что муниципалы, обжегшись на молокѣ, начинаютъ дуть и на воду, предпочитая медленность даже тамъ, гдѣ можно было бы поторопиться... Почти то же самое приходится повторить относительно того отсутствія духа *иниціативы*, которое составляетъ едва ли не самую характерную черту современныхъ муниципалитетовъ. *Какая, въ самомъ дѣлѣ, иниціатива можетъ быть у подъопечнаго*? Развитіе духа иниціативы обязательно предполагаетъ извѣстный просторъ самодѣятельности. Но ему нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ атмосферѣ опеки и регламентаціи. Необходимость и являющаяся отсюда привычка дѣйствовать по опредѣленному шаблону и по указкѣ исключаютъ всякую возможность проявленія муниципалами самостоятельности и оригинальности. Да и зачѣмъ я стану тратить силы, зачѣмъ буду стараться и „выдумывать", если, во-первыхъ, никто отъ меня никакихъ выдумокъ не требуетъ, во-вторыхъ,—если я не знаю, какая судьба постигнетъ мою изобрѣтательность, получатъ ли ея продукты практическое осуществленіе или же отъ нихъ останется одно пустое мѣсто, буде въ силу ст. 81 гор. полож. они будутъ признаны „*несостоявшимися*"? Зачѣмъ станутъ гласные проявлять иниціативу въ дѣлѣ, рѣшеніе котораго въ конечномъ результатѣ отъ нихъ не зависитъ? Такая иниціатива чаще всего оказывалась бы платонической, слѣдовательно, совершенно не стоющей того, чтобы затрачивать на нее энергію и силы. Вотъ почему, если современные муниципалы проявляютъ такъ мало иниціативы, то едва-ли справедливо особенно ихъ винить за это...

Все сказанное относится къ муниципаламъ вообще, независимо отъ дѣленія ихъ на думцевъ и управцевъ. При оцѣнкѣ же въ частности дѣятельности каждой изъ этихъ группъ необходимо принять во вниманіе то, что говорилось выше о взаимномъ положеніи распорядительнаго и исполнительнаго органовъ городского управленія по дѣйствующему городовому положенію. Мы знаемъ, что въ настоящее время городскія управы въ значительной мѣрѣ эмансипированы отъ городскихъ думъ, снабжены гораздо большимъ, чѣмъ раньше, кругомъ самостоятельности, —

словомъ, что центръ тяжести городского общественнаго управленія перенесенъ изъ думы въ управу, соотвѣтственно чему должна быть перемѣщена и отвѣтственность передъ населеніемъ за то или другое направленіе муниципальныхъ дѣлъ. При томъ положеніи, въ которое поставлена управа дѣйствующимъ городовымъ положеніемъ, она является, по существу, не только исполнительнымъ, но и руководящимъ, направляющимъ органомъ городского управленія. Это значитъ, что оцѣнку дѣятельности думы, т. е. гласныхъ, правильнѣе было бы производить не по размѣрамъ и объему проявленной *ими* иниціативы, а единственно по тому, по скольку они содѣйствовали или противодѣйствовали достиженію цѣлей и задачъ, поставленныхъ *управою* городскому управленію. Содѣйствовали они благимъ ея начинаніямъ и противодѣйствовали вреднымъ—ихъ дѣло выиграно; поступали они какъ разъ наоборотъ, т. е. содѣйствовали вреднымъ и противодѣйствовали благимъ начинаніямъ управы — ихъ дѣло проиграно, приходится произнести надъ ними суровый и безпощадный приговоръ. Но въ интересахъ строгой справедливости при этомъ обязательно принять во вниманіе то въ огромной степени смягчающее вину обстоятельство, что занимая теперь, по существу, положеніе „совѣта при управѣ", дума не можетъ ей ни особенно содѣйствовать, ни особенно противодѣйствовать; у думы для этого слишкомъ мало власти, предѣлы компетенціи ея слишкомъ сужены, — de facto, даже гораздо болѣе, чѣмъ это желало бы само городовое положеніе 1892 года. Но именно эта имъ самимъ открываемая возможность идти въ ограниченіяхъ дальше его собственныхъ предначертаній и свидѣтельствуетъ о его чрезмѣрномъ несовершенствѣ... Изъ всего этого слѣдуетъ, что, когда спрашиваютъ: „куда идетъ такое-то городское управленіе?" то въ огромномъ большинствѣ случаевъ по существу это значитъ: „куда ведетъ его такая-то городская управа?" т. е., такая-то коллегія выборныхъ чиновниковъ, подчиненная администраціи, дѣйствующая подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ, а чаще всего и прямо по ея указкѣ *). Ведутъ эти чиновники городское дѣло въ томъ направленіи, въ которомъ достигается процвѣтаніе городского хозяйства, удовлетвореніе

*) Указка примѣняется, впрочемъ, не только къ управамъ, но и къ городскимъ думамъ, которыя, хотя и не угрожаемыя «дисциплинаркой», не всегда имѣютъ гражданское мужество противостать ей. Въ практикѣ нахичеванской думы намъ извѣстенъ случай, когда ей предписано было постановить, что она *ходатайствуетъ* объ увеличеніи штата полиціи, и она этому предписанію подчинилась. Это своеобразное «ходатайство», возбуждать которое дума совсѣмъ не желала, не увѣнчалось успѣхомъ только потому, что представленное въ высшую инстанцію, оно тамъ встрѣтилось съ другимъ, нѣсколько ранѣе той же думою возбужденнымъ ходатайствомъ «объ облегченіи лежащей на городѣ тяжести расходовъ на содержаніе полиціи»...

существенныхъ нуждъ и потребностей населенія,—честь имъ и слава! Ведутъ они его въ сторону противоположную,—пусть принимаютъ заслуженную хулу и порицаніе... Но первое такъ рѣдко, а второе такъ неизбѣжно и потому такъ обычно...

Мы получили рядъ критеріевъ, рядъ общихъ руководящихъ началъ для оцѣнки современныхъ муниципалитетовъ. Эти начала намъ очень и очень пригодятся, если мы воспользуемся ими и попробуемъ приложить ихъ къ фактическимъ условіямъ и конкретнымъ обстоятельствамъ того или иного городского общественнаго управленія. Не менѣе пригодятся они намъ и въ томъ случаѣ, если мы пожелаемъ критически отнестись къ тѣмъ или инымъ проектамъ городскихъ реформъ. Намъ сдѣлается сразу ясной и понятной настоящая цѣна, напр., такой реформы, которою достигается только дальнѣйшее развитіе бюрократическихъ основаній, на которыхъ построено городовое положеніе 1892 года, въ смыслѣ дальнѣйшаго суженія компетенціи, дальнѣйшаго ограниченія общественной самодѣятельности, хотя бы и при нѣкоторомъ расширеніи контингента избирателей. Мы поймемъ, наконецъ, что истинно жизненной, цѣлесообразной и плодотворной можетъ быть только такая реформа, которая будетъ возвратомъ къ чисто общественнымъ основамъ городового положенія 1870 года при условіи болѣе послѣдовательнаго ихъ развитія и болѣе широкаго ихъ приложенія...

Гр. Шрейдеръ.

Что читаетъ французская провинція?

I.

Культурное движеніе послѣдняго десятилѣтія во Франціи, выразившееся въ устройствѣ вечернихъ и воскресныхъ школъ, конферансовъ, народныхъ чтеній, народныхъ университетовъ, народныхъ театровъ, библіотекъ и пр., выдвинуло цѣлый рядъ вопросовъ, которые до того времени совершенно игнорировались французской печатью. Между прочими, былъ поднятъ и вопросъ о *народной книгѣ.*

Въ концѣ прошлаго года одинъ изъ молодыхъ французскихъ журналистовъ „новаго направленія“, культурно-интеллигентнаго („intellectuel“), Жанъ Виньо, напечаталъ въ небольшой, но рас-

пространенной среди „интеллектуальной“ публики, еженедѣльной газетѣ „Echo de la Semaine“ небольшую статью подъ названіемъ „Enquête sur la lecture“, въ которой онъ обращается къ читателямъ съ просьбой сообщить ему: что они сами читаютъ и что читаетъ населеніе — преимущественно крестьянское,—обитаемой ими мѣстности.

Отмѣтивъ въ своей статьѣ, что въ послѣдніе годы интеллигенція въ своей культурной дѣятельности руководствовалась почти исключительно запросами и уровнемъ развитія городского рабочаго, совершенно игнорируя менѣе развитую крестьянскую массу, г. Виньо продолжаетъ:

„Крестьянинъ, подымающійся съ разсвѣтомъ и работающій до истощенія силъ, имѣетъ очень мало свободнаго времени. Какъ онъ его проводитъ? Довольствуется ли онъ своей газетой? Имѣетъ ли онъ какія-нибудь книги? Стремится ли онъ пріобрѣтать ихъ? Выступаетъ множество вопросовъ, на которые очень желательно было бы имѣть отвѣтъ. Если бъ наши читатели пришли намъ на помощь, мы могли бы сдѣлать анкету, которая показала бы въ истинномъ свѣтѣ культурно образовательный уровень нашего народа“.

„Мы полагаемъ, — продолжаетъ онъ далѣе,—что наши новаторы культурники, еще не отдѣлавшіеся отъ ортодоксально-университетскихъ методовъ, въ извѣстной степени навязываютъ народу программу чтенія, совершенно не зная, насколько оно отвѣчаетъ истиннымъ нуждамъ и развитію народа. Мы увѣрены, что ихъ трудная задача значительно облегчилась бы, если бъ они могли выслушать прямыя требованія, желанія и жалобы тѣхъ, кого они хотятъ братски воспитывать и образовывать. Цѣль моей анкеты—доставить имъ эти свѣдѣнія“.

„Сообщите мнѣ,—обращается онъ къ читателямъ, — данныя, которыя могли бы рѣшить большую проблему. Напишите, рядомъ съ вашимъ именемъ, профессіей, городомъ или департаментомъ, гдѣ вы живете,—какого рода чтеніе вы предпочитаете. Пишите мнѣ, какъ товарищу, не заботясь ни объ орѳографіи, ни о стилѣ“.

„Если я съ особенной настойчивостью прошу свѣдѣній относительно того, что читаютъ крестьяне, то это потому, что на данный вопросъ всего труднѣе получить отвѣтъ,—и для полученія его, я особенно разсчитываю на народныхъ учителей, столь преданныхъ дѣлу народнаго развитія... Не останавливаясь подробно на оцѣнкѣ значенія подобныхъ свѣдѣній, скажу только, что при ихъ помощи мы можемъ узнать, проникли ли произведенія нашихъ великихъ писателей въ народъ или остались привилегіей избраннаго меньшинства, привилегіей одного класса; мы можемъ узнать какъ и въ какой мѣрѣ отражается на уровнѣ развитія народнаго читателя его профессія. Наконецъ, эти свѣдѣнія могутъ намъ по-

мочь вообще оріентироваться въ настроеніи и интеллектуальномъ уровнѣ народной Франціи" („Echo de la Semaine" № 41, 1900).

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ этой же газеты, г. Виньо, повторяя читателямъ тѣ же три вопроса—профессія, мѣстопребываніе и предпочтительное чтеніе,—прибавляетъ, что желательно было бы, чтобы отвѣты были двухъ категорій: 1) *индивидуальные*, въ которыхъ читатель, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, давалъ свѣдѣнія *лично о себѣ* и 2) *коллективные*—свѣдѣнія относительно мѣстнаго населенія, если корреспондентъ, по своимъ занятіямъ, входитъ въ какое-нибудь сношеніе съ этимъ населеніемъ и имѣетъ возможность сдѣлать въ его средѣ коллективную анкету.

„Съ этой послѣдней просьбой,—заканчиваетъ авторъ,—мы обращаемся преимущественно къ учителямъ, профессорамъ, воспитателямъ, директорамъ школъ, библіотекарямъ, секретарямъ синдикальныхъ группъ и народныхъ университетовъ и проч." (Тамъ же, № 43).

Воззваніе г. Виньо не прошло незамѣченнымъ въ печати. Многія передовыя газеты—и столичныя и, провинціальныя—или цѣликомъ перепечатали его статью, или говоря о ней, выразили горячее сочувствіе „симпатичному и полезному начинанію".

Познакомившись съ г. Виньо, я съ большимъ интересомъ слѣдилъ за отвѣтами, которые онъ получалъ изъ разныхъ концовъ Франціи, и торопилъ его подѣлиться съ публикой этимъ интереснымъ матеріаломъ. Однако, г. Виньо, считая, что полученныхъ отвѣтовъ совершенно недостаточно для тѣхъ широкихъ обобщеній и задачъ, которыя онъ поставитъ своей анкетѣ, занятый еще, къ тому, другими срочными работами, отложилъ на долго обработку этого матеріала. Намѣреваясь въ скоромъ времени напечатать въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ подробную „Программу вопросовъ", совмѣстно выработанную нами по образцу программъ Н. А. Рубакина и А. С. Пругавина, г. Виньо пока любезно предоставилъ въ мое распоряженіе всѣ полученныя имъ письма—отвѣты на анкету, разрѣшивъ воспользоваться этимъ матеріаломъ для статьи на русскомъ языкѣ.

II.

Отвѣтовъ на анкету было получено всего около ста. Большинство изъ нихъ крайне лаконическіе, заключающіе всего только названіе одного или нѣсколькихъ литературныхъ отдѣловъ, имя одного или нѣсколькихъ авторовъ. Однако, рядомъ съ этими лаконическими отвѣтами, находится и нѣсколько десятковъ писемъ, въ которыхъ даются подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія не только о томъ, что читаетъ самъ корреспондентъ, но и о томъ,

что читается мѣстнымъ населеніемъ. Нѣкоторые корреспонденты сопровождаютъ эти свѣдѣнія собственными разсужденіями по вопросу о народной литературѣ, о народномъ развитіи. Въ общемъ, какъ ни малочисленны эти письма, они, при скудости свѣдѣній по этому вопросу, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на уровень развитія и литературныя требованія французской провинціи.

Письма получились съ разныхъ концовъ Франціи *) и даже изъ колоній и другихъ странъ **). За исключеніемъ нѣсколькихъ отвѣтовъ отъ парижскихъ рабочихъ и одного отвѣта изъ Марсели — всѣ отвѣты шли изъ глухой провинціи, преимущественно изъ деревень.

По своему общественному положенію корреспонденты представляютъ крайнее разнообразіе. Рядомъ съ письмами богатыхъ помѣщицъ, заводовладѣльцевъ и людей либеральныхъ профессій, находятся письма крестьянъ, батрака, чернорабочихъ и мѣщанъ. Большинство же обстоятельныхъ писемъ—между которыми находится и объемистая тетрадка — принадлежатъ, какъ и слѣдовало ожидать, учителямъ. Приведемъ подробное распредѣленіе корреспондентовъ по категоріямъ:

1) *Народные читатели*: крестьяне (24), батраки (1), рабочіе (6), чернорабочіе (14), мастеровые (15), мѣщане, приказчики, чиновники, лавочники, домохозяева (17) . . . . . 77.

2) *Культурные читатели*: учителя и учительницы (20), рантье и безъ опредѣленныхъ занятій (9 женщинъ) (19), различныхъ либеральныхъ профессій (9), студенты (2) . . . . . 50.

Распредѣленіе читателей на „народныхъ“ и „культурныхъ“ возможно дѣлать только съ большой оговоркой. Между письмами „народныхъ“ корреспондентовъ находится нѣсколько такихъ, которыя свидѣтельствуютъ не только о культурности, но и объ интеллигентности и начитанности ихъ авторовъ. Такъ, напр., „обитатель небольшой земледѣльческой общины, крестьянинъ и сынъ крестьянина“ пишетъ о себѣ: „Я всегда имѣлъ сильное влеченіе къ произведеніямъ по философіи и соціальнымъ вопросамъ. Какъ членъ комитета народныхъ библіотекъ, я слѣдилъ очень внимательно за развитіемъ потребности въ чтеніи у моихъ односельчанъ“—и затѣмъ даетъ очень вдумчивую характеристику этихъ односельчанъ. Другой корреспондентъ, батракъ, страстный любитель чтенія, отдающій предпочтеніе произведеніямъ Гюго, Мюссе и Клемансо, тоже характеризуя своихъ односельчанъ, находитъ, что „вслѣдствіе отсутствія средняго образованія, пони-

---

*) Изъ слѣдующихъ 23 департаментовъ: Aisne, Allier, Ardeche, Aube, Auxerre, Eur, Isère, Loire, Meurte-et-Moselle, Marne, Nord, Pyrenées-Orientales, Saone-et-Loire, Seine, Seine-Inferieur, Seine-et-Marne, Deux-Sevres, Somme, Tarn-et-Garonne, Var, Vienne, Vosges, Yonne.

**) Одно письмо изъ «Алжирской Сахары». Письма изъ Эльзаса, изъ Norr-Köping (Швеціи), Georgie (Соед. Штатовъ), Салоникъ (Турціи).

манію крестьянина недоступно многое изъ того, что онъ читаетъ". Еще одинъ, кузнецъ, начинаетъ свое длинное и положительно поэтическое письмо словами: „Люблю всѣхъ тѣхъ авторовъ, которые трактуютъ—въ какой бы то ни было литературной формѣ,—о вопросахъ современности, т. е. о соціальныхъ вопросахъ, и усилія которыхъ направлены главнымъ образомъ къ осуществленію соціальнаго идеала, какъ его понимаютъ тѣ, кто мечтаетъ о большемъ правосудіи, большемъ равенствѣ, большей свободѣ, большей красотѣ и, въ особенности, о болѣе истинномъ братствѣ между людьми". И заканчиваетъ онъ письмо такъ: „Б. Леандръ, кузнецъ изъ Мугонъ (Deux Sevres), который, не смотря 12—13 часовъ своего ежедневнаго труда, находитъ возможность быть au-courant и литературы, и политики".

Однако, большинство отвѣтовъ „народныхъ читателей" писаны средними крестьянами и рабочими, часто малограмотными.

Отмѣтимъ тутъ же, что въ большинствѣ подробныхъ писемъ, какъ народныхъ, такъ и культурныхъ корреспондентовъ, высказывалось большое сочувствіе къ иниціативѣ г. Виньо и горячая готовность помочь ему въ его анкетѣ. „Вашъ благородный призывъ тѣмъ болѣе заинтересовалъ меня,—пишетъ жена одного инженера,—что я ужъ много лѣтъ занимаюсь дорогими мнѣ вопросами народнаго развитія (chères questions populaires)". „Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вашу прекрасную идею, пишетъ 18 лѣтняя дѣвушка изъ Allier,—я вся охвачена энтузіазмомъ отъ этого величественнаго движенія, имѣющаго цѣлью сблизить интеллигенцію съ народомъ". Другой интеллигентъ пишетъ: „Я очарованъ вашимъ проектомъ и вашей счастливой иниціативой". „Придавая большое значеніе народнымъ чтеніямъ, которыя стараюсь устраивать, гдѣ могу,—пишетъ еще одинъ,—я хотѣлъ бы принести и мою каплю меда въ вашу анкету". Подобное же отношеніе къ анкетѣ встрѣчается и въ письмахъ интеллигентныхъ крестьянъ. Одно изъ этихъ писемъ начинается словами: „Я пораженъ полезностью и высокимъ соціальнымъ значеніемъ предпринятой вами анкеты". Даже корреспондентъ изъ Америки (секретарь желѣзно-дорожной коммиссіи) тоже пишетъ: „Жду съ нетерпѣніемъ результата „Анкеты о чтеніи", которая должна интересовать всякаго, желающаго знать и понимать умственный уровень своего времени".

III.

Остановимся прежде всего на индивидуальныхъ отвѣтахъ.

Поставивъ единственный вопросъ своей анкеты въ самой общей формѣ („какое чтеніе предпочитаете вы"?), г. Виньо предоставилъ своимъ будущимъ корреспондентамъ самимъ формулировать свои отвѣты. Вслѣдствіе этого отвѣты, по своему харак-

теру, до того разнообразны, что почти не поддаются какой-нибудь классификаціи. Одни корреспонденты указываютъ тотъ или другой „отдѣлъ“ литературы или науки, часто употребляя при этомъ термины, ими самими придуманные (какъ напр., „матеріализмъ“, „XIX вѣкъ“, „филантропія“ и т. п.), другіе называютъ одного или нѣсколькихъ авторовъ, третьи ограничиваются указаніемъ количества прочитываемыхъ ими книгъ и газетъ, четвертые обозначаютъ, чего они ищутъ въ чтеніи и т. д. Въ нѣкоторыхъ письмахъ имѣются такого рода отвѣты: „Страстный любитель чтенія, я читаю все, что мнѣ попадается подъ руку“ (крестьянинъ). „Сильно люблю образовательное чтеніе“ (отставной военный). „Романы какого-бы то ни было автора“ (женщина). „Все печатное. Качество для меня не играетъ роли, было бы количество. До того увлекаюсь чтеніемъ, что не вижу и не слышу, что вокругъ происходитъ“ (женщина). Среди отвѣтовъ крестьянъ и чернорабочихъ то и дѣло попадаются лаконическія фразы: „Не имѣю времени читать“. „Ничего не читаю“ и даже... „неграмотный“.

Въ общемъ, всѣ полученные отвѣты относительно „отдѣловъ“ могутъ быть классифицированы слѣдующимъ образомъ:

	Народн. чит.	Культур. чит.
1) Романы (18), фельетоны (6), современные романы (2), критическіе ром. (1), мистическіе ром. (1), литература (3), классическія произведенія (2)	17	16
2) Исторія (12) Историческая критика (2), исторія Франціи (3), военная исторія (1)	12	6
3) Соціальные вопросы	9	3
4) Поэзія (5), сантиментальная поэзія (2), драматич. поэзія (2), соціальная п. (1), военная п. (1)	1	10
5) Соціологія	3	5
6) Философія (5), исторія философіи (1) . .	3	3
7) Естественныя науки	2	4
8) Путешествіи (6) и экспедиціи (2)	4	4
9) Педагогика	—	4
10) Психологія	—	2
11) Матеріализмъ	1	1

Кромѣ того, по одному разу упоминаются еще слѣдующіе отдѣлы;

1) *Народными читателями*: сказки, современныя новости, практическія знанія, аграрный вопросъ.

2) *Культурными читателями*: высшая мораль, юридическія науки, филантропія, исторія искусствъ, „XIX вѣкъ“, хирургія, географія, теософія, буддизмъ, доктринерскія книги объ эволюціи духа и будущемъ существованіи, казарменная жизнь.

Какъ видно по таблицѣ, отдѣлъ „Соціальные вопросы“ стоитъ

на третьмъ мѣстѣ и стоялъ бы на второмъ, если бъ мы къ нему прибавили „соціологію“ и „соціальную поэзію“. Этотъ особенный интересъ къ соціальнымъ вопросамъ опредѣленно подчеркивается во многихъ письмахъ корреспондентовъ обѣихъ категорій. Выше мы уже привели начало письма кузнеца, который „любитъ всѣхъ тѣхъ авторовъ, которые трактуютъ... о вопросахъ современности, т. е. соціальныхъ вопросахъ“, и отрывокъ изъ письма крестьянина, имѣющаго „сильное влеченіе къ произведеніямъ по философіи и соціальнымъ вопросамъ“. Въ этомъ же родѣ высказываются и нѣкоторые другіе корреспонденты изъ народа: „люблю соціальные этюды“ (маляръ), „читаю по соціальному вопросу“ (рабочій). Одинъ учитель пишетъ: „Предпочитаю всѣмъ авторамъ Викт. Гюго, особенно за большое соціальное значеніе его произведеній, и стараюсь распространять хорошія книги по соціальнымъ вопросамъ“. Другой учитель, называя своими любимыми авторами Гюго, Бальзака, Жирардена и Толстого, прибавляетъ: „и всѣ тѣ произведенія, которыя касаются прогресса, соціальныхъ реформъ, истиннаго изображенія нравовъ и метода воспитанія“. „Экономическія и соціальныя науки,—пишетъ студентъ юристъ,—области, въ которыхъ я больше всего совершенствуюсь. Вопросы этого рода никогда не оставляютъ меня индифферентнымъ. Въ нихъ, по моему, вопросъ жизни и смерти для страны“. Еще опредѣленнѣе, высказывается, какъ мы увидимъ, этотъ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ въ коллективныхъ отвѣтахъ.

Что касается „любимыхъ авторовъ“, то относительно ихъ отвѣты столь же разнообразны, какъ и относительно литературныхъ отдѣловъ. Одно только имя В. Гюго настойчиво повторяется въ большомъ числѣ писемъ (26). Изъ остальныхъ 57 авторовъ ни одинъ не упоминается болѣе 8 разъ.

	Нар. чит.	Культ. чит.		Нар. чит.	Культ. чит.
В. Гюго	14	12	Л. Толстой . . .	—	3
А. де-Мюссе . .	4	4	Клемансо	3	—
Мишле	4	3	Ростанъ	—	2
Ламартинъ . . .	4	3	Коппе	—	2
Золя	3	4	П. Маёль	—	2
Лоти	3	3	Мирбо	—	2
Додэ	2	3	Ж. Рамо	1	1
А. Франсъ . . .	2	3	Дюма-сынъ . . .	1	1
А. Дюма	3	2	Поль де-Кокъ . .	1	1
Вольтеръ	3	1	Жюль-Вернъ . .	2	—
Флоберъ	2	2	Ляфонтенъ . . .	2	—
Бальзакъ	1	3	А. Беранже . . .	2	—
Е. Сю	2	1			

По одному разу упоминаются:

1) *Народными читателями*: Мольеръ, Корнель, Руссо, Сюлли Прюдомъ, Онэ, Рони, Декавъ, бр. Маргеритъ, Куртеленъ, Ж. Мари, Деруледъ.

2) *Культурными читателями*: Достоевскій, Сенкевичъ, Андре Шенье, Леконтъ де-Лиль, Шербюлье, Жирарденъ, Тьеръ, Бурже, Бушоръ, Дегермъ, Роденбахъ, Ришпенъ, Северинъ, Мериме, Жипъ, Пайо, Фулье, Гамонъ, Алліасъ, Аданъ, Мерленъ, Ростанъ.

Нѣкоторые корреспонденты не ограничиваются простымъ наименованіемъ любимаго автора, а поясняютъ, почему онъ имъ особенно нравится. Гюго нравится учителю „за большое соціальное значеніе его произведеній". Вольтеръ и другіе философы XVIII в., основатели энциклопедіи—за то, что они „работали въ духѣ освобожденія человѣческой мысли" (безъ профессіи); Морисъ Бушоръ—за „новый, величественный и соціальный характеръ его поэзіи" (молодая дѣвушка). Другая дѣвушка, парижская работница, пишетъ: „Люблю Золя за его стремленія къ справедливости, но люблю и Сюлли (Прюдома) за спокойствіе, которое онъ вокругъ себя сѣетъ". Но особенно любопытенъ отзывъ упомянутаго выше кузнеца о Золя: „Мой любимый авторъ — Золя, написавшій три замѣчательныхъ книги: „Лурдъ", „Римъ" и „Парижъ". Въ „Лурдѣ" авторъ въ поэтическихъ страницахъ воспѣваетъ наивную вѣру человѣка, — одинокаго среди ханжей спекулянтовъ. „Римъ"—безсмертное произведеніе, въ которомъ наносится ударъ всесильной папской власти и срывается покровъ со всѣхъ низостей „генеральнаго штаба" клерикализма. „Парижъ"— это протяжный стонъ соціальной несправедливости, громкій крикъ, полный лиризма и благородства, вибрирующій дрожью энтузіазма, крикъ, въ которомъ слышится страстная надежда на лучшее будущее, которое оставитъ далеко позади себя мрачную картину человѣческаго вырожденія и стонущей бѣдности". „Изъ современныхъ романистовъ, — пишетъ онъ дальше, — я предпочитаю П. и В. Маргеритъ, Рони, Л. Декава, А. Франсъ въ его удивительныхъ „Histoires contemporaines" и, наконецъ, всѣхъ другихъ писателей этой же школы (Флобера и Гонкура), руководимыхъ духомъ соціальнаго обновленія... Изъ художественной литературы (artistique) люблю произведенія Додэ. Лоти меня волнуетъ, почти дѣлаетъ суевѣрнымъ" и т. д.

Меньше всего указано литературныхъ произведеній. Кромѣ указанныхъ въ только что приведенномъ письмѣ романовъ Золя и А. Франса, упоминаются еще „Образованіе міра" Клемансъ Ройе, „Система коллективизма", „Умирающая земля", „Преступленіе и наказаніе", „Труженики моря" Гюго, „Парижскія тайны" Е. Сю и даже „Тайны Парижа"... Гюго!

Что касается газетъ, то большинство корреспондентовъ ограничивается указаніемъ ихъ количества, иногда съ опредѣленіемъ ихъ характера и направленія. „Читаю ежедневно три газеты, — пишетъ котельный мастеръ,—читалъ бы больше, если-бъ время позволяло. Читаю еще три еженедѣльныхъ газеты, изъ которыхъ

одну, вашу литературную, одну — политическую и одну соціологическую. Кромѣ того, регулярно читаю „Популярную иллюстрированную энциклопедію“. Другой (крестьяиинъ) пишетъ: „Изъ газетъ читаю одну ежедневную, мѣстную, и двѣ еженедѣльныхъ: „Echo de la Semaine“ и „Gazette du Village“. Учитель изъ Марселя пишетъ: „Читаю двѣ ежедневныхъ газеты, двѣ еженедѣльныхъ и 5—6 книгъ въ годъ“. Другой учитель (Isère) — „Одну республиканскую газету, одну еженедѣльную, одинъ педагогическій журналъ и три періодическихъ изданія по земледѣлію“ и т. д. Пять отвѣтовъ заключаютъ одну только лаконическую фразу: „Читаю мѣстную газету“. По названіямъ упоминаются „Dépêche de Toulouse“, „Dépêche de Lile“, „Progrés de Lyon“, „Petit Parisien“ и „Aurore“.

IV.

Перейдемъ теперь къ отвѣтамъ коллективнымъ.

Выше мы упомянули, что нѣкоторые корреспонденты не ограничились отвѣтомъ на вопросъ, поставленный г. Виньо, о томъ, что читаетъ населеніе, но высказались еще и относительно самого этого населенія, давая его характеристику. При этомъ авторы нѣкоторыхъ писемъ подробно остановились на различіи между крестьяниномъ и рабочимъ въ ихъ отношеніи къ чтенію. Этотъ послѣдній вопросъ былъ возбужденъ самимъ г. Виньо въ его, частью уже приведенной нами, статьѣ, вызвавшей обстоятельный отвѣтъ со стороны другого журналиста, сотрудника той же газеты „Echo de la Semaine“. На этихъ разсужденіяхъ стоитъ остановиться нѣсколько подольше.

Цитированная нами въ началѣ статья г. Виньо начинается слѣдующимъ разсужденіемъ:

„До настоящаго времени базисомъ и мѣриломъ въ опытахъ народныхъ чтеній служили активность и умственный уровень городскихъ рабочихъ. Въ этомъ кроется ошибка. Рабочіе составляютъ лишь небольшую часть народа и то, что вѣрно въ примѣненіи къ нимъ, не примѣнимо къ той крестьянской массѣ, изъ которой и состоитъ наша Франція. Бо̀льшая часть нашего народа до сихъ поръ совершенно игнорировалась. Отвѣчаетъ ли то теоретическое и научное воспитаніе, которое мы предлагаемъ народу, нуждамъ и потребностямъ крестьянства? Все, что окружаетъ городского рабочаго — театры, газеты, частыя народныя собранія, — все это будитъ его мысль, развиваетъ его чувство. Напротивъ, медлительная и трудная земледѣльческая работа ревниво усыпляетъ ту энергію, которую она сама не поглощаетъ“.

Въ отвѣтъ на эти разсужденія появилась въ слѣдующемъ но-

мерѣ: „Echo de la Semaine“ статья Анри Беранже,—(публициста, отчасти уже знакомаго русской читающей публикѣ)—подъ названіемъ: „Что читаетъ народъ“? („Ce que lit le peuple“?)

Высказавъ свое сочувствіе иниціативѣ г. Виньо, А. Беранже возстаетъ противъ различія, которое тотъ дѣлаетъ между крестьяниномъ и рабочимъ:

„Мнѣ кажется, пишетъ онъ, что Жанъ Виньо нѣсколько преувеличилъ разницу между крестьяниномъ и рабочимъ въ культурно-интеллектуальномъ отношеніи. Разница эта существовала (да и то еще!) лѣтъ 20 тому назадъ, но теперь ея нѣтъ“. „Виньо полагаетъ, что рабочаго „все побуждаетъ мыслить“—вѣрно ли это? Считаетъ ли серьезно Виньо, что несчастный рабочій изъ Пантенъ, Крезо или Анзенъ находится относительно мышленія въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ горцы Пиренеевъ, рыбаки Бретани или хлѣбопашцы Боса? Дешевенькіе бездарные театры рабочихъ кварталовъ и политическія собранія, на которыхъ присутствующіе обыкновенно угощаютъ другъ друга тумаками и эпитетами „продажный“, „злодѣй“! — способствуютъ ли они больше развитію мысли, чѣмъ созерцаніе естественныхъ силъ природы въ ихъ столкновеніи съ человѣческими силами? Не кроется ли въ драматическомъ величіи крестьянской жизни чего-то болѣе грандіознаго, чѣмъ въ безпорядочной сутолокѣ предмѣстій? Что же касается газетъ, то Виньо долженъ знать, что крестьянинъ читаетъ и больше, и лучше, чѣмъ рабочій. Крестьянинъ смакуетъ свою газету, онъ ее перечитываетъ, онъ наслаждается чтеніемъ“.

„Кто въ послѣднее время живалъ попеременно съ крестьянами и рабочими, тотъ, полагаю, подтвердитъ, что въ умственномъ отношеніи крестьянинъ стоитъ не ниже рабочаго... Виньо не долженъ забывать, что, за небольшимъ исключеніемъ, каждая земледѣльческая коммуна имѣетъ свѣтскаго учителя или учительницу, иногда даже нѣсколькихъ, и что эти 100,000 воспитателей въ теченіе своей 25-лѣтней дѣятельности внесли много хорошаго въ народную жизнь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть прекрасную книгу Эд. Пети, его разсказъ о посѣщеніи „народныхъ университетовъ“. Тамъ показано подробно и въ примѣрахъ, что во многихъ углахъ Франціи крестьянинъ и читаетъ, и слушаетъ чтенія, что онъ читаетъ хорошо и слушаетъ еще лучше“.

„Скажу даже больше: газеты, распространенныя среди крестьянъ, почти всегда и лучше по направленію, и полнѣе по содержанію, чѣмъ такъ называемыя „рабочія газеты“. Рабочій предмѣстья часто „отхватываетъ“ свой „Intran“ (сокращенное отъ „Intransigeant“ Рошфора), стоя у кіоска продавщицы газетъ, точно такъ же, какъ онъ „опрокидываетъ“ свой стаканъ абсента, стоя у кабацкаго прилавка. И можно смѣло сказать, что „полосканіе мозга“ прозою Рошфора несравненно вреднѣе абсента бр. Перно... Крестьянинъ же большей частью читаетъ или пре-

красно составленную „Petit Parisien“ или какую-нибудь большую провинціальную газету вродѣ: „La Dépêche de Toulouse“, „Lyon Republiquain“, „Petit Meridionale“, „La Petite Gironde“, „La Dépêche de Lorient“, „Le Petlt Phare“, „Le Journal de Rouen“, „L'Echo du Nord“ и т. п., которая приноситъ ему вѣсти со всего міра на 12—24 часа раньше, чѣмъ парижскія газеты. Кто близко слѣдилъ за французской прессой, тотъ хорошо знаетъ, что въ настоящее время большія провинціальныя газеты, выходящія въ количествѣ 100,000—200,000 и больше экземпляровъ, болѣе точны, болѣе безпартійны, лучше редактируются и имѣютъ болѣе достовѣрныя и болѣе свѣжія свѣдѣнія, чѣмъ какая бы то ни было парижская газета. Тутъ даже сравненія быть не можетъ... Большая провинціальная газета, если она хорошо ведется—а таковы почти всѣ эти изданія,—представляетъ собою народный университетъ, имѣющій ежедневно аудиторію въ 500,000 слушателей. Полагаете ли вы, дорогой Виньо, что это не стоитъ такихъ газетъ, какъ „Intransigeant“, „Eclair“ и даже „Petit Sou“?

„Знаю, конечно, что существуетъ еще „Petit Journal“, который расходится въ количествѣ 945,000 экз. Но, не замѣтили ли вы, что вашъ консьержъ, ваша молочница и даже квартирный хозяинъ, въ Парижѣ, какъ и въ Руанѣ, читаютъ „Petit Journal“ столько же, сколько и фермеръ, и винодѣлъ. Между тѣмъ, какъ „Petit Parisien“, имѣющій тиражъ въ 845,000 экз. и „Dépêche“—въ 225,000 экз. являются газетами исключительно крестьянскими. И, въ сущности, вѣдь даже „Petit Journal“ не хуже, пожалуй даже лучше „рабочаго“ „Intransigeant“ и приказчичьяго „Eclair“.

„Итакъ, я полагаю: утвержденіе, что крестьяне не культурны потому, что они мало читаютъ, ошибочно и шаблонно (cliché). Они читаютъ мало, это вѣрно, но за то они читаютъ медленно, съ сильнымъ желаніемъ *пріобрѣсть* пользу отъ своего чтенія—а этого, обыкновенно, и нѣтъ у рабочаго предмѣстій, большей частью хвастливаго и тщеславнаго“.

„Значитъ ли это,—заключаетъ Беранже свою статью,—что въ деревнѣ все обстоитъ благополучно и намъ, интеллигентамъ и крестьянамъ, ничего больше не остается, какъ сложа руки поздравлять другъ друга? Кто знакомъ съ моими статьями, знаетъ, что я этого не думаю. Нѣтъ! И въ деревнѣ, и на заводѣ, въ средѣ крестьянъ, какъ и въ средѣ рабочихъ, предстоитъ еще много дѣла... Анкета Виньо, если она удастся, покажетъ намъ, что въ настоящее время читаетъ крестьянинъ и, слѣдовательно, *чего онъ не читаетъ* и что слѣдовало бы ему читать“ (Echo de la Semaine № 42, 1900).

V.

Нѣкоторые изъ корреспондентовъ г. Виньо нашли также интереснымъ остановиться на вопросѣ о различіи между крестьяниномъ и рабочимъ.

„Остановимся на разсужденіяхъ А. Беранже, — пишутъ въ своемъ обстоятельномъ письмѣ въ цѣлую тетрадь учитель и студентъ (Meurte-et-Moselle).—Чтеніе крестьянъ кажется намъ болѣе высокимъ въ качественномъ отношеніи, чѣмъ чтеніе рабочихъ. Первое болѣе серьезно и болѣе вдумчиво... Что касается идейнаго направленія и оріентированія въ чтеніи, то въ этомъ отношеніи въ нашей мѣстности не замѣчается особеннаго различія между крестьянами и рабочими. Можно только сказать, что рабочіе крупныхъ центровъ обыкновенно читаютъ главнымъ образомъ газеты. Спросъ на книги бываетъ со стороны учениковъ высшихъ классовъ и посѣтителей вечернихъ курсовъ и конферансовъ“. Какъ справедливо замѣчаетъ Беранже,—продолжаютъ они дальше,—деревенскій человѣкъ читаетъ лучше городского: онъ старается извлечь изъ своего чтенія поученіе. Горожанинъ, прочитывая свою газету торопливо, часто выноситъ изъ своего чтенія не то, что слѣдовало бы, приходитъ къ крайнимъ или страннымъ выводамъ. Напротивъ, крестьянинъ смакуетъ свою газету, внимательно читаетъ и перечитываетъ ее и, такъ сказать, пропитывается ею (il s'en impregne). Мнѣ припоминается старый садовникъ, сказавшій мнѣ однажды: „Я покупаю каждое воскресенье номеръ „L'Union Republiquaine“ и каждый день прочитываю по небольшому куску—и мнѣ достаточно чтенія на цѣлую недѣлю“. Онъ также правильно раздѣлялъ свои досуги между политической хроникой и мѣстной. „Въ моей родной деревнѣ, лежащей въ раіонѣ преимущественно земледѣльческомъ и населенной главнымъ образомъ крестьянами собственниками, лично обрабатывающими свои поля,—пишетъ изъ департам. Варъ заводскій служащій,—населеніе предпочитаетъ серьезное чтеніе по философіи, по исторіи; читаются и путешествія. Что касается романовъ, то читаются главнымъ образомъ такіе, которые имѣютъ моральную или соціальную тенденцію. Читаютъ медленно, внимательно и, если надо, перечитываютъ вторично. Книга не выпускается изъ рукъ, пока не изучается основательно.—Въ рабочей же мѣстности, откуда я сейчасъ пишу вамъ,—читаются понемногу и научныя книги, и патріотическія, но больше всего романы. Большинство читаетъ для развлеченія и безъ пользы.—Чѣмъ обусловливается эта разница между обитателями обоихъ мѣстностей? Можно полагать, слѣдующимъ: крестьянинъ собственникъ, какъ человѣкъ независимый, любитъ размышлять и стремится къ знанію. Рабочій

же, зависимый отъ хозяина, привыкаетъ подчиняться чужой мысли. Въ отношеніи нравственности деревня тоже стоитъ гораздо выше города. Въ общемъ, я во всемъ могу подтвердить мнѣніе г. Беранже по этому вопросу".

Совершенно иную характеристику деревни даетъ въ своемъ письмѣ учитель небольшой деревушки деп. Іоннь. „Какъ мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—я не ошибаюсь относительно духа (état d'esprit) той среды, въ которой живу. Нѣтъ здѣсь *ни одного* человѣка, который бы размышлялъ. Мысль этихъ людей остается пассивной; каждый придерживается тѣхъ взглядовъ, которые проводятся въ его газетѣ, которые онъ вычиталъ въ послѣдней книжкѣ. Читаютъ исключительно только для развлеченія. Въ книгѣ не должно быть и рѣчи о жгучихъ вопросахъ, о соціальной морали, о такихъ предметахъ, которые способны волновать душу. Здѣсь любятъ спокойствіе. Гдѣ-то тамъ наши братья страдаютъ, гибнуть. Ихъ, конечно, можно пожалѣть. Но дальше такой жалости никто не идетъ".

Еще рѣзче относится къ крестьянамъ другой корреспондентъ, деп. Тарнъ и Гарронь, сельскій батракъ, стоящій по своему развитію гораздо выше своей среды и, повидимому, не дешевой цѣной пріобрѣвшій это развитіе:

„Желаю успѣха вашей анкетѣ,—пишетъ онъ,—но сильно опасаюсь, что вы не достигнете тѣхъ результатовъ, на которые надѣетесь, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается нашихъ крестьянъ.—Нашъ крестьянинъ не занимается чтеніемъ, и вы вѣрно замѣтили, что тяжелый трудъ усыпляетъ его мысль. Съ другой стороны, при отсутсвіи средняго образованія (manque de classique) ему понадобилось бы слишкомъ большое усиліе мысли, чтобы понимать то, что онъ читаетъ.—Первая забота крестьянина,—это опорочить всякаго, кто думаетъ иначе, чѣмъ онъ. Насъ, читающихъ, онъ называетъ сумасшедшими, потому что чтеніе намъ ни къ чему не служитъ и въ немъ нѣтъ никакой надобности для обработки земли. А этого онъ не понимаетъ, что одно лишь чтеніе можетъ доставить истинно здоровое удовольствіе... Еще разъ повторяю, вы гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ г. Беранже. То, что онъ говоритъ о крестьянахъ, примѣнимо только къ избраннымъ, а не къ массѣ. Въ чемъ онъ правъ, это въ томъ, что онъ говоритъ о школьныхъ библіотекахъ, какъ о средствѣ распространенія чтенія въ деревнѣ: недостатокъ въ книгахъ даетъ себя чувствовать здѣсь гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было".

Кузнецъ, о которомъ мы уже говорили, поклонникъ Золя, тоже болѣе согласенъ съ Виньо, чѣмъ съ Беранже, хотя онъ и менѣе рѣзко, чѣмъ предыдущій корреспондентъ, относится къ деревнѣ:

„Деревенское населеніе,—пишетъ онъ,—получаетъ достаточное образованіе, но ему недостаетъ развитія. Вслѣдствіе этого

здравый смыслъ крестьянскаго юношества остается некультивированнымъ. Городскіе рабочіе, имѣющіе возможность посѣщать народные университеты, гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе отсутствія развитія у деревенскаго читателя, для него, этого читателя, ускользаетъ, остается неяснымъ внутренній смыслъ современнаго соціальнаго романа, которому онъ поэтому предпочитаетъ вредную литературу газетныхъ фельетоновъ".

VI.

Перейдя къ вопросу о томъ, что и какъ читаетъ народъ, корреспонденты прежде всего почти единогласно отмѣчаютъ, что „читаютъ мало", „ничего не читаютъ", „читаютъ однѣ только газеты". Но, при этомъ, всѣ указываютъ и на причины этого явленія: недостатокъ времени, дороговизна книгъ, плохая организація библіотекъ, противодѣйствіе клерикальнаго духовенства и т. д.

„Можно сказать, какъ общее правило,—пишетъ крестьянинъ изъ Браншъ, — что крестьяне нашей мѣстности читаютъ только въ продолженіе зимняго сезона. Лѣтомъ же они, поглощенные тяжелымъ трудомъ, ничего больше не читаютъ, какъ мѣстную газету... Но, вообще, крестьяне любятъ читать, и если читаютъ мало, то только потому, что, по своимъ занятіямъ, они не имѣютъ времени читать больше... Слѣдуетъ отмѣтить отрадный фактъ. Благодаря дѣятельности нашихъ народныхъ учителей, интеллектуальный уровень деревни все болѣе повышается и съ каждымъ днемъ увеличивается число членовъ нашей библіотеки".

„Читаютъ мало, — сообщаетъ сельская учительница.—Читали бы больше, если бы населеніе обучалось исключительно въ свѣтскихъ школахъ... Индифферентизмъ нашихъ горцевъ ко всему, что относится къ развитію, постепенно смѣняется стремленіемъ къ знанію. Пробужденію этого стремленія и поднятію общаго умственнаго уровня населенія, конечно, сильно способствуютъ учителя и учительницы, но дѣятельность ихъ, къ несчастію, мало успѣшна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ школы находятся въ рукахъ духовенства. Кюре, чтобы замаскировать негодность своихъ школъ, поддерживаютъ въ населеніи индифферентизмъ къ образованію и развитію, проповѣдуя, что все, чему учатъ въ школахъ и о чемъ пишутъ въ книгахъ—„ça n'est *rien*", при чемъ слово „rien" въ ихъ устахъ имѣетъ болѣе чѣмъ категорическое значеніе,—и что 12-ти лѣтній мальчикъ, знающій свой катехизисъ, можетъ отвѣтить болѣе разсудительно, чѣмъ величайшій философъ".

„Первое, что можно констатировать,—пишетъ интеллигентный человѣкъ „безъ профессіи", изъ деп. Объ,—это, что крестьянинъ читаетъ мало, совсѣмъ не читаетъ. На 650 выдачъ изъ школьной библіотеки за 1900 г. не было и 10-ти выдачъ крестьянамъ

И это не смотря на то, что въ зимнее время крестьяне свободны. Но имъ достаточно ихъ газетъ. Крестьянина приходится упрашивать, чтобъ онъ читалъ. Зависитъ это, вѣроятно, и отъ физическихъ условій: характеръ здѣшнихъ крестьянъ (говорю это шопотомъ) такой же неблагодарный, какъ неблагодарна и известковая почва, которую они обрабатываютъ. Близко отсюда, въ затерянной деревушкѣ съ населеніемъ въ 230 человѣкъ, библіотека имѣла въ теченіе года 800 выдачъ. Деревушка эта лежитъ въ прекрасной долинѣ.—То, что я сказалъ о крестьянахъ, въ извѣстной степени примѣнимо и къ рабочимъ. Они тоже читаютъ мало, но потому, что не имѣютъ возможности читать. Хозяева небольшихъ ткацкихъ мастерскихъ просили меня не выдавать книгъ изъ библіотеки молодымъ рабочимъ, такъ какъ тѣ читаютъ во время работы и отъ этого происходитъ порча и машинъ, и трико. Самыми усердными читателями являются воспитанники пріютовъ, которыхъ много въ нашей мѣстности".

„Въ высокихъ мѣстахъ Тура и Божоле,—пишутъ студентъ и учитель, — населеніе читаетъ мало: по своей отсталости оно не понимаетъ пользы чтенія. Но чѣмъ ближе мы подходимъ къ равнинамъ, чѣмъ ниже живетъ населеніе, тѣмъ оно читаетъ и больше, и лучше... Главными читателями обыкновенно бываютъ ученики послѣднихъ классовъ и отчасти посѣтители вечернихъ курсовъ, если они находятъ время для чтенія. Взрослый же крестьянинъ уже ничего не читаетъ. Вѣчно согбенный къ землѣ, которую онъ обрабатываетъ, или всецѣло поглощенный своимъ мастерствомъ, онъ въ рабочіе дни не находитъ времени для чтенія, а въ воскресные дни предпочитаетъ кабакъ кабинету для чтенія".

„Большая часть крестьянъ,—пишетъ учитель изъ деп. Изеръ,—или ничего не читаетъ, или читаетъ очень мало вслѣдствіе того, что не имѣетъ никакихъ книгъ для чтенія".

„Помимо газетъ и юмористическихъ листковъ, читаютъ мало,—пишетъ другой учитель изъ Марсели.—Книги дороги, а хорошіе иллюстрированные журналы и того дороже".

„Трудно указать въ точности, что читаетъ населеніе нашихъ мѣстъ,—пишетъ рабочій, маляръ (деп. Сены и Марны).—Можно сказать лишь одно: въ нашей мѣстности читаютъ немного".

„По анкетѣ, сдѣланной среди нашихъ рабочихъ десятниками,—пишетъ жена инженера (Энь)—рабочіе читаютъ мало книгъ" *).

---

*) По отзывамъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ «читаютъ мало» не только крестьяне, но и народные учителя. «Что касается сельскихъ учителей,—пишетъ одинъ инспекторъ начальныхъ школъ (Шербургъ), то лишь меньшинство изъ нихъ читаетъ что-либо помимо своей газеты. Причины этого—недостатокъ времени, недостатокъ книгъ (О, наши школьныя библіотеки съ ихъ мудрыми книгами о земледѣліи, гигіенѣ и индустріальномъ искусствѣ, которыхъ никто не раскрываетъ!) и иногда еще, увы! недостатокъ интеллектуальной любознательности». Подтверждаютъ это и сами учителя въ своихъ

Какъ мы видѣли, почти всѣ корреспонденты, даже пессимистически-настроенные относительно народнаго чтенія, констатируютъ, однако, что крестьяне читаютъ газеты. Въ нѣкоторыхъ письмахъ говорится глухо: „читаютъ газеты", „ничего, кромѣ газеты, не читаютъ", „довольствуются мѣстной газетой". Въ другихъ письмахъ дается названіе газеты и указывается, какіе отдѣлы наиболѣе читаются деревенскимъ населеніемъ.

Только-что упомянутый инспекторъ начальныхъ школъ пишетъ въ своемъ коллективномъ отвѣтѣ: „Крестьяне читаютъ „Petit Journal" и „Petit Parisien", особенно первый. Интересуютъ ихъ въ этихъ газетахъ главнымъ образомъ текущія новости и фельетоны. Передовыя статьи совершенно не читаются".

„Каждое воскресенье, — пишутъ студентъ и учитель, — здѣсь расходится 30 экземляровъ „La Croix" (парижскаго и провинціальныхъ изданій), раскупаемыхъ той частью населенія, которая не поддается новымъ теченіямъ. За то, среди другой части населенія, расходится отъ 30 до 50 республиканскихъ газетъ, въ которыхъ читатели находятъ всѣ мѣстныя и политическія новости за недѣлю. Газеты эти доставляютъ населенію матеріалъ для бесѣдъ въ длинные зимніе вечера. Если газета ведется хорошо, она имѣетъ благотворное вліяніе, пріобщая медленно, но вѣрно, своихъ читателей къ республиканскимъ идеямъ. Многіе даже ежедневно покупаютъ мѣстную газету, безъ различія направленія, интересуясь главнымъ образомъ новостями, которыя они находятъ въ этихъ газетахъ на 24 часа раньше, чѣмъ въ столичныхъ".

„Въ нашей общинѣ,—пишутъ изъ Тура,—единственная газета, которая выписывается и покупается—это „Petit Journal" (10 экз.). Выписывается она главнымъ образомъ для фельетоновъ и приложеній. Въ политическомъ отношеніи вліяніе этого листка, пропитаннаго инсинуаціями и мелодраматическими эффектами, очень печальное... Въ сосѣдней общинѣ, гдѣ населеніе болѣе передовое, расходится ежедневно среди крестьянъ и мѣщанъ около 80 экз. „Progrès de Lyon", „Petit Journal" и, главнымъ образомъ, „Lyon Republiquain" (послѣдній въ колич. 50 экз.)".

Приблизительно подобныя же свѣдѣнія даются корреспондентами и изъ другихъ мѣстъ. Изъ Ардеша пишутъ:

„Что читаютъ крестьяне? Газетные фельетоны, преимущественно мѣстныхъ газетъ („Progrès", „Lyon Republiquain", Nouvelliste") и „La Croix", продаваемаго учениками конгрегацій".

„Въ нашей мѣстности (департ. Изéръ), — пишетъ учитель, — выписывается 50 экз. „Progrès" и 50 экз. „Lyon Republiquain". Это читаютъ крестьяне. Крестьянки же ничего больше не читаютъ, какъ „La Croix" и „Житія святыхъ".

письмахъ, въ которыхъ они жалуются на недостатокъ книгъ, ихъ дороговизну, недостатокъ времени, вслѣдствіе чего они «читаютъ *очень мало*».

„Крестьяне и заводскіе рабочіе, — пишетъ другой учитель (Вожъ),—читаютъ у насъ реакціонныя и націоналистическія газеты, которыя распространяются въ изобиліи и большей частью даромъ. Главныя газеты — это „Petit Journal“, „La Croix“, „Le Reveil Catholique“, „Nouvelliste“, „Volonté Nationale“ и др. Опредѣленно республиканская газета выписывается только одна. Вообще же, въ газетахъ читаются главнымъ образомъ романы нижняго этажа“...

Изъ этихъ немногихъ выдержекъ достаточно видно, что клерикальная печать—въ особенности „La Croix“—довольно распространена въ деревняхъ, и что она очень усердно и всѣми способами распространяется. Клерикальныя газеты „продаются учениками конгрегацій“, „раздаются даромъ“. Кое-гдѣ „La Croix“ и „La Semaine Religieuse“ безплатно разносятся и разсылаются по домамъ.

Въ нѣкоторыхъ письмахъ отмѣчаются и иного рода требованія народныхъ читателей. „Изъ парижскихъ газетъ, — пишетъ рабочій (деп. Сены и Марны)—„Petit Journal“ читается у насъ больше, чѣмъ „Petit Parisien“, но изъ мѣстныхъ газетъ предпочитаются соціалистическія“.

„Въ Лилѣ и Рубэ,—пишетъ дочь богатаго заводчика, — рабочіе читаютъ все больше и больше, но особеннымъ успѣхомъ пользуются у нихъ только „дурные органы печати“ и соціалистическія брошюры, проповѣдующія смуту и рознь. Большинство, впрочемъ, читаетъ (главнымъ образомъ фельетонъ) „L'Echo du Nord“, „Petit Parisien“ и «Petit Journal“. Болѣе грамотные читаютъ еще „Еженедѣльное иллюстрированное приложеніе“ этихъ газетъ (5 сантимовъ). Но книги мало кто читаетъ... То же самое можно сказать и о рабочихъ изъ Энь и Соммъ. И тамъ рабочіе довольствуются чтеніемъ фельетона и „разныхъ разностей“ въ „Petit Parisien“ и „Petit Iournal“. Кое-кто покупаетъ „Lanterne“, „Eclair“, „Intransigeant“, но они составляютъ исключеніе. Свое свободное время рабочіе проводятъ въ кофейняхъ, разсуждая о соціалистическихъ брошюрахъ, которыя они плохо понимаютъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ вожаковъ, болѣе развитыхъ и поэтому болѣе дерзкихъ, рабочіе по натурѣ совсѣмъ не злы“...

Самымъ любимымъ чтеніемъ крестьянъ, послѣ газетъ, являются, по свидѣтельству корреспондентовъ, альманахи. „Альманахи, попадая въ руки крестьянъ,—пишетъ учитель изъ Ори, — читаются и перечитываются съ такимъ же усердіемъ, какъ и политическія газеты“. „Каждую осень,—сообщаетъ и инспекторъ начальныхъ школъ, — крестьяне съ нетерпѣніемъ ожидаютъ своей обычной духовной пищи, альманаховъ, которые покупаются по нѣскольку экземпляровъ, читаются, перечитываются и тщательно сохраняются“. „Изъ книгъ читаются только альманахи“ (учитель, Вожъ).

Меньше всего свѣдѣній находится въ письмахъ относительно того, какія книги всетаки встрѣчаются у крестьянъ, какія наиболѣе требуются въ библіотекахъ. Одинъ только библіотекарь „Ligue Française de l'Enseignement“ изъ Байэнзенъ прислалъ таблицу выдачъ за 1900 г. (по авторамъ) *). Приведемъ, однако, тѣ немногія свѣдѣнія, которыя на этотъ счетъ имѣются въ письмахъ. Въ письмѣ учителя изъ Эльзаса говорится, что „крестьяне любятъ читать Эркмана-Шатріана и Диккенса“. Изъ Браншъ крестьянинъ пишетъ, что „книги по исторіи очень мало читаются. Сочиненія по философіи, соціальной экономіи и политикѣ по своей абстрактной формѣ совершенно недоступны для крестьянъ. Спрашиваются романы Гюго, а того чаще романы съ приключеніями (Ал. Дюма), путешествіи и экспедиціи (exploration). Мѣстная библіотека недавно получила сочиненія Додэ, Терье, Тони Ревильона, Ж. Верна, Кларети, П. Лоти и др., и читатели очень довольны этими книгами. Сочиненія по земледѣлію, на которыя, казалось, долженъ бы быть спросъ, читаются очень мало, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ большинствѣ этихъ книжекъ предметъ трактуется слишкомъ научно и въ формѣ мало понятной для крестьянъ. Зимою учитель читаетъ еженедѣльно публичную лекцію по исторіи, по колоніальному вопросу или по какому-нибудь научному вопросу. Лекціи эти посѣщаются съ большимъ интересомъ“.

„Какое чтеніе предпочитается населеніемъ нашей мѣстности?— спрашиваетъ корреспондентъ изъ деп. Объ и отвѣчаетъ: романы съ приключеніями, вымышленные или истинные разсказы о военныхъ экспедиціяхъ и вообще книжки по колоніальному вопросу. Изъ конферансовъ, которые мы дѣлали, больше всего нравились тѣ, которые были на только-что указанныя темы. Нашъ шампанскій крестьянинъ очень практиченъ, немного рутинеръ. Его приводятъ въ восторгъ наши Аргонавты, а самъ онъ не рѣшится поѣхать въ другую коммуну сватать себѣ невѣсту.—Больше всего крестьянинъ интересовался бы разсказами изъ исторіи. Онъ съ увлеченіемъ слушаетъ разсказы изъ исторіи великой революціи... Ему нравятся Тьеръ, Кинэ, Минье. О, если бы Мишле былъ болѣе распространенъ въ деревняхъ! Меньше всего его интересуетъ исторія послѣдняго полстолѣтія. Его увлекаетъ „искусство пережитаго“, которое онъ понимаетъ по своему... Въ этомъ отношеніи предстоитъ еще много дѣла“!

„Крестьяне любятъ путешествіи и книги по исторіи и по философіи. Изъ романовъ предпочитаются такіе, въ которыхъ вы-

*) Таблица слѣдующая:

А. Дюма . . .	326	Г. Эмаръ . .	220	Мишле . . .	85
Ж. Вернъ . .	245	В. Гюго . . .	130	Науки и искусства	120
А. Додэ . . .	230	Е. Сю	100	Разныя . . .	444

сказывается какая-нибудь моральная или соціальная тенденція“ (заводскій рабочій).

„Крестьянинъ, мелкій собственникъ и фермеръ, интересуются сочиненіями по аграрному вопросу, по техническимъ знаніямъ и современными новостями“ (учитель, Ардешъ).

„Рабочимъ больше всего нравятся романы, бьющіе на сантиментальность. Совершенно не любятъ стихотвореній и только поэзія В. Гюго еще что-нибудь говоритъ имъ. Падки они на шутки и легкія пѣсенки... и покупаютъ, а чаще берутъ у товарища соціалистическія брошюрки“ (жена инженера, Норъ).

VII.

Какъ ни отрывочны и малочисленны свѣдѣнія о народномъ чтеніи, находящіяся въ письмахъ, они, однако, даютъ нѣкоторое представленіе о состояніи этого вопроса во Франціи. Крестьяне читаютъ газеты, ежедневныя и еженедѣльныя, мѣстныя и парижскія, республиканскія и клерикальныя, но книгъ они, по утвержденію всѣхъ корреспондентовъ, *не читаютъ*. Деревни, правда, имѣютъ свою интеллигенцію, людей болѣе или менѣе начитанныхъ, но они, какъ бы то ни было, составляютъ исключеніе. Главная же крестьянская масса стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ всего литературнаго движенія и произведенія великихъ писателей ей немногимъ болѣе знакомы теперь, чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ, когда лубочная литература, теперь исчезнувшая, была въ полномъ расцвѣтѣ и когда народныхъ и школьныхъ библіотекъ почти еще не было.

Народныхъ библіотекъ—школьныхъ, коммунальныхъ, образовательныхъ обществъ, свѣтскихъ и духовныхъ,—существуетъ теперь во Франціи, если не ошибаемся, около 40,000, но онѣ, повидимому, далеко неудовлетворительно поставлены и не соотвѣтствуютъ требованіямъ читателей. Жалобы этого рода высказываются во многихъ письмахъ корреспондентовъ г. Виньо.

„Коммунальныя (министерскія) библіотеки,—пишетъ учитель (Изеръ)—состоятъ преимущественно изъ негодныхъ, оставшихся непроданными, изданій разныхъ фирмъ и изъ книжекъ по земледѣлію, которыя и недоступны, и негодны для простого крестьянина, не имѣющаго средствъ для веденія научнаго хозяйства“. Такой же точно отзывъ, какъ мы видѣли, даетъ и инспекторъ народныхъ школъ о школьныхъ библіотекахъ „съ ихъ мудрыми книгами о гигіенѣ, земледѣліи и индустріальномъ искусствѣ, которыхъ никто не раскрываетъ“. Это же констатируютъ и другіе. Нѣкоторые корреспонденты указываютъ на полезность и необходимость устройства передвижныхъ библіотекъ. Учитель изъ Ориньи-ле-секъ пишетъ: „У насъ имѣется серія видовъ для ту-

манныхъ картинъ, которая переходитъ изъ одной коммуны въ другую (безплатно). Почему бы министерству не устроить и передвижныхъ библіотекъ, въ которыхъ выдача и разноска книгъ была бы тоже безплатной"?

„Вопросъ о народныхъ библіотекахъ,—пишутъ студентъ и учитель,—тѣсно связанъ съ школьнымъ дѣломъ, вечерними курсами, публичными чтеніями и т. п., столь распространенными въ настоящее время въ деревняхъ. Публичныя чтенія болѣе посѣщались бы и приносили бы больше пользы, если бъ народъ болѣе читалъ самостоятельно; тоже можно сказать и относительно курсовъ и конферансовъ. Но для этого народныя библіотеки должны быть хорошо обставлены и организованы, для чего потребуется не мало труда... Прежде всего библіотеки должны быть значительно пополнены. Въ нашей коммунѣ, напримѣръ, имѣется при женской школѣ только зародышъ библіотеки. Въ библіотекѣ при мужской школѣ имѣются, кромѣ классиковъ, около 120 томовъ. Но въ какомъ состояніи находится эта библіотека! Тѣ книги, которыя читаются, до того растерзаны, что ихъ нельзя и выдавать... А остальныя, слишкомъ спеціальныя или устарѣлыя въ научномъ отношеніи, совершенно неподходящи для деревенскихъ читателей. Въ сосѣдней общинѣ библіотека еще бѣднѣе, и если тамъ населеніе больше читаетъ, то потому, что учитель имѣетъ собственную недурную библіетечку. Въ небольшихъ коммунахъ библіотеки не имѣютъ средствъ для выписки новыхъ книгъ. Небольшая ассигновка генеральныхъ совѣтовъ на этотъ предметъ, распредѣляемая между большимъ числомъ коммунъ, совершенно недостаточна для удовлетворенія всѣхъ нуждъ библіотекъ. Сами же общины не настолько богаты, чтобы ассигновать какія-нибудь суммы на этотъ предметъ. Тѣмъ болѣе, что покупка книгъ для „школьныхъ премій" (livres des prix) лежитъ исключительно на бюджетѣ общинъ. Эти книжныя преміи, пріобрѣтеніе которыхъ поглощаетъ большую часть коммунальнаго кредита, а раздача отнимаетъ цѣлый мѣсяцъ школьныхъ занятій, налагая излишнюю работу на учителей, совершенно безполезны и для учениковъ, и для занятій.—Вслѣдствіе всего этого школьныя библіотеки почти не пополняются—и читатель быстро исчерпываетъ весь матеріалъ для чтенія. Въ виду этого слѣдовало бы организовать передвижныя библіотеки, планъ устройства которыхъ достаточно выработанъ въ послѣднее время..."

Изложивъ болѣе или менѣе подробно этотъ планъ устройства передвижныхъ библіотекъ, авторы заканчиваютъ свое письмо: „Но одна организація передвижныхъ библіотекъ еще ничего не измѣнитъ и не принесетъ существенной пользы, пока не измѣнится *составъ* библіотекъ, который долженъ отвѣчать нуждамъ и запросамъ народныхъ читателей" *).

---

*) Въ своемъ послѣднемъ годовомъ отчетѣ о состояніи внѣшкольнаго

VIII.

Каковы же эти нужды и запросы? Иначе говоря, какая книга нужна и доступна для народнаго читателя? Вопросъ этотъ, до сихъ поръ совершенно игнорировавшійся французской печатью, былъ возбужденъ только въ самое послѣднее время, тоже въ формѣ анкеты (мы познакомимъ съ нею читателей въ особой статьѣ), и о немъ высказались и компетентные дѣятели по народному образованію, и нѣкоторые выдающіеся писатели. Остановились на этомъ вопросѣ и нѣкоторые корреспонденты г. Виньо.

Учитель и студентъ, изъ письма которыхъ только что была приведена выдержка, считаютъ, что для народа всего нужнѣе историческія книги съ хорошимъ выборомъ, „которыя должны содѣйствовать интеллектуальному развитію, моральному совершенствованію и строгой выработкѣ политическихъ убѣжденій". „Книга, пишутъ они, должна продолжать дѣло курсовъ, гдѣ любимый и пользующійся довѣріемъ учитель обращается къ будущимъ гражданамъ, будущимъ избирателямъ, помогая имъ вырабатывать свои убѣжденія, выбирать политическую партію. Историческое сочиненіе, въ которомъ авторъ даетъ вѣрное освѣщеніе фактовъ, способно лучше всего направить молодого читателя къ новому идеалу. Мы поставили бы на первое мѣсто произведенія Мишле, если бъ не опасались, что его захватывающій стиль можетъ заставить мало развитаго читателя принять безъ провѣрки, какъ неоспоримую истину, нѣкоторыя рискованныя положенія автора, продиктованныя энтузіазмомъ и партійностью борца піонера. Мы считаемъ поэтому наиболѣе подходящими для народа произведенія Тьера, Минье, Анри Мартена, Сореля, Дюрюи, Тьери, Лависса.—Затѣмъ не мѣшало бы имѣть въ народныхъ библіотекахъ нѣкоторыя путешествія, какъ чтеніе, въ которомъ пріятное соединяется съ полезнымъ. Но эти путешествія должны быть ни слишкомъ научными, ни слишкомъ сухими: они должны быть занимательны, какъ романъ. Необходимы для библіотекъ и техническія книги, учебники ремеслъ, просто и ясно составлен-

---

народнаго образованіи во Франціи г. Эд. Пети, констатируя быстрый ростъ курсовъ, конферансовъ, народныхъ чтеній, университетовъ и проч., указываетъ, что только дѣло народныхъ библіотекъ не прогрессируетъ. «Бѣдность школьныхъ библіотекъ,—которыя фактически являются и народными,—прямо жгучая. Деревенскія общины, въ большинствѣ случаевъ, не желаютъ поддерживать ихъ, а кредитъ государства недостаточенъ. Слѣдовало бы прибѣгнуть къ системѣ обмѣна, которая уже практикуется въ Энь, Кальвадосъ, Луаре, Ардень, Воклюзъ и пр. Тѣ книги, которыя прочитаны въ одной библіотекѣ, отправляются въ сосѣднюю, которая дѣлаетъ то же самое съ своими книгами, при чемъ, для избѣжанія безполезной пересылки, заранѣе сообщаются каталоги» (Journal Officiel отъ 19 авг. 1901 г.)

ные, книги по земледѣлію... Наконецъ, въ библіотекахъ должны имѣться избранные отрывки изъ произведеній великихъ писателей. Не слѣдуетъ только допускать никакихъ передѣлокъ, которыя всегда искажаютъ великія произведенія, измѣняютъ ихъ характеръ... Слѣдуетъ издавать сборники отрывковъ, объединенныхъ хорошимъ и яснымъ анализомъ, но не особенно длиннымъ, дабы не отвлечь вниманія читателя отъ главнаго сюжета".

„Рабочій, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ—пишетъ учитель изъ Беллакъ,—стремится къ развитію, но ему слѣдуетъ давать прежде всего съ выборомъ вполнѣ доступныя ему произведенія, *путешествія и исторіи въ формѣ романа* (напр., сочиненія Эркмана-Шатріана). Слѣдовало бы издавать дешевую народную республиканскую газету, которая могла бы *конкурировать и бороться съ „La Croix"*, и въ которой обсуждались бы соціальные и политическіе вопросы". „Полагаю, прибавляетъ онъ еще въ концѣ письма, что для того, чтобы пробудить у простого человѣка любовь къ чтенію, ему слѣдуетъ давать книжки занимательныя и въ то же время, конечно, здоровыя по направленію".

„Населеніе охотно читало бы популярно-научныя книжки, путешествія, разсказы изъ исторіи и художественныя произведенія съ объясненіями (учительница)".

„Что желалъ бы онъ (народъ) читать?—пишетъ библіотекарь (Ардешъ).—Романы, но такіе, въ которыхъ изображены не свѣтскіе герои, а люди ему близкіе, взятые отъ борозды, романы безъ полусумасшедшаго героя и безъ нервозной героини"... „Народу нужны произведенія глубоко продуманныя, сильныя, но написанныя простымъ и яснымъ языкомъ. Остальное само придетъ. Надо открыть народу горизонтъ; надо взять крестьянина у его собственнаго очага и открыть ему окно: „Гляди на тебѣ подобныхъ, будь примѣрнымъ отцомъ, будь гражданиномъ, будь... человѣкомъ"!.. Народная литература,—кто намъ ее дастъ?"

„Намъ нужны,—прибавляетъ авторъ этого письма въ P. S.—произведенія хорошо и чисто изданныя, но не дорогія, произведенія, которыя захватывали бы читателя и на которыя былъ бы со стороны народа самостоятельный спросъ. Намъ нужны сочиненія Анатоля Франса, Золя, Ришпена и др. Намъ нужна народная книга! Какая задача!"

„Народъ читалъ бы много,—пишетъ другой корреспондентъ (безъ профессіи) изъ того же департамента Ардешъ,—если бъ въ его распоряженіи было достаточно книгъ и хорошій выборъ ихъ. Это будетъ достижимо только тогда, когда книги и газеты появятся въ дешевомъ изданіи для народа... Почему политическія газеты въ одно су не печатаютъ въ своихъ фельетонахъ произведеній съ извѣстнымъ выборомъ? Почему онѣ не помѣщаютъ статей, которыя читались бы народомъ съ интересомъ и удовольствіемъ, какъ это дѣлаетъ „La Petite Gironde". Формы ежеднев-

ной газеты вполнѣ подходятъ и нравятся деревенскому читателю, который читаетъ между дѣломъ (à baton rompu) и по небольшому куску въ разъ... Въ дешевомъ изданіи для народа слѣдуетъ помѣщать интересные разсказы, избранные романы, путешествія сочиненія по земледѣлію и кое-какія популярно-научныя книжки".

„Почему,—заканчиваетъ онъ свое письмо,—молодые писатели, охваченные культурно-либеральнымъ направленіемъ, не пишутъ для народа? Почему они ему не даютъ серьезной и интересной книги?"

IX.

Единичные отголоски французской провинціи, полученные въ отвѣтъ на анкету г. Виньо, конечно, совершенно недостаточны для какихъ-нибудь обобщеній относительно уровня развитія и литературныхъ запросовъ народнаго читателя во Франціи. Единственный выводъ, который позволительно дѣлать на основаніи приведеннаго матеріала—и выводъ для насъ поучительный,—это, что во Франціи вопросъ о народной литературѣ не только не рѣшенъ, но выступаетъ въ болѣе острой формѣ, чѣмъ даже въ Россіи.

Франція имѣла свою лубочную литературу. Появившись въ XVII вѣкѣ, литература эта въ теченіе $2^1/_2$ столѣтій систематически росла и развивалась, главнымъ образомъ въ количественномъ отношеніи, и къ серединѣ минувшаго вѣка достигла небывалаго распространенія: въ серединѣ 60-хъ годовъ она расходилась болѣе чѣмъ въ десяти милліонахъ экземпляровъ ежегодно.

Съ начала 70-хъ годовъ, одновременно съ быстрымъ развитіемъ печатнаго дѣла и газетной литературы, съ распространеніемъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, начинается быстрое исчезновеніе лубочной литературы въ ея архаическихъ формахъ, съ ея архаическимъ, кольпортажнымъ способомъ распространенія. Достаточно было четверти вѣка, чтобы эта литература почти совершенно исчезла—и въ настоящее время вы рѣдко встрѣтите во французской деревнѣ разносчика - кольпортера, а еще рѣже рыцарскій романъ.

Но что пришло на смѣну этой литературѣ? Заступили ли ея мѣсто произведенія великихъ писателей, серьезныя и полезныя книги? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Такъ называемая „общая литература", съ ея геніальными произведеніями, съ ея разнообразными направленіями и теперь, какъ и 50 и сто лѣтъ тому назадъ, чужда и неизвѣстна среднему народному читателю во Франціи. Архаическая лубочная литература исчезла, но на ея мѣсто появилась другая лубочная литература, болѣе современная, но за то и болѣе пошлая и болѣе вредная и, въ общемъ, столько же бездарная и чуждая народной жизни,

какъ и старая лубочная литература. Вмѣсто альманаха,—появился безпринципный уличный листокъ, „Petit Journal"; вмѣсто рыцарскаго романа—фельетонный, бульварный романъ съ приключеніями; потѣшную повѣсть замѣнилъ quasi-юмористическій разсказъ, скабрезный и бездарный; вмѣсто „Житій святыхъ"—клерикально-воинствующій „La Croix" и т. д. Въ сущности, къ лучшему измѣнились только форма и внѣшность лубочной литературы, а содержаніе ея даже ухудшилось.

Въ исторіи лубочной литературы во Франціи очень характернымъ является то, что литература эта появилась, развивалась и трансформировалась почти безо всякаго вліянія со стороны интеллигентнаго общества. Что касается правительства, то оно въ теченіе всѣхъ трехъ столѣтій то и дѣло очень внимательно и тревожно заглядывало въ коробъ разносчика. Но высматривало оно въ этомъ коробѣ не лубочную книжку, а политическую брошюру, памфлетъ, сатиру, пѣсню, каррикатуру, т. е. ту народно-политическую литературу, которая зародилась одновременно съ лубочной и съ конца XVIII в. обратилась въ сильное орудіе политической борьбы въ рукахъ оппозиціонныхъ партій. Эту-то литературу правительства всѣхъ режимовъ систематически преслѣдовали,—но совершенно оставляли въ покоѣ лубочную литературу. Не менѣе индифферентно относилось къ ней и интеллигентное общество.

Болѣе полвѣка тому назадъ, въ 1847 г., великій французскій историкъ Мишле, приступая къ своимъ знаменитымъ лекціямъ о задачахъ и обязанностяхъ интеллигенціи по отношенію къ народу, писалъ:

„Самая сильная связь, которая можетъ существовать между людьми, *общность мысли*, не существуетъ въ нашемъ обществѣ. Никакой общей культуры, никакой общей литературы, даже никакого желанія имѣть ея. Образованные пишутъ для образованныхъ. Литераторы наши пишутъ такимъ языкомъ, что ихъ произведенія совершенно недоступны народу" *).

Возвращаясь черезъ 20 лѣтъ къ этому же вопросу, Мишле, тогда уже 73-лѣтній старикъ, писалъ: „Если послѣ моей смерти раскроютъ мое сердце, то тамъ прочтутъ преслѣдовавшую меня мысль: „какимъ образомъ наша литература сдѣлается народной?"

Прошло еще 30 лѣтъ. Франція недавно устроила грандіозное національное чествованіе памяти Мишле, но завѣтъ историка-идеалиста до сихъ поръ не осуществленъ.

Въ теченіе минувшаго столѣтія интеллигентное общество во Франціи много, настойчиво и плодотворно работало на почвѣ народнаго образованія, но очень мало вниманія удѣляло дѣлу народнаго развитія. Культурное развитіе 50-хъ—60-хъ годовъ, выразившееся главнымъ образомъ въ устройствѣ народныхъ школъ,

*) I. Michelet. «L'Etudiant» (cours de 1847—1848), стр. 31.

ограничивалось, въ области народнаго развитія, почти исключительно лишь устройствомъ народно-школьныхъ библіотекъ, для которыхъ находилось очень мало подходящихъ книгъ. Въ теченіе послѣдующихъ трехъ десятилѣтій все вниманіе, всѣ силы культурной интеллигенціи были поглощены борьбой за проведеніе закона о безплатномъ, свѣтскомъ и обязательномъ образованіи, закончившейся побѣдой только въ 1883 году. Такимъ образомъ вопросы народнаго развитія и, въ частности, вопросы народной литературы совершенно игнорировались. Немногія попытки изданія книгъ для народа не отличались особенной умѣлостью, не вызвали къ себѣ интереса и остались безуспѣшными. Съ лубочной литературой никто не думалъ серьезно бороться, не было попытокъ изучать ее, ознакомиться съ ея содержаніемъ, распространеніемъ и вліяніемъ *). Не изучались ни запросы народа на книгу, ни его уровень развитія. Вслѣдствіе этого, дѣло народной литературы (за исключеніемъ агитаціонной) оставалось всецѣло въ рукахъ дѣльцовъ-издателей, видѣвшихъ въ народной книгѣ исключительно лишь предметъ наживы. Стараясь угодить самымъ грубымъ вкусамъ и инстинктамъ читателей, лубочные издатели наводнили народный рынокъ положительно позорной литературой, вредной, грязной и бездарной.

Культурное движеніе послѣднихъ лѣтъ выдвинуло вопросъ о народной литературѣ, обратило на него вниманіе печати и общества. Объ этомъ вопросѣ заговорили. Пока еще очень мало серьезнаго было сказано о немъ, еще меньше было сдѣлано. Но хорошо, по крайней мѣрѣ, и то, что вопросъ поставленъ на очередь...

С. Ан—скій.

---

*) Единственная попытка этого рода была сдѣлана въ 1852 г. правительствомъ Наполеона III въ цѣляхъ борьбы съ политической и соціалистической народной литературой.

Новыя книги.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Томъ восьмой. СПБ. 1902.

Этимъ послѣднимъ томомъ заканчивается полное собраніе произведеній Гейне въ русскомъ переводѣ, снова предпринятое нашимъ маститымъ литературнымъ дѣятелемъ, и надо сказать, что ничѣмъ П. И. Вейнбергъ не могъ лучше и характернѣе ознаменовать пятидесятилѣтіе своего служенія русскому слову, чѣмъ этой работой. Вся его дѣятельность съ самаго начала связана съ именемъ великаго нѣмецкаго поэта. П. И. Вейнбергъ былъ первымъ редакторомъ перваго полнаго собранія сочиненій Гейне, онъ переводилъ его еще въ пятидесятыхъ годахъ, писалъ о немъ въ началѣ шестидесятыхъ, обрабатывалъ неоднократно его біографію и даже своимъ юмористическимъ псевдонимомъ „Гейне изъ Тамбова“ пожелалъ напомнить о замѣчательномъ юмористѣ. Теперь мы имѣемъ, благодаря его трудамъ, первое полное собраніе произведеній Гейне—дѣйствительно, первое, потому что тѣ изданія, которыя имѣются у насъ, не могутъ идти съ нимъ въ сравненіе. Конечно, достоинства всякаго новаго собранія лирическихъ переводовъ необходимо опредѣляются матеріаломъ уже существующимъ въ переводной литературѣ; немыслимо создавать ad hoc талантливыхъ переводчиковъ и заказывать имъ соотвѣтственныя вдохновенія. И редакторъ новаго собранія съ полнымъ правомъ жалуется на тотъ переводной матеріалъ, который ему волей неволей пришлось утилизировать для своего изданія. „Весьма значительное количество переведенныхъ и напечатанныхъ до сихъ поръ стихотвореній Гейне оказались при тщательномъ пересмотрѣ ихъ до такой степени отступающими отъ подлинника или полными такихъ грубыхъ промаховъ и ошибокъ, что пришлось часть ихъ подвергать радикальной переработкѣ, другую часть—совсѣмъ отбрасывать и переводить за-ново“. Здѣсь уже, конечно, приходилось жертвовать внѣшней точности поэтичностью—и тотъ, кто знаетъ Гейне въ оригиналѣ, не разъ вздохнетъ, читая даже эти, вѣрные и удачные переводы: если даже здѣсь приходится терять такъ много изъ подлиннаго Гейне, то значитъ русской рѣчи не овладѣть имъ никогда. Надо учиться читать его по нѣмецки—и, право, при доброй волѣ, это не такъ трудно. За то—какая награда! Никакія воспроизведенія и характеристики не въ силахъ передать и малой доли того волшебнаго блеска, которымъ сверкаетъ и искрится каждое подлинное слово этого удивительнаго, единственнаго въ своемъ родѣ лирика. У него былъ особенный,

ему одному свойственный, можно сказать, противоестественный, но въ то же время необычайно захватывающій даръ: быть одновременно легкомысленнымъ и глубокимъ; никто ни до, ни послѣ него не умѣлъ терзать себя съ такой веселой улыбкой, никто не выносилъ изъ этой сложной жизни здороваго ума и больного сердца такихъ сокровищъ безконечно-индивидуальнаго творчества.

Послѣдній томъ съ изображеніемъ поэта въ „матрацной могилѣ", гдѣ онъ провелъ послѣдніе годы, и памятника, воздвигнутаго ему на островѣ Корфу императрицей австрійской—посвященъ чистой лирикѣ—„Лазарю", „Новымъ стихотвореніямъ", окончанію „Книги пѣсенъ" — и политической поэзіи—„Романцеро", „Германіи", „Современнымъ стихотвореніямъ". Интересную особенность изданія составляютъ объяснительныя примѣчанія и именной указатель, сводящій воедино всѣ разнообразныя замѣчанія Гейне о разныхъ лицахъ.

С. Я. Надсонъ. Недопѣтыя пѣсни. (Изъ посмертныхъ бумагъ). Съ новымъ портретомъ поэта. СПБ. 1902.

Ровно пятнадцать лѣтъ прошло со дня смерти Надсона, и Литературный фондъ, которому принадлежитъ право на литературное наслѣдство поэта, ознаменовалъ грустную годовщину выпускомъ новой книги, въ которую вошли неизданныя до сихъ поръ стихотворенія, а также выписки изъ юношескаго дневника. Къ книжкѣ приложены—неизвѣстный еще публикѣ портретъ Надсона (1884. г.) и прелестная карточка той рано умершей дѣвушки (Наташи), идеальный образъ которой вдохновилъ поэта на многія изъ лучшихъ его стихотвореній и памяти которой онъ посвятилъ, какъ извѣстно, всю свою книгу.

Пятнадцатилѣтняя давность... А между тѣмъ, когда просматриваешь эти обрывки пѣсенъ, которые самимъ авторомъ, вѣроятно, никогда и не предназначались для печати, и въ которыхъ лишь мимолетно отразилось то или другое чувство, та или другая мысль,—испытываешь впечатлѣніе, будто они сейчасъ только набросаны на бумагу живою рукой. Такъ иногда обрывокъ стараго интимнаго письма, неожиданно найденный, сразу возстановляетъ въ душѣ любимый образъ и печаль объ утраченномъ... Съ новою силой просыпается боль и скорбь объ этой безвременной и слишкомъ дорогой для русской поэзіи утратѣ!

Конечно, русская литература несла и болѣе тяжкія потери. За 46 лѣтъ передъ тѣмъ погибъ геніальный Лермонтовъ, похищенный смертью также на зарѣ загоравшейся надъ нимъ славы. Но если оставить въ сторонѣ разницу талантовъ и общественнаго значенія обоихъ поэтовъ, то приходится признать, что къ Лермонтову судьба была все же не такъ жестока: онъ умеръ 27 лѣтъ отъ роду, будучи почти на три года старше Надсона, а

три года въ этомъ возрастѣ имѣютъ страшно большое значеніе! Но, что еще важнѣе, Лермонтовъ былъ здоровымъ человѣкомъ, съ могучею полнотою успѣвшимъ проявить свой великій поэтическій талантъ. Не обладая, конечно, его геніемъ, Надсонъ былъ все же высокодаровитый поэтъ; но страшная болѣзнь уже съ отроческихъ лѣтъ держала его въ своихъ когтяхъ, и за послѣдніе два-три года жизни почти не давала ему вздохнуть свободно (не только—свободно писать). Если бы не это обстоятельство, быть можетъ, и за короткій періодъ своей литературной дѣятельности онъ создалъ бы несравненно больше (не въ отношеніи только количества).

Названіе „Недопѣтыя Пѣсни“ кажется намъ какъ нельзя болѣе подходящимъ къ этимъ большею частью неоконченнымъ и неотдѣланнымъ стихотвореніямъ: въ душѣ Надсона, дѣйствительно, что-то непрерывно *пѣло*; она переходила отъ одной мелодіи къ другой и больной поэтъ едва успѣвалъ переводить ихъ на бумагу...

Съ частью (но только частью) этихъ набросковъ читатели „Русскаго Богатства“ уже имѣли случай познакомиться (1900, октябрь). Среди отрывковъ и варіантовъ любители поэзіи найдутъ, однако, въ новой книжкѣ и нѣсколько цѣльныхъ вещей, по силѣ и красотѣ мало уступающихъ лучшимъ надсоновскимъ стихотвореніямъ. Назовемъ: „Изъ Джакометти“, „Художники ее любили воплощать“, „Герою“, „Изъ Гейне“, „Распахнулись тяжелыя двери“, „Какъ громъ отдаленный“, „Проснись пѣвецъ“, „Я росъ тебѣ чужимъ“, „Пѣвцу Италіи“, „Всѣ говорятъ—поэзія увяла“, конецъ стихотворенія „На смерть Г—а“. Однѣхъ этихъ пьесъ было бы достаточно, чтобы окрасить яркимъ цвѣтомъ сборникъ любого изъ легіона современныхъ стихотворцевъ.

Впервые появляющійся большой отрывокъ изъ неоконченной трагедіи „Царевна Софья“ врядъ-ли, конечно, имѣетъ художественное значеніе; но, какъ образчикъ черновой работы двадцатилѣтняго юноши, не показываетъ ли онъ, что въ талантѣ Надсона, кромѣ чисто лирическихъ, таились и другія струны, которыя при благопріятныхъ условіяхъ могли бы зазвучать?

Г. Галина. Стихотворенія. Спб. 1902.

Въ туманныхъ дебряхъ современнаго россійскаго стихослагательства цѣлыми годами тщетно ищешь искры настоящей поэзіи. Точно комары надъ болотомъ, надоѣдливо-монотонно, безцвѣтно-скучно жужжатъ и звенятъ наши безчисленные, какъ комары же, виршеплеты—и какую радость испытываетъ читатель, цѣнящій и любящій поэзію, всякій разъ, когда среди этого нестройнаго, слухъ раздирающаго хора неожиданно раздастся, хотя бы слабый и робкій, но живой и искренній звукъ. Точно веселый лучъ солнца ворвется вдругъ въ сѣрую, залитую скукой и

холодомъ, жизнь! Такое именно впечатлѣніе производитъ только что вышедшій въ свѣтъ томикъ стиховъ г-жи Галиной. Очень скромная, правда, узенькая полоска свѣта, но исходитъ она все же отъ настоящаго, неподдѣльнаго солнца поэзіи.

Передъ нами,—выражаясь точно, — даже не „стихотворенія", не то, что всѣ привыкли разумѣть подъ этимъ словомъ. Стихотвореніе есть плодъ искусства; въ созданіи его непремѣнно участвуетъ и сознательный разсчетъ художника. Короткія пѣвучія строчки г-жи Галиной скорѣе слѣдуетъ назвать „пѣснями": онѣ льются такъ же свободно и непосредственно, какъ трели поющей на зарѣ птицы: „Я пою свободная, какъ птица, жизнь безъ пѣсенъ станетъ мнѣ темна",—говоритъ про себя и сама поэтесса. Легкость и музыкальность ея стиха временами удивительна; кажется, будто автору не стоило ни малѣйшаго труда сдѣлать его такимъ, каковъ онъ есть. Правда, звучный стихъ не такая ужъ большая рѣдкость у современныхъ поэтовъ, особенно изъ декадентскаго лагеря, но тамъ эта легкозвучность достигается съ помощью полнаго почти отреченія отъ здраваго смысла: „голубой пѣвецъ", „громкозвучная тишина" и чуть ли не „каменное дерево"—все это такія вещи, передъ которыми въ этомъ лагерѣ не принято отступать, и немудрено, если цѣною такого обращенія съ логикой и языкомъ внѣшняя структура стиха достигаетъ порою дѣйствительно высокой степени музыкальности... Г-жа Галина, по счастью, не декадентка, она не особенно гонится даже за богатыми рифмами, и одно изъ главныхъ достоинствъ ея поэзіи—простота рѣчи, образовъ, всѣхъ средствъ, которыми она производитъ свои эффекты.

Какъ хорошо... Взгляни, вдали
Огнемъ горитъ рѣка;
Цвѣтнымъ ковромъ луга легли,
Бѣлѣютъ облака.
Здѣсь нѣтъ людей... Здѣсь тишина...
Здѣсь только Богъ да я.
Цвѣты, да старая сосна,
Да ты, мечта моя!

Не говоря уже о мелодичности этихъ стиховъ, какъ они, въ самомъ дѣлѣ, безыскусственны! Или, напр., эти:

На языкѣ твоемъ родномъ
Я говорить хочу...
Я говорить хочу о томъ,
О чемъ пока молчу.
На языкѣ твоемъ родномъ
Словечко есть одно:
Нигдѣ въ нарѣчіи иномъ
Такъ не звучитъ оно!
И знаю я, что только въ немъ
Всю душу изолью,

На языкѣ твоемъ родномъ
Сказавъ тебѣ: «Люблю!»

Никакихъ особенныхъ ухищреній („изолью“ не совсѣмъ даже ладно рифмуетъ съ „люблю“), а между тѣмъ слова этой пѣсни такъ и просятся на музыку... Правда, и тема приведенныхъ стихотвореній довольно элемантарная, но въ сборникѣ есть нѣсколько пьесъ и съ болѣе сложнымъ содержаніемъ, выполненныхъ, однако, не менѣе удачно. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста мѣшаетъ намъ привести здѣсь большую вещь — „Искушеніе“. Очень недурно также и „Л. Н. Толстому“. Чтобы ближе познакомить читателя съ поэтической манерой г-жи Галиной, выпишемъ еще двѣ—три короткихъ пьесы:

I.

Не знаю, что̀ съ душой моей:
Такъ много—много силъ...
Какъ-будто въ маленькій ручей
Богъ море перелилъ!
И волны мощно понеслись
И ищутъ новый путь...
Полна желаній, дышетъ грудь...
О, если бъ крылья! Если бъ въ высь!

II.

Взяли душу, взяли въ плѣнъ
Жизни мелкія невзгоды!
Храмъ мой пѣсенъ и свободы
Окружили мракомъ стѣнъ.
Не уйти въ лазурь небесъ—
Въ паутинѣ бьются крылья...
Будто дерзкое насилье
Осквернило міръ чудесъ!
Пусто, сѣро и темно...
Все въ молчаньи безотрадномъ,
И въ туманѣ непроглядномъ
Тонетъ мутное окно.

III.

Какъ мнѣ больно, какъ хочется жить...
Какъ свѣжа и душиста весна!
Нѣтъ, не въ силахъ я сердца убить
Въ эту ночь голубую безъ сна.
Хоть бы старость пришла поскорѣй,
Хоть бы иней въ кудряхъ заблестѣлъ,
Чтобъ не пѣлъ для меня соловей,
Чтобы лѣсъ для меня не шумѣлъ!
Чтобы пѣснь не рвалась изъ души
Сквозь сирени въ широкую даль,
Чтобы не было въ этой тиши
Мнѣ чего-то мучительно жаль!

Съ самаго начала мы оговорились, что разбираемая книга стихотвореній—очень симпатичное, но и очень скромное литера-

турное явленіе. Затрагиваемыя молодой поэтессой темы въ большинствѣ не отличаются новизной или глубиной содержанія. При всей музыкальности формы, образы ея довольно монотонны и бѣдны; бѣденъ даже самый словарь, въ которомъ „ели“, „сирени“, „лепестки“ и „уголки“ повторяются несчетное число разъ... Родная природа, красота скуднаго сѣвернаго пейзажа, чувство сліянія съ жизнью природы мечтательной женской души—вотъ чѣмъ охотнѣе всего вдохновляется ея муза. Прибавьте къ этому два—три другихъ родственныхъ мотива,—жуткое чувство одиночества, страхъ передъ людьми, способными грубой рукой коснуться душевнаго міра поэта, и въ то же время жажда людского участія, жажда любви, — и передъ вами, собственно говоря, вся поэзія г-жи Галиной въ моментъ ея настоящаго развитія. Конечно, этого слишкомъ мало, чтобы „ударять по сердцамъ“, и крайне желательно, чтобы молодой, симпатичный талантъ выросъ въ сторону идейнаго содержанія. Будемъ надѣяться, что г-жа Галина освободится и отъ нѣкоторыхъ довольно существенныхъ недостатковъ,—напр., отъ той наивной, почти дѣтской сантиментальности, которая изрѣдка можетъ нравиться, но въ большомъ количествѣ становится приторной...

Изъ наиболѣе удачныхъ стихотвореній сборника, кромѣ уже отмѣченныхъ нами, назовемъ: „Сплинъ“, „Любовь“, „Осенняя печаль“, „Я смѣюсь оттого“, „Въ тюрьмѣ“, „Я устала отъ слезъ“, „Дурманъ“, „Въ сердцѣ моемъ притаилась и дремлетъ стихія“, „У чаши жизни“, „Елка“, „Онъ умеръ“, „Зимой“.

За то совсѣмъ намъ не нравятся: „Не веди меня, о муза“, „Голубыхъ цвѣтовъ дыханье“, „Ночь“, „День“, „Вотъ моя семья родная“, „Бѣлая ночь“, „Я люблю этотъ обликъ больной“ и „Я презираю васъ, сыны благоразумья“...

Не мѣсто, впрочемъ, и не время распространяться сейчасъ о недостаткахъ книги, и мы отъ души пожелаемъ ей успѣха, котораго она заслуживаетъ.

Федоръ Фальковскій. Ложь! Семь разсказовъ. Спб. 1901.

Федоръ Фальковскій. Веселые звуки и другіе маленькіе разсказы. Спб. 1901.

Федоръ Фальковскій. Счастье наше. Совсѣмъ маленькіе разсказы. Спб. 1901.

Не знаемъ, въ такомъ ли порядкѣ писались разсказы, маленькіе разсказы и совсѣмъ маленькіе разсказы г. Федора Фальковскаго, въ какомъ мы ихъ выписали здѣсь, но думаемъ, что такой порядокъ былъ бы самымъ лучшимъ: онъ сулилъ бы въ будущемъ полное изсякновеніе творчества ихъ автора. Есть, однако, и бо-

лѣе объективный признакъ такой именно послѣдовательности въ написаніи произведеній г. Фальковскаго: параллельно съ сокращеніемъ размѣровъ уменьшается также ихъ претенціозность и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ литературность. Воплощать въ художественныя формы идею—вещь трудная и не всякому доступная; умѣнье связно излагать разсказъ и пользоваться для этого болѣе или менѣе подходящею формой—дѣло наживное, и на примѣрѣ г. Фальковскаго мы видимъ, какъ человѣкъ, не имѣющій за душою ни путныхъ мыслей, ни искренняго чувства, можетъ научиться грамотно разсказывать анекдоты, изведя на эту науку надлежащее количество листовъ писчей бумаги.

Изъ общаго заглавія первой книжки можно уже догадаться о великой претенціозности ея автора. Послѣдній сразу является передъ читателемъ облеченный въ тогу моралиста, съ перстомъ указующимъ и устами поучающими: се—ложь, а се—истина. Какую-же, однако, ложь обличаетъ и бичуетъ г. Фальковскій? Бываетъ ложь личнаго поведенія, есть также ложь установившихся мнѣній и вѣрованій или ложь соціальныхъ отношеній; нѣкоторые находятъ, наконецъ, ложь въ самомъ бытіи и на этомъ строятъ очень интересныя повѣствованія. Какую-же изъ этихъ категорій г. Фальковскій избралъ основнымъ мотивомъ своей первой серіи разсказовъ? Намъ немного совѣстно признаться, но мы должны сказать, что не знаемъ.

Однимъ изъ наиболѣе часто повторяющихся мотивовъ въ разсказахъ г. Фальковскаго служитъ нѣкоторое особенное психическое состояніе человѣка передъ лицомъ смерти—такое психическое состояніе, которое позволяетъ ему дать правильную оцѣнку и фальши реальнаго человѣческаго существованія, и величію истиннаго добра. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ старается, путемъ крайне туманныхъ и безсвязныхъ разсужденій, показать читателю какую-то таинственную связь между жизнью и смертью, которую прозрѣваютъ умирающіе и которая именно и служитъ толчкомъ къ нравственному прозрѣнію. Но если причины этого прозрѣнія таинственны, то результаты его остаются совершенно неизвѣстными читателю. Приходится вѣрить г. Фальковскому на слово, что есть какая-то великая ложь и есть съ другой стороны какая-то великая правда; а въ чемъ эта правда и эта ложь заключается—авторъ изъ скромности или по невѣдѣнію умалчиваетъ. Ну, ужъ правда—Богъ съ ней, ея можно и не требовать отъ г. Фальковскаго: и не съ такимъ багажемъ беллетристы тщетно ищутъ ея. Но если авторъ обѣщалъ показать читателю ложь, то онъ такъ или иначе выполнить свое обѣщаніе долженъ, и это задача посильная посредственному художнику. На самомъ дѣлѣ г. Фальковскій и тутъ оказывается несостоятельнымъ: своимъ героямъ онъ или приписываетъ очень наивные пороки, или просто увѣряетъ читателя, что они порочны. Вотъ, напримѣръ, разсказъ „По-

слѣдній день". Герой его—старый помѣщикъ—очень много грѣшилъ, но наканунѣ смерти прозрѣлъ и покаялся. О его грѣховности можно только судить по настойчивому увѣренію автора, да по двумъ-тремъ намекамъ:

Старая кухарка съ удовольствіемъ положила бы на подоконникъ истомленную зноемъ голову, но въ печкѣ сидѣлъ хлѣбъ... Боже избави перепустить! Баринъ заставитъ самой съѣсть.

Баринъ, который можетъ заставить кухарку „самой съѣсть" плохо испеченный хлѣбъ—должно быть очень жестокій человѣкъ. Но есть и еще доказательство его грѣховности:

«Господи,—шептали его губы,—прости мнѣ мою темную, безобразную жизнь. Я не вѣдалъ, что творилъ... Господи, прости меня окаяннаго!»—и онъ билъ себя кулакомъ въ грудь и припадалъ лицомъ къ травѣ.

Изъ дальнѣйшаго оказывается, что сорокъ лѣтъ тому назадъ произошла какая-то романическая драма, героями которой были помѣщикъ и его крѣпостные—столяръ Михайло съ женою. Что это была за драма—авторъ не говоритъ, а читатель и не догадывается; важно только, что помѣщикъ сдѣлалъ какую-то гнусность, въ которой кается, просвѣтленный передъ смертью.

Самый претенціонный разсказъ „Ложь!" является въ тоже время самымъ наивнымъ по замыслу и неуклюжимъ по исполненію. Нѣкій великій романистъ достигъ славы необычайной за то, что училъ всю жизнь другихъ людей, какъ надо жить. У него красивая жена, большое состояніе и огромное самодовольство. Онъ написалъ новый, самый лучшій, романъ, поставилъ точку и легъ спать. Утромъ онъ увидѣлъ что подъ его романомъ написано слово „Ложь!" Далѣе романистъ съ ужасомъ находитъ это слово подъ всѣми своими произведеніями и начинаетъ метаться въ поискахъ, а г. Фальковскій ему помогаетъ. Но такъ какъ ни тому, ни другому истина не знакома, то поиски эти остаются совершенно тщетными. Въ заключеніе романистъ случайно узнаетъ, что онъ самъ въ припадкахъ лунатизма чертитъ гдѣ попало слово ложь, и возвращается благополучно на лоно своей семьи, которую передъ этимъ бросилъ, чтобы успѣшнѣе искать истину.

Гораздо лучше идутъ дѣла у г. Фальковскаго, когда онъ просто разсказываетъ случаи, болѣе или менѣе курьезные и по возможности далекіе отъ какой-либо психологіи умирающихъ людей. Въ „совсѣмъ маленькихъ разсказахъ" авторъ почти отказался отъ этой непосильной для него задачи, и нѣкоторые изъ нихъ лишены фальши и напыщенности. Внутренняя логика въ дѣйствіяхъ и здѣсь отсутствуетъ, но все-же разсказы построены гармоничнѣе; изложеніе проще, и въ описаніяхъ нѣтъ той протокольности, какая встрѣчается на каждомъ шагу въ первыхъ двухъ книжкахъ. Сравните, напримѣръ, слѣдующіе два отрывка:

«Мышенокъ... повернулъ къ Степану острую, сжатую съ боковъ морду, съ отвислой нижней губой, съ которой капала вода, и спутанной въ видѣ грязнаго комка свѣтлосѣрой челкой между глубоко впавшими висками—и замеръ въ ожиданіи, полузакрывъ глаза и сдвинувъ черезчуръ длинныя сухія заднія ноги, отчего еще рѣзче выступили острыя бедра и плотно отдѣлились глубокими впадинами отъ хребта».

Это изъ книжки „Ложь!“ А вотъ изъ „совсѣмъ маленькихъ разсказовъ:“

«День былъ жаркій. Насытившійся, усталый скотъ тѣсно улегся въ мелкомъ кустарникѣ, яркимъ пятномъ выдѣляясь на облитой солнцемъ зелени. Только бычекъ, общій любимецъ усадьбы, продолжалъ одиноко и безъ охоты тыкать черную морду въ траву и съ живымъ любопытствомъ направлять свои большіе круглые глаза на то, что движеніемъ, шумомъ, въ особенности цвѣтомъ привлекало его вниманіе».

Въ художественномъ отношеніи оба эти описанія одинаково слабы, но въ отношеніи простой литературной грамотности прогрессъ несомнѣненъ. Вообще эти три книжки написаны не безъ пользы для г. Федора Фальковскаго.

А. Е. Заринъ. Лѣто. Петербургская повѣсть. Спб. 1901.

Одинъ книжный торговецъ повѣдалъ намъ какъ-то въ разговорѣ, что „читателя нынче много стало“. Это правда; но не только много читателя стало, а и разный читатель сталъ. Вспомнимъ, какъ жадно расхватывались не такъ давно вечернія прибавленія къ нѣкоторымъ газетамъ, содержавшія телеграммы съ дальняго Востока и съ южно африканскаго театра войны. Вѣдь расхватывалъ эти прибавленія именно тотъ сѣрый потребитель литературы, который еще десятка полтора-два лѣтъ назадъ былъ совершенно безграмотенъ. И не ограничивается онъ газетными прибавленіями въ періоды острыхъ событій въ міровой политикѣ, а интересуется, несомнѣнно, газетами и въ обычное время. Въ области художественнаго вымысла у такого читателя есть также свои запросы, и онъ глотаетъ все, что случайно попадается въ тѣхъ дешевыхъ газеткахъ, изъ которыхъ онъ удовлетворяетъ и свою любознательность въ области политики. Между этимъ новымъ потребителемъ, народившимся благодаря простому распространенію грамотности, и читателемъ „серьезнымъ“, знающимъ литературу и сознательно выбирающимъ себѣ пищу по желудку, есть еще родъ читателя, прибѣгающаго къ газетѣ или книжкѣ не столько изъ любознательности, сколько въ поискахъ за пикантными фактами и пикантнымъ вымысломъ. Это—читатель съ дурнымъ вкусомъ, вербуемый въ такомъ слоѣ публики, гдѣ потребности ограничиваются личными похотями и удовлетворяются дешевыми средствами. Существованіе такого читателя совершенно неизбѣжно при современной городской культурѣ—онъ является такимъ-же неизбѣжнымъ приз-

накомъ большого города, какъ присутствіе сѣроводорода въ атмосферѣ обитаемаго жилища. Даже оцѣнивать это явленіе съ моральной стороны не приходится: на разныхъ ступеняхъ просвѣщенія всегда появляется нѣкоторый отстой, и чѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ на своемъ пути распространеніе просвѣщенія, тѣмъ такого отстоя больше. Для такого именно читателя безъ вкуса и предназначается „петербургская повѣсть“ г. Зарина.

Не потому эта книжка предназначается для писателя безъ вкуса, что она скабрезна, или безнравственна, или написана безъ всякаго таланта. Хотя она и наполнена описаніемъ любовныхъ похожденій, но скабрезностей въ собственномъ смыслѣ слова въ ней нѣтъ. Хотя она и очень снисходительно относится къ безалабернымъ половымъ отношеніямъ, но все, заслуживающее сострадания и участія, находитъ его со стороны автора. Хотя она и не отличается какими нибудь положительными художественными достоинствами, но написана бойкимъ и способнымъ перомъ. Не въ скабрезности, не въ безнравственности и не въ бездарности дѣло. Эта книга безвкусна потому, что авторъ выбралъ своимъ сюжетомъ очень пошлые инстинкты, очень пошлыя отношенія, не придавая имъ въ то-же время той цѣны, которой они стоятъ. Конечно, и пошлость можетъ быть благодарнымъ сюжетомъ для художника, но лишь при томъ условіи, чтобы онъ самъ былъ выше и сильнѣе этой пошлости...

Повѣсть называется „Лѣто“; это символизуетъ зрѣлый возрастъ человѣка. Такъ какъ женятся въ наше время довольно поздно, то съ женитьбою уже наступаетъ осень. Задача автора показать, какимъ бываетъ, въ нашей городской обстановкѣ, лѣто мужчины. Область широкая и благодарная: писатель со вкусомъ могъ бы размѣстить на этомъ фонѣ очень много интереснаго. Это тотъ періодъ, когда человѣкъ идетъ „excelsior“,—будь ли это въ сферѣ личнаго мѣщанскаго преуспѣянія, въ сферѣ ли идейнаго труда. Но г. Заринъ избираетъ другую сферу, или вѣрнѣе не избираетъ, а безсознательно направляется къ ней: сферу половыхъ похотей. И ограничивъ такимъ образомъ свою задачу, онъ описываетъ цѣлый рядъ любовныхъ похожденій своихъ героевъ, втискивая всѣ ихъ на пространство нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Г. Заринъ ничего иного, кромѣ блуда, описывать не склоненъ, и отсюда получается, что по количеству совершеннаго въ очень короткое время блуда его герой является не только „героемъ“, но прямо таки монстромъ. Когда герой собирается окончить свои любовныя похожденія и готовится жениться,— г. Заринъ ставитъ точку и бросаетъ перо.

Спросъ рождаетъ предложеніе. Читатель безъ вкуса порождаетъ господъ Зариныхъ...

Н. Н. Сергіевскій. Антонъ Калюжный. Спб. 1902.

Въ книжкѣ есть еще два разсказа, кромѣ заглавнаго: „Утопія“ и „Женщина“, почему-то не помѣченные ни на обложкѣ, ни въ оглавленіи. Эти три разсказа ничѣмъ не объединены, кромѣ субъективныхъ свойствъ автора, опредѣляющихъ его уголъ зрѣнія на различные драматическіе моменты.

„Антонъ Калюжный“ относится къ типу такъ называемыхъ морскихъ разсказовъ: обстановкою ему служитъ судовой военный бытъ и судовыя отношенія. Это вообще благодарная декорація для небольшихъ разсказовъ, а для фабулы „Калюжнаго“ она особенно благодарна, потому что усиливаетъ драматическій контрастъ между чувствомъ и долгомъ, служащій темою повѣствованія.

Антонъ Калюжный ушелъ въ морскую службу, а жену его тѣмъ временемъ соблазнилъ, опорочилъ и окончательно сгубилъ мѣстный барчукъ, который оказывается впослѣдствіи офицеромъ на одномъ суднѣ съ Калюжнымъ. Послѣдній знаетъ, кто виновникъ его несчастія, но, не смотря на преслѣдованія и жестокость офицера, не только не мститъ ему, но невольно оказываетъ цѣлый рядъ услугъ, совершая при этомъ геройскіе подвиги, и, наконецъ, погибаетъ, опять-таки спасая своего врага. Вся эта фабула довольно натянута, но разсказъ написанъ тепло и, не смотря на отсутствіе художественности въ краскахъ и во всей композиціи, затрогиваетъ въ читателѣ хорошія чувства.

Тѣ же качества теплоты и душевности характерны и для разсказа „Женщина“. Повѣствованіе ведется въ немъ отъ перваго лица и героиня драмы остается почти все время за кулисами. Темою служитъ привязанность героини—„женщины“—къ негодяю и звѣрю мужу. Характеризована эта привязанность вяло и никакой попытки психологическаго анализа не сдѣлано; отмѣченъ просто фактъ, поставленъ вопросъ—и все.

Третій разсказъ „Утопія“ слабѣе остальныхъ двухъ уже потому, что представляетъ ходульный вымыселъ для проведенія простой идеи, что любовь къ ближнему—вещь хорошая. Люди, недовольные своимъ бытіемъ, придумали способъ уничтожить сразу весь земной шаръ и поручили привести это въ исполненіе мудрому и добродѣтельному старцу. Послѣдній, выполняя просьбу представителей всѣхъ слоевъ населенія, хочетъ повернуть сокрушительный рычагъ, но его останавливаетъ видѣніе, олицетворяющее любовь къ ближнему и обѣщающее сдѣлать кое-что путное изъ людей. И, дѣйствительно, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени люди начинаютъ жить по новому и уже не собираются уничтожаться.

Тутъ много фальшивой напыщенности, больше, однако, наивной, чѣмъ злонамѣренной.

В. Н. Крачковскій. Жизнь и смерть. Спб. 1902

Книжка носитъ еще подзаглавіе: „Разсказы, очерки, фантазіи и стихотворенія“, и все это, дѣйствительно, есть въ книжкѣ; есть еще и эстетическій этюдъ: „Идея и задачи искусства“. Все это очень кратко, ясно, литературно и ужасно ненужно. Разсказы такого типа: за женой аптекаря Клейнмихеля въ захолустномъ мѣстечкѣ *N.* ухаживалъ помощникъ уѣзднаго лѣсничаго Осипъ Гавріиловичъ Тукмачевъ; ревнивый нѣмецъ, заставъ его съ женой, отрѣзалъ ему лѣвое ухо. Право, въ разсказѣ больше ничего нѣтъ. Или: гуляя зимой по бульвару городка Г., авторъ встрѣтилъ страннаго старика, который объявилъ, что онъ изобрѣтатель эликсира безсмертія и подалъ автору свою визитную карточку, на которой было изображено: Hapoleon Roussy. Le docteur de Toulouse. L'inventeur. Черезъ нѣсколько дней изобрѣтатель погибъ жертвою большого пожара. Остается, къ сожалѣнію, не выясненнымъ самый интересный вопросъ: кто слабъ во французскомъ языкѣ—Наполеонъ Русси или г. Крачковскій. Слѣдующій за разсказами отдѣлъ называется: „Смерть. Мысли“. Мысли такія: „къ чему бы мы ни стремились, мы придемъ къ одному—къ смерти“. „Мертвые имѣютъ предъ нами преимущество: имъ открыто то, что для насъ тайна, они знаютъ, что насъ ожидаетъ, и только намъ не могутъ сказать“. „Смерть—нераспечатанное письмо“. „Смерть—тайна жизни“. Такихъ „мыслей“—пять страницъ, и всѣ какъ на подборъ—столь-же оригинальны и глубоки. Затѣмъ—„Жизнь и смерть“—„чудесные разсказы“—вродѣ стихотвореній въ прозѣ. Жалѣемъ, что крайній недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ воспользоваться предоставленнымъ намъ правомъ и перепечатать для удовольствія читателей нѣсколько изъ этихъ эскизовъ. Стихотворенія г. Крачковскаго написаны съ достодолжнымъ соблюденіемъ риѳмы и размѣра и вполнѣ пригодны для иллюстрированныхъ журналовъ. Очеркъ „Идея и задачи искусства“, напечатанный въ заключеніи книжки г Крачковскаго, удивилъ насъ. Авторъ кой въ чемъ ошибается, но кой что въ теоріи искусства, очевидно, осмыслилъ: почему же онъ не понялъ, что такія произведенія, какъ его мысли, фантазіи и разсказы, надлежитъ, не предавая тисненію, держать въ своемъ письменномъ столѣ—по совѣту Горація—до девятаго года, а затѣмъ—выбросить въ корзину.

Б. Дубровская Изъ жизни сѣренькихъ людей. Сборникъ разсказовъ. СПБ. 1902.

„Сѣренькіе“—несомнѣнно. Однако, не такіе ужъ сѣрые, какъ склоненъ думать авторъ, и во всякомъ случаѣ — ярче своихъ портретовъ. Невыносимо сѣра та атмосфера, которою ихъ окутываетъ творчество автора. Бываетъ такое настроеніе—и индиви-

дуальное, и общественное, и, думается, герои г-жи Дубровской такъ посѣрѣли въ глазахъ автора потому, что самъ онъ съ трудомъ различаетъ ихъ контуры въ однотонныхъ сумеркахъ ихъ существованія. Они мало индивидуализированы; захлопнешь книжку—и они, дѣйствительно, сольются въ одну сѣрую массу; и потому такъ слабъ интересъ, возбуждаемый ихъ исторіями, иногда трагическими, иногда тихо тоскливыми, но всегда внимательно переданными въ небольшихъ и участливыхъ разсказахъ, собранныхъ въ этой книжкѣ. Авторъ любитъ этихъ людей, придавленныхъ и истерзанныхъ то неизбѣжными случайностями нашей жестокой жизни, то животнымъ безучастіемъ ближнихъ, то своими недостатками. И эти исторіи хорошо разсказаны—просто, коротко, мягко, съ тѣмъ литературнымъ умѣніемъ, которое когда-то казалось инобытіемъ таланта. Одна особенность разсказовъ останавливаетъ вниманіе: случайность играетъ въ нихъ большую роль; мы сказали бы—слишкомъ большую, если бы она и въ самомъ дѣлѣ не занимала такого мѣста въ правдѣ жизни. Изъ дюжины разсказовъ одинъ называется „Случай", другой „Недоразумѣніе", третій—„Происшествіе". Въ разсказѣ „Въ сумеркахъ" случай сталкиваетъ двухъ женщинъ, нѣкогда обманутыхъ однимъ и тѣмъ-же человѣкомъ—и читатели присутствуютъ при тягостной сценѣ, когда дѣти ихъ—дѣти одного отца—спорятъ, увидѣвъ его на портретѣ: „Это мой папа! — Нѣтъ, это нашъ..." Случайная встрѣча также составляетъ содержаніе разсказа „Въ вагонѣ". Конечно, за этими случайностями есть нѣчто устойчивое, послѣдовательное, обусловленное; такъ или иначе драмы, нашедшія въ нихъ внѣшнее выраженіе, проявились бы въ иной формѣ, быть можетъ, еще болѣе случайной, болѣе анекдотичной. Конечно, дѣвушка, отказавшаяся отъ личнаго счастья ради иныхъ соображеній, могла и иначе понять, что хорошо сдѣлала; конечно, усталый докторъ Тихомировъ могъ покончить съ собой по иному поводу, не узнавъ, что есть люди, кончающіе съ собой изъ нищеты. Но эта склонность къ внѣшнему совпаденію обстоятельствъ должна быть отмѣчена; не одни художественныя соображенія объясняютъ ее, а нѣкоторый взглядъ на жизнь, которая не такъ случайна, какъ иногда кажется.

Мы думаемъ, что книжка г-жи Дубровской найдетъ своихъ читателей—и она имѣетъ всѣ права на это: дарованіе—„видомъ малое и не безсмертное", но безспорное, наблюдательность, литературную снаровку, теплоту въ отношеніяхъ къ излюбленнымъ авторомъ незамѣтнымъ людямъ. Ихъ много—и имъ нужна и эта литература, мыслью о нихъ вскормленная, къ нимъ идущая, съ материнской лаской говорящая объ ихъ сѣренькихъ невзгодахъ.

Д. Зеленинъ. Международный языкъ науки и культурныхъ сношеній. Москва, 1901.

Въ одномъ изъ некрологовъ покойнаго языковѣда-философа Потебни, принадлежащемъ перу спеціалиста-словесника, среди иныхъ хваленій сказано, между прочимъ: „онъ питалъ отвращеніе ко всякаго рода волапюкамъ". Это рисуетъ положеніе вопроса о международномъ языкѣ въ научной литературѣ. Громадное большинство ея представителей относится болѣе чѣмъ скептически ко всякимъ попыткамъ ввести искусственное, но общепонятное созданіе на мѣсто существующихъ языковъ. Причины этого отрицательнаго отношенія ясны для всякаго, кто знакомъ съ положеніемъ вопроса. Съ тѣхъ поръ какъ идея „всеобщей граматики", основанной на столь-же всеобщей логикѣ, отошла надолго въ исторію и національно-психологическая точка зрѣнія смѣнила внѣнародную, логическую,—наука все выше цѣнитъ національныя основы языка и его творчества. Еще недавно глубокое значеніе народнаго языка и развращающее вліяніе нивелляторскаго одноязычія было выяснено въ работѣ В. В. Лесевича, сжатой, но полной ферментитирующаго содержанія. „Истинная, чуждая мертвыхъ отвлеченностей и не на ея почвѣ возросшихъ идеаловъ работа,—говорится здѣсь,—должна прилагать усиліе не на безплодное объединеніе языка, а на сохраненіе существующихъ народныхъ языковъ и цѣлесообразное пользованіе ими на благо и процвѣтаніе дѣйствительно объединяющей, просвѣщеніемъ объединяющей и умиротворяющей цивилизаціи, а не ея контрафакцій."

Кой-что изъ доводовъ противъ искусственныхъ и „естественныхъ" международныхъ языковъ извѣстно автору лежащей предъ нами брошюры, жидкой въ содержаніи и безпорядочной въ изложеніи. Но извѣстные ему доводы его не убѣждаютъ, а болѣе сильные ему неизвѣстны. „Подобно тому, какъ при Карлѣ,—гласитъ его эпиграфъ,—въ плодоносной Балтійской землѣ выростали люди изъ зубовъ дракона,—съ такою же поразительной быстротою возникаютъ въ наше время—изъ широко развившихся на почвѣ пара и электричества міровыхъ сношеній—міровые языки". Сравненіе очень удачно. Дѣйствительно, только съ призраками, выростающими изъ зубовъ дракона, можно сравнить по реальности, устойчивости и плодотворности всѣ эти уродливые и эфемерные эсперанты, пазилингвы, мираны, ленгвы католики и прочіе волапюки. Судя по заглавію, казалось бы, г. Зеленинъ ограничиваетъ свои пожеланія возможнымъ и мечтаетъ только о томъ, чтобы какой-нибудь искусственный или существующій языкъ явился общепринятымъ средствомъ международнаго дѣлового обихода и научнаго общенія. Но поддерживать эту — трудно осуществимую, хотя возможную—мысль можно только, отстраняя отъ себя всякія нелѣпыя и вредныя утопіи всемірно-уравнивающихъ ублюдочныхъ языковъ. Этого у г. Зеленина не видно со-

вершенно: онъ похваливаетъ разные всемірные языки, ничего не имѣетъ противъ возведенія въ рангъ международнаго какого-нибудь изъ современныхъ національныхъ языковъ и не дѣлаетъ никакой попытки разграничить дѣловое средство общенія отъ того могучаго и *совершенно незамѣнимаго* орудія и условія творческой мысли, которое мы имѣемъ въ историческомъ народномъ языкѣ. Это лишаетъ его брошюру всякаго значенія.

Картины изъ жизни животныхъ. Очерки и разсказы заслуженнаго профессора **Н. П. Вагнера.** Съ 300 рис. Изд. А. Ф. Маркса. СПБ. 1901.

Мы не скрываемъ отъ себя трудности дать надлежащую оцѣнку настоящему труду человѣка, пользующагося столь широкой извѣстностью въ кругу всей русской читающей публики и вмѣстѣ съ тѣмъ столь непопулярнаго въ ученомъ мірѣ въ качествѣ зоолога. Дѣйствительно, Котъ-Мурлыка и проф. Вагнеръ—это настолько разные, ничего общаго не имѣющіе между собою люди, что представить себѣ соединенную работу ихъ, казалось-бы, прямо невозможно. А между тѣмъ „Картины изъ жизни животныхъ" являются такимъ именно совмѣстнымъ трудомъ несомнѣнно талантливаго художника, съ одной стороны, и весьма сомнительнаго ученаго съ другой. Трудно вообще сказать, для кого собственно написаны эти „Картины". Судя по общему виду изданія и массѣ рисунковъ, оно предназначено для дѣтей, но на первыхъ же страницахъ мы наталкиваемся на вещи, понятныя развѣ одному только автору ихъ. У проф. Вагнера есть, какъ извѣстно, своя философія, своя вѣра въ „разумъ и силу", въ „глубоко сознательную и разумную, многостороннюю цѣль природы", вѣра, занимающая его въ настоящее время, повидимому, значительно больше, чѣмъ самый трактуемый имъ предметъ. „Два свѣта,—говоритъ авторъ,—освѣщаютъ путь человѣка въ этой жизни: „свѣтъ знанія и свѣтъ откровенія. Придетъ-ли время, когда оба эти свѣта сольются воедино, и все человѣчество съ радостнымъ духомъ устремится на этотъ единый, желанный, великій свѣтъ?!..." (стр. 68). Мы не въ состояніи отвѣтить на вопросъ почтеннаго писателя, но, если вѣрно понимаемъ его, если „свѣтъ откровенія" есть именно тотъ, который заставляетъ его на вопросъ,—что вызвало появленіе летучихъ мышей, птицъ и насѣкомыхъ,—отвѣчать: „вызвалъ воздухъ, вызвало стремленіе къ свободѣ",—мы можемъ сказать лишь, что въ настоящее-то время, по крайней мѣрѣ, свѣтъ этотъ не можетъ слиться со свѣтомъ знанія, ибо черезчуръ уже затемняетъ его своимъ блескомъ. Кстати, о знаніи. Профессоръ имѣетъ не только свою философію, но и свою классификацію. Впрочемъ, уничтожая цѣлый отрядъ Сиренъ и распредѣляя принадлежащихъ сюда животныхъ среди ничего

общаго не имѣющихъ съ ними Ластоногихъ, или выдѣляя изъ хищныхъ и разсматривая вмѣстѣ со свиньями такихъ непохожихъ на нихъ млекопитающихъ, какъ барсукъ и выдра, г. Вагнеръ руководился, быть можетъ, все тѣмъ же „свѣтомъ откровенія". Мы, по крайней мѣрѣ, тѣмъ охотнѣе склоняемся въ данномъ случаѣ именно къ такому объясненію, что, какъ ни слабъ проф. Вагнеръ какъ зоологъ, все же трудно предположить, чтобы онъ исключительно лишь по незнанію могъ допустить эти перестановки. Проф. Вагнеръ уже такъ давно умеръ для науки (если только и вообще жилъ когда-либо для нея), что поговорка de mortuis aut bene, aut nihil, къ нему не приложима, и настоящая оцѣнка его является уже скорѣе судомъ потомства. То-же, что всегда жило въ г. Вагнерѣ, чѣмъ такъ часто будилъ онъ откликъ въ душѣ своего читателя, что создало ему такую громкую популярность, несправедливо перенесенную затѣмъ и на научную дѣятельность его,—то живетъ въ немъ и по-сейчасъ съ неменьшею силою, и мы счастливы засвидѣтельствовать это, прочтя „Картины изъ жизни животныхъ", такъ напомнившія намъ общеизвѣстныя „Сказки". Нѣкоторыя страницы превосходны въ художественномъ отношеніи, не смотря даже на такія уже слишкомъ смѣлыя выраженія, какъ „старо-свѣтскія и новосвѣтскія обезьяны", „червеобразные хищники" и т. п.

Грантъ-Алленъ. Въ тайникахъ природы. Борьба, защита, работа и сонъ въ мірѣ животныхъ и растеній. Перев. съ англ. М. П. Волошиновой. Съ 257 рис. СПБ. 1902 г.

Съ большимъ удовольствіемъ останавливаемся мы на этой книжкѣ, способной заинтересовать далеко не одно лишь подростающее поколѣніе. Принадлежа къ наиболѣе талантливымъ современнымъ популяризаторамъ, покойный Грантъ-Алленъ слишкомъ мало, однако, извѣстенъ у насъ, не смотря на всю нашу любовь къ иностранной литературѣ. Даровитый писатель заслуживалъ бы значительно большаго вниманія. Это не сухой и педантичный ученый, снисходящій до публики, но это и не компиляторъ, какъ почти всѣ наши доморощенные популяризаторы,—это самостоятельный наблюдатель, полный горячей любви и вмѣстѣ съ тѣмъ истинно-научнаго отношенія ко всей окружающей его органической жизни. Онъ не учитъ и не желаетъ учить; онъ дѣлится только своими собственными наблюденіями и стремится только къ тому, чтобы заинтересовать своего читателя, передать ему свою любовь къ природѣ и побудить къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Выборъ настоящей работы Грантъ-Аллена для русскаго перевода надо признать какъ нельзя болѣе удачнымъ именно въ этомъ отношеніи. Давая рядъ блестящихъ по изложенію очерковъ изъ жизни растеній и животныхъ, преимущественно

насѣкомыхъ, авторъ незамѣтно вводитъ читателя въ самыя интимныя и полныя захватывающаго интереса стороны этой жизни, проникаетъ въ самыя глубокія „тайники природы“ и открываетъ ему какъ-бы новый, еще невиданный міръ со всѣми его радостями и печалями. Насколько при этомъ руководитель самъ проникается интересомъ къ тому, что показываетъ, насколько сливается онъ со своимъ читателемъ, видно хотя бы уже изъ того, что онъ и не думаетъ скрывать отъ читателя своихъ тайныхъ помышленій и догадокъ, онъ дѣлится съ нимъ не только знаніями, но и мыслями, этими „благодѣтельными, но капризными и ревнивыми волшебницами“,—по выраженію одного изъ современныхъ французскихъ ученыхъ.

Къ сожалѣнію, русскій переводъ далеко не удовлетворяетъ требованіямъ, которыя должны быть предъявляемы ко всѣмъ подобнымъ изданіямъ. Г-жа Волошинова довольно хорошая, повидимому, переводчица, но совершенно незнакома съ предметомъ. Слово „mimicry“, напр., цѣликомъ перешедшее для обозначенія явленій подражанія и въ русскій языкъ, она переводитъ ничего общаго, кромѣ корня, не имѣющимъ съ нимъ словомъ „мимика“ (стр. 317 и слѣд.). Наивность переводчика въ данномъ случаѣ настолько, впрочемъ, ясна, что можетъ вызвать со стороны читателя только улыбку. Но что уже совсѣмъ не улыбается намъ, при отсутствіи въ книгѣ латинскихъ терминовъ, такъ это такія замѣны, какъ „дрокъ“ вмѣсто „ракитникъ“, (стр. 193 и слѣд.), „слизни“ вмѣсто „змѣи“ (стр. 323) или, наконецъ, „угорь“ вмѣсто „игла—рыба“ (стр. 339), не говоря уже о цѣломъ рядѣ болѣе мелкихъ и менѣе существенныхъ ошибокъ.

Фюстель-де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ редакціей И. М. Гревса. Томъ первый. Римская Галлія. Спб. 1901.

Обширное изслѣдованіе покойнаго французскаго историка о соціальной структурѣ Франціи въ средніе вѣка пользуется гораздо меньшей извѣстностью, нежели болѣе ранняя его работа „La cité antique“. Это—одна изъ тѣхъ несправедливостей общественнаго мнѣнія, которыя, обыкновенно, въ концѣ концовъ, заглаживаются безпристрастною научною переоцѣнкою, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы непонятными: „Гражданская община“ есть стройное, художественное по формѣ произведеніе, въ которомъ съ необыкновенною послѣдовательностью изъ одного тезиса развиваются самые широкіе и разнообразные выводы и положенія. Разумѣется, удобопонятность и послѣдовательность содержанія, стройность и изящество изложенія должны были подкупить и подкупили все читающее общество Европы, не смотря на рискованность выводовъ автора. Совершенно противоположную судьбу

имѣла „Исторія общественнаго строя древней Франціи“: при своемъ появленіи она была замѣчена только во Франціи и не возбудила въ широкой публикѣ особаго къ себѣ интереса, а заграницей (прежде всего въ Германіи) ее замѣтили исключительно научные круги и отнеслись къ ней до послѣдней степени рѣзко и придирчиво. Ее называли (а нѣкоторые продолжаютъ называть) памфлетомъ,—націоналистическимъ измышленіемъ, умышленнымъ извращеніемъ истины и т. д. Цѣлые потоки клеветы обрушились по ту сторону Рейна на голову автора за то, что онъ отказывался видѣть въ германскомъ началѣ основу и первоисточникъ новой европейской культуры. Но всѣ эти злобныя и пристрастныя нападки не могли уличить Фюстель де-Куланжа ни въ одной маломальски серьезной ошибкѣ,—и теперь его изслѣдованіе занимаетъ въ исторической наукѣ одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ. Для лицъ „не заинтересованныхъ“, для русскихъ и англичанъ—дѣло выяснилось уже давно, еще съ конца семидесятыхъ годовъ, и почтенный редакторъ перевода вполнѣ правъ, когда придаетъ „великое значеніе“ этому труду. Дѣйствительно, изслѣдованіе Фюстель-де-Куланжа можетъ служить образчикомъ строгаго научнаго анализа фактовъ и своеобразнаго ихъ освѣщенія; чтеніе этой работы, помимо непосредственнаго своего значенія, помимо сообщенія ряда приведенныхъ въ систему фактовъ, можетъ быть полезно для всѣхъ, занимающихся исторіей,—съ „воспитательной“, такъ сказать, стороны. Научная выдержка, умѣнье подчинить самыя заманчивая свои догадки и презумпціи объективнымъ фактамъ, исчерпывающая начитанность въ источникахъ, логичность выводовъ—всему этому очень недурно поучиться у Фюстель-де-Куланжа, въ устахъ котораго слова: „для одного дня синтеза нужны годы анализа“ не были только фразою.

Вышедшій теперь на русскомъ языкѣ первый томъ изслѣдованія посвященъ древнѣйшей эпохѣ французской исторіи—Галліи во времена римскаго завоеванія и владычества. Мастерство, съ которымъ Фюстель пользуется каждой фразой, каждымъ намекомъ у скупого на слова Цезаря, — изумительно; чѣмъ болѣе подвигается изложеніе ко времени разрушенія западной имперіи, тѣмъ источники становятся разнообразнѣе, хотя всетаки скудость ихъ способна была бы во многихъ весьма важныхъ пунктахъ затруднить менѣе проницательнаго и глубокаго изслѣдователя. Первый томъ состоитъ изъ двухъ книгъ: первая трактуетъ о Галліи до временъ императора Августа, а вторая—посвящена сводкѣ всего, что извѣстно о Галліи при имперіи до конца IV в. Общіе выводы, прямо вытекающіе изъ произведеннаго Фюстель-де-Куланжемъ анализа историческихъ матеріаловъ, таковы: въ эпоху независимости—Галлія представляла собою конгломератъ отдѣльныхъ народцевъ, при чемъ правительственная власть у каждаго изъ этихъ народцевъ была крайне ничтожна,

и слабыя въ соціальномъ смыслѣ лица находили нужнымъ становиться подъ опеку богатыхъ и могущественныхъ людей. „Знать, владѣвшая землею, окруженная тысячами слугъ и воиновъ, была сильнѣе законовъ и носителей власти“. Авторъ отрицаетъ за Галліей до Цезаря какое бы то ни было политическое, національное или религіозное единство; не было у галловъ даже и начатковъ національнаго самосознанія. Римское завоеваніе сыграло рѣшающую роль въ измѣненіи гальской жизни: вмѣсто могущества знати—воцарилось могущество римскаго единовластія; централизмъ, монархія, воля, управлявшая изъ Рима всею страною,—вотъ что явилось коренною чертою политическаго строя Галліи при императорахъ. По мнѣнію Фюстеля, подъ эгидою этой новой, единой и твердой власти населеніе Галліи пользовалось высшею степенью свободы и справедливости, какая вообще была возможна въ древнихъ обществахъ. Римское владычество, объединившее гальскія племена, дало имъ первые начатки сознанія національнаго (и даже религіознаго) единства; при всемъ абсолютизмѣ центральной власти, рядомъ съ римскими намѣстниками въ Галліи существовало извѣстное внутреннее самоуправленіе (дарованное Римомъ и не существовавшее во времена независимости); конечно, оно ни въ малѣйшей степени не ограничивало самодержавія римскихъ императоровъ, но все же обезпечивало извѣстную самостоятельность въ финансовыхъ дѣлахъ и въ судѣ. Римская культура, нравы, языкъ, образъ жизни—прививались изъ столѣтія въ столѣтіе все больше и больше; ко времени нашествія германскихъ варваровъ—романизованные галлы (наряду съ римлянами) были единственными представителями европейской культуры.

Привѣтствуя изданіе этого замѣчательнаго произведенія западной исторіографіи въ хорошемъ переводѣ, мы не можемъ не выразить удивленія передъ цѣной, которую издатели сочли нужнымъ назначить за книгу Фюстеля: три рубля за четыреста разгонистыхъ переводныхъ страницъ—это слишкомъ много для нашего студента или курсистки (а редакторъ перевода, г. Гревсъ, имѣетъ въ виду, какъ явствуетъ изъ его предисловія, именно учащуюся молодежь). Правда, книга облечена въ красный переплетъ съ загадочною позолоченною завитушкою въ углышкѣ, но неужели же необходимо по поводу этой завитушки удваивать цѣну изданія?

Арнольдъ Бергеръ. Культурныя задачи реформаціи. Введеніе въ біографію Лютера. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ редакціей профессора Г. В. Форстена. Спб. 1901.

Книжка Бергера является недурнымъ научно-популярнымъ дополненіемъ къ работѣ Бецольда и къ другимъ новѣйшимъ трудамъ по исторіи реформаціи. Точка зрѣнія Бергера есть, въ сущности говоря, точка зрѣнія историка литературы,—но и она за-

конна и умѣстна, когда дѣло касается разработки такого сложнаго явленія, какъ реформація. Бергеръ занятъ періодомъ, предшествующимъ реформаціонной эпохѣ, и посвящаетъ свою книгу анализу тѣхъ явленій конца средневѣковья и XIV—XV вв., которыя, какъ онъ думаетъ, могутъ назваться либо симптомами, либо причинами будущаго успѣха лютеровской проповѣди.

Много говорить о книгѣ Бергера не приходится, потому что она представляетъ собою лишь живо изложенный компендіумъ давнишнихъ и новѣйшихъ результатовъ научной разработки культурной исторіи Ренессанса и предшествующаго времени. Такъ, „введеніе"—есть пересказъ нѣкоторыхъ мѣстъ Ранке и Бецольда, первая глава („выработка національнаго самосознанія") ничего не добавляетъ къ Янсену, вторая и третья главы—повтореніе руководящихъ идей Буркгардта и его послѣдователей въ исторіографіи Ренессанса, четвертая глава (религіозная жизнь средневѣковья) написана по Гауку (историку нѣмецкой церкви), Оуэну (историку итальянскаго скептицизма). Авторъ всѣхъ этихъ лицъ не упоминаетъ, но онъ и не настаиваетъ на своей оригинальности, а только группировкѣ матеріала придаетъ самостоятельное значеніе (предисловіе II). Хотя мы думаемъ, что онъ и въ этомъ отношеніи преувеличилъ степень своей самостоятельности, тѣмъ не менѣе выборъ книги Бергера для русской популярной серіи представляется намъ нелишеннымъ основанія: какъ популяризація, — стройная сводка фактовъ, даваемая авторомъ, очень и очень недурна; она, дѣйствительно, подводитъ читателя прямо къ первому моменту выступленія Лютера на міровое поприще.

Изложена книга довольно тяжелымъ языкомъ; переводъ иногда страдаетъ, съ своей стороны, неуклюжестями. Есть и совсѣмъ неудобочитаемыя мѣста, напр. на стр. 143: „такимъ образомъ діалектика заключала въ себѣ элементъ разложенія, и если онъ и дѣйствовалъ безсознательно, то все же приводилъ мысль къ конфликту, долженствующему вызвать, съ одной стороны, недовѣріе къ собственной правоспособности, а съ другой—неудовлетворенный скептицизмъ, полныя противорѣчія настроенія, все болѣе тупѣющій церковный механизмъ и жажда новой истины". Какъ это конфликтъ могъ вызвать „все болѣе тупѣющій церковный механизмъ" и къ чему относится именительный падежъ въ словѣ „жажда"? Въ огромномъ спискѣ опечатокъ, приложенномъ къ книгѣ, слово „жажда" на 143 страницѣ не значится.

Тѣмъ не менѣе, въ общемъ переводъ не препятствуетъ ознакомленію съ книгою. Переводчикъ, не смотря на частичныя погрѣшности, справился не безъ удачи со своимъ трудомъ.

В. В. Корсаковъ. Пекинскія событія. Личныя воспоминанія участника объ осадѣ въ Пекинѣ. Май—августъ 1900 года. Спб. 1901.

Съ большимъ интересомъ прочли мы книжку г. Корсакова. Въ качествѣ врача русскаго посольства онъ прожилъ въ Пекинѣ пять лѣтъ и только что получилъ отпускъ, чтобы ѣхать въ Россію, какъ разразились ужасныя событія. Чувство нравственнаго долга не позволило ему уѣхать; онъ не могъ оставить безъ медицинской помощи русскій десантъ, пришедшій защищать посольство на случай мятежа, остался на своемъ посту и приготовленные къ отправкѣ въ Россію багажные ящики легли въ основаніе баррикады.

Въ коротенькомъ предисловіи авторъ устанавливаетъ слѣдующее положеніе: „европейская, христіанская цивилизація внесла въ среду языческаго, но самобытно-культурнаго народа такія лицемѣріе и неправду, что иного исхода, какъ ненависть и презрѣніе у всѣхъ, любящихъ свою родину, европейцы и не могли ожидать. Проявленіе этой общенародной ненависти составляло лишь вопросъ времени и обстоятельствъ ей благопріятствующихъ“ (стр. XIV). Затѣмъ г. Корсаковъ задаетъ вопросъ: „что будетъ дальше? Гдѣ и когда будетъ положенъ конецъ этому кровавому дѣлу, которое внесло въ Китай разореніе, гибель и голодъ трудолюбиваго народа“? и тутъ же самъ отвѣчаетъ на него: „если Европа на самомъ дѣлѣ по правдѣ и справедливости дастъ миръ народу не окровавленными руками палачей, держащихъ срубленныя головы, а убѣжденіемъ людей знанія китайскаго народа и знанія человѣческой души вообще, то и миръ прочный возстановится легко. Если же возстановленіе мира будетъ создаваться жестокостями, насиліями и убійствами, то прочнаго мира быть не можетъ“ (стр. XV).

Этотъ отвѣтъ почтеннаго автора очень знаменателенъ, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи событій оказывается, что не всегда китайцы трусы, что и между ними есть прекрасные стрѣлки и, главное, что они очень быстро перенимаютъ у европейцевъ способы обороны... И кто знаетъ, чѣмъ кончится возможное новое возстаніе...

Первая часть книжки, озаглавленная авторомъ: „Въ ожиданіи событій“, начинается главой, посвященной историческому обзору сношеній европейцевъ съ китайцами. Эта глава—сплошной обвинительный актъ противъ европейцевъ и такимъ образомъ служитъ подтвержденіемъ положеній, выставленныхъ въ предисловіи. Начавшись въ 1516 году высадкой португальцевъ близъ Макао, эти сношенія первымъ дѣломъ выразились постройкой форта съ пушкой на стѣнѣ и, не смотря на миролюбіе, съ которымъ китайцы встрѣтили пріѣзжихъ, дальнѣйшая исторія сношеній сводится съ слѣдующей формулѣ: чѣмъ больше пріѣзжихъ — тѣмъ болѣе пушекъ плюсъ: пьянство, жестокость, грубость, развратъ и

непомѣрная жажда наживы и даже, при усмиреніи вспышекъ народной ненависти, чисто геростратовскіе подвиги, какъ, напримѣръ, подвигъ лорда Эльджина, который, взявъ въ 1860 г. Пекинъ безъ выстрѣла, чтобы отомстить китайцамъ за смерть нѣсколькихъ европейцевъ, „предалъ роскошнѣйшій и рѣдкостный по архитектурѣ и богатствамъ императорскій дворецъ Юань-минъ-юань на разграбленіе и сожженіе, приказавъ сжечь и всѣ таблицы предковъ императорской династіи, здѣсь хранившіяся. Болѣе ужаснаго мщенія и наказанія для китайскаго народа не существуетъ, какъ уничтоженіе таблицъ предковъ“ (стр. 35).

Набрасывая эту историческую картину, авторъ совершенно умалчиваетъ о другой, такъ сказать, половинѣ ея: о сухопутныхъ сношеніяхъ и главнымъ образомъ съ Россіей...

Очевидно, г. Корсакову хотѣлось передать читателю картину взаимныхъ отношеній пришельцевъ и туземцевъ въ моментъ взрыва въ возможно цѣльномъ, полномъ видѣ, и вотъ онъ, не задаваясь цѣлью исчерпать исторію сношеній, даетъ лишь краткую иллюстрацію характера ихъ, затѣмъ вторую главу посвящаетъ описанію европейскихъ новшествъ съ ихъ сказочными чудесами въ видѣ драконоподобныхъ, пышущихъ огнемъ и дымомъ паровозовъ; глубокихъ шахтъ, подбирающихся къ самой чешуѣ подземнаго дракона; сверкающихъ электричествомъ громадныхъ быстроходныхъ кораблей и окончательно уже непостижимыхъ телеграфовъ, телефоновъ и т. п. И, наконецъ, въ третьей главѣ, вводитъ насъ въ интимную жизнь китайца съ его своеобразной религіозной и обыденной философіей, съ его многовѣковымъ укладомъ жизни. Контрастъ получается поразительный и ясно становится, какъ чужды, непонятны другъ для друга эти два міра, какъ исключаютъ они другъ друга.

Мы не будемъ слѣдить за всѣмъ изложеніемъ автора по мѣрѣ развитія хода событій, скажемъ лишь, что вся работа г. Корсакова выясняетъ намъ ея автора, какъ человѣка вполнѣ безпристрастнаго, вдумчиваго и высокогуманнаго. Ни разу не обмолвился онъ злымъ словомъ, ни разу не вырвался у него даже упрекъ по адресу враговъ, такъ безпощадно мучившихъ его въ продолженіе двухъ долгихъ мѣсяцевъ самой страшной мукой страха за близкихъ, дорогихъ людей. Мало того, онъ энергично защищаетъ первыхъ ихетуанцевъ, указывая на ихъ высокія нравственныя качества; оказывается, что они „никогда не нападали на населеніе врасплохъ, но заранѣе, за нѣсколько дней предупреждали о нападеніи и истребленіи всѣхъ христіанъ огнемъ и мечемъ, предлагая лучше покинуть селенія и уйти“, а такъ-же и на то, что „сами они не пользовались ни одной вещью изъ имущества христіанъ“ (стр. 84).

Къ сожалѣнію, почтенный авторъ дѣлаетъ много отступленій отъ общаго плана изложенія и этимъ, кромѣ того, что ослабляетъ

цѣльность впечатлѣнія, затрудняетъ людей, чуждыхъ всѣмъ этимъ неяснымъ, спутаннымъ событіямъ, заставляя ихъ держать въ памяти, гдѣ началось изложеніе главныхъ центральныхъ событій, гдѣ оно кончилось и перешло въ постороннее сообщеніе и какъ связать всѣ эти разбросанные главные моменты въ одно стройное цѣлое. Затѣмъ онъ иногда перескакиваетъ отъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ осады, къ событіямъ, случившимся въ концѣ ея, часто безъ достаточно серьезнаго повода. Далѣе, авторъ часто говоритъ по два раза объ одномъ и томъ-же событіи, иногда совсѣмъ незначительномъ, напримѣръ—о присылкѣ въ осажденныя посольства льду во время жаровъ отъ китайскаго правительства, и въ то же время ни слова не говоритъ о такомъ крупномъ событіи, центральномъ для даннаго момента, какъ убійство германскаго посла.

Вотъ то немногое, что мы могли сказать о недочетахъ, чисто внѣшнихъ, работы г. Корсакова, и цѣль этихъ замѣчаній будетъ достигнута, если они облегчатъ почтенному автору трудъ исправленія ихъ и дополненія своей работы для слѣдующихъ изданій, которыя безъ сомнѣнія не замедлятъ понадобиться.

Доводчиковъ, К. К. Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши, плачемъ! Бесѣда лѣкаря съ крестьянами о заразной болѣзни скарлатинѣ и о денежныхъ убыткахъ отъ смерти дѣтей нашихъ. «Береженаго и Богъ бережетъ». Книжка для народнаго чтенія. Изданіе второе. Допущена Медицинскимъ Совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для обращенія въ народѣ. Романово-Борисоглѣбскъ. 1901. Цѣна 13 коп.

Популяризація спеціальныхъ знаній требуетъ отъ пишущаго, помимо безусловно необходимаго основательнаго и полнаго знакомства съ предметомъ, не менѣе основательнаго умѣнія пользоваться и языкомъ. Въ этомъ условіи лежатъ большія трудности. Всякое спеціальное знаніе имѣетъ свои термины, выражаемые или словами иностранными, или словами и родного языка, но употребляемыми не въ томъ смыслѣ, какъ они приняты въ общежитіи. Входить въ объясненіе каждаго термина не позволяютъ ни размѣры сочиненія—приходилось бы повторять учебникъ,—ни самая цѣль популяризаціи, касающейся большей частью не всей науки въ ея цѣломъ, а какого-либо ея отдѣла. Еще большія трудности стоятъ передъ авторомъ-популизаторомъ для народа. Здѣсь приходится взвѣшивать каждую фразу, каждое слово, постоянно останавливая себя вопросами: доступна ли такая фраза, или такое слово для необразованнаго читателя, заинтересуетъ ли его такое именно изложеніе предмета, не броситъ ли онъ на этомъ вотъ мѣстѣ мало понятной или мало интересной для него книги. Такими, какъ намъ кажется, трудностями и обусловливается малое количество имѣющихся въ нашей народной лите-

ратурѣ книжекъ для чтенія по научнымъ предметамъ, и въ частности по медицинѣ. Для выхода изъ такого затруднительнаго положенія нѣкоторые авторы придумали довольно легкій, но, къ сожалѣнію, совершенно ложный путь. Чтобы сдѣлать свое сочиненіе интереснымъ, они придаютъ ему форму беллетристическаго разсказа, а чтобы сочиненіе было понятно для народа, они излагаютъ его „народнымъ“ языкомъ. Это старый пріемъ, практиковавшійся еще средневѣковыми анатомами, изобрѣтавшими для студентовъ неприличные анатомическіе термины, „ut turpis scientia juvenibus magis grata reddatur“. Не будемъ говорить о достоинствахъ беллетристики въ такихъ произведеніяхъ. Извѣстно, что выходитъ въ тѣхъ случаяхъ, коль пироги начнетъ печи сапожникъ. Другое дѣло „народный“ языкъ такихъ самозванныхъ беллетристовъ. Этотъ своеобразный „подлый штиль“, предназначенный ad usum „черни непросвѣщенной“, вызываетъ въ читателѣ такое же чувство гадливости, какъ плоскія остроты балаганнаго шута. Представляемъ вниманію читателя нѣсколько образцовъ, взятыхъ изъ сочиненія г. Доводчикова. „Поди-ко наниматься, когда пузо на носъ лезетъ, или съ груднымъ тамъ младенцемъ“ (Орфографія подлинника). „Толстуха подскочила было смаху къ лошади. „Орликъ“ фыркнулъ, да ногой ее правой какъ цопнетъ. Хорошо, что не попалъ, вѣдь босая. Какъ бы онъ ее подковой-то приспособилъ!? Вотъ уха-то была бы!..“ „Ежели ужъ онъ или она, или оба вмѣстѣ родители пни такіе безчувственные, что имъ смерть ребенка нипочемъ, „какъ съ гуся вода“, такъ простой денежный разсчетъ въ дурью-то голову забрали бы, да и раскумекали“... „Тоже нашего брата прошиваютъ. Окромѣ того, что изругаютъ, да попросятъ еще попоститься на недѣльку г. исправникъ, или земскій начальникъ. Чище хрусталю высидишься, и на брюхѣ ровно вотъ шарманка играетъ; потому оно: „хлѣбъ да вода солдатская ѣда“...

Неправда-ли, какія все энергичныя выраженія? Такъ и кажется, что не останавливай автора цензурныя условія, онъ дошелъ бы въ своей народности и до такъ называемыхъ крѣпкихъ словъ. По приведеннымъ отрывкамъ читатели имѣютъ возможность заключить не только о стилистическихъ достоинствахъ книжки г. Доводчикова, но и объ игривости изложенія, способѣ аргументаціи автора, а если прочтутъ (т. е. будутъ имѣть терпѣніе прочесть) всю книгу, то узнаютъ и еще много любопытныхъ вещей: что писалъ эту книжку „старшій по Ярославской губерніи уѣздный врачъ“ Кириллъ Кирилловичъ, который служитъ въ Романово-борисоглѣбскомъ уѣздѣ столько лѣтъ, что „къ жарѣ онъ больно непереносливъ“, а чай любитъ пить съ медомъ, вмѣсто лица у него „патретъ“ („сейчасъ, сейчасъ, только патретъ свой умою“). Въ заключеніе мы только желали бы еще обратить вниманіе почтеннаго „Общества покровительства жи-

вотнымъ“ на слѣдующія строки изъ „бесѣды“ г. Доводчикова. „Добавлю на послѣдокъ одно еще: если есть щенки, маленькія собаченки, котята, кошки и больныя дѣти вѣдь непремѣнно съ ними играютъ и тѣхъ коли жаль,—перемой хорошенько и обсуши; а когда времени нѣтъ канителиться, такъ лучше всѣмъ имъ поставь крышку“. Поставить крышку, вѣроятно, значитъ умертвить.

Санитарное состояніе Оренбургской губерніи по даннымъ естественнаго движенія населенія за трехлѣтіе 1897—1899 г. г. Д-ра М. М. Кенигсберга. Изданіе Оренб. губ. распорядительнаго комитета по медико-статистическому бюро. Оренбургъ. 1901.

Этотъ капитальный трудъ по изслѣдованію одной изъ не-земскихъ губерній Россіи представляетъ несомнѣнно большой интересъ. Въ дѣлѣ изслѣдованія движенія народонаселенія въ неземскихъ губерніяхъ трудъ этотъ является первымъ по основательности и научной обработкѣ заключающихся въ немъ данныхъ. Наши не-земскія губерніи, захватывая обширный раіонъ съ многомилліоннымъ населеніемъ, въ отношеніи многихъ сторонъ своей жизни остаются до сихъ поръ совершенно необслѣдованными, вслѣдствіе ихъ исключительнаго, дореформеннаго положенія. Работа д-ра Кенигсберга касается, при томъ, такой окраины, гдѣ населеніе смѣшанное, гдѣ бокъ о бокъ съ православнымъ населеніемъ живутъ въ большомъ количествѣ и магометане, образъ жизни которыхъ рѣзко отличается отъ образа жизни православныхъ. Различныя бытовыя условія и вѣрованія, особенности въ складѣ семьи у разныхъ народовъ обусловливаютъ также, несомнѣнно, и различіе въ смертности, рождаемости и т. д., и изученіе этихъ вліяній представляетъ собою не только научный, но и чисто-практическій интересъ. Съ этой точки зрѣнія трудъ д-ра Кенигсберга заключаетъ въ себѣ много поучительнаго и интереснаго.

Авторъ съ чрезвычайною ясностью и полнотою, путемъ многихъ графическихъ таблицъ указываетъ на вліяніе разныхъ бытовыхъ условій жизни православныхъ и магометанъ на движеніе среди нихъ браковъ, рождаемости и смертности. Укажемъ, между прочимъ, на чрезвычайно интересное наблюденіе надъ дѣтской смертностью. Кто у насъ не знаетъ, какой бичъ для Россіи составляетъ огромная смертность грудныхъ дѣтей? Всѣмъ извѣстно, что въ православной Россіи смертность дѣтей до 1 года особенно усиливается лѣтомъ; но точно опредѣлить причину этого явленія до сихъ поръ не удавалось. Ее видѣли въ легкой скисаемости лѣтомъ молока, въ почвенныхъ условіяхъ и т. под. Въ разбираемомъ трудѣ, гдѣ дѣтской смертности посвящается особая глава, мы находимъ весьма интересное наблюденіе, въ значительной мѣрѣ объясняющее фактъ повышенной дѣтской смертности въ

теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ у православнаго населенія. Дѣло въ томъ, что въ Оренбургской губ., какъ выясняется д-ромъ Кенигсбергомъ, смертность грудныхъ дѣтей колеблется совершенно различно у магометанъ и у православныхъ. Въ то время, какъ у послѣднихъ, подобно остальной православной Россіи, максимумъ смертности грудныхъ дѣтей приходится на лѣтнее время, у магометанъ Оренбургской губерніи на это время приходится чуть ли не минимумъ смертности грудныхъ дѣтей. Эта рѣзкая разница между магометанами и православными, живущими въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, зависитъ, оказывается, отъ разницы питанія грудныхъ дѣтей у тѣхъ и у другихъ. По предписанію корана магометанки обязаны кормить своихъ дѣтей въ теченіе двухъ лѣтъ, и это требованіе проводится ими въ жизни съ возможною строгостью. Магометанская бѣдная семья отправляется лѣтомъ на полевыя работы со всѣмъ своимъ скарбомъ и со своими грудными дѣтьми, тогда какъ православные крестьяне оставляютъ сплошь и рядомъ грудныхъ дѣтей на попеченіе старухъ и подростковъ, и дѣти кормятся, какъ придется. Констатируя эту причину, д-ръ Кенигсбергъ рекомендуетъ бороться съ нею путемъ устройства въ русскихъ деревняхъ на лѣто яслей, которыя, улучшая питаніе грудныхъ дѣтей и уходъ за ними, могутъ до нѣкоторой степени понизить громадную дѣтскую смертность.

Съ внѣшней стороны трудъ д-ра Кенигсберга, представляющій собою большой томъ почти въ 400 страницъ, изданъ весьма изящно и дѣлаетъ честь оренбургскому распорядительному комитету.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій ***В. Г. Бѣлинскаго***. Въ 12 томахъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. V. Съ портретомъ Бѣлинскаго. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Полное собраніе сочиненій ***Артура Шопенгауэра***. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Вып. VI. М. 1902. Подписная ц. на все изданіе 8 р.

Лисъ Патрикѣевичъ. Поэма ***І. В. Гёте***. Съ 36 эстампами на мѣди и 24 гравюрами по рисункамъ Каульбаха. Переводъ В. С. Лихачева. Изданіе А. Ф. Маркса. Вып. І. Спб. 1901. Ц. 1 р. Подписная ц. на все изданіе 12 р., съ доставкой и перес. 14 р.

Елена Буланина. Раздумье. Стихотворенія. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

К. Случевскій. Пѣсни изъ уголка. Съ портретомъ автора. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902.

Петръ Вейнбергъ. Стихотворенія. Съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній Гейне изъ Тамбова. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Галина. Стихотворенія. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Григорій Арищенко. Любовь. Стихотворенія. Спб. 1902. Ц. 1 р.

С. Я. Надсонъ. Недопѣтыя пѣсни. (Изъ посмертныхъ бумагъ). Съ новымъ портретомъ автора. Собственность о-ва для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. Ц. 1 р.

Стихотворенія *Н. Н. Бахметева*. 2-е изданіе. М. 1901. Ц. 80 к.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Думы и грезы. Павлоградъ. 1901. Ц. 45 к.

Ив. Лебедевъ-Одинокій. Въ тревогѣ и борьбѣ. Записки погибавшаго и стихотворенія. Изданіе М. А. Ильина. М. 1902. Ц. 75 к.

Антонъ Чеховъ. Разсказы. Т. VIII и IX. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. за томъ.

Вас. Брусянинъ. Разсказы. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. Ц. 1 р.

Кн. В. В. Барятинскій. Разсказы. Мысли и замѣтки. Спб. 1901. Ц. 1 р.

П. Бакалейникъ. Исповѣдь милліонера. Спб. 1902. Ц. 1 р.

А. Луговой. Pollice verso.—Добей его! Параллели. Съ 87 рис. А. В. Маковскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1901. П. 3 р.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. Изданіе «Скорпіона». М. 1902. Ц. 1 р. 35 к.

Вѣра въ жизнь. Шестидесятые годы. Романъ въ двухъ частяхъ *К. Лавриченко*. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Какъ мы поселились въ деревнѣ. Книга для всѣхъ *П. Н. Полевого*. Съ 38 рис. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1901.

А. Свирскій. Рыжикъ. Приключенія маленькаго бродяги. Изданіе редакціи «Всходовъ». Спб. 1902. Ц. 80 к.

Изданія А. Ф. Маркса. Спб. 1901. *Н. Гоголь*. Тарасъ Бульба. 5-е изданіе. Съ рис. Ц. 18 к.—Ревизоръ. 4-е изд. Съ рис. Ц. 20 к.—Вій. 3-е изд. Съ рис. Ц. 9 к.—Ночь передъ Рождествомъ. 3-е изд. Съ рис. Ц. 10 к.—Майская ночь. 3-е изд. Съ рис. Ц. 7 к.—Старосвѣтскіе помѣщики. 2-е изд. Съ рис. Ц. 6 к.—Шинель. 3-е изд. Съ рис. Ц. 8 к.—Страшная месть. 2-е изд. Съ рис. Ц. 8 к.—Женитьба. 4-е изд. Съ рис. Ц. 8 к.—Пропавшая грамота. 3-е изд. Съ рис. Ц. 5 к.—Сорочинская ярмарка. 4-е изд. Съ рис. Ц. 6 к.—Вечера на хуторѣ близь Диканьки. 3-е изд. Съ рис. Ц. 6 к.—Заколдованное мѣсто. 3-е изд. Съ рис. Ц. 5 к.—Коляска. 2-е изд. Съ рис. Ц 5 к.

Изданія книжнаго склада Д. П. Ефимова. М. 1901. *М. Юрьева*. Юный работникъ. Разсказы для дѣтей. Съ рис. Ц. 25 к.—*І. А. Любичъ-Кошуровъ*. Ворона и ея знакомые. Съ рис. Ц. 40 к.—*Э. Жебаръ*. Пія и Викторинъ. Историческая повѣсть. Пер. съ франц. В. Кошевичъ. Съ рис. Ц. 1 р.—*Н. И. Перельгинъ*. Неожиданный гость. Съ рис. Ц. 20 к.—*І. А. Любичъ-Кошуровъ*. Ничипоръ Бородай. Украинская легенда. Съ рис. Ц. 30 к.—Красный звонъ. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Составилъ *А. В. Кругловъ*. Съ рис. Ц. 50 к.—*Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ*. Филимоша. Разсказъ. Съ рис. Ц. 30 к.—*Н. И. Перельгинъ*. Черевички. Повѣсть для дѣтей. Съ рис. Ц. 20 к.

Изданія Комитета Харьковскаго о-ва распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ. 1901. А. Г. Разумовскій. Историческій разсказъ *Д. П. Миллера*. Ц. 3 к.—Швейцарія *Ел. Радановой и А. Савичъ*. 3-е изд. Ц. 3 к.—Магометъ. Историч. разсказъ. Ц 3 к.—Сестра Катерина. *С. Р.* 4-е изд. Ц. 1½ к.—Карлъ Великій. *С. Р.* Ц. 1½ к.—Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ. 2-е изд. *Д. П. Миллера*. Ц. 3 к.—Друзья. Разсказъ. 4-е изд. Ц. 1½ к. — Жанна д'Аркъ. *С. Р.* 4-е изд. Ц. 1½ к.—Жидъ. Разсказъ *Г. А. Мачтета*. 2-е изд. Ц. 3 к.—Маленькіе странствующіе итальянцы въ Англіи. 2-е изд. Ц. 3 к.—О томъ, какіе повѣрья и обычаи особенно вредны. *Н. Ѳ. Сумцова*. 2-е изд. Ц. 1½ к.—Де що зъ Кобзаря. *Т. Г. Шевченка*. Ц. 5 к.—Отважный путешественникъ Нансенъ. *Евг. Сно*. Ц. 5 к.—Воздухъ и явленія, въ немъ происходящія.—Бесѣды о внутренности земли. Ц. 4 к.—Буры и ихъ страна. Ц. 3 к.—Маленькій Стась. *Болеслава Пруса*. Переводъ М. З. Ц. 3 к.—Генри Стэнли. *Евг. Сно*. Ц. 4 к.—О лугахъ и луговомъ хозяйствѣ. Ц. 3 к.—Котуко. Повѣсть *Р. Киплинга*. Переводъ. А. П. Ц. 3 к.

Библіотека для дѣтей и для юношества подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. М. 1901. Счастье бѣднаго малыша. Разсказъ *Кэтъ Дугласъ-Виггинсъ*. Переводъ съ англ. Е. Б. Съ рис. Ц. 25 к.—*Ея же*. Веселая рѣчка или Тимошины поиски. Съ рис. Ц. 50 к.—Красавецъ Джой. Исторія собаки, расказанная ею самою. *Маршаллъ Саундерсъ*. Съ англ. Е. Б. Съ рис. Ц. 60 к.—Садикъ маленькаго

Гарри. Разсказъ *Уйда*. Съ англ. П. А. Буланже. Съ рис. Ц. 20 к.—Дружба въ мірѣ животныхъ. Разсказы. *А. Ульяновой*. Съ рис. Ц. 25 к.—Что разсказывала мама. Съ англ. перевела В. Величкина. Съ рис. Ц. 50 к.—Въ царствѣ лѣсовъ и полей. Составилъ *Бернгардъ Линдсбергъ*. Переводъ съ нѣм. С. А. Порѣцкаго. Съ рис. Ц. 1 р. 30 к.

Шевченко. Повисти. Два тома. Кіевъ. 1901. Ц. 40 к. за томъ.

Д. Зеленинъ. Новыя вѣянія въ народной поэзіи. М. 1901. Ц. 25 к.

Антонъ Шенбахъ. Чтеніе и образованіе. Совѣты читающимъ. Переводъ съ нѣм. и изданіе Ю. А. Говсѣева. Кіевъ. 1902. Ц. 40 к.

Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1899 г. Т. I. вып. I. Составилъ *В. С. Сабанинъ*. Изданіе Русскаго о-ва дѣятелей печатнаго дѣла. Спб. 1901. Ц. за весь годъ (4 вып.). 6 р.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Переводъ Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ подъ редакціей Ю. Энгеля. Изданіе П. Юргенсона. Вып. II. М. 1901. Ц. по подпискѣ 6 р.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Вып. XIII. Ц. 40 к.

В. Шенрокъ. П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ. 1901.

«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Н. И. Стороженка, изданный его учениками и почитателями. М. 1902. Ц. 2 р.

М. Н. Розановъ. Поэтъ періода «бурныхъ стремленій» Якобъ Ленцъ, его жизнь и произведенія. Критическое изслѣдованіе. Съ приложеніемъ неизданныхъ матеріаловъ. М. 1901. Ц. 2 р.

В. Джемсъ. Стоитъ ли жить? Переводъ съ англ. Н. Н. С. 2-е изданіе. М. 1901. Ц. 20 к.

Джемсъ Марнъ Бальдвинъ. Введеніе въ психологію. (Общій обзоръ науки о душѣ). Переводъ съ англ. подъ ред. Н. Н. Спиридонова. М. 1902. Ц. 1 р.

Уилльямъ Джэмсъ. Бесѣды съ учителями о психологіи. Перев. съ англ. А. Громбаха. Изданіе С. С. Скирмунта. М. 1902. Ц. 50 к.

Гр. Ѳ. Симоненко. Возможно ли возрожденіе нашихъ университетовъ при сохраненіи въ нихъ нынѣшней системы преподаванія. Варшава. 1901. Ц. 60 к.

Картины изъ жизни животныхъ. Съ 300 рис. Очерки *Н. П. Вагнера*. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1901.

Грантъ Алленъ. Въ тайникахъ природы. Перев. съ англ. М. П. Волошинской. (257 рис.). Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Д-ръ *Желэ*. Преобразуемость живыхъ организмовъ. Переводъ съ франц. В. Ранцова. Изданіе А. Большакова и Д. Голова. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

С. К. Жестокости современной науки. М. 1901. Ц. 20 к.

Первоначальныя понятія о теплотѣ съ примѣрами изъ области техники. Составилъ *Т. Громовъ*. Саратовъ. 1901. Ц. 40 к.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго общества, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Т. XII. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Происхожденіе и развитіе демократіи и республики. Переводъ съ франц. Н. Кончевской. Изданіе С. С. Скирмунта. М. 1902. Ц. 3 р.

Э. Лависсъ и А. Рамбо. Исторія французской революціи. Переводъ съ франц. М. Іолшина. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Ирландіи. (Съ XII в. до нашихъ дней). Съ портретами Парнеля и О'Коннеля. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1902. Ц. 80 к.

Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. II. Спб. 1901.

В. Водовозовъ. Изслѣдованіе г. Тарле по соціальной исторіи Англіи. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Народное Хозяйство»). Спб. 1901. Ц. 20 к.

Г. I. Нибуръ. Рабство какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англ. А. Н. Максимова. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1902. Ц. 2 р.

Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. (Древній міръ). Соч. *В. Кеннингема*. Переводъ съ англ. П. С. Когана. Съ 5-ю картами. Т. I. М. 1902. Ц. 1 р. 20 к.

Проф. *Теодоръ фонъ-деръ-Гольцъ*. Аграрный вопросъ и аграрная политика. Переводъ съ нѣм. Д. Флексора. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Шведы и норвежцы. *Е. Водовозовой*. Спб. 1901. Ц. 40 к.

Извѣстный. Кругомъ отъ Владикавказа до Владивостока. Спб. 1902. Ц. 55 к.

Путеводитель по великой сибирской

желѣзной дорогѣ. Подъ редакціей А. И. Дмитріева-Мамонова. Съ портретами, 108 фотогравюрами, картами Сибири и Манчжуріи. М. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Памятная книжка и адресъ-календарь Уральской области на 1902 годъ. Изданіе Уральскаго областного статистическаго комитета подъ редакціей Н. Н. Юхновскаго. Уральскъ. 1901. Ц. 60 к.

Екатеринославское научное общество. Сентябрь—Ноябрь 1901 г. Екатеринославъ. 1901.

Н. Любовичъ. Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава. 1901.

А. А. Кауфманъ. Сибирское переселеніе на исходѣ XIX вѣка. Историко-статистическій очеркъ. 2-е изданіе. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Лѣсъ и лѣсное хозяйство въ разныхъ государствахъ. Статистическое изслѣдованіе *Ант. Ант. Радцига*. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

С. В. Бородаевскій. Международный конгрессъ по народному кредиту въ Парижѣ. Спб. 1901. Ц. 50 к.

О мѣрахъ развитія промысловъ и колонизаціи Мурмана. *Н. В. Романова*. Изданіе комитета для помощи поморамъ русскаго сѣвера. Спб. 1901.

М. И. Покровская. Врачебно-полицейскій надзоръ за проституціей способствуетъ вырожденію народа. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Подъ редакціей М. Н. Нижегородцева. Вып. VI. Изданіе Русскаго о-ва охраненія народнаго здравія. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Книга для крестьянъ о лучшемъ устройствѣ сельскаго хозяйства. *Ивана Шубарта*. Съ приложеніемъ статьи проф. Леске. А также о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Саксоніи и о томъ, какъ можно завести такое хозяйство у насъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями учительницы сельскаго народнаго училища. Ю. С. Еремѣевой. Кіевъ. 1901. Ц. 30 к.

Начальное обученіе глухонѣмыхъ родной рѣчи. Составили *Е. Николаева и Е. Заморенко*. Съ 350 рис. въ текстѣ. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Отчетъ Московскаго о-ва содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій за 1900 г. М. 1901.

Книга о языкѣ Гоголя.

I. Мандельштамъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета. *О характерѣ гоголевскаго стиля*. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ, 1902.

Своимъ обширнымъ изслѣдованіемъ проф. Мандельштамъ дѣлаетъ вкладъ въ литературу, которая у насъ еще должна быть создана: литературу изученія языка отдѣльныхъ писателей. Въ европейской наукѣ такихъ изслѣдованій множество. У нѣмцевъ пишутъ цѣлыя диссертаціи не только о языкѣ „Buch der Lieder“ Гейне (Зелигъ, 1891), но даже о глагольныхъ формахъ въ гетевскомъ „Тассо“ (Тэвсъ, 1894); у французовъ въ великолѣпныя гашеттовскія изданія національныхъ классиковъ („Les grands écrivains de la France“) входятъ не только провѣренные и полные тексты ихъ произведеній со всякими примѣчаніями и объясненіями, но также цѣлые словари ихъ языка, занимающіе часто по два тома въ десяти-томномъ собраніи сочиненій. И едва-ли кто-нибудь думаетъ теперь, что это—обременительный балластъ ге-

лертерскихъ измышленій, нужный только спеціалистамъ. Разнообразныя характеристики стиля мы привыкли встрѣчать въ критическихъ оцѣнкахъ литературныхъ произведеній, и не сомнѣваемся въ умѣстности такихъ характеристикъ. Но что онѣ представляютъ собой почти всегда? Въ лучшемъ случаѣ—подборъ эпитетовъ, выражающихъ впечатлѣніе, произведенное на критика слогомъ разбираемаго произведенія, художественныя интуиціи, произвольныя и неустойчивыя, на мѣсто научнаго анализа. Всякій вспомнитъ извѣстную характеристику пушкинскаго стиха у Бѣлинскаго: „И что же это за стихъ! Античная пластика и строгая простота сочетались въ немъ съ обаятельной игрой романтической риѳмы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явились въ немъ въ удивительной полнотѣ; онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ волны, тягучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря“. И, конечно, нельзя не признать доли истины въ той непочтительной пародіи, которой Писаревъ отвѣчалъ на эти зыбкія сравненія: „напрасно Бѣлинскій не прибавилъ еще, что стихъ Пушкина красенъ, какъ вареный ракъ, сладокъ, какъ сотовый медъ, питателенъ, какъ гороховый кисель, вкусенъ, какъ жареная тетерька, упоителенъ, какъ рижскій бальзамъ и ѣдокъ, какъ сарептская горчица“. И такія характеристики легко пародировать; самое слабое мѣсто ихъ то, что онѣ—иногда очень красивыя и яркія, быть можетъ, и вѣрныя по существу, висятъ въ воздухѣ, не основаны ни на чемъ, кромѣ впечатлѣній, которыя легко обманываютъ, и, наконецъ—по бѣдности языка—представляютъ собою общія мѣста, примѣнимыя къ чему угодно. Между тѣмъ, научное изученіе языка всякаго писателя, занимающаго мѣсто въ исторіи литературы, и возможно, и необходимо. Языкъ писателя есть языкъ опредѣленнаго народа въ опредѣленную эпоху; писатель принадлежитъ къ извѣстной группѣ или, вѣрнѣе, къ цѣлому ряду группъ, взаимоотношеніемъ которыхъ опредѣляется его личность, его творчество, его языкъ. Употребляя обще-литературный языкъ, онъ, какъ и всякій говорящій, преобразуетъ его. Изслѣдованіе, не довольствуясь нашимъ безсознательнымъ чутьемъ, подмѣчающимъ индивидуальныя особенности рѣчи, должно формулировать и регистрировать ихъ; оно выдѣляетъ всѣ разнообразные элементы слога, оцѣниваетъ ихъ комбинацію, опредѣляетъ собственный вкладъ писателя въ словарь, формальное строеніе, въ фразеологію языка. Кто думаетъ, что это будетъ изученіе формы, тотъ ошибается: это есть уясненіе содержанія, ибо въ томъ, что называется формой, нѣтъ ничего, что бы не было содержаніемъ *). Ма-

*) Это замѣчаніе было уже сдѣлано на страницахъ «Русскаго Богатства» («Сборникъ» 1899 г.) и въ свое время вызвало возраженія, на которыя, ка-

лѣйшее фонетическое измѣненіе придаетъ слову новую эмоціональную окраску и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ новый оттѣнокъ его значенію. О синонимикѣ и говорить нечего; все новое въ творчествѣ есть новый нюансъ мысли—и гдѣ же онъ найдетъ выраженіе, какъ не въ новомъ полутонѣ рѣчи. Формальные элементы ея—падежи, наклоненія, порядокъ словъ, всевозможныя отклоненія отъ обычныхъ формъ—также выразительны. Наконецъ, равнымъ образомъ не къ внѣшней оболочкѣ рѣчи, а къ самому существу содержанія относятся и тѣ традиціонные и новые обороты, которые риторика назвала фигурами, и равно многообразныя формы поэтическаго иносказанія, извѣстныя подъ названіемъ троповъ. Все это должно быть выяснено, опредѣлено, изучено—и нѣкоторую долю такой работы съ успѣхомъ исполнилъ авторъ лежащаго предъ нами труда.

Въ основаніе своихъ выводовъ онъ положилъ необъятное множество фактовъ, подмѣченныхъ и собранныхъ съ такимъ вниманіемъ и терпѣніемъ, которому отдастъ честь всякій, кто и не согласится съ его конечными результатами. Эти груды отдѣльныхъ выраженій, словечекъ, эпитетовъ, сравненій, оборотовъ, распредѣленныхъ по рубрикамъ, приведенныхъ въ нѣкоторую систему, производятъ интересное впечатлѣніе. Было бы преувеличеніемъ сказать, что это изслѣдованіе вводитъ насъ въ самую мастерскую и знакомитъ непосредственно съ процессомъ художественнаго творчества; но оно показываетъ намъ въ видѣ сырого, неиспользованнаго матеріала на палитрѣ художника тѣ краски, которыми мы восторгались на картинѣ—и это уже кой-что. Это—начало изученія микроструктуры литературнаго произведенія, и какъ изученіе клѣточки даетъ намъ ключъ къ пониманію жизни всего организма, такъ и эта литературная гистологія даетъ возможность понять многое изъ того, что было недоступно прежнимъ методамъ изслѣдованія. Но это, конечно, только методъ—не больше,

---

жется, умѣстно будетъ отвѣтить здѣсь. По мнѣнію Ѳ. Д. Батюшкова («Въ борьбѣ со словомъ» въ «Журн. мин. нар. пр.» 1900, № 2), въ формѣ «не все неизмѣнно представляется содержаніемъ. Бываютъ и «пустыя формы», то есть, *не* вызывающія въ насъ соотвѣтствующаго имъ содержанія». Въ соотвѣтственномъ текстѣ говорилось, собственно, не о такихъ случаяхъ, если-бы они и были возможны; говорилось о той формѣ, къ которой стремится нѣкоторое содержаніе, по существу еще не выяснившееся и, такъ сказать, недостойное этого названія, но существующее и ощущаемое творческой мыслью писателя. Форма, наконецъ, обрѣтенная, не будетъ безразлична для такого содержанія. Она преобразуетъ его, и это даетъ право сказать, что въ ней все выразительно, все содержательно. Во всякомъ случаѣ, если ужъ расширять спорное положеніе и видѣть въ немъ утвержденіе: пустыхъ формъ нѣтъ,—то на это надлежало бы отвѣтить указаніемъ такихъ формъ; мы такихъ не знаемъ. Бываютъ въ искусствѣ явленія, въ которыхъ содержаніе совпадаетъ съ формой (геометрическій орнаментъ, звуковой ритмъ); мы назвали бы ихъ чистыми формами, но никакъ не пустыми, такъ какъ невозможно отрицать ихъ эмоціональное дѣйствіе.

и результаты его примѣненія зависятъ болѣе всего отъ тѣхъ рукъ, которыя примѣняютъ.

Работа проф. Мандельштама богата матеріалами и попытками сдѣлать изъ нихъ выводы. Постановка вопросовъ—главная его заслуга. Онъ ведетъ изслѣдованіе широко, неизмѣнно ставя его на общую почву психологической теоріи творчества и попутно представляя разнообразныя соображенія, выходящія за предѣлы изученія языка отдѣльнаго писателя. Основной проблемой въ опредѣленіи гоголевскаго стиля является для него — какъ и должно быть—вопросъ о связи языка Гоголя съ тѣми традиціонными формами, которыя его творчество застало готовыми въ живой рѣчи и въ литературѣ народной и индивидуальной. Онъ считаетъ языкъ Гоголя не только народнымъ, но простонароднымъ, по преимуществу,—*демократичнымъ* даже, „не находя другого выраженія для обозначенія существеннѣйшаго признака, которымъ языкъ Гоголя отличается отъ языка всѣхъ писателей". Эту народность гоголевскаго стиля, находящуюся въ связи съ его несравненной общедоступностью, авторъ объясняетъ нѣсколькими разнохарактерными причинами: „во-первыхъ, отчасти воспитаніемъ; большой близостью къ самымъ не сложнымъ вопросамъ жизни въ продолженіе долгаго времени; исключительной любовью къ Малороссіи, вѣчно къ себѣ привлекавшей хорошими сторонами патріархальнаго быта; развитымъ чувствомъ сознанія своей народности во всей странѣ (въ то время), большою сплоченностью сословій". Второю причиной народности гоголевскаго языка авторъ считаетъ то, что Гоголь спеціализировался въ области вопросовъ нравственныхъ. „Его теоретическія представленія въ этомъ отношеніи могли быть не обоснованы философски; но съ чутьемъ самой простой правды, общечеловѣческой правды, подходилъ къ этическимъ вопросамъ; голосъ совѣсти, голосъ самой элементарной любви къ собрату подсказывалъ ему то, чего быть не должно. Не дѣлай другому того, что не желаешь, чтобъ тебѣ сдѣлали. Это его мораль. И такъ какъ эта мораль общечеловѣческая, она этимъ самымъ демократична. Въ этомъ источникъ и демократичности стиля. Такъ какъ Гоголь въ поэзіи своей не поучаетъ морали, а показываетъ отступленія отъ нея... отступленія, постоянныя, ежеминутныя, повсюдошнія, то языкъ его и принялъ выраженіе такой обыденности. Въ этомъ все дѣло". Едва ли эти дедуктивныя доказательства удовлетворятъ кого-либо. Если Гоголь былъ такъ необычайно народенъ въ своемъ языкѣ, какъ находитъ его изслѣдователь, то, конечно, не потому, что былъ моралистомъ; моралистами были и другіе наши великіе писатели,— по мнѣнію проф. Мандельштама, менѣе народные въ своемъ языкѣ; моралистомъ былъ Гоголь и въ своей прозѣ,—неуклюжей, натянутой и далеко не общедоступной. Что касается до того сознанія племенной общности, которое будто бы обусловило народ-

ность гоголевскаго стиля, то вѣдь Гоголь—какъ показываетъ самъ авторъ (стр. 196—208)—живѣе всего чувствовалъ свою связь съ народностью малорусской, а писалъ на языкѣ ему не вполнѣ родномъ—великорусскомъ. Не даромъ онъ писалъ: „прежде чѣмъ пріймусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью. Боюсь нагрѣшить противу языка". И, какъ извѣстно, онъ грѣшилъ достаточно.

Не показались намъ убѣдительными также факты, подобранные авторомъ для выясненія народности гоголевскаго стиля. Мы не возражаемъ противъ тезиса—онъ кажется намъ допустимымъ; быть можетъ, позднѣйшее изслѣдованіе подкрѣпитъ его достаточными основаніями. Но такихъ основаній мы не нашли въ работѣ лежащей передъ нами. И здѣсь главная причина этого—фатальная неясность основныхъ положеній, представляющая ея ахиллесову пяту. Что такое тотъ „народный" языкъ, исключительное пользованіе которымъ составляло особенность творчества Гоголя,—мы такъ и не узнаемъ. „Въ большинствѣ случаевъ Гоголь говоритъ тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ говорятъ самые обыкновенные люди—и, однако, только Гоголь умѣлъ воспроизвести эту рѣчь. Въ этомъ его тайна". Затѣмъ идетъ глава „Связь стиля Гоголя съ языкомъ народа". И что же мы находимъ въ ней? Нѣсколько указаній на совпаденіе стилистическихъ и элементарно-поэтическихъ пріемовъ у Гоголя и въ народной поэзіи: любовь къ тавтологіи, къ такъ называемому hendiadys и т. п. Но если бы все это было даже убѣдительно, развѣ повседневный языкъ, „которымъ говорятъ самые обыкновенные люди", и языкъ народной поэзіи—одно и то же? Глава X носитъ названіе „Внесеніе русскаго народнаго (простонароднаго) элемента". Факты перечисленные въ ней, относятся именно къ употребленію простонародныхъ выраженій тамъ, гдѣ это было нужно. Но народный и простонародный не одно и тоже, и ставить эти термины, какъ однозначущіе, значитъ смѣшивать то, что должно быть раздѣльно. Простонародными словами Гоголь, дѣйствительно, интересовался. Художникъ-жанристъ, онъ составлялъ даже словарь колоритныхъ провинціализимовъ, которыми умѣло пользовался въ своихъ произведеніяхъ, но едва ли есть необходимость преувеличивать значеніе этихъ живописныхъ простонародныхъ элементовъ и противополагать языкъ Гоголя языку другихъ нашихъ великихъ писателей. „Какъ ни художественъ языкъ, какъ ни національнъ онъ у Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Достоевскаго, онъ—полагаетъ проф. Мандельштамъ,—не проникнутъ духомъ, который свидѣтельствовалъ бы о преобладаніи элементовъ, исключающихъ мысль о томъ, что онъ *не* касается всѣхъ и каждаго". Мы думаемъ, что дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Пушкинъ не справлялся съ записной книжкой, чтобы писать языкомъ насквозь русскимъ; Гоголь-же черпалъ изъ нея такія слова, какъ *кирченая изба*,

причвокивать, *турлыканье* и т. п. Они очень колоритны, но назвать ихъ общепонятными трудно; малороссійскія выраженія, какъ извѣстно, даже потребовали особаго словарика, составленнаго и приложеннаго къ повѣстямъ самимъ Гоголемъ. Еще менѣе подходитъ названіе общепонятныхъ къ такимъ гоголевскимъ новообразованіямъ, какъ *несбытодуміе*, *безпроисшествіе*, *обдумье*, *окупленіе*, *цѣлизна*, *опретчивость*,—а ихъ множество, особенно въ письмахъ Гоголя. Еще больше грамматическихъ неправильностей—*диче*, *ярчѣе оглянутый* и т. п. Неужто-же этотъ писатель, столь недостаточно чуткій къ формамъ и звукамъ великорусскаго языка, оказался въ немъ „народнѣе" величайшихъ мастеровъ и двигателей русскаго слова? Это было бы чудомъ—и въ дѣйствительности этого чуда не убѣждаютъ изысканія проф. Мандельштама.

Въ главѣ объ отличіи языка Гоголя отъ языка другихъ писателей русскихъ мы не нашли опредѣленныхъ признаковъ этого отличія. Вмѣсто того, чтобы собрать факты для рѣшенія этого интереснаго вопроса, а затѣмъ сдѣлать отсюда возможные выводы о личности Гоголя, авторъ предпочелъ идти обратнымъ путемъ: „отсылая читателя къ превосходнымъ книгамъ г. Шенрока, Кулиша, которыя дадутъ разъясненія для пониманія характера Гоголя, я остановлюсь на выводахъ изъ данныхъ, приводимыхъ біографами. На основаніи ихъ возможны заключенія о его стилѣ". Понятно, что эти апріорныя разсужденія не привели ни къ чему. Мы не располагаемъ еще ни твердо установленными нормами зависимости стиля писателя отъ его психики, ни исчерпывающимъ анализомъ характера Гоголя. Какъ же мы будемъ по даннымъ его біографіи дѣлать заключенія о его языкѣ? Примемъ даже за несомнѣнное, что Гоголь, рисуя отрицательные образы, старался, путемъ этого изображенія и объективированія людскихъ недостатковъ, очиститься отъ нихъ; будемъ считать совершенно безспорнымъ, что Гоголь писалъ Хлестакова съ себя. Но характеристика Гоголевскаго стиля должна быть не выводомъ изъ этого предположенія, а доводомъ для его подтвержденія *). И затѣмъ гдѣ-же здѣсь указанія на индивидуальныя особенности Гоголевскаго стиля? А дальше идутъ общія мѣста, ни мало не захватывающія языка

*) Такъ и дѣлалъ покойный Потебня, доказывая ту-же мысль цитатами изъ писемъ Гоголя (кой-что изъ нихъ приводитъ и проф. Мандельштамъ). Въ докладѣ г. Савинова на ту-же тему, прочитанномъ въ концѣ истекшаго года въ Харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ, говорилось,—судя по изложенію мѣстной газеты,—между прочимъ, слѣдующее: «Даже въ слогѣ того, кѣмъ гордится наша словесность, замѣчается хлестаковщина вообще и спеціальныя хлестаковскія стилистическія формулы... Хлестаковщина—не простая ложь, а—«гипербола въ крови», отъ которой чрезвычайно трудно отдѣлаться». По указанію докладчика «всѣ литературныя произведенія Гоголя и характеризуются гиперболой и противоположной риторической фигурой литотесомъ.

писателя,—все „вокругъ да около“. И въ заключеніе—неожиданный афоризмъ: „если Альфонсъ Додэ говоритъ о себѣ: „всѣ мои глаза въ ушахъ, какъ у слѣпого“, то Гоголь могъ бы о себѣ сказать „всѣ мои уши въ глазахъ“, до такой степени онъ все видѣлъ ясно, что происходило вокругъ него, до такой степени онъ былъ наблюдателемъ въ сферѣ, служившей источникомъ его творчества“. Удивительно характерное мѣсто. Додэ говоритъ вещь совершенно опредѣленную и очень цѣнную для изслѣдователя его стиля: у него слуховыя ощущенія перевѣшиваютъ; сложныя явленія онъ апперципируетъ съ ихъ звуковой, а не зрительной стороны. Было бы очень интересно найти доказанное утвержденіе, что у Гоголя это было наоборотъ, что у него преобладали зрительные образы; это было бы дѣйствительно вкладомъ въ изученіе Гоголевской стилистики. А вѣдь слова—„онъ былъ наблюдателемъ въ сферѣ, служившей источникомъ его творчества“—просто расплывчатое „туманное пятно“.

Гораздо болѣе содержательными показались намъ замѣчанія о вліяніи на стиль Гоголя современныхъ ему писателей. Великому реалисту было весьма сродни неясное стремленіе къ неопредѣленнымъ областямъ—и въ современной ему изящной словесности онъ нашелъ готовыя формулы для выраженія этихъ смутныхъ порывовъ: реторика романтизма была первичной формой настроеній Гоголя; языкъ Жуковскаго оказалъ рѣшающее и и довольно устойчивое—вплоть до „Тараса Бульбы“ и даже до портрета Улиньки—вліяніе на его языкъ. Также значительны, но болѣе глубоки и потому меньше бросаются въ глаза слѣды вліянія Пушкина; они очевидны тамъ, гдѣ они поверхностны—какъ напр. въ „Гансѣ Кюхельгартенѣ“. Вліяніе со стороны Пушкина въ позднѣйшую пору творчества авторъ обходитъ: „оно касается идей, мыслей, а не формы, не языка, не стиля, что я единственно имѣю въ виду“. И потому онъ совершенно напрасно утверждаетъ, будто характеристика Ноздрева „и въ общемъ и въ частностяхъ, и въ выраженіяхъ и словахъ, рѣшительно направляетъ насъ къ слѣдующему мѣсту изъ „Евг. Онѣгина“:

Нѣтъ презрѣнной клеветы
На чердакѣ, вралемъ рожденной...

И такъ далѣе. Такихъ „сближеній“ можно набрать сотни—и они ни на линію не подвинутъ впередъ рѣшенія основного вопроса всякаго стилистическаго изслѣдованія: что писатель нашелъ въ формахъ литературнаго языка готовымъ и что онъ внесъ въ нихъ своего.

Этотъ переходъ отъ готоваго, банальнаго, мало индивидуальнаго и мало индивидуализирующаго къ своему, выразительному и опредѣленному изображенъ авторомъ въ главахъ IX—XII, которыя мы склонны считать наиболѣе цѣнной частью его работы.

Онъ имѣетъ предшественниковъ въ этой исторіи Гоголевскаго стиля въ лицѣ Шенрока, Тихонравова, Некрасовой. Но многое онъ сдѣлалъ самостоятельно и нѣкоторые выводы его будутъ приняты.

Гоголь начинаетъ съ „отсутствія стиля". „Нѣтъ ничего скучнѣе этого безжизненнаго языка, этого стиля, въ которомъ слышатся ничего незначущія или все значущія отвлеченныя выраженія. И это не былъ тотъ родъ отвлеченныхъ выраженій, которыми пользуется писатель для обобщеній; они появляются единственно вслѣдствіе безсилія уловить въ данный моментъ наиболѣе существенные частные признаки". А между тѣмъ—какъ цѣнилъ онъ впослѣдствіи эти „частные признаки", какъ жадно гонялся за ними, какъ страдалъ отъ сознанія, что отсутствіе ихъ мертвитъ его положительныя созданія. „Чѣмъ выше достоинства взятаго лица,—писалъ онъ въ „Исповѣди",—тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ осязательнѣе нужно выставить его предъ читателемъ. Для этого нужны всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо, дѣйствительно, жило на свѣтѣ; иначе оно станетъ идеальнымъ, будетъ блѣдно, и сколько ни навяжи ему добродѣтелей, все будетъ ничтожно". Неустанное исканіе этихъ „безчисленныхъ мелочей", постоянный переходъ къ нимъ отъ всеобъемлющей „идеальности" и заполняетъ всю работу Гоголя—и въ этомъ отношеніи его черновыя рукописи представляютъ собой настоящій кладъ для изслѣдователя.

Г. Мандельштамъ хорошо воспользовался этой сокровищницей. На рядѣ выразительныхъ примѣровъ онъ показываетъ, какъ работалъ Гоголь надъ первоначальнымъ текстомъ своихъ произведеній, въ какомъ направленіи сосредоточивалось его творческое вниманіе, какіе результаты достигались этимъ. Входя постепенно все глубже въ духъ языка, Гоголь исправляетъ грамматическія погрѣшности своихъ произведеній; очищаясь отъ прежней манерности, онъ упрощаетъ свои образы и тѣмъ усиливаетъ ихъ; стараясь какъ можно производительнѣе использовать вниманіе читателя, онъ работаетъ надъ точностью и выразительностью языка; ради этой выразительности онъ приподымаетъ эмоціональный тонъ рѣчи, дѣлая ее тѣмъ сильнѣе, глубже и содержательнѣе; отъ общихъ выраженій, отвлеченныхъ и тусклыхъ, онъ переходитъ къ конкретнымъ образамъ, яркимъ, захватывающимъ читателя полнотой реальной жизни, трепещущей въ нихъ. Г. Мандельштамъ, по его собственному указанію, взялъ лишь ничтожную долю тѣхъ драгоцѣнныхъ для психологіи творчества фактовъ, которые даютъ исправленія Гоголя; мы, къ сожалѣнію, лишены возможности познакомить читателей и съ тѣмъ немногимъ, что обработано и выяснено у него. Возьмемъ хоть первый попавшійся незначительный примѣръ. Въ первой редакціи Тарасъ Бульба говорилъ сыновьямъ: „Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще *ни-*

когда на свѣтѣ не было! А ну, побѣгите *оба*: я посмотрю *не попадаете ли вы?*". Въ исправленномъ видѣ онъ обращается къ дѣтямъ: „Экія свитки! такихъ свитокъ еще на свѣтѣ не было. А побѣги *который-нибудь* изъ васъ! я посмотрю, не *шлепнется* ли ли онъ на землю, запутавшись въ полы". Исправленія вносятъ лишь незамѣтные оттѣнки, но, вдумавшись, мы видимъ всю ихъ законность: ненужный плеоназмъ *никогда* выброшенъ; Бульба обращается не къ обоимъ сыновьямъ, а къ одному—и предложеніе его становится оттого живѣе и опредѣленнѣе; вмѣсто болѣе абстрактнаго *попадаете*, мы находимъ яркое и образное *шлепнется*. Еще примѣръ. Въ первоначальномъ текстѣ говорилось: „зачѣмъ же выставлять на показъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство"; въ исправленной редакціи мы читаемъ: „Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни"; казалось-бы,—какая ненужная и чисто внѣшняя поправка это введенное повтореніе слова *бѣдность*. А между тѣмъ она вноситъ нѣчто новое: „задѣто чувство, и оно пробуждается"; оно сближаетъ насъ съ авторомъ, оно вводитъ насъ въ его настроеніе—и содержаніе фразы получаетъ новый оттѣнокъ. Конечно, толкованія такихъ исправленій возможны различныя—какъ толкованія цѣлыхъ готовыхъ произведеній. Но это не лишаетъ ихъ интереса, не избавляетъ насъ отъ необходимости изучать ихъ. „Трудно сказать, что думалъ, какъ думалъ Гоголь, дѣлая исправленія въ текстѣ. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что онъ производилъ переработку, „основываясь на разумѣньи самого себя, на устройствѣ головы своей"; нѣтъ прямыхъ указаній или данныхъ для опредѣленія того, какіе мотивы заставляли его предпринять и совершить ту или другую перемѣну, такимъ или инымъ образомъ; но анализъ однородныхъ исправленій, сдѣланныхъ въ одномъ и томъ же направленіи, анализъ цѣлыхъ группъ подобныхъ исправленій долженъ привести къ опредѣленнымъ выводамъ, основаннымъ на логикѣ, на естественномъ и необходимомъ законѣ движенія мысли языка". Кой-что изъ характерныхъ для Гоголя движеній поэтическаго языка подмѣчено и выяснено г. Мандельштамомъ. Онъ останавливается на стремленіяхъ поэта сообщить своей рѣчи народно-поэтическую эпичность стиля, на пріемахъ, которыми онъ охотно пользовался для характеристики дѣйствующихъ лицъ, на эпитетахъ и сравненіяхъ поэта, на его гиперболахъ. Кой-что здѣсь спорно, но останавливаться на этихъ мелочахъ, *пока* интересныхъ лишь для спеціалиста, не стоитъ. Лучше, чѣмъ кто-либо, почтенный авторъ понимаетъ, что онъ лишь намѣтилъ работу, которую предстоитъ совершить будущему.

Основнымъ недостаткомъ книги г. Мандельштама мы считаемъ неясность теоретизирующей мысли и связанную съ этой неясностью недостаточную опредѣленность доводовъ, которыми онъ подкрѣ-

ляетъ свои соображенія. Яркимъ примѣромъ неопредѣленности исходныхъ воззрѣній автора можетъ служить тотъ фактъ, что въ изслѣдованіе о языкѣ Гоголя у него вошла обширная—четверть всей книги—глава о гоголевскомъ юморѣ. Какъ ни суживать понятіе о юморѣ—а г. Мандельштамъ вполнѣ основательно совсѣмъ не желаетъ его суживать—видѣть въ юморѣ писателя не столько элементъ его міровоззрѣнія и личности, сколько элементъ поэтическаго языка, болѣе чѣмъ рискованно. Языкъ Гоголя полонъ выраженій, свидѣтельствующихъ о его юморѣ, но разсматривать ихъ съ точки зрѣнія юмора значитъ, кажется намъ, создавать искусственную въ данномъ случаѣ категорію, которая не подвинетъ впередъ изученія языка. Если же дѣло не въ языкѣ, а въ индивидуальности поэта-юмориста, то его юморъ, конечно, шире его языка и заслуживаетъ болѣе широкой постановки изслѣдованія. И на самомъ дѣлѣ, изучая юморъ Гоголя, авторъ постоянно то выходитъ за предѣлы данныхъ, представляемыхъ языкомъ Гоголя, то даетъ выводы, относящіеся совсѣмъ не къ юмору, а къ языку Гоголя. Таковы, напримѣръ, очень цѣнныя замѣчанія о тѣхъ постепенныхъ измѣненіяхъ, прослѣдить которыя даютъ намъ счастливую возможность рукописи Гоголя. Авторъ хорошо показываетъ, какъ путемъ постоянной работы великій писатель концентрировалъ силу, увеличивая или измѣняя выразительность и тѣмъ экономизируя энергію писателя. Множество фактовъ этого рода очень интересныхъ и убѣдительныхъ было отмѣчено на своемъ мѣстѣ; теперь, въ главѣ о юморѣ, авторъ опять возвращается къ тому-же. „Все, что сказано было выше въ главѣ о работѣ надъ стилемъ, примѣнимо и къ стилю юмора; только здѣсь болѣе спеціализируется (?) Гоголь, направляя усилія на достиженіе цѣли въ одну сторону. Тамъ заботы разбрасывались по всѣмъ направленіямъ“. *Никакихъ* основаній для этого утвержденія—въ сущности, не имѣющаго опредѣленнаго содержанія—мы не нашли. „Заслуга художника не въ томъ содержаніи, какое ему думалось, а въ силѣ возбуждать самое разнообразное содержаніе“. Это взято дословно у Потебни, и вполнѣ вѣрно. Но затѣмъ слѣдуетъ непосредственно фраза: „Юморъ Гоголя и обладаетъ такой силой“. Это—отъ себя, и ровно ничего не значитъ: такой силой обладаетъ все творчество Гоголя, и всякое истинно художественное произведеніе; юморъ здѣсь ни при чемъ.

Другой стороной этой неясности основныхъ воззрѣній является довольно частое несоотвѣтствіе между доводами и выводами г. Мандельштама. Онъ, напримѣръ, хочетъ показать зависимость языка Гоголя отъ языка народнаго; матеріалы для этого есть, но они должны быть тщательно отобраны, очищены, умѣло истолкованы и примѣнены. Между тѣмъ, у г. Мандельштама мы сплошь и рядомъ встрѣтимъ огульное смѣшеніе содержанія со стилемъ, сознательнаго пользованія чужой традиціей для характеристики вы-

веденной личности съ безсознательной зависимостью отъ своей, родной традиціи, въ условныхъ формахъ которой движется и творитъ мысль. Разговоры Пульхеріи Ивановны о цѣлебныхъ настойкахъ, дѣйствительно, повторяютъ свѣдѣнія изъ народнаго лѣчебника XVIII вѣка,—да вѣдь они и заимствованы оттуда; но языкъ ея совсѣмъ другой, и строить на этомъ основаніи какія бы то ни было заключенія о языкѣ Гоголя—довольно неосновательно.

Послѣдняя глава работы г. Мандельштама, не имѣющая прямого отношенія къ языку Гоголя, но посвященная одному „методологическому", какъ его называетъ авторъ, вопросу, основана, намъ кажется, на недоразумѣніи. Это—вопросъ о томъ, должно-ли при изученіи языка писателя отдѣлять языкъ автора отъ языка изображенныхъ имъ лицъ. Одинъ ученый—г. Мандельштамъ не называетъ его—высказался за такое отдѣленіе; г. Мандельштамъ „считаетъ свой методъ изслѣдованія, не отдѣляющій языкъ Гоголя отъ языка его дѣйствующихъ лицъ болѣе правильнымъ". Доводы, которыми онъ подкрѣпляетъ это убѣжденіе, дѣлятся на апріорные и апостеріорные: апріорные заключаются прежде всего въ указаніи на то, что хотя дѣйствующія лица говорятъ языкомъ, свойственнымъ характеру самыхъ изображаемыхъ лицъ, но тѣмъ не менѣе они говорятъ языкомъ творца ихъ. „Тургеневъ заставляетъ своихъ героевъ говорить тихою, мягкою рѣчью, художественно построенною, а безалаберная, дикая рѣчь Достоевскаго передается авторомъ его героямъ. Въ пѣснѣ „Косаря", „Лихача Кудрявича" и др.—слышится рѣчь самого Кольцова". Доводы второго порядка заключаются въ фактахъ изъ гоголевской стилистики. Извѣстно изъ неоднократныхъ признаній Гоголя, что онъ надѣляетъ своихъ героевъ своими недостатками,—чтобы очиститься отъ таковыхъ. Изъ этого для г. Мандельштама „ясно, что съ передачей своихъ свойствъ Гоголь передавалъ и форму этихъ недостатковъ—какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ языкѣ". Слѣдуютъ указанія на факты; указанія такого рода. Городничій въ критическій моментъ ожиданія кары молитъ Хлестакова: „Не погубите... по неопытности, недостаточность состоянія... Сами извольте посудить: казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если же и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья". Тѣ-же рѣчи мы встрѣчаемъ въ письмѣ одномъ (Гоголя), чуть не дословныя рѣчи: „Теперь взятки господъ служащихъ... гораздо ограничены; если же и случаются какія-нибудь, то слишкомъ незначительны и едва могутъ служить только небольшою помощью къ поддержанію скуднаго ихъ существованія". Изъ этого должно слѣдовать, что языкъ Гоголя и языкъ городничаго—одно. Самый сильный доводъ, однако, брошенъ въ концѣ: предположимъ, такой-то писатель создавалъ только исключительно драматическія произведенія и ничего больше,

неужто языкъ такого писателя такъ и не можетъ стать предметомъ изслѣдованія?

Вопросъ коварный, но не побѣдоносный; скорѣе наивный. Истина, конечно, не на сторонѣ того, кто утверждалъ бы, что самая тема „Языкъ Шекспира“ есть абсурдъ; но едва ли она на сторонѣ того, кто по языку Карла Иваныча въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“ вздумалъ бы конструировать языкъ Льва Толстого. А между тѣмъ по теоріи г. Мандельштама это возможно: „Можно ли сомнѣваться въ тожествѣ рѣчи Гоголя: „Всюду могутъ случиться просмотры... за самимъ губернаторомъ могутъ завестись грѣхи...“ съ рѣчью въ письмѣ къ Городничему пріятеля послѣдняго, или между рѣчью Гоголя: „Какъ хорошо, что служащему не назначается никакихъ наградъ, и что нѣтъ здѣсь никакой мірской приманки человѣку...“ со словами Городничаго, счастливаго тѣмъ, что старается для отечества и ночей не спитъ...?“ Но неужто эти рѣчи въ самомъ дѣлѣ кажутся г. Мандельштаму тожественными? Кажется, это—увлеченіе своей теоріей. Иначе какой же смыслъ имѣетъ цѣлая глава, въ которой авторъ рельефно и убѣдительно показываетъ, какъ индивидуализирована у Гоголя—въ связи, конечно, съ ихъ психикой—рѣчь дѣйствующихъ лицъ: „мѣрило внутренняго человѣка“, какъ говоритъ г. Мандельштамъ. Вотъ для примѣра удачная характеристика языка Бобчинскаго: рѣчь его „ближе всего подходитъ къ языку Манилова; только убожество запаса словъ больше и чувствительнѣе, только смысла еще меньше: „ходитъ этакъ по комнатѣ и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіогномія... поступки и здѣсь много, много всего“. Рѣчь отличается, однако, нѣкоторыми замѣтными особенностями. Она, прежде всего, характеризуется первобытностью, отъ которой разитъ неистощимая болтовня сплетницы-бабы; постоянныя повторенія—ходъ мысли ума неразвитаго. Прямой нити сообщенія или разсужденія этотъ умъ не слѣдуетъ; онъ топчется на одномъ мѣстѣ; еле-еле сообщеніе подвигается впередъ; онъ останавливается на двадцати второстепенныхъ обстоятельствахъ, не идущихъ вовсе къ дѣлу, и съ большимъ трудомъ добирается до словъ, нужныхъ для выраженія того, что сообщенію подлежитъ. Онъ сбивается съ дороги вслѣдствіе того, что побочныя обстоятельства не отдѣляются отъ главныхъ; принимается все въ разсчетъ, что попадается на пути, и слушателю остается выдѣлить главное изъ кучи мелочей, сора. Отступленія ежеминутны. Онъ хочетъ разсказать „все по порядку“, а порядка въ головѣ настолько незамѣтно, что послѣ каждаго предложенія слѣдуетъ: „да-съ“, свидѣтельствующее, что онъ задумывается надъ тѣмъ, что самъ произнесъ, и что слѣдуетъ произнести дальше, такъ какъ цѣль разсказа уходитъ все далѣе“.

Характеристика ясна, основательна и удачна; но что изъ нея взяли бы мы для характеристики языка Гоголя?

Рѣшеніе вопроса, кажется, такъ просто и такъ подсказывается здравымъ смысломъ, что на него какъ будто и неловко отвѣчать. Но разъ два ученыхъ о немъ спорятъ, очевидно, рѣшеніе нужно. При всей простотѣ, оно, однако, сложнѣе, чѣмъ полагаютъ г. Мандельштамъ и его противникъ. Они просто спорятъ о разныхъ вещахъ. Если рѣчь идетъ о томъ капиталѣ словъ и оборотовъ, которымъ располагалъ поэтъ въ своемъ творчествѣ, если рѣчь идетъ вообще о тѣхъ средствахъ, которыми онъ выдѣлялъ и создавалъ чужія индивидуальности съ ихъ характерной рѣчью, то, очевидно, изслѣдованію подлежитъ вся масса языка, представленная въ его произведеніяхъ. Въ *словарь* Гоголя войдутъ, конечно, со всѣми ихъ значеніями всѣ слова, которыми онъ онъ пользовался, хотя бы онѣ встрѣчались лишь въ устахъ выведенныхъ имъ лицъ. Но если мы собираемся по его языку, по его стилю, по свойственнымъ ему лично оборотамъ живой рѣчи, судить о его индивидуальности, вопросъ усложняется. Рѣшеніе его разнообразно; оно зависитъ отъ того, въ какой степени было объективно творчество поэта, въ какой степени онъ отдѣлывался отъ индивидуальныхъ особенностей своей рѣчи, создавая рѣчи своихъ героевъ, въ какой степени онъ писалъ ихъ съ себя—или съ другихъ. Изслѣдованіе о языкѣ Шекспира, конечно, возможно; но возсоздать по рѣчамъ его безконечно-разнообразныхъ созданій личныя особенности его рѣчи и сдѣлать отсюда какіе-либо выводы о его міроотношеніи, о его пріемахъ познанія, о его личности—задача болѣе чѣмъ трудная. Не всегда можно считать ее невозможной; бываютъ поэты, которые создаютъ безконечно разнообразныхъ — прямо противоположныхъ — героевъ, списывая ихъ въ значительной степени съ себя; бываютъ такія многообъемлющія человѣческія индивидуальности, въ предѣлахъ которыхъ помѣщается цѣлый міръ людей—отъ Алеши Карамазова и героя „Бѣлыхъ ночей“ до Ѳомы Опискина и Ѳеодора Павловича. Несомнѣнно, что однообразіе, которымъ яко бы запечатлѣнъ языкъ героевъ Достоевскаго, зависитъ отъ того, что ихъ рѣчь разнообразна — въ предѣлахъ его рѣчи и его личности; но разговоры героевъ „Мертваго дома“ или польскихъ пановъ въ „Карамазовыхъ“ лежатъ, конечно, за ея предѣлами. Изъ того же, что г. Мандельштаму удалось найти рядъ словечекъ и выраженій, которыя Гоголь и употребляетъ отъ себя, и вкладываетъ въ уста своихъ героевъ, можно сдѣлать кой-какіе выводы для характеристики Гоголя, но нельзя вывести никакого общаго рѣшенія вопроса. Рѣчь выведенныхъ лицъ можетъ и должна служить матеріаломъ для характеристики языка писателя: въ этомъ проф. Мандельштамъ совершенно правъ; но сливать ихъ для такой характеристики въ одну грубую массу не годится; этотъ матеріалъ требуетъ особаго чутья, особаго знанія языка, особыхъ пріемовъ изслѣдованія, гораздо болѣе сложныхъ, чѣмъ предлагае-

мые и примѣняемые проф. Мандельштамомъ. Особенно дурно отразилась его теорія и вызванный ею методъ смѣшенія на интересной главѣ о малорусскихъ элементахъ въ языкѣ Гоголя. Вмѣсто того, чтобы точно отдѣлить сознательное смѣшеніе великорусскихъ и малорусскихъ элементовъ отъ безсознательныхъ „малоруссизмовъ", которые довольно часты въ языкѣ Гоголя и очень интересны, изслѣдователь его стиля смѣшиваетъ все это и доходитъ этимъ путемъ до утвержденій едва ли основательныхъ. Говоритъ ли тетка Ѳедора Ивановича Шпоньки: „Воно ще молода дытына", пишетъ ли Гоголь въ русскомъ письмѣ: „пошли *по* художника"—для него это явленія одного порядка, и изъ ряда такихъ оборотовъ онъ смѣло выводитъ: „въ случаяхъ, когда художнику не представлялось необходимости писать на общерусскомъ языкѣ, т. е. когда по требованію самой мысли онъ не обращался къ русскому языку, малороссійскій языкъ преобладалъ, какъ болѣе послушное ему орудіе мысли". Такимъ образомъ оказывается, что въ творчествѣ писателя, никогда не писавшаго по малорусски, именно малорусскій языкъ былъ правиломъ, а великорусскій исключеніемъ. И извративъ такимъ образомъ для себя всю перспективу, г. Мандельштамъ спрашиваетъ себя: „каковые же моменты, заставлявшіе его обращаться къ общерусскому языку". Каковые моменты? Да вѣдь Гоголь былъ русскій писатель. Неужто надо указывать, когда онъ писалъ по-русски? Г. Мандельштамъ указываетъ: въ описаніяхъ природы, въ философскихъ разсужденіяхъ; затѣмъ „творческая мысль искала выхода въ языкѣ русскомъ, когда захватывалась сторона вопроса, выходящаго за предѣлы узкой жизни Малороссіи, когда затрагивались интересы общественные, общенародные. *Этимъ объясняется*, почему въ двухъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ, „Ревизорѣ" и „Мертвыхъ Душахъ", рѣчь ведется и дѣйствующими лицами, и авторомъ по-русски *преимущественно*". Оказывается, надо объяснять, почему Хлестаковъ и Чичиковъ не говорятъ по-малорусски. Совсѣмъ не потому, что они русскіе люди и говорятъ по-русски, а потому, что въ нихъ „затрагиваются общественные, общенародные интересы". А заключительное „преимущественно" совсѣмъ хорошо — вродѣ знаменитаго семинарскаго: „извѣстно, что всѣ люди болѣе или менѣе смертны".

Въ текстѣ насъ удивили обороты, оригинальные въ устахъ автора „главы изъ исторіи русскаго литературнаго языка": „Ближайшимъ родственникомъ Хлестакова по рѣчи—Ноздревъ", „нѣтъ возможности привести всѣхъ оттѣнковъ", „потребовалось бы особаго изслѣдованія", „*не смотря на то*, что по дѣйствію Гоголевскій юморъ сплошь почти національнен, главнымъ образомъ потому, что онъ основанъ на самомъ языкѣ, *но* и какъ таковой онъ долженъ быть принимаемъ въ разсчетъ при построеніи теорій"... Среди „недосмотровъ" мы не нашли ковычекъ, пропущен-

ныхъ при рядѣ—слегка видоизмѣненныхъ—цитатъ изъ сочиненій Потебни, даже не названныхъ. Не названо также сочиненіе г. Истомина объ особенностяхъ языка Гоголя. Все это мелочи, которыя могутъ быть исправлены въ новомъ изданіи, котораго можетъ потребовать работа проф. Мандельштама въ виду интереса, возбуждаемаго темой и богатыхъ данныхъ для ея разработки, собранныхъ здѣсь.

А. Горнфельдъ.

Литература и жизнь.

О повѣстяхъ и разсказахъ гг. Ѳ. Потѣхина, Ивана Щеглова, Н. Тимковскаго, Алексѣя Плетнева, кн. Барятинскаго, Евгенія Чирикова, М. Горькаго, Антона Чехова.—Два слова о воспоминаніяхъ М. А. Антоновича о Добролюбовѣ.

Въ „Дневникѣ писателя“ за 1877 годъ Достоевскій подсмѣивался надъ будто бы постоянными жалобами критики на упадокъ нашей литературы. Чуть не сорокъ лѣтъ,—писалъ онъ—слѣжу я за русской литературой и все слышу одни и тѣ же слова: упадокъ, застой, безвременье; а между тѣмъ, въ эти сорокъ лѣтъ явились послѣднія произведенія Пушкина, начался и кончился Гоголь, былъ Лермонтовъ, явились Островскій, Тургеневъ, Гончаровъ и др.; неужели этого мало? О, конечно, не мало, тѣмъ болѣе, что въ 1877 году этотъ списокъ можно бы было значительно увеличить: въ немъ вѣдь даже Толстого, Некрасова, Щедрина нѣтъ, не говоря уже о самомъ Достоевскомъ. Но справедливы ли были самыя насмѣшки Достоевскаго надъ русской критикой? согласно ли съ истиной утверждалъ онъ, что эта критика постоянно хнычетъ объ упадкѣ литературы? Критика всегда была и теперь бываетъ разная, и съ разныхъ точекъ зрѣнія разно оцѣнивала и оцѣниваетъ великое и дрянное въ литературѣ: Булгаринъ съ Гречемъ тоже вѣдь упражнялись въ критикѣ. Но,—останавливаясь только на именахъ, перечисляемыхъ Достоевскимъ,—кто, какъ не критика Бѣлинскаго и Добролюбова, разъяснила намъ значеніе Пушкина, Гоголя, Лермонтова и потомъ Тургенева, Островскаго, Гончарова? Разговоры объ „упадкѣ“, „застоѣ“ „безвременьи“ и т. п., дѣйствительно, бывали и иногда принимали слишкомъ ужъ огульный характеръ. Помню, въ 1888 г. мнѣ пришлось вступить въ нѣкоторое пререканіе съ г. Скабичевскимъ по тому поводу, что онъ обозвалъ всю тогдашнюю литературу „лиллипутскою“. Мнѣ пришлось напомнить почтенному критику, что тогда въ рядахъ дѣйствующей литературы были Щедринъ, Толстой,

Успенскій, да и не вѣка какіе-нибудь прошли со смерти Достоевскаго и Островскаго. Любопытно, что, должно быть, въ утѣшеніе или въ поощреніе г. Минскому, по поводу стихотвореній котораго была написана его статья, почтенный критикъ и себя самого называлъ „лиллипутомъ", раздвигая такимъ образомъ свой строгій судъ за предѣлы собственно беллетристики. И въ этомъ широкомъ смыслѣ, независимо отъ вѣрности или невѣрности сужденія г. Скабичевскаго о данномъ моментѣ, жалобы на упадокъ литературы не всегда неосновательны, какъ, впрочемъ, не всегда и не вполнѣ неосновательны жалобы на упадокъ и въ частности беллетристики. Но вопросъ въ томъ,—дѣйствительно ли эти жалобы такъ огульны и такъ неустанны, какъ утверждалъ Достоевскій. Очень часто онѣ, эти жалобы, имѣютъ въ виду спеціально полемическія цѣли. Въ этомъ отношеніи очень характерно уже самое заглавіе одной изъ книгъ г. Мережковскаго: „О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы". Каждая новая литературная волна,—а онѣ у насъ возникаютъ и падаютъ съ необыкновенною быстротою,—заявляя объ „упадкѣ", въ то же время указываетъ и на подъемъ въ лицѣ представителей „новыхъ теченій". Правда, эти представители „новыхъ теченій" иногда только и успѣваютъ побѣдоносно заявить, что, дескать, „теперь пойдетъ ужъ музыка не та"!—какъ новая волна сноситъ ихъ вслѣдъ за предыдущими. Гдѣ, напримѣръ, г. Волынскій, подъ руку съ которымъ, „столь вящше изломившись", гордо поднималась по „ступенямъ новой красоты" г-жа Гиппіусъ? Да мало ли ихъ было, этихъ представителей все новыхъ и новыхъ теченій, и нѣкоторые изъ нихъ держались довольно долго; такъ что въ общемъ едва ли можно сказать, что жалобъ на упадокъ раздается у насъ больше, чѣмъ хвастовства подъемомъ. Все зависитъ отъ точки зрѣнія жалующагося и хвастающаго: что для одного упадокъ, то для другого подъемъ, и наоборотъ...

Не все, впрочемъ. Ограничиваясь областью беллетристики, я думаю, что, какъ бы мы ни восторгались современными талантами, никто не скажетъ, что мы ушли впередъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда въ литературѣ блистало такое созвѣздіе, какъ Толстой, Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, Некрасовъ, Щедринъ. И рядомъ съ этими звѣздами первой величины не было той массы посредственностей и бездарностей, какая окружаетъ современные таланты. Въ ту пору вообще было меньше писателей—и меньше читателей. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, въ смыслѣ завоеванія все большаго и большаго круга читателей, наша художественная литература сдѣлала несомнѣнно огромный шагъ впередъ. Собственно не она, однако, сдѣлала этотъ шагъ, а сама жизнь; литература только воспользовалось имъ, и далеко не всегда къ своему украшенію. Да иначе и быть не можетъ. Въ составѣ все прибывающихъ и прибывающихъ читательскихъ

круговъ есть, конечно, не мало людей нетребовательныхъ въ эстетическомъ отношеніи, людей, не имѣющихъ достаточно досуга для вниканія въ достоинства художественнаго произведенія, ищущихъ въ немъ только внѣшней занимательности и потому поглощающихъ всякую дребедень. Быть можетъ, этимъ объясняется и излюбленная современными беллетристами форма маленькихъ разсказовъ въ противоположность старому роману...

Фактъ вытѣсненія романа очерками и разсказами бросается въ глаза, и мнѣ не въ первый разъ приходится обращать на него вниманіе читателей. Я писалъ о немъ въ 1899 г. по поводу „Повѣстей и разсказовъ" г-жи Лѣтковой и еще недавно по поводу „Разсказовъ" г. Андреева. Мнѣ хочется опять къ нему вернуться, пересмотрѣвъ вмѣстѣ съ читателемъ нѣсколько лежащихъ передо мною сборниковъ разсказовъ. Обозрѣть всѣ этого рода новинки—нѣтъ никакой возможности, да кое съ чѣмъ изъ нихъ читатель познакомился или познакомится въ отдѣлѣ „новыхъ книгъ" нашего журнала. Я остановлюсь лишь на немногихъ, въ томъ или въ другомъ отношеніи особенно интересныхъ.

„Ѳ. Ѳ. Потѣхинъ. Разсказы". Сборникъ этотъ изданъ въ Ярославлѣ, но онъ типиченъ. Множество подобныхъ сборниковъ издается какъ въ провинціи, такъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. И если я останавливаюсь именно на немъ, такъ только потому, что одинъ изъ вошедшихъ въ его составъ разсказовъ переведенъ на нѣмецкій языкъ въ журналѣ баронессы Берты Суттнеръ „Die Waffen nieder". Сама по себѣ это, конечно, не Богъ знаетъ какая рекомендація, но это всетаки нѣчто вродѣ „особой примѣты". Разсказъ называется „Торжество маленькаго колокола". Большіе старые колокола, перелитые изъ пушекъ, хвастливо вспоминаютъ свое грозное прошлое, когда они разносили изъ своихъ жерлъ смерть и ужасъ. Съ ними полемизируетъ своимъ нѣжнымъ, „малиновымъ" звономъ маленькій колоколъ, такъ и родившійся колоколомъ: его мѣдь „тяжелымъ и честнымъ трудомъ извлекли прямо изъ земныхъ нѣдръ и на нее еще не пало ничье проклятіе и не капнуло ни капли крови". И вотъ, въ пасхальные дни, когда всѣ колокола возвѣщали вѣрующимъ радостную вѣсть о воскресеніи ихъ Бога, „вдругъ чья-то бѣлоснѣжная рука" легла на самый большой изъ нихъ, и „кроткій, но властный голосъ сказалъ: „Довольно злобы и крови! Дни мира и братской любви да будутъ царить отнынѣ! Замолкни, гордый и злобный колоколъ"! И замолчалъ навѣки большой старый колоколъ, треснувши по всѣмъ направленіямъ, а новый продолжалъ звучать, и еще чище и задушевнѣе былъ его звукъ, призывающій къ любви и правдѣ".

Странно немножко, что бѣлоснѣжная рука и кроткій, но властный голосъ поразили на смерть старый колоколъ какъ разъ въ

тотъ моментъ, когда онъ, давно переставъ быть пушкой, призывалъ, вмѣстѣ со всѣми другими колоколами, къ одной и той же радостной молитвѣ, — но баронессѣ Сутнеръ это понравилось... Дѣло вкуса... И мнѣ нравится благородная идея „Торжества маленькаго колокола", но одно дѣло идея, и другое дѣло—форма, въ которую она обречена.

Благородная идея „Торжества маленькаго колокола" занимаетъ г. Потѣхина и еще въ одномъ разсказѣ. Но на этотъ разъ она осуществляется при помощи отнюдь не бѣлоснѣжной руки и кроткаго, но властнаго голоса, а, напротивъ, дѣйствіемъ страшныхъ орудій истребленія, и не въ дѣйствительности, хотя бы фантастической, а во снѣ, только во снѣ (такъ разсказъ и озаглавленъ „Сонъ"). Пересказывать я его не буду и перейду къ другимъ разсказамъ г. Потѣхина.

Мелкій чиновникъ губернскаго правленія въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ, Михаилъ Петровичъ Забитый, очень бѣдствуетъ, а у него жена и трое дѣтей малъ-мала меньше. Вдобавокъ за нѣсколько дней до Пасхи разливъ Волги затопилъ домикъ Забитаго въ подгородной слободѣ, и хозяева еле успѣли изъ него выбраться со своимъ скарбомъ. Положеніе отчаянное. Жена Забитаго уже отбираетъ кое-какія крохи, и въ томъ числѣ свое обручальное кольцо, для заклада. Тѣмъ временемъ вода въ Волгѣ начала спадать, и маленькій Петя пошелъ посмотрѣть на своего картоннаго коня, забытаго при переѣздѣ. Конь оказался совсѣмъ испорченнымъ, а кромѣ его остатковъ Петя съ ужасомъ увидалъ подъ печкой „какое-то огромное страшилище съ длинными усами и широкимъ хвостомъ, закрывавшее и открывавшее страшный ротъ". Это былъ громадный сомъ, заплывшій во время разлива и застрявшій подъ печкой... Разсказъ называется „Дорого яичко въ Христовъ день" и оканчивается такъ: „Нѣтъ надобности прибавлять, что сомъ послужилъ хорошимъ краснымъ яичкомъ къ Пасхѣ семьѣ Забитыхъ и если не помогъ ей устроиться, какъ она хотѣла, то за то хоть на время избавилъ ее отъ нужды"...

Стараго, добродушнаго пасѣчника Михѣича убилъ и ограбилъ женатый на его внучкѣ Петръ. Этотъ Петръ—пьяница, буянъ, злодѣй, самая наружность котораго изобличаетъ „человѣка, готоваго на все для удовлетворенія своей страсти" къ водкѣ. Несчастную внучку Михѣича, Авдотью, онъ бьетъ и тиранитъ, и старый пасѣчникъ тщетно старался образумить его. Но вотъ Михѣичъ убитъ. „Такъ и не пришлось старику устроить судьбу своей Дуняши. Но сдѣлали то и отплатили за него его пчелы. Сидѣлъ Петръ какъ-то вскорѣ послѣ убійства въ трактирѣ съ пріятелями и такъ себѣ,—пустое бы дѣло, если подумать, — потребовалось ему отдать за вино деньги. Вынулъ онъ съ форсомъ изъ новенькаго кошелька скомканную рублевку и окаменѣлъ: въ ней лежала мертвая пчела. Тутъ же и повинился убійца". Повинился,

примирился съ Авдотьей, которая пошла за нимъ въ каторгу, и вообще переродился, почему и разсказъ называется „Пчела помогла“...

Въ разсказѣ „Тихая пристань“, нѣкій Николай Сергѣевичъ Нивинъ, истомленный и озлобленный, послѣ ряда несчастій, холодомъ и голодомъ, швырнулъ кускомъ обвалившейся штукатурки въ зеркальное стекло магазина, за что, конечно, попалъ въ участокъ, а оттуда—неизвѣстно какимъ образомъ,—„въ какую-то трудовую артель“. Дѣло было въ рождественскую ночь, и авторъ оканчиваетъ пожеланіемъ: „Пожелаемъ ради праздника найти и всѣмъ свою пристань“,—надо надѣяться не непремѣнно черезъ посредство полицейскаго участка...

Молодой купчикъ Ваня Татарченковъ собираетъ старинныя монеты. Узналъ онъ, что у какой-то бабы въ деревнѣ есть Петровскій мѣдный рубль, отправился туда и пріобрѣлъ рѣдкость за пятьсотъ рублей, украденныхъ у отца. За это послѣдній воздалъ ему „жестокимъ, но справедливымъ наказаніемъ“,—собственно потому справедливымъ, что Петровскій рубль оказался фальшивымъ. Кромѣ того, купчикъ получилъ съ этихъ поръ насмѣшливое прозвище „Нумизмата“, какъ и разсказъ озаглавленъ...

Я думаю, довольно, читатель? Пока мы съ вами перелистывали „Торжество маленькаго колокола“ и „Сонъ“, можно было думать, что г. Потѣхинъ занятъ бѣдствіями войны и вопросомъ о возможности ея прекращенія; онъ ждетъ этого прекращенія то отъ чьей-то бѣлоснѣжной руки, то, какъ многіе и кромѣ него ждутъ, отъ изобрѣтенія новыхъ страшныхъ орудій истребленія. Прочитавъ „Дорого яичко въ Христовъ день“ и „Пчела помогла“, слѣдуетъ придти къ заключенію, что центральный духовный интересъ автора шире, ибо его занимаютъ ужасы не только войны, а и голода, холода, преступленія въ мирное время. Съ другой стороны, однако, духовныя перспективы автора какъ будто напротивъ того сузились: тамъ шла рѣчь о міровыхъ явленіяхъ, а тутъ сердце автора радуется тому, что чиновникъ Забитый разговѣется сомовиной, или на счетъ сомовины, чтобы послѣ этого роскошнаго пира опять голодать, и тому, что хотя пасѣчникъ Михѣичъ и убитъ, но, благодаря мертвой пчелѣ, убійца обратился на путь добродѣтели. Ахъ, это вѣдь такъ мелко послѣ того, какъ чья-то бѣлоснѣжная рука остановила ужасы войны... Но въ этомъ сомѣ, неожиданно присланномъ къ празднику благодѣтельной судьбой, и въ этой мертвой пчелѣ, такъ чудодѣйственно поспособствовавшей раскрытію преступленія и раскаянію преступника, есть всетаки нѣчто общее съ бѣлоснѣжной рукой: и рука, и сомъ, и пчела, и тихая пристань полицейскаго участка по авторскому прошенью, по щучьему велѣнью водворяютъ добро, казнятъ или смягчаютъ зло. Мы уже готовы думать, что уловили духовную физіономію автора: это жизнерадостный человѣкъ и убѣжденный

оптимистъ, сознательно выбирающій (или сочиняющій) извѣстнаго рода явленія жизни. Пусть не велика радость сомъ, заплывшій въ домишко чиновника Забитаго, или полицейскій участокъ, черезъ который Николай Сергѣичъ Нивинъ попалъ въ „какую-то трудовую артель", но мы всетаки знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. И вдругъ—„Нумизматъ", изъ котораго ужъ ровно ничего не выжмешь и котораго никакъ не приведешь въ связь съ тѣмъ, что, казалось, мы ухватили въ предыдущихъ разсказахъ... Наше разочарованіе еще возросло бы, если бы мы пересмотрѣли остальное содержаніе сборника, отъ чего я, щадя читателя, его избавляю. Тутъ и „Питерякъ пріѣхалъ" въ деревню и щеголяетъ передъ однодеревенцами: „Есть такой писатель, Дюмъ на ывается; опять же Золь еще имѣется". Тутъ и моментальный фотографическій снимокъ „Жеребьевки" въ пригородномъ призывномъ участкѣ и проч. И во всемъ этомъ и помину нѣтъ о той идеѣ и о томъ настроеніи, которыя мы, было, ухватили въ разсказахъ. Передъ нами совсѣмъ не жизнерадостный человѣкъ и убѣжденный оптимистъ, а фотографъ,—и очень плохой,—заносящій въ свой альбомъ то, что случайно на глаза попадется. Мы начинаемъ догадываться, что и то, что мы приняли за опредѣленную идею и опредѣленное настроеніе, не имѣетъ никакого отношенія къ духовной физіономіи автора. Въ газетахъ, какъ провинціальныхъ, такъ и столичныхъ, принято наполнять рождественскіе и пасхальные номера разсказами преимущественно жизнерадостнаго характера. Сердца обывателей, размягченныя гусемъ съ капустой и поросенкомъ съ кашей, жаждутъ вѣры въ торжество добра и правды, но занятые этими гусями и поросятами, куличами и окороками, визитами и елками—обыватели не имѣютъ времени предаваться въ такихъ торжественныхъ случаяхъ пространнымъ размышленіямъ и продолжительному или требующему сосредоточеннаго вниманія чтенію. Зазвонитъ въ пасхальную ночь маленькій колоколъ, предоставитъ себя бѣдному чиновнику въ пасху глупый сомъ, попадетъ въ рождественскую ночь голодный человѣкъ въ участокъ, но за то потомъ и въ „какую-то трудовую артель",—и обыватель доволенъ и радостно кушаетъ свой окорокъ и своего гуся съ капустой. Очевидно, оптимистическіе разсказы г. Потѣхина писаны по заказу рынка и либо были предварительно напечатаны въ рождественскихъ и пасхальныхъ номерахъ газетъ, либо предназначались для нихъ...

Читатель скажетъ, что мы слишкомъ долго возимся съ г. Потѣхинымъ. Стоитъ ли онъ того? Читатель былъ бы правъ и г. Потѣхинъ, дѣйствительно, не стоилъ бы такихъ длинныхъ разговоровъ, если бы онъ былъ единица. Но онъ не единица, а повторяю, типъ, типичный экземпляръ цѣлой породы разсказчиковъ, и въ качествѣ таковаго, а, конечно, не самъ по себѣ, представляетъ собою интересную фигуру. Есть разсказчики гораздо болѣе его

талантливые, есть и еще менѣе талантливые, но для большинства ихъ (объ исключеніяхъ потомъ) характерна эта разорванность творчества, эта случайность занимающихъ ихъ сюжетовъ, это, наконецъ, отсутствіе физіономіи. Если то, что мы приняли за собственную физіономію г. Потѣхина, оказывается просто исполненіемъ выраженнаго или не выраженнаго заказа литературнаго рынка, то рынокъ этотъ заказываетъ и не только оптимистическія мелочи на разъ навсегда опредѣленные дни въ году. Газета и въ другіе дни требуетъ беллетристики: какая-нибудь случайно бросившаяся писателю въ глаза мелочь въ старые годы откладывалась въ кладовую памяти или заносилась въ записную книжку, чтобы войти впослѣдствіи въ видѣ подробности въ составъ большой и болѣе или менѣе стройной картины; нынѣ она идетъ въ газету въ сыромъ видѣ, а оттуда въ сборникъ разсказовъ. Сборники газетной беллетристики составляютъ самое подходящее чтеніе для ѣдущаго по желѣзной дорогѣ, подходящее именно своею разорванностью, отсутствіемъ внутренней связи. И этихъ двухъ явленій, у насъ сравнительно новыхъ,—газеты и желѣзной дороги,—пожалуй, уже достаточно для объясненія наплыва „очерковъ и разсказовъ“ въ ущербъ роману. А найдутся еще и другія. Грамотный ремесленникъ, рабочій, приказчикъ, мелкій чиновникъ, имѣющіе возможность читать только урывками, въ короткіе часы или даже минуты отдыха, прочтутъ и про сома, и про „нумизмата“, и даже можетъ быть съ удовольствіемъ. Конечно, демократизація читательскаго круга обязываетъ сочинителя къ нарочитой вдумчивости, но вѣдь сочинитель разный бываетъ...

Есть и „облыжные сочинители“, и вотъ какъ характеризуетъ ихъ г. Иванъ Щегловъ, авторъ только что вышедшаго сборника „Юмористическіе разсказы“. Нѣкто Еромузовъ исповѣдуется: Ты знаешь, что такое облыжный сочинитель? Нѣтъ? Это, понимаешь, человѣкъ, который занимается блуднымъ дѣломъ многописанія... Механика, братъ, не хитрая. Обмокни перо въ чернила и того... накаливай!.. И чѣмъ больше я того... тѣмъ больше мнѣ платятъ, и чѣмъ больше я облыгаю, тѣмъ больше меня прославляютъ... и всѣ мнѣ кругомъ завидуютъ!.. Была, братъ, и на моей сторонѣ правда, да я ее чорту за цѣлковый продалъ—вотъ теперь и убиваюсь. И нѣтъ мнѣ отнынѣ спасенія, потому что завязъ я въ этомъ самомъ чернильномъ болотѣ по самое горло... Пошелъ по всему моему тѣлу такой зудъ, что какой пустой анекдотъ ни услышу—сейчасъ оболгу и въ печать. Въ какую семью ни проникну—вынюхаю подноготную и тоже... въ печать!.. Господи, такъ мало жилъ... и столько дряни написалъ“!

Самъ г. Щегловъ написалъ очень много... не могу сказать—дряни, потому что далеко не все, имъ написанное, читалъ; но

собственно о „Юмористическихъ разсказахъ“ ничего не имѣю больше сказать...

„Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Книга II“. Съ г. Тимковскимъ мы вступаемъ въ атмосферу, рѣзко отличную отъ той, въ которой пребывали до сихъ поръ. Прежде всего, это писатель умный, можетъ быть, слишкомъ умный. Это требуетъ объясненія. Есть много очень умныхъ людей, лишенныхъ дара художественнаго творчества, и есть, наоборотъ, талантливые художники, которые просто глупы. Я могъ бы привести очень выразительные примѣры несомнѣнной, въ печати засвидѣтельствованной глупости талантливыхъ художниковъ. Но это будетъ разговоръ непріятный, и я предпочитаю разсказать чрезвычайно меня поразившій случай съ однимъ очень умнымъ художникомъ. Людямъ, близко знакомымъ съ техникой искусства, случай этотъ можетъ быть покажется слишкомъ элементарнымъ, но меня онъ, повторяю, поразилъ и навелъ на цѣлый рядъ мыслей. Покойный Ярошенко—художникъ рѣдкаго ума—писалъ мой портретъ. Послѣ второго сеанса я обратилъ его вниманіе на двѣ странныя ребровидныя полосы, протянувшіяся съ обѣихъ сторонъ вдоль груди, нѣсколько сближаясь къ низу. Оказалось, что это точное воспроизведеніе краевъ крахмальной груди рубашки, обрисовывавшихся подъ тонкой курткой-блузой, въ которой я былъ. Ярошенко былъ очень недоволенъ этимъ открытіемъ и потребовалъ, чтобы я пришелъ къ нему въ мастерскую въ слѣдующій разъ въ мягкой рубашкѣ. Значитъ, художникъ, воспроизводя эту мелкую подробность, вовсе о ней не думалъ, она помимо его сознанія легла на полотно, онъ не хотѣлъ ея. Присматриваясь далѣе къ работѣ Ярошенка, я подмѣтилъ и другія свидѣтельства участія въ ней элемента безсознательнаго. Это не было для меня, конечно, совершенно новостью, но ужъ очень ярки и наглядны были эти свидѣтельства. А вѣдь Ярошенка и до сихъ поръ, кажется, не устаютъ упрекать въ тенденціозности, въ сознательномъ подчиненіи всего творчества извѣстной идеѣ. Та комбинація впечатлѣній, которая составляетъ процессъ художественнаго творчества, въ значительной своей части происходитъ за порогомъ сознанія, въ тайникахъ безсознательнаго. Это-то и дѣлаетъ возможнымъ такое непріятное и даже какъ будто обидное явленіе, какъ талантливый, но глупый художникъ. И когда талантливый художникъ принимается разсуждать, теоретизировать, я всегда боюсь: сейчасъ брякнетъ какую нибудь глупость! И не всегда, конечно, но очень часто мои опасенія оправдываются, а иногда оказываются даже ниже дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что глупость можетъ не только выразиться въ формѣ теоретическаго разсужденія, но и на самой художественной работѣ отразиться—въ выборѣ сюжета, въ пере-

оцѣнкѣ своихъ силъ, въ увлеченіи моднымъ теченіемъ, потому что оно модное, и т. п.

Но передо мной встаетъ еще одно личное воспоминаніе, имѣющее нѣкоторое отношеніе къ искусству. Въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ я разсказывалъ о томъ, какъ, разочаровавшись въ своихъ художественныхъ силахъ, я бросилъ неконченнымъ свой романъ „Борьба“. Покойный Елисеевъ, одобривъ мое намѣреніе приняться за работу другого рода, прибавилъ, должно быть, въ видѣ утѣшенія: „Что такое романъ? Романъ всякій умный человѣкъ, если захочетъ, можетъ написать“. Я думаю, что онъ былъ правъ или почти правъ: умные люди, абсолютно лишенные художественнаго дарованія, встрѣчаются, я думаю, рѣдко. Во всякомъ случаѣ между такимъ абсолютно бездарнымъ умникомъ и талантливымъ, но глупымъ художникомъ существуетъ множество переходныхъ ступеней, множество оттѣнковъ. И можно поэтому говорить о слишкомъ умныхъ художникахъ. Это значитъ, что сила сознанія слишкомъ перевѣшиваетъ въ нихъ тѣ безсознательные элементы, которые необходимы для творческаго процесса, что либо бѣдна въ нихъ сфера безсознательнаго, либо они давятъ ее, не давая должнаго простора непосредственному чувству. Таковъ именно случай г. Тимковскаго.

Любой отдѣльно взятый разсказъ г. Тимковскаго можетъ отвѣчать за весь сборникъ въ отношеніи идей и настроенія автора. Его физіономію ужъ никакъ нельзя назвать неопредѣленною и неясною. Всегда и вездѣ онъ живописуетъ „мутную и пеструю жизнь современнаго человѣка“ (выраженіе одного изъ его героевъ) со стороны ея пошлости, неискренней суетливости, пустоты, лицемѣрія. Авторъ сохраняетъ при этомъ видъ совершенно спокойнаго, хладнокровнаго наблюдателя, безстрастно записывающаго факты дѣйствительной жизни. Но въ цѣломъ это не дѣйствительная жизнь, а абстракція, абстрактное построеніе изъ элементовъ дѣйствительной жизни. Авторъ постоянно какъ бы рѣшаетъ логическія задачи: до чего можетъ быть доведено такая-то или такая-то черта жизни? Напримѣръ, до чего можетъ дойти вялость и медлительность?—До того, что о турецкихъ звѣрствахъ въ Арменіи „Кунктаторъ“ (такъ и разсказъ озаглавленъ) прочиталъ только черезъ два года, а до дѣла Дрейфуса добрался только тогда, когда начался пересмотръ его. Разсказъ „Среди людей“ отвѣчаетъ на вопросъ: до чего можетъ дойти безучастіе „людей“ къ чужой бѣдѣ? Разсказъ „Бутафорія“—на вопросъ: „какими пустяками можетъ жить человѣкъ“? „Затвержоный“—на вопросъ: до чего можетъ зазубриться гимназистъ? И т. д. Во всемъ этомъ много отдѣльныхъ живыхъ чертъ, но цѣлое слишкомъ подчинено логической задачѣ и часто прорывается шаржемъ. Нѣкоторые разсказы г. Тимковскаго („Драма“, „Отъ добраго сердца“ и др.) напоминаютъ своей фабулой тѣ юмористическія мелочи, которыми

началъ свою литературную дѣятельность г. Чеховъ. Но угрюмо холодный тонъ т. Тимковскаго исключаетъ всякую мысль о юморѣ.

Какъ бы то ни было, въ г. Тимковскомъ мы имѣемъ типъ автора разсказовъ, рѣзко отличающійся и отъ благодушнаго безразличія г. Ѳ. Потѣхина и К°, и отъ облыжнаго сочинительства г. Ив. Щеглова. „Мутная и пестрая“ и, не смотря на пестроту, всетаки томительно-скучная и пустая жизнь современнаго русскаго человѣка во всякомъ случаѣ получаетъ свое отраженіе въ этихъ отрывочныхъ разсказахъ. И спрашивается,—можетъ ли процвѣтать литература при такихъ условіяхъ? Можетъ ли на такой скудной почвѣ вырости красивый и ароматный цвѣтокъ искусства? Задать этотъ вопросъ—значитъ отвѣтить на него. Но, спрашивается далѣе,—полную ли картину современной русской жизни даютъ писанія г. Тимковскаго? Все ли въ этой жизни такъ безнадежно-скучно, мелочно и лицемѣрно?

Въ лежащемъ передъ нами томикѣ кое-гдѣ, хотя и очень рѣдко, всетаки поблескиваютъ свѣтлыя искорки. Г. Тимковскій любитъ рѣзкія противопоставленія, для чего, между прочимъ, сводитъ двухъ когда-то близкихъ, но затѣмъ потерявшихъ другъ друга изъ виду и разными житейскими дорогами разошедшихся въ разныя стороны людей. Такъ, въ разсказѣ „Бутафорія“ случайно встрѣчаются двѣ институтскія подруги, изъ которыхъ одна вышла замужъ и вся ушла въ хлопоты и волненія по поводу мебели, ковровъ, посуды, лампъ и проч.; другая замужъ не вышла, живетъ уроками и изумляется, „какими пустяками можетъ жить человѣкъ“. Но это другая остается въ тѣни, мы ее почти не видимъ. Въ разсказѣ „Двѣ семьи“ соотвѣтственный элементъ выступаетъ во весь ростъ. Здѣсь встрѣчаются два давно невидавшіеся товарища по университету. Оба успѣли уже жениться и дѣтей народить, но одинъ, Кузьминскій, уже пятый годъ состоитъ помощникомъ какого-то свѣтила адвокатуры, хорошо, даже роскошно обставился, а другой, Шарабановъ, изъ-за „разныхъ происшествій“ и по сейчасъ застрялъ въ университетѣ, и очень бѣдствуетъ съ женой и двумя ребятами. Въ чемъ состоятъ „разныя происшествія“, помѣшавшія Шарабанову своевременно кончить курсъ,—не вполнѣ ясно: начавъ ихъ перечислять, Шарабановъ останавливается на рожденіи дѣтей: „сначала Петька помѣшалъ, потомъ Манька врѣзалась въ самую середину экзаменовъ“. Разница какъ въ обстановкѣ, такъ и въ настроеніи двухъ товарищей, какъ почти всегда у г. Тимковскаго, очень подчеркнута. У Кузьминскаго хорошенькая и нервная жена, такая же хорошенькая и нервная дочка, тесть генералъ, суровый и грубый, горничная—„щеголиха“, ковры, трельяжи и проч. Но все это не украшаетъ жизни Кузьминскаго, тогда какъ Шарабановъ, живущій въ „тухлыхъ“ номерахъ на „грязной, кривой улицѣ“, чувствуетъ

себя превосходно, какъ и его жена и дѣти. И возвращаясь отъ него къ себѣ домой, Кузьминскій „въ задумчивости остановился передъ дверью своей квартиры и долго стоялъ, какъ будто боясь прикоснуться къ звонку. Въ роскоши его обстановки, во всѣхъ этихъ коврахъ, паркетахъ, электрическихъ звонкахъ, въ дорогихъ нарядахъ жены, въ изящной красотѣ его дѣвочки, въ этихъ абонементахъ на оперу, въ этихъ концертахъ и журъ-фиксахъ и во всемъ красивомъ, старательно поддерживаемомъ складѣ его жизни—ему чудилось что-то ненормально-судорожное, лживое, страшное, и ему хотѣлось вернуться опять въ грязные номера Козявкина, въ неуютную, похожую на сарай комнату съ низкимъ потолкомъ, къ этимъ полнымъ здоровой жизни людямъ, которые такъ смѣло глядятъ въ неизвѣстное будущее“.

Весь составъ сборника г. Тимковскаго, вся его писательская физіономія говоритъ за то, что Шарабановъ и его семья введены только для того, чтобы рѣзче оттѣнить пустоту жизни Кузьминскаго. Цѣль жизни Кузьминскаго совершенно ясна, онъ ее самъ указываетъ: онъ „долженъ зарабатывать, и много зарабатывать“ для поддержанія въ должномъ видѣ добровольно надѣтой имъ себѣ на шею красивой петли. А Шарабанова мы, собственно говоря, не знаемъ, хотя онъ передъ нами шумно хохочетъ, весело няньчитъ дѣтей, любовно разговариваетъ съ женой и т. д. Есть, разумѣется, блага жизни, безконечно болѣе цѣнныя, чѣмъ ковры и абонементы, трельяжы и наряды. Въ числѣ ихъ здоровье, веселый темпераментъ и счастливое супружество занимаютъ очень видное мѣсто, но если только о нихъ рѣчь идетъ, такъ стоитъ ли огородъ городить? Судьба могла ихъ послать и Кузьминскому въ придачу къ коврамъ и сервизамъ; и тогда не было бы основаній для его зависти къ Шарабанову, потому что сами-то по себѣ „протухлые“ номера на „грязной и кривой“ улицѣ не ахти-какая радость. Значитъ, есть, надо думать, у Шарабанова еще какой-то плюсъ, котораго г. Тимковскій не отмѣтилъ. Почему? Можетъ быть, потому, что не хотѣлъ, такъ какъ это внесло бы лишній осложняющій элементъ въ его абстрактное настроеніе параллели между недовольною сытостью и довольною бѣдностью; можетъ быть, потому, что не могъ въ силу внѣшнихъ, стороннихъ обстоятельствъ, оказавшихъ на него свое давленіе. Въ послѣднемъ случаѣ мы не можемъ, конечно, сѣтовать на автора,—силу солому ломитъ,—но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ современная русская жизнь получаетъ одностороннее освѣщеніе. Не такъ уже она сплошь мрачна, скудна, пошла, лжива, какъ можно бы было заключить на основаніи разсказовъ г. Тимковскаго. Среди этого мрака, этой пошлости, скудости и лжи есть нѣчто свѣтлое и правдивое, чего литература не хочетъ видѣть или не можетъ показать. А это опять-таки, конечно, не окрыляетъ литературу...

Не вся, однако, литература находится въ такомъ печальномъ положеніи. Вотъ, напримѣръ, книга г. Алексѣя Плетнева „На чужбинѣ и дома. Повѣсти, разсказы, типы и картинки парижской жизни, статьи, письма издалека“... Авторъ снабдилъ книгу предисловіемъ, въ которомъ сообщаетъ, что въ этотъ сборникъ „вошелъ тотъ болѣе вѣскій литературный багажъ, который ему удалось собрать изъ всего написаннаго имъ въ теченіе его кочевой жизни журналиста и писателя, прожившаго долгіе годы „за рубежомъ“.— Въ числѣ этого „болѣе вѣскаго литературнаго багажа“ находимъ, между прочимъ, газетныя корреспонденціи о томъ, какъ встрѣчали въ 1883 г. женевцы Виктора Гюго (ровно одна страница), какъ авторъ видѣлъ въ 1884 г. Гладстона (двѣ страницы), какое въ 1887 г. происходило землетрясеніе въ Ниццѣ (двѣ страницы) и проч.; есть дѣтскія размышленія на разныя темы; есть повѣсти и разсказы. Все это, наиболѣе вѣское изъ багажа г. Плетнева, само по себѣ, безотносительно говоря, не очень вѣско; едва ли г. Плетневъ похожъ на несчастнаго Атласа, который „невыносимое несъ бремя“. Но у г. Плетнева есть объясненіе. Его багажъ, составляющій нынѣ одно цѣлое, въ раздробь печатался въ „Новомъ Времени“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Міровыхъ Отголоскахъ“, „Гласности“, „Наблюдателѣ“, „Россіи“, „Петербургской Жизни“, „Огонькѣ“ „и другихъ“.—„Какъ видно изъ этого перечня,—говоритъ онъ,—мнѣ пришлось имѣть дѣло съ весьма многими и разнообразными, по своему направленію, органами печати. Не могу, однако, сказать, чтобы я встрѣтилъ въ томъ или другомъ органѣ, въ той или другой редакціонной семьѣ, то установившееся міровоззрѣніе, то единство во взглядахъ, которое на западѣ придаетъ печати значеніе крупной общественной силы. Короче говоря, у насъ есть партійная, даже сословная пресса, но нѣтъ еще національной прессы въ широкомъ смыслѣ этого слова. Приходилось постоянно испытывать перемѣнчивость отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ настроеній, убивающихъ въ публицистѣ всякую энергію къ правильной работѣ... Мнѣ думается, что я не составляю исключенія и что я испыталъ общую судьбу со многими русскими публицистами, не имѣвшими возможности и свободы высказаться“.

Итакъ, вотъ причина, въ силу которой такъ мало вѣситъ даже наиболѣе вѣскій багажъ г. Плетнева: авторъ не имѣлъ возможности и свободы высказаться... Очень удобно, когда беллетристъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и публицистомъ, беретъ на себя трудъ комментировать свои собственныя произведенія. Это значительно облегчаетъ задачу критика, при томъ, конечно, условіи, что авторскія комментаріи ясны и удобопонятны. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о предисловіи г. Плетнева. Въ чемъ, собственно, состоитъ та возможность и свобода высказываться, которой былъ лишенъ нашъ авторъ? Объ общихъ условіяхъ русской печати онъ

не говоритъ, а при его готовности писать въ „весьма многихъ и разнообразныхъ, по своему направленію, органахъ“ какъ-то странно ссылаться на отсутствіе свободы высказаться. Правда, вышеприведеннымъ перечнемъ органовъ, въ которыхъ помѣщалъ свои произведенія г. Плетневъ, не исчерпывается вся русская литература, но къ перечню прибавлено: „и другихъ“,—и кто знаетъ, какіе еще „и другіе“ имѣли честь считать г. Плетнева въ числѣ своихъ сотрудниковъ, и какой ему еще возможности и свободы нужно. Такое же недоумѣніе вызываютъ положенія автора о „перемѣнчивости отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ настроеній“, на которую ему постоянно приходилось наталкиваться въ русской печати, о существованіи у насъ „партійной, даже сословной прессы“ и объ отсутствіи „національной прессы въ широкомъ смыслѣ этого слова (?)“. Но не будемъ стараться проникнуть въ глубь публицистической мудрости г. Плетнева и порадуемся вмѣстѣ съ нимъ, что его разочарованію въ русской жизни и русской литературѣ наступилъ конецъ. Засвѣтилась благодатная заря „возможности и свободы“, основалось... „Русское Собраніе“. „Я не могу,—восклицаетъ г. Плетневъ,—не привѣтствовать съ патріотическою радостью признаки недавняго пробужденія нашего національнаго чувства. Нѣсколькимъ русскимъ людямъ, какъ А. А. Суворинъ, В. В. Комаровъ, баронъ А. Н. Штиглицъ, А. В. Васильевъ, С. Н. Сыромятниковъ, В. Л. Величко, Н. А. Энгельгардтъ и другимъ удалось, наконецъ, соединить свои усилія и таланты съ цѣлью направить нашу общественную мысль къ тому „русскому морю“, о которомъ говорилъ еще нашъ великій Пушкинъ“.

Очевидно, теперь „пойдетъ ужъ музыка не та“. И нѣчто изъ этой новой музыки уже имѣется на лицо. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ г. Плетневъ. Онъ говоритъ: „Послѣ перваго написаннаго мною разсказа „Вѣчная любовь“ я приступилъ къ изображенію моихъ національныхъ стремленій въ повѣсти „Бездомовье“. Въ двухъ герояхъ этой повѣсти—Невинѣ и Кремневѣ—я хотѣлъ противопоставить два направленія: западническое и славянофильское, вѣрнѣе руссофильское, явно отдавая свои симпатіи второму... Вотъ фраза, вложенная мною въ уста Невина, получившая практическое осуществленіе въ недавнемъ основаніи „Русскаго Собранія“: „Можно сказать, что идея націонализма въ Россіи находится еще въ колыбели. Потому необходимо защищать эту идею, поставить ее хотя бы подъ покровительство секты—кучки славянофиловъ, если все образованное общество не записалось еще въ число ея приверженцевъ“.

Г. Плетневъ, должно быть, очень давно предвосхитилъ идею „Русскаго Собранія“, потому что вѣдь славянофилы много лѣтъ тому назадъ умерли, и кости ихъ навѣрное содрогнулись бы въ гробахъ, если бы они могли узнать, что ихъ отождествляютъ съ юр-

кими людьми, вродѣ гг. Суворина, Комарова, Величко, Сыромятникова.

Въ „Бездомовьи“ разсказывается, какъ бѣдный студентъ Кременъ (отъ „кремень“, твердый человѣкъ, какъ и подобаетъ человѣку, чтущему національные идеалы) съ теченіемъ времени не только самъ хорошо въ матеріальномъ отношеніи устроился честнымъ трудомъ, но и духовно чуть-чуть не спасъ богатаго студента Невина (отъ „Нева“, намекъ на западническое направленіе) обративъ его на путь истины. Идея блестящая и, главное, открывающая передъ умственнымъ взоромъ членовъ „Русскаго Собранія“ такія радужныя перспективы: ихъ благородный образъ мыслей будетъ достойно вознагражденъ судьбою (если она не поторопилась сдѣлать это раньше). Къ сожалѣнію, не говоря о топорности работы, при помощи которой эта пріятная идея облечена въ беллетристическую форму,—„Бездомовье“ есть единственное беллетристическое произведеніе г. Плетнева, посвященное этой идеѣ. Остальные повѣсти и разсказы нашего автора изображаютъ разнообразные анекдотическіе случаи, не имѣющіе никакого отношенія къ „идеѣ“,—а одна ласточка, какъ извѣстно, весны не дѣлаетъ. И я боюсь, что весна того направленія, которое „съ патріотическою радостью привѣтствуетъ“ г. Плетневъ,—никогда не наступитъ вообще и въ творчествѣ г. Плетнева въ частности. Всѣ его повѣсти и разсказы написаны такъ же топорно, какъ и „Бездомовье“, хотя въ то же время необыкновенно изящнымъ слогомъ. Дѣйствующія лица гладкими монологами въ нѣсколько страницъ излагаютъ свои благороднѣйшія мысли и чувства. Я охотно привелъ бы образцы, но такъ какъ все это очень длинно и такъ какъ авторъ и отъ себя пишетъ неизмѣнно тѣмъ же высокимъ стилемъ, то приведу лишь слѣдующее окончаніе одного изъ разсказовъ:

„Вѣра Николаевна повернулась къ нему и направила на него глаза полные любви. Она уже не противилась охватившему ее чувству и съ довѣріемъ склонила голову на его плечо. Тогда онъ привлекъ къ себѣ ея гибкій станъ и нѣжно приникъ къ ея алымъ устамъ, какъ къ животворящему источнику любви, обновляющей міръ. И въ эту минуту всепрощенія, въ это мгновеніе осуществленія воскресшей мечты своей о счастіи, изъ полузакрытыхъ глазъ Вѣры Николаевны тихо потекли неудержимыя, благодарныя, блаженныя слезы...“

Вторая половина этой тирады немножко нескладна въ грамматическомъ отношеніи: выходитъ, какъ будто не Вѣра Николаевна мечтала о счастіи, а слезы, „неудержимыя, благодарныя, блаженныя слезы“. Но это ничего, это бываетъ. За то какой стиль! Только лѣтъ семьдесятъ тому назадъ умѣли такъ описывать сближеніе князя Аполлона Бельведерскаго (у г. Плетнева только князь Дмитрій Улыбинъ) съ графиней Клеопатрой Лучезаровой. Но еще возвышеннѣе или, говоря любимымъ словомъ

г. Плетнева, „идеальнѣе“ конецъ другого разсказа, изображающаго судьбу обманутой дѣвушки. Она застрѣлилась, и такъ какъ обманувшій ее былъ актеръ, то она застрѣлилась въ сѣняхъ театра „одного изъ приволжскихъ городовъ“.

„Раздался выстрѣлъ. Она повалилась навзничь на холодный мраморъ храма искусства не ложной, но дѣйствительной жертвой идеала, недоступнаго его мелкимъ жрецамъ!.. На чужой сторонѣ, на кладбищѣ, стоитъ крестъ надъ убогой могилой схороненнаго здѣсь чистаго, обманутаго сердца! Спи спокойно, бѣдное дитя, едва ли стоитъ тебѣ просыпаться для міра печали и слезъ...“

Это великолѣпно! И особенно хорошо то, что деревянный полъ сѣней провинціальнаго театра превратился, подъ искуснымъ перомъ автора, въ „холодный мраморъ храма искусства“... Такъ, конечно, „идеальнѣе...“

Да не подумаетъ, однако, читатель, что книга г. Плетнева представляетъ собою сплошной вздоръ. Отнюдь нѣтъ. Художественнаго таланта у него нѣтъ ни на грошъ, но здравыя мысли кое-гдѣ пробиваются. Напримѣръ: „Болѣзнь нашего вѣка есть перепроизводство спеціалистовъ въ художественной сферѣ и особенно въ литературѣ. Всякій, умѣющій держать въ рукѣ перо и отпечатавшій триста страницъ, считаетъ себя литераторомъ, безъ всякаго отношенія къ настоящему значенію этого слова. Это происходитъ, во-первыхъ, вслѣдствіе тщеславія, а главное, вслѣдствіе приравненія всякой печатной мысли или недомыслія къ литературному труду“.—Это отчасти вѣрно замѣчено, хотя и неуклюже выражено. И я заглянулъ на цифру послѣдней страницы книги г. Плетнева. Оказалось,—371-я. Значитъ, на 71 страницу больше нормы, при томъ только „болѣе вѣскаго литературнаго багажа“. Это, конечно, высоко ставитъ г. Плетнева въ рядахъ литературы...

Еще одинъ беллетристъ-публицистъ: кн. В. В. Барятинскій: „Разсказы. Мысли и замѣтки“.

Художественныя силы кн. Барятинскаго очень не велики, хотя всетаки больше, чѣмъ у г. Плетнева. Въ лежащемъ передо мной томикѣ есть, напримѣръ, совсѣмъ недурной разсказъ „Двѣнадцать сорокъ пять“. Но иногда почтенному автору вдругъ вздумается, подобно г. Плетневу, обратиться къ возвышенному стилю, и онъ пишетъ:

„Откликнулись на призывъ Дмитрія Іоановича всѣ россіяне, какъ одинъ человѣкъ, отъ мала до велика—и князья, и витязи, и простые холопы. Забыты и гостепріимные терема, и родныя поля, села, избы, и матери и жены, и сестры и невѣсты. Однимъ лишь горятъ всѣ сердца, однимъ лишь полны всѣ души—любовью къ дорогой отчизнѣ, къ попранной волѣ.

— „Прости, Марѳуша! не поминай лихомъ! Не на чужую жену,

не на ловлю дикаго звѣря оставляю я тебя, мою голубку, а на жестокій бой съ врагомъ земли русской; можетъ статься, не свидимся болѣе, лягу я костьми на полѣ бранномъ, склюютъ мое мертвое тѣло вороны да коршуны; а будетъ милость Господня, ворочусь невредимъ къ тебѣ.

„Такъ говорилъ князь Михайло Васильевичъ Зарайскій, прощаясь со своею молодою женою, красавицей Марѳой Глѣбовной...

— „Лети, соколъ ты мой ясный, свѣтъ Михайло Васильевичъ! Господь милостивый защититъ тебя своимъ покровомъ! Сражайся за вѣру православную“... И т. д., и т. д.

Беллетристика занимаетъ около четверти всего сборника кн. Барятинскаго. Остальныя три четверти заняты „Мыслями и замѣтками“, перепечатанными изъ „Сѣвернаго Курьера“. Это очень благонамѣренныя—въ прямомъ, хорошемъ смыслѣ благонамѣренныя мысли и замѣтки. Но и мысли совсѣмъ маленькія и сѣренькія, и замѣтки совсѣмъ маленькія и сѣренькія... Если мудрено ждать возсіянія свѣта отъ идеаловъ г. Плетнева, то и этой маленькой сѣрости или сѣренькой малости, конечно, „совершить ничего не дано“...

„Евгеній Чириковъ. Разсказы. Т. I, изданіе третье. Т. II., изданіе второе“.

Если не ошибаюсь, первымъ печатнымъ произведеніемъ г. Чирикова былъ разсказъ „Ранніе всходы“,—онъ и въ первомъ томѣ сборника „Разсказовъ“ стоитъ на первомъ мѣстѣ. Это очень милый разсказъ о томъ, какъ гимназистъ Петровъ влюбился въ гимназистку Лелю Никольскую, какъ онъ ревновалъ ее къ реалисту Гришѣ, какъ получилъ отъ Лели на память бантикъ отъ платья, какъ проклиналъ „измѣнницу“, какъ плакалъ, лишившись бантика и благоволенія Лели. Талантливый авторъ относился чуть-чуть сверху внизъ къ этому ребяческому міру, но его добродушный и даже любовный юморъ ясно говоритъ, что ему близки и милы эти радости и горести подростковъ, эти „яичница съ лукомъ“ и „синяя говядина“, которыми гнѣвно обзываютъ другъ друга пылающіе ревностью гимназистъ и реалистъ, и ребяческое кокетство Лели, и трогательно-комическія слезы и проч., и проч. Очень, очень хорошенькій разсказъ,—красивый, свѣжій, ласковый. Начавъ такъ удачно, г. Чириковъ и потомъ неоднократно возвращался, если не къ радостямъ и горестямъ собственно гимназической поры, то къ разнообразнымъ тревогамъ годовъ ученія вообще. Сюда относятся разсказы „Созрѣлъ“, „Студенты пріѣхали“, „Калигула“, „Gaudeamus igitur“, „Въ отставку“. Въ послѣднемъ, впрочемъ, являются на сцену опять гимназисты, и здѣсь опять мѣстами пробивается веселый, мягкій, ласковый юморъ „Раннихъ всходовъ“. Но трагическій элементъ, окрашивающій собою разсказъ „Въ от-

ставку", не даетъ простора этому юмору, а въ разсказѣ „Студенты пріѣхали" онъ получаетъ уже нѣсколько иной оттѣнокъ.

Два студента-медика пріѣхали на лѣто къ себѣ на родину, въ Сердянскъ, и немедленно принимаются за дѣло „пробужденія и развитія сердянскаго самосознанія, борьбы съ рутиной и пошлостью, захолустнымъ невѣжествомъ, спячкой и „возмущающимъ душу индиферентизмомъ"! (послѣднія ковычки, равно какъ и восклицательный знакъ, принадлежатъ автору). Одинъ—сынъ-садовницы,—собираетъ около хибарки своей матери разную „сѣренькую публику", которой даетъ медицинскіе совѣты, читаетъ Некрасова и научно-популярныя книжки. Другой—сынъ мѣстнаго почтмейстера—имѣетъ другой кругъ знакомыхъ, въ который, однако, вовлекаетъ и пріятеля. Тутъ есть барышни, дамочки, и друзья рѣшаютъ заняться прежде всего ими. Одинъ предлагаетъ „начать съ экономики". Другой возражаетъ: „Прежде всего надо заставить личность критически отнестись къ себѣ и къ окружающему, разбудить нравственное чувство, сознаніе долга передъ обществомъ, а потомъ ужъ... Необходимо начать съ этики". Порѣшаютъ „хватить что-нибудь по женскому вопросу", и именно „начать съ Милля... О подчиненности женщины. А тамъ можно коснуться и спеціально русской женщины". Дѣло въ концѣ концовъ идетъ, однако, довольно безпорядочно. Читаютъ то Добролюбова, то „Историческія судьбы женщины", то какую-то „Историческую силу критической личности" (?), то пытаются устроить домашній спектакль „въ пользу бѣдныхъ студентовъ". Но ничего путнаго не выходитъ изъ ихъ усилій. Сердянскія барышни (за однимъ исключеніемъ), барыни и мужья барынь не понимаютъ добрыхъ намѣреній юныхъ просвѣтителей, въ дѣло замѣшиваются любовь и ревность, происходитъ рядъ скандаловъ, черная кошка пробѣгаетъ и между самими просвѣтителями и они вновь сходятся только уже на возвратномъ пути въ университетъ, сознаваясь, что „не съ того конца начали", „нераціонально" принялись за дѣло...

Вещи познаются сравненіемъ. Чтобы правильно оцѣнить тонъ этого разсказа г. Чирикова, представьте себѣ, что ту же тему пожелалъ обработать... я не знаю, ну, скажемъ, кн. Мещерскій (онъ же вѣдь и беллетристъ). Боже мой, сколько грязи навалилъ бы онъ на приключенія молодыхъ людей! Онъ заставилъ бы ихъ по малой мѣрѣ сажать сердянскихъ барышень и барынь къ себѣ на колѣни, зачатки робкой и мечтательной любви одного изъ нихъ къ пустѣйшей бабенкѣ превратилъ бы чортъ знаетъ во что и вообще предъявилъ бы намъ изверговъ рода человѣческаго, вмѣсто милыхъ, хотя и смѣшныхъ молодыхъ людей, изображенныхъ г. Чириковымъ. Съ другой стороны, прочтите въ январьской книжкѣ „Міра Божія" начало повѣсти г. Вересаева „На поворотѣ". Въ повѣсти этой, какъ и въ „Повѣтріи" того же автора, на первой

страницѣ люди съѣзжаются въ деревню, а на третьей уже ведутъ серьезнѣйшіе разговоры, при чемъ молоденькая дѣвица Таня, только что бросившая курсы (собственно потому бросившая, что какъ она сама объясняетъ, „курсы важны только вначалѣ, чтобъ пріобрѣсти знакомства"), что называется, распатрониваетъ „книжонку Бернштейна". И съ ней, съ этой забавной дѣвицей, удовольствовавшейся на курсахъ „знакомствами", которыхъ совершенно достаточно для сужденія о „книжонкѣ Бернштейна" и посвященной ей обширной литературѣ, собесѣдники серьезно соглашаются и не соглашаются. И авторъ сообщаетъ объ этомъ съ серьезнѣйшимъ тоже видомъ, безъ малѣйшей улыбки.

Г. Чириковъ далекъ отъ мещерскаго отношенія къ приключеніямъ своихъ юныхъ героевъ,—это люди чистые, исполненные лучшихъ намѣреній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ постоянно подтруниваетъ надъ ихъ неудачами, проистекающими изъ ихъ самоувѣренности и незнанія жизни, надъ ихъ жаргономъ. Но это не совсѣмъ тотъ тонъ, который мы видѣли въ „Вешнихъ всходахъ". Оно и понятно: тамъ гимназисты, фанты, бантики, здѣсь студенты, Добролюбовъ, „Историческія судьбы женщины", Милль. Тамъ авторъ относился къ своему матеріалу чуть-чуть сверху внизъ, здѣсь онъ относится къ нему чуть-чуть снизу вверхъ, но всетаки съ добродушной насмѣшкой и, какъ бы сказать,—ребячливо. Именно ребячливо. Такъ иной бойкій гимназистъ очень уважаетъ своего старшаго брата студента, но, по ребячливости натуры, не можетъ не подразнить его: „ишь, дескать, заважничался, „Историческую силу критической личности" читаетъ"! А и книги такой нѣтъ: ребячливый гимназистъ либо нарочно, на смѣхъ перевираетъ названіе книги, либо никогда ея не видалъ и только однимъ ухомъ слышалъ заглавіе...

Если-бы меня спросили, на смѣхъ ли перевираетъ г. Чириковъ заглавіе книги, или только однимъ ухомъ слышалъ его,—я бы затруднился отвѣтить. Сдается мнѣ, что его отношеніе къ книгѣ, наукѣ, знанію вообще—нѣсколько похоже на отношеніе къ этимъ вещамъ дѣвицы Тани въ повѣсти г. Вересаева: всякая наука важна только вначалѣ, чтобы пріобрѣсти знакомства. Какъ бы то ни было, процессъ пріобрѣтенія знаній, опредѣленнѣе говоря,—процессъ ученія, его обстановка, среда учащихся, ихъ радости и бѣды, все это очень занимаетъ нашего автора. Если подъ рукой нѣтъ обыкновенныхъ учащихся, онъ беретъ необыкновеннаго—сорокалѣтняго пьянаго Якова Ивановича Козырева, держащаго экзаменъ на право полученія перваго чина (разсказъ „Калигула"). Никакъ не удается этому бѣдному Якову Ивановичу перешагнуть черезъ порогъ экзамена. По книжкѣ онъ даже сыну-гимназисту помогаетъ: sum, es, est, sumus, estis, sunt. А какъ придетъ на экзаменъ, такъ въ головѣ у него все спутывается и на вопросъ—сколько частей свѣта? отвѣчаетъ четыре; а сколько странъ

свѣта?—пять; а какого французы вѣроисповѣданія?—республиканскаго; а вы? единодержавнаго?—такъ-съ, монархическаго. Вотъ тоже имя Калигула ему не дается: „Калугила“ выходитъ. Послѣ одной изъ неудачныхъ попытокъ преодолѣть Калигулу и всю прочую премудрость, Яковъ Иванычъ напивается пьянъ, дерзитъ начальству, и его выгоняютъ со службы. Но, опомнившись, Яковъ Ивановичъ униженно проситъ прощенія и получаетъ таковое. Разсказъ написанъ очень живо и весело. Мнѣ кажется, даже слишкомъ весело. Можно бы было и не въ такой уже степени подавлять жалкаго Якова Ивановича своими—вѣдь еще „въ началѣ“, до „знакомствъ“ пріобрѣтаемыми знаніями о четырехъ странахъ свѣта и Калигулѣ... Другое дѣло „Gaudeaums igitur“. Дѣйствующія лица здѣсь не учащіеся, а учившіеся. Ежегодно въ день годовщины N-го университета въ уѣздномъ городкѣ Сердянскѣ мѣстная интеллигенція собиралась, „чтобы въ задушевной бесѣдѣ вспомнитъ дни своего студенчества“ и, конечно, спѣть знаменитую студенческую пѣсню. Собственно питомцевъ N-го университета въ городѣ было всего трое, но къ нимъ присоединялись добровольцы—становой Тычкинъ, почтмейстеръ Мямлинъ, которые „никакихъ университетовъ не нюхали“, еще кое-кто, мѣстныя дамы, на присутствіи которыхъ особенно настаиваетъ франтъ и ловеласъ становой Тычкинъ. Получается забавная картинка пикника въ память университетской годовщины, при чемъ „задушевной бесѣдѣ о дняхъ студенчества“ отводится, конечно, мѣста меньше всего, и юморъ автора находится въ полной гармоніи съ его матеріаломъ.

Внѣ интереса къ жизни гимназистовъ, гимназистокъ, студентовъ, готовящихся къ экзамену, бывшихъ студентовъ, трудно было бы указать какой нибудь-другой пунктъ, объединяющій разсказы г. Чирикова. Внѣ этого круга онъ безпорядочно переходитъ отъ одной темы къ другой, ни на одной долго не останавливаясь, ни къ одной не возвращаясь. Сюда относятся разсказы „Бродячій мальчикъ“, „Въ лѣсу“, „На стоянкѣ“, „Съ ночевой“, „Прогрессъ“. Въ большинствѣ этихъ разсказовъ нѣтъ и тѣни того ребячливаго юмора, который сопровождаетъ автора въ его экскурсіяхъ въ школьную и около-школьную жизнь, но за то развертываются другія стороны его таланта. И при чтеніи ихъ не разъ приходилось досадовать, что такой даровитый писатель разбрасывается на случайныя темы, что нѣтъ въ его распоряженіи такой точки зрѣнія, которая помогла бы ему оріентироваться въ безконечно разнообразныхъ явленіяхъ жизни, отличать въ нихъ важное и неважное, цѣнное и бросовое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ему самому придавала бы опредѣленный индивидуальный обликъ. Но вотъ надъ русской интеллигенціей пронеслось дыханіе нео-марксизма, и г. Чириковъ какъ будто нашелъ то, чего ему недоставало. Подобно многимъ, онъ рѣшилъ, что „теперь пойдетъ ужъ музыка

не та, у насъ запляшутъ лѣсъ и горы"! И написалъ сравнительно большой разсказъ „Инвалиды"...

Очень бы интересно было посмотрѣть, какъ пляшутъ лѣсъ и горы, но бѣда въ томъ, что музыканты то были прежніе, а только усѣлись они въ новомъ порядкѣ и гордые имъ, этимъ новымъ порядкомъ, прежде всего накинулись на старую музыку---кто съ чѣмъ, а г. Чириковъ съ характерною для него ребячливостью, къ которой, впрочемъ, присоединились нѣкоторые другіе, пріобрѣтенные на литературномъ поприщѣ тона. Вотъ портретъ главнаго героя „Инвалидовъ".

„Въ кругу своихъ друзей Крюковъ *на скоро* разрѣшилъ всѣ „вопросы" и присоединился къ программѣ дѣятельности по формулѣ „все для народа и посредствомъ народа". *Въ полгода* Крюковъ изучилъ общину, артель и кустарную промышленность, выяснилъ роль свой личности, какъ интенлигентнаго человѣка, и затѣмъ... былъ подхваченъ волной движенія... Эта волна закружила Крюкова, какъ щепочку, и стала носить по тюрьмамъ и этапамъ, пока, наконецъ, не выкинула на берегъ пустынныхъ волнъ, предоставивши ему стоять здѣсь съ своими великими думами и безпомощно опущенными руками... Вернулся онъ съ какими-то фантастическими надеждами, планами и замыслами, съ горячею вѣрою въ свое прежнее дѣло и съ непреодолимымъ желаніемъ начать все сызнова... Но дѣйствительность безжалостно посмѣялась надъ Крюковымъ. Какъ герой сказки, Крюковъ, казалось, проспалъ *цѣлое столѣтіе* и когда проснулся, то вокругъ него говорили уже на другомъ нарѣчіи, завели другіе обычаи, иначе стали думать и иначе дѣлать, и какъ Крюковъ *не понималъ ихъ, такъ и его никто не понималъ*... Человѣкъ съ горячею вѣрою въ силу какого-то особаго „уклада" русской народной мысли и народнаго міросозерцанія, съ фантастическими планами путемъ общины, артели и экономической жизни отчизны чуть-ли не осуществить завтра же идеалъ всеобщаго на землѣ счастья—Крюковъ оторвался отъ дѣйствительности"...

Таковъ духовный портретъ Крюкова. О наружности и говорить нечего, такъ,—плюгавая: онъ напоминалъ собою „не то устарѣвшаго и сошедшаго со сцены тенора оперы, не то холостяка-художника, переживающаго хроническое неблагополучіе въ финансовомъ отношеніи". Ну и глупостей говоритъ и дѣлаетъ Крюковъ, конечно, очень много. Но я за ними слѣдить не буду, а обращу вниманіе читателя на ту необыкновенную быстроту русскаго прогресса, о которой свидѣтельствуетъ г. Чириковъ. Въ тѣ нѣсколько лѣтъ, что Крюковъ ходилъ по этапамъ и тюрьмамъ, для русскаго прогресса прошло цѣлое столѣтіе, все измѣнилось и музыка до такой степени пошла не та, что Крюковъ и новые или по новому усѣвшіеся музыканты даже не понимаютъ другъ друга. Быстрота поразительная. А еще находятся люди, утверж-

дающіе, что мы только на мѣстѣ топчемся... И только у насъ и возможны такіе гигантскіе шаги впередъ. Если мы обратимся къ богамъ того поколѣнія, отъ лица котораго говоритъ г. Чириковъ, то увидимъ, что Марксъ и Энгельсъ понимали и высоко цѣнили, напримѣръ, Фурье, хотя Фурье ожидалъ „осуществленія завтра же идеала всеобщаго на землѣ счастья“ даже не отъ „общины, артели и экономической жизни отчизны“, а просто отъ какого-нибудь богача, который поможетъ ему устроить первый фаланстеръ. Ну, а у насъ г. Чириковъ столь быстро стремится впередъ, что уже не можетъ понимать г. Крюкова,—они на разныхъ языкахъ или, по крайней мѣрѣ, на разныхъ „нарѣчіяхъ“ говорятъ... Г. Чириковъ неодобрительно отмѣчаетъ, что Крюковъ „на скоро разрѣшилъ всѣ вопросы“ и „вполгода изучилъ“ общину и проч. Это намекаетъ на то, что самъ-то г. Чириковъ, трактующій о тѣхъ же „вопросахъ“, не на скоро, не вполгода изучилъ ихъ. Но вѣроятно ли это при томъ необычайно быстромъ темпѣ жизни, о которомъ свидѣтельствуетъ г. Чириковъ? Если мы въ двадцать лѣтъ пробѣгаемъ столѣтіе, то, пожалуй, больше, чѣмъ полгода, и не остается на то, на что европейцы тратятъ не одинъ годъ. Выше я задалъ себѣ вопросъ объ отношеніи г. Чирикова къ книгѣ, наукѣ, знанію вообще и выразилъ предположеніе, что ему, какъ дѣвицѣ Танѣ, знаніе важно только въ своихъ начаткахъ, а тамъ ужъ пойдутъ „знакомства“, которыхъ совершенно достаточно для изученія вещей „на скоро“. Я все болѣе убѣждаюсь въ вѣрности этого предположенія. Марксъ и Энгельсъ—да проститъ мнѣ г. Чириковъ сопоставленіе его съ этими большими людьми—не раздѣляли фантастическихъ мечтаній Фурье, но понимали и цѣнили его, потому что знали въ его ученіи и кое-что, кромѣ этихъ фантазій. Г. Чириковъ знаетъ изъ ученія „инвалидовъ“ только надежды на общину и артель и гордый своими познаніями по части начатковъ въ этой области, третируетъ Крюкова, какъ того Якова Ивановича, который путалъ число странъ свѣта съ числамъ частей свѣта и говорилъ „Калугила“ вмѣсто „Калигула“. Скажутъ, можетъ быть, что вѣдь г. Чириковъ отмѣтилъ легкомысліе Крюкова: онъ на скоро разрѣшилъ всѣ вопросы, „въ полгода“. Это бываетъ,—и прежде бывало, и теперь бываетъ (и, можетъ быть, съ самимъ г. Чириковымъ такъ было). Въ такомъ случаѣ въ лицѣ Крюкова авторъ казнитъ только легкомысліе, и не торопись Крюковъ съ „разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ“,— а вѣдь это тоже бывало, — онъ и новые музыканты могли бы понимать другъ друга, не говорили бы на разныхъ языкахъ. Это не такъ, однако. Въ слѣдующемъ разсказѣ г. Чирикова, „Чужестраницы“, къ которому мы сейчасъ обратимся, „шаблонныя фразы объ общинѣ, артели, сектантствѣ, какъ главныхъ факторахъ грядущаго прогресса“, опять являются исчерпывающими міросозерцаніе „народниковъ“—„инвалиды“ тожъ. Очевидно, Крюковъ съ своимъ легкомысліемъ не

случайный единичный экземпляръ, а типъ, представитель всѣхъ „инвалидовъ“, на скоро или не на скоро они свой багажъ пріобрѣли. Г. Чириковъ въ существо дѣла проникаетъ... И это по истинѣ удивительно. Крюковъ, какъ мы видѣли, походилъ по этапамъ и посидѣлъ въ тюрьмахъ; въ другомъ мѣстѣ авторъ сообщаетъ, что его герою знакомы „безграничное море снѣговъ и угрюмые лѣса тайги“. И не только это обстоятельство не уняло ребячливости г. Чирикова, но даже не навело его на мысль, что должно быть не за общину и артель такъ расплачивался Крюковъ...

У насъ принято думать, что беллетристу и вообще художнику не нужно знаній, нуженъ, дескать, только талантъ. Это замѣчательно невѣрное мнѣніе. Нѣтъ, разумѣется надобности, чтобы романисту была, напримѣръ, „звѣздная книга ясна“, и мы охотно простимъ ему, если онъ при случаѣ какъ-нибудь смѣшаетъ одно созвѣздіе съ другимъ; но изображаемую эпоху и среду онъ долженъ знать, и знать превосходно. Подумать страшно, какая масса знанія вложена Толстымъ въ „Войну и миръ“ или сколько предварительнаго изученія потребовала „Капитанская дочка“ Пушкина. А сколько детальнѣйшаго знанія въ комедіяхъ Островскаго, въ сатирахъ Щедрина и т. п. Если Рѣшетниковъ, будучи совершенно необразованнымъ человѣкомъ вообще, навсегда вписалъ свое имя въ исторію русской литературы „Подлиповцами“, такъ только потому, что превосходно зналъ подлиповцевъ. Если такъ хорошъ разсказъ г. Чирикова „Вешніе всходы“, такъ именно потому, что авторъ совершено свой въ кругу гимназистовъ и гимназистокъ. Надъ Рѣшетниковымъ подсмѣивались, будто онъ пишетъ драму изъ великосвѣтскаго быта, героиня которой, нѣкая графиня, столь деликатно воспитана, что ничего, кромѣ сладкой водки, не пьетъ. То была шутка, — сила Рѣшетникова въ томъ и состояла, что онъ изображалъ то, что хорошо зналъ, но эта шутка поучительна. Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что для историческаго романиста нужно знаніе избранной имъ эпохи, а для художника, берущаго свои темы изъ той или другой спеціальной сферы — знаніе этой сферы. Но, дескать, не углубляясь ни въ какую спеціальную — историческую, этнографическую, сословную — область, можно довольствоваться талантомъ и тѣми „начатками“ знанія человѣческой души, которыя вѣдь у всѣхъ есть, хотя бы при помощи „знакомствъ“. Думаю, что „начатками“ никоимъ образомъ ограничиваться нельзя, но въ данномъ случаѣ мы можемъ и не вдаваться въ обсужденіе этого вопроса, потому что г. Чириковъ выбралъ для художественной обработки несомнѣнно сферу спеціальную, имѣющую свою особую и даже довольно длинную исторію, и ея то г. Чириковъ не потрудился хоть сколько-нибудь изучить, — я не хочу дѣлать обидное для него предположеніе, что онъ ее намѣренно извращаетъ.

Бѣдный, жалкій „инвалидъ“ Крюковъ сталкивается съ молодымъ марксистомъ Игнатовичемъ, который кладетъ его въ лоскъ, главнымъ образомъ насмѣшливо презрительнымъ вопросомъ—что дѣлаютъ его, Крюкова, единомышленники? „Твердятъ, какъ сорока про Якова, о томъ, что нужно поддерживать общину, и плачутъ, когда ихъ не слушаютъ? Поддерживать кустарей, уже разбившихся на группы зажиточныхъ буржуа и простыхъ наемныхъ рабочихъ?“ Понятно, что Крюковъ, у котораго за душой нѣтъ ничего, кромѣ общины и кустарей, совершенно сраженъ этими вопросами и уклоняется отъ отвѣта, а начинаетъ ругаться. Игнатовичъ отвѣчаетъ тѣмъ же, и—Крюковъ вскорѣ умираетъ. Передъ смертью онъ пишетъ Игнатовичу письмо, въ которомъ признаетъ, что онъ, Крюковъ, дѣйствительно „никуда не годенъ“, а Игнатовичъ—„хорошій, честный юноша“. Онъ допускаетъ, что все его прошлое—„одна сплошная ошибка“, но, говоритъ, „быть можетъ, на смѣну вамъ придутъ новые люди, которые признаютъ ваши взгляды и вашу дѣятельность тоже ошибкой“. Словомъ, онъ сдается окончательно и только жалуется на то, что Игнатовичъ былъ съ нимъ жестокъ, оскорбилъ его и „этимъ оскорбленіемъ только напомнилъ ему о томъ, что онъ давно зналъ и о чемъ давно думалъ“...

„Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій“! Миръ праху Крюкова и да здравствуетъ Игнатовичъ! „Теперь пойдетъ ужъ музыка не та, у насъ запляшутъ лѣсъ и горы!“ Но, какъ извѣстно, лѣсъ и горы не заплясали; марксизмъ разсыпался, пульверизировался, и его былые вожди наносятъ другъ другу словесные удары не хуже тѣхъ, которыми обмѣнивались Игнатовичъ и Крюковъ... И г. Чириковъ пишетъ новый разсказъ—„Чужестранцы“, съ эпиграфомъ:

Въ столицѣ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война...
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина!

Ни „глубины Россіи“, ни „тишины“ намъ авторъ, впрочемъ, не показываетъ. Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ, и дѣйствующія лица раздѣляются на два лагеря или на двѣ группы. Съ одной стороны, мѣстные нотабли, очень весело проводящіе время,—тутъ и флиртъ, и любительскіе спектакли, и неизбѣжный молодой чиновникъ особыхъ порученій, онъ же секретарь благотворительнаго общества, и соперничающія дамы, словомъ все, что по давнишнему шаблону полагается. Съ другой стороны, кучка интеллигентовъ, главнымъ образомъ марксистовъ, издающихъ газету, въ которой идетъ рѣчь о „политическихъ, экономическихъ и нравственныхъ факторахъ“. Словомъ, какъ и въ столицѣ, „шумъ, гремятъ витіи, кипитъ словесная война“. Но, увы! Какъ „дѣй-

ствительность безжалостно посмѣялась надъ Крюковымъ", такъ посмѣялась она и надъ Игнатовичами, которые оказались „чужестранцами" въ родной странѣ. Газету, за отсутствіемъ подписчиковъ, пришлось прекратить, и „чужестранцы" оказались въ положеніи, немногимъ развѣ лучшемъ, чѣмъ Крюковъ. Оригинальное и очевидно симпатичное автору положеніе среди „чужестранцевъ" занимаетъ нѣкій Силинъ. Когда-то онъ держался скудныхъ идей „инвалидовъ". Но съ теченіемъ времени „всѣ эти шаблонныя фразы объ общинѣ, артели, сектантствѣ, какъ факторахъ грядущаго прогресса, потеряли въ глазахъ Силина всякую цѣнность". „Потомъ появилось такъ называемое новое направленіе. Новое оно было лишь въ томъ смыслѣ, что представители его не видѣли новыхъ путей для шествія родного прогресса, утверждая, что онъ пошелъ по старой избитой дорожкѣ капитализма". Но Силинъ смѣялся „и надъ народниками, и надъ марксистами, называя и тѣхъ, и другихъ мечтателями". И когда послѣ постигшаго „чужестранцевъ" краха Силинъ уѣзжаетъ изъ города, онъ горько задумывается: „Гдѣ найти разрѣшеніе чертовской загадки?.. Надо учиться, снова пересмотрѣть и разрѣшить такъ или иначе вопросъ"...

„Надо учиться",—таковъ итогъ, къ которому приводятъ талантливаго автора его легкомысленно - ребячливыя экскурсіи въ область нравственно-политическихъ вопросовъ...

Въ подзаголовкѣ настоящихъ замѣтокъ значатся еще имена гг. М. Горькаго и А. Чехова. Но у меня остается уже слишкомъ мало мѣста для бесѣды объ этихъ царяхъ современнаго русскаго разсказа, равно какъ и для нѣкоторыхъ общихъ выводовъ изъ всего сказаннаго. До слѣдующаго раза...

Въ № 1 „Журнала для всѣхъ" напечатаны воспоминанія г. Антоновича о Добролюбовѣ. Они не много прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ о знаменитомъ критикѣ, какъ съ фактической стороны, такъ и въ смыслѣ характеристики Добролюбова. Но все же они прочтутся съ интересомъ и тѣмъ обиднѣе одна вкравшаяся въ нихъ ошибка. „Чернышевскій—вспоминаетъ, между прочимъ, г. Антоновичъ,—удивлялся въ Добролюбовѣ непреклонной строгости, неподкупности и нелицепріятію въ сношеніяхъ со всѣми, кто бы они ни были, знакомые-ли, пріятели, люди, высоко поставленные въ литературѣ, авторитеты или начинающіе новички; со всѣми онъ былъ одинаковъ и всѣмъ, ни мало не стѣсняясь, рѣзалъ въ глаза правду-матку; у него нѣтъ на лицо зрѣнія, онъ за дѣло всякаго обругаетъ въ глаза безъ малѣйшаго стѣсненія и церемоніи и ужъ никому ничего не проститъ...

„Съ милѣйшимъ, мягчайшимъ и утонченнѣйшимъ Тургеневымъ,—разсказывалъ Чернышевскій г. Антоновичу,—или съ добрѣй-

шимъ Кавелинымъ онъ (Добролюбовъ) не стѣсняется и рѣжетъ имъ свое. А съ другими, столь же почтенными и заслуженными литераторами обращается еще дерзновеннѣе". Къ этому г. Антоновичъ прибавляетъ отъ себя: „Слѣдуетъ замѣтить въ скобкахъ, что не смотря на то, что Чернышевскій при личныхъ сношеніяхъ съ литературными корифеями и авторитетами былъ съ ними внимателенъ, почтителенъ и любезенъ, они, однако, не любили его еще больше, чѣмъ Добролюбова. Тургеневу, напр., въ то время приписывали такую фразу: „Добролюбовъ — просто змѣя, а Чернышевскій—ядовитая, гремучая змѣя".

Память измѣнила г. Антоновичу, хотя ей могла бы въ этомъ случаѣ помочь книга, и именно февральскій № „Современника" за 1862 г., въ которомъ напечатана статья Чернышевскаго „Въ изъявленіе признательности". Изъ статьи этой видно, что фразу о змѣяхъ не „приписывали въ то время" Тургеневу, а Чернышевскій самъ печатно привелъ ее, и не въ такомъ видѣ, какъ она приведена у г. Антоновича: какъ разъ наоборотъ, роль простой змѣи выпала на долю Чернышевскаго, а „ядовитой, гремучей" (въ подлинникѣ „очковой")—Добролюбову.

Ник. Михайловскій.

Изъ Англіи.

Какъ разъ наканунѣ Рождества, когда весь Лондонъ превращается въ одинъ громадный гастрономическій магазинъ и когда наиболѣе кровожадныя изъ тѣхъ газетъ, которыя представляютъ биржевой капиталъ, обязательно начинаютъ говорить о „хвалѣ Богу въ небесахъ" и о „благоволеніи въ человѣкахъ" — коронеръ констатировалъ смерть нѣкоей Елизаветы Маршаль, жены работника. Давалъ показаніе мужъ. Онъ объяснилъ, что три мѣсяца тому назадъ потерялъ работу вслѣдствіе начинающагося кризиса и съ тѣхъ поръ напрасно искалъ ее. Все, что было у нихъ, они продали. Съ квартиры прогнали три недѣли тому назадъ; съ тѣхъ поръ мужъ и жена проводили дни и ночи на улицѣ. Жена иногда зарабатывала нѣсколько пенсовъ мытьемъ лѣстницъ. „Послѣдніе три дня у насъ ничего не было,—показывалъ свидѣтель.—Во вторникъ утромъ мы напились только воды изъ фонтана".

— Какъ вы очутились въ Гайдъ-Паркѣ? — спросилъ коронеръ.

— Жена мнѣ сказала, что гдѣ-то тамъ есть кофейная, въ

которой бѣднымъ иногда даютъ чай и кофе. Мы искали это мѣсто нѣсколько часовъ, но не нашли. „Зайдемъ въ паркъ, — сказала мнѣ жена,—я не могу больше ходить. Присядемъ“. Мы присѣли на землѣ. Вдругъ жена положила мнѣ голову на плечо и шепнула: „Прощай, Гарри!“ Я вскочилъ, — она была уже мертва.

— Почему вы не обратились къ общественной помощи? — спросилъ коронеръ.

— Я работникъ, а не нищій,—гордо отвѣтилъ свидѣтель. — При томъ, жена ни за что не согласилась бы пойти въ рабочій домъ!

Врачъ нашелъ, что смерть послѣдовала отъ голода и истощенія. Присяжные вынесли рѣшеніе: „умерла естественной смертью“.

— Вы, конечно, не хотите сказать, что настоящій случай — естественная смерть, а думаете: „умерла отъ голода и истощенія?“—переспросилъ коронеръ. Старшина присяжныхъ отвѣтилъ утвердительно.

Читатели, вѣроятно, знаютъ, что Гайдъ-Паркъ находится въ центрѣ наиболѣе богатыхъ кварталовъ Лондона. Восточную границу его составляетъ Паркъ лэйнъ, улица, заселенная только милліонерами. Взялъ я самый обыкновенный случай. Такъ какъ въ Лондонѣ въ годъ умираетъ отъ голода на улицѣ пятьдесятъ человѣкъ, то найти въ газетахъ коронерскій отчетъ вродѣ только что переданнаго не трудно.

Приведу теперь еще одинъ живой документъ, который я возьму изъ книги Хольмеса „Pictures and problems from London Police Courts“, вышедшей въ началѣ 1901 г. Полицейскіе суды въ Англіи — одно изъ лучшихъ мѣстъ для наблюденія жизни. Предъ глазами наблюдателя развертывается пестрая картина, писанная то грязью, то слезами, то кровью. Безконечной вереницей проходитъ богатая коллекція типовъ, то трагическихъ, то смѣшныхъ. Кого только тутъ нѣтъ! Пропоицы, джентльмены въ цилиндрахъ и съ толстыми золотыми цѣпями, профессіональные воры, благочестивые проповѣдники, уличныя женщины, честныя работницы, герои биржи и пр. Въ обычной жизни громадное большинство такъ называемаго порядочнаго общества (не только въ одной Англіи, конечно), сознательно или безсознательно, выражаясь фигурально, щеголяетъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Такъ какъ „не можно вѣкъ носить личинъ“, то бываютъ моменты, когда корректный джентльменъ, опять-таки фигурально выражаясь, обнажается и проявляетъ себя въ крайне неприглядномъ видѣ. Теперь представьте себѣ, что именно въ этотъ моментъ съ джентльмена снята моментальная фотографія. Разсматривая ее, знакомые будутъ только ужасаться: „какъ, неужели этотъ отвратительный, похотливый ста-

рый сатиръ нашъ богобоязненный, почтенный, уважаемый всѣми NN?“ Фотографія отвѣчаетъ: „да“. Такой моментальной фотографіей является протоколъ англійскаго полицейскаго суда. Нужно имѣть въ виду почти идеальную честность, неподкупность и нелицепріятіе англійской полиціи. Какая масса комическихъ типовъ! Иные появляются въ полицейскомъ судѣ періодически. Въ старыхъ записныхъ книжкахъ я нахожу такой набросокъ. Предъ магистратомъ маленькій, чисто выбритый, тщательно одѣтый въ черный, однобортный сюртукъ (костюмъ клэрджименовъ) лысый старичекъ, въ большихъ очкахъ. Ротъ у старичка широкій, смачный и окруженъ глубокими, полукруглыми морщинами, идущими отъ крыльевъ синяго носа. Такія складки бываютъ у актеровъ на комическія роли. Старичекъ киваетъ головой магистрату, какъ старому знакомому: онъ появляется здѣсь регулярно каждый мѣсяцъ. По профессіи обвиняемый—уличный проповѣдникъ, corner preacher. Цѣлый мѣсяцъ онъ горячо обличаетъ діавола на перекресткѣ близь Гайдъ-Парка; на тридцатый день неизмѣнно наступаетъ торжество врага человѣческаго: діаволъ побѣждаетъ и проповѣдникъ напивается неизмѣнно въ одномъ и томъ же кабакѣ „Свистящей Устрицы“. Напившись, обличитель діавола воображаетъ себя полисмэномъ, становится близь Мраморной арки, гдѣ постоянная толчея экипажей, омнибусовъ, тяжелыхъ фургоновъ, автомобилей и пр. — и начинаетъ командовать. Настоящій полисмэнъ сперва проситъ честью проповѣдника убраться; но старичекъ, подстрекаемый діаволомъ, начинаетъ честить всѣхъ отборными ругательствами. Финалъ заканчивается въ полицейскомъ судѣ.

— Вы опять здѣсь? — спросилъ магистратъ, сурово сдвигая брови и сдерживая невольную улыбку.

— Ваша милость,—задавалъ вопросъ проповѣдникъ,—были ли бы вы пьяны, если бы выпили полпинты „половины на половину?“ (т. е. портера, смѣшаннаго съ элемъ).

— Не думаю!—отвѣтилъ магистратъ, захваченный врасплохъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Мм! да! Я тоже такъ думаю!—значительно поднимая губы, съ видомъ знатока, вставилъ проповѣдникъ. Замѣчаніе до того комично, что публика захохотала. Засмѣялся и магистратъ; но сейчасъ же нахмурилъ брови и преувеличенно строгимъ голосомъ спросилъ:

— Рѣшительно не вижу, какое это отношеніе имѣетъ къ тому, въ чемъ вы обвиняетесь?

— Ваша милость! увѣряю васъ, отношеніе существуетъ, и еще какое! Когда я вышелъ утромъ изъ дома, у меня въ карманѣ было лишь два пенса. Могу это, если хотите, подтвердить свидѣтельскими показаніями. Вышелъ я и встрѣчаю стараго друга. Ваша милость! Вы сами англичанинъ и джентльменъ, поэтому

я васъ спрашиваю: что долженъ сдѣлать джентльменъ, встрѣтивъ друга дѣтства? Конечно, завести его въ питейный и сказать барышнѣ за стойкой: „миссъ, два стакана „половины на половину“. Такъ я и сдѣлалъ. Можете ли вы меня наказать за то, что я выпилъ одинъ стаканъ? Можно ли упиться полпинтой?

Магистратъ отвѣтилъ, что законъ не караетъ чевовѣка за то, что тотъ выпьетъ полпинты; но наказываетъ *за результатъ*, произведенный выпитымъ пивомъ.—Проповѣдника наказали пятью шиллингами. Это—водевиль въ полицейскомъ судѣ; но гораздо чаще тамъ бываютъ драмы. Одну изъ нихъ я привожу по вышеупомянутой книгѣ Хольмеса. Въ судъ привели работницу. Ея платье намокло и прилипло къ тѣлу. Изъ волосъ струилась вода. Женщину только что вытащили изъ рѣки. Въ Англіи покушеніе на самоубійство — преступленіе, караемое тюрьмой и принудительной работой. „Глухой кашель, казалось, вотъ-вотъ разорветъ грудь обвиняемой,—пишетъ Хольмесъ.—Щеки у обвиняемой впали, подъ глазами лежали большіе синіе круги. Женщина показала, что она коробочница. Мужъ ея былъ токарь; онъ умеръ девять лѣтъ тому назадъ. „Мэри,—сказалъ онъ предъ смертью,—поклянись, что ты съ дѣтьми никогда не пойдешь въ рабочій домъ“. Женщина поклялась и сдержала обѣщаніе. Но чего это стоило ей! Похоронивъ мужа, она съ четырьмя дѣтьми поселилась въ одной комнатѣ и принялась клеить спичечныя коробочки на продажу. Младшему ребенку было всего два года. За жалкую квартиру коробочница платила три шиллинга въ недѣлю. За девять лѣтъ она заплатила за свой уголъ 70 ф. ст., т. е. сколько могъ бы стоить маленькій котэджъ. Девять лѣтъ, изо-дня въ день, она клеила коробочки по $2^1/_2$ пенса за гроссъ (144 штуки), со своимъ клеемъ и нитками. Она работала семь дней въ недѣлю, по 14 часовъ ежедневно. Нужно было склеить 1,008 штукъ, чтобы получить 1 ш. $3^3/_4$ пенса. Женщина превратилась въ машину. Такъ продолжалось девять лѣтъ. Однажды, поднявъ глаза отъ работы, она увидала изъ окна, какъ вытащили изъ рѣки трупъ утопившейся женщины. Въ ту же ночь коробочница бросилась въ рѣку; но была спасена“... *).

Я привелъ нѣсколько иллюстрацій для того, чтобы облечь въ живое тѣло мертвыя колонны цифръ, которыми пестрятъ такія, напр., капитальныя изслѣдованія, какъ „Pauperism“ Чарльза Бузса. Въ своей извѣстной книгѣ Генри Джорджъ категорически заявляетъ: „чѣмъ населеніе становится гуще; чѣмъ національное богатство возрастаетъ, а процессъ производства и обмѣна совершенствуется,—тѣмъ сильнѣе становится бѣдность и труднѣе борьба за существованіе“... „Матеріальный прогрессъ нашего времени,—продолжаетъ Генри Джорджъ,—не только не уменьшаетъ, но, на-

*) A London police court etc., p.p. 294—296.

оборотъ, увеличиваетъ бѣдность". Въ Англіи противники Генри Джорджа (напр., I. Platt, авторъ книги „Poverty„) возражаютъ: „Объясните слѣдующіе факты: въ 1861 г. въ Англіи и Уэльсѣ на 19.886,000 человѣкъ находилось 1.033,974 пауперовъ, въ 1871 г. на 22.706,031 ч.—1.081,926 получавшихъ общественную помощь, въ 1881 г., на населеніе въ 25.965,971 ч.—803.126 пауперовъ" *). Книжка Плэта вышла въ 1884 г. Обратимся къ болѣе современнымъ цифрамъ, напр., къ тѣмъ даннымъ, которыя сообщены въ „Financial Reform Almanack" за 1901 г. (pp. 75—76).

Годы.	Населеніе въ Англіи и Уэльсѣ.	Число лицъ получ. общест. помощь.
1881	25.974,439	803.126
1891	29.002,525	774.905
1892	29.405,054	754.485
1893	29.731,100	776.458
1894	30.060,763	812.441
1895	30.394,078	817.431
1896	30.731,092	827.217
1897	31.055,355	824.362
1898	31.397,078	823.350
1899	31.742,588	807.730

Къ январю 1900 г. общественную помощь получало 797.630 чел: къ январю 1901 г.—801.347 (Hazell's Annual, 1902 г., p. 563). Прежде всего эти цифры намъ говорятъ слѣдующее. Ими далеко не исчерпывается число бѣдныхъ въ Англіи и Уэльсѣ. Двѣ иллюстраціи, приведенныя выше, въ эти колонны не входятъ: ни Елизавета Маршаль, умершая отъ голода, ни коробочница, бросившаяся въ рѣку, не пользовались общественной помощью. Затѣмъ мы видимъ, что число пауперовъ не можетъ быть графически изображено безусловно поднимающейся кривой линіей, какъ утверждаетъ Генри Джорджъ; но оно не можетъ быть также представлено безусловно падающей кривой, какъ увѣряетъ, напр., Плэтъ. Въ Ирландіи число бѣдныхъ поразительно растетъ. Увеличивается оно также въ нѣкоторыхъ кварталахъ большихъ англійскихъ городовъ. Валовыя среднія данныя мало пригодны, когда нужно опредѣлить экономическое положеніе города, въ которомъ поразительная бѣдность и поразительное богатство уживаются рядомъ. Возлѣ того мѣста, гдѣ умерла отъ голода Елизавета Маршаль, живетъ, напр., Джойлъ Барнато, годовой доходъ котораго—20 милліоновъ руб. Но было бы, конечно, нѣсколько смѣло выводить среднее ариѳметическое доходовъ Барнато и Маршаль. Англійскіе писатели, поэтому, остановились на другомъ пріемѣ, болѣе вѣрномъ, но требующемъ колоссальныхъ трудовъ.

*) Poverty p. 45.

Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить только что вышедшая книга: „Poverty, a study of town life“.

II.

Предъ нами новый, объемистый трудъ, посвященный изслѣдованію жизни работниковъ въ англійскихъ провинціальныхъ городахъ и въ особенности останавливающійся на причинахъ бѣдности. Авторъ труда—не профессіональный литераторъ или ученый. Онъ—милліонеръ квакеръ, владѣлецъ громадныхъ шоколадныхъ фабрикъ, извѣстный своимъ отношеніемъ къ вопросу о жилищахъ работниковъ и къ государственному пенсіону для всѣхъ престарѣлыхъ. Авторъ — Раунтри—не ограничился только теоретической разработкой вопроса о жилищахъ: близь своихъ фабрикъ онъ выстроилъ цѣлый поселокъ образцовыхъ котэджей для работниковъ. Какъ всѣ англійскіе квакеры, Раунтри—радикалъ-гладстоніанецъ. Громадный трудъ Раунтри—„Poverty, a study of town life“, по поводу котораго я буду говорить въ этомъ письмѣ, любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ отличается солидностью, необычайнымъ богатствомъ матеріаловъ и крайней осторожностью въ выводахъ, т. е. всѣми отличительными свойствами англійскихъ работъ подобнаго рода. Не менѣе любопытно наблюдать въ капитальномъ, добросовѣстномъ трудѣ доброжелательнаго квакера одинъ знакомый перепѣвъ, который раздался впервые почти сто лѣтъ тому назадъ (въ 1803 г.) въ „Опытѣ о народонаселеніи“.

Прежде всего, какъ Раунтри велъ свои изслѣдованія. „Задумавъ трудъ, мнѣ пришлось рѣшить сперва, собирать ли свѣдѣнія по методу *экстенсивному* или *интенсивному*, — говоритъ нашъ авторъ.—Другими словами, предстояли два пути: 1) или собрать и анализировать всѣ тѣ статистическія данныя относительно англійскихъ городовъ, которыя находятся въ результатахъ переписей, въ отчетахъ медицинскихъ инспекторовъ, въ записяхъ различныхъ благотворительныхъ обществъ и пр., или 2) изучить самому детально условія жизни какого-нибудь одного типичнаго города“.

„Поверхностное даже изученіе убѣдило меня,—продолжаетъ Раунтри, что картина положенія рабочихъ классовъ въ англійскихъ провинціальныхъ городахъ, набросанная на основаніи перваго метода, была бы крайне не полна и представляла бы сомнительную цѣнность“. Авторъ рѣшилъ принять за образецъ извѣстное многотомное изслѣдованіе Чарльза Бузса „The Life aud Labour of the People of London“, выбралъ типичный провинціальный городъ Іоркъ и занялся изслѣдованіемъ. Предстояло нѣчто колоссальное: подворная перепись и опросъ всѣхъ обывателей. „Я убѣдился, что тѣ вопросы, которые я себѣ намѣтилъ, могутъ быть удовлетворительно разрѣшены только опросомъ всего рабочаго населенія го-

рода Іорка. Я остановился на этомъ и попытался добыть свѣдѣнія относительно жилища, занятія и заработной платы всѣхъ іоркскихъ работниковъ. Свѣдѣнія обнимали каждую семью. Опросъ касался также числа дѣтей и возраста ихъ". Автору пришлось опросить, такимъ образомъ, 11.560 семействъ (46754 чел.), живущихъ на 388 улицахъ. Грандіозный трудъ этотъ возможно было выполнить, лишь благодаря настойчивости и богатству автора. Читатель уже можетъ видѣть, какой драгоцѣнный и богатый матеріалъ заключаетъ въ себѣ увѣсистый томище Раунтри. Какія же цѣли преслѣдовалъ авторъ? „Мнѣ хотѣлось, между прочимъ, разрѣшить слѣдующіе вопросы, — говоритъ онъ.—Каковы истинные размѣры бѣдности въ городѣ, и насколько распространена она въ ширину и глубину? Въ какой мѣрѣ обусловливается эта бѣдность недостаточностью заработной платы и въ какой степени—непредусмотрительностью? Сколько семействъ пребываетъ въ такой нуждѣ, что испытываетъ хроническую недостачу въ пищѣ и питьѣ? И если результатомъ бѣдности является физическое вырожденіе и высокій процентъ смертности, то можно ли это вычислить точно, въ цифрахъ?" Принявшись за изслѣдованіе, авторъ намѣтилъ два типа бѣдности: a) *первостепенную* (терминологія автора), когда заработка семьи не хватаетъ на покрытіе первыхъ потребностей жизни и b) *второстепенную*, когда заработокъ хваталъ бы на абсолютно необходимое, „если бы не поглощался другими расходами, полезными или безполезными".

„Чтобы опредѣлить размѣры первостепенной бѣдности,—говоритъ авторъ,—мнѣ было необходимо не только знать заработокъ каждой семьи, но и опредѣлить minimum, необходимый семьѣ, чтобы прокормиться. Для этого понадобилось предварительное изслѣдованіе съ цѣлью опредѣлить, какое именно количество продуктовъ необходимо, по новѣйшимъ даннымъ, семьѣ. Пришлось опредѣлить квартирную плату и вычислить, какая часть заработка идетъ на пищу и какая—на ренту". Дѣйствительно, нашъ авторъ посвятилъ особый отдѣлъ діэтѣ работниковъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ трудъ кропотливый, громадный, богатый документальными данными.

Іоркъ, на которомъ остановился авторъ, — типично провинціальный англійскій городъ. Мы имѣемъ тутъ „безконечныя, унылыя, однообразныя улицы, на которыхъ единственнымъ домомъ нѣсколько иной архитектуры является кабакъ". Нужно знать, что всѣ питейные дома въ Англіи принадлежатъ нѣсколькимъ водочнымъ и пивнымъ королямъ, которые заботятся объ архитектурѣ своихъ владѣній. Какъ въ типичномъ англійскомъ городѣ, въ Іоркѣ каждый классъ живетъ отдѣльными кварталами. Богатые фабриканты считаютъ „нереспектабельной" улицу, на которой живутъ клэрки. Послѣдніе, въ свою очередь, ни за что не поселятся рядомъ съ работникомъ. Какъ типичный англійскій

городъ, Іоркъ очень медленно увеличивался восемь вѣковъ и сразу разросся въ XIX вѣкѣ, когда началось массовое бѣгство изъ деревни. Въ 1086 г. въ Іоркѣ было 8000 жителей, въ серединѣ XIV вѣка — 10800 ж., въ 1801 г. — 16145 ж. Къ этому времени Англія нашла и приковала для своей службы неизвѣстнаго до тѣхъ поръ великана—паръ. Все содѣйствовало развитію новой силы: безконечныя залежи каменнаго угля, богатая желѣзная руда, бурныя политическія событія въ Европѣ и пр. Паръ сталъ типично англійской силой. При помощи его Англія стала промышленнымъ сюзереномъ всего міра. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, покуда конкурренты нашли своего великана, еще болѣе мощнаго, чѣмъ паръ—электричество. Эта сила совершенно ушла изъ подъ контроля Англіи. Массой причинъ обусловливается то, что она никогда не овладѣетъ новымъ великаномъ...

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ начинается поразительный ростъ городовъ. Прикованный великанъ разгромилъ деревню, которая потянулась въ городъ. Слѣдующая таблица даетъ представленіе о ростѣ населенія въ Іоркѣ *).

Годы.	Населеніе.	Насколько увеличилось за 10 лѣтъ.	Процентное увеличеніе.
1801	16,846	—	—
1811	19,099	2,253	13,37
1821	21,711	2,612	13,67
1831	26,260	4,549	20,95
1841	28,842	2,582	9,83
1851	36,303	7,461	25,08
1861	40,433	4,130	11,37
1871	43,796	3,363	8,31
1881	49,530	5,734	13,09
1891	67,004	17,474	35,27
1901	77,793	10,789	16,10

Все это населеніе нашъ изслѣдователь опросилъ и классифицировалъ. Демаркаціонной линіей, отдѣляющей въ изслѣдованіи Раунтри имущихъ отъ неимущихъ, является прислуга. Населеніе онъ разбилъ на семь классовъ, соотвѣтственно заработкамъ или общественному положенію:

A. Семья, получающая ниже 18 шиллинговъ въ недѣлю. *B*. Получающіе отъ 18 — 21 шиллинга. *C*. Заработокъ ниже 30 шиллинговъ. *D*. Семья, получающая больше 30 шиллинговъ въ недѣлю. *E*. Домашняя прислуга. *F*. Классъ, держащій прислугу. *G*. Лица, живущія въ общественныхъ учрежденіяхъ, т.-е. находящіяся въ рабочихъ домахъ, больницахъ и въ тюрьмахъ. Ре-

*) *B. Sebohme Rowntree,* Poverty etc., p. 8.

зультаты, добытые спеціальной переписью, могутъ быть выражены слѣдующей таблицей.

Классы.	Заработокъ семьи.	Число лицъ въ каждомъ классѣ.	Процентное отношеніе ко всему населенію.
A.	Ниже 18 шил. въ недѣлю .	1,957	2,6%
B.	18 шил. и ниже 21 шил. .	4,492	5,9
C.	Отъ 21—30 шил.	15,710	20,7
D.	Свыше 30 шил.	24,595	32,4
E.	Домашняя прислуга	4,246	5,7
F.	Классъ, имѣющ. прислугу .	21,830	28,8
G.	Живущ. въ общ. учр. . . .	2,932	3,9%
		75,812	100%

Сравнивая предыдущую таблицу съ этой, читатель видитъ, что цифры населенія нѣсколько не совпадаютъ (77,793 и 75, 812); но это потому, что автора интересовали исключительно работники. Не переписанными остались, поэтому, крупные фабриканты, банкиры, очень богатые рантье и пр. Къ анализу послѣдней таблицы я приступлю съ нѣкоторой оговоркой. Читатель уже можетъ видѣть, что къ изслѣдованію могутъ быть примѣнены только англійскія мѣрки. Борьба въ парламентѣ за улучшеніе положенія трудящихся классовъ не прошла безрезультатно. Пробужденіе массъ повлекло за собою поднятіе уровня жизненныхъ потребностей. То, что въ Англіи теперь кажется крайней бѣдностью, сто лѣтъ тому назадъ въ Соединенномъ Королевствѣ, а нынѣ во многихъ мѣстахъ на континентѣ казалось бы отличнымъ заработкомъ. Приведу нѣсколько конкретныхъ примѣровъ. Восемнадцать шиллинговъ въ недѣлю изслѣдователь, если можно такъ выразиться, считаетъ рубежомъ бѣдности. Вильямъ Диґби, авторъ только что вышедшей поразительной книжки „Prosperous British India“ *), вычисляетъ доходъ индуса. Въ 1850 г. средній доходъ индійскаго крестьянина равнялся 2 пенсамъ въ день (8 коп.), въ 1880 г.—$1^1/_2$ пен., въ 1900 г.—$^3/_4$ пенса (3 коп.). За 107 лѣтъ, отъ 1793—1900 года во всемъ мірѣ отъ войнъ погибло 5 милліоновъ людей. Цифра, конечно, ужасная; но за *девять* лѣтъ (1891—1900 г.) отъ голода въ Индіи погибло 19 милліоновъ людей. Годовой доходъ шотландца равенъ 45 ф. ст., австралійца—40 ф. ст., жителя Соединенныхъ Штатовъ—39 ф. ст., француза—27 ф. ст., германца—22 ф. ст., итальянца — 12 ф. ст., русскаго — 10 ф., индуса — 1 ф. ст. **).

Средній доходъ итальянца можетъ показаться мизернымъ шотландцу, но является, въ нѣкоторомъ родѣ, завиднымъ для рус-

*) Prosperous British India, p. 118.
**) Ibid., p. 2.

скаго. Индусъ, получающій три копѣйки въ день, находитъ, вѣроятно, житье тѣхъ іоркцевъ, которыхъ Раунтри помѣщаетъ въ классъ А—райскимъ. Выходцы изъ сѣверо-западнаго края, попадая въ Лондонъ, считаютъ великолѣпнымъ тотъ заработокъ, который англичане именуютъ starvation wages, голодной платой. Это зависитъ отъ развитія потребностей. Отсутствіе мяса каждый день является въ Англіи признакомъ великой бѣдности; но мы знаемъ, что есть мѣста, гдѣ люди ѣдятъ мясо разъ въ недѣлю и даже гораздо рѣже. Іоркскіе работники, стоящіе „за рубежомъ бѣдности", т.-е. получающіе ниже 18 шил. въ недѣлю, живутъ въ 2, 3, а иногда въ четырехъ комнатахъ. Въ Москвѣ, среднимъ числомъ, на 10 комнатъ приходится 21, въ Петербургѣ—16, въ Берлинѣ—19, въ Вѣнѣ—13 жильцовъ. Въ числѣ 96,755 квартиръ перепись насчитала въ Москвѣ 7,258 (7,5%) подвальныхъ жилищъ, въ которыхъ помѣщались 58,951 чел. (т.-е. 7,8% всего населенія). Изъ числа этихъ квартиръ 2,041 (29,5%) имѣли всего по одной комнатѣ и вмѣщали въ себѣ 11,912 челов., т.-е. по 58 жильцовъ на 10 комнатъ. Изъ общаго числа жилыхъ подваловъ, углубленныхъ въ землю на 3 и болѣе аршина—501. Въ Петербургѣ по переписи 1890 г. оказались 7,374 подвальныхъ квартиры (7,3%) и въ нихъ 12,217 комнатъ съ 49,569 жильцами (по 4 жильца, въ среднемъ, на 1 комнату, составляющими болѣе 5% всего населенія Петербурга *). Въ Орѣховѣ-Зуевѣ, напр., по мѣстнымъ условіямъ, фабричныя квартиры очень хороши: комнаты—свѣтлыя, высокія, съ водопроводомъ; но англійскій изслѣдователь былъ бы другого мнѣнія. Онъ привыкъ, чтобы одна семья жила въ трехъ комнатахъ, а въ Орѣховѣ-Зуевѣ три семьи живутъ въ одной комнатѣ.

Мнѣ кажется, приведенныхъ фактовъ достаточно для доказательства, что для измѣренія англійской бѣдности требуется англійская мѣрка. Теперь возвратимся къ изслѣдованію Раунтри.

III.

Классъ *А* заключаетъ 2,6% всего населенія Іорка. Въ значительной степени состоитъ онъ изъ пришибленныхъ какимъ-нибудь несчастьемъ: калѣкъ, вдовъ, слабоумныхъ, стариковъ и потерявшихъ временно работу. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ записныхъ книжекъ статистиковъ, помогавшихъ Раунтри: 1) „Работникъ. Литейщикъ. Женатъ. Четыре комнаты. Четверо дѣтей. Страдаетъ глазами. Этимъ обусловливается низкая заработная плата". 2) „Плотникъ. Женатъ. Четыре комнаты. Шестеро дѣтей. Младшій очень боленъ. Мужъ имѣетъ лишь случайную работу.

*) Энциклоп. Словарь Брокгауза, томъ XXVII, p. 86.

Жена часто болѣетъ". 3) „Вдова. Четыре комнаты. Девять дѣтей. Получала пособіе отъ прихода, которое было прекращено, когда родился незаконный ребенокъ. Вопросъ: какъ они живутъ"?

Всѣхъ такихъ семействъ зарегистрировано 474. Еженедѣльный заработокъ ихъ всѣхъ равняется 274 ф. 11 шил. 6 п. (около 2700 руб.). Изъ этихъ денегъ 68 ф. 13 ш. $4^1/_2$ п. уходитъ на ренту. Такъ какъ въ 474 семьяхъ 1589 членовъ, то на каждаго приходится меньше $4^1/_2$ пенса въ день. „Бѣдность этого класса выяснится намъ болѣе выпукло, если мы вспомнимъ, что въ рабочемъ домѣ только одна пища для 1589 чел. обошлась бы въ 227 ф. 15 ш. 8 п." *). Авторъ даетъ намъ дальше нѣсколько примѣровъ, которые облекаютъ въ живое тѣло отвлеченныя цифры. Предъ нами семья, состоящая изъ отца, матери и пяти дѣтей. Глава семьи—работникъ, умный, интересующійся различными вопросами общественной жизни. Послѣ долгой и тяжелой болѣзни онъ остался калѣкой, поэтому можетъ зарабатывать только 17 ш. 6 п. въ недѣлю. Жена его—„отличная хозяйка, трудолюбивая, развитая"; она упорно борется съ бѣдностью. „На видъ кажется, что она постоянно не доѣдаетъ; но никогда не жалуется". Старшій одиннадцатилѣтній мальчикъ Джонни—калѣка и слабъ грудью. Остальныя дѣти тоже носятъ слѣды недоѣданія. Квартира состоитъ изъ четырехъ комнатъ и очень чиста. „Дверь съ улицы открывается въ залу съ кружевными занавѣсями на окнахъ. У окна стоитъ кушетка, на которой лежитъ Джонни, когда боленъ. Креселъ въ комнатѣ нѣтъ. У стѣны—столъ, покрытый скатертью, надъ нимъ—полка съ нѣсколькими книгами. Стѣны украшены олеографіями и фотографическими портретами". Семья крайне бѣдна. Мясо бываетъ два раза въ недѣлю, два раза—ветчина и яйца, одинъ разъ рыба и два раза обѣдъ состоитъ изъ хлѣба, овощей и чая. Въ годовомъ бюджетѣ мы находимъ 4 ш. 2 пенса на газеты (еженедѣльныя, конечно). Пять пенсовъ еженедѣльно семья отдаетъ за страховой полисъ.

Второй примѣръ. Семья состоитъ изъ отца, матери и троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему четыре года. Глава семьи работникъ. Ему двадцать пять лѣтъ; онъ слабъ здоровьемъ, часто хвораетъ и этимъ обусловливается низкій заработокъ—15 ш. въ недѣлю. „Всѣ дѣти крайне болѣзненны, рахитичны и плохо развиты. Два младшихъ ребенка еще не умѣютъ ходить. Квартира состоитъ изъ четырехъ комнатъ. Во всѣхъ—идеальная чистота. Мебели—достаточно" **). Въ этой семьѣ бюджетъ еще болѣе урѣзывается. Мясо является лишь разъ въ недѣлю, да и то оно пріобрѣтается въ субботу въ 11 ч. вечера. Это значитъ слѣдующее. Въ большихъ англійскихъ городахъ значительная часть населенія пріобрѣ-

*) Poverty, p. 40—41.
**) Poverty, p. 271.

таетъ провизію по субботамъ, послѣ полученія разсчета. Къ восьми часамъ вечера въ субботу магазины въ богатыхъ кварталахъ всѣ заперты; но въ бѣдныхъ кварталахъ только начинается жизнь. Лавки — ярко освѣщены, мясники на всю улицу выкликаютъ достоинство своего товара. По тротуарамъ идутъ цѣлыми семьями: мать толкаетъ колясочку, въ которой, кромѣ ребенка, жующаго соску съ костянымъ колечкомъ, лежатъ еще пакетики и сверточки, отецъ несетъ на плечахъ сынишку, который, раскрывъ широко глаза, смотритъ на заманчивыя вещи въ витринахъ. Возлѣ кабаковъ устраиваются концерты: дрожащій, оборванный бродяга свиститъ въ кларнетъ, длиннобородый иностранецъ пиликаетъ на скрипкѣ, выпачканный сажей парень поетъ комическую негритянскую пѣсню: голытьба, когда имѣетъ деньги, великодушна. Къ одиннадцати часамъ вечера аристократія рабочаго класса, получающая не меньше 30 ш. въ недѣлю, запасается уже провизіей. Тогда появляются исхудалыя, заморенныя женщины, въ черныхъ соломенныхъ шляпкахъ, съ корзиночками въ рукахъ. Онѣ застѣнчиво выстраиваются рядами возлѣ мясныхъ лавокъ, и мясники сбываютъ имъ за дешевую плату всѣ остатки: куски костей, требуху, обрѣзки и пр. Вотъ какое мясо поступаетъ на столъ тѣхъ, которые стоятъ за рубежомъ бѣдности. Такіе обрѣзки пріобрѣтаетъ и та семья, о которой упоминалось выше; но въ ея бюджетѣ мы видимъ двѣ обязательныя статьи расхода: на газеты (4 ш. 2 п. въ годъ) и платежъ по страхованію жизни. Но всѣ 474 семьи (1589 ч.) имѣютъ опредѣленный заработокъ. Къ классу А принадлежатъ еще 182 семьи (368 чел.), которыя не имѣютъ никакого опредѣленнаго заработка. Вопросъ: „чѣмъ онѣ живутъ?“ который мы нашли въ записной книжкѣ одного изъ статистиковъ, вполнѣ умѣстенъ, хотя отвѣтъ на него дать трудно.

„Принадлежащіе къ классу *А* не живутъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ округѣ,—говоритъ Раунтри.—Они вкраплены во всѣхъ рабочихъ кварталахъ. Всюду, гдѣ по причинѣ сырости или полуразрушеннаго состоянія сдается комната или домъ по низкой цѣнѣ,—являются изъ класса А охотники снять помѣщеніе. Многія изъ этихъ помѣщеній лежатъ въ темныхъ и мрачныхъ улицахъ, многія—закрыты потомъ санитарными инспекторами“. Выше было указано, что классъ А состоитъ изъ пришибленныхъ судьбой. Изъ 656 переписанныхъ квартиръ 347 снимались вдовами, 146—преклонными стариками, 14—женщинами, брошенными мужьями и 37—лицами, потерявшими работу.

„Немного работниковъ всю свою жизнь пребываютъ въ этомъ классѣ,—продолжаетъ Раунтри. Но очутиться въ немъ постоянно могутъ работники, сколько бы они ни получали, какъ только семью постигнетъ какое-нибудь несчастье. Лица, попавшія въ классъ А вслѣдствіе потери работы, выбираются изъ него, когда

послѣдняя найдена, если только нищета не искалѣчила ихъ. Находящіеся за рубежомъ нищеты улучшаютъ свое положеніе, когда дѣти подрастаютъ и начинаютъ зарабатывать; старикамъ же, у которыхъ нѣтъ дѣтей, остаются, въ концѣ концовъ, два пути: или рабочій домъ, или голодная смерть" *).

Одной ступенью выше находятся работники класса В, получающіе, среднимъ числомъ, 19 ш. 9 пенсовъ въ недѣлю (около 9 р. 50 к.). Всѣхъ ихъ Раунтри насчиталъ въ Іоркѣ 983 семьи (4492 ч.); они составляютъ 5,9% всего населенія. Главнымъ образомъ, классъ *B* состоитъ изъ необученныхъ технически работниковъ. Хотя экономически они поставлены нѣсколько лучше, чѣмъ работники класса *A*; но все еще,—по словамъ Раунтри,—приходится наблюдать здѣсь значительную бѣдность. „Фактически классъ до такой степени стоитъ на границѣ крайней нищеты, что каждая случайность можетъ сбросить его туда. Покуда глава семьи работаетъ, послѣдняя кое-какъ сводитъ концы съ концами. Достаточно работнику заболѣть на нѣсколько дней или на короткое время потерять заработокъ, какъ семьѣ начинаетъ грозить голодная смерть. Экстраординарные расходы покрываются урѣзываніемъ обѣда дѣтей".

Изъ многочисленныхъ иллюстрацій, приведенныхъ Раунтри, возьму одинъ примѣръ. Работникъ Смитсъ получаетъ 20 ш. въ недѣлю, изъ нихъ 18 отдаетъ женѣ, а 2 ш. оставляетъ себѣ на платье, табакъ, газеты, пиво (1 пенсъ въ день). Изъ этихъ же денегъ отецъ откладываетъ еженедѣльно въ сберегательную кассу для дѣтей 3 пенса. Изъ 18 ш.—10 пенсовъ идутъ на страхованіе жизни и въ „Sick club", т. е. въ общество вспомоществованія на случай болѣзни. Если бы эта самая семья жила въ рабочемъ домѣ, прокормленіе ея стоило бы обществу на 4 ш. 5 п. больше, чѣмъ она тратитъ на пищу. Миссисъ Смитсъ—отличная хозяйка. Дѣтей она одѣваетъ въ перешитое платье, которое покупаетъ у старьевщиковъ. Когда нужно сдѣлать экстраординарный расходъ, напр., купить пару башмаковъ, обѣдъ упраздняется на нѣсколько дней. Концы кое-какъ сводятся съ концами. Но вотъ случается внезапно несчастье. Глава семьи пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Дѣла общества вспомоществованія на случай болѣзни, членомъ котораго Смитсъ состоялъ двадцать лѣтъ,—плохи. Вмѣсто 10 шиллинговъ въ недѣлю, которые оно должно выдавать больнымъ сочленамъ, Sick club можетъ предложить Смиту 5 ш., изъ которыхъ онъ долженъ еще внести 6 п. членскаго взноса. И вотъ всей семьѣ приходится жить на $4^1/_2$ шил. въ недѣлю, какъ можетъ.

„Семьи, принадлежащія къ классу *B*, живутъ во всѣхъ рабочихъ кварталахъ города, занимая наиболѣе дешевыя помѣщенія послѣ полуразрушенныхъ домовъ, снимаемыхъ классомъ *A*. Въ

*) Poverty, etc., p. 46—47.

этихъ помѣщеніяхъ рѣдко бываетъ болѣе двухъ спаленъ. Число комнатъ отъ двухъ до четырехъ. Во многихъ квартирахъ живутъ скученно". (Мѣркой скученности у англійскихъ статистиковъ признается, если на каждую комнату, въ общемъ, приходится больше, чѣмъ два человѣка.) Крайне важнымъ учрежденіемъ въ кварталахъ, гдѣ живетъ классъ *A*, является домъ съ тремя золотыми шарами надъ дверьми, т. е. лавка закладчика и ростовщика. Все праздничное платье хранится здѣсь. По субботамъ, когда получается разсчетъ, платье выкупаютъ. По понедѣльникамъ, съ ранняго утра, можно видѣть на порогѣ лавки десятки мальчиковъ, съ узелками въ рукахъ, дожидающихся, покуда ростовщикъ отопретъ двери. Родители послали ихъ заложить платье до субботы. Дѣтскій трудъ имѣетъ громадное значеніе въ бюджетѣ класса *B*. Когда дѣти подростаютъ, положеніе семьи улучшается, поэтому является сильный соблазнъ для родителей возможно раньше отдавать дѣтей въ разсыльные, посылать ихъ продавать газеты, помогать молочникамъ и пр. На такой работѣ мальчикъ сейчасъ же начинаетъ зарабатывать 5—8 ш. въ недѣлю. Недавній парламентскій отчетъ показалъ, что маленькіе мальчики работаютъ, вмѣстѣ съ обязательнымъ посѣщеніемъ школъ, по 72 и даже по 84 часа въ недѣлю.

Мы переходимъ теперь къ классу работниковъ, получающихъ отъ 21 до 30 шил. въ недѣлю. Такихъ семей Раунтри насчиталъ въ городѣ 3.822 (15.710 чел.), т. е. 20,7% всего населенія. Классъ этотъ составляетъ связующее звено между чернорабочими и технически обученными работниками. Въ немъ находятся многіе, поднявшіеся изъ класса *B* по причинѣ заработка дѣтей. Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ записныхъ книжекъ статистиковъ. „№ 19. Чернорабочій. Женатъ. Четыре комнаты. Сынъ семнадцати лѣтъ служитъ въ помощникахъ кучера. Въ домѣ чисто. Работа правильная". „№ 33. Маляръ. Женатъ. Четыре комнаты. Четверо дѣтей. Старшій сынъ служитъ въ типографіи". „№ 44. Чернорабочій. Женатъ. Двѣ комнаты. Жена беретъ стирку" и пр.

Рабочей аристократіей являются принадлежащіе къ классу D, больше тридцати шиллинговъ въ недѣлю. Такихъ семействъ Раунтри насчиталъ 6,099 (24,595 ч.), т. е. 32,4% всего населенія. Средній заработокъ семьи 41 ш. 9¼ пенса. Классъ этотъ, главнымъ образомъ, составляютъ технически обученные работники *); но есть тутъ также и чернорабочіе, у которыхъ

*) Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ записныхъ книжекъ статистиковъ. «Машинистъ. Женатъ. Четыре комнаты. Четверо дѣтей. Одна дочь (восемнадцати лѣтъ)—модистка. Другая (17 л.)—учительница. Уютный и комфортабельный домъ». — «Столяръ. Женатъ. Пять комнатъ. Двое дѣтей. Теща 60 лѣтъ живетъ тутъ же. Уютно». «Котельщикъ. Женатъ. Четыре комнаты. Трое дѣтей школьнаго возраста. Въ домѣ чисто и уютно». «Переплетчикъ

нѣсколько взрослыхъ дѣтей, приносящихъ уже кое-что въ домъ. Если отецъ технически обученный работникъ, сыновья научаются тому же ремеслу; иногда они становятся клэрками, но рѣдко чернорабочими. „Стать клэркомъ“ считается повышеніемъ по общественной лѣстницѣ, хотя это повышеніе сопровождается пониженіемъ заработной платы. Дочери работниковъ класса *D* рѣдко идутъ въ служанки. Дѣвушки предпочитаютъ стать модистками, продавщицами въ магазинахъ или конторщицами. Во всякомъ случаѣ, всѣ дочери сами зарабатываютъ на свои расходы.

Только работники класса D могутъ воспользоваться праздникомъ, чтобы предпринять поѣздку по дешевымъ билетамъ, которые выдаются къ этому времени. Умственный уровень класса D не высокъ. Работники составляютъ болѣе 60% всего населенія Іорка, между тѣмъ на выборъ городъ послалъ въ парламентъ двухъ „воюющихъ джинго“, крайнихъ имперіалистовъ. Мы дальше увидимъ причины, почему городская жизнь, вмѣсто того, чтобы повысить умственный уровень іоркскихъ работниковъ, скорѣе, какъ будто бы, задержала его. „Въ шотландскихъ крестьянахъ критическая мысль и жажда знанія пробудились въ началѣ XIX в.,—говоритъ Раунтри.—Пробужденіе сопровождалось появленіемъ ряда выдающихся липъ: общественныхъ дѣятелей, писателей, ученыхъ, изобрѣтателей. Въ Іоркѣ покуда трудно еще усмотрѣть признаки подобнаго пробужденія“.

Я упоминалъ уже о терминахъ „первостепенная“ *) и „второстепенная“ **) бѣдность, введенныхъ изслѣдователемъ. На населеніе въ 75 тысячъ человѣкъ Раунтри нашелъ, что 7,230 человѣкъ „первостепенно“ бѣдны, а 13,072—„второстепенно“. 26,452 работника живутъ внѣ рубежа бѣдности, хотя постоянно могутъ очутиться по ту сторону его.

IV.

Мы видѣли картину бѣдности типичнаго англійскаго города и, въ извѣстномъ отношеніи, анализъ ея. Теперь остается остановиться на причинахъ ея. Англійскіе экономисты, въ этомъ отношеніи, все еще находятся подъ сильнымъ вліяніемъ теорій, высказанныхъ Мальтусомъ, потомъ оформленныхъ Сеніоромъ и Миллемъ. Теорія „фонда заработной платы“ (wage-found) выдвигается и теперь еще иногда, хотя въ самой Англіи она

(не владѣлецъ мастерской). Женатъ. Пять комнатъ. Сынъ (17 л.)—литографъ. Дочь (22)—переплетчица». и пр.

*) Заработка семьи не хватаетъ на пріобрѣтеніе первыхъ потребностей жизни.

**) Заработокъ хваталъ бы на абсолютно необходимое, если бы не поглощался другими расходами, полезными или безполезными.

была опровергнута Торнтономъ. По теоріи wage-found—существуетъ въ каждую данную минуту опредѣленная сумма народнаго богатства, которая идетъ какъ вознагражденіе за трудъ. Больше этой суммы рабочее населеніе не можетъ получить; но оно имѣетъ право на *всю* эту сумму, безъ остатка. Такимъ образомъ, по этой теоріи, заработная плата зависитъ исключительно отъ числа лицъ, претендующихъ на нее: чѣмъ число работниковъ больше, тѣмъ меньше доля постоянной суммы, приходящейся на каждаго, и наоборотъ. Теорія фонда заработной платы считается въ политической экономіи вполнѣ опровергнутой. Первымъ опроверженіемъ является то, что сумма, предназначенная на вознагражденіе работниковъ, не есть величина застывшая, одинаковая для всѣхъ фазисовъ развитія промышленности данной страны; но въ Англіи теорія имѣетъ еще много сторонниковъ. Каковы должны быть выводы изъ признанія wage-found? Конечно, слѣдующіе: чѣмъ больше работники плодятся, тѣмъ хуже для нихъ самихъ. Бѣдность тогда увеличится, потому что ковригу wage-found придется дробить на мелкіе куски. Ergo: „бѣдняки, не вступайте въ бракъ или, во всякомъ случаѣ, воздерживайтесь отъ дѣторожденія, родительское счастье не для васъ". „Ни въ одной странѣ никогда не велись такіе оживленные споры относительно положенія работниковъ, какъ у насъ теперь въ Англіи,—говоритъ Д. Ст. Милль. Нигдѣ не слышались такія соболѣзнованія по поводу плачевнаго положенія пролетаріата и нигдѣ такъ не обличались тѣ, которые заподозрѣны въ равнодушіи къ судьбѣ его. Но наряду съ этимъ мы наблюдаемъ также молчаливое согласіе игнорировать совершенно законы заработной платы. А то эти законы берутся въ кавычки и именуются „жестокосердымъ мальтузіанствомъ". „Не въ тысячу ли разъ болѣе жестоко сказать человѣческимъ существамъ, что они имѣютъ право вступать въ бракъ, когда они этого права не имѣютъ, потому что послѣдствіемъ является безчисленное множество созданій (swarms of creatures), которыя навѣрно будутъ несчастны и, очень воможно, обречены на преступленіе? Возмущающіеся забываютъ, что явленіе, — неодобреніе котораго, по ихъ мнѣнію, жестоко,—представляетъ рабское потворство животному инстинкту мужчины и безпомощному подчиненію насилію со стороны женщины"... *) Дальше въ той же главѣ Милль говоритъ: „Я ставлю слѣдующій вопросъ: вѣрно ли, или нѣтъ то, что если бы работниковъ было меньше, они получали бы лучшее вознагражденіе. Только этотъ вопросъ, а не какой-либо другой, нужно выдвигать на первый планъ. Совершенно безполезно отвлекать общее вниманіе отъ этого основного вопроса путемъ нападенія на какое-нибудь побочное разсужденіе Мальтуса или

*) *J. S. Mill*, «Principles of political economy», Book II, chapter XI, 6.

другого экономиста. Опроверженіемъ такого разсужденія еще не уничтожается основной законъ народонаселенія".

На сколько глубокое впечатлѣніе произвела въ Англіи теорія, выработанная Мальтусомъ, Миллемъ и Сеніоромъ, можно видѣть, между прочимъ, по слѣдующему факту. „Reynolds's Newspaper"— газета ультра-демократическая, республиканская и горячо принимаетъ къ сердцу интересы пролетаріата. Разбору книги Раунтри газета посвятила горячую статью (8 декабря 1901 г.) подъ названіемъ „Ужасающая Англія". „Факты, приводимые Раунтри,— говоритъ газета,—снова заставляютъ насъ повторять наше положеніе: „ранніе браки работниковъ являются прямой причиной вѣковѣчной бѣдности. Обществу приходится платить за эти браки по страсти". Слова тѣмъ болѣе удивительныя, что Раунтри констатируетъ постоянно, что даже принадлежащіе къ классу А поднимаются надъ линіей бѣдности, какъ только подрастаютъ дѣти. Я опять напоминаю читателямъ, что „Reynolds's Newspaper" газета безусловно благожелательная пролетаріату. Мы видимъ тутъ лишь рикошетъ wage-found. „Бѣдность, подобно многимъ общественнымъ бѣдствіямъ, существуетъ потому, что люди потворствуютъ безъ надлежащаго размышленія своимъ животнымъ инстинктамъ, — говоритъ Милль въ XIII-ой главѣ второй книги „Основъ политической экономіи".—Но общество возможно именно потому, что человѣкъ не всегда животное. Цивилизація во всѣхъ проявленіяхъ ея—есть борьба противъ животныхъ инстинктовъ, надъ многими изъ которыхъ она одержала существенную побѣду и подчинила своему контролю" *). Если цивилизаціи до сихъ поръ не удалось подчинить себѣ инстинкта размноженія, то это потому,—по мнѣнію Милля,—что она никогда не дѣлала попытокъ. Напротивъ, господствующія понятія о нравственности, государственные дѣятели—всѣ поощряютъ размноженіе, какъ только оно является результатомъ брачнаго союза. „Религія,—продолжаетъ Милль,—и до сихъ дѣлаетъ это. Католическое духовенство, пользующееся большимъ вліяніемъ среди массъ,—считаетъ своимъ долгомъ поощрять бракъ, какъ предупрежденіе блуда . . . Никто не думаетъ, что несчастье можетъ явиться послѣдствіемъ такъ называемаго естественнаго инстинкта". „Въ то время, какъ человѣка, подверженнаго пьянству, всѣ считающіе себя нравственными людьми, презираютъ, главный аргументъ бѣдняка, обращающагося къ общественной помощи, это тотъ, что онъ народилъ большую семью и не можетъ ее содержать". Милль заявляетъ, что никакого важнаго улучшенія въ обществѣ не можетъ произойти до тѣхъ поръ, пока къ людямъ, народившимъ большую семью, которую они не могутъ содержать, не будутъ относиться съ такимъ же осужденіемъ, какъ къ пьяницамъ или

*) «Principles», etc, B. II, ch. XIII 1.

подверженнымъ какимъ-либо другимъ предосудительнымъ порокамъ". Я еще приведу одну удивительную тираду Милля, поражающую скорѣе своею наивностью. Изъ этой тирады теперь сдѣлали въ Англіи выводъ, о которомъ Милль не думалъ. „Многіе признаютъ возможность жить до брака въ полномъ воздержаніи; но никто не думаетъ прилагать того же къ женатымъ; никто не видитъ, что размѣръ семьи находится подъ контролемъ супруговъ. Дѣти не падаютъ, какъ дождь съ неба, на головы супруговъ, безъ ихъ участія и содѣйствія въ этомъ (art or part in the matter) *). Положеніе о „семьѣ, размѣры которой находятся подъ контролемъ супруговъ", породило въ Англіи въ началѣ семидесятыхъ годовъ такъ называемое нео-мальтузіанство, или *практическое* мальтузіанство, какъ его именуютъ тутъ. Я слышалъ разъ уличнаго проповѣдника, клэрджимэна, нео-мальтузіанца, ссылавшагося на 18 и 19 стихъ пятой главы Притчей Соломона. Читатели, вѣроятно, знаютъ о той бурѣ, которую произвели въ свое время въ Англіи проповѣдники „истинной нравственности" съ Энни Безантъ во главѣ. Имъ грозили судомъ за безнравственныя рѣчи; но затѣмъ буря сразу утихла. Съ тѣхъ поръ „практическое мальтузіанство" распространяется быстро не только среди среднихъ, но и среди рабочихъ классовъ. Приборы „практическаго мальтузіанства" выставляются въ витринахъ всѣхъ москательныхъ лавокъ. Странное противорѣчіе въ нравахъ! На Грэнтъ Аллэна когда то „миссисъ Гранди" пошла походомъ за невинный романъ Woman who did. Дама, критиковавшая романъ, подала совѣтъ сжечь романъ рукой палача за безнравственность. Противъ Томаса Гарди тоже ополчились, когда онъ въ одномъ романѣ вывелъ въ симпатичномъ свѣтѣ дѣвушку, прижившую ребенка. Суровые критики съ ужасомъ говорили, что рядъ точекъ, которыми заканчивается глава романа Холъ Кэйна „Христіанинъ",—скрываютъ, вѣроятно, блудъ. И въ то же время „миссисъ Гранди", страдающая гипереміей стыдливости, усиленно покупаетъ памфлеты „нео-мальтузіанства", въ которыхъ приводится детальная оцѣнка приспособленій...

Обратимся, однако, снова къ выясненію причинъ бѣдности. Въ англійской экономической литературѣ есть въ этомъ отношеніи детальное изслѣдованіе, посвященное Лондону. Я говорю о трудѣ Чарльза Бузса. Въ книгѣ „Pauperism and the Endowment of old age" (1892 г.) онъ такъ же тщательно, какъ и Раунтри, группируетъ бѣдныхъ различныхъ кварталовъ и опредѣляетъ причины бѣдности. Въ округѣ Стенней, напр. (въ восточномъ Лондонѣ), 4,1% впали въ крайнюю нищету вслѣдствіе смерти главы семьи, 5,5%—вслѣдствіе прирожденной физической или умственной слабости, 26,7%—вслѣдствіе болѣзни и 32,8%—вслѣдствіе

*) Ibid.

старости *). Ранніе браки, которыми, по мнѣнію десятка англійскихъ писателей, главнымъ образомъ, обусловливается бѣдность пролетаріата, совершенно не внесены въ рубрику причинъ. Бузсъ пришелъ къ выводу, что главнымъ образомъ содѣйствуетъ увеличенію пауперизма—старость, съ ростомъ промышленности достигаемая очень рано. Въ сорокъ лѣтъ иногда теперь въ Англіи работники выбрасываются за бортъ, какъ старики. „На каждые восемь человѣкъ населенія Лондона—одинъ умретъ въ рабочемъ домѣ. Изъ каждыхъ 16 человѣкъ — одинъ пауперъ". („Fabian tracts", № 10). Полученные выводы заставили Бузса настоятельно рекомендовать одну мѣру: государственный пенсіонъ для всѣхъ престарѣлыхъ. Мѣра эта была поставлена на очередь, но отодвинута войной и осуществлена гораздо раньше въ австралійскихъ колоніяхъ.

V.

„Я не имѣю въ виду опредѣлить основныя причины бѣдности вообще—говоритъ Раунтри;—для этого пришлось бы слишкомъ раздвинуть рамки моего труда. Я хочу выяснить лишь прямыя причины „первостепенной" и „второстепенной" бѣдности".

Авторъ видитъ такихъ причинъ шесть: 1) смерть кормильца семьи; 2) неспособность кормильца семьи работать вслѣдствіе несчастнаго случая, болѣзни или старости; 3) потеря работы; 4) неправильность ея; 5) большая семья, въ которой больше четырехъ дѣтей; 6) малый размѣръ заработной платы. Въ этомъ случаѣ работа правильна, глава семьи здоровъ, семья—невелика; но заработокъ до того не высокъ, что не хватаетъ на предметы первой необходимости **). Изслѣдователь очень много потрудился, чтобы возможно болѣе детально выяснить каждый пунктъ таблицами, примѣрами и чертежами. Первой причиной обусловливается въ Іоркѣ 15,63% бѣдности, второй—5,11%, третьей—2,31%, четвертой—2,83%, пятой—22,16%, шестой—51,96%. Такимъ образомъ, бѣдность въ типичномъ англійскомъ городѣ, обусловливается, прежде всего, низкой заработной платой. Значительный процентъ (22,16) падаетъ на большую семью, въ 5—6 дѣтей. Раунтри, какъ типичный англичанинъ, не чуждъ вліянія теоріи „wage-found", хотя самъ нѣсколько разъ указываетъ: 1) на фактъ, что рабочая семья оставляетъ „рубежъ бѣдности", какъ только подростаютъ дѣти и 2) на то, что бездѣтныхъ безусловно ждетъ впереди рабочій домъ.

Изъ работниковъ, которые бѣдны потому, что получаютъ низ-

*) *Ch. Booth*, Pauperism, etc., p. 3.
**) *Poverty*, etc. p.p. 118—121.

кую заработную плату 73% — чернорабочіе; затѣмъ идутъ технически необученные, какъ фургонщики, трубочисты, паковщики и т. д. „Заработной платы, получаемой такими работниками, не хватаетъ на пищу, жилище и одежду, сообразно требованіямъ средней семьи". Подобная семья никогда не можетъ израсходовать пенса на омнибусъ; она никогда, поэтому, не можетъ быть за городомъ. Семья никогда не можетъ пойти въ дешевый концертъ или купить книжку; она не можетъ писать письма... Болѣе нуждающимся сосѣдямъ такая семья не можетъ помочь деньгами. Она не въ состояніи дѣлать сбереженій, не можетъ присоединиться къ трэдъ-юніону, такъ какъ для этого требуется дѣлать членскіе взносы. У дѣтей никогда нѣтъ карманныхъ денегъ на игрушки или на лакомства. Отецъ не можетъ курить и долженъ отказаться отъ пива. Мать никогда не можетъ завести порядочнаго платья ни для себя, ни для дѣтей. Если ребенокъ заболѣетъ, родители могутъ къ нему позвать лишь приходскаго доктора *); если дитя умретъ, родители могутъ похоронить его только на счетъ прихода. Наконецъ, кормилецъ семьи долженъ имѣть работу постоянно, не пропуская ни одного дня. Въ случаѣ малѣйшей заминки въ работѣ, семья стоитъ на порогѣ голодной смерти". Читатели должны вспомнить судьбу Елизаветы Маршалль. „Чѣмъ больше маленькихъ дѣтей, тѣмъ положеніе семьи ухудшается; но оно улучшается, когда дѣти подростаютъ. Фактомъ остается то,—говоритъ Раунтри,—что семья, имѣющая больше, чѣмъ троихъ дѣтей, должна пережить періодъ и первостепенной бѣдности, продолжающійся около 10 лѣтъ. Все это время семья хронически не доѣдаетъ". Жизнь англійскаго работника отмѣчена пятью періодическими фазисами недоѣданія и возможности насыщенія.

Въ раннемъ дѣтствѣ, если только отецъ его не технически обученный, — будущій работникъ хронически голодаетъ, покуда не подростутъ его братья и сестры и не начнутъ помогать родителямъ. Затѣмъ наступаетъ фазисъ, когда мальчикъ самъ начинаетъ зарабатывать, живя еще у родныхъ. Онъ платитъ, по англійскому обычаю, матери за свой столъ и квартиру. Обычай этотъ широко распространенъ въ Англіи не только въ рабочихъ клас-

*) Читатели, быть можетъ, вспомнятъ диккенсовскаго приходскаго доктора изъ «Оливера Твиста». Съ тѣхъ поръ нравы не очень сильно измѣнились. «Приходскій докторъ» для бѣдныхъ—не имѣетъ даже диплома; это—своего рода лѣкарскій помощникъ, нигдѣ не учившійся, но набившій руку въ госпиталяхъ. Между тѣмъ, обращеніе къ такому доктору уже влечетъ за собою нѣкоторое сокращеніе гражданскихъ правъ на муниципальныхъ выборахъ, такъ какъ «пользовавшіеся общественной помощью не могутъ въ томъ году подавать голосъ». Невѣжествомъ этихъ приходскихъ докторовъ въ значительной степени объясняется размѣръ агитаціи противъ вакцинаціи. «Доктора» прививали одной и той же иглой сотнѣ дѣтей подрядъ, не смывъ грязи съ нихъ, не обращая вниманія на то, что у нѣкоторыхъ дѣтей прыщи.

сахъ; но и въ среднихъ. Одинъ французскій авторъ разсказываетъ, что къ 18 годамъ сынъ, начинающій порядочно зарабатывать, получаетъ въ одинъ день отъ отца счетъ, въ которомъ выставлено все, включительно до платы акушеркѣ. Это, конечно, blague; но даже въ семьяхъ сравнительно достаточныхъ людей сыновья и дочери, зарабатывающіе сами, получаютъ утромъ, по понедѣльникамъ, счетъ отъ матери, сколько слѣдуетъ съ нихъ за квартиру и столъ. Это — пріучаетъ молодыхъ людей къ самостоятельности. Если можно примѣнить сравненіе, англійская семья (кромѣ очень богатыхъ людей) это — микрокозмъ Британской имперіи: федераціи совершенно независимыхъ частей, изъ которыхъ каждая покрываетъ сама свои собственные расходы. Англійская семья, за исключеніемъ высшихъ классовъ, — не знаетъ барышень, у которыхъ занятіе лишь музыка и не вѣдаетъ молодыхъ людей „безъ опредѣленныхъ занятій". Нужно помнить, конечно, что въ Англіи нѣтъ deus ex machina, фабрикующей такихъ людей.

Итакъ, молодой работникъ платитъ матери за столъ и квартиру; но у него остаются еще деньги, которыя онъ копитъ въ сберегательной кассѣ. Когда наберется нѣсколько фунтовъ, онъ меблируетъ котеджъ и женится. Фазисъ „полнаго насыщенія" продолжается, покуда у работника не будетъ больше двухъ дѣтей. Тогда опять начинается фазисъ „жизни впроголодь", который продолжается до тѣхъ поръ, пока дѣти не подрастутъ. Опять приходитъ „полное насыщеніе", покуда дѣти сами не женятся и не оставятъ родныхъ. Къ этому времени работникъ старъ; наступаютъ мрачные, голодные годы съ рабочимъ домомъ впереди. Итакъ, англійскій работникъ голодаетъ въ дѣтствѣ, когда организмъ его формируется, въ среднемъ возрастѣ, когда онъ долженъ былъ бы находиться въ полномъ расцвѣтѣ силъ, и въ старости. Раунтри изображаетъ всю жизнь работника графически, въ видѣ кривой, которая то поднимается, то опускается надъ горизонтомъ—„рубежомъ крайней бѣдности". Ниже „горизонта" (т. е. хронически не доѣдаетъ) работникъ въ возрастѣ до 15 лѣтъ, затѣмъ отъ 30 — 40 лѣтъ и послѣ 60. Выше „горизонта", т. е. насыщается вполнѣ, въ возрастѣ отъ 15—30 лѣтъ и отъ 40—60 лѣтъ. Беременность влечетъ за собою сверхсмѣтные расходы, которые покрываются обыкновенно женщинами на счетъ ихъ обѣда. Такимъ образомъ, жены работниковъ хронически голодаютъ, покуда носятъ ребенка.

Больше всего англійскій работникъ дѣлаетъ сбереженій до брака. Раунтри пытается выяснить возрастъ, въ которомъ работники женятся. Въ 1898—99 гг. въ Іоркѣ было 1123 брака работниковъ. О возрастѣ можетъ дать представленіе слѣдующая таблица.

Возрастъ вступающихъ въ бракъ.	Технически-обученные работники.		Чернорабочіе.	
	Число.	Процентъ.	Число.	Процентъ.
Моложе 20	3	0.5	21	4,2
20—22	114	18,2	138	27,7
23—25	188	30,0	132	26,5
26—30	174	27,8	117	23,5
31—35	61	9,8	40	8,1
36—40	19	3,0	22	4,5
41—45	29	4,6	7	1,4
46—50	15	2,4	7	1,4
Старше 50	23	3,7	13	2,7
	626	100,0	497	100,0 *)

„Анализируя эту таблицу,—говоритъ Раунтри,—мы видимъ, что чернорабочіе гораздо чаще вступаютъ въ ранній бракъ, чѣмъ технически обученные работники“. Фактъ этотъ изслѣдователь объясняетъ тѣмъ, что „съ возвышеніемъ по общественной лѣстницѣ растетъ и предусмотрительность“, хотя трудно объяснить этимъ мотивомъ, почему именно въ возрастѣ отъ 23 — 25 лѣтъ процентъ браковъ между технически - обученными работниками особенно высокъ. Самъ Раунтри, впрочемъ, спѣшитъ прибавить: „Нужно помнить еще двѣ причины, которыми обусловливаются ранніе браки среди технически необученныхъ работниковъ. Во-первыхъ, молодые люди живутъ въ родительскомъ домѣ крайне скученно. Это побуждаетъ ихъ возможно скорѣе завести свой собственный уголъ, въ которомъ они нѣкоторое время, пока не пойдутъ дѣти, могутъ жить спокойно. Во-вторыхъ, чернорабочіе имѣютъ меньше умственныхъ интересовъ и развлеченій, чѣмъ технически-обученные работники. Безъ сомнѣнія, многіе женятся для того, чтобы облегчить монотонность будничнаго прозябанія“. Послѣдней причиной въ значительной степени объясняется пристрастіе къ азартнымъ играмъ, къ пари и къ крѣпкимъ напиткамъ среди молодыхъ чернорабочихъ (женатымъ пить не на что).

„Они живутъ, большею частью, въ грязныхъ, темныхъ домахъ, добываютъ хлѣбъ монотонной, тяжелой работой. По недостатку средствъ, времени и умственнаго развитія, они не могутъ находить удовольствія въ интеллектуальныхъ развлеченіяхъ; по недостатку физическаго развитія (послѣдствіе хроническаго недоѣданія въ дѣтствѣ) имъ недоступенъ также спортъ. Удивительно ли послѣ этого, что чернорабочіе становятся легкой добычей кабатчиковъ и „букмэкеровъ“ (т. е. принимающихъ заклады во время скачекъ). Узость умственнаго горизонта матери отражается и на дѣтяхъ. Дома все такъ сѣро, мрачно и буднично! И вотъ молодые люди ищутъ возбужденія въ кабакахъ и на скачкахъ“.

*) *Poverty*, etc. p. 139.

VI.

„Линія бѣдности“ раздѣляетъ въ одномъ и томъ же городѣ какъ будто бы двѣ особыя расы, которыя совершенно различно приспособлены выносить окружающія климатическія условія. Среди бѣднѣйшихъ классовъ въ Іоркѣ на 1000 человѣкъ населенія приходится ежегодно 27,78 смертей, среди технически-обученныхъ работниковъ—на 1000—20,71. Вообще же въ Іоркѣ на 1000 человѣкъ населенія — 18,5 смертей. Въ Лондонѣ мы видимъ еще болѣе поразительные факты. Возьмемъ пять округовъ въ бѣдныхъ кварталахъ и пять—въ богатыхъ и сравнимъ процентъ смертности.

	Сколько смертей на 1000.	Сколько населенія на квадр. акръ.
Бѣдные кварталы:		
Округъ Св. Георга на востокѣ . . .	26,4	187
» Св. Луки	25,7	177
» Спасителя	24,6	132
» Св. Георга, Саузсуоркъ . . .	23,7	211
» Холборнъ	23,1	170
Богатые кварталы:		
Хэмпстэдъ	11,8	32
Льюишэмъ	12,4	15
С. Георга, Гановэръ Сквэръ	13,2	69
Уэндсуортъ	13,4	18
Гламстэдъ	13,7	9 *)

„Статистика смерти,—говоритъ одинъ англійскій авторъ (лордъ Плэйфэръ),—отмѣчаетъ только обломки, выброшенные на берегъ. Она не даетъ никакого представленія о судахъ, которыя въ изломанномъ, изувѣченномъ видѣ носятся по волнамъ бѣдности и которыя станутъ добычей перваго шторма“. Другими словами, статистика смертности не даетъ представленія о громадномъ числѣ хилыхъ и хворыхъ, которые влачатъ существованіе. Въ округѣ св. Луки въ Лондонѣ на 1000 человѣкъ населенія приходится 3,11 смертей отъ чахотки. Въ округѣ Хэмпстэдъ, въ Лондонѣ же — 0,74. Въ наиболѣе бѣдныхъ округахъ Іорка смертность среди дѣтей вдвое выше, чѣмъ въ среднихъ классахъ того же города. Сравненіе смертности среди младенцевъ еще болѣе поразительно. На тысячу рожденій среди „классовъ, держащихъ прислугу“, въ годъ, въ Іоркѣ умираютъ 94 младенца; изъ 1000 младенцевъ въ бѣднѣйшихъ кварталахъ умираютъ 247.

Раунтри изслѣдовалъ 1919 дѣтей, посѣщающихъ безплатныя школы. Въ Англіи, какъ общее правило, средніе классы никогда

*) «No room to live», p. 103.

не отдаютъ своихъ дѣтей въ board school (безплатную начальную школу). Такимъ образомъ, всѣ изслѣдованныя дѣти принадлежали іоркскимъ работникамъ. Раунтри установилъ три группы: 1) дѣти бѣднѣйшаго класса, 2) дѣти работниковъ, получающихъ среднюю плату и 3) дѣти работниковъ, получающихъ высокую плату. Затѣмъ Раунтри такъ же добросовѣстно и тщательно разработалъ этотъ вопросъ, какъ и остальныя главы своей книги. Дѣти были взвѣшены, измѣрены, освидѣтельствованы. Но наблюдатель этимъ не удовлетворился. Профессоръ Пирсонъ сказалъ ему, что въ вѣсѣ одного и того же ребенка можетъ быть разница въ 2—3 фунта, соотвѣтственно времени года. И вотъ наблюдатель заново собираетъ матеріалъ, т. е. снова взвѣшиваетъ всѣхъ дѣтей въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ (въ октябрѣ). Я приведу здѣсь, конечно, только результаты. Благосостояніе родителей, прежде всего, отражается на ростѣ дѣтей.

Возрастъ.	Ростъ мальчиковъ.			Ростъ дѣвочекъ.		
	Дѣти бѣднѣйшаго класса.	Дѣти работниковъ, получающихъ средн. плату.	Дѣти работниковъ, получающ. высокую плату.	Бѣднѣйшаго класса.	Второй группы	Третьей группы.
3—4 лѣтъ . .	36¼ дюйма	39¾	39¼	37	39	38¼
5 » . .	40½ »	41½	42	40	42	41¼
6 » . .	42½ »	43½	45¼	41½	43¼	43¾
7 » . .	45 »	46	45½	44½	45½	46
8 » . .	47 »	47½	47¾	46½	47½	48
9 » . .	47 »	49½	50¾	48½	49¼	49¼
10 » . .	48 »	51	52½	50¼	51	51½
11 » . .	53 »	53¾	54¼	51¾	53	53½
12 » . .	53 »	55¼	56¼	53¾	55	55
13 » . .	55 »	56¾	58½	56¼	57½	58 *).

Такія же цифры для Ланкашира и для Лондона мы находимъ въ книгѣ The Children's Labour Question, по поводу которой я писалъ когда-то. Средній ростъ 13-ти лѣтнихъ мальчиковъ англійскихъ состоятельныхъ классовъ 59 дюймовъ. Такимъ образомъ, въ тринадцать лѣтъ, оставляя школу, мальчики бѣднѣйшихъ классовъ на 4 дюйма меньше своихъ сверстниковъ изъ обезпеченныхъ классовъ. Вѣсъ—болѣе вѣрный показатель, чѣмъ ростъ: часто плохо развивающіяся дѣти тянутся въ вышину.

Слѣдующая таблица даетъ представленіе о вѣсѣ дѣтей различныхъ группъ рабочихъ классовъ.

*) Poverty, etc., p. 211.

Возрастъ.	Вѣсъ мальчиковъ. Дѣти бѣднѣйшаго класса.	Дѣти работниковъ, получающихъ средн. плату.	Дѣти работниковъ, получающ. высокую плату.	Вѣсъ дѣвочекъ. Бѣднѣйшаго класса.	Второй группы.	Третьей группы.
3—4 лѣтъ . .	33 фунта*)	$35^1/_4$	$37^3/_4$	33	$34^3/_4$	34
5 » . .	$38^1/_2$ »	$40^1/_4$	44	38	$39^1/_4$	38
6 » . .	42 »	46	$46^1/_4$	40	$42^1/_2$	42
7 » . .	46 »	47	47	$45^1/_2$	47	46
8 » . .	50 »	50	$53^3/_4$	$48^3/_4$	$49^3/_4$	51
9 » . .	53 »	$56^1/_4$	57	$50^3/_4$	56	56
10 » . .	54 »	$60^1/_2$	$65^1/_4$	$57^3/_4$	$60^1/_4$	$59^1/_2$
11 » . .	$66^1/_4$ »	$64^1/_2$	$69^1/_2$	$61^1/_4$	65	69
12 » . .	68 »	72	$75^1/_2$	69	$73^1/_2$	75
13 » . .	73 »	80	$84^1/_4$	$79^1/_4$	$84^1/_2$	$83^1/_4$

Въ 13 лѣтъ средній вѣсъ англійскихъ мальчиковъ учащихся въ среднихъ школахъ (доступныхъ лишь богатымъ классамъ) 93 фунта. Такимъ образомъ, разница въ вѣсѣ между тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ изъ бѣднѣйшаго класса и сверстникомъ его изъ среднихъ классовъ достигаетъ 22 русскихъ фунтовъ. Разница до такой степени велика, что можно подумать, что мальчики принадлежатъ къ двумъ различнымъ расамъ. Изслѣдователь не остановился на взвѣшиваніи и измѣреніи. Онъ подвергъ дѣтей медицинскому освидѣтельствованію и, на основаніи послѣдняго, раздѣлилъ на четыре группы: „здоровье очень хорошее“, „хорошее“, „удовлетворительное“ и „плохое“. Только 2,8% бѣднѣйшихъ дѣтей имѣли очень хорошее здоровье, тогда какъ изъ дѣтей работниковъ, получающихъ высокую плату, такимъ здоровьемъ пользовались 27,4%. 51,6% бѣдныхъ дѣтей внесено въ группу „плохое здоровье“. Изъ всѣхъ дѣтей работниковъ, получающихъ хорошую плату, въ послѣднюю группу попало 11,4%. „Дѣти съ плохимъ здоровьемъ,—говоритъ Раунтри,—представляютъ крайне печальную, а порой потрясающую картину: всѣ они носятъ неизгладимые слѣды тѣхъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ живутъ. Дѣти эти—крошечныя, недоразвитыя, рахитичныя, золотушныя, съ гноящимися глазами, часто—калѣки“. Изъ 55 горбатыхъ дѣтей, учащихся въ іоркскихъ народныхъ школахъ,—38 принадлежатъ къ бѣднѣйшему классу работниковъ, 10—къ классу работниковъ второй группы и 7—первой.

Физическая слабость не уменьшается съ годами. Вліяніе „географической среды“, т.-е. бѣдныхъ кварталовъ большихъ англійскихъ городовъ, вырабатываетъ совершенно особый типъ. Тѣ, которые встрѣчаются съ англичанами на континентѣ, безъ сомнѣнія, не могутъ не любоваться красотой и здоровьемъ націи. Англичанина вы узнаете сразу въ пестрой международной отельной толпѣ по

*) Англійскій фунтъ на 0,1 больше русскаго.

высокому росту, по широкимъ плечамъ и по здоровому цвѣту лица. Англичанокъ еще легче узнать: онѣ на дюймъ или на два выше француженокъ и нѣмокъ. Но пусть путешественникъ заглянетъ въ бѣдные рабочіе кварталы Лондона, Ливерпуля, Глазго или Бирмингэма. Онъ увидитъ людей маленькаго или средняго роста, слабосильныхъ, раскосыхъ, неуклюжихъ; въ очень бѣдныхъ кварталахъ, напр., въ Бетналъ-Гринѣ (Восточный Лондонъ), туриста поразитъ множество лицъ, затуманенныхъ идіотизмомъ. Это—все вліяніе двухвѣкового прозябанія въ городской трущобѣ. Языкъ этихъ людей состоитъ изъ 200—300 словъ. Англійскій „ходжъ", т.-е. сельскохозяйственный работникъ, славится своею ограниченностью. Это—совершенно вѣрно; но первое поколѣніе этого „ходжа", явившееся въ городъ, проявляетъ наибольшую энергію и наибольшій интересъ въ общественныхъ дѣлахъ. Въ трэдъ-юніонахъ наиболѣе развитые и талантливые работники—дѣти „ходжа", первое поколѣніе явившееся въ городъ. Наиболѣе консервативный и наиболѣе бѣдный кварталъ въ Лондонѣ—искони населенъ уже. Вѣковая бѣдность и прозябаніе въ грязномъ кварталѣ калѣчитъ тѣло и затуманиваетъ мысль... Особенно разительно видно вліяніе вырожденія подъ вліяніемъ бѣдности—въ англійской арміи, которая вербуется, главнымъ образомъ, изъ юношей, принадлежащихъ къ бѣднѣйшимъ классамъ. Раунтри собралъ свѣдѣнія относительно 3,600 молодыхъ людей, пожелавшихъ вступить въ армію и подвергшихся медицинскому освидѣтельствованію. Число принятыхъ и забракованныхъ было таково.

Пункты вербовки.	Періодъ.	Число желавшихъ поступить въ солдаты.	Принято.	Забраковано.	Процентъ забракованныхъ.
Іоркъ, Лидсъ и Шефильдъ . . .	1897—1901	3,600	2,650	950	$26^1/_2$ *)

Изъ принятыхъ 760 новобранцевъ, или 29%, были прежде „specials", такъ называются молодые рекруты, которые собственно не подходятъ подъ мѣрку. Ихъ берутъ въ надеждѣ, что отъ хорошей жизни въ казармахъ они „выгладятся". Такимъ образомъ, „Specials" нужно прибавить къ забракованнымъ. Съ этой прибавкой получится $47^1/_2$% негодныхъ для военной службы. Чтобы имѣть возможность комплектовать армію, въ Англіи требованія, предъявляемыя къ новобранцамъ, все понижались. Въ кавалеріи minimum роста—5 ф. 7 дюймовъ, при объемѣ груди въ 34 дюйма (т. е. допускается недохватка въ 1 дюймъ), въ пѣхотѣ—5 ф. 3 д.

*) Выше этого % только въ Россіи, гдѣ изъ призываемыхъ новобранцевъ около 33% негодно для военной службы по физической слабости (см. «Энцикл. Словарь», т. XV, стр. 904).

при объемѣ груди въ 33 дюйма (допускается недохватка въ $1^1/_2$ дюйма) *). Въ остальныхъ мѣстахъ Англіи,—говоритъ Раунтри,—число забракованныхъ молодыхъ людей еще выше, чѣмъ въ Іоркѣ, Лидсѣ или Шефильдѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія мы находимъ въ годичномъ отчетѣ генеральнаго инспектора за 1900 г. (Annual Report of the Inspector-General of Recruiting for 1900). Приведу оттуда нѣсколько цифръ.

	1896 годъ.	1897	1898	1899	1900
Число молодыхъ людей, подвергш. медиц. освидѣтельствованію . . .	54574	59986	66501	68059	88402
Число лицъ, забракован. вслѣдствіе различныхъ болѣзней	11251	12630	13969	13501	13788
По причинѣ физическаго недоразвитія	11781	10183	9318	8892	9317
Всего забраковано . . .	23032	22813	23287	22393	23105
Процентное отношеніе лицъ, забраков. по болѣзнямъ	20,6	21,0	21,0	19,8	16,9
По физической слабости	21,6	17,0	14,0	13,1	11,1

Инспекторъ объясняетъ на стр. 14 отчета, почему процентное отношеніе забракованныхъ за 1900 г., какъ будто, ниже обыкновеннаго, не смотря на то, что огромное число молодыхъ людей—не принято въ военную службу. „Всѣ офицеры, завѣдующіе вербовкой, получили точныя инструкціи не посылать на освидѣтельствованіе молодыхъ людей, если нѣтъ полной надежды на то, что они будутъ приняты. Пониженіе $^0/_0$ забракованныхъ ($42^0/_0$ въ 1896 г., 28—въ 1900 г.) показываетъ, что инструкціи эти были выполнены съ надлежащимъ успѣхомъ. Уменьшеніе $^0/_0$ объясняется также пониженіемъ требованій, предъявляемыхъ вербовщиками“.

Всѣ эти данныя особенно поразительны въ отношеніи къ Англіи, гдѣ средніе классы поражаютъ своимъ здоровьемъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ взвинченнаго патріотизма, въ одинъ моментъ вербовка шла среди среднихъ классовъ. Явились полки, набранные не въ бѣднѣйшихъ кварталахъ. Эти солдаты оказались вершка на 2—3 выше обыкновеннаго англійскаго „Томи“, гораздо шире въ плечахъ и въ груди. На улицѣ можно сразу узнать, изъ какого общественнаго слоя явился солдатъ. Взвинченный патріотизмъ быстро упалъ; молодые люди изъ среднихъ классовъ и изъ группы хорошо зарабатывающихъ работниковъ перестали записываться въ армію. Снова вербовка пошла только въ бѣднѣйшихъ кварталахъ. Такъ какъ солдатъ нужно было много, то пришлось понизить требованія. Явились такіе полки, которыхъ пришлось отправить обратно изъ Юж. Африки.

*) У насъ въ пѣхотѣ minimum роста 2 ар. $2^1/_2$ вершка, т. е. 5 ф. $^3/_8$ дюйма.

На этихъ войскахъ лежала неизгладимая печать вѣковой бѣдности.

Сегодня въ „Таймсѣ“ выпустили съ бубномъ шамана англійскаго имперіализма, Рудіарда Киплинга. На всю газету биржевого капитала завываетъ шаманъ, и зоветъ средніе классы въ военную службу. Онъ восхваляетъ прелести самой лучшей жизни—(the lordiest life on rarth)—боевой. Шамана не даромъ выпустили: въ передовой статьѣ газета доказываетъ, что обычный рекрутъ—слабосиленъ и, поэтому, нужна всеобщая воинская повинность.

Но я нѣсколько уклонился. Топинаръ въ своей антропологіи блестяще показываетъ, какъ подъ вліяніемъ географической среды складывается совершенно новый типъ. Въ большихъ городахъ бѣдные кварталы являются тоже, своего рода, географической средой, подъ вліяніемъ которой въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній складывается новый типъ. Книга Раунтри, какъ мы видѣли, даетъ намъ массу доказательствъ для того. Изслѣдователь предвидитъ самыя печальныя послѣдствія даже для такой сильной, энергичной, талантливой расы, какъ англосаксонская, если существованіе „географической среды“ будетъ продолжаться. Но констатировать болѣзнь гораздо легче, чѣмъ излѣчить ее. Изслѣдователь совершенно отказывается обсуждать радикальныя мѣры; какъ англичанинъ-практикъ, онъ рекомендуетъ только то, что непосредственно можетъ быть примѣнено теперь въ Великобританіи. Изъ этихъ мѣръ, которыя Раунтри рекомендуетъ соотечественникамъ своимъ, упомяну о нѣкоторыхъ. Такъ какъ дѣти хронически голодаютъ, какъ мы видѣли, въ школьномъ возрастѣ, то Раунтри совѣтуетъ городамъ ввести безплатныя школьныя кухмистерскія, отнюдь не придавая послѣднимъ благотворительнаго характера. Такъ какъ англійскій работникъ, затѣмъ, впадаетъ въ бѣдность къ старости, то необходима мѣра, осуществленная уже въ Австраліи: т. е. государственный пенсіонъ для всѣхъ престарѣлыхъ, который тоже не долженъ быть филантропіей. Раунтри дальше указываетъ на необходимость улучшенія жилищъ для массъ. Мѣра эта теперь въ Англіи на очереди. Она была блистательно разрѣшена въ нѣкоторыхъ шотландскихъ городахъ. Необходимо также,—по мнѣнію Раунтри,—широкое развитіе трэдъ-юніонизма, улучшеніе народнаго образованія, устройство развлеченій для массъ и т. д. Какъ англичанинъ, Раунтри высказываетъ глубокую увѣренность въ томъ, что общество гражданъ можетъ выполнить гигантскіе подвиги.

Діонео.

Наша текущая жизнь.

Процессъ оскудѣнія литературы и причины его.—Журнальныя мелочи: «Русская Мысль», «Міръ Божій», «Вѣстникъ Европы» за декабрь.

Почему такъ оскудѣла русская литература?—этотъ вопросъ, которымъ я закончилъ предшествовавшую статью, продолжаетъ, словно кошмаръ, тревожить меня, и мнѣ хотѣлось бы разобраться въ немъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ на этотъ счетъ такого отвѣта, который бы вполнѣ удовлетворялъ меня. Но мнѣ хотѣлось бы высказать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя соображенія, которыя какъ-будто намѣчаютъ путь рѣшенія. Было бы хорошо, если бы моя попытка вызвала интересъ въ публикѣ, да и сами почтенные собраты высказались бы по вопросу о причинахъ оскудѣнія.

Но этотъ вопросъ о причинахъ предполагаетъ болѣе или менѣе подробное изображеніе самаго процесса оскудѣнія. Надо отмѣтить хоть нѣкоторыя стороны той эволюціи, — не говорю, конечно, прогресса, — которая привела литературу къ современному ея состоянію, когда она потускнѣла, размѣнялась на мелочи, вынудивъ и такъ называемую критику превратиться въ какую-то микрологію, разсматривающую въ увеличительное стекло всѣ эти повѣстцы, разсказики, сценки и этюды.

Есть, впрочемъ, немало писателей и даже читателей, которые полагаютъ, что „оскудѣніе“ современной литературы значительно преувеличено, чуть-чуть не наговорено на нее. Вопросъ объ оскудѣніи придется поэтому разсматривать въ связи съ вопросомъ: да точно-ли это печальное состояніе литературы такой ужъ фактъ? Въ самомъ дѣлѣ, пока самъ находишься въ водоворотѣ окружающей жизни и слѣдишь за текущей „словесностью“, то, можетъ быть, какъ разъ за недостаткомъ удаленія и, стало быть, исторической перспективы, черезчуръ обратишь вниманіе на ближнія перебивающіяся и перекрещивающіяся волны и не замѣтишь самого общаго потока, который послѣдующимъ поколѣніямъ покажется на извѣстномъ разстояніи въ своемъ полномъ объемѣ и потому далеко не такимъ мелкимъ и незначительнымъ, какъ представляется намъ, увлекаемымъ этою рябью современной литературы. Остановлюсь болѣе или менѣе подробно на двухъ трехъ примѣрахъ. Почти въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ литературный обозрѣватель „Отечественныхъ Записокъ“, выражая свои пожеланія читателю на новый (1873) годъ, включаетъ въ число этихъ

пожеланій „честную и смѣлую литературу“, которой, по его мнѣнію, въ данный моментъ нѣтъ:

Литература теперешняя имѣетъ весьма мало положительныхъ качествъ, а качества отрицательныя—слабость, вялость, нечестность, распущенность—не могутъ давать результаты, вполнѣ осязательные. Они дѣлаютъ свое дѣло, эти отрицательныя качества, они вносятъ въ общество свой ядъ, и если бы можно было вычислить количество его, мы изумились бы округленности цифры, но это вліяніе невидно и неуловимо... «Честность», «смѣлость», «служительница истины и справедливости» — все это для насъ «жалкія слова», смѣшныя слова, ненужныя, непонятныя, чужія слова.

И тутъ же проводитъ слѣдующій контрастъ между настоящимъ и прошлымъ:

Литература наша умѣла понимать этотъ языкъ въ періодъ своего возрожденія и молодости, но теперь это для нея нѣчто въ родѣ засохшихъ желтыхъ цвѣтовъ Адуева, нѣчто въ родѣ изображенія предмета первой, чистой любви старой, нарумяненной кокотки,—воспоминаніе о шалостяхъ и увлеченіяхъ дѣтства... Мы напомнимъ лишь начало нынѣшняго царствованія, когда формулы празднаго любопытства: «наука для науки», «искусство для искусства» подвергались безпощадному бичеванію и были почти изгнаны дружными усиліями литературы. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это время, но всякій долженъ признать, что литература тогда пользовалась уваженіемъ, что къ ея голосу прислушивались во всѣхъ концахъ Россіи, что люди стремились сообразоваться съ ея указаніями и въ частной жизни, и въ общественной дѣятельности. Одну изъ причинъ этого явленія несомнѣнно составляло презрѣніе литературы къ праздному любопытству. Конечно, мы называемъ здѣсь празднымъ любопытствомъ то, что другіе называютъ спеціально-научными и спеціально-художественными цѣлями. Эти другіе должны будутъ назвать презрѣніе къ праздному любопытству презрѣніемъ къ наукѣ и искусству. Но—странное дѣло—это презрѣніе ни малѣйше не вредило интересамъ науки и искусства. Литература была тенденціозна, она была вся поглощена разрѣшеніемъ текущихъ вопросовъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяла на ходъ общественныхъ дѣлъ и поведеніе отдѣльныхъ личностей, научныя и художественныя цѣли отодвигала на послѣдній планъ и, однако, попутнымъ образомъ давала замѣчательные научные и художественные результаты.

А нынѣ—продолжаетъ обозрѣватель—

несомнѣнно, что мы нынѣ возвратились къ уваженію науки и искусствъ, какъ самостоятельныхъ цѣлей жизни. Мы приносимъ обильныя жертвы на оба эти алтаря, мы еще больше говоримъ о нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы литература была особенно бѣдна дарованіями. Нѣтъ, таланты есть, есть даже весьма крупные. И тѣмъ не менѣе всѣ согласны въ томъ, что общій уровень литературы стоитъ весьма низко. Въ литературѣ нѣтъ не только живой общественной струны, но она не представляетъ почти ничего цѣннаго даже въ области чистой науки и чистаго искусства, за которыми она такъ усиленно ухаживаетъ.

Такъ дѣло представлялось литературному обозрѣвателю начала 70-хъ годовъ, когда онъ вызывалъ для сравненія въ памяти читателей литературу на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ. А вотъ что пи-

салъ другой сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ своихъ „Бесѣдахъ о русской словесности“ въ концѣ 1875 г.:

Въ настоящее время и въ журналахъ, и въ газетахъ, и въ различныхъ общественныхъ кружкахъ — повсюду господствуетъ минорный тонъ относительно состоянія литературы вообще, беллетристики же и критики въ особенности. Всѣ жалуются, что критика находится въ такомъ упадкѣ, что совсѣмъ начинаетъ исчезать изъ журналовъ. Беллетристика же только и держится, что корифеями прежней эпохи, блиставшими уже въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ; новыхъ же талантовъ, которыхъ можно бы поставить на одну доску со старыми, не является. И вотъ въ этотъ-то моментъ литературнаго безвременья я рѣшился писать къ вамъ критическія письма... Что касается лично до меня, то я вполнѣ раздѣляю недовольство большинства общества современной беллетристикой. Если и существуетъ въ литературѣ два, три имени, которыя слѣдуетъ исключить изъ этого недовольства, если и появляется въ теченіе года два, три произведенія, отмѣченныя сильнымъ талантомъ и обращающія на себя всеобщее вниманіе, то подобныя явленія представляются словно оазисами въ дикой пустынѣ. Они остаются сами по себѣ, а пустыня тоже сама по себѣ продолжаетъ пребывать все той же безплодной пустыней. Такъ, напримѣръ, возьмемъ хоть нынѣшній годъ, клонящійся уже къ концу и представляющій намъ свои итоги, и, нужно отдать ему справедливость, плачевные итоги по части художественной литературы...

Но, читатель, вѣдь эти неблагопріятные отзывы современниковъ относятся къ литературѣ 70-хъ годовъ, къ той самой литературѣ, которая теперь, на разстояніи, представляется намъ — и по заслугамъ — одной изъ самыхъ блестящихъ, самыхъ краснорѣчивыхъ, мало того самыхъ художественныхъ страницъ въ исторіи развитія русской мысли и русскаго творчества. Вѣдь это та самая эпоха, когда хотя бы новый номеръ „Отечественныхъ Записокъ“ ожидался мыслящею частію нашей публики съ нетерпѣніемъ, не уступавшимъ тому лихорадочному ожиданію, съ какимъ пятнадцать лѣтъ раньше встрѣчалась послѣдняя книжка „Современника“. Тамъ истекала горячею любовью къ народу сумрачная, но необыкновенно-энергичная муза Некрасова. Тамъ свисталъ и полосовалъ темныя силы реакціи сатирическій бичъ Щедрина. Тамъ „мужъ совѣта“ и опыта сурово-добродушно велъ съ читателемъ бесѣду о явленіяхъ внутренней жизни Россіи, и о чемъ бы ни заговаривалъ, умѣлъ сводить къ тяжелому положенію крестьянскаго класса, выносившаго на своихъ плечахъ всю тяжесть и нашей государственности, и нашей общественности. Тамъ въ статьяхъ философа-публициста мы знакомились съ лучшими идеями запада, знакомились не рабски, не съ подобострастіемъ бѣдныхъ родственниковъ, питающихся крохами со стола разбогатѣвшихъ родичей, а пропуская ихъ сквозь фильтру строгой и нелицепріятной критики, которая черпаетъ указанія въ могучей работѣ цивилизованныхъ странъ, но творчески дополняетъ ихъ собственной мыслію, имѣющей дѣло со столь несходными русскими условіями. Тамъ крупнѣйшій художественный талантъ Успенскаго, соединенный по истинѣ съ геніальной интуиціей, выбрасывалъ

передъ изумленнымъ и глубоко заинтересованнымъ читателемъ цѣлые трепещущіе жизнью куски русской дѣйствительности и тутъ же на этомъ, можно сказать операціонномъ столѣ, и разсѣкалъ, и изучалъ, и старался вскрыть механизмъ этой общественной физіологіи. А если бы мы придвинулись къ концу 70-хъ годовъ, то сколько бы пришлось намъ прибавить именъ писателей, однихъ крупнѣе, другихъ мельче, но всегда носившихъ яркій отпечатокъ индивидуальности и въ то же время какъ-то гармонически сливавшихъ эти особенности талантовъ и настроеній въ одинъ замѣчательный и могучій хоръ „Отечественныхъ Записокъ".

И, можетъ быть, скептическое настроеніе самихъ же „Отечественныхъ Записокъ", пишущихъ о современной имъ литературѣ 70-хъ годовъ, объясняется отчасти тѣмъ, что имъ было неловко говорить о себѣ и своей роли, отчасти и тѣмъ, что сдѣланныя нами цитаты относятся къ первой половинѣ 70-хъ годовъ, когда не успѣли еще логически и рельефно выразиться всѣ характеристическія черты этой эпохи общественно-литературнаго движенія. А когда дѣло близилось къ концу 70-хъ годовъ, литературнымъ дѣятелямъ прогрессивно-демократическаго лагеря не приходилось вообще останавливаться много на хорошихъ и дурныхъ сторонахъ современной литературы, не приходилось уже потому, что теперь имъ некогда было выскакивать изъ быстро-несущагося потока общественной жизни и отыскивать на берегу какое-нибудь укромное мѣстечко для сужденія, такъ сказать, извнѣ о характерѣ „словесности": они были всецѣло захвачены этимъ водоворотомъ, принимали его какъ стихійную силу съ его достоинствами и недостатками, но лишь старались активно вліять, выражаясь возвышенно, на ходъ того корабля, на который они сложили грузъ своихъ надеждъ, идеаловъ и упованій. У упомянутаго уже литературнаго обозрѣвателя „Отечественныхъ Записокъ", на сей разъ „профана", прорываются, впрочемъ, еще въ концѣ 1876 г., болѣе оптимистическіе взгляды на современность, чѣмъ то было всего нѣсколько мѣсяцевъ раньше:

Мы во всякомъ случаѣ сдвинуты съ обыденной колеи вялой, скучной, бездѣятельной, безцѣльной жизни на широкую дорогу дѣятельнаго сочувствія къ чужимъ страданіямъ. Тонъ нашей жизни приподнятъ. Воздухъ очищается.

Понятно, что и въ литературѣ авторъ отмѣчалъ сравнительное возбужденіе интереса къ серьезнымъ вещамъ: та „общественная струна", которая умолкла, по его мнѣнію, съ наступленіемъ реакціи противъ движенія 60-хъ годовъ, начинала, очевидно, снова звучать, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. Къ концу 70-хъ годовъ и переливаясь на начало 80-хъ, литературно-общественное возбужденіе захватило уже и широкіе круги. Рядомъ съ „Отечественными Записками", въ которыхъ концентрировалась и особенно рельефно выражалась идейная жизнь Россіи, уже стали

дѣйствовать новые или обновившіеся подъ вліяніемъ повышенной общественности органы.

Плоскодонный, собакевичевскій радикализмъ „Дѣла“ уже въ послѣдній годъ жизни Благосвѣтлова сталъ замѣтно измѣняться, мало-по-малу проникаясь идейными элементами, составлявшими міросозерцаніе тогдашней передовой интеллигенціи. Тамъ, гдѣ еще такъ недавно благосвѣтловскіе соколы описывали на двухаршинной высотѣ свои обычные, всѣмъ надоѣвшіе круги надъ литературой, тщетно пытаясь вцѣпиться въ „Отечественныя Записки“, появились рѣзко контрастировавшіе съ общимъ направленіемъ журнала сочувственные отзывы о Щедринѣ, а немного позже (уже по смерти Благосвѣтлова) о Н. К. Михайловскомъ. Вскорѣ и все „Дѣло“ подалось въ сторону господствовавшаго направленія, и на страницы этого застывшаго было совсѣмъ органа ворвались цѣлою толпою страшно волновавшіе въ то время молодежь вопросы о капитализмѣ и общинѣ, экономикѣ и политикѣ, и т. д.: жизнь дѣлала свое „Дѣло“ (извините за этотъ нечаянный каламбуръ).

Но рядомъ съ „Дѣломъ“ подтягивалось и „Слово“. Журналъ этотъ, преобразованный изъ „Знанія“, первое время отражалъ на себѣ довольно явственно различные и неодинаковаго достоинства взгляды, завѣщанные ему покойнымъ „Знаніемъ“, ибо въ немъ были и скучная наука безъ всякаго обобщающаго смысла, и мнимонаучное, но хлесткое шарлатанство, но въ немъ же были и высоко-интересныя изслѣдованія русской жизни (г-жа Ефименко), и живая политическая хроника западной, особенно французской жизни, и обстоятельныя диссертаціи и популяризаціи экономическихъ ученій (Зиберъ). А на порогѣ 80-хъ годовъ и подъ новой редакціей „Слово“ стало однимъ изъ очень читаемыхъ органовъ. И такія, напр., статьи, какъ произведшіе настоящую сенсацію „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“ г. Николая—она (октябрь, 1880 г.), или блестящій памфлетъ, направленный А. Горшковымъ (М. А. Протопоповымъ) въ своемъ „Медовомъ мѣсяцѣ либерализма“ (январь, 1881 г.) черезъ голову проф. Градовскаго въ партію умѣренныхъ любителей „правового порядка“,—такія статьи, говоримъ мы, показывали очень повышенный пульсъ общественной жизни и давали „Слову“ почетное мѣсто въ журналистикѣ, выражавшей активное міровоззрѣніе эпохи. Даже преобразившееся въ то время молодое и зеленое „Русское Богатство“ принимало своими скромными силами участіе въ разработкѣ жизненно-политическихъ задачъ... И вдругъ эта струна общественности, звучавшая все сильнѣе и сильнѣе, все крѣпче и крѣпче въ тогдашней литературѣ, порвалась!..

Теперь только, изъ сравненія прошлаго съ настоящимъ, можно понять, чѣмъ были 70-ые годы, какую роль играла литература этой эпохи, и насколько наиболѣе активные современники того

фазиса русскаго развитія находились лишь подъ властью фатальной иллюзіи, черезчуръ строго оцѣнивая свое время. Авторъ, котораго мы здѣсь часто цитируемъ, говоритъ, дѣйствительно, самъ въ половинѣ печальныхъ 80-хъ годовъ о той полосѣ своей дѣятельности, которая укладывается въ рамки 70-хъ годовъ:

Хорошее это было время. То есть много въ немъ было, конечно, и нехорошаго, даже очень и очень нехорошаго, но лично для меня, какъ писателя, оно останется навсегда незабвеннымъ... Это постоянно чувствуемое общеніе съ извѣстнымъ кругомъ читателей есть настоящее дыханіе жизни и до такой степени наполняетъ и оживляетъ окружающую васъ лично атмосферу, что о тяжести работы и рѣчи быть не можетъ. Такъ именно довелось мнѣ работать въ то время, къ которому относятся статьи, сводимыя нынѣ, десять—пятнадцать лѣтъ спустя, на очную ставку... И все это связывалось единствомъ пульса жизни, который у меня бился въ тактъ съ моими читателями. Да, хорошее было время...

Но тутъ вы можете еще находить извѣстный субъективный элементъ въ оцѣнкѣ отошедшей въ прошлое исторической эпохи („лично для меня“ и т. д.). Однако, вотъ вамъ уже достаточно объективное свидѣтельство того же самаго автора, отдѣленнаго отъ начала 70-хъ годовъ двумя десятками лѣтъ. Въ 1891 г. онъ пишетъ:

...Въ семидесятыхъ годахъ жилось шибко. А потому и литературѣ, въ отведенныхъ ею предѣлахъ, было много работы: приходилось оріентироваться и во множествѣ теоретическихъ вопросовъ, и въ практическихъ требованіяхъ дня. Я говорю, жилось шибко, а не то, чтобы очень хорошо. Жизнь выдвигала, напротивъ, много горькаго, даже прямо страшнаго, изъ слезъ и крови слитаго, что будетъ въ свое время помянуто и оцѣнено исторіей уже не литературы русской, а русской жизни.

Какъ ни какъ, но вы видите, что лишь только современникамъ литературы 70-хъ годовъ, и именно тѣмъ, кто самъ игралъ въ ней важную роль, стало возможно отойти отъ нея на разстояніе и окинуть ее взоромъ въ извѣстной перспективѣ, такъ сейчасъ же эта литература выростала въ отдаленіи въ импозантную массу, словно громадная гора поднимаясь на горизонтѣ и подавляя рядъ болѣе близкихъ промежуточныхъ холмовъ. И эту ноту сложнаго, но въ общемъ глубоко-симпатичнаго чувства къ литературѣ 70-хъ годовъ, чувства, въ которомъ любовь странно переплетается съ ненавистью, эту ноту, говорю я, вы найдете у всѣхъ активныхъ участниковъ въ сознательномъ общественномъ процессѣ той эпохи, и найдете тѣмъ ярче, тѣмъ сильнѣе выраженною, чѣмъ съ лучшими представителями тогдашняго времени вы имѣете дѣло. Порою и эти „слезы“, и эта „кровь“ прошлаго не мѣшаютъ ему занимать въ душѣ оставшихся дѣятелей мѣсто „незабвенныхъ“ дней погибшей любви и срѣзанной на корню молодости, дней, которые окружены такимъ золотымъ ореоломъ, когда сравниваешь ихъ съ сѣрымъ и будничнымъ настоящимъ. Это почти совсѣмъ какъ у великаго Данта:

...Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria,—

„нѣтъ бо̀льшаго горя, какъ вспоминать о счастливомъ времени въ дни несчастія“.

Вотъ теперь и является вопросъ: не находимся-ли и мы теперь во власти подобной же иллюзіи? Не черезчуръ-ли строго относимся къ современной литературѣ? И не суждено-ли намъ лѣтъ этакъ черезъ двадцать—предполагая, что судьбѣ будетъ угодно довести насъ до двадцатыхъ годовъ этого вѣка—открыть и силу, и свѣжесть, и вообще свои достоинства въ современной столь, казалось бы, сѣрой, столь безцвѣтной литературѣ? Чѣмъ чортъ не шутитъ: можетъ быть, по сравненію съ грядущей литературой нашихъ внуковъ и правнуковъ, наша теперешняя словесность окажется роскошной ископаемой флорой тропическаго третичнаго періода, покрытой снѣгами и мерзлой землей будущаго ледяного вѣка? Успокойтесь, дорогіе потомки; я думаю, что эта ужасная перспектива не омрачитъ ваши дни, что вы будете жить гораздо счастливѣе насъ, и что современная литература и относительно, и абсолютно представляетъ собою довольно жалкое явленіе.

И прежде всего въ утѣшеніе васъ и огорченіе насъ, вашихъ праотцовъ, я позволю себѣ указать на извѣстный психологическій фактъ: чѣмъ человѣкъ развитѣе, чѣмъ выше его сознаніе, тѣмъ онъ недовольнѣе собою. Это не значитъ, конечно, что онъ предается все время меланхоліи по поводу своихъ несовершенствъ и льетъ горькія слезы надъ своими изъянами. Но это значитъ, что онъ страстно стремится приблизиться къ все расширяющемуся идеалу и все яснѣе сознаетъ, какъ много ему осталось живого и интереснаго дѣла; и онъ всѣми силами души своей работаетъ надъ собою и окружающею средою, исправляетъ свои слабыя стороны и рвется впередъ, все впередъ. Кто вкусилъ отъ древа человѣческаго развитія, тотъ не перестанетъ алкать и жаждать этого облагораживающаго плода, который преображаетъ „довольную свинью“ въ „недовольнаго человѣка“: тутъ, дѣйствительно, l'appetit vient en mangeant.

Но возьмите человѣка тупого, ограниченнаго, не имѣющаго понятія объ идеалѣ развитія: какимъ самодовольствомъ будетъ дышать его лицо, какіе пьедесталы будетъ онъ воздвигать себѣ на каждомъ шагу, какимъ восклицательнымъ знакомъ восхищенія онъ будетъ взвиваться передъ любымъ своимъ дѣйствіемъ! А если его и потянетъ узнать что-нибудь, онъ не преминетъ при сей вѣрной оказіи умилиться надъ своими глубокими знаніями; насчетъ-же идеала, къ которому стремится, брякнетъ что-нибудь невозможное, показывающее, что ему, дѣйствительно, нѣтъ дѣла

до человѣческаго, съ трудомъ добываемаго и тѣмъ болѣе драгоцѣннаго знанія. Помните многознающаго Вагнера и его „хочу знать все“:

Zwar weiss ich viel, doch möcht ich alles wissen!..

Теперь я попрошу читателя приложить эту индивидуальную психологію къ коллективному литературному самосознанію, къ тому, что литература думаетъ о себѣ. Мы видѣли, какъ строго судила себя устами своихъ выдающихся представителей литература 70-хъ годовъ. Мы можемъ припомнить, что съ неменьшей строгостью высказывалась на свой счетъ литература 60-хъ годовъ на страницахъ „Современника“. И раньше того, восходя къ сороковымъ и тридцатымъ годамъ, мы найдемъ тоже недовольство, тоже страстное исканіе лучшаго подъ перомъ Бѣлинскаго, который въ одной изъ самыхъ блестящихъ статей своихъ прямо доказывалъ отсутствіе настоящей литературы. И если бы мы захотѣли отодвигаться все дальше и дальше, то, пожалуй, дошли бы и до писателей екатерининскаго вѣка, которые заслужили негодованіе свыше за то, что „видѣли все въ мрачномъ, желто-зеленомъ цвѣтѣ“. Нечего прибавлять, что это недовольство литературой, эта неудовлетворенность и своими усиліями у наиболѣе живыхъ писателей выражали строгое критическое отношеніе къ самой жизни, къ самой реальной дѣйствительности, и страстное желаніе преобразовать ее согласно своему идеалу.

Не угодно-ли будетъ вамъ взять теперь литературу 80-хъ, 90-хъ и послѣдующихъ годовъ вплоть до современности. Передъ нашими глазами прошло не мало различныхъ теченій за это время, но у всѣхъ у нихъ есть одна общая окраска: это необыкновенное довольство моментомъ и своими собственными „новыми словами“. Самая критика неизмѣнно обращается къ прошлому, ну хотя бы вчерашнему дню, констатируетъ изъяны этого удаляющагося момента и въ догонку ему кричитъ, что она отказывается отъ него, что она-то уже принялась за настоящую работу, и что съ этого дня читатель и обыватель могутъ спать спокойно: отнынѣ все обстоитъ благополучно, и реформаторамъ остается только основать общество взаимнаго обожанія для взаимнаго же восхваленія своихъ заслугъ.

Или вотъ: у людей 70-хъ годовъ, строго относившихся къ своей литературѣ и своей эпохѣ, было, однако, ярко выражено желаніе установить идейную преемственность съ той прошлой литературной эпохой, которая имъ представлялась—и справедливо—достойной уваженія предшественницей и учительницей: мы видѣли, какъ они настаивали на необходимости возвратиться къ жизненнымъ традиціямъ 60-хъ годовъ. Эту же не слѣпую, а критическую тенденцію возстановить прерванную нить развитія мы найдемъ у людей 60-хъ годовъ по отношенію къ людямъ 40-хъ, какъ у людей

40-хъ годовъ по отношенію къ людямъ половины 20-хъ. Съ любовью Чернышевскій изучаетъ великаго критика „гоголевскаго періода“, и съ трогательнымъ энтузіазмомъ одинъ изъ крупнѣйшихъ людей 40-хъ годовъ вспоминаетъ дѣятелей, унесшихъ четверть вѣка тому назадъ на далекій востокъ неизмѣнную любовь къ Россіи и русскому народу. Въ свою очередь самъ легко примиряющійся съ дѣйствительностью Пушкинъ считаетъ, однако, долгомъ вытащить изъ подъ спуда запретное „Путешествіе“ Радищева и обстоятельными выписками знакомитъ съ этой книгой читателя, хотя и вынужденъ ради тогдашней цензуры обрушиваться на „пошлое и преступное пустословіе“ подвергшагося остракизму автора. И эту цѣпь примѣровъ идейнаго уваженія, связывающаго между собою лучшія эпохи литературно-общественнаго движенія, можно бы удлиннить еще не однимъ звеномъ.

А теперь попробуемъ съ читателемъ полюбоваться литературой, смѣнившей литературу 70-хъ годовъ: строгость къ предшествовавшей эпохѣ—непомѣрная и равняется развѣ необыкновенной нѣжности къ самой себѣ; чувствуется лютая потребность порвать нить традиціи, отвязаться отъ недавняго, компрометирующаго своимъ величіемъ прошлаго, чтобы безпрепятственно погрузиться въ болото самодовольства и на просторѣ купаться въ немъ. И весь прогрессъ послѣднихъ двадцати лѣтъ сказывается лишь въ томъ, что лишь мало-по-малу къ этому дешевому самодовольству начинаетъ примѣшиваться сознаніе неловкости, робкое желаніе отыскать порванную связь съ прошлымъ и—въ самое послѣднее время—попытка вернуться на презрительно оставленный путь. Не будемъ забѣгать, однако, впередъ и остановимся на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фазисахъ самодовольнаго періода, иллюстрируя ихъ кой-какими примѣрами и стараясь даже, гдѣ это возможно, говорить безлично, т. е. не столько о литературныхъ дѣятеляхъ, сколько объ ихъ „дѣяніяхъ“.

Вотъ, напр., въ 70-хъ годахъ жила-была либеральная балаболка,—извините за это вульгарное, но совершенно подходящее въ данномъ случаѣ выраженіе,—жила была и неистово трубила либеральные марши на трубѣ „Голоса“, насвистывала веселыя аріи насчетъ западно-европейской культуры и необходимости пріобщить сиволапую Россію къ благамъ ея, безтолково, но велерѣчиво защищала эти блага отъ нападенія „новыхъ вандаловъ“ и даже по этому случаю ввязалась въ полемику съ однимъ зарубежнымъ органомъ, но получила такую сдачу, что не знала, въ какую дверь выскочить... Словомъ, это была великолѣпная либеральная балаболка, которая сіяла, и кипѣла, и клокотала и все ни съ мѣста долой, какъ самоваръ.

Но вотъ реакція охватила все общество, и въ то время, какъ

охранительствующая демагогія во имя любви къ „мужику“ принялась „высаживать днище“ у интеллигенціи, наша либеральная балаболка моментально вывернула себя на изнанку—если можно только говорить объ изнанкѣ у такихъ политическихъ амёбъ,—позабыла о западѣ, культурѣ, благахъ и либерализмѣ и присоединилась тоже къ травлѣ, съ прежней велерѣчивостью и съ прежней же безтолковостью обвиняя дѣйствительныхъ друзей народа въ „облаиваньи историческихъ народныхъ святынь“. Балаболка эта, кстати сказать, и по сіе время здравствуетъ, читатель, и порою помѣщаетъ плоды своего—увы, старѣющаго!—кипѣнья и клокотанья на столбцахъ газеты, которая во время оно—о иронія россійскаго фатума!—вела съ „Голосомъ“ ужасныя литературныя войны, напоминающія свирѣпую распрю веронскихъ Монтекки и Капулетти.

Восьмидесятые годы вообще быстро пріобрѣли свою физіономію; и если еще въ первой половинѣ десятилѣтія замѣчались нѣкоторыя явленія, слабо напоминавшія 70-ые годы, то вторая половина была свидѣтельницею окончательнаго разгрома литературно-общественнаго движенія предшествовавшей эпохи, быстрыхъ метаморфозъ прежнихъ дѣятелей и нарожденія новыхъ, съ удивительнымъ самодовольствомъ заявлявшихъ свою вражду къ только что отходившей въ прошлое полосѣ русскаго развитія и каждый день обѣщавшихъ зажечь море „новыми словами“. Каждый изъ литературныхъ и общественныхъ перевертней выходилъ на улицу и громогласно предавался какому-то особаго рода веселому покаянію, останавливая прохожихъ за пуговицы, съ необыкновенною развязностью обдавая васъ помоями со дна собственной взбаламученной души и требуя отъ васъ не только вниманія, но восхищенія, но наградъ, но преклоненія передъ актомъ такого пріятнаго раскаянія. Да, что я говорю „требуя вниманія“, — вмѣняя вамъ въ обязанность принять участіе въ этомъ похвальномъ актѣ, а въ противномъ случаѣ грозя вамъ законами божескими и человѣческими. И вскорѣ вся улица наполнилась довольными взвизгиваніями самобичующихся, словно и впрямь дѣло шло не о мучительномъ нравственномъ переломѣ, а о подхлестываніи себя вдохновительнымъ вѣникомъ въ торговой банѣ!..

Что это было за зрѣлище, что за коллекція кающихся, но необыкновенно довольныхъ грѣшниковъ нагишомъ! Вотъ бывшій „народникъ“, который еще недавно рядился передъ идейными вождями сломленнаго движенія и сектантомъ, и босякомъ, а теперь приглашаетъ публику восторгаться свѣтлыми явленіями окружающей ее современности и плюетъ въ источникъ, утолявшій его первую умственную и нравственную жажду. А вотъ и „Шлемиль, который продалъ свою тѣнь“, но Шлемиль россійскій, Шлемиль полусумасшедшій, съ шайкой на головѣ вмѣсто скуфьи, съ обносками больничнаго халата Ивана Яковлевича Корѣйши на тѣлѣ, растерянно бѣгаетъ по сторонамъ глазами и то умиленно причи-

таетъ, то поучаетъ васъ повѣстью своихъ временныхъ лѣтъ и томъ, какъ онъ со страху продалъ свою тѣнь, и о томъ, какъ онъ пересталъ быть человѣкомъ съ тѣнью, и почему сіе важно... Вонъ философическій Кифа Мокіевичъ, который, занявшись самовскрытіемъ, обнаружилъ въ своей душѣ „новый уголъ", а въ мозгу „новую линію" и такъ быстро пошелъ по дорогѣ этихъ анатомическихъ открытій, что, отправившись отъ „лучшихъ идеаловъ прежняго", которые „остались во всей своей силѣ, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи честныхъ людей", моментально перескочилъ черезъ Канта къ Юркевичу, раздѣлалъ Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, разъяснилъ глубокій смыслъ знаменитаго „бенды кололацы" юродиваго и удостоился въ послѣднее время комплиментовъ „Московскихъ Вѣдомостей", сожалѣющихъ лишь, что спиритуализмъ „искренняго критика" не знакомъ съ пѣтухомъ московской просвирни... Вонъ... Но, право, не говоря уже о всѣхъ этихъ прямыхъ продуктахъ общественно-литературнаго разложенія, сколько можно было бы указать симптомовъ глубокаго внутренняго упадка среди личностей и группъ, которыя при другихъ условіяхъ могли бы играть гораздо болѣе почетную и высокую роль.

Смерть, душевный недугъ или усталость и разочарованіе разрѣжаютъ ряды старыхъ дѣятелей литературы, а новые что-то плохо нарождаются или же при самомъ рожденіи, такъ сказать in statu nascenti, носятъ на себѣ слѣды апатичнаго недоумѣнія и равнодушнаго отношенія къ жизни. „Великій писатель земли русской",—выраженіе Тургенева,—тратитъ въ то время могучія силы своей индивидуальности на пропаганду міровоззрѣнія, запрещающаго именно жизни активно отстаивать себя отъ нападеній смерти и отдающаго идею связанною по рукамъ и ногамъ въ жертву произволу грубой силы. Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу Щедринъ, Елисеевъ, Шелгуновъ,—пламенный художникъ-гражданинъ, неподкупно-суровый защитникъ народа и благородный борецъ за гуманные идеалы. А уже раньше хрупкая организація Гаршина была раздавлена непосильнымъ для его нѣжной, любящей души бременемъ 80-хъ годовъ.

Глѣбъ Успенскій все мучительнѣе и мучительнѣе недоумѣваетъ надъ русскою жизнью, все рѣже и рѣже прибѣгаетъ къ художественной интуиціи, все охотнѣе и охотнѣе обращается къ прямой публицистикѣ, даже простымъ замѣткамъ, дорожнымъ листкамъ путешественника, отрывочнымъ впечатлѣніямъ въ сыромъ видѣ, пока, наконецъ, его колоссальный талантъ, словно острый клинокъ, изнашивающій ножны, не разрушаетъ своей вѣчной работой и весь несравненный мозговой аппаратъ чуткаго и глубокаго наблюдателя. Хотите хоть приблизительно понять тайну этой трагедіи творческаго ума? Взгляните на два портрета Успенскаго, помѣщенные въ „Галлереѣ русскихъ писателей":

портретъ юноши съ прелестнымъ, мягкимъ и вдумчивымъ лицомъ, передъ которымъ, очевидно, жизнь развертывается интересной и привлекательной картиной; и портретъ не стараго, но страшно много пережившаго, изстрадавшагося человѣка, на лбу котораго, прямо надъ пытливыми, но словно испуганными глазами, эта самая жизнь собрала складку удивительно-скорбнаго недоумѣнія. Что должны видѣть эти зоркія, проницательныя очи? Какія сцены ужасныхъ, не приведенныхъ къ одной общей идеѣ явленій проходятъ мучительной панорамой передъ этой жаждущей „двуединой правды“ душой? Между этими двумя портретами врѣзалась острымъ клиномъ цѣлая жизнь, наша жизнь, которая страшнѣе всякаго сфинкса задаетъ русскимъ людямъ свою загадку: „разгадай, или я пожру“. И Успенскій былъ только на половину Эдипомъ, и Успенскій былъ пожранъ. И сколько вокругъ него, рядомъ съ нимъ, за нимъ виднѣется неудачныхъ Эдиповъ.

Успенскій словно унесъ въ могильный хаосъ своего разрушеннаго сознанія тайну общественно-художественнаго творчества: такъ мучительно, такъ страстно, такъ подвижнически вопрошать въ свою очередь жизнь въ отвѣтъ на ея роковые вопросы изъ современныхъ беллетристовъ не умѣетъ никто, независимо отъ степени ихъ таланта. И замѣчательно прежде всего, что умолкнувшее творчество Успенскаго какъ будто завершило блестящій періодъ нашей такъ называемой народной беллетристики. Было бы преувеличеніемъ отрицать наличность несомнѣннаго дарованія у нѣкоторыхъ изъ ровесниковъ и младшихъ братьевъ Успенскаго въ этой области. Но перефразируя знаменитую фразу Бѣлинскаго, мы можемъ сказать, не особенно погрѣшая противъ истины, что послѣ Успенскаго у насъ есть народники-беллетристы, но нѣтъ народной беллетристики, нѣтъ такой проницательной психологіи крестьянскаго класса, къ какой насъ пріучилъ авторъ „Деревенскаго дневника“, „Власти земли“ и т. п. Интересно, что молчаніе Успенскаго вызвало относительное молчаніе и со стороны того направленія народной беллетристики, въ которомъ—довольно условно—привыкли видѣть оптимистическій противовѣсъ якобы пессимистическому анализу автора „Черной работы“ и послѣдующихъ высоко-интересныхъ этюдовъ. Можно было бы прямо подумать, что какъ положительное электричество предполагаетъ отрицательное и внѣ этой поляризаціи проявляться не можетъ, такъ и исчезновеніе одного полюса художественнаго творчества повлекло за собою исчезновеніе другого. Какъ бы то ни было, вся эта отрасль русской литературы, которая отличалась рѣдкою жизненностью и художественнымъ интересомъ въ 70-хъ годахъ, къ концу 80-хъ годовъ пришла въ рѣшительный упадокъ и съ тѣхъ поръ не даетъ въ лучшемъ случаѣ ничего, кромѣ отдѣльныхъ недурныхъ сценокъ, картинъ, бѣглыхъ эскизовъ.

Но здѣсь невольно мы переходимъ къ состоянію беллетристики вообще, къ той эволюціи, которую она продѣлала, начиная съ 80-хъ годовъ, и которую можно охарактеризовать какъ процессъ постепеннаго паденія и измельчанія, не смотря на отдѣльныя исключенія. Можетъ быть, лучше всего это будетъ видно, если, не беря въ разсчетъ дѣятельность писателей, оставшихся отъ прежняго періода и во всякомъ разѣ не обнаруживающихъ особаго прогресса, мы посмотримъ на новыхъ, на тѣхъ, что выросли и окрѣпли или еще только мужаютъ и развиваются въ этомъ послѣднемъ фазисѣ литературы. Нелѣпая русская привычка не касаться наиболѣе близкихъ и симпатичныхъ намъ писателей, если только судьба „къ сожалѣнію или счастью"—тутъ ужъ, дѣйствительно, не знаешь, какъ сказать—привела васъ сотрудничать съ ними въ одномъ органѣ,—эта странная, но властная привычка мѣшаетъ мнѣ говорить о В. Г. Короленкѣ, какъ она мѣшала критикамъ „Современника" и „Отечественныхъ записокъ" оцѣнивать по достоинству и даже вообще разбирать произведенія беллетристовъ своего журнала, не смотря на ихъ выдающіяся достоинства.

Оставимъ же умышленно внѣ нашего поля зрѣнія автора „Сна Макара", „Слѣпого музыканта", „Въ дурномъ обществѣ", сибирскихъ разсказовъ и т. п. Посмотримъ, что, кромѣ этого автора, дала, дѣйствительно, крупнаго литература, смѣнившая литературу 70-хъ. Вотъ вамъ звѣзда первой величины на современномъ литературномъ небѣ: г. Чеховъ. Талантъ, несомнѣнно, крупный, и публика г. Чеховымъ зачитывается и восхищается порою до того, что „ровно черезъ крышу перебрасываетъ", какъ сказалъ бы на своемъ образномъ народномъ языкѣ Успенскій: шутка-ли, г. Чехова ставятъ выше Толстого, на томъ основаніи, что Толстой, молъ, даетъ вамъ идеи, а Чеховъ—настроеніе; вотъ, дескать, такъ художникъ! Ибо, по мнѣнію нашихъ съ вами, читатель, современниковъ, высшее художество должно быть свободно отъ постоя идеи, т. е. того, что соединяетъ людей, а должно цѣликомъ растворяться въ настроеніяхъ, т. е. въ томъ, что всего капризнѣе, мимолетнѣе, индивидуальнѣе и потому самому всего болѣе разъединяетъ людей. Невольно припоминается жалоба одного французскаго литератора на необходимость для писателя прибѣгать къ словамъ: эхъ, говоритъ, если бы можно было нашему брату писать безъ мыслей и понятій, а лишь звуками, какъ дѣлаютъ это музыканты! Что за дивной музыкой была бы тогда поэзія, изъ которой каждый могъ бы брать что угодно въ смыслѣ настроенія!..

Но, признаться, надо быть современнымъ россіяниномъ, чтобы восхищаться этими „романсами безъ словъ" и „образами безъ лицъ". А, по нашему, эта „музыка"—довольно скучная музыка, которая, конечно, не можетъ замѣнить настоящей музыки, но вмѣстѣ съ тѣмъ напрасно пытается подставить себя этому ис-

кусству вызывать неопредѣленныя, неуловимыя состоянія. Объ этомъ мы, впрочемъ, скажемъ нѣсколько словъ ниже, говоря о россійскомъ декадентствѣ. А теперь къ г. Чехову. Если можно въ чемъ-нибудь особенно строго обвинять современную никчемную эпоху, такъ это въ томъ, что она царализовала, по крайней мѣрѣ, три четверти этого сильнаго, чисто стихійнаго таланта, снабдивъ его психическимъ состояніемъ безразличнаго равновѣсія. Мы, конечно, не про мораль прописную и не про тенденцію говоримъ,—давно бы пора перестать повторять эти курьезныя обвиненія,—но про извѣстное опредѣленное отношеніе писателя къ продуктамъ его творчества, къ тѣмъ образамъ, которые вызываетъ его художественная фантазія, и къ окраскѣ той идеальной атмосферы, въ которую писатель погружаетъ своихъ героевъ и которая соотвѣтствуетъ тому, что живописцы называютъ „воздухомъ", „перспективой", связывающей различныя части картины въ одно цѣлое.

Но у г. Чехова на всемъ лежатъ монотонныя, сѣрыя краски; и какъ порою рельефно ни выступаютъ отдѣльныя фигуры, отдѣльныя положенія, вы все время мучительно ждете отъ автора опредѣленнаго отношенія къ создаваемому имъ міру или, если хотите, „настроенія", но общаго, болѣе или менѣе цѣльнаго настроенія—и такъ-таки и не дождетесь. Въ его художественномъ многочленѣ отдѣльныя величины лишены опредѣляющихъ плюсовъ и минусовъ: вотъ почему, не смотря на весь талантъ автора, вы никогда не добираетесь и до алгебраической суммы этого многочлена, и закрываете послѣднюю страницу чеховскаго разсказа, досматриваете послѣднюю сцену чеховской драмы, съ чувствомъ замѣтной, почти рѣзко-непріятной неудовлетворенности: какъ? что? почему? и въ какомъ смыслѣ?

Этому художественному безразличію соотвѣтствуетъ и, вѣроятно, служитъ основою природная слабость нравственной оцѣнки, которая, благодаря вліянію никчемной эпохи, окончательно атрофировалась и превратилась въ характерную аморальность. Г. Чеховъ—писатель глубоко аморальный: онъ живетъ съ своими созданіями, дѣйствительно, по ту сторону добра и зла, въ демокритовскомъ „пустомъ пространствѣ, наполненномъ атомами", гдѣ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни звуковъ, ни сладкаго, ни горькаго, ни горячаго, ни холоднаго ни хорошаго, ни дурного, ибо все это лишь одно наше „мнѣніе", а у г. Чехова на этотъ счетъ мнѣнія-то именно и нѣтъ... Я не критику на сочиненія этого автора пишу, а лишь иллюстрирую его примѣромъ состояніе нашей беллетристики, которая проникнута очевидною нѣжностью къ формѣ, къ выписыванію того, что попадется ей только на глаза, къ самодовольному искусству для искусства; но къ самой жизни, къ сущности ея, къ содержанію исполнена глубокаго безразличія. Недаромъ, французъ, интересущійся русской литературой—я говорю

о Мельхіорѣ де-Вогюэ,—характеризуетъ психологическій смыслъ художественнаго творчества г. Чехова какъ стремленіе къ „Нирванѣ“. Во всякомъ случаѣ, сказаннаго мною достаточно, чтобы видѣть, какъ безспорно самый крупный талантъ современной литературы, отражая ничтожество современной же жизни, самъ размѣниваетъ себя на мелочи, не связанныя никакой общей идеей. Что же сказать о чеховской школѣ, о всѣхъ этихъ авторахъ маленькихъ, тщательно выписанныхъ, но безъидейныхъ вещицъ, о всѣхъ этихъ литературныхъ филигранщикахъ, которые, не имѣя художественнаго темперамента г. Чехова, подражаютъ ему чисто внѣшнимъ образомъ,—небольшимъ числомъ страницъ, изображеніемъ деталей, умышленной разорванностью сюжета?...

Читатель ждетъ отъ меня, по всей вѣроятности, указанія на другую очень крупную звѣзду современнаго литературнаго неба, г. Горькаго; но объ немъ будетъ умѣстнѣе сказать нѣсколько позже, когда мы коснемся признаковъ переходного времени, обнаруживающагося лишь въ самые послѣдніе годы и свидѣтельствующаго какъ будто объ окончаніи никчемнаго періода нашей жизни и литературы. А пока намъ еще надо остановить вниманіе читателя на самомъ томительномъ этапѣ современнаго литературно-общественнаго движенія, декадентствѣ, такъ свирѣпствовавшемъ въ серединѣ 90-хъ годовъ, когда общество, выведенное на время изъ состоянія апатіи народными бѣдствіями 1891—1892 г., словно вымещало на самомъ себѣ этотъ слабый позывъ къ дѣятельности и съ удвоеннымъ удовольствіемъ принималось за игру въ эстетическія, порою прямо безсмысленныя бирюльки. Это „новое искусство“, въ pendant къ „новымъ словамъ“ 80-хъ годовъ, конечно, не дало ничего цѣннаго и въ чисто-художественномъ отношеніи. Навѣянное литературной реакціей запада, рабски подражающее внѣшнимъ пріемамъ западно-европейскаго декадентства, символизма, импрессіонизма и какъ еще его тамъ, русское „новое искусство“ могло лишь аляповато и неумѣло воспроизводить вычурныя, но порою красивыя и тонкія фіоритуры мастеровъ декаданса въ высоко-культурныхъ странахъ.

Наши россіяне не дали, напр., ничего подобнаго тому, дѣйствительно, удачному соединенію тягучихъ словъ и меланхолически-тягучаго настроенія поэта, которое поражаетъ въ знаменитыхъ „осеннихъ скрипкахъ“ Верлэна:

Les sanglots longs
Des violons
De l' automne
Blessent mon coeur
D'une langueur
Monotone!..

Отечественные декаденты не успѣли проявить даже того звукоподражательнаго мастерства, которое любители этихъ литературныхъ фокусовъ находили у многихъ предшественниковъ новой школы, хотя бы у Эдгара По въ его „колоколахъ“.

За то мы помахали передъ взорами читателя „фіолетовыми руками“ „по лазоревой стѣнѣ“; создали многосмысленное ортопедическое одностишіе:

О, закрой свои блѣдныя ноги!..—

и объявили на основаніи этихъ великихъ подвиговъ Европѣ о существованіи у насъ семизвѣздной плеяды геніальныхъ поэтовъ...

И вотъ это-то расплывающееся безкостное россійское декадентство страннымъ, но не совсѣмъ непонятнымъ образомъ уживалось одно время съ необыкновенно быстро развившимся въ половинѣ 90-хъ годовъ русскимъ же „марксизмомъ“, который, въ противоположность своему мягкотѣлому союзнику, состоялъ изъ одного остова, изъ голыхъ костей, связанныхъ между собою проволокою формулы. Оба союзника представляли собою продолженіе „новыхъ словъ“ и свирѣпое отрицаніе литературно-жизненныхъ задачъ 70-хъ годовъ, выражая эту реакцію каждый по своему, каждый съ діаметрально-противоположнаго конца.

Декадентство было эстетической попыткой развѣнчать глубоко общественную личность предшествовавшаго періода, которая вдохновлялась своею близостью къ жизни, къ дѣйствительности, и стремилась въ самомъ художественномъ творчествѣ отражать запросы современности. И этого декадентство думало достигнуть, превращая живого человѣка, это глубоко-общественное существо, въ ту уродливую самодовлѣющую индивидуальность не то „бога“, не то „звѣря“, который, по справедливому замѣчанію старика Аристотеля, не нуждается въ обществѣ себѣ подобныхъ.

Наоборотъ, русскій марксизмъ аттаковалъ человѣческую личность съ другого фронта, приписывая ей совершенно фантастическіе планы произвольнаго коверканья общественныхъ формъ, и призывалъ ее къ порядку и „естественному ходу вещей“, который, молъ, строго запрещаетъ ей всякія „субъективныя“ стремленія и заранѣе обрекаетъ на безсиліе всякія попытки активно вмѣшаться въ исторію.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ „критическая личность“, игравшая такую дѣйственную роль въ предшествовавшій періодъ, подвергалась жесточайшему уродованію: если декаденты уничтожали ее, разрывая ее связь съ обществомъ и вознося на призрачную высоту, гдѣ она задыхалась за отсутствіемъ общественной атмосферы и людей-братьевъ, то марксисты уничтожали эту же личность, растворяя ее безъ остатка въ коллективномъ безсознательномъ процессѣ цѣлаго общества и при этомъ и весь этотъ процессъ сводя къ развитію технологіи.

Здѣсь не мѣсто разъяснять, въ какой степени эти странныя преувеличенія и односторонности могутъ быть поставлены въ вину самимъ творцамъ марксизма. Во всякомъ случаѣ, русскій „экономическій матеріализмъ“ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ популярной теоріей безсилія личности, которая обрекалась, какъ по формулѣ 80-хъ годовъ („наше время—не время широкихъ задачъ“), исключительно на мелкую культурную работу и усиленную вульгаризацію сказки о бѣломъ бычкѣ: я пойду, когда ты пойдешь; ты пойдешь, когда я пойду, и т. д. Вотъ почему мы можемъ только пожимать плечами, когда наиболѣе живые марксисты, стараясь возвратиться къ болѣе активной дѣятельности людей 70-хъ годовъ, обвиняютъ насъ же, оставшихся вѣрными прежнему знамени, въ своемъ собственномъ грѣхѣ и приписываютъ намъ же мысли, безраздѣльно царившія еще недавно въ ихъ средѣ. Мы во всякомъ случаѣ не допустимъ, чтобы совершалась эта историческая подтасовка, это перемѣщеніе дѣйствительныхъ ролей, и чтобы на нашу здоровую голову валили крупные грѣхи съ больной головы „русскихъ учениковъ“, той самой головы, что не только еще недавно молилась, но даже лобъ расшибала передъ идоломъ „естественнаго хода вещей“...

Такимъ образомъ, оглядываясь на недавнее прошлое отечественнаго марксизма, мы не можемъ и въ этомъ идейномъ теченіи не отмѣтить характеристичныхъ чертъ литературы, смѣнившей литературу 70-хъ годовъ: очень сильнаго самодовольства и восхищенія собственными „новыми словами“; и въ общемъ невысокаго уровня всего теченія и бѣдности его талантами какъ въ теоретической, такъ и въ художественной сферѣ. Возьмите теоретиковъ: Бельтовъ-Волгинъ, Волгинъ-Бельтовъ, вотъ, кажется, единственные выдающіеся теоретики направленія. Да и то въ одномъ изъ этихъ авторовъ (Бельтовѣ) звучали порою ноты семидесятника,—разочарованнаго, противоставившаго своей прежней выпуклости новую вогнутость, но все же семидесятника; и я сильно сомнѣваюсь, насколько его возможно считать за типичнаго выразителя большинства „русскихъ учениковъ“, особенно того недавняго періода, когда слово „марксистъ“ было модной кличкой для всѣхъ тѣхъ, кто, не принадлежа къ кликѣ гг. Волынскихъ, Дистерло, Розановыхъ, считалъ тѣмъ не менѣе нужнымъ „отказываться отъ наслѣдства“ 70-хъ годовъ. Г. Струве, пожалуй, проявляетъ наибольшую самостоятельность мысли въ лагерѣ марксистовъ. Но эта самостоятельность связана у него съ поразительною неустойчивостью; и отнюдь нельзя предсказать, куда метнетъ завтра же этого автора его безпокойное исканіе истины. Прибавьте одно-два „бойкія пера“, которыя были захвачены марксистской эпидеміей въ 90-хъ годахъ, какъ въ другое время они были бы захвачены инымъ моднымъ теченіемъ—и вы перечислили всѣ мало-мальски замѣтныя силы этого направленія. А въ самое по-

слѣднее время, когда все теченіе разбивается на цѣлую массу расходящихся и перекрещивающихся струй, общій уровень марксизма какъ будто еще понизился.

Справедливость требуетъ прибавить, что жизнь, которая въ переходныя эпохи особенно забѣгаетъ впередъ недостаточно еще обозначившихся литературныхъ направленій, намѣчаетъ уже рядъ общественныхъ вопросовъ, по которымъ наиболѣе свѣжіе и энергичные сторонники русскаго марксизма склонны возвратиться къ традиціямъ 70-хъ годовъ. Дѣло въ томъ, что въ противоположность декадентамъ, которые должны вымирать въ силу своей полной отчужденности отъ жизни, тѣ изъ „русскихъ учениковъ", которые вошли въ активную жизнь хотя бы чрезъ дверь самой смиренной культурной дѣятельности, должны были почувствовать приливъ практическихъ силъ въ то самое время, какъ теорія породила массу ересей. Эти активные дѣятели отправились отъ особой формы народничества, которая противоставляла теперь „безсильной интеллигенціи" свѣжій рабочій людъ центровъ, какъ прежняя форма народничества, царившая большую половину 70-хъ годовъ, противоставляла интеллигенціи же полное силъ крестьянство. Но скоро сама жизнь должна была внести поправку въ новое народничество, подобно тому какъ старое было исправлено жизнью же въ концѣ 70-хъ годовъ,—и здѣсь, какъ и тамъ, признаніемъ роли интеллигенціи, хотя на этотъ разъ фигурирующей, по новой терминологіи, въ качествѣ „сознательныхъ передовыхъ элементовъ класса".

И мало-по-малу въ новое міровозрѣніе вносятся нѣкоторыя существенныя части идейнаго „наслѣдства", отъ котораго еще годъ—два тому назадъ „ученики" продолжали отказываться. Вслѣдъ за признаніемъ значенія интеллигенціи пришлось рѣшиться на признаніе роли активной личности и организаціи личностей. „Экономизмъ" подвергся самой рѣзкой критикѣ во имя общественно-политическаго направленія. „Естественному ходу вещей" противоставляется работа „сознанія", придвигающаго путемъ освѣщенія будущихъ задачъ и самое рѣшеніе этихъ задачъ. И мы стоимъ у преддверія такой основательной ломки русскаго марксизма, что уже и теперь еретическія вещи проникаютъ въ самое сердце недавно столь исключительнаго ученія,—пока еще по большей части подъ флагомъ гегельянской и „діалектической" терминологіи, но отчасти уже и въ формахъ, напоминающихъ 70-ые годы. Поживемъ, значитъ, увидимъ...

Единственнымъ выдающимся писателемъ этого переходного времени, обѣщающаго возвращеніе къ здоровымъ традиціямъ,—не говорю, конечно, о рабскомъ подражаніи,—является г. Горькій, обнаружившій, какъ уже было сказано, очень яркую художественную физіономію и представляющій собою безспорно самаго крупнаго изъ молодыхъ писателей. Конечно, было бы натяжкою

зачислять его въ ряды „русскихъ учениковъ“, хотя это направленіе и желало бы выдать его цѣликомъ за художественнаго выразителя своей формулы. Но, съ другой, стороны тамъ, гдѣ г. Горькій не столько подчинялся естественнымъ стремленіямъ своего творческаго темперамента, сколько пытался внести преднамѣренную тенденцію въ свои произведенія, тамъ, говоримъ мы, и на немъ сказывалось увлеченіе моднымъ теченіемъ, и формула толкала его въ сторону сознательнаго шаржа, напр., при изображеніи всей негодности интеллигенціи, что, какъ извѣстно, входило еще такъ недавно въ символъ вѣры русскихъ учениковъ.

Но одно дѣло—модная теорія, хотя бы и увлекающая художника, а другое дѣло—особенность его таланта, по скату, такъ сказать, которой направляется и весь процессъ творчества. Какъ бы ни отзывалась марксизмомъ формула, теоретически удовлетворяющая г. Горькаго, центръ тяжести его художественнаго темперамента лежитъ въ стремленіи, идущемъ въ разрѣзъ съ этой формулой, стремленіи возвеличить человѣческую личность, ея силу, ея размахъ, ея страстное желаніе активно вмѣшаться въ окружающую жизнь, бороться съ ней, направить ее по своему, или лечь въ этой героической борьбѣ. Говорю „героической“ не столько въ смыслѣ какихъ-нибудь положительныхъ идеаловъ, во имя которыхъ личность борется, сколько въ смыслѣ энергіи, пыла и трагическаго безстрашія, проявляемаго борцомъ. Вотъ почему правы въ извѣстныхъ предѣлахъ критики, говорящіе о романтизмѣ г. Горькаго, какъ правы, можетъ быть, въ еще большей степени критики, указывающіе на то, что отношеніе нашего автора къ героямъ свидѣтельствуетъ скорѣе о его склонности къ индивидуализму, ставящему своимъ идеаломъ „суверенитетъ личности“, чѣмъ къ русскому марксизму, удѣляющему личности очень скромное, чтобы не сказать ничтожное мѣсто въ „теоріи общественнаго прогресса».

Чего стоитъ одна идеализація босяка, который въ сущности представляетъ собою не здороваго и нормальнаго выразителя коллективныхъ стремленій рабочаго люда, идущаго „рядами и шеренгами“ на завоеваніе лучшаго будущаго, а продуктъ разложенія общественнаго строя, одичанія и выпаденія изъ коллективнаго союза звѣрскихъ и трусливыхъ въ то же время сверхчеловѣковъ въ опоркахъ. Босякъ не измѣнился по своему нравственному типу со временъ древней Греціи, гдѣ онъ поддерживалъ популярнаго и жестокаго тирана, со временъ древняго Рима, гдѣ онъ впрягался въ колесницу какого-нибудь чудовищнаго Цезаря, прося хлѣба и зрѣлищъ. Его вы найдете въ современной исторіи то грабящимъ магазины въ минуты свалки, то трусливо удирающимъ отъ натиска полицейскихъ, то безжалостно разносящимъ настоящаго рабочаго.

Но если этотъ романтизмъ героевъ г. Горькаго плохо мирится

съ формулой марксизма, особенно въ неимовѣрно-односторонних толкованіяхъ русскихъ учениковъ, то само по себѣ это возвеличеніе человѣческой личности, независимо отъ плюса или минуса ея абсолютной величины, отъ направленія ея энергіи, является залогомъ того, что при возвращеніи къ идеямъ 70-хъ годовъ г. Горькій можетъ создать замѣчательную художественную галлерею не только энергичныхъ и сильныхъ типовъ, но типовъ высоко-гуманныхъ и по истинѣ героическихъ. Когда снова будетъ признана роль личности организующейся съ себѣ подобными, то свѣжій и сильный талантъ г. Горькаго найдетъ достаточно широкую сферу приложенія, облекая кровью и плотью художественности образы героевъ убѣжденія. А пока г. Горькій осужденъ искать расцвѣта индивидуальности среди людей, обладающихъ лишь крайне грубымъ, узкимъ, тусклымъ и противообщественнымъ „я", и не находя въ дѣйствительности обильнаго матеріала для своихъ сверхчеловѣковъ, нерѣдко изукрушать ихъ—несмотря на замѣчательный реализмъ деталей—чисто условными и потому однообразными чертами романическихъ героевъ Виктора Гюго и Евгенія Сю. Переходное время мѣшаетъ г. Горькому дать полный просторъ лирическому порыву своего крупнаго художественнаго таланта: болѣе здоровое будущее сулитъ ему завидную общественно-поэтическую дѣятельность...

Намъ слѣдуетъ подвести теперь итоги сдѣланному выше очерку современнаго состоянія литературы, а именно указать на нѣкоторыя общія причины ея маразма. Само собою разумѣется, что безъидейнымъ остроумцамъ и безъидейнымъ эстетамъ, занимающимся теперь критикой, покажется дика самая мысль искать общихъ причинъ литературнаго упадка: по ихъ мнѣнію, все дѣло зависитъ отъ случайной игры природы, которая въ одинъ историческій моментъ сыплетъ на человѣчество словно изъ рога изобилія великихъ художниковъ и мыслителей, а въ другой неумолимо отталкиваетъ руку, жадно протянутую за духовнымъ хлѣбомъ, и обрекаетъ общество на жалкую литературную пищу. Но мы пишемъ для людей, въ душѣ которыхъ живетъ стремленіе осмысливать калейдоскопическую игру явленій и которые ищутъ законосообразности въ случайномъ, повидимому, ходѣ событій.

Вмѣстѣ съ великимъ Гёте мы признаемъ господство могучихъ законовъ, управляющихъ столь же властно міромъ человѣческой дѣятельности, сколько безсознательной природой:

Nach ewigen, eh'rnen
Grossen Gesetzen
Müssen wir alle
Unseres Daseins
Kreise vollenden.

Но эти „желѣзные законы“, опредѣляющіе „круги нашего бытія“, нисколько не мѣшаютъ намъ, опять-таки какъ Гёте, „различать, избирать и судить“, „награждать добраго и наказывать злого, врачевать и спасать“,—

Er unterscheidet,
Wählet und richtet...
Er allein darf
Den Guten lohnen,
Den Bösen strafen,
Heilen und retten.

Заслуга „русской соціологической школы“, надъ которой еще такъ недавно принято было фификать съ самодовольствомъ хладнокровныхъ мудрорыбицъ, именно и состоитъ въ томъ, что она сумѣла примирить кажущееся противорѣчіе между „идеалами“ и „естественнымъ ходомъ вещей“, между законами общественнаго развитія и энергичною дѣятельностью личности. Мнѣ какъ разъ приходитъ въ голову другое нѣмецкое стихотвореніе, которое представляетъ настоящій гимнъ „желѣзной необходимости“ именно потому, что она является матерью всѣхъ истинныхъ героевъ, всѣхъ великихъ историческихъ дѣятелей:

Du, Mutter aller grossen Helden,
Du, eiserne Nothwendigkeit!..

Но довольно заранѣе предупреждать возраженія безъидейныхъ остроумцевъ и безъидейныхъ эстетовъ, „наводя тоску на умныхъ“... Итакъ, каковы общія причины современнаго литературнаго безвременья? Онѣ двоякаго рода и по обыкновенію являются сплетеніемъ матеріальныхъ и идеальныхъ факторовъ, при чемъ въ данномъ случаѣ роль первоначальной причины досталась на долю факторовъ идеальныхъ. Это, прежде всего, та общественная реакція, которая послѣдовала за небывалымъ періодомъ общественнаго напряженія, періодомъ, который г. Венгеровъ удачно назвалъ „эпохою высшаго развитія альтруизма въ русскомъ обществѣ“. Это, затѣмъ, безпримѣрное въ лѣтописяхъ Россіи развитіе чисто-матеріальныхъ силъ страны, поглотившее много если не первостепенныхъ, то живыхъ и энергичныхъ дѣятелей, ушедшихъ на службу къ русской промышленности. Это, наконецъ, дальнѣйшая эволюція бюрократической машины, которая все болѣе и болѣе расширялась за это время насчетъ общественной самодѣятельности и открывала все болѣе и болѣе обширное поле приложенія силъ тѣмъ разочаровавшимся и смятымъ общественною реакціею элементамъ, которые не успѣли пристроиться къ процессу непосредственной капиталистической эксплуатаціи.

Итакъ, общественная реакція. На эту причину литературно-жизненнаго упадка указывалось, правда, не разъ, но, можетъ быть, не съ достаточною ясностью, не съ достаточнымъ взвѣ-

шиваніемъ силы различныхъ отливныхъ волнъ, изъ которыхъ слагалось общее возвратное теченіе. Благодаря этому, реакціонная пресса, какъ и подобаетъ кошкѣ, которая знала, чье мясо съѣла, могла отрицать вліяніе общественнаго регресса на состояніе умовъ. Она, старая и хитрая кошка, прятала теперь свои когти и даже наивно вопрошала, чѣмъ можетъ быть виновата въ упадкѣ литературнаго творчества жарко пропагандируемая ею современная реакція, когда реакція средины XIX-го вѣка не могла, молъ, помѣшать художественно-культурной дѣятельности „людей сороковыхъ годовъ". Не все-ли, молъ, вамъ равно, „благодаря" или „вопреки" тогдашнему режиму литература успѣла выдвинуть рядъ такихъ корифеевъ, вліяніе которыхъ продолжалось въ 60-ые и 70-ые годы: будьте лишь талантливы, а все прочее вамъ приложится.

Прежде всего умышленно забывалось, что великіе художники 40-хъ годовъ вырабатывали свое міровоззрѣніе и свой творческій темпераментъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ которые никогда, правда, не ослабѣвавшая реакція не могла проявить особенно вреднаго вліянія на мысль и искусство потому, что не спускалась сверху въ самое общество и не захватывала широкихъ общественныхъ слоевъ. Неблагопріятныя условія давили на Тургенева, Некрасова, Бѣлинскаго, Достоевскаго, Щедрина, но давили, какъ внѣшній грузъ давитъ на упругую стальную пружину: они временно сжимали ее, но не проникали ее ржавчиной; и когда наступила эпоха общественнаго движенія, оставшіеся въ живыхъ люди сороковыхъ годовъ выпрямились во весь свой ростъ. Съ другой стороны, не мѣшало бы обратить вниманіе на то, какое неблагопріятное дѣйствіе оказали на „корифеевъ" 50-ые годы, т. е. собственно вся первая половина ихъ *), когда реакція не только усилилась, но вслѣдствіе самой интенсивности своей проникла внизъ, изуродовала сильныхъ, раздавила окончательно слабыхъ и изъ политической стала общественной. Представьте себѣ, что „корифеи" умерли бы, не дождавшись „эпохи великихъ реформъ": чѣмъ бы былъ Некрасовъ безъ „Саши", „Размышленій у параднаго подъѣзда", „На Волгѣ", „Рыцаря на часъ", чѣмъ Тургеневъ безъ „Рудина", „Аси", „Дворянскаго гнѣзда", „Наканунѣ", Гончаровъ безъ „Обломова", Салтыковъ безъ всей великой сатиры своей и т. д..?

Такъ вотъ господамъ реакціонерамъ не мѣшало бы поговорить съ нами о 50-хъ годахъ, которые по своему общественному характеру и своему литературному безплодію только и могутъ

*) Надо-ли говорить читателю, что идейныя теченія не справляются съ нашей хронологіей и лишь приблизительно совпадаютъ со счетомъ по десятилѣтіямъ: 40-ые годы въ идейномъ смыслѣ вѣдь это въ 1842—1848; 50-ые годы, это 1848—1855; 60-ые, это 1855—1862 и т. д.

быть сравнены съ 80-ыми, продолжавшими свое тлетворное дѣйствіе чуть не цѣликомъ до половины 90-хъ, а въ отдѣльныхъ застоявшихся мутныхъ струяхъ до послѣдняго времени. Общественная реакція изъ крупныхъ художниковъ не исковеркала за это время развѣ только Щедрина, представляющаго вообще небывалое явленіе въ русской киселеобразной средѣ, которая отвѣчаетъ на всѣ толчки только тѣмъ, что, словно студень, „трясется". Мы уже видѣли, какое болѣзненное противообщественное направленіе приняла литературная дѣятельность „великаго художника земли русской". Успенскій погибъ, замученный великимъ историческимъ недоумѣніемъ, какъ погибъ раньше любвеобильный Гаршинъ, истерзанный „жестокимъ вѣкомъ". Все рѣже и слабѣе срывались аккорды съ эпической лиры пѣвца „Устоевъ". А сколько должно было быть не только умолкнувшихъ, но не успѣвшихъ начать своей пѣсни! Надъ этими не рожденными, потенціальными талантами можно, конечно, издѣваться, и я предоставляю этотъ благодарный сюжетъ безъидейнымъ остроумцамъ и безъидейнымъ же эстетамъ. Но тотъ, кто понимаетъ, что расцвѣтъ литературы характеризуется не только усиленной дѣятельностью великихъ художниковъ, но и высокимъ общимъ уровнемъ творчества и обиліемъ второстепенныхъ, и въ то же времи живыхъ произведеній, тотъ пожалѣетъ о массѣ загубленныхъ 80-ыми годами литературныхъ силъ, которыя должны были, конечно, существовать и не проявились только потому, что суровая дѣйствительность обрекла на безплодіе или литературную смерть даже уже существовавшихъ крупныхъ писателей.

А критика и вообще теоретическая мысль! Боже, что за удивительныя и въ то же время монотонныя „ужимки и прыжки" продѣлывалъ въ эту пору русскій „интеллектъ", съ какимъ азартомъ онъ старался „словечка въ простотѣ не сказать", или же, наоборотъ, съ какимъ удовольствіемъ погружался въ смакованіе самыхъ пошлыхъ, сѣрыхъ и банальныхъ мыслей; за исключеніемъ одного-двухъ почетныхъ исключеній вы не найдете во все это время публицистовъ и теоретиковъ, которые бы помогли русскому обществу выйти изъ состоянія недоумѣнія и прострации, безраздѣльно царившихъ въ 80-ые годы. И указывать на тѣ или другіе конкретные примѣры значило бы лишь повторять уже сказанное въ первой половинѣ этой статьи. Поэтому здѣсь коснемся мы лишь тѣхъ явленій, которыя непосредственно подтверждаютъ наше мнѣніе о причинахъ литературнаго упадка. Всѣ эти явленія выростаютъ въ сущности изъ одного и того же психологическаго закона: необходимости для каждаго живого организма такъ приспособиться къ неблагопріятной средѣ, чтобы отстоять себя въ борьбѣ за существованіе хотя бы цѣною самаго ужаснаго калѣченья.

Попробуйте отрубить щупалецъ даже низшему организму: вы

увидите, что, движимый біологическимъ воспоминаніемъ, онъ постарается уже не посылать отростковъ въ ту сторону, гдѣ съ нимъ приключилась бѣда; онъ съежится, онъ войдетъ въ себя. И если печальные эксперименты будутъ продолжаться съ нимъ, то можно поручиться, что если не самъ онъ, то его потомство утратитъ длинные щупальцы, приносящіе ему лишь напрасныя страданія. Попробуйте приложить эту аналогію къ человѣку, и вы увидите, что, перенесенный въ тяжелыя условія, отхватывающія у него то ту, то другую сторону его нравственнаго существованія, онъ тоже вберется въ себя, тоже сократитъ всѣ свои органы живого общенія съ внѣшнимъ міромъ, съ себѣ подобными, и сами его духовные щупальцы, такъ сказать, укоротятся, загрубѣютъ, потеряютъ свою прежнюю чувствительность и свободу движеній. Вотъ этотъ чисто-органическій законъ отстаиванія себя въ борьбѣ за существованіе во что бы то ни стало, цѣпляться за жизнь даже цѣною потери ея цвѣта, смысла и красоты, это стремленіе умалиться, сократиться, слиться съ окружающею средою и путемъ удачнаго mimicry избѣжать преслѣдованій, выразится въ концѣ концовъ, непремѣнно, и въ созданіи теоріи, облегчающей человѣку его страданія.

Умъ—коварный софистъ, и когда человѣку приходится жутко въ жизни, а силъ не хватаетъ на борьбу, то вашъ интеллектъ постарается васъ выручить изъ бѣды и выработаетъ такую религію, философію, поэзію, политику, которая мягчительной припаркой или роговымъ покровомъ ляжетъ на ваши истерзанные „щупальцы“ души и позволитъ вамъ жить, лишь бы жить.

Что, напр., такое комичная теорія мэоновъ, разработанная „при свѣтѣ совѣсти“ еще недавно симпатичнымъ и порою талантливымъ поэтомъ „Бѣлыхъ ночей“, „Пѣсенъ о родинѣ“ и т. п. сильно читавшихся вещей на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ? Попытка заглушить глубоко реальную боль разочарованія въ несбывшихся гуманныхъ идеалахъ фальшивымъ энтузіазмомъ по отношенію къ несуществующимъ и завѣдомо-сочиняемымъ вещамъ; попытка заговорить грызущую, уже настоящую, а не поэтически „свѣтящуюся совѣсть“ цѣлымъ потокомъ громкозвучныхъ, ходульныхъ и вздорныхъ словъ, въ которыя не вѣритъ самъ сочинитель. Интересенъ уже тотъ фактъ, что пресловутый лейтмотивъ всей этой трагедіи въ авторской чернильницѣ, знаменитый „мэонъ“, заимствованъ чисто формальнымъ образомъ какъ разъ изъ того платоновскаго (или приписываемаго Платону) діалога, въ которомъ пламенный идеалистъ борется противъ софистовъ, „охотящихся за богатыми и знатными юношами“ и защищающихъ съ одинаковымъ искусствомъ „существующее“ и „не существующее“. А создателю россійскаго мэона сей самый философическій фокусъ покусъ понадобился только затѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ объявить его же „ненужнымъ“. Серьезность взгляда древняго

грека на жизнь и фразисто-балаганное отношеніе къ предмету со стороны современнаго россіянина ясно показываютъ своимъ контрастомъ, что „свѣтъ совѣсти“ 80-хъ годовъ былъ лишь жалкимъ блуждающимъ огонькомъ, витавшимъ надъ породившимъ его же болотомъ.

Или толстовство 80-хъ годовъ, безъ остатка выражавшееся въ „непротивленіи злу“, въ проповѣди индивидуальнаго совершенствованія, чѣмъ было оно, какъ не попыткой личными благочестивыми упражненіями и копаньями въ душѣ оправдать апатію и трусость и дряблость средняго восьмидесятника? Опять—мягчительная припарка, положенная на отхваченный жизнью щупалецъ; опять—подобіе дѣла ради спасительной иллюзіи, дающей возможность „ущемленной совѣсти“ не черезчуръ корчиться, извиваться и страдать отъ неисполненія гражданскаго долга. И самымъ лучшимъ отвѣтомъ на притязанія толстовства выражать прогрессивное стремленіе является вся послѣдующая исторія развитія этой въ сущности очень самодовольной секты: по мѣрѣ того какъ общественная реакція утрачивала свою напряженность, по мѣрѣ того, какъ ростки молодой жизни отходили отъ хватившаго ихъ мороза, и само міровоззрѣніе непротивителей подверглось существенному измѣненію на практикѣ. Теперь смѣло можно сказать, что толстовство послѣднихъ двухъ трехъ лѣтъ съ успѣхомъ представляетъ собою символъ вѣчности у древнихъ египтянъ: змѣю, пожирающую свой же собственный хвостъ. Поскольку толстовство осталось старымъ толстовствомъ, оно не существуетъ; поскольку оно восприняло въ себя новые, болѣе живые и бодрые элементы, оно перестало быть толстовствомъ. И лучшимъ доказательствомъ служитъ измѣнившееся къ этому теченію отношеніе „Новаго Времени“, служащаго вообще очень чувствительнымъ барометромъ нашихъ бурь и затишья. Еще недавно органъ „души человѣка“ прославлялъ „великаго старика“ и въ прозѣ, и въ стихахъ; но вотъ почти съ годъ „великій старикъ“ исчезъ со столбцовъ шустрой газеты, и самъ „душа-человѣкъ“ и его адъютанты только покряхтываютъ, когда рѣчь заходитъ о явленіяхъ, которые самымъ отдаленнымъ образомъ могутъ напомнить о „жизни по совѣсти“ и т. п.

Еще тѣснѣе связь литературнаго упадка съ общественною реакціею обнаруживается въ развившейся было одно время съ такою силою словесности „примиренія съ дѣйствительностью“, „малыхъ, но полезныхъ дѣлъ“, „свѣтлыхъ явленій“ и т. п. Тутъ даже не надо особыхъ промежуточныхъ силлогизмовъ, чтобы установить самую прямую зависимость между причиной и слѣдствіемъ.

Обиліе поэтовъ, и плохихъ поэтовъ, бросаетъ въ свою очередь яркій свѣтъ на кровное родство между литературнымъ оскуденіемъ и общественной реакціей. Ибо упадокъ художественнаго

творчества легче маскируется внѣшней гармоніей размѣра и рифмы; и чахлые писатели 80-хъ годовъ, отученные отъ идейнаго и эстетическаго энтузіазма, инстинктивно стремились къ стихоплетству и „рифмачеству“. Кромѣ того, „языкъ боговъ“ былъ въ большомъ фаворѣ у охранительной, столь усилившейся въ то время прессы, такъ какъ позволялъ ей съ особеннымъ азартомъ указывать на этотъ родъ „чистаго искусства“, менѣе, молъ, профанированный гражданскими тенденціями. Это тяготѣніе къ стихотворству и вообще „искусству для искусства“ порою до наивности прозрачно обнаруживаетъ преслѣдованіе очень житейскихъ и очень низкихъ цѣлей, низводящихъ упомянутое искусство до степени не то предохранительнаго клапана, не то фонтанели, оттягивающей писателя отъ общественныхъ вопросовъ. Въ комично грубой формѣ это выразилъ, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшій критикъ „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Медвѣдскій, который въ одномъ изъ фельетоновъ съ чувствомъ декламировалъ и возвышалъ до небесъ довольно таки посредственныя слова романса

Ночи безумныя, ночи безсоныя,
Рѣчи несвязныя, взоры усталые,—

противопоставляя ихъ восхитительную поэзію „гражданскимъ мотивамъ“, и въ то же время приглашалъ „Русское Богатство“ провести одну изъ такихъ „ночей безсонныхъ“ въ полицейскомъ участкѣ: тамъ, молъ, васъ научатъ этому искусству!..

Вообще же процвѣтаніе идейнаго творчества, не только въ рифмованной, но и прозаической формѣ, и апофеозъ этого искусства „новой школы“ критики, начиная отъ гг. Дистерло и Волынскихъ, и кончая теоретиками декадентства, являются такими несомнѣнными симптомами и слѣдствіями реакціи, что объ этомъ даже и нечего распространяться. Уже г. Скабичевскій въ своей „Исторіи новѣйшей русской литературы“ (Спб., 1897, 3-е изд., стр. 24—27) указалъ на реакціонный противо-общественный характеръ литературы и критики 50-хъ годовъ, и Н. К. Михайловскій обратилъ вниманіе на совпаденіе въ мысляхъ, и почти въ словахъ между теоретиками этой печальной эпохи и нашими творцами „новыхъ словъ“. Дѣйствительно, когда разрывалась связь съ жизнью, когда усталые и разочарованные дѣятели видѣли крушеніе своихъ идеаловъ, то громадное большинство слабыхъ людей прилѣплялось къ сѣрой и томительной обстановкѣ, а художники и эстетическіе критики возводили пренебреженіе живыми вопросами въ законъ истинно-поэтическаго творчества.

Выше я указалъ на тѣ измѣненія, которыя замѣчаются въ міровоззрѣніи марксистовъ. Мы можемъ предполагать, что дальнѣйшее развитіе преобразитъ его до неузнаваемости, при чемъ настоящіе его руководители останутся, можетъ быть, въ сторонѣ и позади движенія. Все это, конечно, возможно. Но мы не должны

забывать, что было такое время,—и еще очень недавнее время—въ исторіи русскаго марксизма, когда элементъ квіетизма, сидѣнья у моря, жданья погоды и услугъ „естественнаго хода вещей“, до такой степени рѣзко проявлялся въ этомъ идейномъ теченіи, что органы въ родѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Новаго Времени“ скорѣе сочувственно, чѣмъ враждебно, относились къ „русскимъ ученикамъ“.

Съ одной стороны, излишняя вѣра въ „естественный ходъ вещей“ дѣлала русскихъ марксистовъ въ глазахъ реакціи чѣмъ то въ родѣ толстовцевъ, проповѣдующихъ непротивленіе экономическому злу,—капитализму. Съ другой стороны, между русскими учениками были люди, прямо способствовавшіе своимъ теоретическимъ фатализмомъ практическому примиренію слабыхъ людей съ самимъ ростомъ капитализма, и даже ихъ служенію ему. Я не ставлю этого въ прямую вину нашему марксизму. Но констатирую тотъ фактъ, что на почвѣ очень дѣятельной эволюціи русской „экономики“, при помощи покровительственной „политики“, нашъ капиталъ притянулъ для своихъ общественныхъ функцій не малый процентъ русскихъ интеллигентныхъ людей, разочаровавшихся въ прежней дѣятельности, или пробуждавшихся къ сознательной жизни впервые въ этотъ практическій, матеріальный періодъ нашей исторіи. А для такихъ людей марксизмъ давалъ удобную теорію примиренія съ прозаическими, но „необходимыми“ условіями развитія капитализма; таковъ ужъ психологическій законъ жить въ сторону наименьшаго сопротивленія и прикрывать это свое нравственное калѣченье...

Разумѣется, не будь марксизма, нашлась бы какая-нибудь другая теорія; но въ арсеналѣ нашего марксизма были наиболѣе подходящія орудія для притупленія чувства недовольства собой, въ родѣ: „фатальности экономическаго развитія“; „ускоренія родовъ“ капиталистическаго общества, чреватаго лучшимъ и притомъ неизбѣжнымъ будущимъ; безполезности „субъективныхъ мечтаній“; подчиненной роли „нравственнаго идеала“ и вообще ничтожности „личности“ въ колоссальномъ процессѣ всемірной экономической эволюціи. Здѣсь намъ естественно поэтому перейти ко второй изъ причинъ оскудѣнія современной литературы, а именно поглощенію значительнаго числа интеллигентныхъ людей потребностями капиталистическаго хозяйства.

Я сказалъ „потребности капиталистическаго хозяйства“. Можно было бы сказать „матеріальнаго процесса жизни вообще“, потому что капиталистическое хозяйство представляетъ одну изъ наиболѣе яркихъ формъ этого процесса, но не единственную. Во всякомъ случаѣ обостреніе матеріальной дѣятельности въ Россіи совпадаетъ съ фазисомъ усиленнаго развитія капитализма, осо-

бенно со второй половины 80-хъ годовъ, когда вся внутренняя положительная политика заключалась въ ревностномъ покровительствѣ крупной промышленности (я не говорю объ отрицательной внутренней политикѣ, выражавшейся въ противодѣйствіи „великимъ реформамъ“).

Можно-ли отрицать это присасывающее дѣйствіе матеріальнаго процесса на русскую интеллигенцію? Въ тотъ самый моментъ, какъ поле живой общественной дѣятельности суживалось для интеллигентныхъ силъ, крупное производство, акціонерная компанія, торговая фирма, банкъ, биржа, дѣловая адвокатская практика открывали еще небывалое у насъ по ширинѣ поле приложенія силъ и способностей. И довольно значительная часть интеллигенціи—трудно, конечно, сказать, какая—устремилась на прямое или косвенное воздѣлываніе этой нивы; а еще болѣе значительная замѣтно окрасила свое міровоззрѣніе въ цвѣтъ дѣлового реализма и практичности. Ибо вліяніе узко матеріальнаго фазиса общественнаго развитія не измѣряется лишь тѣми силами, которыя непосредственно втянуты въ процессъ „использованія“ и „обуродованія“ страны (типичныя словечки новаго періода!), но и тѣми, на которыя дѣйствуетъ общая измѣнившаяся атмосфера *).

Вѣдь, и другія страны и эпохи представляютъ намъ образцы этого поглощенія интеллигенціи матеріальными функціями и, соотвѣтственно съ этимъ, оскудѣнія литературы. Когда, напр., разсудительный и вдумчивый Брайсъ, боясь обидѣть американцевъ рѣзкими отзывами о слабости ихъ „творческой интеллектуальной силы“ (creative intellectual power), старается объяснить причины этого явленія въ странѣ, гдѣ такъ много практической энергіи, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ развита грамотность, онъ именно указываетъ на вліяніе среды, насыщенной матеріальными интересами. „Атмосфера Америки“,—говоритъ онъ, „несомнѣнно, стимулирующая, но стимулъ-то этотъ оттягиваетъ живую молодежь отъ священной рощи Музъ и бросаетъ ее въ борющуюся толпу рынка“. И, дѣйствительно, когда припоминаешь исторію Сѣверо-американскихъ Штатовъ, ихъ необыкновенно энергичный процессъ завоеванія и колонизаціи континента, безжалостнаго истребленія туземцевъ, а затѣмъ, вслѣдъ за фермерскимъ періодомъ этой исторіи, чрезвычайно быструю капиталистическую эволюцію, подчинившую себѣ почти всю политику, тогда начинаешь понимать, почему громадная страна можетъ намъ указать всего съ десятокъ крупныхъ, да и то второстепенныхъ талантовъ въ родѣ Ирвинга, По, Лонгфелло, Уиттіера, Уитмана и т. п. Бѣдность американской республики выдающимися литературными силами идетъ параллельно съ ея богатствомъ геніальными промышленниками, спе-

*) См., напр., «Вѣстникъ Европы» и его послѣднія жалобы на земцевъ новаго типа, идущихъ на смѣну «стараго поколѣнія земскихъ дѣятелей».

куляторами и изобрѣтателями, съ быстротой развитія ея производства (390000 тоннъ стали въ 1875 г., болѣе 7 милліоновъ въ 1897 г. и далеко за 10 милліоновъ въ прошломъ году), ея сѣти желѣзныхъ дорогъ (310000 километровъ въ 1900 г.), ея торговли (170 милліоновъ долларовъ въ 1850 г., 1572 милліона въ истекшемъ году), и т. п.

Или возьмите Германію за послѣднее тридцатилѣтіе, когда, раздавивъ и ограбивъ Францію, она пустилась въ „использованіе" и „обуродованіе" страны, въ усиленное развитіе промышленности и торговли,—во многихъ отрасляхъ которыхъ она бьетъ Англію, не говоря уже о Французской республикѣ, однимъ словомъ, въ матеріальный процессъ жизни, повернувшись спиной къ своимъ философамъ и поэтамъ. И вотъ вамъ въ параллель состояніе литературы объединенной, индустріальной, могучей Германіи, вотъ вамъ германская словесность, по отзывамъ самихъ же нѣмцевъ. Послѣ политическаго торжества и подъема Германіи,—пишетъ въ 1894 г. Литцманнъ (авторъ спеціальнаго изслѣдованія о „нѣмецкой драмѣ"),—

намъ казалось, что отнынѣ никакая задача не превзойдетъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ нашего народа... Мы думали, что вотъ-вотъ съ минуты на минуту мы услышимъ громкій голосъ, возвѣщающій наступленіе этого счастливаго вѣка, и мы ждали пришествія поэта, который дастъ форму хаосу идеальныхъ (?! В. П.) стремленій, которыя мы носили въ себѣ... Матеріалъ былъ тутъ же подъ рукой, совсѣмъ готовый; нужна была лишь творческая рука, чтобы извлечь изъ него плодотворное зерно, чтобы создать при помощи его настоящій шедевръ. Но, какъ видно, глаза были слѣпы и руки парализованы; посредственность наводнила все, бросая звучныя фразы и громогласныя банальности *).

И это неудивительно, ибо „идейныя стремленія" почтеннаго нѣмца изъ буржуазной интеллигенціи на самомъ то дѣлѣ всѣ сводились въ послѣднее время къ служенію милитаристской и индустріальной Имперіи, скрѣпленной желѣзомъ, кровью и грязью лихорадочной спекуляціи; трудящіеся же классы, въ которые перешелъ старый идеализмъ Германіи, находятся еще въ слишкомъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, чтобы участвовать въ литературномъ творчествѣ.

Я не говорю поэтому ничего особенно новаго, пытаясь объяснить оскудѣніе нашей литературы не только „политикой", но и „экономикой", притянувшей къ себѣ въ формѣ капиталистическаго производства значительную долю нашей интеллигенціи и выразившейся въ такой горячкѣ стяжанія, которая далеко превосходитъ своими размѣрами оргію „первоначальнаго накопленія" въ началѣ 70-хъ годовъ, воспѣтую Некрасовымъ. Помните его „юбиляровъ и тріумфаторовъ", этихъ первыхъ ласточекъ нашей капиталистической весны?

---

*) B. Litzmann, *Das deutsche Drama in den litterarischen Bewegungen der Gegenwart*; Гамбургъ—Лейпцигъ, 1894.

Шагъ впередъ—и снова зало:
Все заводчики—тузы;
Слышенъ голосъ: «Ты сначала
Много выдержалъ грозы.
Весь души прекрасной пламень
Ты принесъ на подвигъ свой,
Но пошелъ ко дну, какъ камень,
Броненосецъ первый твой!..
Ты поклялся, какъ заразы,
Новыхъ опытовъ бѣжать,
Но казенные заказы
Увлекли тебя опять...

Это, конечно, знакомыя и мало измѣнившіяся картины: „казенные заказы“ продолжаютъ „увлекать“ до сихъ поръ нашихъ „заводчиковъ-тузовъ“, какъ читатель можетъ услышать изъ откровенныхъ устъ гг. Авдаковыхъ и прочихъ глашатаевъ нашего капитализма. Но золотой дождь протекціонизма и оранжерея высокихъ тарифовъ выростили въ концѣ концовъ цѣлую массу и болѣе жизнеспособныхъ (напр., хотя бы обрабатывающихъ волокнистыя вещества) предпріятій. Спорадически нашъ капитализмъ достигъ довольно высокой степени развитія и уже позволяетъ себѣ нѣкоторое подражаніе роскоши западноевропейскаго собрата въ видѣ кризисовъ,—пока въ формѣ, впрочемъ, чисто-спекулятивнаго грюндерства, быстро лопнувшаго отъ столкновенія съ малой потребительной способностью народнаго рынка. Какъ бы то ни было, сцены, разыгравшіяся еще недавно въ ресторанѣ Кюба и прочихъ шикарныхъ петербургскихъ кабакахъ и не безъ юмора изображенныя г. Буквою въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“,—эти сцены представляютъ лишь праздничныя иллюстраціи къ той будничной живой и дѣятельной сутолокѣ крупной промышленности и торговли, которая съ половины 80-хъ годовъ поглощаетъ не мало интеллигентныхъ силъ. За это время стоимость нашего производства болѣе, чѣмъ удвоилась (1335 милліоновъ рублей въ 1887 г., 2839 милліоновъ въ 1897 г.), что получаетъ особенный смыслъ, если сравнить съ этимъ застой нашего заброшеннаго Богомъ и людьми земледѣлія; наши желѣзныя дороги удлинились тоже болѣе, чѣмъ въ два раза (25000 километровъ въ 1885 г. и почти 53000 въ 1901 г.); и даже наша внѣшняя торговля, сдавливаемая протекціонной политикой, доковыляла отъ 1 милліарда съ небольшимъ въ половинѣ 80-хъ годовъ до 1 милліарда 400 милліоновъ на рубежѣ XX-го вѣка.

Этотъ матеріальный процессъ, несомнѣнно, дренажировалъ и направилъ по своему руслу различныя струи интеллигенціи, которыя при иныхъ условіяхъ могли бы оживлять сохнущую ниву отечественной словесности. Во-первыхъ, онъ усилилъ кадры образованныхъ и энергичныхъ предпринимателей изъ крупнаго купечества. А мы думаемъ, что въ русскомъ купечествѣ есть еще

живыя силы, которыя могли бы дать людей въ родѣ Гончарова или хотя бы В. П. Боткина, особенно теперь, когда культура коснулась „темнаго царства“, если бы въ то же время русскій капитализмъ не обнаружилъ замѣтную присасывающую энергію. Но, конечно, число такихъ богатыхъ семей сравнительно незначительно. За то гораздо значительнѣе процентъ лицъ другихъ сословій и разночинцевъ, которые пристроились къ крупному промышленному и торговому капиталу въ видѣ директоровъ, инженеровъ, адвокатовъ, управляющихъ, финансистовъ, коммерческихъ агентовъ, наконецъ, всевозможныхъ спеціалистовъ по части писанія докладовъ, муссированія общественнаго мнѣнія, рекламной литературы, имѣющей цѣлью дураченье публики, и т. п.

Надо было хотя бы, скажемъ, въ половинѣ 90-хъ годовъ читать нашу реакціонную и націоналъ-фиглярную прессу въ родѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ или „Новаго Времени“, куда устремились литераторы новаго типа, пренебрегшіе политикой ради экономики, чтобы убѣдиться, въ какой степени служеніе капиталу заполонило душу охранителей и „патріотовъ своего отечества“. То было время самыхъ пламенныхъ дифирамбовъ крупной промышленности, самой ревностной пропагаиды все болѣе и болѣе высокихъ тарифовъ, словомъ—самой энергичной защиты въ печати интересовъ капитала. То было время, когда изъ-за теоріи „фатальнаго развитія капитализма“ реакціонеры прощали „русскимъ ученикамъ“ смущавшія ихъ въ новомъ ученіи стороны отдаленнаго идеала. Не защищало-ли „по недоразумѣнію“,—какъ говорили послѣ сами марксисты,—„Новое Время“ ту доктрину, которая ожидала всего отъ „экономической эволюціи“? Не простиралъ-ли г. Головинъ дружественныя объятія „русскимъ ученикамъ“, приглашая ихъ пока дѣйствовать сообща съ цѣлью ускоренія капиталистическаго процесса и отложить въ сторону споръ о дальнѣйшихъ шагахъ гегелевской тріады? И надо сказать, что пассивныя натуры въ лагерѣ марксистовъ съ большою готовностью успокаивались на мысли о фатальности эволюціи и не мѣшали ея практическимъ проявленіямъ, приспособляясь къ господствующему теченію русской экономики и удовлетворяясь лишь крѣпкою вѣрою въ лучшее неизбѣжное будущее. Только вторая половина, а особенно конецъ 90-хъ годовъ произвели то измѣненіе въ лагерѣ марксистовъ, о которомъ мы упомянули выше и которое прекратило къ нимъ симпатіи „по недоразумѣнію“ со стороны „Новаго Времени“. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что будущій историкъ русскихъ идейныхъ теченій, говоря объ оскудѣніи нашей литературы подъ вліяніемъ матеріальнаго процесса, укажетъ на извѣстную связь между этимъ отливомъ энергіи въ сторону экономики и господствомъ марксизма въ той формѣ, какую онъ принялъ въ срединѣ 90-хъ годовъ.

Мнѣ осталось указать на третью причину литературнаго упадка: усиленіе бюрократическаго элемента въ ущербъ общественной самодѣятельности. Но достаточно будетъ немногихъ словъ, чтобы охарактеризовать эту связь. Если мы примемъ въ разсчетъ, что нашъ бюджетъ лишь за десятилѣтіе 1889—1898 возросъ съ 869 милліоновъ рублей обыкновенныхъ расходовъ до 1358 милліоновъ, а по только что опубликованной росписи на 1902 достигаетъ почти 1947 милліоновъ всѣхъ расходовъ, включая сюда и чрезвычайные; если мы припомнимъ, что главное увеличеніе произошло въ формѣ перехода въ руки государства частныхъ предпріятій (желѣзныхъ дорогъ и торговли виномъ), веденіе которыхъ требуетъ теперь громаднаго числа правительственныхъ служащихъ и агентовъ, то мы можетъ понять, какую армію чиновниковъ кормитъ теперь Россія. И это увеличеніе совпадаетъ какъ разъ съ тѣмъ направленіемъ нашей внутренней жизни, которое возможно сокращаетъ служеніе обществу по выборамъ, мало того, окружаетъ такихъ служащихъ стѣною ограничивающихъ условій. А условія эти дѣйствуютъ двояко: они или превращаютъ такихъ служащихъ опять-таки въ настоящихъ чиновниковъ, или мѣшаютъ оставаться въ этихъ рядахъ людямъ наиболѣе живымъ и иниціативнымъ. Такимъ образомъ отливъ интеллигентныхъ силъ отъ общественныхъ учрежденій и спросъ на работниковъ въ бюрократическихъ сферахъ должны имѣть своимъ совокупнымъ результатомъ бюрократизацію міровоззрѣнія немалаго числа интеллигентныхъ людей. А такъ какъ контингентъ интеллигентныхъ лицъ вообще у насъ слабъ, какъ относительно, такъ и абсолютно, то вы можете судить, какъ долженъ дѣйствовать на литературу этотъ факторъ...

Можетъ быть, лучшей иллюстраціей къ состоянію современной словесности служатъ декабрьскія книжки трехъ толстыхъ журналовъ, названіе которыхъ выписано мною въ началѣ статьи. Въ „Русской Мысли“ единственная вещь, которую читаешь съ удовольствіемъ и даже волненіемъ, это окончаніе „Разсказовъ о прошломъ“ г. С. Я. Елпатьевскаго, на сей разъ описывающаго всѣмъ намъ знакомую и всѣми нами испытанную борьбу съ нашими „отцами“ и торжество новаго міровоззрѣнія надъ старымъ. На счастіе „пріятеля“ г. автора, отъ лица котораго ведется этотъ автобіографическій разсказъ, новое міровоззрѣніе восторжествовало на сей разъ сравнительно мирнымъ образомъ, не разбивъ жизни по своему правыхъ стариковъ, а даже перетянувъ ихъ на свою сторону.

Собственно говоря, слѣдовало бы похвалить, какъ замыселъ, очеркъ г. Тана „На сѣверѣ дальнемъ“, гдѣ рисуется типъ страннаго, на половину смѣшного, на половину трогательнаго миссіонера, религіознаго пропагандиста изъ янки, затеряннаго между

эскимосами „русско-американской границы“. Но тусклая форма и какая-то деревянность изображенія мѣшаютъ цѣльности впечатлѣнія.

Вотъ у г. Потапенка нельзя сказать, чтобы форма страдала: его „Путь къ славѣ“, оконченный благополучно въ декабрьской же книжкѣ „Русской Мысли“, дѣйствительно, что выравненный катокъ, и читатель благополучно и быстро несется по страницамъ къ желаемому финалу. Финалъ этотъ, признаться, желанный, но довольно неожиданный: представьте себѣ, героиня, молодая и прелестная актриса, успѣла и славу на подмосткахъ пріобрѣсти, и невинность въ сердцѣ соблюсти, и даже посрамила, а, посрамивъ, великодушно простила ухаживавшаго за ней ловкача-директора театра. А намъ еще все рисовали, съ легкой руки французскихъ романистовъ, тяжелыя испытанія, постигающія бѣдныхъ актрисъ именно на „пути къ славѣ“. Поблагодаримъ же г. Потапенка за высоконравственный святочный разсказъ: добродѣтель героини торжествуетъ въ декабрьской книжкѣ, наканунѣ Рождества, когда и по штату полагается „миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“...

У г. Потапенка добродѣтель торжествуетъ, а вотъ у г-жи Юліи Безродной порокъ наказанъ: воистину всѣмъ „Сестрамъ“ по серьгамъ! Въ декабрьскомъ номерѣ „Міра Божія“, гдѣ приключилось окончаніе повѣсти и произошла „послѣдняя встрѣча сестеръ, далеко ушедшихъ другъ отъ друга по разнымъ дорогамъ“, злодѣтельная Зоя, разстроившая бракъ добродѣтельной Эвы, получила хорошую-таки трепку отъ красавца-пѣвца, съ которымъ, вступя на стезю порока, она проживала въ Вяземской лаврѣ... И по дѣломъ ей, читатель: заставить г-жу Жадовскую написать, а насъ прочитать сказаніе о своихъ похожденіяхъ, изъ каковаго сказанія, несмотря на гладкость стиля и нѣкоторую технику, авторъ ничего не могъ сдѣлать интереснаго!—о, злая Зоя...

Въ декабрьской же книжкѣ „Міра Божія“, г. Скиталецъ, авторъ талантливой „Октавы“, помѣщенной съ годъ тому назадъ въ „Жизни“, выступаетъ съ повѣстью „Сквозь строй“, которая представляетъ автобіографію бѣднаго мальчугана изъ народа, а еще болѣе того воодушевленный, лирическій разсказъ о жизни отца этого мальчика. Г. Скиталецъ—человѣкъ, несомнѣнно, даровитый; и вотъ почему я позволю себѣ обратиться къ автору и съ выраженіемъ живого сочувствія къ его таланту, и съ предостереженіемъ. Дѣло вотъ въ чемъ: автобіографическій характеръ разсказа не даетъ мнѣ, собственно говоря, права заподозрить г. Скитальца въ фактической неправдѣ его повѣствованія; но я не могу отдѣлаться отъ чувства художественной неправды, которая порою проскальзываетъ на страницахъ новаго произведенія г. Скитальца и портитъ свѣжее, а мѣстами глубоко патетическое впечатлѣніе, получаемое отъ чтенія „Сквозь строй“. Такъ ужъ

устроена человѣческая эстетика, что порою самый подлинный разсказъ отзывается придуманностью, сочиненностью. Это зависитъ отъ того, что дѣйствительность порою ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ рѣдкимъ случаемъ. А такъ какъ художественное творчество фатально стремится и изъ такого случая сдѣлать типичный случай, т. е. эстетическое обобщеніе нѣсколькихъ случаевъ, то малѣйшій неловкій шагъ, ничтожнѣйшая утрировка лицъ или положеній производитъ слишкомъ выпуклое, слишкомъ рельефное впечатлѣніе и, повторяясь, можетъ бросить тѣнь фальши на правдивый въ общемъ разсказъ.

Мнѣ кажется, все повѣствованіе г. Скитальца ведется въ черезчуръ приподнятомъ, черезчуръ лирическомъ тонѣ, который, что называется, не даетъ отдохнуть читателю на болѣе обыденныхъ, спокойныхъ положеніяхъ. И невольно приходитъ въ голову, что сказалъ бы Глѣбъ Успенскій, читая эту повѣсть человѣка изъ народа. Помните, во время оно онъ подсмѣивался надъ тенденціозными романистами 60-хъ годовъ, которые, желая представить своихъ интеллигентныхъ героевъ сказочными богатырями, кормили ихъ не простой людской пищею, а порохомъ и дробью. Вотъ этого-то пороху и этой-то дроби черезчуръ много на страницахъ повѣсти г. Скитальца, съ той разницей, что, во-первыхъ, процессъ идеализаціи обращенъ здѣсь уже не на интеллигента, а на человѣка изъ народа, а во-вторыхъ, г. Скиталецъ—и это главное—писатель, по моему, несомнѣнно даровитый. Я, опять-таки повторяю, не заподозриваю правдивости разсказа „Сквозь строй", но говорю лишь, что взятыя изъ самой подлинной дѣйствительности черты могутъ производить впечатлѣніе фальши, если онѣ черезчуръ—какъ бы это сказать?—сближены, сдвинуты и потому сгущены и усилены, подобно тому, какъ разбросанный кустарникъ съ извѣстной перспективы можетъ показаться сплошнымъ лѣсомъ.

Нѣсколько первыхъ пришедшихъ въ голову соображеній: я готовъ повѣрить и рѣдкому уму, и рѣдкой энергіи, и рѣдкой художественной и артистической натурѣ гусляра-отца, и рѣдкому для простого человѣка развитію выражающемуся въ чтеніи и пониманіи „Милля и Бокля". Но въ повѣсти все рѣдко и необыкновенно, всѣ знакомые отца необыкновенные люди и, что называется, съ особыми примѣтами. Отецъ человѣкъ силы непомѣрной, и у него отрѣзана нога; его пріятель кузнецъ тоже силищи необъятной, и у него отхваченъ палецъ; даже священникъ, приходящій къ умирающему, „атлетическаго тѣлосложенія" и напоминаетъ автору „Пересвѣта". А сколько съ отцомъ автора и самимъ авторомъ происходитъ незаурядныхъ исторій! Въ молодости онъ потерялъ ногу; женатымъ выдерживалъ гомерическія битвы съ нѣсколькими противниками, спасалъ на пожарѣ жизнь сыну, очень удачно встрѣтившемуся ему въ толпѣ, когда та уже почти

готова была задавить его, и сейчасъ же послѣ этого аппетитно ѣлъ сметану вмѣстѣ съ сыномъ подъ пылающей крышей. А сынъ былъ высѣченъ отцомъ за украденный пятакъ, хотѣлъ удавиться отъ огорченія, но былъ вытащенъ кѣмъ-то изъ петли. И все это отдѣльно взятое можетъ быть; и все это, пожалуй, и было. Но когда авторъ разсказываетъ объ этомъ своимъ обычнымъ восторженнымъ тономъ, то, наконецъ, читатель начинаетъ качать головой и въ раздумьи произноситъ: ужъ все это очень хорошо написано! Позволю себѣ сдѣлать короткую выписку. Дѣло происходитъ ночью. Горитъ весь городъ, въ которомъ жила семья автора. А теперь слушайте:

Отецъ мой сидѣлъ на узлѣ, курилъ трубку и задумчиво смотрѣлъ на погибающій городъ.

— Гори, гори, чортъ-те дери!—сказалъ онъ и сплюнулъ. Потомъ взялъ гусли, подумалъ немного и заигралъ что-то стройное и трогательное.

«Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»—пѣлъ онъ своимъ струннымъ голосомъ.

А городъ пылалъ (стр. 64).

Ну, что, читатель? Чѣмъ не Неронъ этотъ гусляръ? И вотъ именно этой-то романтической нероновщины и черезчуръ много въ разсказѣ, который производитъ наиболѣе сильное впечатлѣніе въ самомъ концѣ, когда патетическій тонъ какъ разъ у мѣста при изображеніи смерти отца... Сдается мнѣ также, что г. Скиталецъ невольно, но сильно подражаетъ г. Горькому и его титаническимъ сверх-босякамъ, — именно титаническимъ, а не всѣмъ типамъ творца Челкаша и Мальвы, потому что у г. Горькаго есть и глубоко-жизненные типы... Во всякомъ случаѣ г. Скиталецъ заслуживаетъ того, чтобы его читали и о немъ говорили: въ нашей безцвѣтной литературѣ онъ—нѣкто, у него есть своя физіономія, а это не мало.

Большая повѣсть г-жи Авиловой „По совѣсти“, помѣщенная въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“, производитъ очень неопредѣленное впечатлѣніе; и о ней, можетъ быть, не стоило бы много толковать, если бы въ авторѣ не было замѣтно желанія серьезно отнестись къ занявшему его вопросу, какъ жить „по совѣсти“ и въ чемъ должна заключаться эта „совѣсть“. Но одного желанія оказалось, къ сожалѣнію, недостаточно; и, несмотря на обиліе лицъ, выводимыхъ въ повѣсти, и, стало быть, представлявшуюся для автора возможность прослѣдить разницу проявленій совѣсти у различныхъ людей, читатель остается въ большомъ недоумѣніи. Кто живетъ по совѣсти? Анна-ли Дмитріевна, нынѣ уже пожилая, неизлѣчимо-больная женщина, которая когда-то послѣ самоубійства своего мужа ушла жить съ любимымъ человѣкомъ? Ѳедоръ-ли Ѳедоровичъ, братъ мужа Анны Дмитріевны, который пользуется этимъ уходомъ, чтобы подъ предлогомъ оскорбленной семейной чести отобрать себѣ ставшее

выгоднымъ предпріятіе своего брата и оставить жену его и дѣтей безъ средствъ? Пожилой-ли, но изящный редакторъ, который вожделѣетъ „жену ближняго своего“, но съ комическимъ уныніемъ констатируетъ встрѣчное вожделѣніе другого „ближняго“ къ своей собственной женѣ? Или свѣтскій полу-Альфонсъ, смотрящій сквозь пальцы на душевныя приключенія своей законной супруги, лишь бы она платила за него долги? Или сама эта супруга, жаждущая „любви по совѣсти“ съ изящнымъ редакторомъ? Или тѣ стоящія на заднемъ планѣ фигуры мимоходомъ показанныхъ авторомъ людей, которые распространяютъ какія-то „литографированные“ листки и за то „арестованы“?

Авторъ недостаточно ясно выражаетъ свое отношеніе къ этимъ различнымъ совѣстливымъ и безсовѣстливымъ людямъ; а потому читатель пожимаетъ лишь плечами при видѣ всѣхъ этихъ по большей части амурныхъ qui pro quo и невольно припоминаетъ геніальнаго Фурье, такъ остроумно изображавшаго душевныя бури „цивилизованнаго“ человѣка „изолированной семьи“ въ области любви, ревности, обмана и пр. чувствъ; бури, проистекающія изъ того, что людямъ „надоѣдаетъ ѣсть постоянно одно и то же блюдо“ (cette satiété qu'on trouve — à manger toujours du même plat)... Но, вѣдь, это—комедія, а не трагедія!..

Воспоминанія петрашевца Д. Д. Ахшарумова, оконченныя въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“, представляютъ извѣстный интересъ, не смотря на сантиментальныя отступленія автора, не отличавшагося вообще, какъ видно изъ его же разсказа, большою твердостью. Обращаю вниманіе читателей на послѣднюю XVIII-ую главу „Воспоминаній“, посвященную описанію приготовлявшейся (мнимой) казни. Даже подъ перомъ г. Ахшарумова эти сцены исполнены внутренняго трагизма и живо переносятъ въ ту эпоху, когда за чтеніе Фурье людей приговаривали къ смертной казни, а въ видѣ милости замѣняли ее пожизненными каторжными работами.

В. Г. Подарскій.

Политика.

Неопредѣленность политическаго положенія, непрочность международныхъ комбинацій и неувѣренность въ будущемъ.—Толки о тройственномъ союзѣ и гипотезы о новыхъ комбинаціяхъ.—Текущія событія: Венесуэла и Колумбія, Ковейтъ и Багдадъ, французское народонаселеніе 1901 года.

I.

Давно историческій міръ не переживалъ состоянія такой неопредѣленности и неизвѣстности ближайшаго возможнаго и вѣроятнаго будущаго, какъ нынѣ. Того страха всеобщей войны и всемірнаго катаклизма, подъ гнетомъ котораго жило человѣчество въ восьмидесятые годы XIX в., въ эпоху организаціи и процвѣтанія тройственнаго союза, руководимаго кн. Бисмаркомъ, этого страха міръ уже не знаетъ лѣтъ шесть-семь. Образованіе двухъ могущественныхъ политическихъ организацій, франко-русскаго союза и англо-американскаго сближенія, даровало міру эту свободу отъ трепета передъ замыслами кн. Бисмарка и его сподвижниковъ. Съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени теченіе всемірной исторіи направлялось главнымъ образомъ взаимодѣйствіемъ этихъ трехъ могущественныхъ международныхъ комбинацій. Извѣстное равновѣсіе ихъ могущества обезпечивало человѣчеству миръ и безопасность. Это же равновѣсіе, устраняя появленіе всяческихъ международныхъ аппетитовъ, служило основою для международныхъ соглашеній, сближавшихъ націи, какъ многочисленные торговые договоры, въ это семилѣтіе заключенные, неоднократно проявившееся совмѣстное дѣйствіе европейскаго концерта (на Критѣ, по поводу греко-турецкой войны, въ Китаѣ), и, наконецъ, Гаагская конференція и выработанные ею договоры. Нельзя сказать, чтобы политическія комбинаціи, на которыхъ покоилось это равновѣсіе европейскихъ силъ, были наилучшими возможными или даже вообще отличались серьезными достоинствами и преимуществами. Однако, ихъ достоинствомъ и преимуществомъ былъ уже самъ фактъ ихъ прочнаго существованія. По крайней мѣрѣ, человѣчество вѣрило въ ихъ прочность, а, слѣдовательно, и въ прочность мира, въ нѣкоторую обезпеченность признанныхъ интересовъ и правъ. Это-то довѣріе въ прочности основныхъ политическихъ комбинацій и прекратилось въ настоящее время, для котораго неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ стала снова характернымъ признакомъ. Нѣкоторое разстройство въ средѣ тройственнаго союза, о которомъ подробнѣе мы побесѣдуемъ ниже, не одно тому причиною. Надо присоединить къ этому и неудачу

панамериканизма на мехиканскомъ конгрессѣ, и неудачи англійскаго имперіализма въ связи съ охлажденіемъ къ нему въ Америкѣ, и самостоятельное особое направленіе французской и русской политики въ Китаѣ, Турціи и др.; все это, вмѣстѣ взятое, вселяетъ неувѣренность въ прочности существующихъ политическихъ комбинацій, на которыхъ, однако, покоилось и теперь еще покоится и политическое равновѣсіе Европы, и ея экономическіе отношенія, и миръ, и безопасность. Естественно, если человѣчество и съ тревогою и съ захватывающимъ интересомъ слѣдитъ за колебаніями, переживаемыми его привычными политическими устоями.

Кромѣ массы частныхъ причинъ, колеблющихъ въ большей или меньшей степени прочность этихъ устоевъ, существуютъ и болѣе общія причины, которыя рано или поздно должны привести или къ разложенію, или къ совершенному преобразованію нынѣ дѣйствующихъ международныхъ комбинацій, организовавшихся на основахъ, не соотвѣтствующихъ направленію, въ которомъ развивается политическая исторія человѣчества. Это направленіе ведетъ къ постепенному единенію всего европейски цивилизованнаго міра, къ росту общеевропейскихъ интересовъ и общеевропейскаго сознанія, къ развитію „европеизма“ вмѣсто національныхъ программъ. И, однако, именно національныя программы, менѣе всего принимающія въ разсчетъ европеизмъ, и послужили основою всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ международныхъ комбинацій: и тройственнаго союза, и франко-русскаго, и англо-американскаго. „Реальная политика“, т. е. программа частныхъ интересовъ союзныхъ державъ, была прямо провозглашена основою тройственнаго союза. На почвѣ противодѣйствія тройственному союзу возникла франко-русская комбинація, главное значеніе которой исчерпывается именно этимъ взаимнымъ страхованіемъ отъ нарушенія тройственнымъ союзомъ интересовъ обѣихъ державъ. „Имперіализмъ“, т. е. исключительное положеніе англо-саксовъ и ихъ преобладаніе, послужилъ импульсомъ англо-американскаго сближенія. Такимъ образомъ, частные интересы семи великихъ державъ европейски цивилизованнаго міра привели къ тѣмъ международнымъ соглашеніямъ и группировкамъ, на которыхъ въ послѣдніе годы XIX в. покоилось равновѣсіе державныхъ силъ, миръ и относительная безопасность народовъ. Эта группировка вышла изъ частныхъ интересовъ господствующихъ державъ и, по мѣрѣ развитія европеизма, становится все въ болѣе и болѣе явное противорѣчіе съ новымъ строемъ идей, отношеній, интересовъ и стремленій.

Въ первой половинѣ XIX вѣка уже былъ періодъ европеизма, ...да интересы соединенной Европы цѣнились державами выше ...ресовъ ея отдѣльныхъ государствъ. Правда, эти интересы ...чались государственными людьми того времени очень узко. ...пейскіе интересы“ отождествлялись съ ненарушимостью

„историческихъ правъ“ европейскихъ династій и государствъ. Охраненіе statu quo было главною задачею европейской политики, а такъ какъ statu quo это было во многихъ отношеніяхъ для народовъ тягостно, а подчасъ и печально, то охранительная политика заслужила всеобщую ненависть, и націи Европы были очень рады избавиться отъ европеизма меттерниховскаго режима. Совпаденіе этого освободительнаго движенія съ рядомъ національныхъ движеній, итальянскимъ, нѣмецкимъ, славянскимъ, еще усилило отвращеніе прогрессивно-настроеннаго общественнаго мнѣнія къ европеизму предыдущаго періода. Полное торжество націонализма въ Германіи, вмѣстѣ съ громадными успѣхами этой державы, заставило Европу окончательно забыть о себѣ, какъ о цѣломъ, и сознавать не солидарность, а обособленность интересовъ отдѣльныхъ державъ и націй, которыя всетаки какъ ни какъ составляютъ единую культурную группу, тѣсно связанную сложнымъ переплетомъ интересовъ, идей, стремленій, надеждъ и опасностей. Тридцать лѣтъ Европа себя игнорировала; изъ нихъ около двадцати пяти жила въ постоянномъ трепетѣ всеобщей катастрофы, отъ которой можно было ждать всего худшаго, а въ послѣдніе шесть—семь лѣтъ въ этомъ безпринципномъ хаосѣ частныхъ національныхъ вожделѣній и аппетитовъ рада была найти тѣ три группировки, что даровали ей, наконецъ, спокойствіе и увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Это было большое благо сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, но совершенно естественно, что эти комбинаціи, возникшія въ эпоху полнаго господства націонализма и реальной политики, исходили не изъ группировки европейскихъ, но частныхъ національныхъ интересовъ державъ. Чтобы лучше уяснить разницу между этими двумя группировками, сравнимъ группировку временъ европеизма первой половины XIX вѣка съ группировкою послѣдняго времени.

И тогда (двадцатые, тридцатые и сороковые годы XIX в.), какъ и позже, въ шестидесятые годы, между Австріей и Пруссіей существовалъ полный антагонизмъ по германскимъ дѣламъ, какъ между Австріей и Россіей по дѣламъ балканскимъ. Эти антагонизмы и связанные съ ними спеціальные интересы, австрійскіе, прусскіе и русскіе, не мѣшали этимъ державамъ находиться въ постоянномъ союзѣ, такъ какъ общеевропейскій интересъ охраненія statu quo всѣ три державы ставили выше своихъ частныхъ интересовъ. Это была *консервативная* группа державъ. Ей противополагалась *либеральная* группа, гдѣ антагонизмъ колоніальныхъ интересовъ Франціи и Англіи не мѣшалъ имъ совмѣстно охранять отъ консервативной группы либеральные ростки въ разныхъ частяхъ Европы (Бельгія, Сардинія, Испанія, Греція и т. д.). И для этой группы развитіе свободныхъ учрежденій и отмѣна statu quo въ Европѣ являлись кардинальными задачами политики. Крымская война и явилась выраженіемъ, отчасти и ос

ществленіемъ этихъ задачъ. Когда европеизмъ потерялъ кредитъ, упомянутые антагонизмы немедленно сказались съ особою силою, привели къ ряду кровополитныхъ войнъ и кончились новою группировкою, тою самою, о которой печалуется современное человѣчество. Европейская группировка на консервативныя и либеральныя державы исчезла и замѣнилась группировкою частныхъ интересовъ. Ультра-консервативная, реальная политика Германіи нашла возможнымъ войти въ союзъ и съ демократическою Италіей, и съ либеральною, почти республиканскою Венгріей. Итальянцамъ показалось заманчивымъ при помощи нѣмцевъ и австрійцевъ отнять у французовъ Ниццу, Савою, Корсику и Тунисъ. Венграмъ нужна была помощь Германіи и Италіи, чтобы противодѣйствовать русскимъ планамъ на Балканскомъ полуостровѣ. Нѣмецкіе аппетиты были еще значительнѣе; въ Европѣ это окончательный разгромъ Франціи и Drang nach Osten, далеко отбросившій Россію, противъ которой приготовлялся такъ называемый тогда Eisenring, а за предѣлами Европы Германія проектировала широкую колоніальную имперію (колоніи Франціи и Голландіи представляли хорошее поприще для всяческихъ плановъ). Никакой принципъ не объединялъ правительствъ Берлина, Вѣны и Рима, и эту четверть вѣка господствовавшая надъ европейскою исторіей могущественная организація вовсе не имѣла европейской программы и поэтому и не оставила въ исторіи міра ничего прочнаго, „ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“. Я уже говорилъ, что обѣ вызванныя агрессивнымъ характеромъ тройственнаго союза комбинаціи тоже оперлись исключительно на частные интересы и совершенно забыли о европейскихъ интересахъ, задачахъ и программахъ. Консервативная монархическая Россія и демократическая республиканская Франція заключили союзъ просто съ цѣлью взаимно охраниться отъ замысловъ тройственнаго союза. Изолированная въ Европѣ Англія выбросила знамя англо-саксонскаго націонализма, соблазнила имъ Австралію и почти соблазнила Соединенные Штаты. И здѣсь о проведеніи или защиты какихъ-либо политическихъ принциповъ не было и нѣтъ рѣчи. Значитъ-ли это, что европейски цивилизованное человѣчество болѣе не интересуется политическими принципами, идеями и программами? Конечно, нѣтъ. Внутренняя политическая исторія народовъ Европы, попрежнему, состоитъ въ борьбѣ принциповъ и неестественное ограниченіе этой борьбы только внутреннею исторіей каждой націи уродуетъ ходъ исторіи и долго быть строговыдержаннымъ едва-ли въ состояніи. Борьба, въ которой заинтересованы самые могущественные политическіе факторы, должна будетъ снова выйти изъ узкихъ рамокъ, навязанныхъ періодомъ націонализма. Ставъ снова европейскою, она снова перегруппируетъ державы по защищаемымъ ихъ правительствами политическимъ принципамъ. Отсюда историческая необходимость новой группировки

державъ, но необходимость эта, исходящая изъ медленнаго роста европеизма, не есть необходимость той или другой исторической минуты. Она можетъ ждать, хотя всегда и всюду явится могучимъ факторомъ, содѣйствующимъ разложенію современныхъ международныхъ комбинацій. Непосредственно ихъ колеблютъ другія причины, о которыхъ ниже. Теперь же еще два слова о другой тоже общаго значенія причинѣ, тоже постепенно подготовляющей разложеніе современныхъ международныхъ комбинацій. Мы говоримъ объ экономическихъ антагонизмахъ, раздѣляющихъ европейскіе народы.

Экономическіе интересы націй, экономическигосподствующихъ (Англія, Франція, Бельгія, Голландія, въ послѣднее время и Германія), и народовъ, экономически отсталыхъ (Россія, Австрія, Балканскій, Аппенинскій и Пиренейскій полуострова), до такой степени различны и антагоничны, что серьезная экономическая борьба между двумя группами есть вопросъ времени. Когда-нибудь этому вопросу мы посвятимъ спеціальное вниманіе. Теперь же желаемъ лишь отмѣтить, что и въ этомъ отношеніи исторія подготовляетъ совершенно иную группировку державъ, нежели та, съ которой свыклось человѣчество въ послѣдніе годы. Такимъ образомъ, общее теченіе всемірной исторіи, и политической, и экономической, дѣйствуетъ въ смыслѣ разложенія современныхъ международныхъ комбинацій, но дѣйствуетъ медленно. Настоящія колебанія, встревожившія человѣчество, лишь весьма отдаленно связаны съ этими общими широкими причинами. Непосредственно они вызваны нѣкоторыми внутренними событіями, преимущественно въ Германіи.

II.

Исходный пунктъ колебаній международной исторіи въ настоящее время находится, какъ мы только что сказали, въ Германіи. Ходъ внутреннихъ германскихъ событій становится все болѣе и болѣе въ противорѣчіе съ сохраненіемъ тройственнаго союза и это противорѣчіе становится все болѣе яснымъ общественному мнѣнію заинтересованныхъ странъ, естественно вызывая цѣлую игру болѣе или менѣе тревожныхъ опасеній и надеждъ. Центръ тяжести въ новомъ, или, лучше сказать, новѣйшемъ экономическомъ курсѣ, усвоенномъ германскимъ правительствомъ, а усиливающимъ эффектъ этого новѣйшаго курса представляетъ собою давно небывалый взрывъ нѣмецкаго націонализма и его отголоски въ смежныхъ земляхъ Австріи.

Читатели этихъ строкъ, конечно, уже познакомились со статьей г-на Коврова („Русское Богатство“, 1901, № 11) о борьбѣ партій въ Германіи изъ-за законопроекта о новомъ таможенномъ тарифѣ. Статья достаточно подробно и обстоятельно знакомитъ съ ходомъ

и деталями этой поучительной борьбы и, отославъ къ ней интересующагося читателя, здѣсь мы остановимся лишь на самыхъ крупныхъ моментахъ этого важнѣйшаго не для одной Германіи изъ современныхъ событій.

Хотя современный моментъ европейской исторіи и долженъ быть охарактеризованъ, какъ эпоха господства капитализма и плутократіи, однако, въ Европѣ вообще, въ Германіи въ частности и въ особенности, это господство встрѣчаетъ ограниченіе не только въ наростающихъ силахъ будущаго (новыя общественно-философскія идеи, рабочее движеніе), но и въ могущественныхъ силахъ прошлаго, еще сохраняющихъ огромное вліяніе на ходъ исторіи, въ дворянствѣ, церкви, разныхъ монополизованныхъ и привилегированныхъ корпораціяхъ. Эти силы прошлаго создали Пруссію и даровали ей ту силу, которая превратила ее въ Германію. Прусское правительство, родственное этимъ общественнымъ группамъ по происхожденію и составу, не можетъ не чувствовать эту историческую и генетическую связь и не можетъ не поддерживать всею силою своего авторитета интересы этихъ общественныхъ группъ, дворянства по преимуществу. Дворянство же заинтересовано въ дороговизнѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и, слѣдовательно, въ повышенныхъ пошлинахъ на ихъ ввозъ изъ сосѣднихъ земледѣльческихъ странъ. Новый таможенный тарифъ и проектируетъ это повышеніе, приблизительно удвоеніе нынѣшнихъ и безъ того довольно значительныхъ пошлинъ на зерновые хлѣба и еще большее возвышеніе на мясные продукты. Въ общемъ это должно бы повысить расходы населенія процентовъ на 15—20 всей суммы нынѣшнихъ его расходовъ, а, слѣдовательно, для тѣхъ группъ населенія, которыя живутъ дневнымъ заработкомъ, должны бы повыситься настолько же и доходы, т. е. заработная плата, или же потребленіе должно сократиться. Практически должно произойти и то и другое. Питаніе всего трудящагося населенія должно ухудшиться при нѣкоторомъ всетаки возвышеніи заработной платы. Такое возвышеніе заработной платы только частью можетъ быть покрыто уменьшеніемъ предпринимательскихъ прибылей, большею частью надо бы его покрывать повышеніемъ цѣны товара, т. е. частію будетъ взято съ того же трудящагося населенія, которое нуждается не только въ пищѣ, но и одеждѣ, посудѣ, орудіяхъ и т. д., частію будетъ попытка взять съ иностраннаго потребителя, если этотъ потребитель согласится платить дороже. Съ большею или меньшею справедливостью существуетъ предвидѣніе, что если не всѣ, то большая часть иностранныхъ потребителей не согласятся платить дороже и обратятся за товаромъ англійскимъ, французскимъ, нидерландскимъ и т. д. Въ такомъ случаѣ придется сократить производство и оставить часть населенія безъ заработка. Таковы вѣроятныя послѣдствія проектированнаго повышенія пошлинъ на сельско-хозяйственные про-

дукты, ввозимые въ Германію, именно: доходы помѣстнаго дворянства должны сильно повыситься; питаніе рабочихъ классовъ должно ухудшиться; прибыль промышленности должна сократиться; продукты промышленности должны вздорожать; вывозъ долженъ уменьшиться; производство—сократиться; часть рабочаго населенія—остаться безъ работы; все трудящееся населеніе будетъ платить дороже, т. е. будетъ покупать меньше фабричныхъ и заводскихъ продуктовъ... Все это громадное потрясеніе народнаго хозяйства должно быть сдѣлано исключительно для обогащенія помѣстнаго дворянства, которое, впрочемъ, убѣдило крестьянъ-хозяевъ, что это и имъ выгодно. Не говоря уже о многочисленномъ классѣ крестьянъ, который производитъ хлѣба не болѣе того, сколько потребляетъ, и который остальныя потребности покрываетъ изъ заработковъ внѣ своего хозяйства, и крестьяне, продающіе нѣкоторые избытки своего хозяйства, ничего не выиграютъ, потому что, взявши нѣсколько дороже за вывезенный на рынокъ картофель или выведенную на базаръ телушку, они заплатятъ дороже за полотно, ситецъ, сукно, посуду, сельско-хозяйственныя орудія и т. д. Тѣмо не менѣе, громадное большинство нѣмецкихъ крестьянъ, не соображая всей этой сложной механики экономическихъ послѣдствій задуманнаго повышенія пошлинъ на сельско-хозяйственные продукты, наивно вѣритъ въ выгоду для нихъ законопроекта и энергически поддерживаетъ помѣстное дворянство. Это обстоятельство даетъ для домогательства дворянства широкую народную основу, что въ связи съ покровительствомъ правительства и дѣлаетъ проектъ обогащенія дворянъ на счетъ всего остального населенія и на счетъ разстройства экономической жизни страны не призракомъ разгоряченной дворянской фантазіи, а реальною опасностью, осуществленіе которой становится съ каждымъ днемъ вѣроятнѣе.

Еще годъ тому назадъ можно было надѣяться, что рейхстагъ откажетъ въ утвержденіи этого дара помѣщикамъ. Надежды эти основывались на слѣдующемъ подсчетѣ голосовъ: въ рейхстагѣ всего 397 членовъ, большинство составляетъ 199 голосовъ; изъ нихъ вѣрно аграрные только консерваторы (61), свободные консерваторы (20) и антисемиты (12), всего 93 голоса, недоставало minimum 106 голосовъ; судя по прежнимъ голосованіямъ, можно было разсчитывать, что около одной трети, быть можетъ, до двухъ пятыхъ членовъ центра примкнутъ къ аграріямъ, т. е. 35—40 голосовъ, такъ что, даже присоединяя дикихъ (7) и нѣсколько голосовъ изъ среды національныхъ оппозицій, въ лучшемъ случаѣ всетаки не хватило бы голосовъ 30—40 для составленія большинства. За годъ агитаціи произошло, однако, слѣдующее: націоналъ-либералы (49) въ полномъ составѣ перешли на сторону аграріевъ, и со стороны центра оказалось больше сочувственниковъ, чѣмъ ожидали, а это даетъ новыхъ 60—70 голосовъ. На-

ціоналъ-либералы давно уже привыкли идти на буксирѣ правительства, а въ составѣ центра существуетъ крупная и вліятельная фракція помѣстнаго католическаго дворянства, точно такъ же находящая поддержку въ обманывающейся крестьянской массѣ. Законопроектъ еще не принятъ, но достовѣрныхъ его противниковъ (соціалистовъ 57, свободомыслящихъ всѣхъ трехъ фракцій 50) едва 107, къ которымъ надо присоединить нѣкоторую часть демократовъ католическаго центра. Если въ послѣднюю минуту давленіе крупныхъ промышленниковъ на націоналъ-либераловъ не пересилитъ давленія правительства (въ чемъ позволительно сомнѣваться), то законопроектъ станетъ закономъ и самымъ многоразличнымъ образомъ отразится и на внутренныхъ дѣлахъ Германіи, и на международномъ положеніи въ Европѣ.

О серьезномъ потрясеніи экономической жизни Германіи, мы только что говорили и, смотря по продолжительности аграрнаго господства, это потрясеніе можетъ вывести Германію изъ числа экономически-господствующихъ странъ, въ число которыхъ она такъ недавно вступила. Уже теперь, только въ предвидѣніи новаго таможеннаго тарифа, капиталисты Англіи, Франціи, Бельгіи спѣшатъ обезпечить за своими продуктами и капиталами мѣста, которыя должны будутъ освободить нѣмецкая промышленность и торговля, а уменшеніе прибылей уменьшитъ и накопленіе капиталовъ, слѣдовательно, и ихъ затрату въ иноземную промышленность. Все это грозитъ такимъ кризисомъ, что продолжительное господство аграріевъ столько же мало вѣроятно, сколько теперь вѣроятно ихъ торжество въ ближайшемъ будущемъ. Для современныхъ отношеній, однако, имѣетъ значеніе это ближайшее будущее, которое грозитъ экономическимъ бѣдствіемъ, не одной Германіи, но и нѣсколькимъ земледѣльческихъ націямъ. Сокращеніе вывоза земледѣльческихъ и вообще сельско-хозяйственныхъ продуктовъ изъ Россіи, Австріи и Италіи явится естественнымъ послѣдствіемъ расширенія сельско-хозяйственной площади въ Германіи, въ свою очередь вызываемаго вздорожаніемъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Если это сокращеніе вывоза изъ указанныхъ странъ будетъ значительное, то отразится очень серьезно на благосостояніи ихъ земледѣльческихъ классовъ, и безъ того экономически потрясенныхъ общимъ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ и спеціальными для каждой страны обстоятельствами: въ Россіи недородами, въ Италіи—утратою французскаго рынка, въ Венгріи — рядомъ природныхъ бѣдствій, какъ наводненія, землетрясенія, и все усиливающеюся конкурренціей сосѣдей. Стѣсненіе вывоза изъ этихъ странъ должно повести къ исканію ими новыхъ рынковъ. Старинный сбытъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на рынки Лондона и Марселя можетъ облегчить Россіи экономическія послѣдствія герман-

ской таможенной политики; для Италіи хотя бы частичное возвращеніе французскаго рынка можетъ тоже отчасти облегчить экономическое бѣдствіе, угрожающее и безъ того очень обездоленному земледѣльческому населенію страны. Австрія же, вывозившая свои сельско-хозяйственные продукты исключительно въ Германію, будетъ поставлена въ особенное затрудненіе и съ большимъ трудомъ можетъ найти новые пути для своего вывоза. Такимъ образомъ, подготовляя серьезныя экономическія замѣшательства въ самой Германіи, „новѣйшій курсъ" германской политики готовитъ и сосѣдямъ весьма серьезныя затрудненія, дружественной Россіи и союзнымъ Австріи и Италіи. Естественно, если и друзья и союзники обезпокоены и начинаютъ думать о репрессаліяхъ, т. е. о стѣсненіи ввоза германскихъ продуктовъ, которыхъ, какъ мы видѣли, и безъ этого меньше придется производить, а, слѣдовательно, и вывозить меньше. Спеціальныя же стѣсненія, конечно, еще усилятъ это сокращеніе германскаго вывоза, а, слѣдовательно, и германскаго производства, еще увеличатъ экономическій кризисъ, преимущественно въ самой Германіи, частью же и въ земледѣльческихъ странахъ Европы.

Таковы вѣроятныя экономическія послѣдствія новѣйшаго курса, но tout s'enchaine dans ce monde, и послѣдствія политическія могутъ быть не менѣе значительны и серьезны. Прежде всего, въ самой Германіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ уже приходилось на этихъ страницахъ обратить вниманіе на столкновеніе короны съ обоими парламентами, аграрнымъ прусскимъ и народнымъ германскимъ. Первый избирается по системѣ ограниченной подачи голосовъ и нынѣ находится всецѣло во власти помѣстнаго дворянства. Второй составляется выборами по системѣ всенароднаго голосованія. Императоръ желалъ и желаетъ провести каналъ, соединяющій среднее теченіе Рейна, Везера и Эльбы, и тѣмъ даровать нѣмецкой торговлѣ дешевый путь, соединяющій Востокъ и Западъ прусскаго королевства. Западъ будетъ посылать Востоку мануфактуры, а Востокъ двинетъ на Западъ земледѣльческіе продукты. Кажется, всѣмъ выгодно. Но по дешевому водяному пути поѣдетъ не только восточно-прусскій хлѣбъ, но такъ же русскій, венгерскій, румынскій. Аграріи на это не согласны и дважды провалили законопроектъ о каналѣ. Чтобы осуществить проектъ, близко заинтересовавшій императора, оказалось одно средство: запереть доступъ иностранному хлѣбу, тогда аграріи согласятся и на каналъ. Однако, запереть доступъ иностранному хлѣбу надо съ согласія не прусскаго аграрнаго, а германскаго народнаго парламента, гдѣ въ то время большинство не было склонно жертвовать интересами націи для аграріевъ. Въ этомъ былъ узелъ политическаго положенія. Императоръ понялъ, что ссориться съ обоими парламентами неудобно.

Надо выбирать. Онъ выбралъ прусскій и пошелъ на конфликтъ съ германскимъ. Если теперь германскій парламентъ утвердитъ несимпатичный ему, разорительный для народа законопроектъ, продиктованный аграріями, то онъ явно капитулируетъ передъ правительствомъ и фактически откажется отъ предоставленныхъ ему конституціей правъ. Торжество новаго таможеннаго тарифа есть пораженіе парламентаризма въ Германіи, отъ котораго не сразу можно будетъ оправиться. Принимая во вниманіе кризисъ парламентаризма въ Австріи и вообще проявленіе сильныхъ антилиберальныхъ теченій въ разныхъ странахъ Европы, такой оборотъ дѣлъ въ Германіи, конечно, только поддержитъ это антилиберальное движеніе и можетъ очень серьезно отразиться на общемъ ходѣ европейской исторіи.

Другимъ политическимъ послѣдствіемъ новаго таможеннаго тарифа въ Германіи можетъ явиться ослабленіе, если не разложеніе тройственнаго союза. Италіи, только что возстановившей добрыя сосѣдскія отношенія съ Франціей, приходится, для ослабленія кризиса, вызываемаго политикою Германіи, искать экономическаго сближенія съ Франціей, а за экономическимъ сближеніемъ естественно слѣдуетъ и политическое. Съ другой стороны, начинаютъ поговаривать о сближеніи Австріи и Россіи. Нѣкоторыя преимущества австрійской промышленности вмѣсто нѣмецкой можетъ быть поддержкою Австріи, которая съ другой стороны могутъ вмѣсто Германіи брать уголь въ Россіи. Это немного, но лучше, чѣмъ ничего. И опять-таки экономическое сближеніе прокладываетъ путь и политическому. Австрія можетъ искать компенсаціи и въ другую сторону, сближаясь съ Франціей или Англіей или обѣими, какъ потребителями земледѣльческихъ продуктовъ. Австрію отъ Германіи вдобавокъ еще отталкиваетъ и прусская политика въ Познани. Поляки, однако, не послужатъ связующимъ звеномъ и между Россіей и Австріей. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что комбинація англо-франко-австро-итальянская вѣроятна уже въ ближайшемъ будущемъ. Едва-ли она созрѣла, но она уже назрѣвала въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. и нѣкоторыя теченія въ эту сторону существуютъ и теперь. Ближайшее будущее, однако, вѣроятно, увидитъ сохраненіе всѣхъ трехъ нынѣ существующихъ международныхъ комбинацій, но въ большей или меньшей степени ослабившихъ былую близость, хотя болѣе вѣроятный исходъ не всегда осуществляется. Событія развиваются, а могучія, хотя и медленно дѣйствующія силы, антагоничныя современному международному положенію, продолжаютъ оказывать свое давленіе на развитіе событій.

III.

Выше мы остановились на крупныхъ событіяхъ всемірной исторіи, какъ разъ въ настоящее время развертывающихся передъ внимательнымъ человѣчествомъ, которое, однако, продолжало свои ежедневныя заботы и работы, и повсюду исторія, не ожидая развязки крупныхъ событій, продолжаетъ свое теченіе. Отмѣтимъ болѣе интересное изъ историческаго движенія отчетнаго мѣсяца.

Въ то самое время, какъ панамериканскій конгрессъ продолжаетъ засѣдать въ Мехико, обсуждая вопросъ о прекращеніи разъ навсегда всякихъ войнъ между государствами Новаго Свѣта, два изъ этихъ государствъ, Венесуэла и Колумбія, ведутъ между собою кровополитную войну. Сущность столкновенія не зависитъ нимало отъ какихъ-либо международныхъ осложненій между обѣими республиками. Такихъ осложненій вовсе не было, но, составляя части еще недавно единой республики, Венесуэла и Колумбія имѣютъ въ настоящее время правительства, принадлежащія къ двумъ непримиримо враждебнымъ партіямъ. Въ Венесуэлѣ президентъ Кастро и его министры принадлежатъ къ антиклерикальной демократической партіи, тогда какъ въ Санта-Фе-Дебогота (въ столицѣ Колумбіи) у власти находятся клерикалы, очень дружащіе съ иностранными капиталистами. Еще недавно и въ Венесуэлѣ правительство было тоже клерикальное, угождающее и угодное иностраннымъ плутократамъ. Переходъ власти въ руки либеральной демократіи, естественно, не нравился клерикаламъ Венесуэлы и Колумбіи. Снаряженіе инсуррекціоннаго отряда на колумбійской территоріи и вторженіе его на венесуэльскую и были причиной войны. Президентъ Кастро отвѣтилъ снаряженіемъ такого же инсуррекціоннаго отряда колумбійскихъ либераловъ. И вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ на всемъ протяженіи обѣихъ республикъ идетъ междоусобная война, до неразличимости перепутавшаяся съ международною войною. Въ этой борьбѣ достойно замѣчанія, что сочувствіе всѣхъ иностранцевъ (кромѣ южно-американцевъ) и даже иностранныхъ правительствъ на сторонѣ клерикаловъ. Причина тому выше указана въ особой угодливости клерикаловъ передъ иностранными предпринимателями. Дѣло дошло до того, что въ Венесуэлѣ нѣмецъ-директоръ желѣзныхъ дорогъ (построенныхъ и эксплуатируемыхъ нѣмецкою компаніей) отказался перевозить правительственныя войска (либеральныя). Президентъ Кастро тогда взялъ желѣзныя дороги въ временное управленіе, но Германія немедленно протестовала. Когда Кастро думалъ было не послушаться нѣмецкаго протеста, эскадра германская была двинута къ берегамъ Венесуэлы. Кастро, послѣ нѣкотораго колебанія, возвратилъ дороги въ управленіе нѣмецкой

компаніи, но устранилъ и выслалъ изъ Венесуэлы главнаго директора. Неизвѣстно еще, примирится-ли съ этимъ Германія или будетъ настаивать на водвореніи директора, явно помогающаго инсургентамъ. Однако, позволительно спросить, куда же дѣвалась доктрина Монроэ и что думаютъ въ Вашингтонѣ? Въ Вашингтонѣ приняли сторону Германіи (еще бы, вѣдь и американскіе плутократы заинтересованы въ торжествѣ клерикаловъ) и только просили Германію не спѣшить съ репрессіями, потому что въ случаѣ торжества инсургентовъ Германія, конечно, получитъ полное удовлетвореніе. Не только нѣмецкіе и американскіе плутократы сочувствуютъ клерикаламъ въ этой кровавой борьбѣ. Повидимому, тоже слѣдуетъ сказать о капиталистахъ Франціи и Голландіи. По крайней мѣрѣ, видный членъ клерикальной венесуэльской партіи, бывшій министръ финансовъ Матосъ снарядилъ во французской гавани Мартиникѣ флибустьерское судно *Libertador*, вооружилъ его и взялъ на него дессантъ изъ нѣсколькихъ сотъ инсургентовъ, прямо оттуда направившись къ венесуэльскимъ берегамъ, гдѣ и благополучно высадилъ мятежниковъ, начавъ послѣ этого свое флибустьерское крейсерство, между прочимъ снабжаясь углемъ въ сосѣднемъ голландскомъ портѣ Кюрасао. Со стороны французскихъ и голландскихъ властей это отношеніе къ Libertador'у было явнымъ нарушеніемъ международнаго права, но, должно быть, торговцы Мартиники и Кюрасао имѣютъ основаніе сочувствовать бывшему министру финансовъ клерикальнаго правительства. Что касается самого хода войны, то извѣстія очень смутны, всѣ скрашены сочувствіемъ клерикаламъ и картины военныхъ дѣйствій не даютъ. Въ либеральныхъ республикахъ Никарагуа и Экуадоръ обсуждается вопросъ о вмѣшательствѣ въ пользу Венесуэлы.

Ковейтскій инцидентъ продолжаетъ занимать вниманіе дипломатовъ. Съ одной стороны, султанъ окончательно утвердилъ германскую концессію на желѣзную дорогу Александрета-Багдадъ съ продолженіемъ ея до береговъ Персидскаго залива, гдѣ, однако, вовсе не окажется турецкаго побережья, если даже Ковейтъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устья (болотистаго и безъ бухты) Шатъ-эль-Араба, уже не турецкій (правая же сторона устья—персидская). Съ другой стороны, Англія продолжаетъ разсматривать Ковейтъ, какъ самостоятельное владѣніе, и выказываетъ готовность защищать Мубарека ковейтскаго отъ всякаго нападенія, постоянно усиливая свои морскія силы въ Персидскомъ заливѣ. Въ теченіе отчетнаго мѣсяца, кромѣ трехъ судовъ, ранѣе станціонировавшихъ въ этихъ водахъ, Англія туда ввела три крейсера (Fox, Perseus, Pomona) и три канонерки. Было извѣстіе и о появленіи въ тѣхъ водахъ и русскаго броненоснаго крейсера I ранга „Варяга“. Это, кромѣ Турціи, Англіи и Германіи, вводитъ еще одинъ важный факторъ въ вопросъ о побережьѣ Персидскаго

залива. Это вызвало дебаты въ лондонскомъ парламентѣ, гдѣ, на запросъ Уольтона, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ лордъ Кранборнъ отвѣтилъ, что „палата общинъ можетъ довѣриться политикѣ правительства, которое не допуститъ, чтобы положеніе Англіи въ Персіи и особенно въ Персидскомъ заливѣ въ какомъ бы то ни было отношеніи перемѣнилось къ худшему". Проникали въ печать и слухи о дружественныхъ англо-германскихъ переговорахъ по вопросу о выборѣ конечнаго пункта багдадской желѣзной дороги. Сомнѣнія въ незыблемости тройственнаго союза побуждаютъ нѣмцевъ быть сговорчивѣе. Этими же сомнѣніями нѣкоторые думаютъ объяснить и стремленіе Германіи къ сближенію съ Соединенными Штатами. Аграріи даютъ себя чувствовать далеко за предѣлами своего отечества. Чувствуютъ ихъ въ Ковейтѣ, чувствуютъ и въ Южной Африкѣ, гдѣ Англія продолжаетъ пользоваться совершенно безнаказанной свободой попирать самыя элементарныя основы международнаго права. Въ самой Англіи дѣла складываются далеко не въ пользу торжества справедливости и человѣчности. Запросъ благородныхъ защитниковъ справедливости и гуманности въ англійскомъ парламентѣ кончился неудачею, соединивъ едва 123 голоса въ пользу резолюціи, порицающей дѣйствія правительства. Въ Австраліи же парламентъ снова рѣшилъ о помощи для подавленія буровъ и выказалъ много имперіалистскаго задора и шовинизма.

Во Франціи окончательно подведены итоги переписи 1901 года. Сравнительныя данныя этой переписи и двухъ предыдущихъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

		Приростъ
1891	38.342,315	—
1896	38.517,332	+ 175,027
1901	38.961,945	+ 444,613

Приростъ нѣсколько увеличился и оптимисты хотятъ въ этомъ видѣть поворотъ къ лучшему. Однако, если сравнить съ движеніемъ населенія хотя бы въ сосѣдней Германіи, то для оптимизма останется мало мѣста:

		Приростъ
1895	52.279,901	—
1900	56.345,014	+ 4.065,113

Когда Франція увеличила свое населеніе на 400 тыс., Германія увеличила на 4 милліона, хотя, конечно, 400 тыс. прироста лучше, чѣмъ 175 тыс. Такимъ образомъ, вопросъ о движеніи населенія всетаки остается больнымъ вопросомъ для Франціи. Нѣкоторое увеличеніе въ пятилѣтіе 1896—1901 сравнительно съ предыдущимъ пятилѣтіемъ можно было бы привѣтствовать, какъ улучшеніе, если бы измѣнились къ лучшему отношенія въ средѣ

этого прироста. Дѣло въ томъ, что рабочіе классы большихъ городовъ и богатая буржуазія размножаются нормально, тогда какъ крестьяне и мелкая буржуазія обыкновенно стремятся имѣть не больше одного ребенка, во всякомъ случаѣ не больше одного сына. При многочисленности этихъ классовъ во Франціи и при неизбѣжности естественной смертности и среди столь ограниченнаго въ числѣ молодого поколѣнія крестьянъ и мелкой буржуазіи, оказывается ежегодно сильный недочетъ населенія въ этихъ классахъ, который съ трудомъ покрывается приростомъ населенія рабочихъ и богатыхъ классовъ. Эти отношенія въ сущности не измѣнились и въ послѣднее пятилѣтіе, а до тѣхъ поръ, покуда крестьяне не начнутъ размножаться, Франція будетъ попрежнему все болѣе и болѣе отставать отъ другихъ націй, утрачивая и политическое значеніе, и возможность быстраго культурнаго и экономическаго прогресса.

Много мѣръ придумывали французскіе государственные люди для поощренія размноженія: налогъ на холостяковъ, пенсіи многосемейнымъ и пр. Но крестьяне отнюдь не холостяки, а многосемейныхъ среди городского населенія такъ много, что государственная казна не выдержала бы такого расхода. Словомъ, безъ устраненія основной причины крестьянской малой плодовитости, заключающейся въ малоземеліи, не устранится эта серьезная опасность, угрожающая французской націи. Франція могла бы еще въ значительной степени увеличить крестьянское землевладѣніе и на родинѣ, не говоря о возможности организаціи колонизаціоннаго движенія, обезпечивая прибывающему крестьянскому населенію достаточную земельную площадь для не нищенскаго существованія, единственно возможнаго, если бы, сохраняя прежній размѣръ землевладѣнія, крестьяне французскіе размножались съ обычною для людей скоростью. Слишкомъ поглощенные индустріализмомъ и его кричащими интересами, европейскіе государственные люди не замѣчаютъ горькихъ вопросовъ деревенской жизни, которую они или игнорируютъ или смѣшиваютъ съ аграрною. Неизбѣжна расплата за это невниманіе, и въ этомъ случаѣ Франція лишь первая оказалась на очереди: „жребій выпалъ нынѣ Троѣ, завтра выпадетъ другимъ“... Крестьянскій вопросъ въ Европѣ назрѣваетъ и для будущаго европейской цивилизаціи онъ, пожалуй, стоитъ нѣсколькихъ китайскихъ.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. По поводу прошлаго года.—Нѣкоторые итоги его земской сессіи.—II. Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ земскихъ собраніяхъ.—III. Оригинальный юбилей.—IV. Административныя мѣры по охранѣ порядка.—Административныя распоряженія относительно печати.—Правительственное сообщеніе.

I.

1901 годъ отошелъ въ вѣчность, едва-ли оставивъ въ комъ-либо особенно большое сожалѣніе о себѣ. И, однако же, это былъ несовсѣмъ обычный годъ, кое-въ-чемъ выгодно отличавшійся отъ тѣхъ безнадежно-сѣрыхъ сумерекъ, къ какимъ насъ пріучили послѣднія десятилѣтія XIX вѣка. Если, привѣтствуя начало прошлаго года, мы уже могли констатировать нѣкоторые признаки пробужденія энергіи и самодѣятельности хотя бы въ отдѣльныхъ группахъ русскаго общества, то съ еще большимъ правомъ наблюдатель русской жизни можетъ говорить о существованіи такихъ признаковъ по истеченіи этого года. По крайней мѣрѣ, первые его мѣсяцы были свидѣтелями извѣстнаго оживленія русскаго общества, нѣкотораго подъема его энергіи. Правда, такое оживленіе не приняло значительныхъ размѣровъ, которые позволяли бы говорить о возрожденіи широкаго общественнаго движенія. Правда и то, что это оживленіе оказалось не особенно устойчивымъ и возникшія было у многихъ надежды на быстрое обновленіе атмосферы общественной жизни были скоро разбиты дѣйствительностью. Начальный годъ новаго столѣтія не открылъ собою новой эры въ нашей общественной жизни и развѣ лишь далъ указанія на возможность наступленія такой эры въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Пока же теченіе этой жизни въ главной своей массѣ идетъ еще по старому руслу, не только не сворачивая съ него, но даже все болѣе углубляя его силою своего давленія.

Не мало яркихъ доказательствъ этого представила между прочимъ сессія земскихъ собраній, занявшая собою послѣдніе мѣсяцы минувшаго года. То мѣстное самоуправленіе, съ которымъ когда-то русское общество связывало столько надеждъ и которое затѣмъ, даже не оправдавъ этихъ надеждъ въ полной мѣрѣ, все же въ теченіе многихъ лѣтъ оставалось однимъ изъ главнѣйшихъ работниковъ въ дѣлѣ культурнаго подъема страны, на порогѣ XX вѣка переживаетъ тяжелый кризисъ, грозящій въ корнѣ подорвать его силы. И этотъ кризисъ получаетъ тѣмъ большую

важность, что его происхожденіе далеко не всецѣло коренится въ условіяхъ жизни, диктуемыхъ земству извнѣ. Къ вліянію этихъ условій, замедляющихъ темпъ земской дѣятельности, присоединяется и идущая въ томъ же направленіи внутренняя эволюція самого земства. Объ этой эволюціи, совершающейся внутри земства и постепенно выдвигающей въ немъ на первый планъ новыхъ людей и новые взгляды, не разъ уже велась рѣчь на страницахъ хроники „Русскаго Богатства". Многочисленныя и разнообразныя проявленія такой эволюціи ознаменовали собою и послѣднюю сессію земскихъ собраній.

Въ очень различныхъ уголкахъ земской Россіи наблюдалось въ минувшемъ году одно и то же характерное явленіе, въ наиболѣе простой своей формѣ сводившееся къ замѣнѣ старыхъ земскихъ дѣятелей людьми иного типа и иного направленія. При этомъ представители прежнихъ земскихъ традицій частью терпѣли пораженія въ земскихъ собраніяхъ, частью добровольно отстранялись отъ руководительства земскимъ дѣломъ въ виду того, что ихъ взгляды перестали соотвѣтствовать стремленіямъ и желаніямъ большинства гласныхъ. Такъ, напримѣръ, было въ Рязани. Здѣсь предсѣдатель губернскаго земскаго собранія не допустилъ до обсужденія собранія вопросъ объ учрежденіи мелкой земской единицы, такъ какъ мѣстное губернское присутствіе признало этотъ вопросъ общегосударственнымъ и потому не подлежащимъ разсмотрѣнію земства. На слѣдующій день происходили выборы членовъ управы и одинъ изъ видныхъ дѣятелей рязанскаго земства, неоднократно бывшій предсѣдателемъ губернской земской управы, кн. Волконскій, отказался баллотироваться въ предсѣдатели, мотивировавъ свой отказъ слѣдующимъ образомъ: „мы слишкомъ разошлись въ понятіяхъ, поэтому я не хочу утруждать господъ гласныхъ баллотировкою" *). Нѣчто подобное произошло и въ Саратовѣ. Стоявшій за послѣдніе годы во главѣ саратовской губернской управы г. Львовъ, также небезъизвѣстный земскій дѣятель, на выборахъ минувшаго года отказался вновь поставить свою кандидатуру на постъ предсѣдателя управы и земское собраніе избрало на этотъ постъ гр. Олсуфьева, выдавшагося пока лишь въ качествѣ ревностнаго защитника церковно-приходскихъ школъ. Въ Воронежѣ изъ двухъ кандидатовъ на постъ предсѣдателя губернской управы побѣдилъ представитель консервативной партіи, хотя эта побѣда повела къ тому, что на мѣста членовъ управы не нашлось кандидатовъ, а единственный нашедшійся былъ забаллотированъ собраніемъ. Перемѣнило предсѣдателя своей управы и полтавское губернское земство, при чемъ эта перемѣна опять-таки носила специфическую окраску. Бывшій предсѣдатель полтавской управы, г. Шкляревичъ, далеко не при-

*) «Нижег. Листокъ», 19 дек. 1901 г.

надлежалъ къ числу особенно энергичныхъ и передовыхъ земцевъ, но тѣмъ не менѣе и его энергія оказалась, повидимому, чрезмѣрной въ глазахъ полтавскихъ гласныхъ. Дѣятельность г. Шкляревича по части насажденія профессіональнаго образованія среди крестьянскаго населенія губерніи вызвала, по сообщенію корреспондента „Р. Вѣдомостей", рѣзкую и страстную критику со стороны мѣстныхъ аграріевъ, которая привела къ устраненію г. Шкляревича отъ должности предсѣдателя управы. На его мѣсто большинствомъ былъ избранъ недавно сдѣлавшійся полтавскимъ землевладѣльцемъ г. Лизогубъ, являющійся на аренѣ земской дѣятельности совершенно новымъ человѣкомъ.

Болѣе энергичное выступленіе новыхъ элементовъ въ земствѣ не ограничилось одною лишь выборной борьбой, но естественно отразилось и на всемъ характерѣ земскихъ собраній. Старымъ земцамъ въ собраніяхъ минувшей сессіи не разъ приходилось видѣть странныя вещи и слышать удивительныя рѣчи, ярко характеризующія земцевъ новой формаціи. Не перечисляя всѣхъ многочисленныхъ эпизодовъ, разыгравшихся на этой почвѣ, мы позволимъ себѣ все же напомнить читателю нѣкоторые, наиболѣе любопытные изъ нихъ, позволяющіе до извѣстной степени опредѣлить общее направленіе наблюдаемой въ земской жизни эволюціи.

Одинъ изъ такихъ эпизодовъ произошелъ въ пермскомъ губернскомъ земствѣ. Въ послѣднемъ съ недавняго времени твердо упрочились не-выборные элементы и это обстоятельство побудило, наконецъ, управу поднять вопросъ о законномъ составѣ губернскаго земскаго собранія. Отмѣтивъ въ своемъ докладѣ, если не преобладающее, то очень значительное участіе въ составѣ этого собранія не-выборнаго элемента, управа указывала на возможность при подобномъ порядкѣ не только постояннаго преобладанія неземскихъ элементовъ надъ земскими, но и такого измѣненія губернскаго земскаго собранія, при которомъ въ немъ не будетъ ни одного земскаго гласнаго. „Само собой понятно,—говорилось по этому поводу въ докладѣ управы,—что вопросъ о томъ, кого и какъ принимать въ разсчетъ при повѣркѣ законности состава собранія, пріобрѣтаетъ чрезвычайно важное значеніе и въ принципіальномъ, и въ практическомъ отношеніи. Земское собраніе, въ которомъ совсѣмъ нѣтъ земскихъ гласныхъ или въ которомъ они составляютъ меньшинство, не можетъ быть названо земскимъ собраніемъ: это будетъ съѣздъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ для обсужденія земскихъ дѣлъ". Такъ какъ для Пермской губерніи число губернскихъ гласныхъ опредѣляется тридцатью двумя, то, слѣдовательно, всякое засѣданіе собранія будетъ законно при участіи въ немъ шестнадцати гласныхъ, то губернская управа доказывала, что число членовъ собранія, участвующихъ въ немъ „сверхъ положеннаго по росписанію

числа гласныхъ", не должно имѣть вліянія на законность состава собранія. Въ этомъ смыслѣ управа и предлагала измѣнить способъ провѣрки законности состава собранія, прося послѣднее въ томъ случаѣ, если оно признаетъ себя некомпетентнымъ для разрѣшенія этого вопроса, уполномочить управу обратиться за разъясненіемъ его въ сенатъ. Предложеніе управы встрѣтило, однако, рѣшительнаго противника себѣ въ лицѣ предсѣдателя губернскаго собранія г. Блока. Въ его глазахъ докладъ управы явился „давно назрѣвшимъ протестомъ, вырвавшимся, наконецъ, наружу", хотя ему „не слѣдовало бы выходить на свѣтъ". По словамъ г. Блока, „многіе земскіе элементы, на которые указываетъ управа, поступаютъ не такъ, какъ можно было бы ожидать отъ нихъ". „Сюда,—т. е. въ губернское собраніе,—являются люди, связанные съ земствомъ только тѣмъ, что платятъ ему налоги",—говорилъ г. предсѣдатель собранія по адресу земскихъ гласныхъ. За то не-выборные элементы собранія г. Блокъ почтилъ самой лестной аттестаціей. „Ихъ—говорилъ онъ—упрекаютъ за очень многое, особенно же за то сдерживающее вліяніе, которое они оказываютъ въ собраніяхъ на ходъ земскаго дѣла. Но если принять во вниманіе, что пермское земство—передовое, а потому и замыслы его широкіе, то понятна будетъ необходимость и благотворность этого сдерживающаго вліянія". Выразивъ сожалѣніе о томъ, что управа своимъ докладомъ вноситъ рознь въ земскую работу, г. Блокъ заключилъ увѣреніемъ, что вопросъ о повѣркѣ законности состава собранія достаточно ясенъ и не нуждается въ разъясненіи со стороны сената. Собраніе большинствомъ голосовъ согласилось съ выводомъ своего предсѣдателя, тѣмъ самымъ признавъ, повидимому, не только полную равноправность представителей по назначенію съ земскими гласными, но и желательность „сдерживающаго вліянія" въ работахъ пермскаго земства *).

Если въ Перми невозбранно раздавались рѣчи о необходимости „сдерживающаго вліянія" надъ выборными земскими гласными, то въ Казани нѣкоторые изъ гласныхъ сами стремились стать въ положеніе сдерживающаго элемента по отношенію къ мѣстному населенію. „Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе выносится публикой изъ губернскаго земскаго собранія,—писалъ изъ Казани одинъ газетный корреспондентъ.—Истинныхъ земцевъ, въ хорошемъ значеніи этого слова, въ земскомъ собраніи небольшая группа въ 12—13 человѣкъ, а остальная часть собранія—крупные землевладѣльцы, заботящіеся только объ удовлетвореніи своихъ аппетитовъ, люди, совершенно чуждые земскихъ нуждъ и традицій, пропитанные бюрократическими началами" **). Вслѣдъ

*) «Спб. Вѣд.», 21 дек. 1901 г.
**) «Спб. Вѣд,», 20 дек. 1901 г.

за открытіемъ казанскаго собранія одинъ изъ членовъ губернской управы, г. Берстель, обратился къ нему съ жалобой на мѣстную печать, которая обижаетъ г. Берстеля, относясь къ нему безъ должной почтительности и осмѣливаясь подвергать критикѣ его дѣйствія. Собраніе не сочло, однако, возможнымъ заняться разборомъ этой жалобы и не въ мѣру обидчивому г. Берстелю не удалось пока освободиться отъ контроля гласности. Легко повѣрить во всякомъ случаѣ, что этотъ контроль далеко не пріятенъ г. Берстелю. Послѣдній, въ качествѣ члена управы, завѣдуетъ сиротскимъ домомъ, больницей и родильнымъ пріютомъ и вотъ въ какихъ краскахъ рисуетъ эту его дѣятельность цитированный уже нами корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей". „Берстель настаивалъ на введеніи въ сиротскомъ домѣ порки, какъ лучшей воспитательной мѣры, насадилъ въ этотъ домъ, въ качествѣ надзирательницъ и т. д., своихъ протеже, грубыхъ, дурно обращающихся съ дѣтьми, бьющихъ ихъ, отказывающихся давать дѣтямъ лѣкарства и т. д. Онъ ввелъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ отдачу грудныхъ дѣтей въ деревню, при чемъ для опредѣленія здоровья какъ дѣтей, такъ и семей, въ которыя они отдаются, выступалъ самолично, совершенно игнорируя врача сиротскаго дома. Дѣтей-подростковъ стали, по иниціативѣ Берстеля, отдавать въ разныя ремесленныя заведенія, при чемъ за тѣмъ, какъ имъ живется, никто не наблюдалъ, а имъ жилось очень горько. Одна, напримѣръ, дѣвочка была отдана въ такую мастерскую, гдѣ не въ шитьѣ сила, а въ чемъ-то другомъ... На ея жалобы Берстель вниманія не обращалъ. Отдѣленіе подростковъ Берстель перевелъ въ сколоченный на живую руку холерный баракъ, и держалъ ихъ тамъ всю осень до ноября. Температура была + 6—7 R. Только послѣ газетныхъ замѣтокъ дѣти были переведены въ болѣе сносное, но всетаки далеко не хорошее, помѣщеніе". Въ губернской больницѣ г. Берстель также завелъ особые или, какъ мягко выражается корреспондентъ, „нежелательные" порядки. „По его иниціативѣ, почти совсѣмъ была прекращена выдача безплатныхъ медикаментовъ амбулаторнымъ больнымъ. По его распоряженію, перестали выдавать лѣкарства и заболѣвшей больничной прислугѣ, на каждомъ шагу рискующей заразиться и заболѣть и состоящей въ большинствѣ изъ земскихъ плательщиковъ казанскаго земства. Благодаря тому, что амбулаторные пріемы свелись только къ одному констатированію болѣзни, число амбулаторныхъ больныхъ въ губернской земской больницѣ упало за годъ на 15,000 человѣкъ". Не трудно представить себѣ, что въ виду этихъ фактовъ, въ свое время оглашенныхъ и въ мѣстной печати, казанскіе обыватели съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали того дня, когда въ земскомъ собраніи должны были разсматриваться доклады по вопросамъ общественнаго призрѣнія. Но въ день, назначенный для разсмотрѣнія этихъ докладовъ, г. Берстель неожиданно заболѣлъ

и разсмотрѣніе названныхъ докладовъ было отложено до его выздоровленія...

Оригинальное пониманіе правъ и обязанностей земства свойственно, впрочемъ, въ Казанской губерніи не одному г. Берстелю. Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ послѣдній обратился къ земскому собранію съ просьбою оградить его отъ печати, въ губернское собраніе былъ внесенъ составленный по заявленію козьмодемьянскаго уѣзднаго собранія докладъ о возбужденіи ходатайства относительно воспрещенія административно-высланнымъ проживанія въ г. Козьмодемьянскѣ. Самый вопросъ этотъ былъ поднятъ собственно козьмодемьянскимъ городскимъ головою, который внезапно сообразилъ, что административно-высланные могутъ произвести въ Козьмодемьянскѣ „смуту", нарушить нормальный порядокъ и т. п. Кромѣ того, по мнѣнію головы, административно-высланные въ Козьмодемьянскѣ, какъ „элементъ преступный", нежелательны и по другимъ соображеніямъ: „не имѣя работы, они выпрашиваютъ подачки у жителей города, а когда тѣ не даютъ, ругаютъ ихъ и т. д.". Уѣздное собраніе, къ которому голова обратился съ своимъ заявленіемъ, было побѣждено этими мудрыми соображеніями и рѣшило возбудить черезъ губернское собраніе ходатайство передъ правительствомъ о введеніи для Козьмодемьянска, „въ видахъ охраненія общественнаго спокойствія", своеобразнаго положенія объ усиленной охранѣ. Съ своей стороны губернская управа внесла докладъ объ этомъ въ собраніе безъ какого бы то ни было собственнаго заключенія, а на вопросы гласныхъ объ ея мнѣніи разъяснила лишь, что просьба уѣзднаго земства повергла ее въ полное недоумѣніе, изъ котораго она такъ и не смогла выйти собственными силами. Но послѣ того, какъ и гласные выразили лишь недоумѣніе по поводу того, что къ земству обращаются съ вопросами, подлежащими исключительному вѣдѣнію полиціи, вопросъ о козьмодемьянскомъ ходатайствѣ былъ снятъ съ обсужденія губернскаго собранія.

Несравненно больше разговоровъ въ послѣднемъ вызвалъ другой проектъ ходатайства, заслушанный въ томъ же засѣданіи и вызванный заявленіемъ бывшаго гласнаго кн. П. Л. Ухтомскаго о необходимости установленія гражданской отвѣтственности сельскихъ обществъ по уголовнымъ преступленіямъ, совершаемымъ членами этихъ обществъ. Авторъ проекта признавалъ необходимымъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда виновные въ конокрадствѣ, поджогахъ, кражахъ, потравахъ и т. д. не будутъ обнаружены, убытки взыскивались съ сельскихъ обществъ, къ которымъ, по подозрѣніямъ, принадлежатъ лица, совершившія эти преступленія и проступки. Въ свою очередь губернская управа, присоединяясь къ этому проекту, находила желательнымъ послать докладъ кн. Ухтомскаго въ коммиссію, пересматривающую уголов-

ное уложеніе, съ ходатайствомъ, чтобы она обратила вниманіе на поднятый въ этомъ докладѣ вопросъ. Сверхъ того управа выражала пожеланіе, чтобы гражданская отвѣтственность сельскихъ обществъ была установлена и для тѣхъ случаевъ, когда полиція даннаго сельскаго общества бездѣйствуетъ, т. е. не обнаруживаетъ совершеннаго преступленія или проступка. Иначе говоря, авторъ проекта и сочувствующая ему управа предлагали въ началѣ XX-го вѣка вернуться къ порядкамъ XI-го столѣтія, возстановить институтъ, извѣстный „Русской Правдѣ" подъ именемъ „дикой виры", судить не по доказательствамъ, а по подозрѣніямъ, и карать невинныхъ вмѣсто виновнаго. И тѣмъ не менѣе этотъ проектъ, имѣвшій своею цѣлью исключительно охрану матеріальныхъ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ за счетъ крестьянскаго населенія, для котораго въ этихъ видахъ предполагалось возстановить архаическіе судебные порядки, нашелъ себѣ среди казанскихъ земцевъ многочисленныхъ и горячихъ защитниковъ. Въ числѣ этихъ защитниковъ оказался даже нѣкій приватъ-доцентъ юридическаго факультета, г. Догель, читающій въ казанскомъ университетѣ международное право. Очевидно, этотъ ученый спеціалистъ нашелъ въ пользу изложеннаго проекта какія-то особенныя соображенія, заставившія его пожертвовать основными положеніями юридической науки. Мы должны оговориться, впрочемъ, что намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны ученые труды г. Догеля и поэтому мы говоримъ объ его знакомствѣ съ юридической наукой исключительно въ силу довѣрія къ его положенію приватъ-доцента въ университетѣ. Какъ бы то ни было, профессоръ-юристъ, выступающій въ наше время защитникомъ исключительныхъ законовъ для крестьянства, по своему содержанію достойныхъ эпохи Ярослава Мудраго, представляетъ собою весьма любопытное зрѣлище. Не менѣе любопытнымъ является и то обстоятельство, что защитниками проекта кн. Ухтомскаго выступали по преимуществу болѣе молодые земцы. Повидимому, въ рядахъ новыхъ дѣятелей казанскаго земства безвозвратно утратилось сознаніе того, что земство должно являться выразителемъ интересовъ всего населенія, а не одной лишь привилегированной его части. Въ концѣ концовъ предложеніе управы возбудить передъ правительствомъ ходатайство въ смыслѣ проекта кн. Ухтомскаго было, правда, отклонено собраніемъ, но отклонено большинствомъ всего двухъ голосовъ *).

Тотъ новый для земства взглядъ на крестьянина, какой исповѣдуютъ молодые дѣятели казанскаго земства, не чуждъ, повидимому, и нѣкоторымъ саратовскимъ земцамъ. По крайней мѣрѣ, въ саратовскомъ губернскомъ собраніи во время преній о томъ, слѣдуетъ-ли давать субсидію отъ земства находящимся въ завѣ-

*) «Спб. Вѣд.», 10 дек.; «Россія«, 15 дек. 1901 г.

дыванiи духовенства школамъ грамоты, нѣкоторые гласные высказывались въ томъ смыслѣ, что народу нужно въ школѣ не образованiе, а что-то другое, даваемое только церковною школой. По словамъ гласнаго Усачева, „земская школа обанкротилась"; по мнѣнiю другого гласнаго, г. Сосѣдова, образованiе представляетъ собою только „лишнiй балластъ" и именно поэтому земству слѣдуетъ поддерживать церковную школу. Представители подобныхъ мнѣнiй остались, правда, въ меньшинствѣ и собранiе большинствомъ голосомъ приняло предложенiе управы отказать школамъ грамоты въ земской субсидiи. Немало, повидимому, повлiяла на такой исходъ дѣла и чрезмѣрная откровенность епархiальнаго наблюдателя школъ, о. Розанова, который рѣшительно заявилъ въ собранiи, что земцы только говорятъ о школьномъ дѣлѣ, но ничего не дѣлаютъ, и что духовное вѣдомство съ своей стороны совершенно не находитъ нужнымъ имѣть въ своихъ школахъ учителей съ среднимъ образованiемъ, предпочитая имъ лицъ, окончившихъ лишь низшее учебное заведенiе *). Судя, однако, по тому, что предсѣдателемъ саратовской губернской управы на новое трехлѣтiе избранъ, какъ мы уже упоминали, ревностный защитникъ церковныхъ школъ, можно опасаться, что походъ противъ земской школы въ Саратовской губернiи представляется далеко еще незаконченнымъ.

Отрицанiе старыхъ принциповъ земской дѣятельности, которое въ Саратовѣ является пока достоянiемъ оппозицiи, въ иныхъ мѣстахъ успѣло уже сдѣлаться лозунгомъ земской дѣятельности. Усвоенiе выборными органами нѣкоторыхъ земствъ новыхъ взглядовъ на земское дѣло и въ частности бюрократическихъ замашекъ въ своихъ отношенiяхъ къ земскимъ служащимъ въ минувшемъ году вызвало, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, цѣлый рядъ конфликтовъ между земскими управами и состоящими на службѣ земства спецiалистами, главнымъ образомъ статистиками. Въ свою очередь земская сессiя конца года очень мало способствовала благопрiятному разрѣшенiю этихъ конфликтовъ. Въ Харьковѣ, напримѣръ, губернская управа уволила завѣдывавшаго оцѣночно-статистическимъ отдѣломъ г. Арнольда, за то, что онъ дозволялъ служившимъ въ отдѣлѣ лицамъ собираться для коллективнаго протеста противъ дѣйствiй знаменитаго предсѣдателя екатеринославской управы, г. Родзянко, по отношенiю къ статистикамъ, и это увольненiе повлекло за собою добровольную отставку всѣхъ статистиковъ и многихъ другихъ служащихъ харьковскаго губернскаго земства. Въ дѣлѣ увольненiя г. Арнольда нѣкоторые члены управы остались, однако, при особомъ мнѣнiи. Рѣшившее же это увольненiе управское большинство, съ предсѣдателемъ г. Гордѣенко во главѣ, представило по этому поводу земскому собранiю

*) «Спб. Вѣд.», 15, 16 и 17 дек. 1901 г.

цѣлый докладъ, въ которомъ обвиняло весь статистическій отдѣлъ въ „небрежномъ отношеніи къ службѣ“ и „деморализаціи всѣхъ остальныхъ служащихъ“, а г. Арнольда въ такихъ преступленіяхъ, какъ нарушеніе закона о сходкахъ и охранѣ порядка въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ „намѣренномъ затягиваніи“ статистическихъ работъ, въ „чрезмѣрной обширности“ ихъ программы и, наконецъ, даже въ неправильномъ и незаконномъ расходованіи земскихъ денегъ. Всѣ эти обвиненія были разсѣяны въ самомъ же земскомъ собраніи. Прежде всего ревизіонная коммиссія заявила, что она нашла какъ счетоводство, такъ и документы оцѣночно-статистическаго отдѣла въ полномъ порядкѣ. Затѣмъ оставшіеся въ этомъ дѣлѣ при особомъ мнѣніи члены управы гг. Линтваревъ и Костомаровъ указали, что они впервые слышатъ обвиненіе г. Арнольда въ затягиваніи работъ; что же касается „обширности программы“, то послѣдняя была утверждена губернской оцѣночной коммиссіей, разсматривавшей ее при участіи спеціалистовъ-статистиковъ, а впослѣдствіи одобрена такимъ компетентнымъ въ данномъ случаѣ судьей, какъ проф. Каблуковъ. Наконецъ, особая коммиссія, составленная изъ членовъ ревизіонной и редакціонной коммиссій, разсмотрѣвъ докладъ управы и отдѣльныя мнѣнія ея членовъ и свѣривъ всѣ показанія съ документами, пришла къ неблагопріятнымъ для управы заключеніямъ и большинствомъ 8 голосовъ противъ пяти рѣшила, что управа не имѣла основаній для увольненія г. Арнольда. Выслушавъ всѣ эти объясненія, земское собраніе ограничилось, однако, лишь резолюціей, гласившей, что оно „принимаетъ къ свѣдѣнію все доложенное“. Предсѣдателемъ губернской управы на новое трехлѣтіе былъ избранъ тотъ же г. Гордѣенко. За то, какъ прибавляетъ одинъ изъ сообщавшихъ объ этомъ избраніи корреспондентовъ, „лучшія силы управы ушли“ *)...

Не лучше закончился конфликтъ управы со статистиками и въ таврическомъ земствѣ. Какъ припомнятъ, можетъ быть, читатели, приглашенный для завѣдыванія статистическими работами послѣдняго г. Фирсовъ представилъ управѣ настолько рѣзкій докладъ по поводу хода этихъ работъ при своемъ предшественникѣ, г. Блекловѣ, что остальные статистики губернскаго земства сочли нужнымъ протестовать противъ этого доклада и сообща заявили о невозможности для нихъ продолжать совмѣстную службу съ г. Фирсовымъ. При разборѣ всего этого инцидента въ губернскомъ земскомъ собраніи послѣднее весьма недвусмысленно выразило полное свое несочувствіе пріемамъ г. Фирсова и въ виду этого протестовавшіе противъ нихъ статистики готовы уже были остаться на службѣ таврическаго земства. Но губернская управа, очевидно, въ цѣляхъ поддержанія чьего-то престижа и отплаты за

*) «Спб. Вѣдомости», 24 дек. 1901 г.

поданный протестъ, уволила всѣхъ подписавшихъ его статистиковъ *). Повидимому, таврическая управа, увлекшись идеей охраненія дисциплины среди земскихъ служащихъ, мало задумывается надъ тѣмъ, насколько подобныя дѣйствія могутъ способствовать привлеченію въ губернію способныхъ и преданныхъ дѣлу работниковъ.

Не такъ давно одна изъ петербургскихъ газетъ напечатала по поводу конфликтовъ земскихъ служащихъ съ управами статью, объяснявшую всѣ такіе конфликты чрезмѣрными требованіями и ненормальнымъ положеніемъ земскихъ служащихъ **). Отъ себя редакція прибавила къ этой статьѣ нѣсколько оговорокъ, весьма, впрочемъ, неясныхъ и туманныхъ. За то мнѣнія автора статьи по своей ясности и опредѣленности не оставляютъ желать ничего бо́льшаго. Бѣда, по его указанію, заключается въ томъ, что на службѣ земства состоитъ слишкомъ много спеціалистовъ и имъ дается черезчуръ много воли. Корпораціи этихъ спеціалистовъ „изъ служебной роли постепенно переходятъ къ роли господствующей. Онѣ не предлагаютъ уже, а требуютъ, не въ качествѣ свѣдущихъ людей только, а въ качествѣ представителей общественнаго мнѣнія, какъ будто земство не поручило имъ только завѣдывать извѣстною частью подъ его руководствомъ, а прямо обязано приводить въ исполненіе, что онѣ порѣшили. Подчиненность такимъ образомъ перемѣщается. Избранники мѣстнаго общества, пригласившіе за извѣстное вознагражденіе къ себѣ техниковъ, становятся въ зависимость отъ этихъ техниковъ. Земская организація вслѣдствіе этого искажается. Исполнительный органъ земства, его управа, облеченная довѣріемъ большинства, приглашаетъ на службу врачей, преподавателей, инженеровъ, статистиковъ и т. д. и, конечно, съ ними совѣтуется. Но самостоятельность свою она должна сохранить вполнѣ, какъ представительница интересовъ населенія. Для агентовъ ея, для техниковъ, между тѣмъ, эти интересы имѣютъ значеніе косвенное, постороннее. Не являясь выборными населенія и не связанные съ нимъ фактомъ владѣнія недвижимостью, они, естественнымъ образомъ, склонны глядѣть на свою спеціальность, какъ на нѣчто самостоятельное и самодовлѣющее. Они являются на собраніе, заявляютъ о своихъ нуждахъ, сплошь и рядомъ даже о нуждахъ совершенно личныхъ, принимаютъ участіе въ преніяхъ, черезъ головы гласныхъ аппеллируютъ къ присутствующей публикѣ. Незамѣтно для себя управа, а порой и собраніе, подчиняются давленію спеціалистовъ, во-первыхъ, потому, что ихъ много, во-вторыхъ, потому, что они признаются свѣдущими и стоятъ за дѣло, которое пользуется сочувствіемъ публики. Выходитъ такъ, что какая-нибудь статистика

*) «Спб. Вѣд»., 20 дек. 1901 г.
**) «Россія», 20 дек. 1901 г.

заведена не только для правильной оцѣнки имущества плательщиковъ, а ради выполненія программы, задуманной гг. статистиками, врачебная помощь не ради здоровья жителей, а для выполненія фантазіи гг. медиковъ и т. д.“... „Члены управъ и самые гласные,—продолжаетъ авторъ статьи,—не всегда съ достаточною энергіей умѣютъ отстаивать свое право быть хозяевами въ земскомъ дѣлѣ, отчасти по мягкости русской натуры, отчасти потому, что не всегда удобно держать въ уѣздѣ людей, съ которыми ежедневно встрѣчаешься“. Однако, „держать въ уѣздѣ“ ихъ необходимо. „Пора земству опомниться, стряхнуть съ себя навожденіе техническаго всезнанія и не отдавать мѣстнаго дѣла во власть чужихъ ему людей“.

Мы позволили себѣ привести эту длинную выдержку изъ газетной статьи, въ виду того, что въ ней довольно удачно сгруппированы главныя обвиненія, раздававшіяся въ послѣднее время по адресу земскихъ служащихъ въ виду участившихся конфликтовъ ихъ съ земскими управами и собраніями. Нетрудно подмѣтить, однако, въ приведенной аргументаціи фальшивыя ноты, выдающія всю несостоятельность этихъ обвиненій. Авторъ цитированной статьи почему-то не указываетъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ статистика существуетъ только для выполненія программы, не имѣющей никакой практической цѣли, а врачебная помощь организуется исключительно для удовлетворенія „фантазіи гг. медиковъ“. Изъ лицъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ, едва-ли кто и повѣритъ въ существованіе такихъ мѣстностей. Не менѣе трудно повѣрить, будто одна численность состоящихъ на службѣ земства лицъ сама по себѣ можетъ оказывать серьезное вліяніе на характеръ дѣятельности земства. Между тѣмъ авторъ именно въ этой численности видитъ главную причину подчиненія земцевъ давленію пришлаго или, употребляя модное выраженіе, „третьяго элемента“. Что касается другой причины вліянія этого „третьяго элемента“—спеціальныхъ знаній входящихъ въ составъ его лицъ, то авторъ изложенной статьи не то отрицаетъ наличность такихъ знаній, не то отвергаетъ ихъ пользу. Призывая земства „стряхнуть съ себя навожденіе техническаго всезнанія“, онъ, повидимому, желалъ бы, чтобы носителямъ спеціальныхъ знаній была предоставлена въ земской работѣ исключительно пассивная и подчиненная роль, чтобы медицинскіе вопросы безапелляціонно рѣшались людьми, не имѣющими понятія о медицинѣ, чтобы статистики не принимали участія въ составленіи программъ хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій и лишь безропотно выполняли программу, продиктованную имъ представителями „мѣстныхъ нуждъ“, и т. д. Наконецъ, въ самомъ противопоставленіи земскихъ служащихъ, какъ пришлаго элемента, для котораго интересы населенія имѣютъ лишь „косвенное значеніе“, кореннымъ земцамъ, какъ истиннымъ представи-

телямъ интересовъ населенія, явственно звучитъ фальшивая нота, особенно, когда рядомъ съ этимъ противопоставленіемъ авторъ проговаривается, что земскіе служащіе въ своихъ требованіяхъ являются „представителями общественнаго мнѣнія“ и опираются на „сочувствіе публики“. Невольно возникаетъ вопросъ, что же заставляетъ общественное мнѣніе становиться на сторону земскихъ служащихъ, если не отстаиваніе ими общественныхъ интересовъ. И, дѣйствительно, оглядываясь хотя бы на два изложенные выше примѣра столкновеній земскихъ служащихъ съ управами, легко видѣть, насколько неудовлетворительны приведенныя объясненія подобныхъ столкновеній и какъ мало согласовано съ интересами земскаго дѣла стремленіе „держать въ уздѣ“ земскихъ служащихъ.

Къ сожалѣнію, проявленія подобнаго стремленія за послѣдніе годы далеко уже не составляютъ чего-либо совершенно исключительнаго въ практикѣ нашихъ земствъ и съ теченіемъ времени оно, повидимому, все болѣе усиливается и распространяется. Обстоятельства, видоизмѣнившія составъ земскихъ собраній и наложившія на него явственный сословный отпечатокъ, въ концѣ концовъ, не остались безъ замѣтнаго вліянія на измѣненіе характера земской дѣятельности, въ то время, какъ русская интеллигенція, изъ которой вербуется составъ земскихъ служащихъ, сохранила объ этой дѣятельности прежнія представленія. Въ этомъ противорѣчіи, какъ указываютъ факты текущей жизни, и скрывается главная причина все учащающихся конфликтовъ между земцами и представителями „третьяго элемента“, не склонными подчиняться вновь вводимой для нихъ въ земствѣ дисциплинѣ или, употребляя болѣе откровенное выраженіе автора цитированной выше статьи, „уздѣ“. Съ другой стороны, отреченіе отъ прежнихъ цѣлей и пріемовъ земской дѣятельности и усвоеніе бюрократическаго режима постепенно развиваютъ въ земствахъ, вступившихъ на этотъ путь, своего рода свѣтобоязнь и вовлекаютъ ихъ въ борьбу съ гласностью. Земская хроника минувшаго года записала уже на свои страницы нѣсколько случаевъ такой борьбы.

Съ особенною энергіею походъ противъ гласности былъ предпринятъ въ екатеринославскомъ земствѣ, томъ самомъ, въ которомъ г. Родзянко проявилъ въ свое время такое усердіе по части искорененія вольнаго духа среди земскихъ служащихъ. Въ началѣ минувшаго декабря въ екатеринославской газетѣ „Приднѣпровскій Край“ появилось слѣдующее заявленіе „отъ редакціи“: „отъ дальнѣйшаго реферированія губернскаго земскаго собранія и обсужденія дѣлъ губернскаго земства отказываемся“. Какъ оказалось затѣмъ, причиною такого рѣшенія газеты послужило то обстоятельство, что предсѣдатель губернскаго земскаго собранія г. Струковъ, недовольный тѣмъ освѣщеніемъ, какое при-

давалось земскимъ дѣламъ въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“, вынудилъ помощника редактора послѣдняго оставить залу земскаго собранія *). Можно, конечно, различно оцѣнивать правильность пути, избраннаго газетой въ отвѣтъ на эту выходку, но едва-ли возможны различныя мнѣнія относительно самой выходки г. Струкова. Истинный общественный дѣятель, защищающій чистое дѣло, не имѣетъ основаній бояться свѣта гласности и заглушать голосъ независимой критики. Но для земцевъ новаго типа, стремящихся „держать въ уздѣ“ всѣ иные общественные элементы, всякое проявленіе независимой критики, всякое выраженіе неодобренія ихъ дѣйствій являются уже нестерпимымъ оскорбленіемъ, и благодаря этому въ иныхъ земскихъ собраніяхъ разыгрываются теперь странныя сцены. Въ Самарѣ нѣкій г. Марковъ, какъ сообщали газеты, „поставилъ на видъ земскому собранію то, что въ „Самарской Газетѣ“ появляются статьи, неблагопріятныя ему, А. И. Маркову, и просилъ собраніе принять къ устраненію этого мѣры. Собраніе отвѣтило на это указаніе г. Маркова глубокимъ молчаніемъ“ **). Но прошло около двухъ мѣсяцевъ и при разсмотрѣніи доклада ревизіонной коммиссіи по оцѣночному отдѣленію въ самарскомъ собраніи произошелъ гораздо болѣе прискорбный инцидентъ. Одинъ изъ гласныхъ, земскій начальникъ Поздюнинъ, говоря о порядкахъ работъ въ отдѣленіи, сталъ заподозривать добросовѣстность служащихъ отдѣла, которые при существующихъ порядкахъ могутъ будто бы въ служебные часы исполнять особо оплачиваемую сдѣльную работу. Наполнявшая залу засѣданія публика, услыхавъ такія обвиненія по адресу земскихъ служащихъ, стала свистать и шикать. „Произошло,—продолжаетъ газетный отчетъ,—чрезвычайное смятеніе. Гласный Поздюнинъ оставилъ залу засѣданія. Раздаются возбужденные голоса гласныхъ. Гласный Обуховъ: „Если насъ не оградятъ отъ оскорбленій, мы всѣ уйдемъ!“ Гласный Свѣнцицкій: „Ваше превосходительство, свиститъ не публика, а наши служащіе“. Собраніе было прервано и публика удалена съ хоръ и изъ залы, въ которой оставлены были только сотрудники мѣстной газеты“ ***). Вслѣдъ затѣмъ, однако, въ газетахъ появилось извѣстіе, гласившее, что въ Самарѣ недоразумѣнія между печатью и земствомъ приняли острый характеръ, и что редакціей „Самарской Газеты“ подано губернскому собранію заявленіе о прекращеніи печатанія газетой отчетовъ о собраніи ****).

Столь острыя и недружелюбныя отношенія съ печатью сами по себѣ уже составляютъ весьма характерное явленіе. Но, по

*) «Од. Нов.», 10 дек.; «Нижег. Листокъ», 10 дек. 1901 г.

**) «Сам. Газета». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 16 окт. 1901 г.

***) «Сам. Газета». Цитируемъ по «Р. Вѣд.», 24 дек. 1901 г.

****) «Одес. Нов.», 24 дек. 1901 г.

крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ земцевъ, ревностно уклоняющихся отъ гласнаго контроля общественнаго мнѣнія и его выразительницы—печати, одновременно стремятся установить надъ земскою дѣятельностью контроль совершенно иного рода. Въ Уфѣ губернское собраніе постановило учредить при уѣздныхъ управахъ центральныя библіотеки для земскихъ служащихъ. Во многихъ уѣздныхъ земствахъ Уфимской губерніи это постановленіе и было приведено въ исполненіе, но предсѣдатель уфимской уѣздной управы, г. Гиневскій, усомнился въ законности постановленія губернскаго собранія и для разрѣшенія своего недоумѣнія счелъ болѣе удобнымъ обратиться не къ губернской земской управѣ, а къ мѣстному губернатору. При этомъ, какъ сообщаетъ мѣстный органъ печати, „просьба относительно разрѣшенія возникшихъ у г. Гиневскаго недоумѣній имѣла всѣ признаки того, что принято называть доносительной литературой“, и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Когда же послѣ этого одинъ изъ членовъ губернской управы, кн. Кугушевъ, при встрѣчѣ съ г. Гиневскимъ отказался подать ему руку и мотивировалъ свой поступокъ „позорнымъ поведеніемъ г. Гиневскаго въ дѣлѣ устройства земскихъ библіотекъ“, послѣдній опять прибѣгъ къ начальству и „губернатору была подана жалоба, въ которой кн. Кугушевъ обвиняется въ оскорбленіи всего состава уфимской уѣздной управы“ *).

На подготовленной такимъ образомъ почвѣ мѣстами уже начинаютъ произрастать и соотвѣтственные цвѣты. „Пермскій Край“ недавно напечаталъ адресъ, поданный отъ имени почти всѣхъ служащихъ яранской земской управы предсѣдателю послѣдней, назначенному всего около двухъ лѣтъ тому назадъ. „Отрадно,—говоритъ по поводу этого документа газета,—послѣ цѣлаго ряда прошедшихъ за послѣдніе мѣсяцы передъ глазами нашими конфликтовъ между предсѣдателями земскихъ управъ, стремящимися къ благодѣтельнымъ канцелярскимъ распорядкамъ, и безтолковой земской вольницей, „третьимъ элементомъ“, отстаивающимъ какія-то „традиціи“, отдохнуть душой на проявленіяхъ мира и любви въ средѣ земскихъ служащихъ. Особенно же отрадно видѣть, какъ въ основу этого мира ложится отнюдь не слабость или попустительство руководителей, но исключительно пламенность сердецъ и, такъ сказать, опережающая всѣ начальственныя надежды стремительная предупредительность руководимыхъ“. Содержаніе адреса вполнѣ оправдываетъ эти похвалы. „Глубокоуважаемый и любимѣйшій NN,—говорится въ немъ.—Пользуясь случаемъ—празднованіемъ дня памяти святителя Николая Чудотворца, вашего патрона, осмѣливаемся почтить день вашего ангела подношеніемъ прилагаемаго хлѣба и вещественнаго при немъ приложенія. Сочтите это, дорогой NN, не за рабскую угодливость вашихъ под-

*) «Уральская Жизнь». Цитируемъ по «СПБ. Вѣдомостямъ», 1 янв. 1902 г.

чиненныхъ, а за обязанность къ вамъ лицъ, служащихъ подъ вашимъ начальствомъ и любящимъ васъ отъ души. Желаемъ вамъ и вашей семьѣ всякаго благополучія" *). Положительно не знаешь, чѣмъ слѣдуетъ болѣе восхищаться въ этомъ документѣ: почтительностью-ли стиля, тонкою-ли предупредительностью, съ какой составители просятъ не счесть ихъ дѣйствія „за рабскую угодливость", или той остротой ума, съ которой они различаютъ простой хлѣбъ отъ „вещественнаго при немъ приложенія". Во всякомъ случаѣ можно смѣло утверждать, что предшествовавшая исторія нашего земства не знала документовъ, подобныхъ только что приведенному. Въ немъ какъ нельзя болѣе ярко обрисовывается одинъ изъ послѣднихъ этаповъ того пути, какой стремятся проложить для земства земскіе дѣятели новой формаціи, съ политикою которыхъ мы познакомились выше.

Самое появленіе такого рода земцевъ, конечно, не составляетъ простой случайности. Они вызваны на жизненную арену всѣми условіями нашей общественной жизни 80-хъ и 90-хъ годовъ минувшаго вѣка и прежде всего послѣдовавшими за это время измѣненіями въ составѣ самого земства. Въ этомъ смыслѣ они могутъ быть названы естественнымъ плодомъ современной земской организаціи. Едва-ли только можно считать ихъ дѣятельность сколько-нибудь благопріятною для основной идеи земства. Охотно примиряясь съ пассивною ролью общественнаго самоуправленія, отклоняясь отъ служенія интересамъ широкихъ массъ населенія, ограждая себя отъ гласнаго контроля и порывая связь съ наиболѣе энергичною частью интеллигентнаго общества, неспособною пойти на службу сословнаго идеала и заковать себя въ рамки бюрократическаго режима, земскія учрежденія рискуютъ въ корнѣ подорвать основы собственнаго существованія и обречь себя на полное безсиліе передъ тѣмъ теченіемъ, которое стремится къ сокращенію функцій мѣстнаго самоуправленія въ нашей общественной жизни. Не слѣдуетъ забывать, что при всѣхъ успѣхахъ, достигнутыхъ уже названнымъ теченіемъ, оно не останавливается на нихъ и захватываетъ все новыя области жизни.

II.

Тотъ новый типъ земскихъ дѣятелей, о которомъ у насъ шла рѣчь выше, пока еще, къ счастью, не безраздѣльно господствуетъ въ земствѣ. Наряду съ нимъ живутъ и работаютъ дѣятели прежняго типа, видящіе въ земствѣ прежде всего органъ общественнаго самоуправленія въ истинномъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Но существующая въ настоящее время организація мѣст-

*) Цитируемъ по «СПБ. Вѣд.», 22 дек. 1901 г.

наго самоуправленія плохо согласована съ такимъ пониманіемъ и благодаря этому названные дѣятели вынуждены видѣть, какъ съ каждымъ годомъ почва ускользаетъ изъ-подъ ихъ ногъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вся жизнь земства принимаетъ иное направленіе, все болѣе рѣшительно входя въ узкую колею мелкихъ сословныхъ и личныхъ дѣлъ. Отдѣльныя земства не разъ уже старались предотвратить такой исходъ путемъ болѣе или менѣе настойчивыхъ попытокъ расширенія дѣйствующей системы мѣстнаго самоуправленія. Еще года два тому назадъ намъ приходилось отмѣчать ходатайства нѣкоторыхъ земскихъ собраній, направленныя къ возстановленію всесословной организаціи. Въ свою очередь въ земскую сессію минувшаго года вопросъ о недостаткахъ дѣйствующаго механизма земства привлекъ къ себѣ большое вниманіе и вызвалъ оживленное обсужденіе, при чемъ, однако, въ этомъ обсужденіи шла рѣчь не столько о возстановленіи старой, сколько о созданіи новой организаціи.

При всемъ различіи условій жизни отдѣльныхъ земствъ соображенія, заставляющія значительную часть ихъ дѣятелей не довольствоваться существующей организаціей и хлопотать объ извѣстныхъ дополненіяхъ ея, въ общемъ являются въ различныхъ мѣстностяхъ одними и тѣми же. Главная ихъ сущность была весьма удачно выражена въ предложеніи, которое было внесено гласнымъ Булыгинымъ въ гороховецкое уѣздное земское собраніе и затѣмъ передано послѣднимъ на обсужденіе владимірскаго губернскаго земства. Въ своемъ предложеніи г. Булыгинъ указывалъ на тотъ характерный фактъ, что за послѣдніе годы вносимые въ уѣздное собраніе доклады „носятъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ характеръ личный, не общественный. Кто-нибудь проситъ сложить съ него пеню, больничную недоимку, переоцѣнить мельницу и т. п. Докладовъ, имѣющихъ общественное значеніе, почти нѣтъ, а когда они появляются, то появленіе ихъ случайно“. Причина такого положенія дѣлъ заключается въ томъ, что управа не въ состояніи достаточно зорко слѣдить за уѣздными нуждами и возбуждать вопросы о нихъ въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо. Нѣтъ возможности для этого и у гласныхъ. „Гласные не изъ крестьянъ частью живутъ внѣ предѣловъ уѣзда, а нерѣдко и губерніи, частью заняты службой, собственными дѣлами. Гласные изъ крестьянъ находятся въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что имѣются огромные районы, не высылающіе въ собраніе своего представителя. Такимъ образомъ требуется присутствіе среди собраній особенно зоркихъ и чуткихъ къ мѣстнымъ нуждамъ гласныхъ, чтобы разсчитывать на возбужденіе въ собраніяхъ вопросовъ общественнаго характера. Такихъ людей вообще мало и претендовать собранію на появленіе ихъ нельзя. Затѣмъ крестьянское населеніе, имѣющее по закону право обсуждать на сельскихъ и волостныхъ сходахъ свои мѣстныя нужды

и подавать о нихъ петиціи, настолько еще инертно, нечутко къ собственнымъ нуждамъ, что рѣдко пользуется этимъ правомъ. А между тѣмъ главная задача земства именно въ томъ и заключается, чтобы обсуждать подобныя нужды и по мѣрѣ возможности удовлетворять ихъ". По мнѣнію автора предложенія, „разрѣшить эту задачу возможно лишь въ томъ случаѣ, если предварительно уѣздныхъ земскихъ собраній будутъ созываемы обязательно мелкіе съѣзды, положимъ, волостные, съ правомъ участія на нихъ и лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскимъ обществамъ: мѣщанъ, купцовъ, духовенства, дворянства. Подобный съѣздъ, имѣющій задачу разрабатывать вопросы исключительно для предстоящихъ собраній, доставитъ послѣднимъ достаточно матеріала, чтобы гласные собранія могли оріентироваться въ уѣздныхъ нуждахъ и разрабатывать вопросы не чисто умозрительно, какъ это происходитъ очень часто, а на основаніи словъ населенія, ради котораго и работаетъ собраніе" *).

Во владимірскомъ земствѣ пренія по существу предложенія г. Булыгина не были допущены предсѣдателемъ собранія губернскимъ предводителемъ дворянства кн. Голицынымъ и это предложеніе было лишь передано собраніемъ въ губернскую управу для всесторонней и детальной разработки. Но въ очень многихъ другихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ прошлаго года энергично обсуждался въ извѣстной мѣрѣ аналогичный съ предложеніемъ г. Булыгина вопросъ объ учрежденіи „мелкой земской единицы". Этотъ послѣдній вопросъ былъ первоначально поставленъ московскимъ агрономическимъ съѣздомъ, который и призналъ необходимость созданія мелкой земской единицы, въ видѣ обязательнаго и всесословнаго мѣстнаго союза, обладающаго правами самоуправленія и самообложенія и поставленнаго въ неразрывную связь съ существующей земской организаціей. Въ такомъ видѣ этотъ вопросъ былъ поставленъ земскими управами на обсужденіе уѣздныхъ и губернскихъ собраній и, хотя мѣстами предсѣдатели собраній возбраняли такое обсужденіе, но въ общемъ большинство заинтересованныхъ указаннымъ вопросомъ земствъ имѣло все же возможность высказаться по поводу его и принять то или иное рѣшеніе. У мелкой земской единицы не оказалось при этомъ недостатка въ защитникахъ и любопытно отмѣтить, что положенія и аргументы, изъ которыхъ исходили такіе защитники, очень часто близко совпадали съ основными мыслями цитированнаго нами выше доклада г Булыгина. Такъ, въ курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Тахтамировъ, „указывая на возникающій индифферентизмъ гласныхъ къ докладамъ, представляемымъ на ихъ обсужденіе, объяснялъ этотъ индифферентизмъ отчужденностью гласныхъ отъ населенія, обоюднымъ не-

*) «Р. Вѣдомости», 1 дек. 1901 г.

пониманіемъ и незнаніемъ нуждъ населенія и намѣреній земства". Вмѣстѣ съ тѣмъ названный гласный находилъ, что уѣздъ территоріально слишкомъ великъ для того, чтобы интересы отдѣльныхъ гласныхъ могли совпадать съ интересами населенія, и что благодаря этому самый добросовѣстный гласный въ своей дѣятельности руководствуется альтруистическими побужденіями, а не тѣмъ законнымъ эгоизмомъ, который питается совпаденіемъ интересовъ гласнаго съ интересами представляемаго имъ населенія и который служитъ „единственнымъ постояннымъ жизненнымъ импульсомъ къ продуктивной работѣ даже и въ такихъ почтенныхъ учрежденіяхъ, какъ земство". При подобныхъ условіяхъ проведеніе въ жизнь мелкой земской самоуправляющейся единицы является, по мнѣнію г. Тахтамирова, „вопросомъ самосохраненія земства и медлить съ осуществленіемъ его нельзя, такъ какъ при настоящемъ положеніи земства съ его сословной организаціей оно вырождается въ бюрократическое учрежденіе и, быть можетъ, умретъ, какъ органъ самоуправленія" *). Въ виду такихъ и подобныхъ имъ соображеній рядъ земскихъ собраній постановилъ поручить своимъ управамъ обстоятельно разработать къ будущему году поднятый вопросъ о созданіи мелкой земской единицы.

Но наряду съ горячими сторонниками послѣдняя нашла себѣ въ земствѣ и многочисленныхъ противниковъ. Мѣстами противъ нея высказывались отдѣльные гласные, мѣстами въ роли ея противниковъ выступало большинство земскаго собранія. Такъ, костромское губернское собраніе постановило отложить возбужденный вопросъ на годъ, а тверское большинствомъ голосовъ признало введеніе мелкой земской единицы нежелательнымъ. При этомъ въ горячихъ преніяхъ, возникавшихъ по поводу проекта созданія мелкой земской единицы, выяснилось, между прочимъ, одно любопытное обстоятельство, заключавшееся въ томъ, что названный проектъ нашелъ себѣ въ рядахъ земскихъ дѣятелей неожиданныхъ для его иниціаторовъ защитниковъ и не менѣе неожиданныхъ противниковъ. За этотъ проектъ выступали порой не только люди, ставящіе своею цѣлью прогрессъ общественнаго самоуправленія, но и реакціонные дѣятели послѣдняго. Наоборотъ, противъ проекта подчасъ высказывались не только безусловные сторонники современнаго положенія земства, но и лица, искренно дорожащія дальнѣйшимъ развитіемъ мѣстнаго самоуправленія. Соотвѣтственно этому и нѣкоторыя изъ возраженій, встрѣченныхъ даннымъ проектомъ въ обсуждавшихъ его земскихъ собраніяхъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія и болѣе или менѣе обстоятельнаго разбора.

---

*) «Р. Вѣдомости», 15 дек. 1901 г.

Всего менѣе, конечно, возможно серьезно останавливаться на тѣхъ возраженіяхъ, авторы которыхъ исходятъ изъ заявленій, что „мы не созрѣли“ или „не доросли“ для предполагаемой реформы и что для мелкой земской единицы „нѣтъ людей“. Фразы о „недозрѣлости“ страны и объ отсутствіи людей, не заключая въ себѣ большого смысла, тѣмъ не менѣе всегда служатъ излюбленными аргументами людей застоя противъ всякой сколько-нибудь крупной реформы общественной жизни, но эти аргументы настолько избиты и вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени лишены всякаго реальнаго содержанія, что ихъ нельзя принимать въ разсчетъ. Нѣсколько болѣе серьезнымъ представляется другое выдвигаемое противъ реформы соображеніе, особенно подробно, судя по газетнымъ отчетамъ, развитое въ тверскомъ земствѣ г. Кузьминымъ-Караваевымъ и сводящееся къ указанію на низкую культурность крестьянской массы, которая, однако, должна получить рѣшающее значеніе въ дѣлахъ мелкой земской единицы и своимъ вліяніемъ можетъ понизить общій уровень земскаго самоуправленія. Нѣтъ спора, масса крестьянскаго населенія стоитъ еще на весьма невысокомъ уровнѣ культурнаго развитія. Но лишаетъ ли ее это обстоятельство права на самоуправленіе, права самой завѣдывать тѣми хозяйственными дѣлами, которыя ближе всего касаются ея же благосостоянія? Съ другой стороны, не слѣдуетъ чрезмѣрно преувеличивать и некультурность крестьянства. Среди послѣдняго имѣется уже немало людей, получившихъ то или иное образованіе и выдѣляющихся изъ массы своимъ развитіемъ, которое дало бы имъ возможность съ честью нести представительство интересовъ этой массы. Въ Россіи есть такъ называемыя „крестьянскія“ земства и ни для кого не тайна, что они не только не понижаютъ темпа культурной земской работы, но и ведутъ свои дѣла во многомъ лучше, чѣмъ тѣ земства, въ составѣ которыхъ преобладаетъ дворянскій элементъ. Наконецъ, нельзя забывать и того, что, по единодушному признанію друзей земства, одной изъ главныхъ причинъ малокровія и худосочія современнаго земства является присвоенный ему сословный характеръ. Признавая эту причину болѣзни, по меньшей мѣрѣ странно отворачиваться отъ обѣщающаго ея уничтоженіе лѣкарства.

Опасенія по поводу той роли, какую можетъ сыграть крестьянство въ проектируемой мелкой земской единицѣ, связаны, впрочемъ, еще съ однимъ соображеніемъ. Лица, высказывающія эти опасенія, нерѣдко исходятъ изъ мысли, что въ случаѣ осуществленія такого проекта, само крестьянство можетъ оказаться чисто пассивною силой въ рукахъ современныхъ крестьянскихъ учрежденій, которыя такимъ образомъ и явятся истинными господами земскаго дѣла. Подобныя предположенія высказывались, между прочимъ, въ тверскомъ и въ нижегородскомъ земскихъ собраніяхъ. Въ первомъ г. Кузьминъ-Караваевъ указывалъ на то,

что возможную въ настоящее время земскую единицу мыслимо представлять себѣ лишь „существующей бокъ-о-бокъ съ земскимъ начальникомъ, который будетъ и предсѣдателемъ собранія, и предсѣдателемъ его исполнительнаго органа“. Въ нижегородскомъ собраніи гласный г. Зыбинъ, ссылаясь на то, что основаніемъ выборовъ служитъ земельный цензъ, а земскіе начальники его имѣютъ, доказывалъ неизбѣжность сильнаго вліянія съ ихъ стороны на проектируемый органъ управленія. „Навѣрно они будутъ тамъ предсѣдателями. Всякій, кто знаетъ, что такое земскій начальникъ, можетъ себѣ представить, что это будетъ за самоуправленіе крестьянъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника. Пока существуютъ земскіе начальники, мелкое самоуправленіе практически неосуществимо“ *).

Сторонники созданія мелкой земской единицы пытались парировать эти возраженія указаніемъ на возможность параллельнаго существованія сословной крестьянской волости, подчиненной руководительству земскаго начальника, и мелкой всесословной земской единицы, совершенно независимой отъ него. При этомъ за первой, по ихъ предположенію, должны остаться административно-полицейскія обязанности, а ко второй должны отойти всѣ остальныя, объединяемыя подъ именемъ хозяйственныхъ. Трудно, однако, представить себѣ строгое разграниченіе двухъ столь близкихъ учрежденій. И если бы даже оно было проведено въ теоріи закономъ, то практика жизни, несомнѣнно, очень скоро стерла бы его, какъ стерла она въ значительной мѣрѣ границу, въ свое время проложенную закономъ между болѣе крупными земскими единицами и мѣстной администраціей. Если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ сторонниковъ проектируемой организаціи не скрываютъ отъ себя возникающей отсюда опасности и готовы признать этотъ пунктъ „слабою стороною“ проекта. Тѣмъ не менѣе они считаютъ нужнымъ сохранить этотъ пунктъ въ цѣляхъ обезпеченія бо́льшаго вѣроятія осуществленія всего проекта. Признаться, для насъ такое разсужденіе не представляется особенно убѣдительнымъ. Компромиссъ имѣетъ извѣстное право на существованіе, когда онъ устанавливается по взаимному соглашенію вступающихъ въ него сторонъ и можетъ войти въ жизнь именно въ томъ видѣ, въ какомъ опредѣлило его это соглашеніе. Но онъ утрачиваетъ всякій смыслъ, когда онъ допускается лишь одною стороной и не влечетъ за собою соотвѣтственнаго вознагражденія отъ другой. Между тѣмъ въ самихъ земскихъ собраніяхъ прошлаго года неоднократно дѣлались указанія на то, что настоящее время представляется очень мало благопріятнымъ для успѣха исходящихъ отъ земства проектовъ расширенія зем-

*) «Р. Вѣдомости», 8 и 22 дек. 1901 г.

ской организаціи. Авторы такихъ указаній, несомнѣнно, вполнѣ справедливыхъ, шли еще дальше и выражали опасенія, что составленные земствомъ проекты послужатъ поводомъ къ сокращенію существующихъ земскихъ учрежденій въ пользу мелкой единицы, которой къ тому же будетъ приданъ нежелательный земству видъ. Подобныя опасенія нельзя не назвать чрезмѣрно преувеличенными. Прежде всего, молчаніе земствъ само по себѣ еще не можетъ служить помѣхой какимъ-бы то ни было проектамъ, зарождающимся въ иныхъ общественныхъ сферахъ. Съ другой стороны, отсутствіе гарантіи успѣха земскихъ проектовъ не должно, конечно, составлять препятствія къ высказыванію земствомъ своихъ взглядовъ и желаній, такъ какъ знакомство съ ними при всякихъ обстоятельствахъ является равно цѣннымъ для общества и правительства. Но при такихъ условіяхъ, когда не имѣется основаній разсчитывать на немедленное практическое осуществленіе этихъ взглядовъ и желаній и есть даже возможность столкновенія ихъ съ противоположными, нѣтъ и нужды облекать ихъ въ форму компромисса, а желательно, напротивъ, выразить ихъ во всей ихъ опредѣленности и полнотѣ, чтобы тѣмъ самымъ избѣжать всякихъ недоразумѣній. Если бы иниціаторы разбиравшагося земствами проекта пошли по этому пути, они, несомнѣнно, потеряли бы нѣкоторыхъ изъ своихъ нынѣшнихъ сторонниковъ, но за то, навѣрное, пріобрѣли бы другихъ, и при томъ болѣе надежныхъ, изъ числа тѣхъ, которые теперь являются ихъ противниками.

То же самое замѣчаніе приходится повторить и по поводу другого пункта этого проекта. Большинство земскихъ управъ ограничилось въ прошломъ году лишь постановкою принципіальнаго вопроса о желательности созданія мелкой земской единицы, не предрѣшая деталей ея организаціи. Между тѣмъ та или иная организація, приданная этой единицѣ, несомнѣнно, обусловливаетъ собою и степень ея желательности и можно думать, что именно эта неопредѣленность проекта въ значительной мѣрѣ способствовала той разноголосицѣ, какая сопровождала его обсужденіе въ земскихъ собраніяхъ. Идея „всесословной волости", преобразовавшаяся теперь въ идею „мелкой земской единицы", имѣетъ уже за собою длинную и богатую разнообразными перипетіями исторію. Было время, когда защитниками этой идеи выступали по преимуществу тѣ элементы русскаго общества, которые являлись носителями своего рода феодальныхъ идей и мечтали при помощи всесословной волости обезпечить представителямъ крупнаго землевладѣнія полное господство въ мѣстномъ самоуправленіи. Не совсѣмъ, повидимому, исчезли эти поползновенія и въ наше время. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ былъ изложенъ докладъ, представленный въ прошломъ году по вопросу о мелкой земской единицѣ устюженскому уѣздному собранію его

управой. Вслѣдъ за обстоятельнымъ доказательствомъ необходимости созданія мелкой земской единицы въ этомъ докладѣ предлагается слѣдующая ея организація. Территоріею такой единицы должна явиться волость. „Единственный признакъ, дающій право участія въ земскихъ учрежденіяхъ, есть обладаніе имуществомъ, обложеннымъ земскимъ сборомъ, и этотъ признакъ долженъ быть рѣшающимъ относительно предоставленія правъ участія въ выборахъ въ волостное собраніе. Степень участія можетъ быть обусловлена имущественнымъ цензомъ. Можно было бы установить три градаціи: 1) обладаніе имуществомъ, равнымъ нынѣшнему крупному избирательному цензу или нѣсколько пониженному, даетъ право на непосредственное участіе въ волостномъ собраніи; 2) частные владѣльцы, обладающіе имуществомъ, въ 10 разъ меньшимъ, выбираютъ гласныхъ на собраніе непосредственно; 3) сельскія общества и владѣльцы меньшихъ имуществъ выбираютъ опредѣленное число уполномоченныхъ на избирательное собраніе, соотвѣтствующее числу полныхъ цензовъ. Число гласныхъ могло бы быть опредѣлено числомъ крупныхъ цензовъ, составляющихся либо явившимися на собраніе, либо числомъ всѣхъ соединенныхъ мелкихъ собственниковъ". Волостныя собранія въ свою очередь должны избирать гласныхъ уѣздныхъ собраній, какъ послѣднія—губернскихъ гласныхъ *). Подобная организація, безспорно, оказалась бы очень выгодной для крупныхъ землевладѣльцевъ, давъ имъ возможность оттѣснить всѣ иные элементы мѣстнаго самоуправленія, но врядъ-ли бы она была въ такой же мѣрѣ полезна для общаго хода земскаго дѣла. Сословный характеръ, отъ котораго страдаетъ современное земство, не только не былъ бы ослабленъ принятіемъ подобной организаціи, но окрѣпъ бы, вѣроятно, еще болѣе.

Приведенный примѣръ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ, что движеніе въ пользу мелкой земской единицы объединяетъ подчасъ довольно разнородные элементы. Въ виду этого является вполнѣ естественнымъ, что земскія собранія, выразившія свое сочувствіе созданію мелкой земской единицы, не предприняли немедленныхъ ходатайствъ объ ея учрежденіи, а поручили своимъ управамъ дальнѣйшую разработку этого вопроса. Лишь съ появленіемъ детально-разработанныхъ плановъ организаціи мелкой единицы создается возможность болѣе правильнаго распредѣленія общественныхъ силъ въ этомъ вопросѣ и болѣе вѣрнаго подсчета друзей и враговъ вновь задуманнаго земствомъ шага. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показали событія минувшаго года, въ интересахъ большей правильности такого подсчета необходимы болѣе опредѣленное выясненіе плановъ, связываемыхъ

*) «Спб. Вѣдомости», 9 дек. 1901 г.

съ этимъ шагомъ, и рѣшительный отказъ отъ ненужныхъ и затемняющихъ дѣло компромиссовъ.

III.

Печаль и веселье, серьезное раздумье и смѣхъ идутъ обыкновенно въ жизни рука-объ-руку. Но бываютъ эпохи, когда въ жизни общества скопляется слишкомъ много печали и остается слишкомъ мало мѣста для веселья и смѣха. Одну изъ такихъ эпохъ мы переживаемъ въ настоящее время и вліяніе ея сказывается въ уныломъ и подавленномъ тонѣ всей почти русской печати. Среди представителей послѣдней есть, впрочемъ, одинъ человѣкъ, никогда не унывающій и съумѣвшій превратить всю свою дѣятельность въ сплошной рядъ фарсовъ, если не всегда опрятныхъ, то часто забавныхъ. Такого рода „дѣятелемъ печати" является неутомимый издатель „Гражданина", кн. Мещерскій, надняхъ отпраздновавшій тридцатилѣтіе своего органа.

Это празднованіе оказалось настолько веселымъ и явилось настолько достойнымъ апоѳеозомъ дѣятельности кн. Мещерскаго, что объ немъ стоитъ разсказать нѣсколько подробнѣе. Вся обстановка этого юбилея, какъ и слѣдовало ожидать, отличалась крайней оригинальностью. Дѣло началось съ того, что кн. Мещерскій съ похвальною откровенностью и рѣшимостью самъ возвѣстилъ о своемъ юбилеѣ и пригласилъ чествовать его. „У меня,—писалъ онъ въ ноябрѣ минувшаго года въ „Гражданинѣ",—есть большая просьба къ тѣмъ изъ моихъ читателей, которые уважаютъ „Гражданинъ" за его вѣрную службу своему знамени,—сдѣлать маленькое усиліе, чтобы доказать именно теперь, передъ наступающимъ годомъ, что есть между нами, служителями одной идеи, извѣстная солидарность. По волѣ судебъ наступающее 30-лѣтіе „Гражданина" совпало съ минутою самаго ожесточеннаго похода противъ него его многочисленныхъ враговъ, которые, придравшись къ инциденту статьи г. Икса противъ соединенія половъ въ университетѣ, превратили нѣсколько рѣзкихъ словъ въ грандіозную клевету на „Гражданинъ" и въ разныхъ мѣстахъ Россіи подбили послушные кружки никогда не читавшихъ моего изданія людей къ демонстраціямъ противъ „Гражданина"... Думая, разумѣется, совсѣмъ не о себѣ, но о томъ органѣ, который 30 лѣтъ собиралъ подъ свое знамя единомышленниковъ, я мечтаю о томъ, какъ было бы отрадно, если ту энергію, которую такъ дружно и так усиленно сумѣли проявить во вредъ „Гражданину", воспользовавшись клеветою, его враги, читатели „Гражданина" захотѣли бы столь же дружно проявить въ пользу „Гражданина", воспользовавшись случаемъ его 30-лѣтія. Тѣ говорятъ своимъ единомышленникамъ: „Гражданинъ" достоинъ презрѣнія, не смѣйте его ч

тать; отчего вамъ не сказать: „Гражданинъ“ достоинъ уваженія, надо общими усиліями расширять кругъ его читателей... Эта мечта—моя просьба къ вамъ, мои читатели“ *).

Это не совсѣмъ грамотное, но горячее воззваніе не осталось безъ дѣйствія и въ теченіе декабря кн. Мещерскій получилъ шесть сочувственныхъ и ободрительныхъ писемъ, которые добросовѣстно и напечаталъ полностью въ своемъ органѣ. Не рѣшаясь подробно воспроизводить эту своеобразную литературу, мы позволимъ себѣ привести изъ нея лишь одинъ отрывокъ, достаточно, впрочемъ, опредѣляющій ея содержаніе. „И вы, князь,—писалъ издателю „Гражданина“ одинъ изъ его почитателей,—будьте собой jusqu'à la conromation de vos jours, не обращая вниманія, что многіе носы отъ васъ отворачиваютъ. По запаху Мещерскаго нужно и обоняніе особенное, а оно дается только Богомъ... Да сохранитъ васъ Богъ, съ вашимъ драгоцѣннымъ запахомъ, еще въ продолженіе многихъ лѣтъ и да воздастъ вамъ ваша родина по вашимъ пречестнѣйшимъ заслугамъ!“ **).

6 января состоялось и самое празднованіе юбилея издателя „Гражданина“. „На квартиру юбиляра,—по словамъ газетъ,—собрались: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. С. Стишинскій, товарищъ министра путей сообщенія В. А Мясоѣдовъ-Ивановъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ А. Н. Мосоловъ, директоръ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ Э. К. Циглеръ, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ баронъ В. П. Рокасовскій, ген.-лейт. графъ Г. Г. Милорадовичъ, вице-адмиралъ Ф. В. Дубасовъ, сенаторъ С. Ф. Платоновъ, спб. губернаторъ графъ С. А. Толь, спб. градоначальникъ ген.-лейт. Клейгельсъ, полицеймейстеръ баронъ Нолькенъ, редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Грингмутъ и многіе другіе. Чествованіе заключалось въ поднесеніи юбиляру адреса отъ его почитателей и единомышленниковъ и отъ редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Грингмута. Кромѣ того гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ прочиталъ свое „открытое письмо“ князю В. П. Мещерскому, въ которомъ далъ оцѣнку его писательской дѣятельности“ ***). Самъ князь Мещерскій описываетъ въ „Гражданинѣ“ это празднованіе нѣсколько подробнѣе. „Въ три часа,—говоритъ онъ,—вошла ко мнѣ въ кабинетъ большая семья друзей-единомышленниковъ и отъ ея имени В. А. Мясоѣдовъ-Ивановъ прочелъ адресъ, удостоенный всеобщими знаками сочувствія послѣ его прочтенія... Этотъ адресъ — цѣнное пріобрѣтеніе и лучшая награда моего 30-лѣтняго труда, ибо на немъ не только подписались нѣсколько

---

*) «Гражданинъ», 22 ноября 1901 г.
**) «Гражданинъ», 30 дек. 1901 г.
***) «Россія», 7 янв. 1902 г.

сотъ (болѣе 1,500) читателей „Гражданина“, но на немъ также нѣсколько сотъ человѣкъ къ своей подписи прибавили слова привѣта и одобренія, каждый по своему *). Да, этотъ адресъ съ этими подписями, гдѣ за фамиліею одного, въ одномъ уголкѣ Россіи, слѣдовало разомъ 20, 30 подписей въ другомъ уголкѣ, гдѣ не было ни подготовки, ни подговора, а дѣйствовала одна свободная въ своемъ настроеніи русская душа,—изобразилъ собою огромную задушевную бесѣду читателей „Гражданина“ съ его издателемъ и въ то же время могучій протестъ противъ тѣхъ, которые столько лѣтъ ломаютъ перья, чтобы доказывать безсиліе и безплодность стойкой проповѣди порядка и преданій на страницахъ „Гражданина“. Затѣмъ два представителя моихъ друзей-калмыковъ, нойоны Тундутовъ и Гахаевъ, поднесли мнѣ адресъ отъ имени своихъ родичей; адресъ на пергаментѣ съ чудною цвѣтною живописью, въ богатомъ футлярѣ, вызвалъ всеобщее восхищеніе. Затѣмъ громомъ возгласовъ и рукоплесканій былъ почтенъ гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ послѣ прочтенія имъ своего письма ко мнѣ, въ которомъ такъ сильно и такъ хорошо высказано значеніе словъ (слова?): патріотъ! Потомъ пили за здоровье „Гражданина“ и за расширеніе семьи единомышленниковъ“ **).

Итакъ, столь желательная кн. Мещерскому демонстрація въ пользу „Гражданина“ состоялась. Онъ получилъ „открытое письмо“ отъ г. Голенищева-Кутузова, адресъ отъ г. Грингмута, адресъ отъ калмыковъ и адресъ отъ полуторы тысячъ почитателей. Большаго, кажется, желать нельзя. Повидимому, только память нѣсколько измѣняетъ кн. Мещерскому, когда онъ утверждаетъ, что въ этой демонстраціи „не было ни подготовки, ни подговора, а дѣйствовала одна свободная въ своемъ настроеніи русская душа“. По крайней мѣрѣ, намъ доставлены два любопытные печатные листка, не совсѣмъ согласующіеся съ такимъ утвержденіемъ. Въ одномъ изъ нихъ, датированномъ: „СПБ. 17 декабря 1901 г. Типографія кн. В. П. Мещерскаго, Спасская, 27“, содержится извѣщеніе о предполагаемомъ чествованіи юбилея кн. В. П. Мещерскаго и „сочувствующіе предстоящему торжеству приглашаются къ подписанію прилагаемаго текста адреса и присылкѣ таковаго, по возможности до 6 января, въ С.-Петербургъ, Литейный пр., д, 30, кв. 1, гр. П. А. Кутузову“. Въ другомъ листкѣ, имѣющемъ надпись: „Дозволено ценз. СПБ. 15 дек. 1901 г. Типографія кн. Мещерскаго, Спасская, 27“, напечатанъ самый текстъ адреса, поднесен-

---

*) Для любопытствующихъ можемъ сообщить, что какъ текстъ адреса и приписки къ нему, такъ и поздравительныя письма, полученныя кн. Мещерскимъ, напечатаны въ «Гражданинѣ». Писемъ и приписокъ къ адресу пока напечатано 43.

**) «Гражданинъ», 8 янв. 1902 г.

наго кн. Мещерскому 6 января. Изъ этихъ данныхъ можно, кажется, съ большою достовѣрностью заключить, что „свободная въ своемъ настроеніи русская душа“ при устройствѣ демонстраціи въ честь „Гражданина“ прибѣгала къ нѣкоторому „подговору“ и для большаго его успѣха пользовалась даже типографіей кн. Мещерскаго.

Еще изъ одного документа мы узнаемъ, что и самъ кн. Мещерскій довольно усердно, хотя не всегда успѣшно, распространялъ извѣстіе объ юбилеѣ своей газеты. Въ „Р. Вѣдомостяхъ“ появилось слѣдующее „открытое письмо издателю „Гражданина“:

„Милостивый Государь
князь Владиміръ Петровичъ!

„Вамъ угодно было обратиться ко мнѣ съ письмомъ, содержаніе котораго я привожу дословно:

„Послѣ 30-тилѣтія изданія мною газеты-журнала *Гражданинъ*, неуклонно служившаго истолкователемъ и защитникомъ интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ русскаго земельнаго дворянства, мнѣ грустно въ видѣ главнаго итога удостовѣрить тотъ печальный фактъ, что именно оно, это дворянство, всегда отвѣчало равнодушіемъ на мои усилія честно служить вышесказанной цѣли и всегда въ моей одинокой борьбѣ съ врагами дворянскихъ завѣтовъ оставляло меня безъ защиты подъ непрерывавшимися 30 лѣтъ ударами злобы и ненависти. Тѣмъ не менѣе ради *30-тилѣтія Гражданина* считаю своимъ долгомъ, какъ бы слаба ни была надежда на успѣхъ, еще разъ попытаться обратить на свое изданіе благосклонное вниманіе тѣхъ гг. предводителей, которые рѣшились бы органъ печати, 30 лѣтъ самостоятельно отстаивавшій идеалы, преданія и завѣты русскаго дворянства, удостоить своимъ сочувствіемъ хотя бы въ силу поговорки: „лучше поздно чѣмъ никогда“.

„Текстъ вашего письма и то обстоятельство, что оно не рукописное, а печатное, приводитъ меня къ заключенію, что это есть нѣчто въ родѣ циркулярнаго посланія къ предводителямъ дворянства и нѣчто болѣе серьезное, нежели обычная газетная реклама, съ которой нѣкоторыя изданія обращаются въ концѣ года къ читающей публикѣ съ цѣлью увеличить число своихъ подписчиковъ. Поэтому я нахожу необходимымъ отвѣтить вамъ и въ то же время считаю полезнымъ мой отвѣтъ предать гласности. Подводя итоги вашей тридцатилѣтней дѣятельности на почвѣ публицистики, вы съ горькимъ чувствомъ признаете полное равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Но, сами того не подозрѣвая, въ вашихъ сѣтованіяхъ вы воздаете ему величайшую хвалу. Въ самомъ дѣлѣ, если къ тѣмъ идеямъ и убѣжденіямъ, которыя вы неуклонно проводили, русское дворянство относилось несочувственно, то это значитъ, что въ немъ не заглохли тѣ высокіе идеалы, съ которыми оно, обновленное реформами 60-хъ го-

довъ, выступило на открывшееся ему новое поприще общественной дѣятельности; это значитъ, что „эпоха великихъ реформъ“ твердо опредѣлила путь, по которому оно должно идти, несмотря на всѣ усилія его ложныхъ друзей своротить его съ этого пути; это значитъ, что, несмотря на долголѣтнюю реакцію, проводникомъ которой вы такъ долго и такъ усердно служили, въ русскомъ дворянствѣ не угасло безкорыстное стремленіе въ живомъ общеніи и при полной равноправности съ остальными сословіями русской земли трудиться надъ постепеннымъ водвореніемъ того порядка вещей, который составляетъ необходимое условіе нормальнаго общественнаго и государственнаго роста нашего отечества. А если иногда и можно было отмѣтить желательныя съ вашей точки зрѣнія исключенія, то вѣдь это только проявленія спеціальнаго атавизма, который не является тормазомъ въ общемъ органическомъ развитіи. Вы ошибаетесь, усматривая только холодность и равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Нѣтъ! Негодованіе и протестъ вызывала не только въ передовыхъ его представителяхъ, но и въ громадномъ его большинствѣ ваша проповѣдь узко-сословныхъ тенденцій, ваша апологія дореформенныхъ порядковъ въ видѣ розги и административнаго произвола, ваша защита не духовныхъ интересовъ дворянства, какъ вы ошибочно полагаете, а низменныхъ побужденій кастоваго эгоизма. Ваша тридцатилѣтняя работа, въ безплодности которой вы сами сознаетесь, могла бы, кажется, достаточно убѣдить васъ, что идеи, которымъ вашъ журналъ служитъ выраженіемъ, не соотвѣтствуютъ стремленіямъ и надеждамъ Россіи XX столѣтія. Итакъ, не ждите отъ насъ сочувствія, на которое вы, повидимому, все еще продолжаете надѣяться. Но если вы, прочтя мое письмо, еще разъ оглянетесь на пройденный вами жизненный путь публициста, на которомъ вы, по собственному признанію, видите одни только разочарованія и неудачи, то, быть можетъ, вы откажетесь и отъ слабой надежды на успѣхъ и бросите вашу неблагодарную Сизифову работу, хотя бы слѣдуя той же самой поговоркѣ, которую вы приводите въ концѣ вашего обращенія къ намъ: „лучше поздно, чѣмъ никогда“.

Тамбовскій уѣздный предводитель дворянства *В. Петрово-Соловово*“ *).

Вслѣдъ за появленіемъ письма г. Петрово-Соловово въ той же газетѣ было напечатано **) „открытое письмо“ къ нему семи уѣздныхъ предводителей дворянства (рузскаго—кн. П. Долгорукова, звенигородскаго — гр. П. Шереметева, дмитровскаго — гр. М. Олсуфьева, опочецкаго — гр. П. Гейдена, темниковскаго —

*) «Р. Вѣд.», 6 янв. 1902 г.
**) «Р. Вѣд.», 10 янв. 1902 г.

Ю. Новосильцева, елецкаго—А. Стаховича и ливенскаго—А. Шереметева), заявившихъ, что они „всецѣло примыкаютъ“ къ его отвѣту издателю „Гражданина“.—„Мы—писали они — считаемъ точно также, что не защитникомъ истинныхъ интересовъ русскаго дворянства былъ въ теченіе 30-ти лѣтъ „Гражданинъ“, а злымъ врагомъ; что неизмѣнно проповѣдывалъ онъ не чувство единенія всѣхъ сословій русскаго народа, а сословную рознь; что онъ всячески оскорблялъ тѣхъ людей изъ среды дворянства, которые искали воплотить въ жизни это насущное для жизни страны единеніе; что, стоя далеко отъ жизни, онъ не переставалъ нападать на наше земство, гдѣ еще можетъ, несмотря на преграды, жить это единство; что онъ не желалъ безпристрастно вглядѣться въ помѣстную жизнь, а всегда предпочиталъ спокойному и трезвому безпристрастію озлобленную страстность, правдѣ-неправду“.

Оригинальному началу юбилея соотвѣтствовало такимъ образомъ не менѣе оригинальное заключеніе. „Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою“, — могъ бы сказать кн. Мещерскій о себѣ и своихъ единомышленникахъ. Но онъ, конечно, этого не скажетъ. Не даромъ же онъ самъ заявляетъ, что онъ „никогда не унывалъ“. Надо надѣяться, не предастся онъ унынію и теперь, а просто объявитъ выступившихъ противъ него предводителей дворянства не настоящими русскими и не настоящими дворянами и будетъ съ прежней энергіей продолжать проповѣдь своихъ „дворянскихъ“ идей.

IV.

Въ декабрьской хроникѣ прошлаго года намъ приходилось уже отмѣчать широкое распространеніе дѣйствія Положенія объ усиленной охранѣ и говорить о нѣкоторыхъ постановленіяхъ, изданныхъ мѣстными властями на основаніи этого положенія. За истекшій мѣсяцъ число такихъ постановленій значительно увеличилось. Обязательными постановленіями мѣстныхъ властей воспрещены всякія собранія въ публичныхъ и частныхъ мѣстахъ въ губерніяхъ Московской, Нижегородской, Курляндской, Виленской и Олонецкой, въ городахъ С.-Петербургѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ярославлѣ, Казани, Саратовѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Юрьевѣ, Ригѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, Витебскѣ и Двинскѣ, въ городахъ Уральской области Уральскѣ, Лбищенскѣ, Гурьевѣ, Темирѣ, Илекѣ и на уильской и темирской ярмаркахъ. Кромѣ того въ Екатеринославѣ, по сообщенію мѣстной газеты, 14 декабря было расклеено слѣдующее объявленіе мѣстнаго губернатора: „Въ виду дошедшихъ до меня свѣдѣній, что группа людей неблагонамѣренныхъ посредствомъ разбрасыванія подметныхъ писемъ и другими способами подстрекаетъ къ принятію участія въ

затѣваемыхъ ими 15 и 16 сего декабря уличныхъ демонстраціяхъ, объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что къ прекращенію всякой даже попытки къ такимъ демонстраціямъ я не остановлюсь передъ самыми крайними мѣрами. На этомъ основаніи рекомендую населенію г. Екатеринослава въ точности исполнять распубликованное вмѣстѣ съ симъ мое обязательное постановленіе, не толпиться на улицахъ и не присоединяться къ толпѣ ради любопытства, дабы не оказаться пострадавшими вмѣстѣ съ дѣйствительно виновными" *). Наконецъ, въ „Бессарабскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" было опубликовано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное 18 декабря 1901 г. бессарабскимъ губернаторомъ для г. Кишинева: „Воспрещаются всякія сборища, сходки и собранія на улицахъ, площадяхъ и проч. общественныхъ мѣстахъ, съ какою-бы цѣлью они ни собирались. Не дозвляются также и всякія, не вызываемыя необходимостью, остановки проходящихъ группами на улицахъ или тротуарахъ, затрудняющія свободное движеніе другимъ, и такія сборища обязаны, по первому требованію полиціи, безпрекословно разойтись. Всякія собранія или сходки, устраиваемыя въ частныхъ домахъ для какихъ-либо предварительныхъ совѣщаній, какъ напр., объ учрежденіи закономъ дозволенныхъ товариществъ, артелей и т. п., допускаются не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія полиціи, почему для законности такихъ сходокъ необходимо испрашивать каждый разъ разрѣшеніе, заявивъ о цѣли, времени и мѣстѣ ихъ. Хозяева фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній и управляющіе ихъ, а также старосты рабочихъ артелей обязаны внимательно слѣдить, чтобы въ среду рабочихъ не попадали лица неблагонамѣренныя, подстрекающія другихъ къ нарушенію порядка, и въ случаѣ появленія такихъ лицъ немедленно сообщать о томъ полиціи. Лица, виновныя въ неисполненіи или нарушеніи вышеизложенныхъ требованій, подвергаются или полицейскому аресту до 3 мѣсяцевъ, или денежному штрафу до 500 руб. Размѣръ взысканія опредѣляется въ строгой зависимости отъ степени важности произведеннаго нарушенія, а также значенія происшедшихъ или могущихъ произойдти послѣдствій. Наложеніе взысканій будетъ производиться постановленіями губернатора по протоколамъ мѣстной полиціи о нарушеніяхъ и приводиться въ исполненіе въ теченіе 24 часовъ со времени полученія о томъ въ полиціи распоряженія. Дѣйствіе вышеизложенныхъ обязательныхъ постановленій начинается со дня распубликованія ихъ" **).

Послѣднее постановленіе, поскольку оно касается хозяевъ

---

*) «Приднѣпровскій Край». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 20 дек. 1901 г.

**) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 24 дек. 1901 г.

фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній, представляетъ собою полную аналогію съ обязательными постановленіями, изданными ранѣе въ Елисаветградѣ и Одессѣ и приведенными въ предъидущей нашей хдоникѣ. Едва-ли только тѣ статьи этихъ трехъ постановленій, которыя устанавливаютъ обязанности хозяевъ промышленныхъ заведеній, не выходятъ за предѣлы положенія объ усиленной охранѣ. Какъ извѣстно, послѣднее предоставляетъ мѣстнымъ властямъ очень широкія полномочія въ дѣлѣ ограниченія правъ обывателей. Но, какъ бы далеко ни шли такія ограниченія, они все же должны сохранять чисто отрицательный характеръ и не могутъ перейти въ возложеніе на обывателей обязанностей полицейской службы. Въ виду этого и проектированная за уклоненіе отъ такихъ обязанностей кара рискуетъ остаться лишенной всякаго дѣйствительнаго значенія угрозой.

Въ газетѣ „Hufvudstadsbladet“ напечатано распоряженіе финляндскаго генералъ-губернатора: „Прекращены навсегда газеты: „Iyränkö“ за статьи „О свободѣ совѣсти“, помѣщенную въ № 139, и „О текущихъ дѣлахъ“ въ № 133; „Kokkola“ за статью „Путь къ истинѣ“ въ № 100; „Tornio“ за новеллу „Aslak“; пріостановлены: на пять мѣсяцевъ газета „Pohjots-Karjala“ за статью „Отечество и народъ“, помѣщенную въ №№ 65 и 67; на четыре мѣсяца газета „Unden Kaupungin Sanomat“ за статьи „Я спѣшу на востокъ“ въ № 126, „Изъ современной жизни“ въ № 130 и „О значеніи маленькихъ націй“ въ № 138; на три мѣсяца журналъ „Finsk Tibskrift“ за статью г. Мернэ: „Нѣсколько мыслей“ и газета „Ostra Nyland“ за помѣщенную въ № 25 перепечатку статьи изъ „Finsk Tibskrift“; на одинъ мѣсяцъ: газета „Mikkeli“ за стихи: „Борьба за свѣтъ“ и корреспонденціи изъ Рантасальма, помѣщенные въ № 103 и газета „Osterbotniska Posten“ за статью „О гуманности“, напечатанную въ № 47“. Сверхъ того, по сообщенію „Московскихъ Вѣдомостей“, объявлено предостереженіе финской газетѣ „Suubohjan Kaiku“ за помѣщенную въ № 120 статью: „Оно не тщетно, хотя и кажется“. Главное финляндское управленіе по дѣламъ печати отставило отъ должности цензоровъ въ городахъ Гейполѣ и Камла Карбелю за пропущенныя ими статьи въ газетахъ „Iyränkö“ и „Kokkola“, за которыя эти газеты прекращены навсегда, а цензорамъ, цензуровавшимъ остальныя пріостановленныя изданія, объявило предостереженіе.

Въ „Финляндской. Газетѣ“ напечатано:

„Со времени изданія Высочайшаго манифеста отъ 29 іюня сего года и новаго устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, а тѣмъ болѣе со дня опубликованія

этихъ законовъ, въ установленномъ порядкѣ, въ „Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго“, агитація, сосредоточенная въ Гельсингфорсѣ и направленная вообще противъ мѣропріятій въ духѣ тѣснѣйшаго единенія финляндской окраины съ имперіей, стала дѣйствовать съ особенной настойчивостью. Подготовка къ этой агитаторской дѣятельности началась много раньше, уже со времени учрежденія въ Петербургѣ особыхъ комиссій по выработкѣ новаго устава о воинской повинности. Руководители этой агитаціи, въ томъ числѣ „многочисленные члены бывшаго земскаго сейма“,—какъ о томъ сообщено было въ одной изъ послѣдовавшихъ затѣмъ прокламацій,—собрались на о. Тургольмѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Гельсингфорсомъ, этимъ центромъ агитаціи. Въ результатѣ сего собранія явился, какъ извѣстно, рядъ въ высшей степени нелегальныхъ листковъ, брошюръ и прокламацій, наводнившихъ Финляндію, адресованныхъ къ лютеранскимъ пасторамъ и къ ихъ прихожанамъ и внушавшихъ, что новые законы о воинской повинности не должны быть опубликованы съ церковныхъ каѳедръ, какъ требуется существующими постановленіями, подъ предлогомъ, что тогда сіи законодательные акты не получатъ въ краѣ законной силы. Но такъ какъ эта агитація, возбудивъ въ началѣ нѣкоторыя колебанія среди лютеранскаго духовенства, въ общемъ не достигла своей цѣли, и законы о воинской повинности, въ концѣ концовъ, были опубликованы съ церковной каѳедры почти во всѣхъ лютеранскихъ приходахъ края, за исключеніемъ нѣкоторыхъ приходовъ боргоской епархіи, то руководители агитаціи, предвидѣвшіе и ранѣе возможность такого неблагопріятнаго исхода подобныхъ мѣръ, избрали еще и иной образъ дѣйствій. Былъ составленъ на сей случай проектъ адреса, по существу своему повторявшаго доводы вышеупомянутыхъ прокламацій, носившаго по своему изложенію характеръ крайне дерзкаго протеста и тщетно стремившагося доказать несогласіе новыхъ законовъ о воинской повинности съ общимъ строемъ финляндской окраины.

„Въ числѣ подписей, какія удалось собрать организаторамъ сего адреса, составленнаго и направленнаго, вопреки точному смыслу Высочайшаго постановленія 30-го іюня 1826 года, безъ предварительнаго донесенія мѣстнымъ губернаторамъ и безъ разрѣшенія начальника края, имѣются наряду, съ другими и подписи мѣстныхъ чиновниковъ, даже занимающихъ посты, замѣстители коихъ облекаются Монаршимъ довѣріемъ.

„Государь Императоръ, въ своемъ безпредѣльномъ и отеческомъ снисхожденіи къ увлеченнымъ агитаціей, въ высокой степени милостиво отнесся къ заблуждающимся, оставивъ адресъ-протестъ только безъ послѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ повелѣть, при замѣщеніи въ краѣ должностей, облеченныхъ Монаршимъ довѣріемъ,

при отсутствіи соотвѣтствующихъ кандидатовъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ, *назначать на таковыя должности уроженцевъ имперіи*".

„Копія съ отношенія министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго финляндскому генералъ-губернатору по вопросу объ адресѣ-протестѣ.

„При всеподданнѣйшемъ докладѣ адреса, представленнаго финляндскими гражданами по поводу изданія для Финляндіи новаго устава о воинской повинности, мною было повергнуто на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе, что адресъ былъ подписанъ многочисленными должностными лицами и, между прочимъ, нѣсколькими чиновниками, занимающими должности, къ коимъ они призваны Монаршимъ довѣріемъ. Относя такое участіе финляндскихъ чиновниковъ въ явной противоправительственной манифестаціи къ крайне своеобразному отношенію ихъ къ своему служебному положенію, недопустимому на государственной службѣ вообще и на высшихъ ея ступеняхъ въ особенности, я вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что для предупрежденія въ будущемъ подобныхъ явленій надлежитъ, при избраніи кандидатовъ на довѣренныя должности, обращать вниманіе на непричастность ихъ къ политическимъ демонстраціямъ, и представлять къ назначенію на означенныя должности только лицъ, представляющихъ достаточныя гарантіи въ правильномъ пониманіи вытекающихъ изъ ихъ служебнаго положенія въ семъ отношеніи обязанностей. Подобное требованіе можетъ быть осуществлено на дѣлѣ лишь въ томъ случаѣ, если, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ кандидатовъ изъ числа уроженцевъ Финляндіи, къ занятію этихъ должностей будутъ допущены уроженцы имперіи. Къ этой мѣрѣ и слѣдуетъ обратиться, какъ только окончательно выяснится, что чиновники изъ финляндскихъ уроженцевъ, вмѣсто содѣйствія правительству, оказываютъ ему противодѣйствіе. По всеподданнѣйшему докладу приведенныхъ соображеній, Государь Императоръ, 7-го декабря сего года, Высочайше соизволивъ оставить безъ послѣдствій адресъ финляндскихъ гражданъ, повелѣлъ сіи соображенія сообщить Финляндскимъ генералъ-губернатору и сенату для руководства при замѣщеніи должностей по гражданскому управленію Финляндіи. О таковой Монаршей волѣ имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство".

В. Мякотинъ.

Съѣздъ учителей земскихъ школъ московскаго уѣзднаго земства.

Съ 17-го по 25-ое августа прошлаго года въ Москвѣ происходилъ съѣздъ народныхъ учителей земскихъ школъ Московскаго уѣзда. Это былъ первый учительскій съѣздъ не только въ Московской губерніи, но и во всей Россіи, послѣ почти пятнадцатилѣтняго перерыва. Съѣздъ былъ организованъ на основаніи „Временныхъ правилъ о съѣздахъ учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ“, изданныхъ 26-го ноября 1899 г. министромъ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповымъ,—и съ этой стороны получаетъ большой общественный интересъ. Московскій съѣздъ является такимъ образомъ первымъ пробнымъ камнемъ для „временныхъ“ правилъ о съѣздахъ. Но прежде чѣмъ остановить вниманіе читателей на организаціи московскаго съѣзда и его работахъ, считаемъ не лишнимъ предпослать нѣсколько справокъ изъ исторіи учительскихъ съѣздовъ собственно въ Московскомъ уѣздѣ.

Какъ извѣстно, учительскіе съѣзды у насъ разрѣшено было созывать въ 1881 г., когда во главѣ министерства народнаго просвѣщенія сталъ баронъ Николаи. Особаго устава или какихъ-либо „временныхъ“ или постоянныхъ правилъ, регулирующихъ дѣятельность учительскихъ съѣздовъ, тогда не имѣлось. Организацію съѣздовъ предоставлено было вырабатывать самимъ участвующимъ въ немъ лицамъ, т. е. педагогическому персоналу совмѣстно съ представителями отъ земства, училищнаго совѣта и вообще лицами изъ мѣстныхъ жителей, такъ или иначе причастными къ дѣлу народнаго образованія. Не стѣснены были учительскіе съѣзды и въ выработкѣ программъ, которыя, естественно, намѣчались соотвѣтственно тѣмъ или другимъ указаніямъ и потребностямъ жизни. Засѣданія съѣзда были открыты для публики и происходили подъ руководствомъ выборнаго предсѣдателя; доклады подвергались всестороннему обсужденію, тезисы ихъ баллотировались, и съѣздъ дѣлалъ по нимъ тѣ или другія постановленія. Постановленія съѣзда частью непосредственно входили въ жизнь, частью, въ формѣ ходатайствъ, въ установленномъ порядкѣ направлялись въ подлежащія мѣста и учрежденія. Словомъ, съѣзды являлись выразителемъ организованнаго общественнаго мнѣнія, указывавшаго этимъ путемъ на тѣ или другіе недочеты въ постановкѣ у насъ столь важнаго дѣла, какъ дѣло народнаго образованія.

На такихъ именно основаніяхъ были устраиваемы и съѣзды

учителей московскимъ уѣзднымъ земствомъ въ 1881, 1882, 1883 и 1884 гг. Постановленія этихъ съѣздовъ—объ учительскихъ и ученическихъ библіотекахъ, о книжныхъ складахъ (третій учительскій съѣздъ), народныхъ публичныхъ чтеніяхъ (четвертый съѣздъ), объ устройствѣ эмеритальной учительской кассы (второй съѣздъ), о введеніи въ курсъ народныхъ училищъ рукодѣлья, пѣнія, объ ознакомленіи учениковъ съ событіями русской исторіи, о сообщеніи въ школахъ свѣдѣній по естествознанію въ связи съ географіей и т. п. были разсмотрѣны въ свое время управой, проведены черезъ земское собраніе и училищный совѣтъ и вошли въ жизнь.

Но министерство, къ сожалѣнію, не долго держалось такой благожелательной политики по отношенію къ съѣздамъ. Вскорѣ получилъ преобладаніе тотъ взглядъ, что чиновникъ знаетъ лучше, чѣмъ само общество, что нужно ему и что не нужно, что полезно и что вредно; что чиновникъ долженъ быть компетентенъ во всѣхъ отрасляхъ государственной дѣятельности, все знать и умѣть, все впередъ предусмотрѣть и во время пресѣчь. Въ соотвѣтствіи съ этимъ явилось стремленіе къ „сокращенію“ всякаго рода съѣздовъ, этихъ передаточныхъ органовъ общественнаго мнѣнія,—и учительскіе съѣзды въ 1885 г. распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія графа Делянова были воспрещены.

Прошло пятнадцать лѣтъ.

За этотъ періодъ времени дѣло народнаго образованія, не смотря ни на какія препятствія, все же сильно двинулось впередъ. Общественная иниціатива, обезсиленая и пришибленная на первыхъ порахъ, скоро вновь проявила себя, на этотъ разъ всего энергичнѣе въ области народнаго образованія.

Въ половинѣ 90-хъ годовъ во всей земской Россіи вопросы народнаго образованія были выдвинуты на первую очередь. Московское земство шло во главѣ этого просвѣтительнаго движенія. Постановленіе экстренной сессіи московскаго губернскаго земскаго собранія,—8, 9 и 10-го апрѣля 1896 г.,—объ осуществленіи общедоступности начальнаго обученія для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста Московской губерніи—навсегда займетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи нашего просвѣщенія.

Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ, московскимъ земствомъ намѣченъ былъ и еще цѣлый рядъ мѣропріятій въ цѣляхъ улучшенія качественной стороны дѣла народнаго образованія. Былъ, разумѣется, выдвинутъ вопросъ и объ учительскихъ съѣздахъ.

Въ очередную сессію московскаго губернскаго земскаго собранія 1897-го года губернской управой представленъ былъ собранію весьма обстоятельный докладъ по вопросу о правильной постановкѣ дѣла устройства „учительскихъ собраній“. Собранію предлагалось возбудить ходатайство объ отмѣнѣ министерскаго циркуляра 1885 г., воспретившаго созывъ учительскихъ съѣздовъ. Но тутъ случилось довольно знаменательное событіе,—

подготовительная коммиссія, на разсмотрѣніе которой былъ переданъ докладъ управы объ учительскихъ съѣздахъ, большинствомъ высказалась противъ предложенія управы ходатайствовать о разрѣшеніи учительскихъ съѣздовъ. Основныхъ возраженій противъ желательности разрѣшенія учительскихъ съѣздовъ большинствомъ подготовительной комиссіи, было выдвинуто два. Это—1) неподготовленность современнаго учительскаго персонала земскихъ школъ Московской губерніи для того, чтобы принимать участіе въ самостоятельномъ рѣшеніи различныхъ вопросовъ, касающихся школьной жизни и 2) возможность возникновенія конфликтовъ между постановленіями учительскихъ съѣздовъ и училищными совѣтами. Докладъ переданъ былъ въ особое совѣщаніе по вопросамъ народнаго образованія и также раздѣлилъ мнѣнія членовъ совѣщанія почти пополамъ: изъ 28 человѣкъ—за предложеніе управы высказалось 15, противъ предложенія—13. На собраніи повторилось то же самое, и предложеніе управы хотя и прошло, но довольно незначительнымъ большинствомъ.

Конечно, здѣсь, помимо, такъ сказать, чисто психологическихъ причинъ, были и другія, болѣе реальныя; къ нимъ слѣдуетъ отнести, напримѣръ,—измѣненія, происшедшія за этотъ періодъ времени въ составѣ земскихъ гласныхъ (съ введеніемъ новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ); сословная группировка самихъ гласныхъ съ цѣлью отстаиванья своихъ групповыхъ интересовъ; разложеніе старыхъ земскихъ принциповъ подъ напоромъ экономической эволюціи и вліяніе новыхъ теченій въ области общественной мысли; усвоеніе бюрократическихъ пріемовъ управленія самими земскими учрежденіями и т. д., и т. д.—вообще, шатаніе старыхъ земскихъ основъ. Однако, какъ бы то ни было, ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ циркуляра 1885 г., воспретившаго учительскіе съѣзды, все же было возбуждено московскимъ земствомъ. Аналогичныя ходатайства были заявлены въ разное время и другими земствами.

Ходатайства эти были приняты во вниманіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, и 26-го ноября 1899 г., вмѣсто простой отмѣны циркуляра графа Делянова 1885 г.,—о чемъ ходатайствовали земства,—изданы были особыя „Временныя правила о съѣздахъ учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ“, состоящія изъ 10 пунктовъ. Всѣ эти десять пунктовъ оказались проникнутыми чрезвычайною заботливостью какъ о порядкѣ созыва съѣзда, такъ, главнымъ образомъ, о поддержаніи „порядка“ на самомъ съѣздѣ. Къ вопросу о разрѣшеніи и веденіи съѣзда, въ силу этихъ правилъ, оказалась прикосновенной почти вся сложная административная машина цѣлыхъ двухъ министерствъ—народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ; тогда какъ общественныя мѣстныя учрежденія, вѣдающія учебную и хозяйственную часть въ школахъ, т. е. училищные совѣты и земскія учрежденія,

отъ „заботъ“ о наилучшей организаціи съѣзда правилами устранены.

Ходъ всего „дѣла“ объ учительскихъ съѣздахъ „временными правилами“ опредѣляется слѣдующимъ образомъ. Инспекторъ народныхъ училищъ, „въ районѣ котораго возникло ходатайство объ устройствѣ съѣзда или оказалась въ немъ надобность“, „представляетъ о семъ“ директору народныхъ училищъ; директоръ народныхъ училищъ, съ своей стороны, „представляетъ“—попечителю учебнаго округа, а попечитель учебнаго округа, въ свою очередь, еще разъ „представляетъ“ губернатору (п. 1). При своемъ „представленіи“ инспекторъ народныхъ училищъ долженъ приложить какъ программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда (п. 2), составленную подъ его же руководствомъ (п. 2), такъ и списокъ лицъ, имѣющихъ участвовать въ съѣздѣ (п. 3). Въ программу вопросовъ, предложенныхъ съѣзду, не должны быть включаемы вопросы и темы, относящіеся „къ предметамъ вѣдѣнія училищной администраціи или другихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и лицъ“ (п. 3). Въ списокъ участниковъ съѣзда должны входить, по п. 4-му „правилъ“, учащіе („лишь одного инспекторскаго района“), лица учебнаго начальства, лица или представители учрежденій, давшихъ средства на устройство съѣзда, члены уѣзднаго училищнаго и епархіальнаго совѣтовъ и уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта. Этотъ списокъ, по одобреніи его попечителемъ учебнаго округа, препровождается „предварительно разрѣшенія съѣзда“ на заключеніе губернатора, т. е., точнѣе, на его утвержденіе. Такимъ образомъ губернаторъ еще разъ „утверждаетъ“ уже однажды утвержденныхъ имъ же самимъ лицъ (такъ какъ участники съѣзда „должностныя лица“).

Однако, и такую идеальную фильтрацію „правила“ считаютъ еще недостаточной. Очевидно, въ цѣляхъ наилучшаго охраненія порядка (за который по п. 7-му отвѣтственъ предсѣдательствующій на съѣздѣ инспекторъ народныхъ училищъ), „правила“,— не смотря на существованіе п. 5, по которому посторонняя публика совсѣмъ не допускается на засѣданія съѣзда,—находятъ нужнымъ возложить еще и на директора народныхъ училищъ „высшее наблюденіе“ „за ходомъ занятій на съѣздѣ“, а п. 8-мъ предоставляютъ ему, наравнѣ съ предсѣдателемъ съѣзда—инспекторомъ, право даже удалять изъ собранія, „въ случаѣ замѣченнаго безпорядка“, отдѣльныхъ участниковъ съѣзда, а „въ случаѣ надобности“ и закрывать съѣздъ немедленно.

Собственно самой организаціи съѣзда „правила“ удѣляютъ всего только одинъ пунктъ—9-ый. Изложенъ этотъ пунктъ слѣдующимъ образомъ: „вопросы программы, составленной для съѣзда, подвергаются всестороннему обсужденію и разъясненію съѣзда, и высказанныя по каждому изъ нихъ мнѣнія, вмѣстѣ съ сообщен-

ными свѣдѣніями и данными, излагаются вкратцѣ, послѣ обсужденія, предсѣдателемъ или директоромъ народныхъ училищъ, но голосованія мнѣніямъ не бываетъ, и никакихъ постановленій съѣздъ не дѣлаетъ". Пунктомъ 10-мъ „правилъ" предсѣдателю съѣзда предписывается, „немедленно по окончаніи съѣзда", составить подробный отчетъ о его занятіяхъ, и черезъ директора народныхъ училищъ представить его попечителю учебнаго округа, который, съ своимъ заключеніемъ, представляетъ его министру народнаго просвѣщенія.

Вотъ вкратцѣ сущность „временныхъ правилъ". Эти правила въ свое время достаточно обсуждались періодической печатью, какъ общей, такъ и спеціально-педагогической, и мы не будемъ теперь вдаваться въ детальный разборъ ихъ достоинствъ и недостатковъ. Напомнимъ только, что печать съ рѣдкимъ единодушіемъ высказалась за необходимость коренного ихъ измѣненія.

Земства, такъ же какъ и печать, отнеслись къ „временнымъ правиламъ" отрицательно и признали ихъ подлежащими измѣненію. Московское уѣздное земство, съ своей стороны, подробно разобрало „временныя правила", признало ихъ неудовлетворительными и возбудило передъ министерствомъ, черезъ губернское земское собраніе очередной сессіи, слѣдующее ходатайство:

„1) Ходатайствовать объ измѣненіи „временныхъ правилъ" для примѣненія ихъ къ съѣздамъ учащихъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ, въ смыслѣ предоставленія мѣстнымъ училищнымъ совѣтамъ, какъ учрежденіямъ, на коихъ возложено ближайшее попеченіе по народному образованію и вѣдѣнію коихъ подчинены начальныя народныя училища, а равно представителямъ земствъ, какъ учрежденій, расходующихъ на содержаніе школъ значительныя средства и заботамъ коихъ обязаны своимъ существованіемъ начальныя школы,—подобающаго имъ мѣста на учительскихъ съѣздахъ;

2) о признаніи за лицами, поименованными въ п. 4, а также за предсѣдателемъ уѣзднаго и губернскаго училищныхъ совѣтовъ и за членами послѣднихъ, за представителями земства и попечителями школъ права участія въ съѣздахъ, и, какъ слѣдствіе таковаго, отмѣну предварительныхъ списковъ;

3) опредѣленіе времени созыва съѣзда поставить въ зависимость отъ соглашенія упомянутыхъ въ п. 6 лицъ съ мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ, представителями учрежденій и лицами, содержащими школы, учителя коихъ являются участниками въ съѣздѣ и

4) предсѣдательство на съѣздѣ возложить на предсѣдателя училищнаго совѣта, какъ представителя учрежденія, коему подвѣдомственны начальныя народныя училища, съ правами, предусмотрѣнными прил. къ ст. 1900 г. II т. изд. 1876 года, сохранивъ за инспекторомъ право его замѣщенія въ случаѣ отсутствія".

Не выжидая результатовъ возбужденнаго ходатайства, московское уѣздное земство рѣшило созвать съѣздъ учителей Московскаго уѣзда еще въ 1900 г., о чемъ и возбуждено было уѣздной управой соотвѣтствующее ходатайство въ мартѣ мѣсяцѣ. Но различнаго рода „представленія", установленныя „временными правилами", успѣли совершить свой кругъ только къ 16-му августа 1900 г. Въ оставшуюся въ распоряженіи участниковъ съѣзда недѣлю (съ 1-го сентября начинаются уже занятія въ школахъ), очевидно, подготовиться къ съѣзду было нельзя, и его пришлось отложить до будущаго, т. е. до 1901 г. И вотъ, наконецъ, 17-го августа, въ залѣ политехническаго музея, учительскій съѣздъ былъ объявленъ открытымъ.

Разрѣшая съѣздъ, попечитель московскаго учебнаго округа,— очевидно, по сношенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія,—нашелъ возможнымъ не придерживаться строго „временныхъ правилъ". Такъ, вопреки п. 7 предсѣдателемъ и руководителемъ съѣзда былъ назначенъ не инспекторъ народныхъ училищъ Московскаго уѣзда г. Кноблохъ, а директоръ—В. С. Новицкій. Вопреки п. 4 въ числѣ активныхъ участниковъ на съѣздѣ допущены были не только учащіе „одного района, подчиненнаго одному инспектору народныхъ училищъ" т. е. въ данномъ случаѣ учащіе Московскаго и Подольскаго уѣздовъ (эти два уѣзда составляютъ одинъ инспекторскій районъ), но также и нѣсколько учителей и учительницъ Серпуховского уѣзда. Группѣ учителей и учительницъ Богородскаго и Коломенскаго уѣздовъ, также ходатайствовавшихъ о допущеніи ихъ на съѣздъ, было отказано, повидимому, не на основаніи п. 4 „временныхъ правилъ", а только потому, что ходатайство было возбуждено слишкомъ поздно, передъ самымъ открытіемъ съѣзда. Точно также, вопреки тому же п. 4, допущены были на съѣздъ съ правомъ голоса и представители отъ подольскаго уѣзднаго земства, хотя это послѣднее и не участвовало въ расходахъ по созыву съѣзда. Такимъ образомъ министерство народнаго просвѣщенія, очевидно, само сознало стѣснительность и несоотвѣтственность „временныхъ правилъ" требованіямъ жизни—и рѣшило раньше пойти на уступки, хотя и по нѣкоторымъ только пунктамъ.

Всѣхъ учащихъ, участвующихъ на съѣздѣ, было свыше двухсотъ человѣкъ, изъ которыхъ девять десятыхъ составляли учительницы и только одну десятую учителя; такъ что московскій съѣздъ можетъ быть названъ по справедливости съѣздомъ народныхъ учительницъ.

Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда, заключала въ себѣ 20 пунктовъ *). Она охватывала довольно полно,

*) Въ программѣ, представленной на утвержденіе московскимъ уѣзднымъ земствомъ, имѣлся еще пунктъ «о народныхъ библіотекахъ, читальняхъ, книж-

конечно, въ предѣлахъ дозволеннаго, всѣ стороны школьной жизни. Мы не будемъ здѣсь дословно приводить вопросы программы, а сгруппируемъ ихъ для удобства обозрѣнія и послѣдующаго изложенія самой работы съѣзда въ 6 отдѣловъ.

I. Воспитательная часть въ народныхъ школахъ (пп. 2, 3).
II. Учебная часть въ народныхъ школахъ (пп. 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8. 9, 10, 11).
III. Внѣшкольное образованіе (вечерніе классы для взрослыхъ, воскресные классы, народныя чтенія) (пп. 14, 15, 19).
IV. Хозяйственная часть (въ связи съ гигіеническими условіями) въ народныхъ школахъ (п 12).
V. Положеніе учащихъ въ народныхъ школахъ (п. 16).
VI. Положеніе учащихся въ народныхъ школахъ (пп. 17, 18 и 20).

Изъ этой группировки мы видимъ, что центръ тяжести съѣзда при выработкѣ программы перенесенъ былъ на учебную часть; ею заняты цѣлые десять пунктовъ программы, т. е., ровно половина, что совершенно согласуется съ пунктомъ 3-мъ „временныхъ правилъ“, предписывающимъ въ программу вопросовъ не включать вопросы и темы, относящіеся къ предметамъ вѣдѣнія училищной администраціи или другихъ правительственныхъ учрежденій и лицъ, и вообще вопросы, выходящіе изъ круга дѣятельности и вѣдѣнія учителей, какъ преподавателей, воспитателей и распорядителей каждаго въ своей школѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору работъ съѣзда, скажемъ нѣсколько словъ о самой организаціи съѣзда, о чисто технической его сторонѣ. Въ этомъ отношеніи московскій съѣздъ былъ въ высшей степени оригиналенъ. Прежде всего на немъ отсутствовала обычная для всѣхъ съѣздовъ секціонная организація. Доклады читались подъ-рядъ, въ программномъ порядкѣ. А такъ какъ въ программѣ вопросы не были сгруппированы въ отдѣлы, то въ результатѣ и получалась порядочная мѣшанина. Напримѣръ, послѣ докладовъ о внѣшкольномъ образованіи (вечерніе классы для взрослыхъ, воскресные классы), слѣдовалъ докладъ о правахъ и обязанностяхъ преподающихъ въ начальныхъ училищахъ; за нимъ обсуждался вопросъ о причинахъ ученическихъ манкировокъ, преждевременныхъ выходовъ учениковъ изъ школъ и о средствахъ къ устраненію этихъ явленій, а затѣмъ съѣздъ опять переходилъ къ обсужденію одного изъ вопросовъ внѣшкольнаго образованія— народнымъ чтеніямъ; а послѣ этого заходила рѣчь о медицинскомъ осмотрѣ учащихся и т. д. и т. д. Между тѣмъ избѣжать этого существеннаго организаціоннаго недостатка, сильно мѣшавшаго продуктивности работъ съѣзда, было бы чрезвычайно легко. Стоило только программные вопросы разбить на однородныя группы, а затѣмъ расчленить самые вопросы, и распредѣ-

---

ныхъ складахъ и пр. Завѣдываніе ими», но пунктъ этотъ въ разрѣшенной программѣ былъ вычеркнутъ.

лить работу по освѣщенію докладами каждой части даннаго вопроса между нѣсколькими участниками съѣзда. Такимъ образомъ члены съѣзда съорганизовались бы въ 6—7 группъ или секцій. Члены каждой секціи, засѣдая, положимъ, по утрамъ, подготовляли бы матеріалъ по данному вопросу для обсужденія на вечернихъ, общихъ собраніяхъ. Работа секцій могла бы заключаться, напримѣръ, въ слѣдующемъ: заготовка и выслушиваніе докладовъ по вопросу, избранному секціей; соединеніе однородныхъ докладовъ въ одинъ; выборъ типичныхъ докладовъ; выработка тезисовъ для каждаго отдѣльнаго доклада или группы однородныхъ докладовъ; сводка частныхъ тезисовъ въ группу общихъ и обработка ихъ для предложенія на обсужденіе общаго собранія и т. п. Тогда бы каждое общее собраніе (вечернее) могло быть посвящено обсужденію докладовъ одной какой-либо секціи (конечно, не всѣхъ докладовъ, а только типичныхъ или сводныхъ), а также и выработанныхъ ею общихъ тезисовъ. Послѣднее общее засѣданіе съѣзда могло бы быть посвящено сводкѣ въ одно цѣлое всѣхъ высказанныхъ съѣздомъ „пожеланій", которыя и явились бы тогда показателемъ итога всей съѣздовой работы.

Въ результатѣ такой или подобной организаціи несомнѣнно получилась бы бо́льшая работоспособность съѣзда, бо́льшая опредѣленность и полнота его „пожеланій". Во-первыхъ, каждому изъ докладчиковъ не пришлось бы повторять то, что уже сказано другимъ докладчикомъ (что часто имѣло мѣсто на съѣздѣ); во-вторыхъ, вопросы могли бы быть освѣщены болѣе всесторонне, чѣмъ они освѣщались при принятомъ порядкѣ и, наконецъ, въ третьихъ—въ результатѣ каждаго отдѣльнаго засѣданія получилось бы тогда полное впечатлѣніе по цѣлой данной группѣ вопросовъ, охватывающихъ ту или другую сторону школьной жизни. Уходя изъ засѣданія, при наличности такой организаціи, можно было бы ясно представить себѣ, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время данная сторона школьнаго дѣла и какіе именно пути намѣчены съѣздомъ къ улучшенію его постановки.

Между тѣмъ чисто порядковое разсмотрѣніе вопросовъ повело къ хаотичности и неполнотѣ впечатлѣнія даже у самихъ участниковъ съѣзда. Отсутствіе секціонной организаціи сказалось на первомъ же засѣданіи съѣзда. Доклады, предложенные на обсужденіе съѣзда, оказались настолько серьезными, что безъ предварительнаго анализа ихъ, съѣздъ не рѣшился высказывать какія бы то ни было „пожеланія". Это повело къ избранію особой коммиссіи (съѣздовой), изъ 12-ти лицъ, и передачу на ея разсмотрѣніе цѣлаго ряда докладовъ. И переданныхъ докладовъ оказалось столько, что коммиссія въ концѣ концовъ не справилась съ своей задачей и оставила многіе изъ докладовъ совершенно не разсмотрѣнными. Условія дѣятельности этой коммиссіи были также не обычны по сравненію съ другими съѣздовыми коммиссіями. Пред-

сѣдателемъ этой коммиссіи было не выборное лицо, а назначенное—одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ Московской губерніи М. П. Булыгинъ. Затѣмъ коммиссія не имѣла права въ свои засѣданія приглашать даже съ правомъ совѣщательнаго голоса лицъ, которыя могли бы быть полезны своими указаніями въ чисто спеціальныхъ вопросахъ, (какъ, напримѣръ, въ вопросахъ школьной гигіены и т. п.). Чтобы оріентироваться въ такихъ спеціальныхъ вопросахъ, члены коммиссіи должны были „на сторонѣ", внѣ засѣданій коммиссіи, пользоваться указаніями „свѣдущихъ людей". Такое ненормальное положеніе вещей создано было исключительно пунктомъ 4-мъ временныхъ правилъ, исключившимъ изъ числа участниковъ съѣзда такихъ спеціалистовъ по вопросамъ физическаго воспитанія и школьной гигіены, каковы санитарные врачи, которые по роду своей дѣятельности отправляютъ въ земствѣ функціи собственно и школьныхъ врачей. Что же касается отсутствія секціонной съѣздовой организаціи, то это обстоятельство должно быть всецѣло поставлено въ вину самимъ организаторамъ съѣзда и никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено на счетъ „временныхъ правилъ", которыя почти совершенно не касаются организаціонной стороны съѣздовъ.

Хаотичности впечатлѣнія отъ работъ съѣзда не мало также способствовало и отсутствіе въ докладахъ сжатыхъ, точно формулированныхъ тезисовъ. Часто это были не тезисы, а просто лишь планъ работы, какъ бы оглавленіе доклада. Затѣмъ, организаціонное бюро съѣзда или „подготовительная коммиссія", какъ называлась она въ московскомъ съѣздѣ, очевидно, не вполнѣ отдавала себѣ отчетъ въ задачахъ своей дѣятельности. На ея обязанности главнымъ образомъ, конечно, долженъ былъ лежать предварительный просмотръ докладовъ, подлежавшихъ обсужденію съѣзда въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. Доклады въ подготовительной коммиссіи, правда, прочитывались; но дѣло, очевидно, только тѣмъ и ограничивалось. Коммиссія не фильтровала докладовъ, не группировала ихъ, не обращала вниманія на редакцію ихъ тезисовъ, не принимала въ разсчетъ времени, которое займетъ у съѣзда чтеніе того или другого доклада. Иначе нельзя объяснить разительное сходство, мѣстами иногда даже прямо тождественность докладовъ, принадлежавшихъ разнымъ докладчикамъ, но по одному и тому же вопросу. Допущенъ былъ, между прочимъ, и такой курьезъ. Однимъ изъ докладчиковъ г. Булгаковымъ,—читавшимъ докладъ на тему о пригодности книги г. Баранова для класснаго чтенія „Наше родное", г. III,—былъ „попутно" прочитанъ цѣлый элементарный курсъ русской исторіи, съ цитатами изъ лѣтописи Нестора и другихъ, что заставило съѣздъ потерять непроизводительно почти цѣлый часъ времени. А между тѣмъ съѣздъ, ограниченный „временными правилами" семидневнымъ срокомъ, не могъ такъ роскошничать

своимъ временемъ, въ чемъ и пришлось ему убѣдиться подъ конецъ, когда вопросы приходилось не обсуждать, а „пробѣгать", и даже „обѣгать". А между тѣмъ стоило только подготовительной коммиссіи отнестись повнимательнѣе къ своему дѣлу, а предсѣдателю съѣзда ограничить пренія опредѣленнымъ временемъ,— и у съѣзда хватило бы времени для всесторонняго обсужденія всѣхъ вопросовъ съѣздовой программы.

Еще два слова по поводу примѣненія на съѣздѣ пункта 9-го „временныхъ правилъ"—объ обсужденіи докладовъ безъ голосованій ихъ тезисовъ и недѣланія по нимъ никакихъ „постановленій" (допускались только „пожеланія"). Это требованіе „временныхъ правилъ" поставило въ большое затрудненіе какъ руководителей съѣзда, такъ и руководимыхъ. Представьте себѣ такую картину. Прочитывается докладъ по какому нибудь вопросу. Начинается его обсужденіе. Одни участники съѣзда или просто присоединяются къ мнѣнію докладчика, или дѣлаютъ тѣ или другія дополненія къ его „пожеланіямъ"; другіе возражаютъ докладчику, выясняютъ неправильность его точки зрѣнія, дѣлаютъ совершенно новыя предложенія, высказываютъ „пожеланія" совсѣмъ не такія, какія предлагаетъ „желать" докладчикъ. Пренія (или высказываніе „мнѣній" что-ль) закончены. Предсѣдателю надо резюмировать все имъ выслушанное и формулировать „пожеланіе" съѣзда. Участвовало же въ преніяхъ, положимъ трое-четверо, и говорили всѣ разное, а остальной „съѣздъ" молчалъ. Какъ тутъ резюмировать, какъ опредѣлить „*что*" именно желаетъ съѣздъ „пожелать"? Положеніе болѣе чѣмъ затруднительное. Голосованіе сейчасъ же показало бы, на чьей сторонѣ большинство съѣзда, и вопросъ разрѣшился бы очень просто, но голосовать по „правиламъ" нельзя. И вотъ предсѣдатель старается угадать, проникнуть въ настроеніе „съѣзда".—Мнѣ кажется, что большинство съѣзда высказывается,—говоритъ онъ нерѣшительно,—и по своему усмотрѣнію и разумѣнію формулируетъ „пожеланіе". Въ отвѣтъ слышится нечленораздѣльный гулъ голосовъ „съѣзда". Предсѣдатель опять въ затрудненіи; что означаетъ этотъ гулъ—согласіе или несогласіе съ его формулировкой? И онъ старается опять „проникнуть". „Вѣдь, я такъ понимаю сдѣланное здѣсь предложеніе",—говоритъ онъ и выжидаетъ нѣкоторое время. Опять гулъ голосовъ, и опять сомнѣніе, что именно этотъ гулъ можетъ означать. И въ такомъ комичномъ положеніи руководитель и руководимые оказывались не однажды.

Но, конечно, въ вопросахъ не „безразличныхъ" такія колебанія со стороны предсѣдателя съѣзда не имѣли мѣста: формулировка дѣлалась имъ быстро,—даже иногда, пожалуй, и черезчуръ быстро,—и именно такая, какой ей и „слѣдовало быть" по смыслу „правилъ" и личному мнѣнію предсѣдателя.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію работъ съѣзда. Но здѣсь мы

должны сдѣлать оговорку. Въ своемъ обзорѣ работъ съѣзда мы отнюдь не задаемся цѣлью дать полный отчетъ о всѣхъ представленныхъ съѣзду докладахъ и вдаваться въ подробную оцѣнку и детальное разсмотрѣніе каждаго изъ нихъ. Это было бы черезчуръ утомительно для читателей, да и едва-ли нужно для характеристики самого съѣзда, что, собственно, составляетъ главную нашу задачу. Мы намѣрены сгруппировать всѣ доклады съѣзда въ намѣченные нами выше 6 отдѣловъ и говорить лишь о типичныхъ докладахъ, относящихся къ каждому изъ этихъ отдѣловъ.

По поводу постановки *воспитательной части въ народныхъ школахъ* было представлено всего шесть докладовъ (четыре на п. 3-й программы и два—на п. 13-й).

Особенно хорошій докладъ былъ сдѣланъ однимъ изъ старѣйшихъ земскихъ учителей Московскаго уѣзда, участвовавшимъ на прежнихъ учительскихъ съѣздахъ 80-хъ годовъ, А. П. Потаповымъ. Это былъ, если хотите, не просто докладъ, а страстная исповѣдь изболѣвшейся учительской души, видавшей лучшіе дни. Докладчикъ художественно изобразилъ тотъ душевный разладъ, который переживаетъ каждый „добросовѣстный“ учитель, дѣлая свое нелегкое и отвѣтственное дѣло народнаго воспитанія и просвѣщенія.

„Довѣрія, побольше довѣрія народному учителю!“—эти заключительныя слова доклада г. Потапова, вѣроятно, безпрерывно звучали въ ушахъ учителей въ теченіе всего съѣзда, и полученная возможность публично заявить объ этомъ, несомнѣнно, сообщила то бодрое настроеніе „съѣзду“, которое не покидало его до самаго конца.

Докладъ учителя Ѳ. В. Шувалова, отвѣчавшій на вопросъ — „въ чемъ состоитъ задача народной школы по понятіямъ отечественныхъ педагоговъ“, подчеркнулъ несоотвѣтствіе современныхъ требованій отъ народной школы, которыя такъ ярко обрисовалъ въ своемъ докладѣ г. Потаповъ, съ тѣми, которыя ставились ей такими представителями нашей отечественной педагогики, каковымъ былъ покойный К. Д. Ушинскій.

Доклады учительницъ — А. П. Сафоновой и особенно Е. И. Соколовой, такъ сказать, реализировали душевный вопль А. П. Потапова, указавши въ чемъ, собственно, должно проявляться „довѣріе“ къ народному учителю.

По группѣ этихъ докладовъ во второмъ засѣданіи съѣзда высказаны были такія „пожеланія“:

Такъ какъ учитель имѣетъ большое вліяніе на учениковъ, то онъ долженъ считаться только со своею совѣстью и при выполненіи своихъ обязанностей не отступать во имя экзамена или другихъ какихъ-либо цѣлей отъ своего идеала. Для того же, чтобы обезпечить такое отношеніе учителя къ своимъ обязанностямъ, желательно слѣдующее:

1) въ видахъ успѣха воспитательнаго и образовательнаго дѣла въ народной школѣ слѣдуетъ предоставить преподавателю бо́льшую самостоятельность на экзаменахъ, избавивъ его отъ давленія экзаменаторовъ, какъ изъ среды оффиціальныхъ лицъ, такъ и изъ среды членовъ училищнаго совѣта.

2) Экзаменаторъ при производствѣ экзамена долженъ руководиться программой, представленной учителемъ, и бо́льшихъ требованій не предъявлять.

3) Желательно, чтобы лица, ревизующія школу, не начинали ревизіи, не побесѣдовавъ предварительно съ учителемъ о постановкѣ дѣла въ его школѣ, не познакомившись съ тѣми путями и задачами, какія имѣетъ въ виду самъ учитель; производили бы ревизію основательно, прослушавъ уроки учителя, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одного учебнаго дня, и не уѣзжали бы изъ школы, не высказавъ учителю своего заключенія о тѣхъ или другихъ неправильностяхъ, замѣченныхъ ими въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ данной школѣ.

4) Въ цѣляхъ установленія товарищескаго контроля, какъ наиболѣе дѣйствительнаго и цѣлесоотвѣтственнаго, желательно, чтобы учитель безпрепятственно имѣлъ возможность пользоваться обществомъ своихъ товарищей; могъ бы посѣщать сосѣднія школы, чтобы присутствовать на занятіяхъ товарищей; участвовать въ періодически созываемыхъ педагогическихъ собраніяхъ,—которыя слѣдовало бы организовать,—и присутствовать на экзаменахъ у своихъ ближайшихъ товарищей, въ качествѣ ассистента.

Собственно, послѣднія „пожеланія“ съѣзда соприкасаются съ пожеланіемъ расширенія гражданскихъ правъ народныхъ учителей. Поэтому, для цѣлостности впечатлѣнія, мы, оставляя пока въ сторонѣ работы съѣзда по другимъ сторонамъ школьнаго дѣла, скажемъ сейчасъ о докладѣ учительницы В. А. Соколовой, представленномъ ею на п. 16-й программы, имѣющій такую редакцію:

„О правахъ и обязанностяхъ преподающихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ по существующимъ законоположеніямъ; о взаимныхъ отношеніяхъ учащихъ одного и того же училища между собою; по вопросу, отчего можетъ охладѣть учитель къ своему дѣлу и какъ устранить это явленіе; о средствахъ къ дальнѣйшему самообразованію учителя; учительскіе курсы и съѣзды, командировки съ цѣлью пополненія знаній, образовательныя путешествія, библіотеки и проч.; о необходимости знаній по педагогикѣ и школьной гигіенѣ для преподавателей народной школы и о мѣрахъ и способахъ къ удовлетворенію этой необходимости; о наилучшей организаціи общества взаимнаго вспомоществованія учителей“.

На этотъ пунктъ программы также было представлено нѣсколько докладовъ, но мы остановимъ вниманіе читателей только

на докладѣ г-жи Соколовой, который является, такъ сказать, сводной работой, освѣщая всѣ стороны затронутаго этимъ важнымъ пунктомъ вопроса.

Желая говорить о „правахъ“ народнаго учителя, г-жѣ Соколовой, естественно, въ своемъ докладѣ пришлось больше говорить объ „обязанностяхъ“ народнаго учителя и его „безправіи“. Яркими штрихами былъ очерченъ докладчицей образъ безправнаго народнаго учителя. Масса „обязанностей“,—говорилось въ докладѣ,—лежитъ на современномъ народномъ учителѣ. Отъ него требуется, кромѣ воспитанія дѣтей въ строго опредѣленномъ направленіи, обученіе ихъ—прежде всего предметамъ школьнаго курса и затѣмъ: церковному пѣнію, гимнастикѣ, рукодѣлью, ручному труду, ремесламъ—переплетному, столярному, токарному и т. п., раціональному огородничеству, земледѣлію, садоводству, пчеловодству, шелководству, куроводству и т. д. и т. д. Это въ будни. Въ праздники—онъ обязанъ съ учениками посѣщать церковь, гдѣ или просто самъ поетъ на клиросѣ, или управляетъ хоромъ; затѣмъ ему еще приходится работать въ воскресныхъ классахъ, выдавать книги изъ ученической, а иногда и изъ народныхъ библіотекъ, вести собесѣдованія, чтенія съ туманными картинами и т. п. Въ нравственномъ отношеніи онъ долженъ служить „примѣромъ“ для населенія, т. е. онъ не долженъ прежде всего „пить, курить и любить“, долженъ быть снисходительнымъ къ дѣтямъ, ласковъ со всѣми и почтительнымъ къ начальству. Начальства же у него, даже ближайшаго, тьма—директоръ, инспекторъ, предсѣдатель и члены училищнаго совѣта, лица, приглашенныя по 41 ст., члены городской или земской управы, земскіе начальники, мѣстные землевладѣльцы, законоучитель и попечитель школы, волостной старшина и сельскій староста, и даже исправники, становые и урядники. Все это многочисленное начальство требуетъ отъ учителя или подчиненія, или почтенія и уваженія и слѣдитъ за нимъ въ сотни глазъ—и за его работой, и за его поведеніемъ; контролируетъ и направляетъ его педагогическія, религіозныя и политическія убѣжденія.

Таковы „обязанности“ народнаго учителя и „требованія“, предъявляемыя къ нему.

А вотъ его и „права“. Если народный учитель, не смотря ни на что, всетаки вынесъ этотъ тяжелый искусъ и не сбѣжалъ изъ школы ни въ попы, ни въ діаконы или псаломщики, ни въ канцелярію въ „писатели“, ни въ винную монополію въ сидѣльцы, словомъ, оттрубилъ болѣе 10 лѣтъ, то такой храбрецъ имѣетъ право (конечно, по представленію своего начальства) или на полученіе серебряной медали „за усердіе“, или же на присвоеніе званія личнаго почетнаго гражданина (не дающаго, впрочемъ, никакого почета и никакихъ правъ гражданства). Сыновья народнаго учителя, состоящаго на дѣйствительной службѣ, полу-

чаютъ право на безплатное обученіе въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ (дочери его не пользуются этимъ правомъ); но если учитель, прослужившій болѣе 10 лѣтъ, вышелъ въ отставку или перемѣнилъ родъ службы, то и сыновья его освобождаются отъ платы за ученье *только* „по представленіи свидѣтельства о бѣдности". Учитель, прослужившій 25 лѣтъ, имѣетъ право на мизерную пенсію отъ 120 до 150 руб. въ годъ (за которую онъ при томъ же уплачивалъ ежегодно отъ 4 до 6% изъ своего скуднаго жалованья), могущую обезпечить ему лишь полуголодное существованіе,—къ которому онъ, впрочемъ, будетъ уже пріученъ 25-лѣтнимъ пребываніемъ въ состояніи „хроническаго голоданія".

Собственно гражданскихъ правъ у народнаго учителя также значительно меньше, чѣмъ у каждаго изъ прочихъ россійскихъ обывателей. Такъ, напримѣръ, если учитель происходитъ изъ податного состоянія и не успѣлъ во-время „отписаться" отъ крестьянскаго сословія, то онъ можетъ быть даже подвергнутъ „поркѣ" своимъ волостнымъ начальствомъ (на возможность чего и указывалось на съѣздѣ А. П. Потаповымъ). Кромѣ того, начальство часто предписываетъ учителю или учительницѣ не носить той или другой одежды, дѣлать ту или другую прическу, даже не выходить замужъ или жениться по своему усмотрѣнію и выбору, безъ разрѣшенія. Затѣмъ учитель не имѣетъ права отлучиться безъ спроса изъ школы, поѣхать къ своему товарищу въ гости, собрать у себя своихъ товарищей для совмѣстнаго чтенія журнала или газеты, если бы они были даже и спеціально-педагогическіе.

Требуя отъ учителя, чтобы онъ постоянно совершенствовался, чтобы онъ былъ постоянно въ курсѣ своего педагогическаго дѣла, его въ то же время оставляютъ жить впроголодь и заключаютъ въ безгазетное и безкнижное пространство. Если теперь и стали разрѣшать для учителей курсы, съѣзды и общества взаимопомощи, то только опять-таки по „особымъ" уставамъ и „правиламъ".

Словомъ, „права и обязанности" народнаго учителя—это не права и обязанности свободнаго гражданина, а скорѣе человѣка, лишеннаго „всѣхъ правъ состоянія".

Что въ докладѣ В. А. Соколовой не было ни капли преувеличенія, ни даже простого, что называется, сгущенія красокъ, въ этомъ мы можемъ убѣдиться, вспомнивши только существующіе у насъ „инструктивные" труды такихъ оффиціальныхъ руководителей народныхъ учителей, какъ незабвенные гг. Яблочковы, Тарновскіе и К°. Вспомнимъ, что эти господа въ свое время составили цѣлый новый спеціально учительскій „Домострой", въ которомъ было предусмотрѣно положительно все, до мелочей, въ учительской жизни; точно было указано, что

„долженъ“ учитель и чего онъ „не долженъ“. Главная добродѣтель учительская, по этому кодексу,—„не разсуждай и почитай начальство“. „Критиковать распоряженія своего начальства,—говорится въ „трудахъ“ гг. Яблочкова и Тарновскаго, – нельзя, не прилично“. Кодексъ старается внушить учителямъ, что начальство на то и поставлено, чтобы давать имъ, учителямъ, свои совѣты на всѣ случаи ихъ жизни: какъ имъ „благоприличнѣе“ одѣться, причесаться, высморкаться...—виноватъ, перевернуть листъ у читаемой книги („не мусля пальца“).

Помогаютъ совѣтомъ гг. Яблочковы и Тарновскіе учителямъ и въ дѣлѣ женитьбы (бракъ для учительницъ они считаютъ „неприличнымъ“). Благодѣтели эти разсказываютъ въ своихъ книгахъ, какая жена нужна народному учителю, на что она ему нужна и какъ ему надо обходиться съ ней и съ своими дѣтьми, если „Богъ его благословитъ ими“. Но и послѣ такихъ подробныхъ наставленій учителямъ относительно женитьбы гг. Яблочковы и Тарновскіе все же не довѣряютъ учителю (а ну, да какъ онъ, пожалуй, выберетъ себѣ такую, какая ему не „благоприличествуетъ“) и обязываютъ его свой выборъ „повергать“ на ихъ „утвержденіе“. И за всѣ свои благодѣянія гг. Яблочковы и Тарновскіе предписываютъ народному учителю только одно... почитать начальство.

Правда, что списокъ спеціально-учительскаго начальства, по сравненію съ общепризнаннымъ, сильно расширенъ этими господами. Такъ въ списокъ учительскаго начальства, кромѣ обычнаго, этими благодѣтелями-директорами вносятся: батюшка, школьный попечитель, сельскій староста, старшина, волостной писарь, судебный слѣдователь, сосѣдній помѣщикъ (не говоря уже о жандармѣ, урядникѣ, становомъ и исправникѣ). При чемъ „почитать“ все это начальство кодексомъ предписывается не какъ нибудь, а сообразуясь съ рангомъ каждаго. Батюшкѣ, напримѣръ, слѣдуетъ „цѣловать руку, прислуживать и не надоѣдать; попечителя поздравлять съ праздникомъ и посѣщать, если онъ изъ „сѣрыхъ“, а если онъ „бѣлой кости“ т. е. изъ дворянъ, то „оказывать ему всевозможное почтеніе и услуги, поздравлять съ праздникомъ, но изъ передней“... Инспектору, когда онъ пріѣдетъ съ ревизіей, должно „изготовить чистую постель и обѣдъ изъ самой лучшей провизіи, какая имѣется въ домѣ“...

И все это писалось господами, заправляющими дѣломъ народнаго образованія не въ какомъ-нибудь Царевококшайскѣ, а въ центральныхъ губерніяхъ, по близости отъ столицъ.

Вѣдь на что ужъ кажется врагъ всякихъ сантиментальностей князь Мещерскій, а и тотъ пожалѣлъ народныхъ учителей въ своемъ „Гражданинѣ“; пожалѣлъ, правда, по своему, по мещерски, а всетаки пожалѣлъ. Вотъ, какъ онъ, напримѣръ, жалостливо говорилъ въ одномъ изъ номеровъ „Гражданина“ (кажется, за

1897 г.): „Бѣдные наши сельскіе учителя! Если кто-нибудь нуждается въ сердечной любви и въ душевной заботливости, такъ это они, поставленные на должность, гдѣ отъ нихъ столько требуется и такъ мало имъ дается. Земскій учитель—это труженикъ и подвижникъ,—подвижникъ потому, что, въ сущности, онъ одинъ въ своемъ дѣлѣ, и никто кругомъ не признаетъ его роднымъ: духовенство его сторонится, дирекція и инспекція народныхъ училищъ—это холодное и формальное вѣдомство“...

И въ заключеніе князь предлагаетъ по своему обыкновенію... Вы думаете, розгу?.. Нѣтъ, нѣтъ... Еще начальника для учителей... И при томъ „не строгаго, но справедливаго“, а „хорошаго, честнаго и почтеннаго человѣка“, который былъ бы для учителей „другомъ, отцомъ и покровителемъ“ (значитъ, что-нибудь въ родѣ гг. Яблочковыхъ и Тарновскихъ), который бы сносился объ учительскихъ нуждахъ *„прямо съ Петербургомъ“*. Такихъ начальниковъ „отцовъ-благодѣтелей“ князь проектировалъ насадить, по крайней мѣрѣ, по одному на губернію.

Однако, очевидно, московскій съѣздъ учителей не раздѣляетъ мыслей князя на этотъ счетъ.

Въ заключеніе своего интереснаго доклада г-жа Соколова предложила съѣзду высказать слѣдующія пожеланія:

1) Желательно образованіе провѣрочной коммиссіи, которая бы вѣдала разборъ дѣлъ, касающихся проступковъ учащихъ (какъ, напримѣръ, жалобъ на учителей инспекторовъ, членовъ училищнаго совѣта, земскихъ начальниковъ и т. п., а также и частныхъ лицъ), но съ тѣмъ, чтобы въ составъ этой коммиссіи отнюдь не входило лицо, возбудившее ходатайство о подобной провѣркѣ;

2) допущеніе учащихъ въ засѣданія училищнаго совѣта при разборѣ на нихъ жалобъ, чтобы учитель могъ дать свои объясненія и лично узнать о мотивахъ, послужившихъ совѣту для того или другого постановленія его по поводу разбираемой жалобы;

3) допущеніе учащихъ на засѣданія земскихъ собраній въ качествѣ „свѣдущихъ лицъ“, съ правомъ совѣщательнаго голоса, при обсужденіи постановки хозяйственной части школъ; въ этой области учащіе могли бы сдѣлать цѣнныя указанія и тѣмъ содѣйствовать улучшенію матеріальнаго быта учащихъ;

4) предоставленіе учащимъ права производства экзаменовъ наравнѣ съ членами экзаменаціонной коммиссіи; а также и права назначенія дня экзамена самими учащими, чтобы экзамены не являлись для учителя неожиданностью;

5) возбужденіе въ установленномъ порядкѣ ходатайства о предоставленіи права безплатнаго обученія дѣтей учащихъ, какъ мужского, такъ и женскаго пола, безъ ограниченія десятилѣтнимъ срокомъ, и распространенія этого права и на дѣтей учительницъ;

6) предоставленіе права приглашать кандидатовъ на учи-

тельскія должности самимъ учащимъ по примѣру врачебнаго и санитарнаго совѣтовъ врачей;

7) разрѣшеніе организаціи товарищескихъ судовъ;

8) разрѣшеніе товарищескихъ собраній;

9) уравненіе правъ и быта вторыхъ учителей и учительницъ съ завѣдующими;

10) сокращеніе программы или увеличеніе времени обученія;

11) улучшеніе матеріальнаго быта учащихъ;

12) устройство санаторіи и дома призрѣнія для учащихъ;

13) разрѣшеніе учительскихъ съѣздовъ съ предоставленіемъ большихъ правъ его участникамъ;

14) организація учительскихъ обществъ взаимопомощи;

15) командировки учащихъ на постоянные высшіе курсы; командировки за границу, образовательныя путешествія;

16) слушаніе лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ и по школьной гигіенѣ;

17) улучшеніе библіотеки для служащихъ въ московскомъ уѣздномъ земствѣ;

18) организація при каждой школѣ педагогической библіотеки;

19) выписываніе учащими журналовъ и газетъ при помощи земства.

Съѣздъ (по крайней мѣрѣ большая часть его—учащіе) присоединился къ высказаннымъ пожеланіямъ дружными, долго не смолкавшими апплодисментами, въ первый разъ раздавшимися въ залѣ засѣданій съѣзда.

Такими же бурными апплодисментами съѣздъ отмѣтилъ и послѣдовавшую за докладомъ г-жи Соколовой горячую рѣчь другой учительницы, г-жи Зиловой, призывавшей своихъ товарищей „любить, безгранично любить свое дѣло; отдавать ему всѣ свои силы, вкладывать въ него всю свою душу, въ надеждѣ, что свѣтъ рано или поздно побѣдитъ тьму и что скоро вслѣдъ за брезжущейся теперь зарей народнаго просвѣщенія, взойдетъ яркое солнце знанія и своими чудными, ласковыми лучами согрѣетъ и освѣжитъ пребывающій во тьмѣ, изстрадавшійся народъ нашъ“.

Затѣмъ при обсужденіи доклада г-жи Соколовой учителемъ В. А. Голубевымъ было указано, что въ виду того, что учитель, помимо своей спеціальной дѣятельности, призванъ также быть и общественнымъ дѣятелемъ и, входя во всѣ интересы внутренней жизни населенія, долженъ быть полезенъ ему и въ развитіи, напримѣръ, сельскаго хозяйства, и въ дѣлѣ народной трезвости, слѣдовало бы высказать пожеланіе, чтобы учитель былъ надѣленъ и юридическими правами, которыя бы дали ему возможность съ правомъ голоса участвовать въ рѣшеніи дѣлъ на сельскихъ сходахъ.

Вторая группа вопросовъ—*учебная часть въ школахъ*,—какъ мы уже сказали выше, заключала въ себѣ ровно половину всѣхъ

программныхъ вопросовъ. По этой группѣ вопросовъ было заслушано болѣе 20 докладовъ. Большая часть ихъ передана была на разсмотрѣніе и заключеніе съѣздовой коммиссіи. Повторяемъ, что въ своей замѣткѣ мы не намѣрены подробно останавливаться на работахъ съѣзда, а поэтому и теперь мы ограничимся лишь приведеніемъ основныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ съѣздъ.

Докладчикомъ Я. Е. Жуковымъ была намѣчена подробная программа, по которой, по его мнѣнію, всего удобнѣе было бы дѣлать обзоръ пройденнаго въ учебномъ году въ каждомъ училищѣ, съ педагогической оцѣнкой и указаніями на встрѣчающіяся неудобства, ихъ причины и мѣры къ ихъ устраненію *).

Въ другомъ своемъ докладѣ Я. Е. Жуковъ, руководствуясь выработанной имъ программой, и далъ такой обзоръ положенія учебно-воспитательнаго дѣла въ земскихъ школахъ Московскаго уѣзда, иллюстрируя свои выводы цѣлымъ рядомъ примѣровъ, изъ своихъ наблюденій надъ школьною жизнью, сдѣланныхъ имъ во время объѣздовъ школъ по порученію уѣздной земской управы, въ качествѣ запасного учителя. „Обзоръ“ Я. Е. Жукова рисуетъ довольно печальную картину положенія учебно-воспитательнаго дѣла въ „передовомъ“ Московскомъ уѣздѣ. Всѣ „болѣзнетворныя палочки-грибки“, разлагающія современную народную школу, дѣлаютъ свою разрушительную работу и въ земскихъ школахъ Московскаго уѣзда. И г. Жуковъ, какъ и г. Потаповъ, указывалъ на то, что учитель нашей школы крайне нуждается въ бо́льшемъ довѣріи со стороны начальства и въ бо́льшей свободѣ въ веденіи учебно-воспитательнаго дѣла.

Подъ давленіемъ экзаменаціонныхъ и программныхъ требованій, центръ тяжести школьнаго обученія переносится на грамматику, диктанты, списываніе, вообще на разнаго рода „механизмы“, не развивающіе, а затупляющіе и опустошающіе сознаніе дѣтей. Всѣ такого рода ненормальныя явленія могутъ быть устранены очищеніемъ программы преподаванія отъ ненужнаго балласта, болѣе раціональной постановкой экзаменовъ, расширеніемъ трехгодичнаго курса въ четырехгодичный и устройствомъ новаго типа народныхъ сельскихъ школъ, съ болѣе широкой программой общеобразовательныхъ предметовъ, которыя бы давали ученикамъ болѣе законченное образованіе. Эти положенія и были развиты болѣе подробно другими докладчиками.

Такъ, учителемъ И. Ѳ. Шухвастовымъ была разсмотрѣна „примѣрная“ программа, изданная министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1897 г. Докладчикъ пришелъ къ заключенію, что требованія министерской программы черезчуръ велики и не мо-

*) Къ сожалѣнію, эта цѣнная въ педагогическомъ отношеніи работа, переданная на разсмотрѣніе и заключеніе съѣздовой коммиссіи, не была разобрана ею за недостаткомъ времени.

гутъ быть выполнены при трехгодичномъ курсѣ. Докладчики— В. В. Игнатьевъ, Я. В. Миловидовъ и М. К. Черногубова,— по поводу грамматическихъ требованій, предъявляемыхъ въ современныхъ народныхъ школахъ, пришли къ тому заключенію, что „грамматизмъ“ въ народной школѣ играетъ такую же роль, какую игралъ недоброй памяти „классицизмъ“ въ средней, что объемъ требованій грамматики въ народныхъ школахъ далеко превышаетъ требованія, установленныя даже оффиціальной программой. Докладчики указывали на необходимость не только сокращенія требованій по грамматикѣ, но также и на устраненіе изъ русскаго алфавита „распроклятой буквы ѣ“ и другихъ совершенно ненужныхъ буквъ, какъ ъ, і, ѳ, ѵ.

По поводу изложенныхъ мнѣній, большинство съѣзда признало необходимымъ курсъ грамматики сократить настолько, чтобы ученики писали лишь безъ искаженія словъ, а ознакомленіе съ грамматической терминологіей признано желательнымъ отнести къ третьему году обученія; что же касается высказанныхъ пожеланій объ уничтоженіи буквы ѣ и вообще объ упрощеніи алфавита, то съѣздъ, конечно, могъ присоединиться къ мнѣнію докладчиковъ по этому вопросу лишь принципіально. По вопросу о диктантахъ съѣздъ присоединился къ мнѣнію тѣхъ докладчиковъ, которые отдавали предпочтеніе предупредительнымъ диктантамъ передъ провѣрочными. О роли диктанта на экзаменѣ съѣздъ высказался въ томъ смыслѣ, чтобы онъ былъ замѣненъ письменнымъ изложеніемъ, по которому можно лучше судить и о развитіи ученика, и объ усвоеніи имъ основныхъ правилъ правописанія. Вообще относительно преподаванія въ народной школѣ русскаго языка съѣздъ высказался за то, чтобы центръ тяжести преподаванія перенесенъ былъ на объяснительное чтеніе статей, по классным книгамъ для чтенія и другимъ источникамъ, и на устное и письменное изложеніе мыслей. При этомъ высказано было пожеланіе, чтобы въ народной школѣ, путемъ чтенія, давалось побольше свѣдѣній изъ исторіи, географіи и естественной исторіи.

По поводу преподаванія въ народной школѣ историческихъ, географическихъ и естественно-историческихъ свѣдѣній однимъ изъ докладчиковъ, учителемъ А. А. Соколовымъ, былъ выработанъ довольно обширный конспектъ свѣдѣній по перечисленнымъ отдѣламъ знанія, которыя, по его мнѣнію, желательно бы было сообщать ученикамъ черезъ книгу для класснаго чтенія. Съѣздъ высказался за желательность выполненія предложенной г. Соколовымъ программы, но при условіи сокращенія свѣдѣній по грамматикѣ и продолжительности курса школы до 4-хъ лѣтъ.

Программу по ариѳметикѣ съѣздомъ было признано желательнымъ расширить элементарнымъ курсомъ простыхъ и десятичныхъ дробей и знакомствомъ съ метрической системой, въ виду

возможности скораго введенія этой послѣдней у насъ въ Россіи; однако, такое расширеніе программы признано возможнымъ опять таки при условіи увеличенія курса народныхъ школъ съ трехгодичнаго до четырехгодичнаго.

Что касается выбора задачъ на экзаменѣ, то съѣздъ высказалъ пожеланіе, чтобы устраненъ былъ существующій въ Московскомъ уѣздѣ порядокъ присылки въ школы экзаменаціонныхъ задачъ, составляемыхъ самимъ начальствомъ. Съѣздъ указалъ, что неудобство этого порядка вытекаетъ изъ того, что лица, составляющія эти задачи, не знакомы ни съ уровнемъ развитія, ни съ объемомъ знаній учениковъ данной школы и потому нерѣдко присланныя задачи не рѣшаются не только учениками, но и самимъ преподавателемъ и даже экзаменаторами. Съѣздъ высказалъ поэтому пожеланіе, чтобы экзаменаціонныя темы выбирались въ самой школѣ, по соглашенію учительскаго ея персонала съ членомъ педагогическаго совѣта—экзаменаторомъ и удовлетворяли бы слѣдующимъ требованіямъ: 1) задачи по своей трудности должны быть принаровлены къ среднимъ способностямъ учениковъ, 2) условія задачи не должны содержать ничего такого, что для рѣшенія самой задачи можетъ потребовать отъ ученика особой догадливости или находчивости, т. е. подходить къ типу задачъ такъ называемаго алгебраическаго характера. Проще говоря, задачи не должны быть фокусными или задачами-загадками, а лишь прозрачными по своему содержанію.

По вопросу о чистописаніи съѣздомъ указано, во-первыхъ, на вредъ излишней торопливости перехода отъ крупнаго письма къ мелкому и, во-вторыхъ, на излишнее увлеченіе учащихъ стремленіемъ достигать въ третьемъ отдѣленіи особо мелкаго письма (бисернаго), такъ какъ послѣднее ведетъ къ потерѣ желательнаго свойства—четкости. Пользу введенія системы обученія прямому письму признано считать сомнительной и не вполнѣ доказанной.

По вопросу о сообщеніи въ народныхъ школахъ полезныхъ знаній и умѣній, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ,—гимнастики, пѣнія, рукодѣлія, садоводства, огородничества, разныхъ ремеслъ и мастерства и проч.,—съѣздъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Преподаваніе гимнастики не должно имѣть мѣста въ народной школѣ, такъ какъ при неправильной постановкѣ преподаванія этого предмета, — что всегда возможно въ виду неосновательнаго знакомства народныхъ учителей съ наукой о строеніи и отправленіяхъ человѣческаго организма вообще и съ школьной гигіеной въ частности, — онъ можетъ принести только вредъ дѣтямъ, а не пользу. Подвижныя игры на открытомъ воздухѣ вполнѣ могутъ замѣнить гимнастику. Что касается преподаванія пѣнія, то высказано было пожеланіе, чтобы, во-первыхъ, наравнѣ съ пѣснопѣніями духовнаго содержанія дѣти знакомились бы и съ

простѣйшими русскими дѣтскими пѣсенками, хорошими по содержанію и мотиву, чтобы создать этимъ хоть какой-либо противовѣсъ распространенію въ сельскомъ населеніи пѣсенъ „фабричныхъ“, грубыхъ по содержанію и крайне бѣдныхъ по мотиву. Вообще же на пѣніе смотрѣть, какъ на предметъ второстепенный: преподаваніе пѣнія должно быть только желательно, но ни въ коемъ случаѣ не обязательно. Обученіе рукодѣлію признано желательнымъ, при условіи необязательности, вести въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у населенія нѣтъ относящихся сюда умѣній, причемъ обученіе не должно выходить изъ рамокъ самыхъ простыхъ пріемовъ, нужныхъ для домашняго обихода. Заведеніе школьнаго садоводства и огородничества предоставлено доброй волѣ учащихъ, считать его обязательнымъ ни въ коемъ случаѣ нежелательно.

Сдѣланъ былъ съѣздомъ и критическій обзоръ наиболѣе общеупотребительныхъ учебныхъ руководствъ.

По поводу разбора принятыхъ въ школахъ книгъ для чтенія въ первомъ отдѣленіи, съѣздъ высказалъ сожалѣніе, что въ школахъ не допущена до сего времени книга К. Д. Ушинскаго „Родное слово“ ч. I, которую пока „замѣнить еще нечѣмъ“, и внесъ пожеланіе, чтобы эта книга „вернулась“ опять въ нашу народную школу.

При обученіи первоначальному чтенію признанъ подходящимъ „Букварь“ В. П. Вахтерова и Гречушкина. Не оказалось подходящей книги для чтенія и въ другихъ двухъ отдѣленіяхъ—второмъ и третьемъ. Книги г. Баранова *) „Наше родное“, такъ распространенныя теперь въ нашихъ родныхъ школахъ, съѣздъ призналъ непригодными по сухости изложенія, несистематичности матерьяла и крайне узкой тенденціозности. „Книга для чтенія“ ч. II и III (вмѣстѣ) того же автора (составленная имъ раньше книгъ, извѣстныхъ подъ заглавіемъ „Наше родное“ и теперь вышедшая уже изъ продажи) признана наиболѣе удовлетворительной и подходящей для преподаванія, за неимѣніемъ пока ничего лучшаго. „Вешніе всходы“ Д. И. Тихомірова признаны не подходящими для преподаванія въ народныхъ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ и годными только какъ пособіе при преподаваніи русскаго языка. По ариѳметикѣ съѣздъ (по предложенію предсѣдателя) высказался за учебники Евтушевскаго, Гольденберга и Ареженикова, какъ лучшіе изъ существующихъ.

При этомъ вообще съѣздъ высказался за то, чтобы право выбора руководствъ было предоставлено самимъ преподавателямъ.

Вообще при разсмотрѣніи разныхъ сторонъ учебнаго курса въ народныхъ школахъ съѣздъ обыкновенно высказывалъ два

*) Бывшаго окружного инспектора московскаго учебнаго округа, нынѣ члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

основныхъ „пожеланія“—это, во-первыхъ, чтобы „Карфагенъ все-таки былъ разрушенъ“, т. е. чтобы „механизмъ“ преподаванія вообще и „грамматизмъ“ въ частности, свившіе себѣ прочное гнѣздышко въ современной народной школѣ, уступили дорогу развивающимъ и воспитывающимъ предметамъ обученія и, во-вторыхъ, чтобы курсъ народной школы былъ расширенъ съ трехгодичнаго до четырехгодичнаго.

По этому послѣднему вопросу было представлено съѣзду цѣлыхъ пять докладовъ. Изъ нихъ три ознакомили участниковъ съѣзда съ опытомъ московскаго уѣзднаго земства по организаціи четвертаго отдѣленія при земскихъ школахъ.

Четвертыя отдѣленія въ видѣ опыта организованы были лишь при двухъ школахъ. Учительницей одной изъ этихъ школъ, М. К. Черногубовой, представленъ былъ довольно обстоятельный отчетъ о занятіяхъ съ четвертымъ отдѣленіемъ, изъ котораго видно, что за $3^1/_2$ года четвертое отдѣленіе посѣщалось 39 учащимися, получившими уже свидѣтельства объ окончаніи трехгодичнаго курса. Изъ этого числа окончили курсъ въ четвертомъ отдѣленіи 35 человѣкъ (изъ нихъ 9 дѣвочекъ). Въ программу занятій входили, между прочимъ, русская исторія, географія, ариѳметика, естествовѣдѣніе, сообщались свѣдѣнія по зоологіи, ботаникѣ, физикѣ. Опытъ показалъ громадную пользу этихъ занятій, какъ въ отношеніи закрѣпленія знаній, полученныхъ ранѣе, такъ и въ смыслѣ пріобрѣтенія вновь цѣлаго ряда полезныхъ свѣдѣній и, главное, пробужденія интереса въ книгѣ (докладчица указывала, что обращенія за книгами для чтенія въ школьную библіотеку наблюдались гораздо чаще). Кромѣ того вліяніе четвертаго отдѣленія сказалось и на пробужденіи желанія со стороны учениковъ этого отдѣленія продолжать свое образованіе, съ каковой цѣлью нѣсколько учениковъ поступили въ московскія учебныя заведенія (по преимуществу профессіональныя).

Однако, какъ г-жей Черногубовой, такъ и другими докладчицами и докладчиками по этому вопросу, современная постановка этого дѣла признана была ненормальной. Ненормальность усматривалась въ томъ, что, во-первыхъ, при ежегодномъ выпускѣ учениковъ одновременно изъ третьяго и четвертаго отдѣленій учащимъ приходится слишкомъ утомляться; во-вторыхъ, ученики четвертаго отдѣленія находятся на положеніи какъ бы вольнослушателей и поэтому не считаютъ обязательнымъ аккуратное посѣщеніе уроковъ и, въ-третьихъ, существующая программа все-таки проходится слишкомъ спѣшно и неосновательно, причиною чего служитъ, какъ обширность самой программы, такъ и утомленность преподавательскаго персонала. Въ виду этого, съѣздъ, признавая четвертое дополнительное отдѣленіе полезнымъ для учениковъ народной школы, высказалъ пожеланіе, чтобы во-пер-

выхъ, введенъ былъ *обязательный* четырехгодичный курсъ обученія (при сохраненіи существующей программы, но съ сокращеніемъ нѣкоторыхъ правилъ по грамматикѣ и правописанію), и, во-вторыхъ, сверхъ того, высказался за настоятельную необходимость устройства особыхъ, преимущественно профессіональныхъ училищъ съ интернатами и болѣе широкой программой общеобразовательныхъ предметовъ, чѣмъ въ начальной школѣ.

Кромѣ того докладчикомъ О. В. Шуваловымъ предложено было устройство для окончившихъ курсъ земской школы особыхъ земскихъ двухклассныхъ училищъ, а Е. О. Соловьевой высказано было пожеланіе, чтобы московское земство двинуло поскорѣе впередъ вопросъ объ устройствѣ, согласно постановленію земскаго собранія, профессіональной школы высшаго типа въ память Пушкина.

По третьей группѣ вопросовъ (между прочимъ, купированныхъ при разрѣшеніи программы съѣзда)—*внѣшкольное образованіе*—съѣздъ, не отвергая въ принципѣ пользы воскресныхъ школъ и занятій съ взрослыми, полагалъ, что на практикѣ трудно ихъ осуществить; но тамъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ это окажется возможнымъ, занятія эти желательны.

Вопросъ о народныхъ чтеніяхъ только, можно сказать, возникалъ на съѣздѣ, но не обсуждался, такъ какъ предсѣдатель съѣзда заявилъ, что новыя дополнительныя правила о народныхъ чтеніяхъ, изданныя недавно министерствомъ народнаго просвѣщенія, даютъ достаточный просторъ для веденія этого дѣла. Мы, съ своей стороны, никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ предсѣдателя съѣзда о томъ, что въ этой области „совершено все, что можно совершить“; „дополнительныя правила“ хотя, правда, и сократили нѣсколько прежнюю „волокиту“, при разрѣшеніи народныхъ чтеній, но далеко не осуществили всего того, что необходимо для правильной постановки этого важнаго средства для проведенія знаній въ народъ.

Вообще обсужденіе этой чрезвычайно важной, по нашему мнѣнію, группы вопросовъ прошло на съѣздѣ въ высшей степени вяло. Чрезвычайно также жаль, что обсужденіе вопросовъ о другихъ средствахъ внѣшкольнаго образованія—народныхъ библіотекахъ, читальняхъ и книжныхъ складахъ,—совсѣмъ почему то не допущено было на московскомъ учительскомъ съѣздѣ, хотя дѣятельность этихъ учрежденій часто тѣсно связана съ народной школой и ея учителемъ.

Четвертый отдѣлъ вопросовъ,—*хозяйственная часть въ народныхъ школахъ*,—заключалъ въ себѣ, собственно, только одинъ пунктъ программы (12), который редактированъ былъ такимъ образомъ: „Установленіе наилучшихъ хозяйственныхъ и гигіеническихъ условій для народной школы; постановка школьнаго обученія съ точки зрѣнія психофизіологіи и гигіены (обученіе

ребенка въ зависимости отъ его индивидуальныхъ особенностей, продолжительность школьныхъ занятій въ теченіе учебнаго дня, нормальное число группъ и количество учениковъ на одного учителя и проч.)". Къ сожалѣнію, и этотъ существенно-важный для школы вопросъ съѣздъ только „пробѣжалъ", не подвергнувъ его детальному разсмотрѣнію. Первая часть этого программнаго пункта—„установленіе наилучшихъ хозяйственныхъ условій для народныхъ школъ"—совершенно не получила на съѣздѣ достаточнаго освѣщенія. На съѣздѣ не было развернуто картины „хозяйственнаго" положенія школъ московскаго уѣзднаго земства,—что, вѣроятно, объясняется излишней деликатностью большинства участниковъ съѣзда, земскихъ учителей и учительницъ, — проявленной ими въ присутствіи своего хозяина-предсѣдателя Н. Ѳ. Рихтера. А между тѣмъ намъ доподлинно извѣстно, что и съ этой стороны въ земскихъ школахъ Московскаго уѣзда обстоитъ далеко не все благополучно. Намъ извѣстно, что въ погонѣ за осуществленіемъ скорѣйшаго достиженія общедоступнаго начальнаго обученія, московскому уѣздному земству пришлось открывать свои новыя школы въ наскоро приспособленныхъ или также на скоро построенныхъ зданіяхъ, далекихъ не только отъ школьно-санитарныхъ идеаловъ,—можетъ быть, пока трудно осуществимыхъ,—но и отъ вполнѣ осуществимыхъ идеаловъ простого хозяйственнаго уюта. Намъ извѣстенъ даже случай смертельной простуды, схваченной учительницей (А. А. Афанасьевой) въ одной изъ такихъ именно школъ „съ протекціей" и „съ продуновеніемъ". Вообще организація хозяйственной части въ народныхъ школахъ, въ томъ числѣ и въ Московскомъ уѣздѣ, не можетъ считаться настолько упорядоченной, чтобы „никакихъ вопросовъ" по этому поводу не могло возникать на съѣздѣ. Въ той горькой чашѣ, которую преподноситъ государство и общество нашимъ народнымъ учителямъ, капли хозяйственныхъ „желчи и оцта" имѣются въ достаточномъ количествѣ.

Вопросъ объ организаціи коллегіальныхъ хозяйственныхъ органовъ—*мѣстныхъ школьно-хозяйственныхъ попечительствъ*—совсѣмъ на съѣздѣ не поднимался (мы различаемъ *школьныя попечительства*, о которыхъ шла рѣчь при обсужденіи п. 17 программы, и *школьно-хозяйственныя попечительства по преимуществу*, вопросъ о которыхъ не возникалъ и не обсуждался на московскомъ съѣздѣ). А между тѣмъ къ этому вопросу уже начинаютъ подходить во многихъ земствахъ, въ томъ числѣ и въ нѣкоторыхъ земствахъ Московской губерніи. Нѣкоторыя изъ этихъ земствъ уже практикуютъ періодическій созывъ учителей для обсужденія совмѣстно съ управой хозяйственныхъ нуждъ школы. И намъ кажется, что замѣна системы „сосредоточенія" въ рукахъ земскихъ управъ или попечителей школъ „полнаго" завѣдыванія всей хозяйственной стороной школьнаго дѣла, до хозяй-

ственныхъ мелочей включительно, должна произойти въ недалекомъ будущемъ, и замѣнить существующія теперь формы хозяйствованія призваны несомнѣнно „коллегіальныя формы завѣдыванія на мѣстахъ“. Другіе земскіе работники—земскіе врачи—давно уже имѣютъ право свободнаго совмѣстнаго обсужденія хозяйственныхъ нуждъ завѣдуемыхъ ими учрежденій.

По чисто спеціальному вопросу о постановкѣ школьнаго обученія съ точки зрѣнія психофизіологіи и гигіены, съѣздомъ былъ заслушанъ обширный докладъ — скорѣе даже, пожалуй, лекція, нежели докладъ,—учителя А. П. Потапова, написанный имъ, очевидно, при ближайшемъ руководствѣ и сотрудничествѣ лицъ, компетентныхъ въ вопросахъ психофизіологіи и школьной гигіены.

Заключенія доклада состояли въ слѣдующемъ:

1) школа должна имѣть своей задачей всестороннее развитіе ученика,—какъ разныхъ сторонъ душевной жизни, ума, чувствъ, воли, такъ равно и физической стороны дѣтскаго организма; 2) чтобы осуществить эту задачу, необходимо принимать во вниманіе и строго выполнять всѣ требованія школьной гигіены; 3) необходимо, чтобы учительскій персоналъ былъ такъ или иначе ознакомленъ со школьной гигіеной, что можетъ быть достигнуто путемъ включенія преподаванія ея въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя выпускаютъ учителей, а для существующаго педагогическаго персонала — путемъ устройства курсовъ по школьной гигіенѣ и 4) въ жизни школы близкое участіе долженъ принимать врачъ, — компетентный судья и совѣтникъ по вопросамъ школьно-санитарнаго и врачебнаго характера; онъ долженъ быть включенъ въ число членовъ училищнаго совѣта съ правомъ рѣшающаго голоса.

Въ обсужденіи тезисовъ этого доклада большинство съѣзда,—народные учителя и учительницы, — по причинѣ спеціальности затронутыхъ вопросовъ почти совсѣмъ не участвовали. Одинъ только изъ членовъ съѣзда, — врачъ Н. Ѳ. Михайловъ, издатель-редакторъ педагогическаго журнала „Вѣстникъ Воспитанія“, присутствовавшій на съѣздѣ не какъ врачъ, а какъ членъ училищнаго совѣта, — принялъ участіе въ обсужденіи заключеній представленнаго доклада. Н. Ѳ. Михайловъ высказалъ, что въ докладѣ не обращено вниманія на гигіену самого учителя, между тѣмъ какъ поставленная правильно гигіеническая дѣятельность учительскаго персонала должна отразиться и на обученіи; ту же сторону дѣла упустилъ изъ вида докладчикъ, говоря о психо-физическихъ основахъ только по отношенію къ учащимся. Далѣе, тотъ же ораторъ указалъ, что земскій врачъ не можетъ принимать участія въ жизни школы, потому что онъ заваленъ работой и кромѣ того не имѣетъ достаточной подготовки по школьной гигіенѣ. Нуженъ поэтому для настоящей цѣли особый врачъ-спеціалистъ, а на весь уѣздъ—даже нѣсколько такихъ врачей.

Съ пожеланіями, высказанными въ докладѣ А. П. Потапова, съѣздъ, очевидно, согласился, такъ какъ не возражалъ. Конечно, какъ представленіе вышеназваннаго доклада, такъ и его обсужденіе на съѣздѣ, заставляетъ еще разъ высказать сожалѣніе, что „временныя правила“ не допускаютъ на учительскіе съѣзды представителей отъ врачебно-санитарной организаціи, близко заинтересованной въ вопросахъ школьно-врачебно-санитарныхъ, давно включившей эти вопросы въ программу своей дѣятельности и не мало уже сдѣлавшей на пути къ ихъ правильному разрѣшенію.

Переходимъ теперь къ послѣдней, шестой группѣ вопросовъ— *о положеніи учащихся въ народныхъ школахъ.*

Вопросъ 13-й программы—„воспитательная часть и религіозно-нравственное направленіе въ училищахъ; поведеніе учащихся; дисциплинарныя мѣры къ исправленію; нравственная связь учащихъ съ учащимися и ихъ родителями; говѣніе; посѣщеніе церкви и участіе въ церковномъ богослуженіи пѣніемъ и чтеніемъ; школьные праздники и ихъ воспитательное значеніе“, — мы включили въ первую группу вопросовъ,—„воспитательная часть въ народныхъ школахъ“—но обзоръ докладовъ по этому пункту оставили пока въ сторонѣ, обѣщавшись поговорить о нихъ при обзорѣ шестой группы вопросовъ, находящихся въ тѣсной связи съ даннымъ вопросомъ.

Собственно говоря и этотъ въ высшей степени интересный пунктъ программы также не былъ подвергнутъ съѣздомъ полному разсмотрѣнію и детальному, всестороннему обсужденію. Былъ затронутъ лишь вопросъ о дисциплинарныхъ мѣрахъ въ народныхъ школахъ и о нравственной связи учащихъ съ учащимися и ихъ родителями,—но и то, только затронутъ; остальная же часть этого пункта совсѣмъ не подвергалась обсужденію: съѣздъ „обѣжалъ“ ее.

По вопросу о „желательныхъ“ дисциплинарныхъ мѣрахъ учительница г-жа Силуанова въ своемъ докладѣ, исходя изъ той мысли, что всякій человѣкъ созданъ для общественной жизни, полагала, что одною изъ главныхъ мѣръ, какъ для поддержанія дисциплины въ школѣ, такъ и для развитія общественности въ средѣ учащихся можетъ служить организація школьныхъ товариществъ. Другая учительница, г-жа Суворовская, предлагала для достиженія той же цѣли образованіе въ школахъ особыхъ кассъ взаимопомощи, членами которыхъ могли бы быть какъ сами учащіеся, такъ и ихъ родители, которые добровольными взносами въ эту кассу содѣйствовали бы достиженію ея цѣлей благотворительнаго характера, каковы напр., покупка обуви и одежды для нуждающихся дѣтей, снабженіе ихъ горячей пищей и пр. При обсужденіи этихъ предложеній были сдѣланы указанія на трудность практическаго ихъ осуществленія: не при всякой школѣ имѣется общежитіе, могутъ быть злоупотребленія со стороны дѣтей довѣ-

ріемъ учителя, особенно въ отношеніи пользованія товарищескимъ судомъ; кромѣ того, дѣти, для того, чтобы сдѣлаться членами кассы, могутъ прибѣгнуть къ неблаговиднымъ средствамъ добыванія денегъ. Съѣздъ тѣмъ не менѣе выразилъ желаніе, чтобы эта идея была скорѣе осуществлена на практикѣ. Вотъ и все о дисциплинѣ.

Что же касается вопроса о нравственной связи учителя съ населеніемъ, то учителемъ В. А. Голубевымъ указано было, что помимо своей спеціальной дѣятельности учитель долженъ быть также и общественнымъ дѣятелемъ и, входя во всѣ интересы внутренней жизни населенія, долженъ быть ему полезенъ и въ развитіи, напр., сельскаго хозяйства, и въ дѣлѣ народной трезвости. Но, чтобы быть ближе къ населенію, учитель долженъ заручиться нѣкоторыми юридическими правами, быть членомъ деревни съ правомъ голоса при рѣшеніи дѣлъ на сельскихъ сходахъ. Соглашаясь съ справедливостью мнѣній докладчика, Н. Ѳ. Рихтеръ указывалъ, что такая роль учителя не предусмотрѣна закономъ, и потому безъ особаго ходатайства о надѣленіи учителя названнымъ правомъ не можетъ получить разрѣшенія.

Такимъ образомъ о „нежелательныхъ“ дисциплинарныхъ взысканіяхъ въ школахъ на съѣздѣ не было сказано ни одного слова. А между тѣмъ вопросъ этотъ чрезвычайно серьезный. Въ свое время, года четыре—пять тому назадъ, по поводу извѣстнаго процесса г-жи Слетовой съ тамбовскими учителями вопросъ этотъ привлекъ къ себѣ вниманіе общества и вызвалъ цѣлую литературу. Извѣстнымъ статистикомъ московскаго губернскаго земства В. В. Петровымъ, разрабатывающимъ вопросы народнаго образованія, сдѣлана была попытка даже путемъ анкетно-статистическаго обслѣдованія выяснить, если не размѣры, то, покрайней мѣрѣ, причины, объясняющія существованіе въ народныхъ школахъ „нежелательныхъ“ дисциплинарныхъ мѣръ. Г. Петровымъ собрано было до 20 отвѣтовъ, полученныхъ имъ „изъ разныхъ мѣстъ одной и той же губерніи“ отъ учителей и законоучителей народныхъ школъ. Матеріалъ этотъ имъ былъ обработанъ и въ формѣ статьи напечатанъ въ журналѣ „Вѣстникъ Воспитанія“ за 1899 г., № 6, подъ заглавіемъ „Тѣлесныя наказанія въ народныхъ школахъ“. Правда, матеріалъ, обработанный г. Петровымъ, не великъ, собранъ имъ только отъ нѣкоторыхъ народныхъ учителей и учительницъ (очевидно, по его собственному выбору), при томъ же матеріалъ относится къ „одной и той же губерніи“, т. е., слѣдовательно, лишь къ опредѣленному району,—но тѣмъ не менѣе онъ даетъ возможность, если не разобраться во всѣхъ причинахъ, вызывающихъ существованіе „нежелательныхъ“ въ народныхъ школахъ дисциплинарныхъ мѣръ, то все же уяснить себѣ хотя нѣкоторыя изъ такихъ причинъ. Кстати сказать, г. Петровъ, выясняя причины существованія тѣлесныхъ

наказаній въ народныхъ школахъ, не выходитъ изъ круга наблюденій, полученныхъ, такъ сказать, въ чисто специфическопедагогической сферѣ, и совсѣмъ не дѣлаетъ попытки глубже анализировать причины существованія вообще въ русскомъ обществѣ такихъ или однородныхъ съ ними явленій. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, работа эта, въ особенности въ данномъ случаѣ, имѣетъ свой интересъ.

Интересный вопросъ о причинахъ частыхъ манкировокъ учащихся и мѣрахъ къ устраненію этого нежелательнаго явленія только слегка былъ затронутъ и никакихъ опредѣленныхъ пожеланій въ этомъ направленіи высказано не было.

По поводу вопроса о санитарно-врачебномъ осмотрѣ зданія школъ и учениковъ съѣздомъ высказаны были слѣдующія пожеланія:

1) желательно, чтобы санитарный врачъ „постоянно" принималъ участіе въ выборѣ мѣста подъ школы, въ составленіи плановъ при постройкѣ новыхъ школъ и ремонтѣ старыхъ, въ выработкѣ того или другого типа школьныхъ столовъ, правильнаго вечерняго освѣщенія класса и т. п.;

2) чтобы участковые врачи ежегодно,—предпочтительно въ началѣ учебнаго года,—дѣлали медицинскіе осмотры учениковъ, производили бы имъ вакцинацію и ревакцинацію, дѣлали необходимыя указанія преподавателямъ относительно принятія мѣръ въ случаяхъ появленія какъ въ самихъ школахъ, такъ и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся школы, разныхъ эпидемическихъ заболѣваній и т. п.;

3) желательно заведеніе при школахъ небольшихъ аптечекъ съ несильно дѣйствующими общеупотребительными лѣкарствами, а также и перевязочныхъ средствъ на случай поданія первой помощи заболѣвшимъ ученикамъ.

На этомъ мы и закончимъ обзоръ работъ московскаго учительскаго съѣзда.

Вопросы, возникшіе на съѣздѣ, очевидно, были такъ дороги и близки его главнымъ участникамъ—народнымъ учителямъ и учительницамъ,—а времени для обсужденія этихъ вопросовъ у нихъ было такъ мало, что въ заключительномъ засѣданіи съѣзда учителя обратились съ просьбой къ предсѣдателю испросить разрѣшеніе на организацію постоянной комиссіи, которая бы могла полнѣе разработать намѣченные на съѣздѣ вопросы и такимъ образомъ дать возможность преподавателямъ Московскаго уѣзда выступить на слѣдующемъ съѣздѣ вполнѣ подготовленными. Предсѣдатель обѣщалъ возбудить соотвѣтствующее ходатайство въ этомъ смыслѣ. Нельзя не пожелать, чтобы это „пожеланіе" съѣзда было осуществлено. Тогда народные учительницы и учителя, дѣйствительно, могли бы явиться на слѣдующій съѣздъ болѣе подготовленными, нежели теперь. Теперь на съѣздѣ, соб-

ственно, работала, т. е. докладывала, участвовала въ преніяхъ, засѣдала въ комиссіи, секретарствовала *), сравнительно, очень небольшая группа учителей и учительницъ—человѣкъ 20—25, никакъ не больше; остальные же слишкомъ полтораста человѣкъ были совершенно недѣятельны. Они аккуратно посѣщали засѣданія съѣзда, аккуратно записывали свои фамиліи передъ каждымъ засѣданіемъ, тихо, про себя, сочувствовали или негодовали, смотря по обстоятельствамъ, и гудѣли,—то отрицательно, то положительно,—при „пожеланіяхъ" съѣзда. Надо думать, что эта, теперь лишь исключительно декоративная часть съѣзда, на будущемъ съѣздѣ, будучи подготовлена заранѣе занятіями въ постоянной комиссіи, не будетъ играть такой пассивной роли.

Впрочемъ, недѣятельное участіе въ работахъ съѣзда почти трехъ четвертей его участниковъ (изъ народныхъ учительницъ и учителей) объясняется, кромѣ ихъ неподготовленности, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что руководителями съѣзда были непосредственные начальники учителей—директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ, предсѣдатель уѣздной управы, члены училищнаго совѣта, т. е. лица облеченныя властью, которая можетъ быть проявлена и во время съѣзда, и внѣ его. Это обстоятельство сильно мѣшало учителямъ свободно высказываться на съѣздѣ. Правда, во время самаго съѣзда не оказывалось почти никакого давленія въ этомъ отношеніи, но уже самая возможность такого давленія, такъ сказать, имѣющаяся на съѣздѣ въ потенціи, сковывала мысль и языкъ народныхъ учителей. Недаромъ же даже самые энергичные и смѣлые изъ нихъ, предлагая высказывать съѣзду тѣ или другія „пожеланія", невольно останавливались на мысли о „гарантіи", о „гарантіи" того, что „пожеланія" съѣзда не останутся только „пожеланіями", а что хоть что-нибудь изъ „желаемаго и ожидаемаго" перейдетъ изъ области горячей вѣры въ область существующаго, войдетъ въ жизнь, какъ совершившійся фактъ. Но кто же могъ гарантировать имъ это? Кто могъ поручиться, что „пожеланія" съѣзда осуществятся? Кто могъ сказать имъ, что они, народные учителя и учительницы, возвратившись въ свои „медвѣжьи углы" изъ залы засѣданія съѣзда, полной свѣта и воздуха,—воздуха, такъ сказать, насыщеннаго „пожеланіями",—уже не найдутъ тамъ, у себя, вдали отъ свѣта и и воздуха, того, отъ чего они уѣхали, что имъ не придется уже больше изнывать въ „пожеланіяхъ"?

Конечно, не предсѣдатель же съѣзда могъ гарантировать имъ, что всѣ „пожеланія", высказанныя на съѣздѣ, будутъ осуществ-

---

*) Секретарей на съѣздѣ, согласно «временнымъ правиламъ», собственно, не полагалось выбирать, поэтому избраны были не «секретари», а «лица въ помощь инспектору народныхъ училищъ по веденію записей о происходившемъ на съѣздѣ».

лены. Онъ отвѣчалъ то, что и долженъ былъ отвѣтить, т. е., что онъ, согласно 10-му пункту „временныхъ правилъ", доведетъ о пожеланіяхъ съѣзда до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія. Вотъ и все. А что „изъ этого выйдетъ", развѣ могъ онъ или кто-либо другой сказать?

Требованіе учителями „гарантіи" относительно выполненія заявленныхъ на съѣздѣ „желаній" общественнымъ дѣятелямъ въ другихъ сферахъ покажется, можетъ быть, нѣсколько экспансивнымъ, ребяческимъ, даже, пожалуй, немножко смѣшнымъ; эти другіе общественные дѣятели знаютъ по горькому опыту, что „исполненіе всѣхъ желаній" выходитъ только на картахъ, да и то когда гадаютъ на нихъ старыя дѣвы... Но... что прикажете дѣлать? Жизнь народнаго учителя сложилась у насъ на Руси такъ, что жажда свѣта, простора и воздуха ощущается въ учительской средѣ гораздо интенсивнѣе, нежели въ какой-нибудь другой.

Вотъ что, напримѣръ, говорилось въ докладѣ учительницы Е. И. Соколовой, носившемъ заглавіе „Учитель и ученикъ". „Апатія учителя происходитъ вовсе не отъ чрезмѣрной работы, переутомленія, а отъ замкнутой жизни, жизни безъ общества, безъ товарищества, отъ невозможности, подчасъ, подѣлиться мыслями хоть съ кѣмъ-либо. Чѣмъ чаще учителя будутъ между собою видѣться, тѣмъ будетъ больше пользы для дѣла. Чѣмъ ближе учитель будетъ къ обществу, тѣмъ лучше. Учитель, живущій въ прошломъ, возбуждаетъ сожалѣніе въ каждомъ человѣкѣ, живущемъ въ уровень со своимъ временемъ. Меня интересуетъ вопросъ: къ какому обществу можетъ съ пользою и съ удовольствіемъ примкнуть учитель? Гдѣ онъ будетъ чувствовать себя на своемъ мѣстѣ? Гдѣ найдетъ онъ пищу для своей духовной жизни? Вѣдь учительскаго общества нѣтъ, собираться учителя не могутъ,—не дозволено. Куда же намъ дѣваться? Что намъ дѣлать, чтобы избѣжать тяжелой, замкнутой жизни, вредно отражающейся и на нашемъ дѣлѣ?"

Кто задается постоянно такими мучительными вопросами, кто живетъ постоянно „въ прошломъ" и мучается настоящимъ, тотъ неизбѣжно долженъ страстно желать осуществленія свѣтлаго будущаго, какъ оно рисуется въ фантазіи ему, изболѣвшемуся душой человѣку; и такому человѣку простительно, конечно, требовать,—хоть, это можетъ быть, немножко и подѣтски,—„гарантіи" того, что это свѣтлое будущее не далеко.

Въ заключеніе своей статьи скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ съѣзду какъ самихъ участниковъ въ немъ, такъ и органовъ печати.

Кто присутствовалъ только на одномъ заключительномъ засѣданіи съѣзда, тотъ, вѣроятно, вынесъ о немъ самое отрадное впечатлѣніе. Всѣ группы участниковъ оказались довольны другъ другомъ и, казалось, искренно благодарили другъ друга: „съѣздъ"

остался доволенъ предсѣдателемъ, предсѣдатель съѣздомъ; представители уѣзднаго и губернскаго земства—предсѣдатели съѣзда и училищной администраціей, и народными учителями, и т. д. Масса благодарственныхъ рѣчей, взаимныхъ комплиментовъ, рукопожатій... словомъ, всеобщее ликованіе.

Мѣстная печать, свѣтившая въ данномъ случаѣ отраженнымъ свѣтомъ (на засѣданія съѣзда она допущена не была), также осталась довольна съѣздомъ вообще и всѣми участниками его въ частности, и признала съѣздъ вполнѣ удавшимся. Такъ, напримѣръ, г. Ермиловъ, въ „Курьерѣ“ (№ 232), въ своей замѣткѣ, озаглавленной „Лучъ свѣта“, восторженно отозвался о съѣздѣ и высказалъ увѣренность, что съѣздъ этотъ „оставитъ по себѣ неизгладимые слѣды; что труды его долго не забудутся и окажутъ плодотворнѣйшее вліяніе на всю послѣдующую жизнь народной школы и народнаго учителя“ *).

Мы вполнѣ понимаемъ довольство учителей. Когда людямъ, давно сидящимъ въ темномъ, сыромъ погребѣ, прорѣжутъ хоть одну щелку, сквозь которую видны и клочекъ голубого неба и пучекъ солнечныхъ лучей,—очень понятно, что люди эти придутъ въ восторгъ и со слезами радости будутъ говорить и о красотѣ неба и о теплотѣ и ласкѣ солнца, — въ особенности, если при этомъ имъ не запрещено „желать“ и большаго. Отношеніе мѣстной печати къ съѣзду также отчасти объяснимо тѣмъ, что она свѣтила, какъ мы сказали, не собственнымъ своимъ свѣтомъ, а рефлекторнымъ. Но намъ совершенно непонятно такое восторженное отношеніе къ съѣзду со стороны представителей земства.

Мы не можемъ допустить, чтобы представители учрежденій, участвующихъ въ содержаніи и контролѣ народныхъ училищъ, удовлетворялись такой организаціей съѣзда, которая не давала возможности ни принимать участія въ съѣздѣ всѣмъ заинтересо-

---

*) Впрочемъ, слышались въ печати и болѣе трезвые голоса. Такъ, напр. съ такой восторженной оцѣнкой съѣзда г. Ермиловымъ совсѣмъ не совпадаетъ оцѣнка, данная «однимъ изъ участниковъ старыхъ учительскихъ съѣздовъ», напечатавшимъ замѣтку о томъ же московскомъ съѣздѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 254). Отмѣтивши дефекты въ организаціи съѣзда, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Само собою разумѣется, что при такихъ ограниченіяхъ никакой другой съѣздъ спеціалистовъ, имѣющихъ сколько-нибудь независимое положеніе на службѣ, былъ бы рѣшительно невозможенъ; но съѣздъ учителей всетаки состоялся и всетаки считается удачнымъ». И далѣе. «Можно съ увѣренностью сказать, что не только учительскій, но и всякій другой съѣздъ, разъ онъ происходитъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ, обращающихъ его въ какое-то своеобразное совѣщаніе, большинство членовъ котораго не могло выражать своего общаго мнѣнія (мнѣнія же отдѣльныхъ лицъ и безъ того были извѣстны управѣ), едвали можетъ оказаться полезнымъ для дѣла и едвали онъ можетъ оправдать тѣ расходы, какіе земству пришлось на него потратить».

ваннымъ въ дѣлѣ народнаго образованія лицамъ, ни всесторонне освѣтить постановку народно-образовательнаго дѣла, ни свободно обсудить возникшіе на съѣздѣ вопросы, ни выяснить, наконецъ, къ какимъ именно выводамъ приходитъ большинство съѣзда.

И такое отношеніе со стороны „земскихъ людей" къ съѣзду тѣмъ болѣе непонятно, что само же московское уѣздное собраніе, черезъ губернское земское собраніе, — какъ мы упоминали выше,—возбудило ходатайство объ измѣненіи „временныхъ правилъ" объ учительскихъ съѣздахъ. Намъ подвертывается сейчасъ пока одно только объясненіе этого непонятнаго намъ явленія—это то, что представители земства, можетъ быть, нѣсколько были удовлетворены нѣкоторыми уступками, сдѣланными министерствомъ народнаго просвѣщенія при примѣненіи „временныхъ правилъ" къ московскому съѣзду учителей. Но эти уступки не снимали съ организаторовъ съѣзда нравственной отвѣтственности сдѣлать принципіальныя указанія на недостатки „временныхъ правилъ".

Къ кучѣ высказанныхъ пожеланій и мы съ своей стороны прибавимъ еще нѣсколько, для полнаго ихъ комплекта.

Желательно прежде всего, чтобы „временныя правила" были возможно скоро измѣнены какъ въ смыслѣ предоставленія права участія въ съѣздѣ всѣмъ „мѣстнымъ людямъ",—такъ или иначе причастнымъ къ дѣлу народнаго образованія,—такъ и въ смыслѣ расширенія самой программы съѣзда, а также и въ смыслѣ предоставленія участникамъ съѣзда бо̀льшаго простора при обсужденіи вопросовъ. Измѣненія въ этомъ смыслѣ „временныхъ правилъ" о съѣздахъ необходимы еще и для того, чтобы узаконить тѣ отступленія, которыя были допущены министерствомъ народнаго просвѣщенія при разрѣшеніи московскаго учительскаго съѣзда, чтобы отступленія эти не носили характера случайно полученныхъ льготъ. Правильное функціонированіе учительскихъ съѣздовъ возможно только при однообразіи „правилъ" или, точнѣе, правъ предоставляемыхъ его участникамъ, одинаковыхъ для всѣхъ мѣстностей Россіи, иначе будетъ данъ широкій просторъ разнаго рода „усмотрѣніямъ", и въ Москвѣ это „усмогрѣніе" можетъ оказаться однимъ, а въ какомъ нибудь Царевокошайскѣ совершенно другимъ.

Затѣмъ желательно было бы, чтобы „правила" не ограничивали права созыва съѣзда однимъ инспекторскимъ райономъ, какъ единицей не типичной, а чисто, такъ сказать, мѣстно-административной. Поэтому желателенъ созывъ погубернскихъ учительскихъ съѣздовъ, въ виду того, что почти каждая изъ нашихъ губерній и областей въ дѣлѣ народнаго образованія носитъ своеобразный отпечатокъ, обусловливающійся отчасти ея историческимъ прошлымъ, отчасти той ролью, которую она играетъ въ данный историческій моментъ въ хозяйственномъ строѣ русской жизни.

Въ будущемъ желателенъ былъ бы также созывъ съѣздовъ учителей (собственно, можетъ быть, не всѣхъ, а лишь представителей) по учебнымъ округамъ, также имѣющихъ каждый свою отдѣльную физіономію, и, наконецъ, черезъ опредѣленный промежутокъ времени, созывъ всероссійскаго съѣзда представителей отъ народныхъ учителей.

Такіе съѣзды, по нашему глубокому убѣжденію, послужили бы къ объединенію всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, которыя практикуются у насъ теперь въ дѣлѣ народнаго образованія.

Но что же, однако, далъ положительнаго, что „доказалъ" первый съѣздъ народныхъ учителей въ Московскомъ уѣздѣ?

По нашему мнѣнію, онъ прежде всего доказалъ ошибочность,—установившагося было даже и среди земскихъ дѣятелей,—мнѣнія, что народные учителя не подготовлены къ рѣшенію вопросовъ народно-образовательнаго дѣла. И въ этомъ его главное значеніе. Учителя оказались подготовленными не только къ постановкѣ вопросовъ, но и къ правильному рѣшенію ихъ. Это обстоятельство было отмѣчено и на съѣздѣ представителями какъ земства, такъ и училищной администраціи. Если такихъ учителей оказалось пока и меньшинство, то это объясняется только условіями настоящаго положенія народныхъ учителей, не дающаго имъ возможности ни проявить себя, ни получить надлежащую подготовку. Будутъ устранены съ дороги народныхъ учителей главныя препятствія, мѣшающія ихъ развитію и правильному отправленію своихъ обязанностей,—и ряды учителей, сознательно относящихся къ дѣлу народнаго образованія, будутъ становиться все гуще и гуще. Тогда только изъ нихъ и образуется великая мирная армія, которая,—подобно тому, какъ это совершилось уже во многихъ западно-европейскихъ государствахъ—побѣдитъ великаго нашего врага—народное невѣжество.

В. Кирьяковъ.

ГАЗЕТЫ,

ВЫРАЗИВШІЯ ЖЕЛАНІЕ НА ВЗАИМНЫЙ ОБМѢНЪ ИЗДАНІЯМИ И ОБЪЯВЛЕНІЯМИ

ВЪ 1902 Г.

ВЪ Г. *Астрахани:*

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій.* На годъ 7 р. 50 к., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

„АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *А. Н. Штылько,* издательница *А. А. Штылько.* На годъ 7 р. 50 к., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

ВЪ Г. *Асхабадѣ:*

„АСХАБАДЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *З. Д. Джавровъ.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на мѣс. 1 р. 50 к.

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *К. М. Ѳедоровъ.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 2 р.; за границу на годъ 12 р.

ВЪ Г. *Баку:*

„КАСПІЙ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. М. Топчибашевъ.* На годъ 8 р. 50 к., на $^1/_2$ годъ 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.; за границу на годъ 13 р., на $^1/_2$ года 7 р.

ВЪ Г. *Благовѣщенскѣ:*

„АМУРСКІЙ КРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло.* На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 5 р., на мѣс. 1 руб.

„АМУРСКАЯ ГАЗЕТА“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *А. В. Кирхнеръ.* На годъ 9 р. 50 к., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 руб.

ВЪ Г. *Вильнѣ:*

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Клочковскій.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р., на мѣс. 1 р.

ВЪ Г. *Владивостокѣ:*

„ВЛАДИВОСТОКЪ“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Ремезовъ.* На годъ 11 р. 50 к., на $^1/_2$ года 7 р., на 3 мѣс. 4 р.

„ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издательница *Е. А. Панова*, редакторъ *В. А. Пановъ*. На годъ 10 р., на $^1/_2$ года 6 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ (четыре раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *В. Сущинскій*. На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

ВЪ Г. *Владикавказѣ:*

„КАЗБЕКЪ“ (ежедневно). Издатель *С. І. Казаровъ*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р.

ВЪ Г. *Воронежѣ:*

„ДОНЪ“ (ежднево). Редакторъ-издатель *В. Веселовскій*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

ВЪ Г. *Екатеринославѣ:*

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *М. К. Лемке*. Издатель *М. С. Копыловъ*. На годъ 10 р., на $^1/_2$ года 6 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.; за границу на годъ 23 руб., на $^1/_2$ года 12 руб., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

ВЪ Г. *Екатеринбургѣ:*

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. И. Пѣвинъ*. На годъ 5 р., на $^1/_2$ года 3 р., на 1 мѣс. 75 к.

ВЪ Г. *Иркутскѣ:*

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ*. На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

ВЪ Г. *Казани:*

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Издательница *Л. П. Рейнгардтъ*. Редакторъ *Н. В. Рейнгардтъ*. На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 75 к.

ВЪ Г. *Керчи:*

„ЮЖНЫЙ КУРЬЕРЪ“ (ежедневно). Редакторъ *Д. Т. Овсѣенко*. Издатель *В. І. Харитонъ*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

ВЪ Г. *Красноярскѣ:*

„ЕНИСЕЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Е. Ф. Кудрявцевъ*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

ВЪ Г. *Костромѣ:*

„КОСТРОМСКОЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издательница *Т. П. Андроникова*. На годъ 4 р. 20 к., на $^1/_2$ года 2 р. 20 к., на 1 мѣс. 50 к.

въ г. *Кронштадтѣ*:

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Ф. Тимофѣевскій*. На годъ 7 р. 50 к., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 85 к.

въ г. *Курскѣ*:

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). За редактора *С. П. Корниловъ*. На годъ 4 р., на $^1/_2$ года 2 р., 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

въ губ. г. *Минскѣ*:

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *И. П. Фотинскій*. На годъ 4 р., на $^1/_2$ года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Нижнемъ-Новгородѣ*:

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *Г. Н. Казачковъ*. На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Одессѣ*:

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ *Н. П. Цакни*. Издатель *Г. М. Бейленсонъ*. На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Орлѣ*:

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. И. Аристовъ*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 90 к.

à *Paris*:

„LA REVUE“ (Le 1-er le 15 de chaque mois). Directeur *Jean Finot*. Par an 9 roubles. 12, Avenue de l'Opera.

въ г. *Перми*:

„ПЕРМСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). Редакторъ *Функъ*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„ПЕРМСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. А. Басовъ*. На годъ 6 р., на $^1/_2$ 3 р., 1 мѣс. 60 к.

въ г. *Петербургѣ*:

„РУССКІЙ ВРАЧЪ“ въ память В. А. Манасеина, (еженедѣльно). Редакторы: проф. *В. В. Подвысоцкій* (Одесса) и д-ръ *С. В. Владиславлевъ* (Спб.). На годъ 9 р.

въ г. *Петрозаводскѣ*:

„ОЛОНЕЦКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть. Редакторъ *С. А. Левитскій*. На годъ 5 р., на $^1/_2$ года 3 р.

въ г. *Ригѣ:*

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *Н. І. Молоствовъ.* Издатель *А. А. Крюгеръ.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Ростовѣ на Дону:*

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“ (ежедневно). Редакторъ-изд. *А. Шепкаловъ.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. Х. Арутюновъ.* На годъ 9 р. на $^1/_2$ года 5р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Самарѣ:*

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 3 р., 50 к., на 1 мѣс. 70 к.

въ г. *Саратовѣ:*

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *П. О. Лебедевъ.* Издатели: *П. О. Лебедевъ* и *И. П. Горизонтовъ.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“ (ежедневно). На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Симбирскѣ:*

„СИМБИРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (два раза въ недѣлю). Редакторъ *Д. А. Горчаковъ.* На годъ 3 р., на $^1/_2$ года 1 р. 75 к.

въ г. *Севастополѣ:*

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. М. Спиро.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Смоленскѣ:*

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Гулевичъ.* Издательница *Ю. П. Азанчевская.* На годъ 6 р.

въ губ. г. *Ставрополѣ:*

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“ (ежедневно). Редакторъ *Д. И. Евсѣевъ.* Издатель *В. В. Беркъ.* На годъ 5 р. 50 к., на $^1/_2$ года 3 р., на 1 мѣс. 60 к.

въ г. *Таганрогѣ:*

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *М. И. Красновъ.* Издатель *К. Д. Чумаченко.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

3 2044 021 694 831

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.